ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ. А МОРШЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 декабря 1868 года.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(по Троицкому переулку, домъ Гассе № 13.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Изданіе *второе.* Романъ *Ф. Шпильгагена.* Два тома, около 70-ти печ. листовъ. Цѣна *2 р.* безъ перес. съ перес. *2 р. 50 к.*

Уроки элементарной физіологіи *Томаса Гексли.* Изданіе *второе.* Перев. съ англійскаго подъ редакціею И. А. Петрова. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Цѣна *второму* изданію *1 р.* безъ перес., съ перес. *1 р. 20 к.*

Исторія крестьянской войны въ Германіи по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ Д-ра В. Циммермана. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. редакціи журнала «Дѣло». Три выпуска, составляющіе около 70-ти печ. листовъ. Цѣна тремъ вып. *3 р.* безъ перес., съ перес. *3 р. 50 к.*, а каждому отдѣльно ц. 1 р. 25 к.

Шатріанъ Э. Повѣсти и разсказы: Тереза.—Воспоминанія рекрута.—Ватерло (изъ временъ французской революціи и имперіи). Цѣна *1 р. 50 к.*

Шапаева Сочиненія. 4 т. Ц. *3 р.* безъ пер.; съ пер. *3 р. 50 к.*

Мея Полное собраніе сочиненій въ 3 больш. томахъ. Цѣна *3 р.* безъ перес.; съ перес. *3 р. 50 к.*

Флоринскаго В. М. Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. Цѣна *50 к.*

Верна Ж. Отъ земли до луны 97 часовъ прямаго пути. Перев. съ франц. изд. Л. П. Шелгуновой. Цѣна безъ перес. *1 р.*; съ перес. *1 р. 20 к.*

Лучъ учено-литературный сборникъ. Т. 1-й. Изд. П. Н. Ткачева. Цѣна 3 р. съ перес.

Печатаются:

Популярная Физіка Д-ра Реклама, профес. Лейпцигскаго университета. Съ рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна *2 р.* безъ перес., съ перес *2 р. 30 к.*

Комедія всемірной исторіи (1848—1851.) *Іог Шерра.* Перев. съ нѣм. Изданіе Редакціи журнала «*Дѣло*».

Книгопродавцамъ и подписчикамъ на журналъ «ДѢЛО» дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Государственное хозяйство. (Окончаніе). . *Н. В Шелгунова.*
Подъ гнетомъ окружающаго. Повѣсть. (Окончаніе). . . . . *А. Михайлова.*
Сказка для бѣдныхъ и богатыхъ. Стихореніе. . . . . *Омулевскаго.*
Волчиха. Повѣсть. . . . . *П. В Засодимскаго.*
Вопросы русской жизни. II Жизнь. . . . *Н. Ш.*
Древнее преданіе Стихотв. Теннисона. . . *Д. Д. Минаева.*
Изъ исторіи рабства. . . . . *Х. Х.*
Провинція Стихотвореніе . . . . . *Д.*
Подлогъ. Романъ. (Окончаніе). . . . . *Ч. Рида.*
Сестрѣ. Стихотв. Леопарди . . . . . *Д. Д. Минаева.*
Аннушка. Разсказъ. . . . . *Д. П. Шелгуновой.*
Свобода. Стихотвореніе. . . . . *Д. Минаева.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мелочи дня. (Критическая замѣтка о тенденціозныхъ писателяхъ) . . . . . *Н. А. Александрова.*
Разбитыя иллюзіи. (Горнорабочіе. — Глумовы.—Гдѣ лучше? — Романы Рѣшетникова. (Ст. первая) . . . . . *П. Н. Ткачева.*
Внутреннее обозрѣніе . . . . . *Гдб.*
Политическая и общественная хроника . . *Эли Реклю.*
Женщина передъ судомъ г. Корша и Незнакомца.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО *).

(По поводу книги Пфейфера: die Staatseinnahmen).

(Окончаніе).

I.

Прежде чѣмъ говорить о самомъ важномъ источникѣ государственныхъ доходовъ, я напомню коротко читателю сущность мыслей, изложенныхъ въ первой статьѣ.

Когда еще народное хозяйство европейскихъ государствъ находилось въ своемъ первобытномъ состояніи, однимъ изъ источниковъ доходовъ служили такъ называемыя государственныя имущества. Почти въ тоже время начали устраиваться казенныя фабрики, заводы и другія промышленныя заведенія, и правительства взяли на себя роль частныхъ производителей.

Едва ли нужно доказывать то, въ чемъ уже всѣ убѣждены, т. е., что государство не можетъ быть ни купцомъ, ни фабрикантомъ, ни сельскимъ хозяиномъ. Достаточно привести одинъ фактъ, что казенныя производства бывали возможны лишь при условіи монополіи, А если государственная промышленность можетъ приносить выгоду только при условіи устраненія конкуренціи, то, очевидно, потому что безъ конкуренціи она существовать не можетъ.

Но кромѣ финансовой невыгодности казенныхъ промышленныхъ учрежденій и невыгодности ихъ для народа, который долженъ платить за вещи дороже, чѣмъ при условіи свободнаго производства, монополіи создавала искусственныя границы капиталу и рабочимъ

*) См. № 11 «Дѣла».

силамъ страны. Если, напр., государство устраивало на монопольномъ основаніи фарфоровые или стеклянные заводы или брало на себя разработку драгоцѣнныхъ металловъ, то, очевидно, что частные капиталы, которые при отсутствіи стѣсненій могли бы быть направлены на эти производства, должны были искать себѣ другого выхода. А если къ этому присоединить еще, что каждая монополія вызываетъ неизбѣжно контроль и сложный надзоръ, то путы, которыми, такимъ образомъ, государство опутываетъ народное хозяйство, падаютъ весьма чувствительнымъ убыткомъ на всю страну.

Пока монополія падаетъ на подобныя производства, какъ фарфоръ и хрусталь, къ ней, при всей ея несправедливости, пожалуй, еще можно относиться довольно спокойно. Но если монополія обрушивается на такіе предметы первой необходимости, какъ соль или даже табакъ, то совершенно позволительно предложить финансистамъ вопросъ: почему имъ вздумалось взять на себя разработку именно соли, когда частныя лица могли бы сдѣлать тоже дѣло и выгоднѣе, и лучше? Почему они замыслили сѣять непремѣнно табакъ, а не горчицу? Почему, устраивая монопольное производство съ прямою цѣлью доставить государству выгоду, финансисты въ тоже время принимали мѣры, стѣсняющія народное хозяйство, не замѣчая, что они одной рукой созидали то, что другой разрушали? Государственное хозяйство не можетъ быть выгоднымъ, если идетъ въ убытокъ хозяйство народное. Государство не можетъ быть богатымъ, если бѣденъ народъ. А народъ можетъ быть богатъ только тогда, когда онъ свободенъ въ своей экономической дѣятельности. Ясно, что чѣмъ сильнѣе внѣдряется монополія въ торговлю и промышленность, тѣмъ больше терпитъ народное хозяйство. Это замѣчаніе относится ко всѣмъ государственнымъ производствамъ и государственнымъ имуществамъ, которыя хочетъ эксплуатировать сама казна. Выгоды, извлекаемыя государствомъ изъ нихъ монопольнымъ путемъ, падаютъ налогомъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ сильнѣе создаваемыя имъ помѣхи. Если, напр., желѣзныя дороги превращаются въ правительственную монополію, то народъ не только долженъ заплатить за болѣе дорогую ихъ постройку и за болѣе дорогое ихъ управленіе и поддержаніе, чѣмъ въ рукахъ частныхъ, но еще и платить лишнее за право пользованія ими. Всѣ эти излишки являются налогомъ, стѣсняющимъ свободу передвиженія и сношеній, связывающимъ болѣе или менѣе промышленную свободу населенія.

Пошлины, о которыхъ говорилось, хотя и не имѣютъ такого

зловреднаго вліянія на народное хозяйство, но юридическая несправедливость ихъ не становится оттого меньше. Ложась меньшимъ гнетомъ на всѣхъ, онѣ тѣмъ чувствительнѣе для отдѣльныхъ лицъ. Пошлины зависятъ исключительно отъ случая; онѣ зависятъ отъ того, потребуется ли тому или другому лицу обратиться къ правительственной власти. Одинъ во всю свою жизнь не обратится ни разу ни къ суду, ни къ полицейской власти, вовсе не по свойствамъ своего личнаго характера, а исключительно по обстоятельствамъ. Другой, по тѣмъ же обстоятельствамъ, нуждается, напротивъ, безпрестанно въ помощи и содѣйствіи правительства; эта нужда не дѣлаетъ его, однако, способнѣе къ уплатѣ податей, и онъ долженъ нести ихъ, тогда какъ первый избавленъ отъ нихъ только случаемъ. Но спрашивается, развѣ необходимость въ содѣйствіи правительственной власти для послѣдняго не приноситъ никакой выгоды первому, хотя онъ къ ней и не обращался? Развѣ можно утверждать, что только для тѣхъ и существуетъ полезная сторона суда и полиціи, кто къ нимъ обращается, а тѣмъ, кому весь свой вѣкъ не придется обратиться къ властямъ непосредственно, они не приносятъ никакой пользы? А если этого сказать нельзя, то очевидно, что нѣкоторые платятъ за всѣхъ, и платятъ именно, можетъ быть, тѣ, которымъ, по ихъ стѣсненному положенію и по разнымъ житейскимъ затрудненіямъ необходимѣе покровительство власти. Несчастные платятъ за счастливыхъ.

Невыгода пошлинъ заключается еще и въ томъ, что собираніе ихъ обходится слишкомъ дорого, и что, кромѣ прямого денежнаго убытка, онѣ создаютъ еще и другія стѣсненія. Напр., если какое либо дѣло вы можете вести лишь на гербовой бумагѣ, то, конечно, не все равно, вести ли его просто, безъ всякихъ подробныхъ справокъ, или же не иначе, какъ спеціально изучивъ разнообразныя сорты гербовыхъ пошлинъ и то соотвѣтствіе, въ которомъ они должны находиться съ разнообразіемъ размѣра власти и круга дѣятельности того или другого правительственнаго мѣста.

Изъ всего этого слѣдуетъ то справедливое заключеніе, что ни управленіе государственными имуществами, ни пошлины не могутъ быть считаемы раціональнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ.

Но кромѣ раціональности въ государственныхъ доходахъ играетъ важную роль и самый размѣръ ихъ. Поэтому, прежде чѣмъ финансисты разработали основанія своей науки, они позаботились о

томъ, чтобы придумать какъ можно больше источниковъ государственныхъ доходовъ.

Первоначально налоги въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь знаемъ, не существовали, и государства необходимыя имъ средства получали въ разныхъ видахъ натурою. Впослѣдствіи, однако, когда государственныя имущества и взносы натурой оказывались недостаточными, государственные люди и финансисты придумали весьма разнообразную систему налоговъ,—систему, до того разнообразную, что, напр., по поводу англійскихъ налоговъ Сидней Смитъ высказалъ слѣдующую, весьма мѣткую характеристику: «налоги накапливаютъ на налоги, пока каждый предметъ потребленія, поступающій въ человѣческій ротъ, прикрывающій человѣческое тѣло или ногу, не будетъ имъ обложенъ. Налогъ на все, что пріятно видѣть, что пріятно слышать, что пріятно чувствовать, обонять. Налогъ на тепло, на свѣтъ, на все, что находится въ землѣ, въ водѣ, подъ землею; на все, что приходитъ изъ-за границы или добывается дома. Налогъ на каждое новое сырье, служащее источникомъ новой промышленности; налогъ на соусъ, возбуждающій аппетитъ человѣка, и на лекарство, возстановляющее его здоровье, на горностая, украшающаго судью, и на веревку, на которой повѣсятъ преступника, на соль бѣдняка и на овощи богача, на гвозди гроба. Въ постели и за столомъ, при смерти и при рожденіи должны мы платить налогъ. Школьникъ бьетъ бичемъ оплаченный налогомъ мячикъ, безбородое дитя взнуздываетъ свою оплаченную налогомъ лошадку, оплаченной налогомъ уздой, на оплаченной налогомъ улицѣ. Умирающій англичанинъ наливаетъ свое лекарство, оплаченное семью процентами, въ ложку, оплаченную 15%, ложится на постель, оплаченную 22%, пишетъ духовное завѣщаніе на гербовой бумагѣ въ 8 фунтовъ и умираетъ на рукахъ врача, который за право отправить его на тотъ свѣтъ заплатилъ 100 фунтовъ. Немедленно за тѣмъ все имущество покойника облагается налогомъ отъ 2 до 10 процентовъ, берется высокая пошлина за гробъ, добродѣтели умершаго оповѣщаютъ міру на обложенномъ налогомъ мраморѣ и, наконецъ, покойникъ успокоивается только въ обществѣ тѣней, чтобы не знать больше никакихъ налоговъ».

Конечно, эта картина Англіи былыхъ годовъ, можетъ быть, и непримѣнима къ современнымъ европейскимъ государствамъ. Тѣмъ не менѣе она совершенно вѣрна въ своей основной идеѣ, ибо весьма рельефно обрисовываетъ систему, которою создали финансисты и преслѣдуютъ ея цѣль.

Финансовая наука—знаніе еще слишкомъ молодое, и потому тѣ, кто бралъ на себя заботы покрывать государственные расходы разными искусно-измышленными доходами, тѣ неособенно затруднялись выборомъ раціональныхъ средствъ. Всѣ средства казались хороши, если они достигали своей цѣли. Надъ принципами никто не задумывался, и измышлялись всякія новыя средства, чтобы переводить деньги изъ кармана народа въ руки финансоваго управленія.

Чтобы оправдать этотъ образъ дѣйствій, финансисты придумывали софизмы, противъ которыхъ, правда, не было оффиціальныхъ возраженій, но съ которыми тѣмъ не менѣе никто изъ плательщиковъ не соглашался. Такъ, напр., финансисты утверждали, что если деньги, взятыя отъ народа, расходуются въ самой странѣ, то никто бѣднѣе не становится. Этотъ софизмъ опровергается легко экономическимъ закономъ о расходахъ на выгодное и убыточное потребленіе. Законъ, о которомъ я говорю, указываетъ, что если трудъ и капиталъ употреблены на производство полезностей, способныхъ создать новыя полезности, то они употреблены выгодно, въ противномъ же случаѣ убыточно. Если финансовое управленіе, взявъ деньги, употребитъ ихъ на устройство школъ, мостовъ, каналовъ, дорогъ, вообще на устройство и созданіе того, что усиливаетъ экономическую дѣятельность и ведетъ или къ возвышенію человѣческихъ способностей, или къ созданію новыхъ полезныхъ предметовъ, то подобныя дѣйствія для страны выгодны. Школы, дороги, каналы возбуждаютъ въ народѣ энергію производительности, облегчаютъ сношенія, облегчаютъ трудъ, слѣдовательно увеличиваютъ размѣръ его результатовъ. Конечно, каждый, кто внесъ деньги, сталъ бѣднѣе; но онъ внесъ свои деньги какъ бы въ банкъ на проценты и началъ получать на нихъ такія выгоды и удобства, которыхъ безъ этого взноса получить бы не могъ.

Совсѣмъ иное, если расходъ производится на потребленіе убыточное, т. е. на такое потребленіе, которое не принесетъ плательщику никакой выгоды. Возьму избитый примѣръ, слишкомъ часто приводимый современными экономическими писателями — расходъ на войско. Безъ сомнѣнія деньги, употребленныя на ихъ содержаніе, остались въ странѣ. Но вопросъ не въ томъ, гдѣ остались эти деньги, а въ томъ, какая полезная матеріальная выгода явилась результатомъ этого расхода. Прибавилось ли для бѣдныхъ говядины, сталъ ли дешевле хлѣбъ и квартиры, увеличилось ли въ странѣ число сапоговъ и удобнаго теплаго платья? Нѣтъ. Деньги, взя-

тыя на содержаніе неэкономическихъ производителей, ушли только на нихъ лично и, взамѣнъ ихъ, не получилось ни одного полезнаго предмета, способнаго улучшить матеріальное положеніе страны. Съ общей государственно-экономической точки зрѣнія расходъ на излишнихъ чиновниковъ и солдатъ признается необходимымъ и полезнымъ потому, что для экономическаго процвѣтанія страны необходимо полное матеріальное огражденіе противъ внутреннихъ и внѣшнихъ помѣхъ. Не держать достаточное количество войска—значитъ дать честолюбивому сосѣду возможность взять надъ собою перевѣсъ. А какъ подобное отношеніе грозитъ политической независимости каждаго народа, то понятно, почему современныя европейскія государства довели теорію вооруженнаго мира до чудовищнаго размѣра, испугавшаго даже остроумныхъ финансистовъ.

Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія тѣхъ же экономистовъ, расходъ на содержаніе армій есть дѣло все-таки убыточное, ибо для сохраненія спокойствія внутри и извнѣ можно придумать военную систему болѣе выгодную, которой, къ сожалѣнію, континентальная Европа слѣдовать не желаетъ, хотя примѣръ Швейцаріи и Сѣверо-Американскаго союза у всѣхъ передъ глазами.

Самое сильное возраженіе финансистамъ, высказывающимъ мысль о томъ, что страна не становится бѣднѣе, если деньги остаются въ ней, служитъ сравненіе народа съ купцомъ, у котораго воръ укралъ сто рублей и затѣмъ купилъ у него же товару на туже сумму. Конечно, у купца куплено на сто руб., но тѣмъ не менѣе у купца сто руб. все-таки украдены, и выгода его заключается только въ тѣхъ процентахъ, которые онъ взялъ на проданномъ товарѣ.

Такъ какъ налоги берутся съ народа при полномъ отсутствіи съ его стороны сознанія тѣхъ полезныхъ цѣлей, къ достиженію которыхъ они должны вести, то народъ и смотритъ повсюду на налоги не такъ сочувственно, какъ бы того хотѣлось финансистамъ. Но въ этомъ, конечно, плательщики виноваты менѣе всего. Если бы они были убѣждены, что всякая уплаченная ими копѣйка принесетъ имъ извѣстную выгоду, что отъ этой копѣйки станетъ имъ житься дешевле и удобнѣе, и что капиталъ, затраченный ими въ видѣ налоговъ, принесетъ имъ проценты, въ какомъ бы то ни было видѣ, то, конечно, не представлялось бы никакихъ затрудненій въ платежахъ налоговъ, и операція эта совершалась-бы къ обоюдному согласію плательщиковъ и финансистовъ. Но какъ въ дѣйствительной жизни мы встрѣчаемъ нѣчто иное, то и нечего удивляться, что научные софизмы финансистовъ не находятъ себѣ оп-

равданія въ здравомъ разсудкѣ платящаго простонародья. Въ этомъ разнорѣчіи того, что буквоѣды зовутъ наукой, а здравомысліе чепухой, заключается причина, почему налоги постоянно стремились къ тому многообразію и усложненію, надъ которымъ издѣвался Сидней Смитъ. Финансисты, видя отвращеніе народа отъ убыточныхъ платежей, старались придумать такой способъ извлеченія изъ народнаго кармана денегъ, чтобы народъ не замѣтилъ, какъ онъ становится бѣднѣе, и насколько на свои чистыя денежки онъ, да пожалуй и не онъ, получаетъ красивыхъ безполезностей.— Эта организованная финансово-научная система привела, наконецъ, къ тому, что сами финансисты сбились съ толку въ построенномъ ими лабиринтѣ.

Запутанность замысловатаго архитектурнаго произведенія финансистовъ обнаружилась въ своей поражающей полнотѣ только тогда, когда потребовалось найти выходъ изъ лабиринта, или яснѣе, когда оказалось необходимымъ подумать о томъ, чѣмъ все это кончится, если продолжать прежнее скучиваніе налоговъ на налоги.

Распутать всю эту путаницу оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ было ее напутать. Финансисты, придумывая налоги, не заботились о какой либо опредѣленной системѣ, не имѣли предъ глазами никакого принципа, никакого идеала. Дѣло дѣлалось всегда очень просто. Потребуются государству деньги, на народъ накладывался налогъ. Понадобятся снова деньги, къ старому налогу прибавляется новый и т. д. до безконечности. Если изобрѣтательность оффиціальныхъ финансистовъ оказывалась недостаточной, вызывалось содѣйствіе другихъ, болѣе изобрѣтательныхъ умовъ и, такимъ образомъ, въ придумываніи новыхъ налоговъ не встрѣчалось затрудненій. Такъ въ началѣ XVII столѣтія генеральные штаты Голландіи назначили премію тому, кто придумаетъ новый налогъ, способный дать государственному казначейству чувствительную поддержку. Какой-то голландецъ придумалъ штемпельный налогъ, который въ самое короткое время и былъ принятъ во всей Европѣ.

Налоги бывали просты и немногосложны только у народовъ первобытной культуры. Но чѣмъ народъ становился экономически развитѣе, чѣмъ возрастало больше его матеріальное благосостояніе, тѣмъ дѣлались выше и разнообразнѣе налоги. Когда, наконецъ, экономическое развитіе, какъ напр. въ Англіи, дошло дѣйствительно до замѣчательной высоты, до соотвѣтственной же высоты дошло многообразіе и тягость налоговъ, такъ что только одна гробовая доска спасала англичанина отъ безконечныхъ и вѣчныхъ платежей.

Но чѣмъ многообразнѣе становились платежи, тѣмъ приближалась болѣе поворотная точка. Не говоря уже про плательщиковъ, но и самимъ финансистамъ становилось очевидной необходимостью выяснить финансовые принципы, долженствующіе служить руководящимъ началомъ, и организовать правильную, сознательно-разумную систему. Среди путаницы, сложившейся подъ вліяніемъ случайностей, было вовсе не такъ легко найти свѣтъ, котораго искали. Справедливость требовала, чтобы налоги ложились на всѣхъ относительно одинаковымъ бременемъ. Но при первомъ же, болѣе глубокомъ взглядѣ на сущность вопроса, оказалось, что существуетъ одно особенное обстоятельство, котораго не предвидѣли первоначальные изобрѣтатели налоговъ. Это маленькое обстоятельство, сбившее всѣхъ съ толку, есть такъ называемое переложеніе налоговъ, т. е. возможность вывернуться изъ платежа, переложивъ его на другого. Когда финансисты усмотрѣли это новое непредвидѣнное ими обстоятельство, они подумали, что сущность вопроса выяснится въ ея полной очевидности, если привести налоги въ систему, соотвѣтственно ихъ переложимости. Нельзя отрицать того что въ извѣстной степени финансисты были правы, и что придуманное ими дѣленіе налоговъ на прямые и косвенные бросало на вопросъ больше свѣту, чѣмъ его имѣлось до тѣхъ поръ. Тѣмъ не менѣе все-таки ошибочно полагать, будто бы приведеніе налоговъ въ систему можетъ привести къ тѣмъ полезнымъ результатамъ, къ какимъ стремятся люди прогрессивные.

Невозможность однимъ дѣленіемъ налоговъ на извѣстныя категоріи установить уравнительность и справедливость выказалась не медленно. Не упоминая о другихъ дѣленіяхъ, предложенныхъ финансистами, я обращу вниманіе читателя на дѣленіе налоговъ на прямые и косвенные. И въ учебникахъ, и въ разговорѣ съ чиновникомъ-прогрессистомъ, и въ обществѣ, претендующемъ на пониманіе финансовыхъ вопросовъ, вы услышите толки о налогахъ прямыхъ и косвенныхъ, какъ о вещи, ясной до очевидности для всякаго говорящаго. При ближайшемъ же разсмотрѣніи вопроса оказывается, что очевидная ясность вовсе не такъ очевидна. Вамъ скажутъ, что прямой налогъ есть тотъ, который платится тѣмъ, на кого онъ наложенъ, а всѣ остальные налоги косвенные. Такое дѣленіе было бы вполнѣ справедливо, если бы не существовало возможности переложенія, которое и спутываетъ весь вопросъ. Опредѣленіе того, можетъ ли быть налогъ переложенъ, на кого именно и въ дѣйствительности ли онъ перекладывается—составляетъ одну

изъ труднѣйшихъ теоретическихъ задачъ. Поэтому нѣкоторые изъ финансистовъ предложили называть прямыми налогами тѣ, при назначеніи которыхъ правительство задается впередъ мыслью, что налогъ долженъ пасть прямо на плательщиковъ. Но и тутъ переложеніе является помѣхой, ибо одного намѣренія правительства еще недостаточно, чтобы не происходило переложенія. Такъ, напр., купецъ, привозящій иностранные товары, платитъ на таможнѣ за нихъ пошлину, которая и считается налогомъ косвеннымъ. Но вотъ ѣдетъ путешественникъ, везущій подобные же товары для себя: пошлина, взятая съ него, является налогомъ прямымъ. Вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ налогъ на потребленіе, налогъ на него, взятый съ купца, будетъ налогомъ косвеннымъ, а взятый съ лица, везущаго на собственное потребленіе, будетъ налогомъ прямымъ. Очевидно, что и это дѣленіе не достигаетъ своей цѣли. Еще нѣкоторые предлагали называть прямыми налогами тѣ, которые берутся съ капитала или дохода, а косвенными, которые берутся съ расхода. Но этой классификаціи для штемпельнаго налога не найдется мѣсто, потому что очень часто онъ берется ни съ дохода, ни съ капитала, ни съ расхода, а просто за какое нибудь гражданское дѣйствіе вовсе неэкономическаго характера. Наконецъ, явилось и еще одно дѣленіе, по которому къ прямымъ налогамъ причисляются тѣ, которые берутся съ собственности, а къ косвеннымъ тѣ, которые берутся за извѣстное дѣйствіе. По этому дѣленію налогъ, напр., на дома, на землю, на промыслы или на какіе бы то ни было другіе источники доходовъ будетъ налогомъ прямымъ, а налогъ на вино, сахаръ, налогъ таможенный и т. д. будутъ налогами косвенными, ибо они берутся не собственно за вино или сахаръ, а за процессъ ихъ изготовленія или за ввозъ произведеній и издѣлій изъ одной страны въ другую.

Нельзя отрицать того, что дѣленіе налоговъ на прямые и косвенные, если бы его возможно было провести послѣдовательно до конца, принесло бы несомнѣнную пользу, потому что избавило бы плательщиковъ отъ двойныхъ платежей, неизбѣжныхъ при возможности переложенія. Но какъ выслѣдить процессъ до конца совершенно невозможно, то и польза подобнаго дѣленія является лишь относительной. Оно хорошо только отчасти, ибо все-таки даетъ финансистамъ кое-какое руководящее начало. Но какъ въ запутанной области финансовъ требуется не кое-какое руководящее начало, а радикальный переворотъ, то и дѣленіе налоговъ на прямые и косвенные должно потерять свою обаятельность, какъ не

дающее отвѣтовъ на всѣ вопросы. Изъ дальнѣйшаго и болѣе спеціальнаго изложенія сущности и дѣйствія налоговъ читатель увидитъ, насколько систематизація ихъ приноситъ мало дѣйствительной пользы, и какой непочатый край составляетъ финансовая область не только для обыкновенныхъ людей, но даже и для финансистовъ. Дѣйствительно, любопытная вещь, какъ мало распространены въ публикѣ финансовыя знанія и какъ велико общее невѣжество въ этомъ вопросѣ. Что бы вы сказали о человѣкѣ, который дѣлаетъ зря на право и на лѣво расходы для своего домашняго хозяйства, рѣшительно не понимая, что онъ дѣлаетъ? А развѣ не ту же самую голубиную невинность заявляетъ все, платящее налоги, европейское населеніе при выплачиваніи своихъ налоговъ? Гдѣ люди, знакомые съ этимъ дѣломъ? Платитъ себѣ человѣкъ, платитъ, сердится на сборщика податей, тревожащаго его своимъ посѣщеніемъ, отдаетъ массу денегъ косвеннымъ налогомъ на предметы потребленія, плачется на подавляющую его дороговизну всего, и, подчинялясь гнетущему его факту бѣдности, никакъ не умѣетъ понять, что большинство подавляющихъ его экономическихъ бѣдствій исходитъ именно изъ его финансоваго невѣденія. Знаете ли вы, читатель, что повсюдная европейская дороговизна происходитъ почти исключительно отъ существующей въ Европѣ системы налоговъ и возможности ихъ переложенія? Впрочемъ, объ этомъ вопросѣ я буду говорить подробнѣе дальше. Теперь же я приглашу читателя познакомился съ сущностью налоговъ. Изъ этого знакомства читателю будетъ вполнѣ очевидна справедливость всего до сихъ поръ сказаннаго, а затѣмъ онъ и самъ не затруднится спасительными для него выводами. Чтобы не слишкомъ затруднять читателя, я не стану излагать ему всѣ рѣшительно спеціальные виды налоговъ, а коснусь только главнѣйшихъ изъ нихъ, существующихъ въ томъ или другомъ видѣ у насъ. Я буду говорить, конечно, о томъ, что дѣлается за границей, во-первыхъ потому, что вопросъ этотъ разработанъ иностранными учеными, а не русскими финансистами, которыхъ у насъ еще и до сихъ поръ нѣтъ, а во-вторыхъ что мы и не придумали своихъ системъ налоговъ, а пользовались тѣми, которыя были придуманы на Западѣ.

II.

Первоначальной формой налога была личная подать. При неразвитости экономической производительности, оно и не могло быть иначе. Все, что требовалось для надобности государства, исполнялось обыкновенно лицомъ или натурой. Начинается ли война, люди необходимые берутся прямо изъ народа; требуется ли для надобностей государства построить дорогу, мостъ, берутся точно также люди натурой. Только по мѣрѣ развитія культуры и образованія служба натурой начинаетъ уменьшаться. По мѣрѣ выдѣленія изъ народа высшихъ или болѣе образованныхъ слоевъ, служба натурою отстранялась отъ себя людьми или сословіями, болѣе счастливо поставленными, и сваливалась на плечи болѣе мускульнаго простонародья.

Недостатки этой системы или переложеніе труда на плечи простонародья обнаруживались по мѣрѣ развитія. Тѣ, кому приходилось исполнять натурой всѣ работы, понявъ невыгоду подобнаго порядка, начинали исполнять свое дѣло такъ плохо, что убыточность для государства личной повинности дѣлалась вполнѣ очевидной. Напр. народъ, сгоняемый на исправленіе или на устройство дорогъ, работалъ до того лѣниво и дурно, что оказывалось вполнѣ необходимымъ поискать взамѣнъ обязательнаго труда что нибудь болѣе выгодное. И вотъ работы натурой стали замѣняться повсюду вольнонаемнымъ трудомъ, а, для возможности его оплаты, натуральныя повинности замѣнялись денежными сборами. Этимъ путемъ натуральныя повинности вышли, наконецъ, въ западной Европѣ совершенно изъ употребленія, и только еще у насъ можно встрѣтить послѣднихъ могикановъ, упорно отстаивающихъ необходимость натуральныхъ повинностей. Въ Европѣ же сохранился только одинъ видъ натуральной повинности—повинность военная.

Военная повинность во всѣ времена считалась дѣломъ чести, ибо съ нею связывалось обязательство защиты отечества. Противъ такого взгляда возражать, конечно, нечего. Если отечество въ опасности, то, конечно, обязанность каждаго гражданина спѣшить на его спасеніе. Но въ другомъ видѣ представляется вопросъ, если мы возьмемъ страну экономически-развитую, гдѣ для каждыхъ рукъ

найдется множество дѣла. Въ такихъ странахъ, въ моментъ отсутствія опасности, военная служба не можетъ представлять никакихъ привлекательностей, ибо она предполагаетъ мирное прозябаніе въ казармахъ и военныя упражненія. Въ этихъ случаяхъ каждый экономическій производитель, которому пришлось бы оторваться отъ своего дѣла для безмятежнаго препровожденія времени въ казарменномъ досугѣ, понимаетъ очень хорошо, что такое занятіе ему убыточно. По мѣрѣ экономическаго развитія и по мѣрѣ увеличивающагося отвлеченія рукъ отъ экономической дѣятельности къ военному дѣлу, сознаніе невыгодности подобнаго порядка дѣлалось все больше и больше, и въ настоящее время, благодаря военному напряженію, возбужденному Наполеономъ III, вопросъ этотъ уже очень недалекъ отъ своей поворотной точки. Насколько новый, болѣе правильный взглядъ справедливъ, читатель увидитъ изъ слѣдующаго сравненія. Въ 1600 г. Генрихъ IV считалъ въ своемъ войскѣ всего 10,000 человѣкъ. Великій курфирстъ бранденбургскій оставилъ послѣ своей смерти (1688 г.) колоссальную армію въ 28,000 человѣкъ. При Фридрихѣ Вильгельмѣ I Пруссія владѣла еще болѣе колоссальной арміей въ 80,000 человѣкъ. Фридрихъ II довелъ ее уже до 180,000 человѣкъ. Совершенно въ такой же прогрессивности шло увеличеніе армій и въ другихъ государствахъ. Такъ у насъ при Петрѣ I (въ 1712 г.) въ арміи было 180,000 человѣкъ; въ годъ смерти Петра считалось 196,000 человѣкъ. Въ 1785 г.—360,000 человѣкъ; въ 1794 г. —442,000; въ 1803 г. — 506,000; а въ 1812 г. 1,490,000. Правда, въ томъ числѣ народнаго ополченія 850,000. Въ настоящее время во всей Европѣ комплектъ арміи на мирномъ положеніи составляетъ 2,646,756 человѣкъ, на военномъ же положеніи—5,972,000.

Чтобы опредѣлить размѣръ экономической невыгодности такого громаднаго войска, недостаточно навести справки только въ военныхъ бюджетахъ государствъ. Гораздо важнѣе и значительнѣе тѣ экономическія утраты, о которыхъ въ бюджетахъ не говорится ни слова. Если мы предположимъ, что каждый изъ такихъ молодыхъ и сильныхъ работниковъ, какъ тѣ, кто берется въ солдаты, можетъ заработать въ день только 50 к. сер., то окажется, что современная европейская армія могла бы произвести разныхъ экономическихъ полезностей на 2,858,496,480 р. въ годъ. А если къ этому присоединить тѣ почти 800 мильоновъ руб., которые тратятся на содержаніе армій, то общая потеря составитъ болѣе $3^1/_2$ милліардовъ въ годъ.

Непроизводительное ежегодное употребленіе подобной суммы, конечно, не избѣгло отъ вниманія европейскихъ государственныхъ людей, и хотя они очень хорошо знаютъ, что швейцарская или американская система гораздо выгоднѣе, но тѣмъ не менѣе, по разнымъ соображеніямъ, не находятъ возможнымъ ввести эту систему во всѣ европейскія государства. Поэтому уничтоженіе постояннаго войска считается въ настоящее время смѣлою мечтой, осуществимой еще въ очень отдаленномъ будущемъ. И дѣйствительно, если мы предположимъ, что военная повинность натурой замѣнится повсюду вольнонаемнымъ трудомъ, то потребуются такіе сборы денегъ, разсчитывать на которые нынче совершенно еще невозможно.

Но если замѣну службы натурой денежнымъ взносомъ слѣдуетъ отнести къ области мечтаній, тѣмъ не менѣе все-таки желательно, чтобы тягость военной натуральной повинности ложилась на народъ болѣе равномѣрно, и чтобы каждый былъ привлеченъ къ ея исполненію. Въ Пруссіи, напр., подобная система уже принята правительствомъ, и каждый пруссакъ долженъ по закону быть въ военной службѣ. Въ дѣйствительности этого, однако, не существуетъ, и обыкновенно изъ 40 человѣкъ, способныхъ къ военной службѣ, поступаетъ въ нее только 26 человѣкъ, потому что въ остальныхъ по размѣру арміи нѣтъ и необходимости. Такимъ образомъ, даже и лучшая система, прусская, не можетъ считаться справедливой, и ложится всею своею тягостью только на нѣкоторыхъ. Неизмѣримо неравномѣрнѣе та система, по которой отъ военной службы освобождаются извѣстныя привилегированныя сословія. Несправедливость прусской системы—не въ теоретическомъ ея основаніи, а только въ практикѣ; здѣсь же справедливости не хочетъ допустить даже и теорія.

Несправедливость поголовнаго налога уже признана въ настоящее время всѣми европейскими государствами, и хотя онъ существуетъ еще кое-гдѣ и до сихъ поръ, то вовсе не по принципу, а какъ переходная мѣра къ болѣе раціональному налогу. Слѣдовательно, очевидно, что убѣждать, особенно читателя, въ несправедливости поголовнаго налога нѣтъ никакой необходимости.

Вопросъ о поземельномъ налогѣ считается однимъ изъ труднѣйшихъ и запутаннѣйшихъ финансовыхъ вопросовъ. Трудность его заключается вовсе не въ томъ, чтобы у людей не достало ума понять его во всѣхъ его подробностяхъ. Затрудненія заключаются не въ теоріи вопроса, а въ побочныхъ обстоятельствахъ, чисто юридическихъ. Когда поборники справедливости и равноправности вы-

сказываютъ мысль о томъ, что поземельный налогъ долженъ подчиняться тѣмъ же основаніямъ, какъ и всѣ остальные налоги, то землевладѣльцы, основываясь на своихъ правахъ и привилегіяхъ, унаслѣдованныхъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, а то и еще дальше, ссылаются на свое юридическое право и увѣряютъ, что законъ равноправности ихъ нисколько не касается. А если обратить вниманіе на то, что теоретическая разработка вопроса о поземельномъ налогѣ производится лишь въ западной Европѣ, гдѣ существовало рыцарство, гдѣ сложились разные виды ленныхъ отношеній, гдѣ сервитуты существуютъ еще и до сихъ поръ,—то будетъ понятно, почему теорія поземельнаго налога является и къ намъ въ своемъ неразработанномъ видѣ, а русскіе финансисты, за неимѣніемъ своей собственной теоріи, стараются увѣрить кого слѣдуетъ, что и для насъ въ этомъ вопросѣ существуютъ такія же трудности, какъ и на западѣ. Изъ дальнѣйшаго изложенія читатель увидитъ, насколько неправы русскіе финансисты и насколько вопросъ этотъ представляетъ дѣйствительныя практическія трудности.

Первоначально, т. е. при первомъ основаніи государствъ, земля являлась наиболѣе удобнымъ и, можно сказать, единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Во-первыхъ, потому, что по неразвитости экономической и неоткуда было получать доходовъ; а во-вторыхъ, потому, что земля вовсе не такая вещь, которую можно спрятать въ карманъ и скрыть отъ сборщика податей. И вотъ мы видимъ, что у евреевъ, римлянъ, китайцевъ и другихъ народовъ древности земля облагается извѣстнымъ, точно опредѣленнымъ налогомъ. Тоже самое повторилось и въ Европѣ. Въ Германіи, напр., поземельный налогъ явился уже въ XI столѣтіи.

Въ своей первоначальной формѣ поземельной налогъ бралъ или съ валового дохода, или съ площади. Знаменитая десятина, которую платили еще евреи, былъ одинъ изъ видовъ поземельнаго налога съ валового дохода. Десятина имѣла почти повсюду религіозное значеніе. Это былъ налогъ въ пользу церкви, который плательщики переносили легко, потому что имъ какъ бы покупали благословеніе на свои поля и на свои хозяйственные промыслы. По мѣрѣ ослабленія религіознаго чувства, десятина утрачивала свое значеніе, и плательщикамъ показалась, наконецъ, обременительной. Неуравнительность десятины и, слѣдовательно, ея несправедливость заключается въ томъ, что десятое зерно, взятое съ одного землевладѣльца, по отношенію къ другому можетъ быть двадцатымъ, ибо одно и тоже количество хлѣба, полученное съ земли, одному

далось съ меньшей потратой силъ и капитала, а другому, можетъ быть, съ потратами вдвое большими.

Въ такой же мѣрѣ несправедливъ и налогъ по площади, потому что при немъ не обращается вниманіе на размѣръ дохода. Налогъ этотъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, когда населенія мало, земли много, земледѣліе находится на низкой степени развитія и земли высшаго качества достаетъ на всѣхъ. Но какъ только обстоятельства сельскаго хозяйства измѣняются, налогъ на площадь теряетъ свою уравнительность. Налогъ этого рода былъ введенъ въ Англіи въ XI столѣтіи и въ Германіи около того же времени. При теперешнемъ состояніи европейской культуры, объ эти первоначальныя формы поземельнаго налога не могутъ быть признаны источниками государственныхъ доходовъ.

Не въ меньшей степени несправедливъ и налогъ ленный.

Въ средніе вѣка сложилась въ Европѣ чрезвычайно запутанная система отношеній подданныхъ къ государству, отношеній, вытекавшихъ изъ землевладѣнія. Тотъ, кому давалась земля, вмѣстѣ съ нею принималъ на себя и разныя обязательства. Если землю давало государство, то землевладѣлецъ долженъ былъ нести извѣстную государственную повинность, а если землю давало частное лицо частному лицу, то между ними возникали частныя обязательства. Эти отношенія повели впослѣдствіи частію къ привилегіямъ, а частію къ путаницѣ и нескончаемымъ процессамъ. Напр., рыцари, за отводимую имъ землю, обязаны были выставлять извѣстное число вооруженныхъ людей. Впослѣдствіи, когда образовалось постоянное войско, обязательства рыцарей кончились и они позаботились о томъ, чтобы правительство позабыло объ этомъ обязательствѣ. Такимъ образомъ дворянство вышло незамѣтно привилегированнымъ сословіемъ, и переставъ нести подати натурой, какъ это было прежде, освободилось вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякихъ другихъ платежей. И до сихъ поръ потомки рыцарей настаиваютъ на своей привилегіи, будто бы избавляющей ихъ отъ всякихъ налоговъ, и увѣряютъ, что эта привилегія—ихъ законное право, увѣковѣченное давностью. Но у нѣмцевъ есть поговорка, что сто лѣтъ безправія не могутъ быть правомъ и одинъ часъ. Поэтому понятно, что какими бы юридическими софизмами ни прикрывались потомки рыцарей, они должны нести налогъ также, какъ и всѣ остальные смертные.

Защитники рыцарей утверждаютъ, что облагать рыцарскія имущества налогомъ по ихъ стоимости и доходу было бы несправед-

ливо. Имущества эти, переходя изъ рукъ въ руки, покупались по цѣнамъ высшимъ, потому что всякій покупщикъ имѣлъ въ виду, что пріобрѣтаемая имъ земля освобождена отъ всякихъ повинностей. Поэтому защитники рыцарскихъ привилегій утверждаютъ, что налогъ на подобныя земли, введенный теперь, упалъ бы слишкомъ тяжело на теперешнихъ владѣльцевъ. Онъ служилъ бы преміей тѣмъ, кто владѣлъ землями прежде и взялъ за нихъ при продажѣ дороже, именно потому, что они были свободны отъ налога. Въ безотносительномъ смыслѣ такое разсужденіе, конечно, правильно. Но неужели изъ этого слѣдуетъ, что неуравнительность не должна быть никогда окончена, а рыцарскія привилегіи должны существовать и въ XX столѣтіи только потому, что они существовали въ XV?

Лукавая софистика защитниковъ всякихъ привилегій виднѣе всего въ другомъ случаѣ, подобнаго же рода, гдѣ, однако, потери можно было свалить на плечи народа. Кромѣ отношеній рыцарей къ государству, сложились еще отношенія рыцарей къ крестьянамъ, поселившимся на ихъ земляхъ. За эти отношенія рыцари держались съ истинно-рыцарскою энергіею, и несмотря на то, что эти отношенія были первоначально чисто военнаго характера, рыцари съумѣли придать имъ характеръ гражданскій, и превратили крестьянъ въ своихъ крѣпостныхъ. Когда, наконецъ, несправедливость барщины и другихъ натуральныхъ повинностей сдѣлалась очевидной даже для рыцарей, было порѣшено, что крестьяне имѣютъ право выкупить свои обязательства. Простонародье, съ свойственной ему кротостью, подчинилось этому рѣшенію, и выкупъ свершился въ пользу теперешнихъ владѣтелей рыцарскихъ имѣній и въ убытокъ народу. Но если тѣже самыя обстоятельства, лежавшія въ основѣ отношеній рыцарей къ крестьянамъ, повели къ выгодѣ рыцарей, почему къ выгодѣ рыцарей должны были вести отношенія ихъ къ государству? Если рыцарь, переставъ быть рыцаремъ, считалъ себя освобожденнымъ уже отъ всѣхъ обязательствъ, то и крестьянинъ, переставъ быть вооруженнымъ воиномъ, точно также освобождался отъ своихъ обязательствъ къ рыцарю. Но логика рыцарей и ихъ привилегированныхъ потомковъ есть логика юридическаго права, но не логика правды и справедливости. Поэтому рыцарь разсуждаетъ такъ: что твое, то мое; а что мое, то не твое,—и полагаетъ, что онъ разсуждаетъ остроумно и по-человѣчески.

Кромѣ этихъ двухъ видовъ поземельнаго налога, явился за-гра-

ницей налогъ на доходъ съ земли. Нѣмцы говорятъ, что если налогъ на доходъ получаетъ всеобщее приложеніе, то нѣтъ никакого основанія освобождать отъ него и доходъ съ земли. При тѣхъ двухъ видахъ налоговъ на земли, о которыхъ мы говорили, берется въ основаніе или площадь, или общая производительность земли; но при налогѣ на доходъ, этихъ круглыхъ основаній недостаточно. Налогъ берется настолько, насколько имущество приноситъ дѣйствительнаго чистаго дохода. Въ то же время финансисты, не вникнувъ достаточно въ сущность вопроса, рядомъ съ налогомъ на доходъ отъ земли, придумали еще налогъ на доходъ съ капитала и налогъ промысловый или, яснѣе, налогъ на доходъ отъ труда. Отъ этого вышла путаница и несправедливость, ибо налогъ падалъ на доходъ безъ предварительныхъ справокъ о томъ, какимъ образомъ этотъ доходъ явился. Возьмемъ два совершенно равнокачественныхъ имѣнія: одно въ долгахъ, другое безъ долговъ. Доходъ съ нихъ будетъ, конечно, неодинаковъ, ибо задолжавшій владѣлецъ долженъ выплачивать долгъ и проценты, а другой этого расхода не несетъ. Или тоже два имѣнія, совершенно одинаковыхъ, но въ одномъ на сельско-хозяйственныя улучшенія владѣлецъ затратилъ свои 10 тысячъ, а владѣлецъ другого на подобныя же улучшенія 10 тысячъ занялъ. Здѣсь случится вотъ что: владѣлецъ чистаго имѣнія весь доходъ съ него запрячетъ къ себѣ въ карманъ, а владѣлецъ имѣнія задолжавшаго долженъ будетъ выплатить не только долгъ, но и съ тѣхъ процентовъ, которые онъ отдастъ своему кредитору, кредиторъ долженъ будетъ заплатить извѣстный налогъ на свой доходъ съ капитала. Слѣдовательно, очевидно, что налогъ на доходъ съ земли, если рядомъ съ нимъ существуютъ еще аналогичные налоги, не можетъ быть признанъ налогомъ уравнительнымъ, ибо одни будутъ платить вдвое, а другіе ничего.

Когда въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія Англія создала теорію небывалой до того экономической науки, вопросъ о налогахъ потерпѣлъ тоже революцію. Конечно, революція эта была не такого размѣра, какого бы заслуживала темная область финансовыхъ софизмовъ. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько лучей свѣта проникли въ геологическій мракъ, въ ней господствовавшій, и, къ прежде существовавшимъ видамъ налоговъ западная Европа присоединила еще новый налогъ на ренту.

Такъ какъ я убѣжденъ въ томъ, что для русскаго читателя вопросъ о рентѣ представляется чѣмъ-то въ родѣ геологическаго

тумана, то я постараюсь изложить ему возможно проще сущность теоріи ренты.

Пока населеніе какой либо страны еще рѣдко, а потребности его скудны и неразвиты, достаточно еще сравнительно очень небольшой площади земли для произведенія всего того сырья, которое нужно людямъ. Земли много, людей мало, слѣдовательно, очевидно, что каждый забираетъ то, что ему нужно, и на дары природы люди смотрятъ также, какъ на воздухъ и воду. Понятно, что тѣ, кто сдѣлалъ изъ земли свою личную собственность, не извлекаютъ изъ своего права владѣнія ровно никакой выгоды. Вы владѣете землею, а я не владѣю; но такъ какъ я въ вашей землѣ не нуждаюсь, и могу самъ, также какъ и вы, сдѣлаться землевладѣльцемъ путемъ завладѣнія, то, конечно, ваше юридическое право не приноситъ вамъ ровно ни гроша дохода.

Но иначе складываются экономическія отношенія, когда разъ занятая земля уже не въ состояніи удовлетворить потребности увеличивающагося населенія. Когда потребностей стало больше, а количество продуктовъ остается все прежнее, то, очевидно, что слѣдуетъ увеличить или количество обработываемой земли, или же въ прежнюю землю вложить болѣе энергическій трудъ или капиталъ.

При производствѣ фабричныхъ произведеній, вопросъ объ ихъ удешевленіи зависитъ прямо отъ количества и качества труда. Если вамъ удастся придумать средство производить какой либо предметъ въ половину дешевле, чѣмъ онъ производился прежде, то очевидно, что вы понизите на половину и продажную цѣну предмета. Ваша экономическая судьба заключается поэтому исключительно въ вашихъ личныхъ талантахъ Придетъ вамъ счастливая мысль, которая поможетъ вамъ производить предметы дешевле—вамъ и выгода. Другой выгоды для васъ нѣтъ. И ваше званіе фабриканта или ремесленника не дастъ вамъ, какъ званіе, лишняго ни одного фунта хлѣба.

Совсѣмъ иначе становится вопросъ при земельномъ владѣніи. Здѣсь, при тѣхъ же условіяхъ производства, вы не можете ни поднять, ни понизить цѣнъ на свои продукты. Въ этомъ случаѣ являются совершенно новыя обстоятельства, результатомъ которыхъ будетъ то, что называется рентой. Возьмемъ, напр., извѣстное количество земли, занятой уже владѣльцами. Земля эта, при извѣстномъ количествѣ труда, дастъ только извѣстное количество продуктовъ. Но вотъ народонаселеніе увеличилось, прежняго количества продуктовъ не достаетъ, и не обходимость, заставляетъ занять

подъ земледѣліе новыя земли. Такъ какъ хорошіе сорты земли были уже заняты, то очевидно, что приходится занимать сорты менѣе сильные, это значитъ такіе сорты, съ которыхъ полученіе продукта въ равномъ количествѣ съ землями хорошими возможно только при болѣе энергическомъ трудѣ и съ болѣе сильнымъ капиталомъ. Очевидно, что если одинаковое количество продуктовъ можно получить въ этихъ двухъ случаяхъ съ разными затратами силъ, то владѣлецъ лучшей земли имѣетъ на своей сторонѣ всю выгоду въ экономіи труда. Иначе сказать, владѣлецъ хорошей земли выигрываетъ въ повышеніи цѣны своихъ продуктовъ. Но вѣдь это повышеніе не было создано имъ самимъ: владѣлецъ не трудился болѣе энергично и не сдѣлалъ ровно никакихъ улучшеній въ своемъ хозяйствѣ. Слѣдовательно, ясно, что весь выигрышъ его происходитъ только отъ того, что онъ владѣлецъ болѣе хорошей земли; этотъ выигрышъ или, правильнѣе, выгода права владѣнія землею называется рентой.

Второй сортъ земли, доставившей владѣльцамъ перваго сорта ренту, самъ своимъ владѣльцамъ приноситъ пока только такое количество произведеній, которое окупитъ лишь ихъ трудъ. Посѣявъ десять четвериковъ и получивъ 30, владѣлецъ второго сорта окупаетъ этимъ не больше, какъ свой трудъ, но ренты еще не имѣетъ. Но вотъ народонаселеніе снова увеличивается, прежнихъ продуктовъ опять не хватаетъ, и занимаются земли третьяго качества. Въ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты является немедленно перемѣна. Цѣна устанавливается по третьему сорту земли, и именно въ такомъ размѣрѣ, чтобы ею окупались труды земледѣльца. А какъ на полученіе такого же количества продуктовъ со второго сорта земли требуется меньшій трудъ, то очевидно, что владѣлецъ ея начинаетъ немедленно пріобрѣтать новую выгоду, которой не имѣлъ, и которая создалась ему владѣльцемъ третьяго сорта. Съ этого момента и владѣлецъ земли второго сорта начинаетъ получать ренту, т. е. выгоду только за то, что онъ владѣлецъ. Такой порядокъ продолжается безконечно, пока не будетъ занята вся земля. Постоянно владѣльцы низшаго сорта получаютъ самое жалостное вознагражденіе за свой трудъ; постоянно только размѣромъ ихъ труда устанавливается цѣна сельскихъ продуктовъ, и постоянно владѣльцамъ высшихъ сортовъ земель достаются негаданныя выгоды, которыхъ они не имѣли, когда эти высшіе сорты были низшими.

Чтобы сдѣлать вопросъ о рентѣ болѣе понятнымъ, я взялъ при-

мѣръ въ самой простѣйшей формѣ. Въ практикѣ, однако, вовсе не такъ легко разсмотрѣть съ одинаковою ясностью дѣйствіе закона ренты, подчиняющейся еще и разнымъ другимъ вліяніямъ. Это и было причиной того, что теорія ренты, установленная Рикардо, встрѣчала между экономистами противниковъ, силившихся оспорить ея истинность.

Въ нашемъ примѣрѣ играла роль разнокачественная почва въ своемъ естественномъ видѣ; но тоже самое случается, если на обработку почвы низшаго качества будетъ употребленъ капиталъ. Напр., если на удовлетвореніе усилившихся потребностей, вмѣсто разработки почвы низшаго качества, будетъ употребленъ на усиленіе производительности прежней почвы усиленный денежный расходъ, то повторится тоже самое явленіе. Но вложенный въ землю капиталъ, по разсчету высшаго размѣра улучшенія, дастъ результаты все-таки меньше, чѣмъ прежняя почва. Или, иначе сказать, двойное увеличеніе производительныхъ средствъ не дастъ двойной выгоды. Такимъ образомъ, достигнутый результатъ будетъ совершенно такой, какъ еслибы была разработана почва второго сорта, ибо вложенный капиталъ принесетъ лишь небольше того, что далъ бы этотъ второй сортъ, а рентой будетъ только то, что дастъ сама по себѣ почва высшаго сорта. Напр., вы получаете съ извѣстнаго пространства земли 1000 четвертей пшеницы. Для увеличившагося населенія этого количества недостаточно. Вы употребляете для усиленія производительности своей земли 1000 рублей, которые однако дадутъ вамъ не 1000, а только 800 четвертей хлѣба. Слѣдовательно вашъ капиталъ, принесшій вамъ только проценты, разыгралъ не больше, какъ роль почвы второго сорта, ибо вы получили не 2000 четвертей, а только 1800, и 200 четвертей, составляющія разницу, будутъ рентой съ вашей земли; капиталъ же вамъ ренты никакой не дастъ.

Кромѣ фактора, о которомъ мы говорили, важную роль играетъ положеніе земли и всѣ тѣ обстоятельства, которыя вліяютъ на возвышеніе и пониженіе цѣны земледѣльческихъ продуктовъ. Предположите огромную площадь земли, совершенно одинаковаго качества. Въ срединѣ этой земли создается большой городъ или обширный рынокъ для сбыта сельскихъ произведеній. Обработка этой земли начнется, конечно, прежде всего съ участковъ, ближайшихъ къ городу или къ рынку, потому что расходы доставки произведеній гораздо меньше, чѣмъ съ участковъ болѣе отдаленныхъ. Но вотъ населеніе города усиливается, потребности его увеличиваются

и количество сельскихъ произведеній оказывается уже недостаточнымъ Чтобы удовлетворить новой потребности, приступаютъ къ обработкѣ участковъ болѣе отдаленныхъ. Если прежде воздѣлывались земли, лежавшіе въ двухъ-верстовомъ радіусѣ отъ города, теперь начнется обработка участковъ трехъ-верстоваго разстоянія, и обработка только этихъ участковъ опредѣлитъ размѣръ рыночной цѣны сельскихъ произведеній. Рыночныя цѣны, конечно, должны быть такого размѣра, чтобы окупить издержки болѣе отдаленныхъ участковъ. А какъ производительность ближайшихъ участковъ усилена быть не можетъ, то возвысившаяся цѣна продуктовъ явится для владѣльцевъ ближайшихъ участковъ рентой. Съ этого момента владѣльцы ближайшихъ участковъ будутъ получать новую выгоду, благодаря исключительно болѣе счастливому положенію своихъ земель. Если и вторыхъ участковъ будетъ недостаточно для удовлетворенія потребностей города, то обрабатываются третьи, четвертые и т. д.. Во всѣхъ этихъ случаяхъ самый отдаленный участокъ будетъ окупать издержки производства, принося ничтожную прибыль, а рента будетъ получаться только съ участковъ болѣе близкихъ.

Теперь предположимъ, что почва мѣстности неоднокачественная. Въ этомъ случаѣ можетъ повториться явленіе мѣстами и въ обратномъ порядкѣ. Напр., ближе къ городу лежитъ земля худшаго качества, а за нею земля лучшая. Такъ какъ для послѣдней издержки производства усиливаются болѣе дальней перевозкой, то, несмотря на свои лучшія качества, она дастъ доходъ низшій и по отношенію къ своему владѣльцу разыграетъ такую же роль, какъ если бы онъ владѣлъ худшей почвой, но только ближе къ городу.

Издержки перевозки являются весьма могучимъ факторомъ, вліяющимъ на измѣненіе цѣнъ и на размѣръ ренты. Если въ какой нибудь глухой мѣстности явятся новые болѣе удобные пути сообщенія, пророется каналъ или придумается какой нибудь новый выгодный способъ доставки, то доходность разныхъ земель можетъ подвергнуться полнѣйшей революціи. Улучшенные пути сообщенія подѣйствуютъ также, какъ если бы почва стала внезапно плодороднѣе. Цѣны поднимутся, и земли, неприносившія прежде ренты, начнутъ ее приносить. И здѣсь основаніемъ ренты послужитъ размѣръ затратъ на обработку участковъ, наименѣе выгодныхъ по своему положенію. Всѣ остальныя подчинятся этому минимуму и, по отношенію къ нему, образуютъ максимумы разныхъ размѣровъ. Конечно, худшіе участки, но лежащіе ближе къ отдаленному рынку,

соединенному съ каналомъ, могутъ дать больше, чѣмъ лучшіе участки, но лежащіе дальше. Разнокачественность почвы и всѣ издержки, устанавливающія цѣны на рынкѣ, будутъ вліять на размѣръ доходности того или другого участка, но сущность и законъ ренты останется тотъ же.

Еще поразительнѣе явленія ренты на земляхъ, служащихъ для построекъ. Цѣна ихъ обусловливается исключительно ихъ положеніемъ. Чѣмъ ближе мѣста къ центру города, тѣмъ выше цѣна земли. А какъ подобныхъ, выгодно лежащихъ участковъ бываетъ немного, то владѣніе ими является совершеннымъ монополемъ. Домъ, выстроенный на выгодно-лежащемъ участкѣ, даетъ огромныя выгоды, благодаря исключительно своему положенію. До какого размѣра можетъ доходить рента подобныхъ участковъ, читатель увидитъ изъ слѣдующихъ цѣнъ. Въ Парижѣ, напр., квадратный метръ земли на оживленной улицѣ стоитъ 250 франковъ. Въ Лондонѣ, въ Сити, квадратный футъ цѣнится въ 28 фунтовъ стерлинговъ. По расчету десятины это составитъ 22,349,600 рублей. Маркизъ Вестминстеръ, на землѣ котораго построена значительная часть Лондона, благодаря постепенному расширенію города, получаетъ до $2^1/_2$ милліоновъ руб. въ годъ доходу за землю подъ постройками.

Изложенныхъ выше фактовъ совершенно достаточно, чтобы убѣдить читателя въ чудовищной сущности экономическаго явленія, называемаго рентой. Какой талантъ, какой трудъ собственниковъ участковъ, лежащихъ въ Сити въ Лондонѣ, возвысилъ достоинство ихъ земель до цѣны въ 22 милліона руб. за десятину? Какимъ умственнымъ напряженіемъ или энергіею труда маркизъ Вестминстеръ достигъ того, что получаетъ въ годъ $2^1/_2$ милліона дохода? Читатель видитъ, что никто изъ нихъ не израсходовалъ ни золотника энергіи и ума, и всѣ выгодныя обстоятельства создались для владѣльцевъ земель, пользующихся рентой, благодаря исключительно увеличившемуся населенію и увеличившейся потребности. Первоначальные владѣльцы этихъ участковъ и ихъ потомки, не шевеля пальцъ о пальцъ, получали постоянно большій и большій доходъ, сваливавшійся на нихъ внезапно, какъ бы съ неба. Поэтому понятно, насколько налогъ на ренту является мѣрой общественно-справедливой, и какъ несправедливъ опять тотъ порядокъ вещей, при которомъ праздные владѣльцы рентъ, благодарю своему общественному положенію и вліянію, выговариваютъ въ свою пользу или полное освобожденіе отъ налога, или же несутъ самую ничтожную

его часть, а всѣ тягости платежей сваливаютъ на дѣйствительныхъ тружениковъ.

Къ сожалѣнію, правильное опредѣленіе размѣра ренты въ каждомъ данномъ случаѣ не всегда такъ легко, какъ это кажется, въ особенности если владѣлецъ есть въ тоже время и хозяинъ. Во многихъ случаяхъ бываетъ даже совершенно невозможно опредѣлить, какая доля даннаго дохода принадлежитъ труду, какая капиталу и что составляетъ собственно ренту. Конечно, подобная трудность не можетъ служить поводомъ къ освобожденію ренты отъ налога, даже и въ такомъ случаѣ, если бы невѣрнымъ исчисленіемъ ренты причинилась маленькая несправедливость владѣльцу. Лучше быть несправедливымъ относительно имущаго, чѣмъ неимущаго.

Необходимость введенія поземельнаго налога на болѣе правильныхъ основаніяхъ, чѣмъ какъ это существовало до сихъ поръ, и желаніе привести разнообразные виды разнообразнаго налога къ болѣе уравнительному единству, привело западную Европу къ мысли объ оцѣнкѣ земель, или къ такъ называемому кадастру. По теоретической сущности своей кадастръ, конечно, вещь хорошая. Опредѣляется точно доходъ съ земли во всѣхъ его мелочныхъ подробностяхъ, и затѣмъ съ каждаго владѣльца берется въ налогъ собственная доля. Какъ ни плѣнительно все это въ теоріи, но на практикѣ выходитъ все это иначе. Прежде всего требуется произвести подробное измѣреніе земель и угодій, опредѣлить точно площадь каждаго отдѣльнаго участка, дающаго тотъ или другой доходъ; вычислить доходъ по урожаю; вычислить доходъ отъ разныхъ побочныхъ статей сельскаго хозяйства. Не говоря про огромный расходъ на подобную работу и про ея громадность, составляющіе довольно важное препятствіе, главное заключается все-таки въ невозможности совершенной точности выводовъ. Во Франціи кадастръ продолжался 50 лѣтъ и стоилъ правительству 200 милліоновъ франковъ, и несмотря на то, результаты получились, во-первыхъ, весьма приблизительные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаружилась такая неуравнительность выводовъ по департаментамъ, что вся работа потеряла свое значеніе. Если къ этому присоединить подвижность дохода, являющуюся вслѣдствіе улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, то теоретически правильный кадастръ окажется на практикѣ вещью невозможной. Напр., во время производства кадастра какой нибудь участокъ вычисляется положимъ какъ лѣсная площадь; но въ слѣдующемъ году владѣлецъ превращаетъ его

въ пашню, или, перемѣнивъ систему сѣвооборота, или сдѣлавъ какія либо улучшенія, измѣнитъ совершенно доходъ своего имѣнія. А между тѣмъ кадастръ уже конченъ, размѣръ налога уже опредѣленъ. Какая является возможность слѣдить за всѣми измѣненіями сельскаго хозяйства въ такой огромной странѣ, какъ Франція? Кадастръ долженъ являться постоянно финансовой мѣрой; онъ долженъ слѣдить за всѣми измѣненіями въ доходности земель, провѣрять старые результаты новыми и измѣнять цифру налога. Не говоря уже про то, что расходы на содержаніе арміи землемѣровъ и кадастраторовъ лягутъ новымъ весьма чувствительнымъ налогомъ на плательщиковъ; но изъ-за чего, спрашивается, держать всю страну подъ постояннымъ надзоромъ кадастраторовъ и землемѣровъ, тревожить народъ вѣчными провѣрками и перевѣрками, чтобы достигнуть результатовъ весьма сомнительной точности и возбуждать неудовольствіе плательщиковъ неуравнительностью налагаемыхъ на нихъ налоговъ? Ужь конечно проще замѣнить эту дорого стоющую и несправедливую мѣру чѣмъ либо другимъ, болѣе простымъ и дешевымъ. Чтобы не оставлять читателя въ невѣденіи относительно такой спасительной мѣры, я скажу ему теперь, что подобная мѣра заключается въ показаніи на совѣсть самого владѣльца при сосѣдяхъ.

Поземельный налогъ въ Россіи до сихъ поръ не былъ приведенъ въ стройную систему, и въ послѣднее время явились только попытки построить его на раціональныхъ основаніяхъ, выработанныхъ Западомъ. Первыя кадастровыя описанія начались у насъ еще въ XIII столѣтіи. Переписчиками описывались земли, и основаніемъ платежей служила доходность земель или, какъ говорилось въ грамотахъ,— народу платить по мірскому разрубу, по животамъ и промысламъ. Со временемъ русскія кадастровыя описанія выработались довольно подробно и систематически. При Иванѣ IV земли измѣрялись количествомъ получаемыхъ съ нихъ произведеній, пашни—четвертями, луга—копнами, лѣса—верстами. Если какія либо внѣшнія обстоятельства создавали перемѣны въ распредѣленіи населенія и въ доходности земель, то предпринимались новыя описи. Такимъ образомъ, почти въ каждое царствованіе разсылались писцы и дозорщики, обязанностью которыхъ было привести въ извѣстность земли и доходы съ нихъ. Описанія эти обыкновенно бывали далеки до истины и не удовлетворяли цѣлямъ правительства, потому что за всякимъ описаніемъ слѣдовали милліоны жалобъ на несправед-

ливость писцовъ и на неуравнительность назначенныхъ ими платежей.

Съ Петра великаго описаніе земель прекращается. И хотя въ началѣ своего царствованія Петръ было думалъ возобновить попытку описаній, но потомъ прежняя раскладка податей по землямъ и по дворамъ была замѣнена подушной податью (1718 г.). Главнымъ поводомъ къ введенію подушной подати было желаніе получить точнѣе и проще суммы, необходимыя на содержаніе войска. Ревизія и подушная подать положили сразу, конецъ прежней возможности отдѣлаться отъ платежей. Первоначальный подушный окладъ былъ 80 копѣекъ съ души. Налогъ падалъ лишь на тѣхъ, кто пахалъ землю и производилъ промыслы и торговлю. Свободные люди, неимѣвшіе земель или торговыхъ и промышленныхъ заведеній, обязаны были приписаться къ селеніямъ или городамъ. Дворяне въ окладъ не вносились; но за то они обязаны были нести службу натурой. Если же дворянинъ въ полкъ не являлся, то записывался въ окладъ на своихъ помѣстныхъ земляхъ. Безпомѣстные дворяне должны были приписаться или къ городу или къ селенію. Изъ духовенства освобождались отъ подати только лица, состоящія на штатныхъ мѣстахъ. Вообще Петръ обладалъ вѣрнымъ практическимъ взглядомъ на экономическую роль своихъ подданныхъ и не допускалъ ни исключеній, ни привилегій. У него всякій долженъ былъ платить или деньгами, или служить государству натурой. Кто не былъ приписанъ нигдѣ, или, иначе сказать, не объявлялъ своего занятія и, такимъ образомъ, являлся безполезной податной единицей, тотъ назывался гулящимъ человѣкомъ и за свою безполезность ссылался на галеры.

Такимъ образомъ, подушная подать Петра великаго, возбудившая противъ себя въ свое время такъ много толковъ, да и нынче кажущаяся многимъ финансистамъ чудовищемъ несправедливости, была въ сущности поземельной и промысловой податью.

Въ одно время съ подушной податью былъ введенъ дополнительный сборъ, уже исключительно душевой. Эти оба сбора подвергались постояннымъ повышеніямъ и сохранились до настоящаго времени.

Возможное уравненіе платежей согласно податной способности предпринималось нашимъ правительствомъ постоянно. Уже въ 1727 году была учреждена комиссія изъ разныхъ *знатныхъ* лицъ, для приведенія въ систему податей. Комиссіи поручалось разсмотрѣть, какъ удобнѣе наложить сборъ: съ душъ ли, съ работниковъ ли, съ

дворового числа, съ тяголъ или съ земли. Комиссія не сдѣлала ничего. При Екатеринѣ II вопросъ этотъ былъ поднятъ снова, но и опять не сдѣлали ничего. Въ настоящее время учреждена комиссія для коренного пересмотра податей, но результаты, ею добытые, и принципы, ею установленные, еще неизвѣстны.

Нападки на нашу подушную подать нѣсколько преувеличены, въ томъ отношеніи, что платящая душа у насъ не больше, какъ финансовая единица, а вовсе не такая безтѣлесность, какъ думалъ Посошковъ, который увѣрялъ, что «въ счисленіи душевномъ не будетъ проку, понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая, а надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя». Хотя у насъ и берется въ основаніе душа, но эта душа всегда представляетъ собою хозяйственную личность, болѣе или менѣе связанную съ землею. Платежъ, перечисляемый на души, производился въ сущности за земли. Крестьянинъ, непользующійся участкомъ, не платилъ ничего. Тотъ, кто бралъ два тягла, и платилъ за два. Правительство, можетъ быть, и не выясняло этого вопроса удовлетворяясь удобствомъ подушнаго разсчета; но народъ понималъ дѣло правильно и, дѣлая раскладку между собою, не обязывалъ платить за землю того, кто ею не пользовался.

То, что народъ организовалъ въ извѣстную систему и подвелъ подъ свою экономическую теорію, министерство графа Киселева хотѣло выразить въ предпринятомъ имъ кадастрѣ. То, что народъ дѣлалъ по селеніямъ, уравнивая платежи между односельцами, освобождая отъ нихъ бѣдныхъ и налагая усиленныя платежи на болѣе богатыхъ, того самого хотѣлъ достигнуть кадастръ по селеніямъ цѣлой губерніи. Крестьяне дѣлали у себя раскладку по душамъ, не выходя изъ общаго сбора, падавшаго на селеніе; кадастръ же пытался дѣлать раскладку по селеніямъ, не выходя изъ общаго сбора, наложеннаго на всю губернію. Такимъ образомъ, уравненіе денежныхъ сборовъ, введенное гр. Киселевымъ, было не больше какъ обобщеніе кадастра, существовавшаго всегда въ каждой деревнѣ. Разница между этими двумя кадастрами лишь въ томъ, что одинъ былъ шире и производился съ большими расходами, но въ тоже время и помогалъ кадастру крестьянскому, когда крестьянамъ было невозможно собственными способами, облегчить тягость своихъ налоговъ. Одинъ кадастръ былъ генеральный, другой частный.

Русскій кадастръ потерпѣлъ такую же неудачу, какъ и кадастръ французскій. Когда по полученіи кадастровыхъ оцѣнокъ

оказалось, что податная способность губерній опредѣляется ими невѣрно и что губерніи необходимо уравнять между собою, то сдѣлалось очевиднымъ, что результаты, достигнутые цѣною огромныхъ усилій и затратъ, совсѣмъ не такъ блистательны, какъ предполагались первоначально. Но русское казенное управленіе оказалось отважнѣе французскаго. Французы отказались отъ всякой попытки уравнять налоги между департаментами, русскіе же кадастраторы надѣются, что имъ удастся то, что не удалось французамъ. Работы по уравненію сборовъ по губерніямъ произведены уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но насколько результаты ихъ удовлетворяютъ предположенной цѣли, пока еще неизвѣстно.

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ гр. Муравьева, прежнему кадастру былъ нанесенъ существенный ударъ, и инструкціею 1859 года установлены новыя основанія. По прежней инструкціи производилась только раскладка въ каждой губерніи заранѣе опредѣленнаго оклада; по новой же дѣлалось не уравненіе сборовъ, а оцѣнка земель и опредѣлялся размѣръ оброчной платы на основаніи дѣйствительной стоимости и доходности угодій. По инструкціи 1859 года оброчная плата за землю принимается равной четверти оцѣночнаго дохода. Чтобы не вышло ошибки, сумма вычисленнаго оброчнаго платежа повѣряется съ платою за наемъ поземельныхъ угодій въ той же мѣстности. Если окажется, что четверть оцѣночнаго дохода выше оброчныхъ цѣнъ, то она понижается; если же ниже, то повышается. Такимъ образомъ, мысль гр. Муравьева заключается въ томъ, чтобы государственные крестьяне считались какъ бы арендаторами казенныхъ земель и платили за нихъ въ казну арендную плату, существующую въ ихъ мѣстности на земли, отдаваемыя въ наемъ. Вводя это новое основаніе, гр. Муравьевъ узаконялъ и уяснялъ юридически то, что прежде являлось или вопросомъ неяснымъ, или даже и вовсе не представлялось вопросомъ. Гр. Муравьевъ хотѣлъ сказать, что если освобожденные помѣщичьи крестьяне должны платить за право пользованія землею помѣщичьей и если въ одномъ случаѣ является хозяиномъ помѣщикъ, то совершенно въ томъ же положеніи по отношенію къ государственнымъ имуществамъ находятся крестьяне государственные. Они не хозяева той земли, на которой живутъ, а ея арендаторы; а слѣдовательно и должны платить въ казну арендную плату, которая по вычисленію кадастраторовъ равняется четверти чистаго крестьянскаго дохода.

Въ тоже время начато производство кадастра на новыхъ осно-

ваніяхъ и приступлено въ видѣ опыта къ продажѣ крестьянамъ ихъ оброка за земли. Выкупная сумма опредѣлялась капитализаціей оброчной подати изъ 5%. Въ ноябрѣ 1866 года право выкупа распространено на всѣ губерніи. Сельскимъ обществамъ предоставляется право освобождаться отъ оброчной подати взносомъ процентныхъ бумагъ на такую сумму, проценты къ которой равняются суммѣ оброчной подати.

Этимъ способомъ параллельно съ освобожденіемъ крестьянъ помѣщичьихъ, положено начало личной собственности у крестьянъ государственныхъ. Въ какой степени будетъ успѣхъ этого дѣла, и какъ великъ долженъ быть капиталъ, потраченный крестьянами, чтобы превратить свое общинное владѣніе въ личное, попытаюсь опредѣлить хотя приблизительно.

Государственныхъ крестьянъ считается у насъ болѣе 10 милліоновъ. Четверть оцѣночнаго дохода, капитализація которой составляетъ выкупную сумму, можно принять, безъ большой ошибки, равной средней оброчной подати, которую бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ нынче помѣщикамъ, т. е. нѣсколько болѣе 8 рублей. Эти 8 рублей, помноженные на 10 милліоновъ или на число душъ крестьянъ, дадутъ 80 милліоновъ, а капитализованные изъ 5% образуютъ почтенную цифру 1,600,000,000. Разсчетъ этотъ уже потому вѣренъ, что онъ ниже дѣйствительнаго и при всемъ томъ цифра такъ велика, что едва ли есть основаніе предполагать, что при нынѣшнемъ размѣрѣ своей податной способности нашъ государственный крестьянинъ былъ бы въ состояніи отвѣтить призывно въ близкомъ будущемъ на мысль гр. Муравьева. По нѣкоторымъ уже имѣющимся основаніямъ мы можемъ даже опредѣлить приблизительно, какъ велико вѣроятіе скораго выкупа. Съ 1861 по 1866 г. выкуплено на этомъ основаніи въ 8 губерніяхъ 181,193 десятины на сумму 1,525,184 руб. На этомъ основаніи выкупъ всей земли, или 53,128,654 десятины, можетъ свершиться только въ теченіи 175 лѣтъ. Очень можетъ быть, что если крестьяне сдѣлаются богаче или проникнутся энергичнѣе мыслью сдѣлаться личными собственниками, то разсчетъ этотъ измѣнится. Но я бралъ въ основаніе тотъ размѣръ успѣха, который сопровождалъ мысль гр. Муравьева до сихъ поръ.

Чтобы проводимая мною мысль напечатлѣлась полнѣе въ представленіи читателя, я повторяю подобный же разсчетъ по отношенію къ помѣщьимъ крестьянамъ. Ихъ считается тоже съ небольшимъ 10 милліоновъ, и если мы допустимъ, что успѣхъ выкупа

будетъ у нихъ такой же, какъ у крестьянъ государственныхъ, то въ тотъ же срокъ они внесутъ такую же сумму, какъ и эти, и затѣмъ русское крестьянство, выплативъ въ теченіи 175 лѣтъ 3,200,000,000, превратится въ полныхъ собственниковъ занимаемой ими земли.

Наши финансисты справедливо замѣчаютъ, что въ Россіи не существуетъ правильнаго поземельнаго налога, и въ выкупѣ крестьянами земли видятъ тотъ моментъ, когда назначеніе подобнаго налога сдѣлается возможнымъ. Но нельзя отрицать справедливость и другой мысли, можетъ быть, болѣе практичной. Три миліарда выкупа—сумма слишкомъ большая, а 175 лѣтъ почти два вѣка, и гадать о такомъ отдаленномъ времени, и свои нынѣшнія теоретическія умозаключенія выдавать, какъ конечный научный предѣлъ и какъ истину для людей, которые народятся чрезъ два столѣтія,—едва ли практично: чтобы не вышла ужь слишкомъ большая финансовая и экономическая чепуха.

Эту параллель между нашимъ земельнымъ вопросомъ и вопросомъ о землѣ за-границей я привелъ нарочно для того, чтобы показать, насколько еще вопросъ этотъ у насъ не выяснился, не разработался самимъ ходомъ исторической жизни, и какъ мало еще основаній руководствоваться намъ въ своей внутренней экономической жизни юридическими теоріями западныхъ финансистовъ, которымъ мы усиливаемся слѣдовать черезъ чуръ упорно.

Перехожу къ другимъ видамъ налоговъ, имѣющимъ большую или меньшую связь съ нашей податной системой.

Я уже говорилъ, что система налоговъ въ западной Европѣ сложилась совершенно случайно. Требовались ли деньги на какую нибудь чрезвычайную надобность, а денегъ въ казначействѣ не доставало, и вотъ финансисты измышляли какой нибудь новый налогъ, рѣдко задумываясь о томъ, какую онъ имѣетъ связь съ налогами, уже существующими. Такимъ образомъ, одни налоги входили въ другіе, и получилась, наконецъ, та путаница, которую приходится распутывать нашему времени. Однимъ изъ подобныхъ налоговъ есть налогъ на промыслы.

Налогъ на промыслы явился въ Европѣ довольно поздно, потому что иначе онъ бы противорѣчилъ постоянно выражавшемуся стремленію Европы развивать свою собственную промышленность. Конечно, если финансовое управленіе имѣетъ задачей облагать налогомъ всякій доходъ, то нельзя исключить изъ него и промышленность. Но какъ только мы покончимъ съ теоретической сторо-

ной вопроса и обратимся къ практикѣ, то немедленно наталкиваемся на непреодолимыя трудности.

Чтобы опредѣлить размѣръ промысловаго налога, нужно знать размѣръ промысловаго дохода. Какимъ образомъ узнать этотъ доходъ, когда его не знаютъ часто и сами производители? Судить по внѣшнимъ признакамъ совершенно невозможно, ибо этихъ внѣшнихъ признаковъ совсѣмъ не существуетъ. Какимъ образомъ вы узнаете со стороны: въ убытокъ или въ выгоду себѣ дѣйствуетъ какой нибудь богатый купецъ или фабрикантъ? Если бы это было возможно, то предвидѣлось бы всякое банкротство, и никто бы не ввѣрялъ своихъ денегъ людямъ, дѣла которыхъ пошли въ убытокъ.

Но у большихъ торговцевъ и производителей ведутся, по крайней мѣрѣ, книги, и такъ или иначе, но съ нѣкоторой приблизительностью можно все-таки опредѣлить размѣръ и выгоду ихъ дѣла. Ничего подобнаго не узнаешь у мелкаго ремесленника, потому что онъ и самъ не знаетъ, насколько онъ производитъ въ годъ. Скапливаются въ его шкатулкѣ деньги, значитъ дѣло идетъ ладно; денегъ нѣтъ—значитъ дѣло идетъ плохо. А сколько такихъ денегъ соберется, сколько ихъ уйдетъ на жизнь, ни одинъ мелкій производитель не можетъ опредѣлить съ точностью. Слѣдовательно, не допуская даже возможности обмана, трудность заключается въ собственномъ невѣденіи производителей.

Чтобы отстранить это затрудненіе, финансисты предлагали опредѣлить размѣръ промысловаго дохода по размѣру платы за наемъ помѣщенія. Но это основаніе уже слишкомъ шатко. Напр., трактирщикъ или содержатель харчевни, по сущности своего дѣла, долженъ имѣть большое помѣщеніе, ограничиваясь, можетъ быть, въ тоже самое время самымъ ничтожнымъ доходомъ, тогда какъ ювелиръ или часовой мастеръ можетъ вести большое дѣло въ маленькомъ помѣщеніи. Размѣръ основного капитала помогаетъ точно также мало. Есть занятія невозможныя безъ сравнительно большаго основнаго капитала, какъ напр. тѣ производства, гдѣ обрабатывается большая или меньшая масса желѣза. Въ тоже время банкиръ можетъ производить милліонныя операціи безъ всякаго основного капитала.

И по числу рабочихъ можно судить съ такою же достовѣрностью о доходности промысловъ. У столяра, занятаго изготовленіемъ ящиковъ для какихъ нибудь пряниковъ или сластей, можетъ работать много рабочихъ, а доходъ будетъ малъ; а краснодеревецъ получитъ большой доходъ съ однимъ или двумя рабочими.

Но самое главное затрудненіе заключается въ томъ, что неизвѣстно, работаетъ ли промышленникъ на свой собственный капиталъ или въ кредитъ. Работая въ кредитъ, онъ изъ своего дохода долженъ выплатить, можетъ быть, большую часть въ видѣ процентовъ, а между тѣмъ его обложатъ такимъ же налогомъ, какъ и того, который ничего не платитъ.

Очевиднѣе всего нераціональность промысловой подати изъ ея практическаго примѣненія, доведеннаго въ нѣкоторыхъ странахъ до совершеннаго абсурда. Напр., въ Виртенбергѣ промысловая подать раздѣлена на 659 классовъ. Каждое ремесло, каждый промыселъ подраздѣленъ на множество категорій; а для каждой категоріи и въ каждой отдѣльной мѣстности назначенъ особенный налогъ. По истинѣ жаль тѣхъ бѣдняковъ чиновниковъ, которымъ приходится знать и распутывать всю эту чепуху, придуманную виртенбергскими учеными финансистами.

Есть еще одинъ налогъ, можетъ быть, лучшій изъ всего, что было до сихъ поръ придумано—налогъ на доходы. Мысль этого налога принадлежитъ Вилльяму Питу. Когда во время наполеоновскихъ войнъ, военные расходы Англіи потребовали чрезвычайныхъ источниковъ, явился въ Англіи подоходный налогъ (income-tax). Каждый доходъ свыше 60 фунтовъ объявленъ подлежащимъ прогрессивному налогу 0,825 до 5%. Налогъ этотъ, возраставшій по мѣрѣ усиленія военныхъ расходовъ Англіи, не пользовался популярностью у мѣстнаго населенія, и потому, когда Наполеонъ былъ увезенъ на о—въ Елены, подоходный налогъ былъ отмѣненъ. А чтобы онъ не могъ быть введенъ снова, всѣ документы по распоряженію парламента были уничтожены. Несмотря, однако, на это, спустя 25 лѣтъ налогъ этотъ былъ введенъ снова при отмѣнѣ прежнихъ хлѣбныхъ налоговъ.

Англійскій подоходный налогъ дѣлится на 5 категорій и падаетъ на всѣ виды недвижимой собственности, на доходы съ движимостей, на дивиденды, проценты съ капиталовъ, промышленный и коммерческій доходъ, наконецъ, на жалованье и пенсіи чиновниковъ.

Примѣръ Англіи нашелъ себѣ подражаніе между континентальными государствами, и съ тѣхъ поръ налогъ этотъ находитъ себѣ все больше и больше всеобщее примѣненіе. Несмотря, однако, на это и на кажущуюся справедливость основного принципа, подоходный налогъ, хотя и лучшій изъ остальныхъ, имѣетъ много недостатковъ.

Хотя въ основаніи этого налога лежитъ та мысль, что размѣръ дохода каждаго долженъ служить масштабомъ его податной способности, но несмотря на то большая разница въ томъ, какими путями пріобрѣтаются людьми одинаковые доходы. Возьмемъ, напр., мелкаго ремесленника, добывающаго упорнымъ трудомъ и среди всякихъ крайнихъ лишеній 500 руб. дохода, и такіе же 500 руб. дохода, добываемые другимъ процентами на свой капиталъ. Съ того момента, какъ ремесленникъ перестанетъ трудиться, прекращается его доходъ. Человѣкъ же, живущій процентами съ своего капитала, будетъ имѣть ихъ до самой смерти, не шевеля пальцъ о пальцъ. Если бѣдному труженнику позволительно думать объ обезпеченіи своей старости, то, конечно, этимъ самымъ дается ему право дѣлать изъ своего дохода сбереженіе на черный день. А между тѣмъ и доходъ бѣднаго ремесленника, и доходъ капиталиста облагаются однимъ налогомъ.

Еще рѣзче видна несправедливость подоходнаго налога изъ того, что онъ падаетъ на самый трудъ, на дѣятельность и обходитъ покровительственно праздность и мертвый капиталъ. Человѣкъ, живущій дѣятельнымъ трудомъ, долженъ платить за то, что онъ трудится, и премія дается праздности. Этимъ путемъ преграждается всякое экономическое движеніе впередъ и поощряется ничего недѣланіе, ибо платитъ только производительная дѣятельность, а непроизводительная отъ платежа освобождена. Предположите богача, проживающаго свой капиталъ. Онъ будетъ избавленъ отъ подоходнаго налога въ ущербъ трудолюбивому человѣку, увеличивающему народный капиталъ. Такимъ образомъ, налогъ на доходъ явится поощреніемъ праздности и роскоши и стѣсненіемъ полезной дѣятельности.

Подобное же возраженіе можно сдѣлать и противъ налога на доходъ.

Въ отдаленныя времена было совершенно справедливо высказывать мысль, что каждый долженъ платить государству по своимъ средствамъ. Но въ настоящее время такая мысль страдаетъ неясностью, ибо явилась разница между денежнымъ капиталомъ и собственностью другихъ видовъ.

Налогъ на капиталъ больше, чѣмъ какіе либо другіе виды налога вызвалъ разсужденія, споры и толки. Противники этого налога доказывали, что имъ уменьшается размѣръ народнаго имущества и уменьшается производительный капиталъ страны. Но противъ этого можно возразить тѣмъ, что налогъ на капиталъ, выплачивае-

мый кѣмъ либо, вовсе неопредѣляетъ способа платежа. Онъ можетъ быть выплачиваемъ изъ дохода, и весь вопросъ сводится лишь къ тому, чтобы налогъ не поглощалъ всего дохода. Въ этомъ смыслѣ каждый налогъ составляетъ покушеніе на народный капиталъ.

Второе замѣчаніе, дѣлаемое противниками этого налога, заключается въ томъ, что онъ ложится на капиталъ, неприносящій дохода, и потому падаетъ не уравнительно. И прекрасно, этого-то именно и нужно. Если вамъ вздумается положить милліонъ въ алмазы и брильянты, то спрашивается, почему только по этой причинѣ васъ слѣдуетъ освободить отъ платежа налога. Въ этомъ отношеніи налогъ на капиталъ представляетъ даже очевидную выгоду. Если, располагая большимъ капиталомъ, вы заведете у себя картинную галлерею, охотничьи парки и зимніе сады, а другой свой маленькій капиталецъ употребитъ на выгодное производство, то, конечно, васъ необходимо подвергнуть платежу, ибо этимъ самымъ поощрится полезная дѣятельность бѣдняка и наложится узда на ваше безуміе. Въ этомъ отношеніи налогъ на капиталъ справедливѣе налога на доходъ. Налогъ на доходъ стѣсняетъ полезную дѣятельность, налогъ на капиталъ ее поощряетъ, ибо если каждый извѣстный капиталъ будетъ обложенъ извѣстнымъ налогомъ, то тотъ, кто своею энергическою дѣятельностью значительно увеличитъ доходъ съ него, конечно получитъ премію за свою дѣятельность. При налогѣ съ капитала увеличенный доходъ остается въ вашемъ распоряженіи; при налогѣ же съ дохода на каждую увеличившуюся его часть финансовое управленіе немедленно налагаетъ свою руку.

Не смотря на эти выгоды налога съ капитала, онъ не заслуживаетъ особенной похвалы, ибо исключаетъ изъ платежа многихъ получающихъ большія средства, но въ тоже время неимѣющихъ капитала. Напр., какой нибудь маршалъ или министръ, получающій въ годъ тысячь 50 содержанія, будетъ стоять внѣ этого налога, а ремесленникъ или чиновникъ, скопившій на старость капиталецъ, небольше, какъ спасающій его отъ голоду, обязанъ будетъ платить налогъ.

Другая невыгода заключается въ томъ, что размѣръ налога не опредѣляется производительной силой капитала. Два одинаковыхъ капитала могутъ давать разныя выгоды, благодаря исключительно разной энергіи ихъ владѣльцевъ. Наконецъ, наиболѣе важное неудобство налога на капиталъ заключается въ томъ, что онъ поощряетъ небережливость и мотовство. Люди будутъ стремиться не къ тому, чтобы увеличивать свое состояніе и употреблять его на

прочное улучшеніе и украшеніе своей жизни, а, напротивъ, постараются растратить его возможно неразсудительнымъ и предосудительнымъ способомъ.

Этимъ кончаю обзоръ тѣхъ налоговъ, которые зовутся обыкновенно прямыми, и перехожу теперь къ важнѣйшимъ и наиболѣе развитымъ и разнообразнымъ налогамъ, падающимъ на потребленіе. Налоги эти зовутъ косвенными.

III.

Характеристическая особенность налога на потребленіе заключается въ томъ, что онъ соотвѣтствуетъ не размѣру податной способности каждаго платящаго, а соразмѣряется исключительно съ потребленіемъ имъ извѣстныхъ предметовъ.

Въ бюджетахъ современныхъ государствъ налогъ на потребленіе играетъ первую роль и составляетъ нерѣдко болѣе 60% всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Такая значительная цифра не служитъ однако ни теоретической, ни практической рекомендаціей налога на потребленіе.

Конечно, если бы налогъ на потребленіе могъ быть проведенъ послѣдовательно такъ, что, падая на все и на всѣхъ, въ соотвѣтственной равномѣрности, производилъ бы на всѣхъ одинаковое давленіе, то возраженій противъ этого налога дѣлать было бы невозможно. Если бы можно было сказать, что такой-то потребляетъ того-то въ 10 разъ больше, чѣмъ его сосѣдъ, слѣдовательно и его податная способность въ 10 разъ больше, то неоспоримо, что налогъ на потребленіе былъ бы налогомъ справедливымъ. Но этого нѣтъ и этого сказать нельзя. А сказать этого нельзя потому, что размѣръ потребленія не опредѣляетъ размѣра средствъ, а размѣръ средствъ не опредѣляетъ размѣра потребленія. Предположимте, что мы съ вами одинаково богатые люди, и что тратимъ на жизнь одинаковое количество денегъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что мы употребимъ одинаковое количество предметовъ, обложенныхъ налогомъ? Слѣдуетъ ли изъ этого, что вы и я съѣдимъ одинаковое количество мяса, хлѣба, выпьемъ и выкуримъ одинаковое количество вина и табаку. Поэтому понятно, что налогъ на потребленіе, приведенный къ своей основной сущности, является налогомъ пого-

ловнымъ, и поголовнымъ налогомъ въ самомъ несправедливомъ и худшемъ его видѣ.

Защитники налога на потребленіе говорятъ, что хорошая сторона его заключается въ его многообразіи. Что этимъ многообразіемъ достигается будто бы уравнительность и справедливость, ибо сама собой устанавливается та равномѣрность тягости, по которой излишній платежъ на одинъ предметъ потребленія уравновѣшивается меньшимъ платежемъ на другой. Но разсуждать такимъ образомъ значитъ прямо заявлять свою неспособность устроить сознательную, толковую систему налоговъ и предоставлять случаю то, что должно быть рѣшено самими.

Другая выгода, изображаемая защитниками, заключается, по ихъ увѣренію, въ томъ, что отъ самихъ плательщиковъ зависитъ платить или не платить извѣстный налогъ. Но я васъ попрошу, читатель, переселиться въ Парижъ и затѣмъ сказать, насколько въ дѣйствительности вы пользуетесь правомъ подобнаго свободнаго выбора. Въ Парижѣ обложено налогомъ рѣшительно все, кромѣ воздуха. Какимъ же образомъ вы можете устраниться отъ платежа, когда хлѣбъ, мясо, масло, чай, сахаръ, кофе и рѣшительно все съѣстное, привозимое въ городъ, обложено налогомъ? Очевидно, что подобная выгода существуетъ въ одномъ воображеніи защитниковъ.

Говорятъ еще, что выгоды налога на потребленіе заключаются въ томъ, что онъ выплачивается незамѣтно для плательщика. Это совершенно справедливо, и потому-то особенно и прискорбно. Для человѣка недостаточно знакомаго съ сущностью налога на потребленіе совершенно темно, сколько онъ уплатитъ. Но вѣдь въ этомъ заключается не достоинство, а напротивъ, недостатокъ косвенныхъ налоговъ. Почему именно требуется мракъ въ этой области и почему финансистамъ нравится, когда всѣ, не исключая и ихъ самихъ, будутъ толкаться въ потемкахъ?

Говорятъ еще, что выгоды налога на потребленіе заключаются въ томъ, что каждый иностранецъ привлекается тоже къ платежу. Но почему, спрашивается, они должны платить косвеннымъ, а не прямымъ образомъ?

Всѣ эти выгоды въ сущности небольше какъ невыгоды. Конечно справедливо, что уплата налога мелочными дробями легче для народа, чѣмъ сразу крупными цифрами. Но и эта выгода слишкомъ ничтожна, ибо кто же мѣшаетъ большую сумму раздѣлить на мелкіе платежи? А между тѣмъ именно этотъ мелочной платежъ на-

дастъ особенной тягостью на народъ, ибо для надзора за правильностью поступленія косвенныхъ налоговъ требуется усиленная дѣятельность и, слѣдовательно, усиленный комплектъ надсмотрщиковъ, для которыхъ собирается жалованье съ тѣхъ же самыхъ плательщиковъ.

Наконецъ пусть читатель обратитъ вниманіе на нравственное вліяніе этого налога. Если налогъ на потребленіе слишкомъ высокъ, то онъ вызываетъ немедленно контрабанду, поддѣлку и всякихъ видовъ обманъ, вредно дѣйствующій на нравственность и на здоровье потребителей.

Я разсмотрю теперь главные виды налога на потребленіе, придуманные финансистами западной Европы, и читатель убѣдится самъ, насколько все, сказанное выше, справедливо.

На Западѣ существуетъ еще и до сихъ поръ налогъ на хлѣбъ въ зернѣ, привозимый для размола. За мельниками смотрится строго, чтобы никто изъ нихъ не посмѣлъ принять ни одного зернушка, неоплаченнаго налогомъ. Понятно, что такой строгій надзоръ связываетъ всю хлѣбную торговлю. Еще вреднѣе дѣйствуетъ онъ на оплачивающую налогъ публику, ибо понятно, что ни одинъ мельникъ не захочетъ принять этого налога на себя, а постарается переложить его на покупателей. Булочники и мучные торговцы поступятъ точно также какъ мельникъ и къ потребителямъ печенаго хлѣба налогъ этотъ перейдетъ въ видѣ хлѣбнаго налога. Ясно, что налогъ на зерно является настоящимъ поголовнымъ налогомъ,— налогомъ тѣмъ болѣе несправедливымъ, что онъ ложится всею своею тягостью на бѣдныхъ. Въ хозяйствѣ бѣдняковъ хлѣбъ играетъ главную роль. Въ хозяйствѣ богачей послѣднюю. Понятно, что бѣдный по отношенію къ богатому выплатитъ несоразмѣрно большую часть налога именно на такой предметъ, лишеніе котораго для него равносильно голоду. Напр., богатый, проживающій по отношенію къ бѣдному въ 1,000 разъ больше, не съѣдаетъ еще оттого въ 1,000 разъ больше хлѣба, слѣдовательно и налогъ на хлѣбъ для богача является совершенно ничтожной тягостью, а на бѣдняка или на нищаго, питающагося исключительно хлѣбомъ, онъ ложится тягостью вполнѣ несоразмѣрной.

Если притомъ, обратить еще вниманіе на необходимость строгого надзора за точнымъ соблюденіемъ торгующими и промышленниками установленныхъ правилъ, и что для этого каждая мѣстность должна быть оцѣплена стражей, то тягость подобнаго налога является зломъ вполнѣ грандіознымъ. Приведу въ примѣръ

хотя Парижъ. Городъ обнесенъ стѣной; ворота только мѣстами: у воротъ досмотрщики. Не будь стѣны, каждый бы въѣзжалъ прямо въ ту улицу, какая ему нужна, теперь же необходимо дѣлать кругъ и въѣзжать непремѣнно въ извѣстныя ворота. Въ этихъ воротахъ васъ останавливаютъ; обшариваютъ вашъ экипажъ; осматриваютъ всѣ ваши вещи и будь вы даже просто путешественникъ съ небольшимъ дорожнымъ мѣшкомъ, вашего мѣшка въ покоѣ не оставятъ, а съ назойливымъ усердіемъ разсмотрятъ все его содержимое, чтобы опредѣлить, не скрывается ли въ немъ мясо, мука, или что нибудь подобное. Не знаю, какъ нынче, но нѣсколько лѣтъ назадъ путешественниковъ, пріѣзжающихъ въ Парижъ по желѣзной дорогѣ, подвергали самому тщательному надзору, осматривали всѣ ихъ мѣшки и чемоданы, точно какъ будто бы было какое нибудь разумное основаніе подозрѣвать, что путешественникъ, ѣдущій изъ Германіи во Францію, везетъ съ собою говядину или колбасу. Чего стоитъ содержаніе подобнаго надзора и чего стоитъ безполезное задерживаніе и безпокойство проѣзжающихъ!

Другой предметъ потребленія, подлежащій налогу и, можетъ быть, не менѣе важный, чѣмъ хлѣбъ, есть говядина. Налогъ на мясо есть средневѣковое изобрѣтеніе. Но что находило себѣ оправданіе въ XVI или XVII столѣтіяхъ, совершенно неумѣстно въ XIX. Нынче, при развитіи промышленности и торговли, всякіе барьеры и заставы являются мѣрами черезъ чуръ убыточными чтобы можно было ихъ защищать. Въ наше время сношенія не только между отдѣльными государствами, но даже между отдѣльными частями свѣта гораздо сильнѣе, чѣмъ были въ средніе вѣка сношенія между двумя рядомъ лежащими городами.

Но кромѣ этого общаго зла, налогъ на говядину имѣетъ свои частныя невыгоды. Въ сельскихъ мѣстностяхъ его нѣтъ, а существуетъ онъ лишь въ городахъ. Почему же спрашивается городскіе жители должны платить за говядину гораздо дороже, чѣмъ сельскіе? Далѣе, налогъ на мясо ложится всею своею тягостью лишь на дешевые сортименты. Отъ него освобождаются свинина и дичь четвероногая и пернатая. Слѣдовательно, налогъ этотъ несутъ не тѣ господа, которые услаждаютъ свой вкусъ разными рагу и сыромъ изъ дичи, а тѣ, кто ѣстъ простое воловье мясо, т. е. какъ разъ промышленно-рабочее населеніе, нуждающееся по преимуществу въ сытной питательной пищѣ.

Что же касается до трудности надзора и издержекъ собиранія налога, то они виднѣе всего изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Саксоніи

налогъ на бойни дастъ 420,000 талеровъ валоваго дохоту, расходъ же взиманія—126,000 талеровъ. Слѣдовательно въ государственное казначейство поступаетъ лишь 294,000 талер. и потребители должны заплатить совершенно даромъ 126,000 или 43%.

Налогъ на соль такое же старинное изобрѣтеніе, какъ и налогъ на говядину. Но разница между ними та, что безъ говядины прожить можно, а безъ соли нельзя. Отъ говядины можно еще отказаться въ извѣстной степени; хлѣбъ, обложенный налогомъ, можно замѣнить пожалуй картофелемъ; но соль замѣнить ничѣмъ нельзя: человѣкъ ее ѣсть *долженъ*. Поэтому налогъ на соль есть истинный поголовный налогъ.

Сравнивая богатаго съ бѣднымъ, мы видимъ, что въ кухнѣ перваго соль вовсе не играетъ такой важной роли, ибо замѣняется частью, а иногда даже и въ значительной степени разными пряностями, раздражающими вкусъ и способствующими выдѣленію слюны. Въ кухнѣ же простолюдина, гдѣ кромѣ хлѣба и картофеля нѣтъ иногда ничего, соль составляетъ существенную незамѣнимую принадлежность. Поэтому налогъ на соль, заставляющій уменьшать потребленіе, является прямымъ источникомъ бѣдности.

Кромѣ домашней жизни соль есть необходимый предметъ во многихъ производствахъ, напр. при изготовленіи соляной кислоты и соды и въ такой же степени необходима она въ сельскомъ хозяйствѣ. Если налогъ на соль возвышаетъ ея цѣну, то очевидно, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уменьшаетъ и ея потребленіе и это подтверждается вполнѣ слѣдующими цифрами. Въ Англіи на каждаго человѣка приходится 40 фунтовъ, во Франціи, отъ 22 до 30 ф., въ Германіи же отъ 14 до 20 фунтовъ. И еслибы налогъ на соль поступалъ въ своемъ полномъ количествѣ въ государственное казначейство, то при всей его тягости его бы можно было если и не оправдывать, то, по крайней мѣрѣ, терпѣть съ грѣхомъ пополамъ. Но спрашивается, за что народъ долженъ платить вдвое на расходы взиманія. Напр. во Франціи, изъ 40 милліоновъ валоваго дохода, 10 милліоновъ франковъ составляютъ расходъ взиманія; въ Пруссіи изъ 10 милліоновъ талеровъ — $3^1/_2$ расходъ взиманія; въ другихъ государствахъ отношеніе еще хуже.

Я уже упоминалъ, что количество потребленія соли зависитъ прямо отъ размѣра налога и чѣмъ меньше налогъ, тѣмъ больше потребленіе, поэтому наибольшее количество соли потребляется въ Англіи, гдѣ нѣтъ налога; а наименьшее въ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ существуетъ самый большой налогъ.

Послѣ того, что было говорено о зловредности налога на предметы такой существенной необходимости, какъ хлѣбъ, мясо и соль, налогъ на вино и табакъ можетъ казаться зломъ меньшимъ; но меньшее зло оттого, что оно мало, не становится еще добромъ.

Конечно, если вино потребляется въ огромномъ количествѣ и безъ мѣры, то оно перестаетъ быть предметомъ необходимости, а дѣлается предметомъ роскоши. Но это замѣчаніе не можетъ никакъ относиться къ простонародью. Для рабочаго человѣка, особенно питающагося недостаточно питательной и здоровой пищей, вино составляетъ прямую необходимость. И вообще замѣчено, что тѣ пьютъ больше вина, кто занятъ болѣе тяжелой работой. Поэтому главными потребителями вина является бѣдное рабочее населеніе.

Что же мы замѣчаемъ въ налогѣ? А замѣчаемъ мы то, что онъ падаетъ равномѣрно на всѣ сорты винъ не по ихъ качеству, а по объему сосудовъ и такимъ образомъ, чѣмъ вино дороже, тѣмъ оплачиваетъ оно меньшую подать, а чѣмъ дешевле, тѣмъ платитъ больше.

Дороговизна вина, являющаяся слѣдствіемъ налога, ведетъ къ тому, что винные торговцы придумываютъ всякія плутни и подмѣси, и потребителямъ, вмѣсто чистаго вина, даются искуственные винообразные напитки. Кромѣ того необходимость надзора ведетъ къ постоянному вѣчному вмѣшательству полицейскихъ и другихъ досмотрщиковъ и ни трактирщикамъ, ни виноторговцамъ, ни изготовителямъ вина не только не даютъ покою, но напротивъ держатъ ихъ въ вѣчномъ страхѣ внезапнаго осмотра.

Все, что я говорилъ о налогѣ на вино, примѣняется вполнѣ и къ налогу на водку. Налогъ на водку считается однимъ изъ наиболѣе удобныхъ и выгодныхъ налоговъ, во-первыхъ, по размѣру потребленія, а во-вторыхъ, какъ выражаются финансисты, потому, что ни одинъ предметъ не можетъ такъ легко нести налога, какъ водка. Говоря понятнѣе это значитъ, что наложи налогъ на водку въ 10 разъ больше того, что она сама стоитъ, ее все-таки пить будутъ. И надобно согласиться, что финансисты, затрудняющіеся въ отысканіи источниковъ государственныхъ доходовъ, правы, если кромѣ водки у нихъ нѣтъ въ виду другого источника.

Тѣмъ не менѣе налогъ на водку, хотя и въ меньшей степени, но не лишенъ тѣхъ невыгодныхъ сторонъ, о которыхъ говорилось ранѣе. Во-первыхъ размѣръ потребленія вина каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ зависитъ отъ его сложенія, образа жизни, занятій, даже

отъ качества одежды. Поэтому очевидно, что если я пью больше водки, чѣмъ вы, по условіямъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ живу и дѣйствую, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы моя податная способность была больше вашей. За чтоже я плачу больше, чѣмъ вы? Очевидно только за то, что, по обстоятельствамъ отъ меня нисколько независящимъ, я нуждаюсь больше въ напиткѣ, дѣйствующимъ возбудительно на мои нервы. Это будетъ также справедливо, какъ заставить меня платить больше за хлѣбъ и за говядину, чѣмъ васъ, потому только, что я больше и сильнѣе васъ и больше васъ работаю.

Но защитники налога на спиртуозные напитки, которымъ очень хорошо извѣстно, что налогъ на нихъ имѣетъ совершенно тѣ же недостатки, какъ и вообще всѣ налоги на потребленіе, увѣряютъ, что онъ имѣетъ нравственно-воспитательное значеніе. Замѣчаніе это было бы конечно справедливо, если бы не отличалось двумя существенными недостатками: дѣтской наивностью и невѣденіемъ исторіи. Пусть защитники заглянутъ въ самихъ себя и скажутъ съ полной откровенностью, что имѣло вліяніе на направленіе ихъ склонностей и привычекъ и возможно ли измѣнять то и другое внѣшними вліяніями и съ такою быстротой, какъ они думаютъ, перевоспитывать пьющихъ людей? Если защитникамъ не захочется заглядывать въ самихъ себя, то пусть они обратятъ вниманіе на факты исторіи. Они увидятъ, что характеръ и наклонности народа нельзя измѣнять мгновенно внѣшними принудительными мѣрами, а тѣмъ болѣе системою налоговъ. Прочныя вліянія достигаются прочными перемѣнами въ бытѣ народа и измѣненіемъ обстоятельствъ, заставляющихъ поступать его именно такъ, а не иначе.

Кромѣ того высокій налогъ на водку нельзя признать достигающимъ цѣли еще и потому, что цѣна водки опредѣляется не налогомъ, а расходами производства. Налогъ можетъ повышать цѣну только временно. Если вздорожавшій напитокъ найдетъ меньше потребителей, то это прежде всего невыгодно самимъ производителямъ. Они, конечно, постараются придумать средство для удешевленія производства и для пониженія поэтому цѣны на вино. Вслѣдъ за пониженіемъ цѣны увеличится потребленіе, и пьянство, которое хотѣли обуздать финансисты, достигнетъ снова своего уровня.

Никто конечно не станетъ утверждать, чтобы пьянство вообще не существовало въ простонародьи. Но это пьянство нисколько не меньше того, которому предаются люди другихъ сословій. Здѣсь зло, если оно дѣйствительно зло, — общее. Но нельзя также отри-

цать и того, что злоупотребленіе спиртуозными напитками не есть болѣзнь поголовная. Пьянство будетъ и въ томъ случаѣ, если водка станетъ продаваться изъ аптекъ и никакой налогъ не научитъ пьяницъ трезвости. Но если налогъ безсиленъ противъ пьяницъ, то зачѣмъ обременять имъ не пьяницъ, т. е. людей, для которыхъ употребленіе вина составляетъ существенно-необходимую потребность.

Наконецъ нельзя не обратить вниманіе еще и на то, что винокуренное производство есть отрасль сельскаго хозяйства, что оно открываетъ сбытъ зерну въ болѣе выгодной его обработкѣ, что, наконецъ, барда служитъ чрезвычайно выгоднымъ сурогатомъ при откармливаніи скота.

Всѣхъ этихъ обстоятельствъ совершенно достаточно для уясненія той основной идеи, что налогъ на вино не соотвѣтствуетъ вполнѣ ни одной изъ тѣхъ цѣлей, для достиженія которыхъ его устанавливаютъ. Впрочемъ это общее свойство всѣхъ налоговъ на потребленіе. Правда, денежные результаты, ими достигаемые, блистательны, но вовсе не такъ блистательны умозаключенія финансистовъ, и нравственныя и экономическія вліянія этихъ налоговъ на потребителей вообще, а на простонародье въ особенности.

Налоги на потребленіе имѣютъ еще и другую вредную сторону, потому что даютъ промышленности извѣстнаго народа искуственное тепличное направленіе. Лучшимъ примѣромъ этого служитъ созданное Наполеономъ I свеклосахарное производство. Во Франціи до Наполеона приготовленіе сахара изъ свекловицы было не больше, какъ лабораторнымъ дѣломъ, въ родѣ нынѣшняго приготовленія аллюминія. Когда Наполеонъ континентальной системой заперъ доставку во Францію колоніальныхъ товаровъ, пришлось по необходимости обратить вниманіе на приготовленіе сахара въ большихъ размѣрахъ. Послѣ сверженія Наполеона, во Франціи считалось 200 сахарныхъ фабрикъ, производившихъ 7 милліоновъ фунтовъ сахару. Не смотря на такое, повидимому, сильное развитіе сахарнаго производства, оно не было въ состояніи существовать безъ покровительственной системы. А система эта была до того энергична и послѣдовательна, что въ 1831 году Франція приготовляла уже 24 милліона фунтовъ сахара. Когда производство достигло этого размѣра, финансисты сообразили, что было бы нехудо обложить его налогомъ. Сначала налогъ былъ довольно умѣренный, небольше 5 франковъ на центнеръ; въ настоящее же время онъ достигъ уже 17½ франковъ. Не смотря однако на это, не смотря и на пошлину на колоніональный сахаръ, послѣдняго ввозилось ежегодно до 150 милліоновъ фун-

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

товъ; а въ 1858 году, когда была понижена ввозная пошлина, колоніальнаго и иностраннаго сахару было доставлено во Францію 384 милліона фунтовъ.

Тоже самое приходится сказать объ остальныхъ континентальныхъ государствахъ. Вездѣ свеклосахарное производство есть искуственное созданіе и вездѣ оно идетъ въ убытокъ народу. Въ Германіи, напр., налогъ на колоніальный сахаръ на 50% выше налога на сахаръ внутренняго приготовленія. Только одна Англія не держалась примѣра континентальныхъ государствъ и не создавала у себя искуственнаго сахарнаго производства. Оттого въ Англіи нѣтъ ни одного свеклосахарнаго завода и сахаръ достается англичанамъ дешевле, чѣмъ какому-либо другому европейскому народу.

Въ искуственности, ведущей къ возвышенію цѣны предмета, именно и заключается все зло этой системы. Для того, чтобы поддержать производство, созданное изъ побужденій такого свойства, какъ наполеоновская континентальная система, или же изъ побужденій аристократическаго характера, которымъ слѣдуетъ приписать введеніе свекловичнаго сахарнаго производства въ другихъ государствахъ, народамъ приходится покупать необычайно дорогой цѣной сахаръ и ограничивать себя въ его потребленіи. Что такое сахаръ? Предметъ роскоши или необходимости? Если онъ даже и предметъ роскоши, то налогъ на него все-таки недостигаетъ своей цѣли: а если онъ предметъ необходимости, то налогъ на него оказывается еще болѣе нераціональнымъ. Сахаръ необходимъ для человѣческаго организма и не можетъ быть замѣнимъ сурогатами. Сахаръ важенъ еще и потому, что онъ служитъ необходимымъ, неизбѣжнымъ предметомъ при употребленіи чая и кофе. Наконецъ, чтобы быть послѣдовательными, финансистамъ, такъ нѣжно заботящимся о народной нравственности, нужно было бы обратить вниманіе еще и на то, что если они желаютъ отучить народъ отъ употребленія спиртуозныхъ напитковъ, то имъ нужно поощрять употребленіе чая, которое безъ сахара невозможно. Филантропы такъ и поступали. Отклоняя народъ отъ водки, они взамѣнъ ея предлагали чай. Финансисты же какъ нарочно хотятъ ограничить всѣ рѣшительно потребности народа и, ограничивая ихъ, дѣйствуютъ въ ущербъ своей собственной системѣ. Поощреніе сахара внутренняго приготовленія даетъ капиталамъ страны невѣрное направленіе. Въ то же время необходимо налагать высокую пошлину на сахаръ колоніальный и поднимать цѣну на него лишь для того, чтобы на счетъ всей страны наживались домашніе производители. Дороговизна сахара

отражается немедленно на потребленіи и ведетъ къ уменьшенію доходовъ. Въ германскомъ таможенномъ союзѣ налогъ на свекловичный сахаръ составляетъ 28%, а пошлина на привозный 45%. А это значитъ, что потребитель вмѣсто 7 копѣекъ за фунтъ платитъ 15.

Конечно налогъ на сахаръ не такъ вреденъ, какъ налогъ на мясо и хлѣбъ. Сахаръ не служитъ предметомъ безусловной необходимости и если государству не представляется другого источника, болѣе выгоднаго, какъ налогъ на сахаръ, то при нынѣшней финансовой системѣ налогъ этотъ составляетъ еще явленіе довольно терпимое. Тѣмъ не менѣе государства европейскія терпятъ отъ ошибки геніальнаго Наполеона, создавшаго искуственную свеклосахарную промышленность и возбудившаго обезьянство другихъ государствъ. Прямая экономическая выгода каждой страны въ томъ, чтобы въ ней не существовало искуственныхъ, тепличныхъ производствъ. Умѣренный, исключительно съ финансовой цѣлью, налогъ на ввозный сахаръ такъ разширитъ его употребленіе и доставитъ такой доходъ государству, какого никогда не доставитъ налогъ на свой собственный свекловичный сахаръ и высокая пошлина на колоніальный.

Въ ближайшей связи съ налогомъ на сахаръ находятся пошлины таможенныя. Также, какъ въ сахарномъ производствѣ, онѣ преслѣдуютъ двѣ цѣли: покровительство внутреннихъ фабрикантовъ и полученіе доходовъ. Въ послѣднемъ случаѣ таможенныя пошлины составляютъ небольше, какъ налогъ на потребленіе. Разница ихъ отъ налога на вино, мясо, муку, табакъ въ томъ, что эти налоги падаютъ на предметы потребленія внутренняго производства, а таможенные на предметы потребленія производства иностраннаго. Налогъ на ввозимые предметы, возвышая ихъ цѣну, немедленно подавляетъ ихъ потребленіе и цѣна этихъ предметовъ возвышается на величину налога.

Главная невыгода подобнаго возвышенія заключается въ томъ, что вздорожавшій предметъ беретъ отъ народа неизмѣримо большую сумму, чѣмъ какая достается государству. Предположимъ, что пошлина падаетъ на ввозный хлѣбъ, что этого хлѣба привозится одинъ милліонъ четвертей и что, кромѣ того, страна производитъ своего собственнаго хлѣба 50 милліоновъ. Въ казну поступитъ лишь пошлина за милліонъ четвертей ввезеннаго хлѣба, положимъ по 10 копѣекъ съ четверти. А между тѣмъ и весь остальной хлѣбъ, потребляемый въ странѣ, поднимется въ каждой четверти тоже на 10 коп. Слѣдовательно финансовое управленіе получитъ доходу

только 100,000, а народъ заплатитъ за хлѣбъ лишняго 5 милліоновъ руб., которые всѣ разойдутся по рукамъ торговцевъ, а правительству изъ нихъ не достанется ни копѣйки.

Подобнымъ образомъ таможенный налогъ дѣйствуетъ на цѣны всѣхъ предметовъ, которые производятся частью въ странѣ. Всѣ они дорожаютъ въ несоразмѣрной пропорціи съ тѣмъ ничтожнымъ доходомъ, который доставляютъ таможенному фиску.

Если таможенная пошлина падаетъ на предметъ вовсе не производимый страной, то являются другія неудобства. Большая или меньшая недоступность предмета ведетъ къ подмѣсямъ и обманамъ, къ торговому плутовству и къ контрабандѣ. Вредъ подобныхъ пошлинъ замѣтнѣе всего на винѣ и на колоніальныхъ товарахъ. Современная Европа рѣдко имѣетъ чистое вино. Повсюду явились фабрикаціи и читатель конечно слыхалъ о знаменитой подземной фабрикѣ винъ Соболева, снабжающаго всю Россію всевозможными иностранными винами своего издѣлія.

Раціональная финансовая политика требуетъ, чтобы таможенныя пошлины падали только на такіе предметы, которые поступаютъ на немедленное потребленіе. Пошлина на сырье, требуя продолжительной затраты капитала, выплаченнаго впередъ, дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на дальнѣйшую ихъ обработку. Но и въ предметахъ немедленнаго потребленія пошлины должны быть настолько умѣренны, чтобы онѣ не вели ни къ контрабандѣ, ни къ поддѣлкамъ, и чтобы онѣ не заставляли народъ, за невозможностью удовлетворенія своихъ потребностей предметомъ настоящимъ, набрасываться на его сурогатъ. Все это конечно только въ томъ случаѣ, если финансисты считаютъ невозможнымъ отказаться отъ таможенныхъ доходовъ. Если же смотрѣть на таможенный доходъ съ современнаго уровня экономическихъ знаній, то нельзя не признать его началомъ для всякой страны убыточнымъ.

Даже и остальные финансисты приходятъ къ тому убѣжденію, что покровительственная система идетъ каждому народу въ убытокъ. Число защитниковъ національной экономической независимости становится теперь все менѣе и менѣе, и едва ли изъ нихъ найдется такой, у котораго бы достало рѣшимости утверждать, что для Пруссіи необходимо разводить свой собственный чай и кофе, и что слѣдуетъ освободиться вполнѣ отъ Китая. Всякая страна, ограждающая себя покровительственной системой, наноситъ вредъ прежде всего сама себѣ. Зачѣмъ намъ покупать по дорогой цѣнѣ свое собственное, когда намъ выгодно покупать чужое, привозное? Зачѣмъ,

если къ намъ могутъ придти дешевыя вещи, мы силой изгонимъ отъ себя дешевыхъ продавцевъ, чтобы покупать свое собственное дорогое? Самопожертвованіе непостижимое, существующее только потому, что люди недостаточно понимаютъ то, что они дѣлаютъ. И если бы мѣра эта вела къ тому, чтобы собственныя издѣлія становились лучше и дешевле, но и этого быть не можетъ. Зачѣмъ я стану изготовлять лучше и дешевле, если продамъ и худое? Очевидно, что покровительственныя пошлины даютъ всей внутренней промышленности монопольный характеръ; даютъ выгоду мнимымъ производителямъ насчетъ всего народа, обязаннаго платить имъ дорого за худое.

Изъ спеціальнаго изложенія отдѣльныхъ видовъ налоговъ на потребленіе, читатель видѣлъ, что они падаютъ тяжестью несоразмѣрной на людей бѣдныхъ. Эта неуравнительность будетъ видиѣе изъ слѣдующаго сопоставленія расходовъ людей богатыхъ и бѣдныхъ. Пфейферъ, для болѣе убѣдительнаго указанія разницы этихъ расходовъ, составилъ довольно подробную таблицу того, что проживаютъ богатые и бѣдные. Въ основаніе сравненія онъ беретъ домашній расходъ одного высокопоставленнаго сановника, проживающаго въ годъ 25,000 талеровъ, банкира, проживающаго 17,000 талеровъ, держащаго своихъ лошадей и ведущаго жизнь вообще роскошную; состоятельнаго купца, живущаго хотя и умѣренно, но расходующаго на домъ 2,000 талеровъ; чиновника, проживающаго 900 талеровъ, наконецъ, рабочаго, добывающаго 300 талеровъ. Вотъ что оказывается изъ сравненія. Сановникъ расходуетъ на квартиру 2,000 талеровъ, что составляетъ 8% всего его расхода. Всѣ остальные лица платятъ за квартиру въ уменьшающейся прогрессіи, но въ пропорціи увеличивающейся къ ихъ общему расходу. Такъ что рабочій изъ своихъ 300 талеровъ платитъ за квартиру 57 талеровъ, составляющихъ 19% или относительно въ $2^1/_2$ раза дороже сановника. На муку и хлѣбъ сановникъ тратитъ въ годъ 325 тал. или $1^1/_3$% всего своего расхода. Такой же процентъ составляетъ расходъ на хлѣбъ и въ хозяйствѣ банкира. Затѣмъ процентъ этотъ постепенно возрастаетъ и расходъ рабочаго составляетъ 52 тал. или $17^1/_3$%. Такимъ образомъ рабочій тратитъ на хлѣбъ больше чѣмъ въ 13 разъ болѣе сановника. Чтобы расходъ сановника привести въ равновѣсіе съ расходомъ работника нужно, чтобы сановникъ, вмѣсто 325 тал., тратилъ на хлѣбъ 4,355 тал. На говядину сановникъ тратитъ 1,175 тал. или 4,7%; банкиръ 4,9%; остальные постепенно больше; а рабочій ра-

сходуетъ на нее 45 тал. или 25%. На дичь и рыбу сановникъ расходуетъ 3,6%; банкиръ 2,2%; купецъ только 0,7%; а чиновникъ и рабочій ни копѣйки. На сахаръ сановникъ тратитъ 90 тал. или 0,4%; рабочій только 5 тал., составляющихъ 1,8%. На чай, кофе, шоколадъ расходъ сановника 124 тал. или 0,5%, расходъ же рабочаго $5^1/_2$ тал. или 1,7%. 760 тал., расходуемые сановникомъ на вино, пиво водку составляютъ только 3,4% всего его расхода, а жалостные 48 тал., расходуемые на тотъ же предметъ рабочимъ, составляютъ 16%. Пфейферъ замѣчаетъ, что расходъ на вино рабочаго кажется преувеличенъ. Любопытно, что 120 тал., расходуемые сановникомъ на табакъ и сигары составляютъ лишь 0,5%; и 6 тал., на тотъ же предметъ рабочаго 2%. Сравненіе это относилось только до предметовъ первой необходимости. Что же касается до удовольствій, напр. театры, концерты, то сановникъ тратитъ на нихъ въ годъ 1000 тал., чиновникъ 5 тал., а рабочій ничего. На поѣздки и путешествія сановникъ расходуетъ 6,500 тал., а чиновникъ и рабочій опять ничего. На одежду сановникъ тратитъ 4000 тал., составляющихъ 16%, а рабочій 28 тал., составляющихъ 9,3%.

Разсчетъ этотъ, сдѣланный для Германіи или правильнѣе въ Берлинѣ, оказался совершенно вѣрнымъ и для Франціи; т. е. для Парижа. Слѣдовательно, не дѣлая никакой ошибки и основываясь на очевидности, можно сказать, что онъ оправдается повсюду и окажется вполнѣ вѣрнымъ и для насъ. Можетъ быть, у насъ пропорція получится еще болѣе рѣзкая, ибо говядина въ быту русскаго рабочаго играетъ роль далеко меньшую, чѣмъ въ быту рабочаго нѣмецкаго.

Несоразмѣрно относительно большіе платежи простонародья за предметы первой необходимости вызвали уже давно мнѣніе о необходимости налога прогрессивнаго. Сторонники этой системы думали постепеннымъ возвышеніемъ налоговъ отъ бѣдныхъ къ богатымъ возстановить несуществующее равновѣсіе въ платежахъ. Эта мысль встрѣтила однако сильный протестъ и противникамъ ея, ненаходившимъ страннымъ, что налоги возвышаются прогрессивно сверху внизъ, т. е. отъ богатыхъ къ бѣднымъ, показалось возмутительнымъ желаніе дать имъ обратную прогрессію. Хотя и нелогично, но понятно, ибо за прогрессивнымъ налогомъ рисовались противникамъ его необычайные личные расходы, благодаря отсутствію которыхъ они могутъ ѣсть нынче рагу изъ рябчиковъ и тратить на увеселенія и путешествія, подобно нѣмецкому сановнику, 7500 талеровъ, а тогда имъ пришлось бы рагу не ѣсть и сидѣть

дома. Впрочемъ къ чести финансистовъ западной Европы нужно прибавить, что если они и возмутились противъ прогрессивнаго налога, то тѣмъ не менѣе у нихъ нашлось настолько разсудительности, чтобы ввести налогъ пропорціональный. Такой налогъ ввели у себя Англія, Пруссія и другія нѣмецкія государства. Въ Германіи налогъ этотъ называется класснымъ налогомъ.

Но самая дурная сторона налоговъ на потребленіе обнаруживается въ томъ процессѣ, который на языкѣ финансистовъ называется переложеніемъ. Сущность перложенія заключается въ томъ, что налогъ платится не тѣмъ, на кого онъ налагается, а другимъ. Бываютъ случаи, когда финансовое управленіе именно и имѣетъ въ виду, чтобы налогъ былъ переложенъ на другого, напр. при таможенной пошлинѣ и при налогѣ на потребленіе. Въ другихъ же случаяхъ, хотя финансовое управленіе въ виду этого не имѣетъ, тѣмъ не менѣе переложеніе совершается.

Опредѣлить съ полною точностію во всякомъ данномъ случаѣ: совершается или несовершается переложеніе, составляетъ одинъ изъ труднѣйшихъ теоретическихъ вопросовъ. Часто вполнѣ очевидно, на кого долженъ пасть окончательно перелагаемый налогъ; но также часто переложеніе совершенно не уловимо. Если, напр., прусское правительство наложило бы на сановника, о которомъ мы говорили выше, особенную подать за то, что сановникъ одѣваетъ свою жену въ бархатъ и кружева и держитъ у себя выѣздныхъ лакеевъ, то совершенно неоспоримо, что налогъ этотъ палъ бы только на кошелекъ сановника и ни на кого бы не переложился. Также ясно и то, что если пошлина будетъ наложена на иностранные товары или на предметы первой необходимости внутренняго изготовленія, напр. мука, хлѣбъ, водка, говядина, то продавцы не возьмутъ этого налога на себя, а переложатъ его на покупателей въ видѣ надбавки на цѣны на эти предметы. Точно также очевидно, что если, напр., пошлину платитъ положимъ скотопромышленникъ, то онъ переложитъ ее на мясника, мясникъ разложитъ ее на своихъ покупателей, а покупатели, если они промышленные люди, постараются точно также переложить ее на своихъ покупателей. Товары, оплачиваемые таможенной пошлиной, точно также помогаютъ переложенію и налогъ переводится однимъ продавцомъ на другого, пока не дойдетъ до того предѣла, гдѣ переложеніе уже невозможно. Напр. хозяйка, покупающая говядину, обложенную акцизомъ, платитъ цѣну говядины, выплачиваетъ акцизъ, внесенный продавцемъ и, наконецъ, платитъ ему же еще и проценты на этотъ

сложный капиталъ. Госпожа, покупающая иностранную матерію, или хотя и туземную, но изъ привознаго сырья, обложеннаго пошлиной, уплачиваетъ точно также не только за сырье, за его переработку, но и таможенную пошлину; платитъ за всѣ хлопоты промышленниковъ, купцовъ и перекупщиковъ, наконецъ платитъ и проценты на затраты, сдѣланныя каждымъ изъ нихъ. Если эта барыня занимается чѣмъ нибудь и получаетъ за свой трудъ деньги, то и она постарается возмѣстить свои расходы съ тѣхъ, съ кѣмъ она находится въ экономическихъ или промышленныхъ отношеніяхъ. Если подобное переложеніе своихъ излишнихъ платежей предпринимаетъ всякій; если всякій усиливается свалить собственную тяжесть на плечи другого, и если въ томъ сложномъ процессѣ, который зовется экономическою жизнью народа, каждому изъ насъ представляется большая или меньшая возможность переложить на другого свои расходы, то и образуется такая сложная и многообразная сѣть переложеній, въ которой дѣйствительно мудрено усмотрѣть послѣдній предѣлъ.

Пока возможность переложенія существуетъ, лица перелагающія могутъ жить, не ощущая особенной тягости отъ налога; но за то тѣмъ тяжелѣе жить людямъ, для которыхъ переложеніе невозможно. Для нихъ налогъ является прямымъ лишеніемъ. Если говядина и хлѣбъ поднялись въ цѣнѣ вслѣдствіе акциза, и если эту возвышенную цѣну вы не можете переложить на другого, то очевидно, что вамъ предстоитъ только такой выборъ: или, оставшись при прежнемъ размѣрѣ потребленія говядины и хлѣба, сократить свои другіе расходы, а если вы этого сдѣлать не желаете или не можете, то ѣсть менѣе хлѣба и говядины.

Въ этомъ положеніи находятся всѣ тѣ, кто получаетъ постоянное жалованье и такъ называемые рантье, т. е. люди, живущіе процентомъ съ капитала. Этимъ людямъ переложеніе налога совершенно невозможно и онъ погребается въ ихъ собственныхъ желудкахъ, вмѣстѣ съ вздорожавшей говядиной или съ другими предметами потребленія.

Относительно возможности переложенія налога рабочимъ народомъ, въ мнѣніи экономистовъ явилось разнорѣчіе. Одни изъ нихъ доказывали, что если налогъ возвыситъ цѣну предметовъ первой необходимости, то и рабочій немедленно потребуетъ возвышенія платы. Такимъ образомъ, если рабочій получалъ 180 руб. въ годъ и платилъ налога 18 руб., а затѣмъ налогъ возвысился до 20 руб., то рабочій потребуетъ 200 руб. и возстановитъ равновѣсіе въ сво-

емъ бюджетѣ. Противъ этого возражали, что капиталисту нѣтъ ровно никакого основанія возвышать задѣльную плату, и что, слѣдовательно, капиталистъ не допуститъ рабочаго переложитъ на него свой налогъ. Мнѣніе послѣднихъ справедливѣе, и вотъ почему. Рабочая плата опредѣляется размѣромъ спроса и предложенія и величиною капитала. Если капиталъ не увеличился и не убавился, если не увеличилось и не убавилось число рабочихъ, ищущихъ занятія, то очевидно, что и задѣльная плата останется такою, какою была прежде. Она можетъ измѣниться только въ томъ случаѣ, если измѣнится одинъ изъ этихъ основныхъ факторовъ. А какъ возвышеніе налога не влечетъ за собою перемѣны въ отношеніяхъ факторовъ, то очевидно, что переложеніе для рабочаго сдѣлается невозможнымъ и увеличенный налогъ заставитъ рабочаго ограничить размѣръ своего потребленія.

Если увеличеніе налога заставитъ рабочаго сократить свои издержки до такого размѣра, что неминуемымъ послѣдствіемъ лишенія явится болѣзни и усилившаяся смертность, въ такомъ случаѣ нарушится равновѣсіе въ тѣхъ факторахъ, о которыхъ упоминалось, и уменьшившееся предложеніе рабочихъ рукъ заставитъ капиталистовъ поднять рабочую плату. Только при этомъ одномъ условіи капиталисты согласятся принять на себя уплату возвысившагося налога. Очевидно, что если вздорожаніе предметовъ первой необходимости и ведетъ къ повышенію задѣльной платы, то вовсе не немедленно, а лишь на томъ условіи, чтобы какія бы то ни было обстоятельства—въ нашемъ примѣрѣ голодъ и болѣзни—уменьшили число рабочихъ. Такимъ образомъ, налогъ на потребленіе представляетъ для рабочаго возможность къ переложенію лишь на очень тягостныхъ условіяхъ, и если допустить, что, при нормальномъ состояніи общества, подобное явленіе терпимо быть не можетъ, то ясно, что переложеніе для рабочаго немыслимо. Томасъ Туке, въ своей «исторіи цѣнъ» съ 1793 по 1857 годъ, приводитъ цѣлый рядъ поразительныхъ фактовъ, подтверждающихъ справедливость изложенной мною теоріи. Изъ его цифръ оказывается, что рабочая плата послѣ всѣхъ подчиняется вліянію дороговизны и обыкновенно сопровождается самыми тягостными послѣдствіями для рабочаго сословія. Изъ цифръ, приводимыхъ Туке, видно, что возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ въ три раза способствовало возвышенію рабочей платы лишь на нѣсколько пенсовъ, и только послѣ длиннаго промежутка времени. Факты, констатируемые Туке, заслуживаютъ еще и потому особеннаго довѣрія, что авторъ

былъ вовсе не мечтатель, а очень богатый купецъ, буржуа по тенденціямъ, и другъ Роберта Пиля, котораго тоже никто не отважится обвинять въ энтузіазмѣ.

И во всѣхъ случаяхъ, какъ между прочимъ видѣлъ читатель изъ сравненія расходовъ нѣмецкаго сановника съ нѣмецкимъ рабочимъ, цѣны, возвышающіяся на предметы потребленія, падаютъ, благодаря возможности переложенія преимущественно на тѣхъ, кто бѣднѣе. Возьмемъ ли, напр., квартиры. Предположимъ, что государство вводитъ у себя налогъ на окна и на двери. Въ этомъ случаѣ послѣдуетъ то, что если богатый не считаетъ возможнымъ платить за квартиру въ 15 оконъ, то онъ или наймегъ квартиру въ 10 оконъ или же домовладѣлецъ, не желая лишиться выгоднаго для него квартиранта, понизитъ цѣну квартиры, т. е. возьметъ налогъ на себя. Большихъ квартиръ мало, потому что немного людей, имѣющихъ возможность ихъ нанимать. Понятно, что домовладѣльцы очень дорожатъ подобными квартирантами и также мало дорожатъ квартирантами бѣдными, которыхъ ужъ черезчуръ много. Поэтому налогъ на окна явится средствомъ принудительнымъ, чтобы люди жили въ маленькихъ квартирахъ и, слѣдовательно, тотъ, кто не сжался до предѣла послѣдней возможности, постарается или сжаться, или же задѣлаетъ у себя окна. Такъ и было въ Англіи, гдѣ бѣдные люди должны были превращать свои, и безъ того уже нездоровыя квартиры въ нѣчто подобное тюрьмамъ, и, чтобы избавиться отъ налога, лишали себя свѣта и воздуха и подвергались болѣзнямъ. И въ этомъ случаѣ налогъ соглашались брать на себя домовладѣльцы только въ томъ случаѣ, когда смертность уменьшала число квартирантовъ, и когда домовладѣльцы находили болѣе для себя выгоднымъ получать немного, чѣмъ ничего, вслѣдствіе простоя квартиръ.

Выше я говорилъ, что переложеніе образуетъ чрезвычайно сложную, запутанную сѣть, обхватывающую общество во всей его экономической дѣятельности въ такой степени, что, наконецъ, является полнѣйшая невозможность усмотрѣть въ этой путаницѣ хотя малѣйшій лучъ свѣта. Если обратить вниманіе на то, что многообразныя потребности общества удовлетворяются безконечнымъ многообразіемъ предметовъ, если обратить вниманіе на то, что какой нибудь, повидимому, простой предметъ промышленности, напримѣръ сукно, создается безконечнымъ рядомъ промышленныхъ манипуляцій; если, наконецъ, прослѣдить весь рядъ переложеній, хотя бы того же самого сукна, то станетъ совершенно яснымъ, почему по-

всюду такъ кричатъ на дороговизну и на трудность жизни. Возьмемъ для примѣра хоть тоже самое сукно. Сырье для сукна создается сельскимъ хозяйствомъ. Баранъ, выросшій въ лонѣ природы, звѣрь не дорогой. Но если этого барана приходится кормить на арендуемой землѣ, то помимо труда ухода за нимъ, нужно заплатить ренту землевладѣльцу. Вотъ ужь баранъ и вздорожалъ. Далѣе, этого барана нужно привести въ городъ и заплатить шоссейныя деньги. Новая надбавка. Въ городѣ мясникъ за право быть мясникомъ долженъ заплатить акцизъ, и за убой барана возьметъ гораздо дороже, чѣмъ это дѣло стоитъ въ дѣйствительности. Баранъ все становится дороже. Шерсть, снятая съ барана, должна быть промыта въ зданіи, которое тоже платитъ ренту. Промываютъ ее рабочіе, платящіе промысловый налогъ. Затѣмъ шерсть черезъ руки нѣсколькихъ перекупщиковъ, платящихъ торговыя пошлины, поступаетъ на фабрику, несущую разныя повинности: городскія, гильдейскія и т. д. Обработываютъ шерсть на фабрикѣ рабочіе, платящіе тоже промысловый налогъ, пользуясь тепломъ, обложеннымъ налогомъ въ его первоначальномъ видѣ, какъ дрова; пользуясь свѣтомъ, тоже обложеннымъ налогомъ въ его первоначальномъ видѣ каменнаго угля; питаясь хлѣбомъ и мясомъ, оплатившемъ ввозную пошлину. Для окраски сукна идетъ краска, оплатившая таможенную пошлину; а для всѣхъ изготовительныхъ процессовъ употребляются машины, оплатившія тоже ихъ ввозную пошлину, или промысловый налогъ, наложенный на мѣстныхъ заводчиковъ. Каждое изъ лицъ, связанныхъ солидарностью интересовъ сукнодѣлія, оказываетъ другъ другу услуги только за извѣстный процентъ на свой трудъ или капиталъ. Какъ бы ни были малы эти проценты, но какъ число лицъ, связанныхъ солидарностью общаго производства, довольно велико, то понятно, что общій итогъ этихъ процентовъ образуетъ наконецъ такую сумму, которая неизбѣжно подниметъ цѣну сукна до весьма чувствительной величины. Наконецъ сукно на фабрикѣ готово. Оно продается оптовому торговцу, а отъ него, переходя изъ рукъ одного купца къ другому, достигаетъ наконецъ до какого нибудь медвѣжьяго угла, гдѣ и продается чуть не на вѣсъ золота. Совершенно тотъ же самый процессъ совершается со всѣми остальными предметами потребленія. Такъ какъ косвенные налоги падаютъ рѣшительно на все, что люди пьютъ, ѣдятъ и носятъ; такъ какъ каждый производитель перелагаетъ свой налогъ на другого; такъ какъ каждый, кромѣ переложенія налога, беретъ еще и извѣстный процентъ на перелагаемую сумму, то въ концѣ концовъ

является та общая дороговизна всѣхъ предметовъ потребленія, которая приводитъ въ отчаяніе современнаго цивилизованнаго человѣка. Старые люди вспоминаютъ съ наслажденіемъ свою молодость, и любятъ толковать о временахъ баснословной дешевизны. Старые люди правы. Еще бы не быть дешевизнѣ, когда въ ихъ времена государственные расходы были почти совершенно ничтожны и такъ же ничтожны были налоги. Возьмемъ въ примѣръ хотя Англію. Въ 1702 г. ея государственный долгъ составлялъ 37 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а проценты долга 2 милліона фунт. По окончаніи же наполеоновскихъ войнъ, въ 1817 г., долгъ равнялся 848 мил. фунт., а проценты 32 милліон. фунт. Присоедините къ этимъ 32 милліон. еще 30 мил. ежегоднаго расхода, и тогда будетъ вамъ совершенно ясно, почему сборъ съ народа подобной суммы, преимущественно въ видѣ косвеннаго налога, допускающаго переложеніе, долженъ поднять цѣны на всѣ предметы жизни. Недостатокъ звонкой монеты и будто бы малая добыча драгоцѣнныхъ металловъ, приводимая финансистами, какъ причина дороговизны, есть причина только воображаемая. Главная причина—въ несоразмѣрно увеличившихся повсюду государственныхъ расходахъ, требующихъ усиленныхъ доходовъ. Такъ какъ доходы эти доставляются населеніемъ страны; такъ какъ косвенные налоги составляютъ главный источникъ полученія; такъ какъ налоги каждый годъ увеличиваются въ размѣрѣ и въ разнообразіи; такъ какъ переложеніе, сопровождающее каждый косвенный налогъ, увеличивается вмѣстѣ съ платежами на предметы потребленія; такъ какъ каждое переложеніе не ограничивается простымъ возвратомъ, а сопровождается процентами, то очевидно, что совершенно безполезно ломать себѣ голову надъ измышленіемъ причинъ непонятной дороговизны, а гораздо проще понять ее такъ, какъ указываютъ простые факты жизни, а не теоретическія измышленія финансистовъ. Еще бы не быть дороговизнѣ, когда за все надо платить дорого, когда повсюду надо платить проценты, когда всякій норовитъ переложить на васъ свои убытки и свой налогъ.

Теперь спрашивается, неужели изъ этого печальнаго положенія нѣтъ выхода? Неужели западная Европа, выставившая по всѣмъ отраслямъ знаній столько умныхъ людей, не придумала ничего въ области финансовой науки?

IV.

Въ предъидущихъ главахъ я сказалъ читателю еще не все. Разнообразіе налоговъ дошло въ западной Европѣ до того, что человѣкъ избавлялся отъ нихъ только съ переселеніемъ въ царство тѣней. Налоги были на хлѣбъ, на говядину, масло, яйца, сыръ, вино, водку, квартиры, прислугу, экипажи, собакъ, кошекъ; однимъ словомъ, нѣтъ ни одного предмета человѣческаго потребленія, который не подлежалъ бы налогу.

Понятно, что это поразительное многообразіе должно было испугать даже и финансистовъ. Еще въ прошедшемъ столѣтіи физіократы хлопотали о приведеніи налоговъ къ одной единицѣ. Спасительной единицей казался имъ налогъ на землю. Спасительность этого налога призналъ даже и Прудонъ, который въ своей теоріи налоговъ говоритъ, что есть на свѣтѣ только одинъ предметъ, самый способный къ обложенію налогомъ, который между тѣмъ не былъ никогда облагаемъ раціонально: предметъ, обложеніе котораго, доходящее даже до совершеннаго поглощенія вещества, нисколько не можетъ повредить ни труду, ни капиталу, ни земледѣлію, ни промышленности, ни торговлѣ, ни кредиту, ни потребленію, ни богатству. Такой налогъ, не обременяя народъ, никому не помѣшаетъ жить сообразно съ своими средствами въ довольствѣ, въ роскоши и всецѣло наслаждаться произведеніями своего таланта и знанія.

Мнѣніе Прудона встрѣчаетъ рѣзкихъ противниковъ въ Макъ-Куллохѣ и Максѣ Виртѣ. Они говорятъ, что нѣтъ никакой возможности разложить ренту на ея составныя части, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить, сколько доходу приноситъ земля, сколько капиталъ и сколько трудъ.

Тѣмъ не менѣе вполнѣ справедливо, что теперь существующее разнообразіе налоговъ, въ своемъ настоящемъ видѣ, становится невыносимымъ. Ихъ необходимо замѣнить чѣмъ нибудь однообразнымъ и всепоглощающимъ.

Такимъ всепоглощающимъ налогомъ предлагаютъ не налогъ на потребленіе, не налогъ на доходъ или капиталъ, а налогъ на прожитокъ.

Тѣ, кто предлагаетъ эту новую систему, исходятъ изъ того основанія, что она болѣе, чѣмъ какія либо другія системы, способна устранить неудобства нынче существующихъ налоговъ.

Система, предлагаемая этими финансистами, конечно, не изъ радикальныхъ. Крутые перевороты имъ не нравятся; прогрессивнаго налога они не одобряютъ, и, думая достигнуть гавани спокойнымъ плаваньемъ, предлагаютъ устроить такой налогъ, при которомъ, за отчисленіемъ суммы, необходимой на предметы первой надобности, остальное за тѣмъ облагалось бы налогомъ.

Въ основаніи своего вычисленія они принимаютъ не доходъ и капиталъ, а только то, что плательщикъ проживаетъ.

Они полагаютъ, что этимъ путемъ отнимется всякая премія отъ праздности, и не произойдетъ никакихъ утѣсненій для людей, живущихъ честнымъ трудомъ.

Расточитель, живущій на счетъ своего личнаго раззоренія, заплатитъ долю соотвѣтственную своей неразсудительности, а человѣкъ бережливый будетъ имѣть возможность сдѣлать сбереженіе на черный день.

Этимъ способомъ и бѣдный и богатый внесетъ равномѣрную лепту, и тягость налоговъ ляжетъ одинаково на всѣхъ платящихъ.

Противъ этой мысли говорить нечего, но также нельзя на нее смотрѣть иначе, какъ на мысль утопическую, ибо число людей, смотрящихъ назадъ, и по своему тупоумію или своекорыстію возстающихъ противъ всякой прогрессивной мысли—есть легіонъ.

Вотъ почему вопросъ объ однообразномъ, уравнительномъ налогѣ, является такой утопическою мыслью. Задача не въ томъ, что бы выдумать средство помочь людямъ. Задача въ томъ, чтобы растолковать людямъ, что они страдаютъ и помочь ихъ бѣдности.

Н. Шелгуновъ.

ПОДЪ ГНЕТОМЪ ОКРУЖАЮЩАГО.

(*Повѣсть*).

IV.

Задонскій не ошибся въ своихъ разсчетахъ: молодая дѣвушка отдалась ему всецѣло.

Да какъ можно было и ошибиться-то? На дворѣ стояла теплая, чудесная весна. Рѣка изломала послѣдніе остатки своихъ ледяныхъ оковъ и широко и свободно разлилась, какъ море, по окрестнымъ полямъ, сверкая своими волнами подъ яркими лучами солнца въ знойные дни и подъ кроткимъ свѣтомъ луны въ бѣлыя, прозрачныя ночи. Въ лѣсу и въ саду слышится оживленный и веселый шумъ; изрѣдка гдѣ-то соловей начинаетъ пощелкивать. Народъ въ движеніи, повыползъ изъ своихъ норъ и трущобъ; на берегу и въ поляхъ закипаетъ работа; вездѣ голоса слышатся тревожные и звуки какъ-то рѣзко несутся въ чистомъ воздухѣ. Жизнь и дѣятельность разлиты повсюду; этотъ шумъ словно опьяняетъ человѣка, непашедшаго себѣ ни опредѣленнаго труда, ни опредѣленной цѣли, незнающаго, гдѣ ему искать счастья. А молодая кровь кипитъ и принуждаетъ броситься на какой нибудь путь тревожной жизни; если нѣтъ впереди никакихъ болѣе широкихъ и смѣлыхъ задачъ, если нѣтъ въ будущемъ иного идеала счастья,— молодость проситъ хотя личной любви, наслажденія вдвоемъ. А тутъ подъ ухомъ нѣжныя, вкрадчивыя рѣчи слышатся; вспоминается безъ любви, безъ покоя проведенное прошлое; настой-

чиво отгоняются всѣ опасенія за будущее; является безшабашная отвага и человѣкъ ловитъ мгновенье страстнаго порыва. Лизавета Николаевна находилась именно въ этомъ положеніи. Ее давила и возмущала домашняя грязная жизнь, гдѣ сердце не находило ни ласки, ни покоя и вѣчно ныло и болѣло отъ брани и возмутительныхъ сценъ. Молодая дѣвушка чувствовала потребность вырваться изъ этого омута, но не знала, куда и зачѣмъ. У нея не было составлено никакого идеала лучшей жизни, хотя ее и давила та жизнь, которую вела она. Трудъ самъ по себѣ не манилъ ее да она и незнала, за что бы могла она приняться. Первыя горячія слова страстной любви, сказанныя ей, первая возможность спасти отъ отчаянья, отъ гнетущихъ мыслей, отъ пороковъ одного изъ ближнихъ, возможность, пробудившая въ головѣ молодой дѣвушки радужныя грезы, вдругъ открыли ей какой-то еще смутный, но привлекательный міръ счастья. Съ инстинктивной дѣвической боязнью она то вѣрила, то не вѣрила снова этимъ словамъ и грезамъ и съ невольнымъ трепетомъ сознавала, что она заходитъ все дальше и дальше по этому пути. Иногда ей хотѣлось бѣжать, но куда и зачѣмъ?—домой, на прежнюю муку?... не та ли же это гибель? Искать счастья на другомъ пути? Но кто объяснитъ ей, что это за счастье, къ которому инстинктивно стремится человѣчество и гдѣ путь къ этому таинственному счастью?..

— Не обманите меня!—говорила она Задонскому, когда онъ рисовалъ передъ ней картины ихъ будущей свѣтлой жизни, и эти слова звучали мучительной боязнью.

Въ теченіи цѣлаго мѣсяца продолжалось полное счастье Лизы. Она съ непонятною удалью, съ полнымъ самозабвеніемъ пошла по новому пути, разъ повѣривъ Михаилу Александровичу. «Хоть день, да мой!» думалось ей, и мысли о будущемъ упорно отгонялись прочь. Она то рѣзвилась, какъ пригрѣтый солнцемъ котенокъ; то вдругъ дѣлалась серьезной, говорила, что Михаилъ Александровичъ долженъ служить, долженъ работать, что она составитъ его счастіе въ часы его отдыха отъ трудовъ; то внезапно для нея наступали минуты раздумья и она съ болѣзненной ироніей говорила Задонскому, что она знаетъ, какъ скоро онъ ее забудетъ и броситъ, но что

ей все равно, что и безъ того пришлось бы погибнуть дома, что она съумѣетъ и умереть. Иногда она при людяхъ прикидывалась холодной, даже подтрунивала надъ Михаиломъ Александровичемъ и относилась къ нему чуть не съ пренебреженіемъ, иногда ей приходила въ голову мысль гулять и кататься съ нимъ вдвоемъ по берегу рѣки, гдѣ сновалъ народъ, гдѣ всѣ обращали на нее вниманіе, а она-хохотала и говорила: «Пусть смотрятъ»! Это было что-то лихорадочное, что-то ненормальное.

— Ты нездорова?—говорилъ ей Задонскій.

— Что-жь, этого надо было ожидать!—отвѣчала она и вдругъ ея веселость пропадала, она со страхомъ и трепетомъ заглядывала въ неотразимо-приближавшееся будущее.

А потомъ опять встряхнетъ бойкой головкой и смѣло глядитъ на Задонскаго.

— Ну, что будетъ, то будетъ!—говоритъ она.—Только ты не бросай меня.

Михаилъ Александровичъ если не былъ дѣтски счастливъ, то былъ доволенъ новымъ развлеченіемъ. Въ первое время онъ даже забылъ начатую имъ интрижку на постояломъ дворѣ и очень серьезно смотрѣлъ на свои отношенія къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Но чѣмъ болѣе проходило дней, чѣмъ чаще волновалась Лизавета Николаевна за неотразимое «будущее», тѣмъ тревожнѣе сталъ смотрѣть на свои отношенія къ ней, тѣмъ чаще сталъ уходить на постоялый дворъ Задонскій. «Забыться хочется!» думалось ему. «Не умѣю я разъяснить это дѣло теткѣ, а надо. Не губить же эту дѣвушку. Это будетъ подло! Да и для чего? Я ее люблю, я могу быть счастливымъ съ нею. Отъ нея свѣжестью вѣетъ, это не то что наши пансіонерки, пріучившіяся къ платоническому разврату даже въ пенсіонѣ. Одинъ ея поцѣлуй говоритъ, что она любитъ впервые, что она даже не играла въ любовь съ какой нибудь сентиментальной подругой. Но что тетка скажетъ? Чортъ возьми, не могъ всего обдумать и подготовить прежде. Поиграть съ огнемъ вздумалъ. Это вѣдь не одна изъ петербургскихъ барышень, тѣмъ только глазки сдѣлать, а онѣ тебѣ сейчасъ: «Ахъ, спросите у маменьки, можетъ быть она отдастъ вамъ мою руку!». Все законнымъ

бракомъ хотятъ насладиться! Но съ теткой, съ теткой-то какъ объясниться»?

Дѣйствительно, вопросъ былъ важный: что скажетъ тетка, Графиня, какъ мы сказали, не любила сплетень, не любила указаній и наставленій; она знала свою проницательность, свое умѣнье понять все, что дѣлается кругомъ нея, потому никто не смѣлъ указать ей на отношенія Лизаветы Николаевны и Задонскаго. Довольно долго она не замѣчала ничего, по прежнему удерживала Лизу въ своемъ дворцѣ, иногда поручая ей вечеромъ почитать вслухъ какую нибудь нравственную книгу, иногда приглашая ее съ собой покататься и забавляясь ея болтовнею. Но нѣсколько фразъ въ родѣ того, что «Михаилъ Александровичъ вспомнилъ старину и все съ Лизаветой Николаевной гуляетъ», что «Лизавета Николаевна удивительно развилась и бойка сдѣлалась въ послѣднее время»,—фразъ, сказанныхъ мелькомъ, невзначай, съ выраженіемъ отеческой любви къ молодымъ людямъ, заставили дальновидную графиню посерьезнѣе взглянуть на дѣло и предупредить заранѣе племянника, чтобы онъ не увлекся.

— Мишель, тебѣ дѣйствительно не дурно бы съѣздить за границу, ты засидишься здѣсь въ глуши,—говорила однажды тетка Задонскому, зашедшему къ ней въ кабинетъ,

— Мнѣ здѣсь не скучно,— возразилъ Михаилъ Александровичъ.

— Ну, скучно-то—скучно. Я сама соскучилась бы здѣсь безъ дѣла... Но твои обстоятельства, кажется, немного разстроены? Можетъ быть это причина...

— Да, мои денежныя средства находятся не въ блестящемъ положеніи.

Графиня вздохнула.

— Ты весь въ мать и въ дядю Алексѣя.... Я ихъ не обвиняю; теперь поздно обвинять ихъ; мы можемъ только молиться за прощеніе ихъ ошибокъ..... Но я не могу не замѣтить, что они также запутали безъ всякаго смысла свои дѣла... И до чего ихъ довели стѣсненныя обстоятельства?... Не сыну стану я напоминать, какъ кончила свою жизнь его мать,—но возьмемъ дядю Алексѣя. Онъ домоталъ въ Парижѣ послѣднія деньги,

чуть не попалъ за долги въ тюрьму; долженъ былъ прибѣгнуть къ милостынѣ—да, иначе я не могу назвать сбора, сдѣланнаго въ его пользу русскими, проживавшими тогда въ Парижѣ,—потомъ онъ скитался по свѣту съ какой-то женщиной. Что это было—я не знаю; но во всякомъ случаѣ это было даже и не увлеченіе, а что-то позорное: онъ былъ безъ денегъ, она была стара... Я знаю, какъ страшно было его положеніе, какъ его грызла тоска, какъ ему хотѣлось выпутаться изъ опутавшихъ его сѣтей... И гдѣ онъ нашелъ спасеніе? Іезуиты, видя его умъ, его знанія, его ловкость, вырвали его душу изъ одной пропасти, чтобы погрузить его въ еще болѣе страшную бездну. Они обѣщали ему много и здѣсь и въ будущемъ; онъ давно мучительно рвался къ чему нибудь новому, хотѣлъ сразу покончить со всѣмъ прошлымъ,—и вотъ онъ сталъ католикомъ, іезуитомъ, врагомъ нашей церкви, нашей родины...

Графиня замолчала въ скорбномъ раздумьи о судьбѣ брата Алексѣя, наклонивъ голову на руку. Черезъ минуту она заговорила снова.

— Да, человѣку нуженъ трудъ, нужна серьезная дѣятельность на пользу ближнихъ... Деньги должны быть только средствомъ къ этой дѣятельности... Иначе онѣ—одно изъ самыхъ страшныхъ золъ... Нельзя вѣрнѣе погубить человѣка, какъ сдѣлавъ его богатымъ и не пріучивъ къ труду... Въ этомъ наказаніе богачей. За временныя блага они продали свою душу... Боже мой, какъ всѣ эти истины вѣрно и давно высказаны въ святомъ писаніи и какъ мало обращаютъ на нихъ вниманія эти умные безумцы—люди!—графиня снова задумалась о священномъ писаніи и людяхъ.—Намъ надо будетъ выбрать свободное время и обсудить вопросъ о твоемъ будущемъ,—продолжала она черезъ минуту.—Кстати, ты слышалъ, мнѣ совѣтуютъ ѣхать на зиму въ Ниццу или, по крайней мѣрѣ, въ Швейцарію?

— Да,—отвѣтилъ Задонскій, почтительно слушавшій тетку.

— Я не поѣхала бы. Ты знаешь, какъ я люблю нашу святую Москву, наше мирное Приволье, нашъ бѣдный, добрый народъ. Но, Боже мой, наша зима такъ убійственно дѣйствуетъ на меня и докторъ опасается, что я не легко перенесу ее и,

можетъ быть, окончательно убью себя, если не подкрѣплюсь нынче за границей.

Графиня нахмурила брови и помолчала.

— Если бы я знала навѣрное, что все обойдется безъ серьезныхъ послѣдствій, что опасность не большая, то, конечно, я не поѣхала бы. Но вѣдь можетъ случиться, что и дѣйствительно эта зима убьетъ меня. Чтожь, это будетъ просто самоубійство, если я откажусь предупредить опасность во время и умру... Грѣхъ не заботиться о ближнихъ, но грѣхъ забывать и свою жизнь, играть съ нею... Тѣмъ болѣе мнѣ нужно дорожить собою, что я надѣюсь еще принести посильную пользу ближнимъ...

Эти смиренные, христіанскіе взгляды на свою жизнь, посвященную служенію ближнимъ, уже три раза принуждали несчастную женщину рѣшаться на дорого-стоющія поѣздки за границу. При ея любви къ родинѣ это было дѣйствительно тяжело для нея, и не вознаграждало ее даже то положеніе, въ которомъ она стояла за границей въ средѣ русскихъ «нищардовъ». Тамъ она пользовалась почетомъ, какъ самая богатая, умнѣйшая и нравственнѣйшая русская женщина; около нея собирался кружокъ отставныхъ знаменитостей, хлопотавшихъ о постройкѣ за границею русскихъ церквей; руссофиловъ, толковавшихъ о народности, замышлявшихъ подавить въ Россіи западничество, составлявшихъ планы различныхъ миссіонерскихъ обществъ для борьбы съ католическими миссіонерами. Графиня становилась во главѣ ихъ, дѣлала сборы въ пользу промотавшихся за границею личностей, давала этимъ личностямъ высоконравственныя наставленія, даже устроивала русскія литературныя чтенія, на которыхъ, собравъ съ посѣтителей десяти и двадцати-франковыя монеты, могла хозяйничать, какъ ей угодно, и говорить при всемъ обществѣ которому нибудь изъ чтецовъ: «Ну довольно, довольно, вы устали. Мы будемъ вамъ благодарны, если вы намъ прочтете теперь одно изъ ненапечатанныхъ стихотвореній графа Тугоуховскаго». Чтецъ прекращалъ начатое чтеніе и принимался за декламированье ненапечатаннаго произведенія графа Тугоуховскаго—этого колкаго остряка былыхъ временъ, сердитаго за свою старость порицателя всего молодого, грубаго обличителя современной Россіи, выражавшаго

въ топорныхъ стихахъ, поддѣлываясь подъ мужицкую рѣчь, идеи крайняго обскурантизма. Послѣ чтенія ненапечатаннаго произведенія графа Тугоуховскаго графиня вставала, любезно благодарила чтеца и удалялась, а люди, заплатившіе за свои мѣста, съ почтеніемъ уступали ей дорогу и потомъ, такъ какъ чтеніе болѣе не продолжалось, также расходились, можетъ быть, жалѣя, что заплатили даромъ деньги... Впрочемъ, за эти деньги они имѣли счастіе посидѣть въ одной комнатѣ съ графиней... Но даже этотъ почетъ и уваженіе, конечно, не могли вознаградить графиню за разлуку съ милою для нея родиною.

— Я подумаю, можетъ быть, мы поѣдемъ вмѣстѣ,—заговорила снова графиня, обращаясь къ племяннику.—Тебѣ тоже будетъ полезна эта поѣздка. Ты посмотришь на истинно-русскихъ людей, которымъ, при современномъ настроеніи нашего общества, не даютъ у насъ мѣста; ты серьезнѣе взглянешь на свои обязанности и кромѣ того разсѣешься... Да! кстати, я хотѣла тебѣ сказать на счетъ Лизы...

Задонскій весь превратился въ слухъ.

— Держи, пожалуйста, себя подальше отъ нея. Я знаю, васъ связываютъ воспоминанія дѣтства, вы все еще смотрите другъ на друга какъ дѣти, но она теперь въ такихъ лѣтахъ, что можетъ увлечься...

Михаилъ Александровичъ закусилъ губу и, сдѣлавъ усиліе надъ собой, шутливо замѣтилъ:

— Чтоже тутъ страшнаго, если увлечется? Она и сама можетъ вызвать увлеченіе.

Графиня строго посмотрѣла на племянника.

— Такими вещами не шутятъ! Увлеченіе, любовь должны имѣть послѣдствіями женитьбу. А я надѣюсь, что ты понимаешь невозможность своего брака съ ней.

— Отчего-же?

— Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ,—серьезно произнесла тетка.—Ты знаешь, что есть предметы, о которыхъ я или не говорю совсѣмъ или говорю съ благоговѣніемъ. Играть святыней я не привыкла и не умѣю.

Графиня стала раскладывать на столѣ письменныя принадлежности и дружески кивнула головой племяннику.

— Извини, дружокъ, мнѣ надо написать нѣсколько писемъ,— ласково сказала она и занялась своей безконечной перепиской.

Михаилъ Александровичъ понялъ, что оставаться въ кабинетѣ тетки было невозможно и не за чѣмъ. Онъ вышелъ отъ нея въ смущеніи и тревогѣ. Передъ нимъ были двѣ дороги: пойдешь по одной—разсердишь тетку, останешься чуть не нищимъ, будешь принужденъ жениться на нищей и попадешь за долги въ долговое отдѣленіе; пойдешь по другой—угодишь теткѣ, заплатишь долги и вольный, какъ птица, обманувъ бѣдную дѣвушку, съ комфортомъ проживешь нѣсколько мѣсяцевъ среди блестящаго общества за границей. Задонскій не могъ рѣшиться ни на то, ни на другое, а между тѣмъ выбрать третью дорогу было не только трудно, но почти невозможно. Впервые началъ онъ мысленно проклинать и свое знакомство съ Лизой, и свое увлеченіе ею. «А что тутъ станешь дѣлать съ своею натурою, если не можешь пройти мимо подобнаго цвѣтка?» съ досадой топнулъ онъ ногою.

Раздраженный, проѣхавшись верхомъ, онъ пришелъ въ комнату, гдѣ сидѣла Лиза за роялемъ и въ разсѣянности не отвѣтилъ на ея вопросъ: гдѣ онъ былъ? Лиза удивилась этому молчанію и взглянула на Задонскаго; онъ угрюмо ходилъ по комнатѣ, съ досадой похлопывая себя хлыстомъ по ногѣ.

— Что съ тобой?—спросила она.

— Ничего! — раздражительно отвѣтилъ Задонскій. — Тетка сдѣлала намекъ, что ей было бы непріятно, если бы мы сблизились другъ съ другомъ....

— Ну и Богъ съ ней! вѣдь мы ее въ долю не примемъ, — засмѣялась Лизавета Николаевна.

— Ее не примемъ, но намъ нужно принять въ долю ея деньги,—сердито проговорилъ Михаилъ Александровичъ.

— Э, Боже мой, мы и безъ нихъ проживемъ! Еще лучше будетъ....

— Да, дѣйствительно лучше будетъ: ты здѣсь будешь у матери въ каторгѣ жить, а я буду въ столицѣ въ долговомъ отдѣленіи сидѣть!

Лизавета Николаевна съ удивленіемъ обратилась лицомъ къ Задонскому, повернувъ свой стулъ спинкой къ роялю.

— Какъ такъ?... Я тебя не понимаю...

— Да вѣдь я долженъ и много долженъ. Меня и изъ города выпустили только потому, что знали, какъ богата тетка....

— Я этого не знала....

— Мало ли ты чего не знала!

По лицу Лизы проскользнуло какое-то болѣзненное, тоскливое выраженіе.

— За что же ты на меня-то сердишься?... Отъ этого легче не будетъ.... Но какъ же ты бралъ въ долгъ, не имѣя средствъ отдать?

Михаилъ Александровичъ началъ снова нервно и злобно стегать себя хлыстомъ по ногѣ.

— Какъ это я сошелся съ тобой, не зная навѣрное, можно ли будетъ жениться? Какъ это ты отдалась мнѣ, зная, что мужчинѣ не слѣдуетъ отдаваться до свадьбы? — раздражительно говорилъ онъ съ насмѣшкой и упрекомъ въ голосѣ.

— Что же это, упреки?—поднялась съ мѣста Лиза, вся блѣдная и строгая.—Я тебя не стѣсняю...

Она, едва переступая, пошла прочь. Ее до глубины души оскорбили эти необдуманныя и нахальныя слова. Она еще не знала, какъ обращаются люди съ своими любовницами и женами. Она показалась Задонскому въ эту минуту вдвое прекраснѣе, чѣмъ когда нибудь. Онъ удержалъ ее.

— Полно, Лиза, что съ тобой! Я раздражился, а ты сейчасъ и бросаешь меня.

Михаилъ Александровичъ обнялъ за талію плачущую дѣвушку.

— Полно! Вотъ ты, малютка, какая! Я говорилъ, что спасать и прощать труднѣе на дѣлѣ, чѣмъ въ мечтахъ,... Ну, разбрани меня, отведи душу и конецъ весь!

— Что толку-то?—тихо и грустно прошептала Лиза.

Задонскій продолжалъ утѣшать ее. Мало-по-малу она немного поуспокоилась и на ея лицѣ опять появился румянецъ и заиграла полугрустная улыбка. Лиза по прежнему начала строить различные планы на счетъ будущаго.

— Ты говоришь, что намъ безъ помощи тетки нельзя жить,— разсуждала она.—Но развѣ мы оба не молоды, не имѣемъ силъ?

Ты еще служить можешь, я буду работать. Правда, мы будемъ бѣдны, мы будемъ тяжело пробивать свой путь, но за то, какъ сладко будетъ намъ сознавать, что мы пробили его сами, не кланялись никому, не нуждаясь ни въ комъ.

— Дитя, дитя, мечты-то какія у тебя свѣтлыя!—ласкалъ ее Задонскій, какъ ребенка.—Только какъ это мы долги-то заплатимъ изъ своихъ трудовыхъ денегъ? Тутъ вѣдь тысячи отдать надо. И какую это работу возьметъ моя крошка? И что я могу дѣлать?

Лиза снова нахмурилась.

— Такъ ты думаешь, что и ты, и я, мы оба можемъ жить только на содержаніи у другихъ людей?

— Не на содержаніи, но все-таки на первое время намъ нужна посторонняя помощь.

— Ты также увѣренъ, что я не могу работать?—еще серьезнѣе допрашивала Лиза.

— Ну, конечно!... Я знаю, что ты не привыкла къ труду и не хочу дѣлать изъ тебя чернорабочей....

— Значитъ все, что я постоянно говорила о будущей нашей жизни, о твоемъ честномъ трудѣ, о своей усиленной работѣ—ребячество?

— Мечты!

— Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ этого раньше? Зачѣмъ соглашался со мной прежде?

— Дитя, я такъ люблю, когда ты мечтаешь...

— Мы вѣдь, кажется, не въ куклы играемъ!

Лиза встала.

— Ты былъ правъ, говоря, что спасать людей трудно, — проговорила она. — Но, кажется, это не потому трудно, что у спасителей нѣтъ желанія помочь падшимъ, а потому, что падшіе не хотятъ сдѣлать ни одной попытки къ своему спасенію.... Если ты будешь сидѣть на мѣстѣ и все, что я предлагаю попробовать, будешь называть ребяческими мечтами, то конечно тутъ и толковать не о чемъ.

— Ты опять разсердилась!—сказалъ Задонскій.

— За что мнѣ сердиться? Мнѣ просто грустно,—проговорила

Лиза.—Ты называешь ребяческими мои планы, но ты самъ не пробуешь составить болѣе зрѣлыхъ....

— Ошибаешься! Я надѣюсь, что тетка поможетъ мнѣ выпутаться изъ долговъ и дастъ мнѣ средства прожить первое время... Ну, а потомъ подумаю и о службѣ, и о трудѣ, конечно, не о твоемъ; ты-то не можешь и не должна трудиться...

— Я за себя вѣдь и не прошу думать,—вскользь замѣтила Лиза.—Буду въ Петербургѣ, найду работу.

— Ну, не такъ-то скоро это дѣлается!

— Ахъ, оставь пожалуйста эти злыя пророчества!—строптиво произнесла Лиза.—Спасай только себя, а я или спасусь или погибну, но все-таки о помощи не попрошу...

Она выглядѣла совсѣмъ серьезно. Ея лицо было очень энергично и только въ стиснутыхъ губахъ было еще замѣтно что-то болѣзненное. Задонскій снова хотѣлъ обнять ея талію, она тихо высвободилась изъ его рукъ и пошла изъ комнаты.

— Ты сердишься!—упрекнулъ онъ ее.

— Неужели ты не понимаешь, что есть минуты, когда человѣкъ можетъ не сердиться и все-таки ему совсѣмъ не до обниманій?—отвѣтила она на ходу и быстро вышла вонъ.

Вечеромъ въ этотъ же день и на слѣдующій день утромъ она была, повидимому, спокойна, хотя и не такъ оживлена, какъ во всѣ другія дни. На нее очень сильно подѣйствовала вчерашняя сцена. До сихъ поръ Задонскій соглашался со всѣми планами Лизаветы Николаевны, какъ взрослые соглашаются съ дѣтскими фантазіями изъ желанія не заставлять дѣтей капризничать; теперь Михаилъ Александровичъ невольно открылъ молодой дѣвушкѣ свой настоящій взглядъ на дѣло и этотъ взглядъ непріятно встревожилъ ее. Впервые ей показалось, что онъ смотритъ на нее, какъ на игрушку, что онъ даетъ ей роль своей спасительницы, какъ взрослые въ шутливой борьбѣ съ ребенкомъ поддаются ему и признаютъ его своимъ побѣдителемъ. Эта роль пробуждала въ молодой дѣвушкѣ не боязнь, но страхъ за свое будущее. Задонскій счелъ необходимымъ, при первомъ удобномъ случаѣ, еще разъ извиниться передъ нею. Она грустно улыбнулась.

— Что это ты, милый, извиняешься, какъ школьникъ!—про-

говорила она.—Я и не думаю сердиться. Меня просто серьезныя мысли осаждаютъ... Справиться съ ними не могу сразу.

Вслѣдъ за этимъ Лиза поспѣшила перемѣнить разговоръ и начала черезъ силу смѣяться и подтрунивать надъ управительскими «ангелочками».

А управительскіе «ангелочки», эти наивныя и невинныя пансіонерки уже давно все сильнѣе и сильнѣе косились на Лизу и какъ-то ухитрялись мгновенно вспыхивать краской стыдливости при встрѣчахъ съ нею. Онѣ старались уходить изъ дома графини тотчасъ послѣ обѣда, чтобы «не мѣшать Лизаветѣ Николаевнѣ и Михаилу Александровичу». Онѣ вскрикивали «ахъ!» при встрѣчѣ съ влюбленной парой въ саду и старались избѣгать этихъ встрѣчъ, хотя злая судьба, постоянно искушающая невинныхъ младенцевъ и праведниковъ, дѣлала именно такъ, что «ангелочки» вездѣ и всюду наталкивались на падшую дѣвушку и ея друга... А онѣ такъ боялись этихъ встрѣчъ! Но что вы подѣлаете противъ судьбы?.. На другой или на третій день послѣ непріятнаго объясненія двухъ молодыхъ людей «ангелочки» хотѣли, по обыкновенію, уйдти послѣ обѣда съ грустными и очаровательно-стыдливыми лицами, но Задонскій, боявшійся остаться въ этотъ день съ глазу на глазъ съ Лизой, замѣтилъ имъ:

— Вы вѣрно какой нибудь подарокъ папашѣ вышиваете, что постоянно такъ сильно спѣшите домой?

Ангелочки покраснѣли и засмѣялись.

— Нѣтъ... право мы ничего не вышиваемъ... но...

Барышни конфузились все болѣе и болѣе. Задонскій въ душѣ хохоталъ надъ ними и даже подумалъ: «а вѣдь вы преразвращенныя дѣвчонки!»

— Что же это за *но?* — допрашивалъ онъ.

— Мы здѣсь лишнія!—потупили онѣ глазки и зардѣлись до самыхъ ушей.

— Вы? лишнія?—съ комическимъ ужасомъ воскликнулъ Задонскій.—Помилуйте, мнѣ всегда такъ грустно, что вы пролетаете и скрываетесь, какъ весеннія бабочки.

Барышни еще болѣе смутились.

— Да... вамъ... но...—снова залепетали онѣ.

— Опять *но!* Боже мой, сколько у васъ этихъ *но?*—смѣялся Задонскій.

— Но можетъ быть Лизаветѣ Николаевнѣ будетъ непріятно, если мы станемъ оставаться здѣсь, — застѣнчиво прошептали невинныя простушки.

— Помилуйте, я увѣренъ, что Лизавета Николаевна будетъ очень рада вашему присутствію здѣсь—проговорилъ Задонскій.— Неправда ли, Лизавета Николаевна?—обратился онъ къ Лизѣ.

Она сидѣла у рояля и, нахмуривъ брови, разсматривала какія-то ноты. Это шутовство было ей непріятно. Казалось, она ожидала, что дѣло не кончится добромъ. При вопросѣ Задонскаго она какъ-то горько улыбнулась и неожиданно подняла свою голову, такъ что ея ясные и еще спокойные глаза прямо устремились на смущенныя лица двухъ невинныхъ дѣвицъ. Въ теченіи минуты Лиза не произносила ни слова. Ей было почему-то отрадно насладиться смущеніемъ невинныхъ «ангелочковъ», постаравшихся тонко намекнуть грѣшницѣ, что она грѣшница, и этимъ намекомъ уколоть ее.

— Почему же вы думаете, что мнѣ непріятно ваше присутствіе?—спокойно спросила она черезъ минуту, и по ея губамъ скользнула презрительная усмѣшка.

Невинныя созданія потупили глазки и съежились.

— Можетъ быть, мы мѣшаемъ,—начали онѣ.

— Чему? — спросила Лиза, настойчиво преслѣдуя ихъ насмѣшливымъ взглядомъ. Въ этомъ взглядѣ уже сверкалъ едва замѣтный огонекъ злорадства. Казалось, что эта грѣшница хотѣла показать «ангелочкамъ», что онѣ совсѣмъ не такъ безгрѣшны въ душѣ, какъ выглядятъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Просто мѣшаемъ вамъ говорить съ Михаиломъ Александровичемъ,—отвѣтили барышни.

— А развѣ *вамъ* мѣшаютъ посторонніе люди говорить съ мужчинами? — допрашивала Лиза, заставляя невинность высказывать грѣшные помыслы.

— Нѣтъ! намъ!—обидчиво произнесли наивныя дѣвицы.— *Намъ* никто не мѣшаетъ..

— Почему же вы думаете, что *мнѣ* могутъ мѣшать, если *вамъ* не мѣшаютъ посторонніе свидѣтели вашихъ разговоровъ

съ мужчинами?.. Объясните пожалуйста это... Слышать подобное объясненіе очень любопытно, особенно отъ *васъ*.

Лиза продолжала преслѣдовать своими насмѣшливыми и уже совсѣмъ злыми глазами смущенныя лица барышень. Къ ея величайшему изумленію онѣ вдругъ захныкали.

— Вы насъ оскорбляете!.. Мы... мы не позволимъ смѣяться надъ собой... Мы честныя дѣвушки!—заговорили онѣ прерывающимися голосами.

Лиза поднялась съ мѣста и быстро подошла къ нимъ.

— Вы жалкія, а не честныя дѣвушки! Если бы вы были честныя дѣвушки, то вы не подозрѣвали бы ни въ чемъ дурномъ другихъ людей, ничѣмъ незаслужившихъ этого, — рѣзко проговорила она, сверкнувъ глазами, и вышла изъ комнаты.

Вся эта сцена произошла такъ неожиданно для всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ, что они не могли сразу опомниться.

Давно уже невинныя барышни хотѣли уколоть и оскорбить Лизу за ея «позорное для всѣхъ дѣвицъ» поведеніе; давно Лиза негодовала на нихъ за ихъ постоянное смущеніе, за ихъ постоянныя вскрикиванія при встрѣчахъ съ ней; но никто изъ нихъ даже и не подозрѣвалъ, что дѣло разыграется такъ неожиданно и такъ непріятно. Вообще большая часть рѣзкихъ стычекъ между людьми происходитъ не вслѣдствіе заранѣе подготовленныхъ и обдуманныхъ плановъ, а является случайно, въ пылу увлеченія. Иногда человѣку приходится горько раскаяться за горячее слово, неприносящее никому пользы и надѣлавшее много вреда. Но слово, какъ птица, вылетитъ— не поймаешь... Лизѣ оставалось только ожидать новыхъ сценъ за свою невольную смѣлость; барышнямъ оставалось только пожаловаться папашѣ на оскорбившую ихъ негодницу. Отчасти, чтобы избѣжать возможныхъ объясненій съ графиней, которой управляющій могъ пожаловаться, отчасти, чтобы успокоиться отъ несвоевременныхъ ухаживаній Михаила Александровича, Лиза уѣхала въ Бабиновку.

Дома она застала одну изъ сосѣднихъ помѣщицъ, заѣхавшую къ нимъ случайно. Это удивило Лизу, такъ какъ къ нимъ рѣдко заѣзжали сосѣди, бывшіе въ ссорѣ съ ея матерью. Лиза видѣла въ этомъ посѣщеніи нѣчто особенное, нѣчто выходящее изъ

ряду вонъ и имѣющее какія нибудь болѣе серьезныя причины, чѣмъ простое желаніе повидаться съ сосѣдями. Разговоры между Дарьей Власьевной и ея гостьей шли очень незначительные и вообще не клеились. Наконецъ гостья обратилась съ сладенькимъ лицомъ къ хозяйкѣ.

— А васъ можно поздравить, Дарья Власьевна? — спросила она вкрадчивымъ голосомъ.

— Съ чѣмъ, матушка Марья Ивановна?—изумилась хозяйка.

Гостья-помѣщица замялась.

— Можетъ быть, это нескромность... Можетъ быть, это одни слухи,—начала она. — Вы, пожалуйста, не сердитесь за мой вопросъ!.. Я такъ люблю ваше семейство!.. Но я слышала, что наша милая Лизавета Николаевна замужъ выходитъ за племянника нашей графини.

— А—а! — произнесла Дарья Власьевна и постаралась сдѣлать равнодушное лицо. — Это слухи, слухи!.. Навѣрное еще ничего нельзя сказать.... Правда, Михаилъ Александровичъ хорошій человѣкъ и, можетъ быть, Лиза ему нравится, и къ семейству нашему онъ расположенъ... Но вѣдь десять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь.. Лиза у насъ еще молода!.. И я вѣдь мать! Мнѣ тяжело разставаться съ нею, мнѣ полюбоваться на нее хочется!.. Конечно, противъ судьбы не пойдешь, дочь при себѣ на вѣкъ не оставишь...

Дарья Власьевна говорила очень гордо и серьезно. Лиза, отвернувъ голову къ окну, молча смотрѣла на дорогу.

— Дай Богъ, дай Богъ! — вздохнула гостья.—Только какъ на это графиня посмотритъ; вѣдь родъ-то ихъ...

— Ахъ, Владыко небесный!—вспылила хозяйка. — Да развѣ мы-то мѣщане, что-ли? Что намъ въ роду-то ихъ? Наши отцы и дѣды тоже дворянами были и царю вѣрой и правдой служили! Да мой отецъ крестный самъ генераломъ былъ! Вотъ что!.. И къ тому же графиня такъ насъ любитъ; Лизу она и теперь за дочь считаетъ, ну и мнѣ постоянно и поклонъ, и то и се, пято и десято пришлетъ... Не ѣзжу я къ ней, — такъ вѣдь я еще недостроилась, вѣдь я мать семерыхъ дѣтей, я не могу, какъ другія, по гостямъ рыскать, чужіе пороги обивать...

«Мотай себѣ на усъ, матушка, мотай себѣ на усъ», — мысленно произносила Дарья Власьевна.

Лиза не выдержала долѣе этого разговора и разомъ рѣшилась прекратить толки. Она не знала, что съ подобными вопросами къ ея матери уже пріѣзжали человѣкъ пять, шесть и думала, что, зажавъ ротъ этой сплетницѣ, можно окончательно прекратить и всѣ дальнѣйшіе толки.

— Михаилъ Александровичъ и не подумаетъ на мнѣ жениться и я сама никогда не пошла бы за него замужъ,—рѣзко сказала она, поднимаясь со стула. — Я попрошу васъ,—обратилась она прямо къ гостьѣ, — говорить всѣмъ, что эти слухи ложь и что нехорошо и нечестно мѣшаться въ чужія дѣла.

Лиза вышла изъ столовой.

— Да что же это она у васъ! Еще графиней не сдѣлалась, а съ благородными людьми, какъ съ холопьями обращается, — обозлилась гостья.—Ну, замужъ не идетъ, такъ еще хуже — любовницей слыветъ... Объ этомъ весь уѣздъ толкуетъ!.. Вѣдь я только изъ вѣжливости предупредить васъ намеками хотѣла. А вы и уши развѣсили, повѣрили, что когда нибудь племянникъ графини можетъ жениться на вашей дочери!... Да вы на себя, на свой домъ-то только взгляните!

Хозяйка и гостья сцѣпились, какъ двѣ дворовыя голодныя собаки, которымъ бросили кость. Лиза слышала половину всей этой грязной брани и трепетала всѣмъ тѣломъ. Для нея ясно стало, что она сдѣлалась сказкой, предметомъ пересудовъ и толковъ для всѣхъ окрестныхъ жителей.

— Что-жъ, зачѣмъ пошла, то и нашла! — горько усмѣхнулась она.—Цѣлый мѣсяцъ за то была счастлива.

Она задумалась объ этомъ счастьи; почему-то даже и оно казалось ей теперь не счастьемъ, а тяжелымъ, горячечнымъ бредомъ, опьяненіемъ отъ горя.

— Нѣтъ, этого мнѣ мало, мнѣ чего-то другого нужно, — шептала она, и скорбно опустила голову на руки. Въ этомъ забытьи она просидѣла до поздней ночи. Богъ знаетъ, что она думала, что придумала....

V.

Невинныя управительскія барышни между тѣмъ явились въ слезахъ къ своему папашѣ послѣ сцены съ Лизой.

— Что это вы, мои цыпочки, расплакались?—приласкалъ ихъ нѣжный отецъ, котораго онѣ очень тяготили своею пансіонерскою неспособностью ни къ какому дѣлу.—Ну, стоитъ ли вамъ связываться съ этой дѣвчонкой. Ее вамъ ничѣмъ нельзя пристыдить, у нея весь стыдъ давно потерянъ. А она вамъ всегда можетъ непріятностей надѣлать.

— Да зачѣмъ же она насъ оскорбляетъ, мы честныя дѣвушки!—восклицали, всхлипывая, невинныя барышни.

— А все-таки надо терпѣть и молчать, — наставительно говорилъ отецъ. — Вы можете и Михаила Александровича вооружить противъ себя, связываясь съ ней, потому что онъ увлеченъ ею.

— Не борись съ сильнымъ, сказалъ премудрый Соломонъ,— окончилъ управляющій, не зная точно, говорилъ это Соломонъ или не говорилъ.

— Намъ обидно, что онъ эту низкую дѣвчонку выше насъ ставитъ!

— Не выше васъ, нисколько не выше, чистыя мои птички! Онъ просто играетъ съ нею, потому что съ такими дѣвчонками можно играть молодымъ людямъ. Хорошо она поетъ, только гдѣ-то сядетъ. Будетъ время, и близко это время, когда онъ ее броситъ, какъ выжатый лимонъ. А вы молчите и ждите. Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. Помните, что это въ священномъ писаніи сказано .. Графиня стара, не сегодня, завтра умретъ,—тогда Михаилъ Александровичъ самъ себѣ господинъ будетъ и о какой нибудь Лизаветѣ Николаевнѣ и думать не станетъ. Ему будетъ нужна невѣста со средствами... Ну тогда и мы подумаемъ, что дѣлать, и мы лицомъ въ грязь не ударимъ. Кто знаетъ, можетъ быть, тогда Бабиновка-то и

съ молотка продастся, можетъ быть, и мы помѣщиками будемъ... Будущее только одинъ Богъ знаетъ. Въ рукѣхъ Его сердце... Нѣтъ, это не то!—махнулъ управляющій рукою, неудачно подобравъ текстъ.—А и не сдѣлается ничего, такъ все же Михаила Александровича намъ раздражать не слѣдуетъ, потому что не самъ же онъ управлять имѣніемъ станетъ и намъ же выгоднѣе, если онъ другого управляющаго не возьметъ.

Отецъ поцѣловалъ дочерей и еще разъ замѣтилъ имъ, что надо молчать и терпѣть, что всѣ честные и невинные люди всегда молчали и терпѣли, что это и въ священномъ писаніи сказано. Въ подтвержденіе послѣдняго, управляющій привелъ цитату изъ заповѣдей блаженства и, вполнѣ довольный и самимъ собою и своими текстами, сталъ пить чай.

Управляющій графини, надворный совѣтникъ, Андрей Андреевичъ Терпуговъ, кругленькій, какъ арбузъ, жирненькій, какъ сало, выглядѣвшій какимъ-то куцымъ херувимчикомъ съ вербы, былъ человѣкъ сдержанный, онъ какъ кротъ рылся гдѣ-то незамѣтно, во мракѣ, скопилъ многое невѣдомо для людей, постоянно обладалъ манерами смиреннаго кота, незамѣтно выпускающаго свои когти изъ мягкихъ лапъ; онъ всегда говорилъ: «моя изба съ краю—ничего не знаю!» Люди называли его то примѣрнымъ и набожнымъ человѣкомъ, то продувною бестіею; то добрымъ простякомъ, то кремнемъ и кулакомъ;—такія разнорѣчивыя мнѣнія зависѣли вполнѣ отъ того, кто говорилъ про него, также какъ и его образъ дѣйствій зависѣлъ отъ того, съ кѣмъ онъ велъ дѣло. Только въ двухъ случаяхъ оставался онъ неизмѣннымъ въ сношеніяхъ съ людьми различныхъ званій и состояній, — это въ непреодолимой страсти говорить не то, что думаетъ, и думать не то, что говоритъ, да въ любви опираться во всемъ на священное писаніе, которое онъ коверкалъ безъ всякой пощады. Онъ ухитрялся какъ-то такъ подбирать его тексты, существовавшіе иногда только въ воображеніи Андрея Андреевича, что оно давало ему возможность и учить повиновенію слугъ, такъ какъ власти отъ Бога; оно же давало ему возможность холодно относиться къ страданію ближнихъ, такъ какъ мзда ихъ будетъ великою на небесѣхъ; оно же мотивировало его взяточничество, такъ какъ онъ признавалъ, что

всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; однимъ словомъ, Андрей Андреевичъ выворотилъ на изнанку всякое библейское выраженіе, да этимъ и оградилъ свою совѣсть отъ всякихъ нападеній.... Говоря не то, что онъ думаетъ, Андрей Андреевичъ очень часто говорилъ невообразимо глупо, но поступалъ чрезвычайно умно. Иногда онъ прикидывался такимъ дурачкомъ, что люди изъ сожалѣнія начинали поучать его, а онъ, похлопывая въ умиленіи глазками, выслушивая ихъ умныя рѣчи до конца, узнавалъ до тонкости умственныя способности своего собесѣдника, такъ сказать, раскусывалъ его, да потомъ и нападалъ на него съ самой слабой стороны, если ему приходилось столкнуться на практической почвѣ. Теперь онъ рѣшился не вмѣшиваться въ отношенія Лизы и Задонскаго, чтобы не раздражать послѣдняго, и надѣялся, что время сдѣлаетъ свое. Планы его невинныхъ дочерей на счетъ любви Задонскаго къ которой нибудь изъ нихъ не имѣли въ его глазахъ почти никакого серьезнаго значенія, и поэтому онъ дѣлалъ видъ, что они имѣютъ для него значеніе; но очень большое значеніе придавалъ онъ своему плану забрать въ руки Задонскаго и, главнымъ образомъ, его имѣніе, когда умретъ графиня, и потому никогда не высказывалъ этихъ надеждъ. Иногда онъ даже улыбался, помышляя о томъ, что первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми, и почему-то ему казалось въ эти минуты, что не Задонскій, а онъ самъ, Андрей Андреевичъ Терпуговъ, будетъ хотя не номинальнымъ, но за то фактическимъ наслѣдникомъ Серпуховской, то есть приберетъ къ рукамъ все Приволье.

Рѣшимость Терпугова молчать и терпѣть спасла Лизу отъ непріятныхъ послѣдствій ея необдуманной ссоры съ невинными дѣвицами. Графиня ничего не узнала объ этой исторіи и снова прислала за Лизой экипажъ. Это было на другой день послѣ пріѣзда Ивана Григорьевича въ Приволье. Онъ, какъ мы видѣли, рѣшился узнать подробно объ отношеніяхъ Лизы и Задонскаго, и потому дня черезъ три завернулъ къ управляющему. Невинныя барышни обыкновенно имѣли привычку «презирать» поповича, и говорили съ нимъ только изъ снисхожденія къ его студенческому сюртуку. Но въ настоящее время, сверхъ всякого ожиданія, онѣ очень обрадовались молодому гостю. Это

немного удивило Ивана Григорьевича и онъ сталъ тщательно доискиваться причинъ такой неожиданной привѣтливости. «Вѣрно что нибудь сообщить хотятъ!» подумалось ему. Сначала разговоры шли о столицѣ, барышни охали и вздыхали о столичномъ обществѣ, котораго онѣ никогда не видали во время пансіонской жизни; онѣ жаловались на деревенскую скуку и на провинціальныхъ жителей, съ которыми еще не были знакомы, и наконецъ перешли къ болѣе интересному предмету.

— А вы были у Баскаковыхъ?—вдругъ спросили онѣ въ одинъ голосъ.

Иванъ Григорьевичъ насторожилъ уши, и сразу почувствовалъ въ этомъ вопросѣ желаніе барышень разсказать ему нѣчто интересное

— Былъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, какъ нашли у нихъ все? Не замѣтили ли какихъ перемѣнъ?

— Нѣтъ, кажется, ничего не замѣтилъ....

— Ахъ, что вы!—воскликнули разомъ обѣ сестры.—А Лизу вы видѣли?

— Видѣлъ.

— Ну, такъ какъ же не замѣтить перемѣны!

— Право, я никогда не могу ничего сразу замѣтить. Ужь вы лучше сами объясните мнѣ, какая тамъ перемѣна случилась,—улыбнулся онъ, догадываясь, что именно возможность сообщить объ этой перемѣнѣ заставила барышень обрадоваться даже ему, презрѣнному поповичу.

Дѣйствительно барышни, краснѣя и потупляя глазки, таинственно прошептали:

— Да вѣдь она влюблена!

За этими стыдливо-произнесенными словами вдругъ полился цѣлый потокъ такихъ же таинственныхъ разсказовъ, какъ «они» сидѣли вечеромъ въ саду, какъ «они» катались вдвоемъ, какъ «они» играли въ четыре руки на фортепьяно, какъ «они» избѣгали общества, и тому подобное, все въ томъ же родѣ. Иванъ Григорьевичъ чутко слушалъ невинную болтовню и старался составить по ней кое-какія заключенія о степени серьезности дѣла. Наконецъ эта болтовня была прервана появленіемъ Андрея Андреевича.

— А это онѣ вамъ про наши сельскія исторіи разсказываютъ,—засмѣялся Андрей Андревичъ жирнымъ смѣхомъ.—Какъ же, какъ же, и у насъ свои романы затѣваются. Только глупости все это, шалости... Вотъ къ концу лѣта уѣдутъ *наши* за границу и конецъ весь.

— Кто это уѣдетъ за границу?—спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Да ея сіятельство съ Михаиломъ Александровичемъ.

— Какъ? онъ уѣзжаетъ?—тревожно поднялся съ мѣста Иванъ Григорьевичъ.

— Да. Что же тутъ удивительнаго?—равнодушно спросилъ Андрей Андреевичъ.—Не все же въ нашей глуши жить, надо и на свѣтъ посмотрѣть.

— Но она-то знаетъ ли это?

— Кто это? Лизавета-то Николаевна?... Пѣтъ, должно быть не знаетъ.... Это ей маленькій сюрпризъ будетъ... къ имянинамъ,—снова засмѣялся жирнымъ смѣхомъ Андрей Андреевичъ и шутливо ущипнулъ отъ нечего дѣлать за щеку одну изъ своихъ розовенькихъ дочерей.

Ивана Григорьевича точно чѣмъ-то пришибло. Онъ торопливо взялся за фуражку и, не смотря на упрашиванья остаться, ушелъ, почти убѣжалъ изъ дому управляющаго.

Нѣсколько минутъ онъ быстро шагалъ по дорогѣ безъ всякаго сознанія и безъ всякой цѣли. «Однако, куда же я бѣгу? «Ужь не къ графинѣ ли?... Чортъ побери, надо предупредить Лизавету Николаевну... Но какъ ее поймать!..» Иванъ Григорьевичъ рѣшился попытаться подстеречь ее и переговорить съ нею въ графскомъ саду; онъ боялся, что подастъ поводъ къ толкамъ, если просто велитъ слугамъ графини вызвать къ себѣ Лизу, такъ какъ подобное необычайное свиданіе непремѣнно заставило бы графиню спросить у Лизы, зачѣмъ онъ вызывалъ ее... Главнымъ же образомъ заставляло его дѣйствовать такъ желаніе сообщить Лизаветѣ Николаевнѣ свое извѣстіе между прочими разговорами, не придавая ему особеннаго значенія, чтобы не стать въ смѣшное положеніе, если Лизавета Николаевна знала и прежде о намѣреніяхъ графини и Задонскаго.

Дня черезъ два Ивану Григорьевичу удалось встрѣтиться съ

Лизой въ привольскомъ саду. Передавъ ей нѣсколько извѣстій о ея домашнихъ, которыхъ онъ видѣлъ ежедневно, онъ замѣтилъ вскользь:

— А вы нагуляться здѣсь досыта хотите, покуда не опустѣютъ палаты.

— Отчего же имъ опустѣть?—удивилась Лиза.

— Да вѣдь графиня осенью уѣзжаетъ за границу, отвѣтилъ Борисоглѣбскій, видя по лицу своей собесѣдницы, что она ничего не знаетъ объ этихъ предположеніяхъ.

— Можетъ быть, это только слухи,—усумнилась Лиза.

— Нѣтъ это дѣло рѣшеное, — утвердительнымъ тономъ отвѣтилъ Борисоглѣбскій.—Она, по словамъ Андрея Андреевича, въ сопровожденіи Михаила Александровича хочетъ проѣхать въ Ниццу и...

— Что это вы за слухи разносите! Я ничего не знаю, а вы знаете....

— Да мало ли чего вы не знаете, а я знаю,—шутливо замѣтилъ Борисоглѣбскій.

— Этого не можетъ быть... Михаилъ Александровичъ не можетъ уѣхать...

— Не можетъ?—переспросилъ Борисоглѣбскій, пристально взглянувъ на Лизу.

— Да... то есть... У него есть въ Петербургѣ обязательства,—смущеннымъ голосомъ произнесла молодая дѣвушка, замѣтивъ свою опрометчивость и стараясь поправиться.

— Все-то у нихъ долги и все-то неоплатные! — усмѣхнулся Борисоглѣбскій.

Лиза промолчала.

Въ это время на аллеѣ показался Задонскій. Онъ удивился, увидавъ съ Лизой Борисоглѣбскаго, и сухо поклонился ему.

— Я вамъ не помѣшалъ?—спросилъ онъ Лизу.

— Напротивъ того, я рада, что встрѣтила васъ,—отвѣтила она.—Я вотъ хотѣла васъ поздравить съ вашею будущею поѣздкой за границу....

— Кто это вамъ сказалъ такую штуку?—засмѣялся Задонскій, стараясь подавить смущеніе.

Лиза указала на Борисоглѣбскаго.

— Вы однако больше меня самого знаете о моихъ планахъ, —насмѣшливо проговорилъ Михаилъ Александровичъ.

— Вашихъ плановъ я не знаю, а вотъ планы вашей тетушки случайно сдѣлались мнѣ извѣстными, — спокойно и холодно отвѣтилъ Борисоглѣбскій.—И я счелъ своею обязанностью сообщить ихъ Лизаветѣ Николаевнѣ... Неожиданности и сюрпризы иногда нездоровы...

— Ну, до меня планы моей тетки не касаются; къ тому же я вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда люди подчиняются чужой волѣ,— презрительно замѣтилъ Задонскій.

— Лѣта-то тутъ ни при чемъ. Все зависитъ отъ того, кто намъ выражаетъ свою волю,—усмѣхнулся Борисоглѣбскій.

Задонскій строго и надменно посмотрѣлъ на него.

— Что вы этимъ хотите сказать?—угрожающимъ тономъ промолвилъ онъ и, кажется, однимъ взглядомъ хотѣлъ уничтожить Борисоглѣбскаго.

— Да то, что бываютъ и такіе случаи: мы служить хотимъ, а начальнику нашъ носъ не нравится, ну вотъ онъ и посылаетъ насъ, не спрашивая о нашемъ желаніи, отдыхать отъ трудовъ служебныхъ... Бываютъ и другіе случаи, когда мы по чужой дудкѣ пляшемъ, да вы, Михаилъ Александровичъ, ихъ и сами подобрать можете.

Борисоглѣбскій говорилъ твердо и не спѣша. Его лицо не выражало ни гнѣва, ни раздраженія, но выглядѣло сухо и черство въ эту минуту. Въ его голосѣ не слышалось ни насмѣшливости, ни угрозы, но слова выговаривались до того отчетливо и рѣзко, что Задонскій не рѣшился отвѣтить достойнымъ образомъ на дерзость «поповича». Въ его головѣ почему-то промелькнула ни съ того, ни съ сего мысль, что такіе люди— обломы не имѣютъ привычки стрѣляться, а, въ крайнемъ случаѣ, просто бьютъ своихъ задорливыхъ противниковъ.

Иванъ Григорьевичъ пожалъ руку Лизы и неторопливо завернулъ въ другую аллею.

Молодая дѣвушка въ недоумѣніи смотрѣла на Задонскаго. Онъ молчалъ, ощипывая сорванную съ дерева вѣтку.

— Неужели въ этихъ слухахъ есть хоть доля правды? — спросила наконецъ Лизавета Николаевна.

— Ни малѣйшей!.. Тетка, можетъ быть, и собирается за границу, но я-то не поѣду,—отвѣтилъ Задонскій,

— Она однако говорила тебѣ объ этомъ?

— Нѣтъ... Сперва были предположенія, но потомъ объ этомъ и забыли...

Лиза недовѣрчиво смотрѣла на Михаила Александровича.

— И кто это ему передалъ эти извѣстія?--спросилъ онъ.

— Андрей Андреевичъ...

— А-а! мститъ за дочерей! хочетъ этимъ путемъ разсорить насъ... Наивный человѣкъ!—засмѣялся Задонскій и сталъ острить на счетъ управляющаго. Лиза задумчиво, безъ улыбки слушала остроты. Ей было не по себѣ. Въ душу начинало закрадываться сомнѣніе.

Прошло немного времени, во «дворцѣ» графини произошла новая непріятная для Лизы исторія. У графини обѣдало нѣсколько человѣкъ гостей. Это былъ день именинъ графини. Бесѣда шла по обыкновенію монотонно, графиня говорила съ авторитетомъ и почти одна, гости почтительно соглашались и удивлялись. Лиза давно привыкла къ этимъ оффиціальнымъ обѣдамъ и скучнымъ разговорамъ, а потому и не обращала особеннаго вниманія на то, что говорилось около нея. Вдругъ ея слухъ былъ пораженъ особенно возвысившимся голосомъ графини.

— А я вотъ все прихварываю,—говорила она, такимъ тономъ, какъ будто желала, чтобы всѣ слышали каждое ея слово.

Лиза взглянула на нее и удивилась, замѣтивъ, что глаза графини смотрятъ прямо на нее.

— За границу докторъ совѣтуетъ ѣхать на зиму,—продолжала графиня, не спуская глазъ съ Лизы.—Тяжело мнѣ разставаться съ Привольемъ и еще слава Богу, что я не одна поѣду, что Мишель ѣдетъ со мною...

Въ комнатѣ среди всеобщей тишины звонко прозвенѣла, какъ оборвавшійся колокольчикъ, упавшая на полъ серебряная вилка. Лакей подбѣжалъ и наклонился, чтобы поднять ее и подать Лизаветѣ Николаевнѣ. Графиня пристально, испытующимъ взглядомъ, смотрѣла на смущенную дѣвушку. Лиза сдѣлала надъ собой нечеловѣческое усиліе и улыбнулась.

— А я проиграла пари,—обратилась она, со смѣхомъ на по-

синѣвшихъ губахъ, къ сидѣвшему возлѣ нея Андрею Андреевичу,—я пророчила Михаилу Александровичу, что онъ съ ума сойдетъ отъ скуки въ нашемъ Привольѣ...

Управляющій какъ-то глупо осклабилъ зубы.

— Я первый разъ слышу отъ васъ, дитя, что въ Привольѣ вамъ кажется такъ скучно,—строго и серьезно замѣтила графиня.

— О, я думаю вездѣ скучно безъ дѣла, а въ Привольѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, такъ какъ здѣсь всѣ, начиная съ васъ и кончая послѣднимъ мужикомъ, заняты работой,—бойко проговорила Лиза, едва переводя дыханіе.—А Михаилъ Александровичъ такъ молодъ, что ему должно быть не только скучно, но даже стыдно сидѣть безъ дѣла...

Графиня была совсѣмъ сбита съ толку. Она заговорила о поѣздкѣ за границу именно только для того, чтобы узнать; какъ приметъ эту новость Лиза. Оброненная вилка въ одну минуту объяснила графинѣ все. Но смѣхъ Лизы, тотчасъ же бойко заглушившій жалобный звукъ скатившагося на полъ серебра, но ироническія фразы Лизы на счетъ Задонскаго, фразы, напоминавшія постоянныя насмѣшки этой вострушки надъ Михаиломъ Александровичемъ, снова заставили графиню подумать, что между молодыми людьми нѣтъ ничего серьезнаго, что если Баскакова и увлеклась молодымъ человѣкомъ, то очень не сильно, что, наконецъ, вилка могла упасть чисто случайно и ея паденіе не имѣло никакого значенія, что легкая блѣдность Лизы могла быть просто слѣдствіемъ смущенія отъ неловкости. Лиза между тѣмъ, какъ будто желая окончательно сбить съ толку графиню или стремясь подавить невольно роившіяся въ головѣ мысли, продолжала наспльно смѣяться и подшучивать на счетъ Михаила Александровича. Графинѣ начинало казаться, что Лиза радуется отъѣзду Михаила Александровича; ей думалось, что нравственной дѣвушкѣ надоѣли его неотязчивыя ухаживанья и любезности. Лиза между тѣмъ чувствовала, что если обѣдъ продлится еще долго, то ея смѣхъ кончится не хорошо. У нея никогда въ жизни не бывало истерики, теперь она чувствовала возможность подобнаго припадка... Къ ея счастію, обѣдъ пришелъ къ концу... Всѣ встали изъ за стола... Графиня подошла къ Лизѣ и нѣжно поцѣловала ее въ лобъ...

— Но обо мнѣ, дитя, вы вѣрно вспомните безъ смѣха?—ласково промолвила старуха и поспѣшила прибавить:—Ну, полноте, полноте, дитя! Зачѣмъ же плакать? Будемъ живы—увидимся!

Лиза быстро поцѣловала руку графини и, подавляя рыданія, вышла изъ комнаты.

Графиня стояла съ задумчиво-опущенной на грудь головой.

— Да, я всегда знала, что она любитъ меня. И я сама привыкла къ ней, какъ къ дочери,—тихо проговорила она и провела рукой около глазъ... Богъ знаетъ, хотѣла ли она этимъ движеніемъ отстранить отъ глазъ какую нибудь созданную воображеніемъ непріятную картину или желала предупредить во время слезы, еще нескатившіяся съ рѣсницъ на ея худыя щеки...

Она по обыкновенію ушла въ свой кабинетъ; гости группами разбрелись по комнатамъ. Управляющій выждалъ удобную минуту, когда лакеи ушли за чѣмъ-то изъ столовой, и подошелъ къ столу, на которомъ отобралъ четыре ломтика бѣлаго хлѣба.

— Это моимъ цыпочкамъ,—проговорилъ онъ самъ себѣ.— Пусть и птицы небесныя знаютъ, что у насъ сегодня праздникъ!

Онъ по чистотѣ своего сердца очень любилъ собственноручно кормить куръ и цыплятъ, и въ такія минуты его кругленькая добродушная фигурка выглядѣла по истинѣ умилительно. Отойдя къ окну, онъ вытащилъ изъ кармана бумажку—бумажками были всегда полны его карманы—осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и, удостовѣрившись, что бумага не нужная, не дѣловая, сталъ завертывать въ нее хлѣбъ, стоя спиною къ комнатѣ. Совершивъ эту операцію, спрятавъ завернутый хлѣбъ въ карманъ, онъ медленно заходилъ одинъ по столовой и, прочищая перомъ зубы, предался тѣмъ глубокомысленнымъ и благодушнымъ размышленіямъ, на какія бываютъ способны только жирные, ощущающіе полное спокойствіе совѣсти люди послѣ изобильнаго и хорошаго обѣда.

«Это просто чортъ, а не дѣвка,—разсуждалъ онъ съ самимъ собою. И что бы вышло изъ нея, если бы она въ хорошія руки попала, женой степеннаго да умнаго человѣка сдѣлалась? Вѣдь золото, просто золото!... У самой кошки на

сердцѣ скребутъ — а она смѣется... А наша-то сіятельная таращитъ на нее глаза и ничего не видитъ... Да, ей бы умнаго, дѣловаго мужа надо,—далеко бы ушла!.. Ей не нарядовъ, не обниманій нужно; ей ломовую работу подавай, ей командовать въ домѣ позволь, ей за себя постоять дорогу открой, и ужь слезъ да вздоховъ отъ нея тогда не услышишь... Нѣтъ, мои не то!.. Мои не въ меня, — въ мать пошли... Съ покойницей не умѣлъ возиться, ну и съ ними не умѣю сладить... И ласкаешь, и цѣлуешь ихъ, да нѣтъ, это все не то! Ущипнешь ихъ въ шутку покрѣпче, такъ онѣ ужь и въ слезы!.. Вотъ мнѣ бы жену такую, чтобы на нее какъ на себя положиться могъ... Нажили бы мы деньгу!.. А вѣдь эта пошла бы!.. Ей Богу пошла бы теперь... А?»

Управляющій остановился у камина и самодовольно взглянулъ въ зеркало на свое заплывшее жиромъ, животное лицо съ маленькими маслянистыми глазками.

«Не казистъ, добродушно усмѣхнулся онъ надъ собою,—а пошла бы, и за такого пошла бы, потому что ей, во-первыхъ, лица и не надо, а во-вторыхъ, все равно она теперь чорту баранъ будетъ».

Онъ потянулся, зѣвнулъ и придвинулъ кресло къ камину, чтобы положить на его холодную рѣшетку свои коротенькія, топорно обтесанныя ножки. Его сальная фигура выглядѣла въ эту минуту крайне добродушно и невинно... Онъ никогда не думалъ жениться на Лизѣ, никогда не женился бы на ней, но помечтать объ этомъ было пріятно. Иногда Андрей Андреевичъ послѣ обѣда мечталъ даже о томъ, что было бы, если бы онъ былъ княжескаго происхожденія или если бы онъ былъ «военнымъ фельдмаршаломъ»? Послѣ такихъ мечтаній ему обыкновенно удавалось хорошо вздремнуть и увидать сладкіе сны.

Михаилъ Александровичъ въ это время ходилъ въ тревогѣ по комнатамъ и все посматривалъ на двери, ожидая, не появится ли въ нихъ Лиза. Онъ начиналъ бояться, что она съ обычною своею рѣзкостью уѣдетъ изъ дома графини, и этимъ докажетъ основательность всѣхъ подозрѣній и толковъ на ея счетъ. Онъ еще никакъ не могъ понять, что эта деревенская простушка съумѣетъ гдѣ надо выдержать до конца свою роль,

какъ бы трудно ни было это для нея. Черезъ полчаса онъ ушелъ въ садъ, желая освѣжиться и, можетъ быть, тамъ встрѣтить Лизу. Онъ не ошибся въ послѣднемъ. Въ одной изъ аллей онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, задумчиво ходившую по саду. Онъ окликнулъ ее. Она почти съ изумленіемъ посмотрѣла на него, какъ будто для нея былъ совершенно непонятенъ его приходъ

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Чтобы люди продолжали толковать о нашихъ свиданьяхъ?—строго и серьезно спросила она, совершенно невольно говоря ему *вы*, какъ будто теперь ей стало невозможно говорить ему по прежнему *ты*.

— Что это, Лиза, ты вдругъ стала бояться людскихъ толковъ?—спросилъ онъ, не зная съ чего начать разговоръ.

— Не боюсь, но не хочу, чтобы кто нибудь сказалъ, что я и *теперь* бѣгу на свиданія съ вами, когда я знаю, что вы бросаете меня и ѣдете за-границу... Тутъ и передъ собой увлеченіемъ не оправдаешься!

Въ голосѣ молодой дѣвушки была какая-то сухость и рѣзкость, точно у нея что-то оборвалось въ груди.

— Перестань, пожалуйста! сталъ успокоивать ее Задонскій.— Вѣдь это все предположенія! Я и не думаю ѣхать...

— Однако вы не опровергали словъ графини...

— Ну да, я еще не успѣлъ окончательно отказаться отъ ея предложенія... Мы еще не говорили съ ней серьезно объ этомъ предметѣ...

— Ну, вотъ когда переговорите серьезно, тогда и приходите ко мнѣ, тогда и говорите со мною,—перебила его Лиза.— А теперь я попрошу васъ идти прочь... Мнѣ нужнѣе, чѣмъ вамъ, освѣжиться и потому я не хотѣла бы уйдти изъ сада... Хоть эту-то услугу вы можете мнѣ оказать и оставить меня въ покоѣ...

Михаилъ Александровичъ молча смотрѣлъ на Лизу и не зналъ, что ему дѣлать, она выглядѣла такой неприступною и серьезною, что продолжать объясненія было трудно. Онъ пожалъ плечами и пошелъ прочь. Черезъ минуту онъ снова услыхалъ ея голосъ и остановился.

— Только, пожалуйста, вы не пытайтесь утѣшать меня лож-

ными обѣщаніями,—проговорила она, подходя къ нему. — Мнѣ теперь ничего не надо, кромѣ правды. Я хочу знать, что меня ждетъ впереди, чтобы приготовиться къ новой роли, обдумать все... Я теперь не особенно обрадуюсь, если вы останетесь здѣсь, не особенно опечалюсь, если вы уѣдете, — но и то и другое я хочу знать навѣрное...

Лиза отвернулась и удалилась отъ Задонскаго. Она подошла машинально къ *армитажу*, зашла въ него и сѣла въ одной изъ комнатъ этой бесѣдки отдохнуть. Довольно долго просидѣла она, не замѣчая даже, гдѣ она сидитъ; ея лицо выглядѣло скорбно и мучительно; по временамъ она молча стискивала свои руки, словно желая физическою болью заглушить нравственную пытку. Наконецъ она безсознательно подняла опущенную на грудь голову и передъ нею мелькнуло въ зеркалахъ нѣсколько блѣдныхъ отраженій ея болѣзненно-выглядѣвшаго лица. Она съ нѣмымъ ужасомъ такъ же безсознательно стала осматривать комнату: вездѣ ея глаза встрѣчали одно и то же измученное выраженіе ея лица. По ея тѣлу пробѣжала дрожь, какъ будто сама судьба хотѣла показать ей, до чего она довела себя, или какъ будто передъ ея глазами пронеслись внезапно всѣ блѣдныя, загубленныя здѣсь въ былые годы жертвы. Она быстро встала и пошла вонъ. «И онѣ были молоды, и ихъ погубили такіе же люди»,—подумала она и сурово нахмурила брови.

— «Нѣтъ, меня не удастся погубить, я не такъ легко отдамъ имъ свою жизнь!»—окончила она свои думы, и какъ-то твердо, какъ-то гордо вошла во «дворецъ»...

Пробывъ здѣсь еще два дня, чтобы не подать повода къ новымъ подозрѣніямъ, она уѣхала домой, давъ слово графинѣ возвратиться въ Приволье въ непродолжительномъ времени и мысленно рѣшившись переступать порогъ этого роскошнаго дома только въ случаѣ крайней необходимости.

VI.

Лизавета Николаевна возвратилась домой. Въ ея лицѣ была напряженная сосредоточенность, она словно окаменѣла. Брань матери, крики и продѣлки дѣтей, постоянныя непріятности съ прислугой, все то, что еще такъ недавно возмущало ее до глубины души въ домашнемъ омутѣ, теперь, повидимому, стало для нея совершенно безразлично. Она какъ будто ничего не видѣла, ничего не слышала. На всѣ вопросы она отвѣчала не то, что слѣдовало, а иногда просто и ничего не отвѣчала. Въ ея головѣ бродили сотни мыслей, смутныхъ, безотчетныхъ и гнетущихъ умъ. Недавнее прошлое казалось ей тяжелымъ бредомъ, ея любовь казалась ей сумасшествіемъ, опьяненіемъ, чѣмъ угодно, но только не любовью. Она только теперь начинала сознавать, что Михаилъ Александровичъ и не думалъ искать въ ней своего спасенья, но просто поигралъ съ нею, можетъ быть, былъ готовъ продолжать начатую игру, можетъ быть, готовъ былъ съ согласія тетки жениться на ней,—но она-то, Лизавета Николаевна, глядѣла теперь на этотъ бракъ, какъ на одно изъ самыхъ тяжелыхъ золъ, которыя ей суждено встрѣтить въ будущемъ. Роль жены—куклы, роль жены, потерявшей право на уваженіе мужа, была не по ней. Тысячи горькихъ и злобныхъ упрековъ себѣ высказывала молодая дѣвушка и у нея хватало силы прямо сказать себѣ, что всѣ будущія непріятности и страданія вполнѣ заслужены ею. Она ставила теперь себя ниже всѣхъ окружающихъ ее личностей. Но снявши голову, по волосамъ не тужатъ,—она знала это, и ей хотѣлось сразу отрезвиться отъ прошлаго, какъ бы отрѣзать его отъ себя, чтобы думать только о будущемъ, подготовиться только къ этому будущему. Какъ это бываетъ съ сильными натурами, она бодро перенесла первую минуту горя, но когда эта минута прошла, горе почувствовалось сильнѣе и явилась совершенно неожиданная слабость въ душѣ. Подъ часъ, не умѣя справиться со своими мыслями, Лизавета Николаевна была готова хоть руки на

себя наложить. Ей было бы тяжело говорить даже съ самымъ близкимъ человѣкомъ о своихъ дѣлахъ и потому она старалась въ первое время избѣгать встрѣчъ съ Иваномъ Григорьевичемъ. Онъ сразу понялъ, что въ этомъ стремленьи его пріятельницы скрыться отъ него было что-то недоброе, что-то зловѣщее, прямо говорившее о какой-то бѣдѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ Лизавета Николаевна достаточно овладѣла собой и рѣшилась встрѣтиться съ Борисоглѣбскимъ. Она старалась при первой встрѣчѣ съ нимъ казаться веселою и спокойною, но ея веселость звучала фальшивыми нотами, а спокойствіе черезъ каждыя пять минутъ нарушалось строптивыми и нетерпѣливыми выходками. Борисоглѣбскій попробовалъ вызвать ее на откровенность; но это не удалось. Онъ покачалъ головой.

— Что съ вами? Вы совсѣмъ на себя не похожи, — замѣтилъ онъ.—То слишкомъ разсѣянны и грустны, то не въ мѣру веселы...

— Скучно, такъ и скучаю, весело, такъ и веселюсь,—отвѣчала Лизавета Николаевна.—День на день не придется.

— Такъ-то оно такъ, только прежде у васъ всякій день на день приходился. Когда ни придешь къ вамъ, всегда вы распѣваете, всегда вашъ смѣхъ слышится...

— Ребячество было!

— А теперь вдругъ выросли и состарились?

— Ну да, вдругъ выросла и состарилась, — раздражилась Лиза за этотъ вопросъ.

— Да вы не сердитесь! — мягко и ласково замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ. — Вы знаете, что я васъ ребенкомъ на рукахъ нашивалъ, такъ не могу я не интересоваться вами. Не идете ли вы по опасному пути?

Баскакова отвернулась, избѣгая зоркихъ глазъ Борисоглѣбскаго, и стала обрывать листы на сорванномъ цвѣткѣ. Они шли по саду.

— Знаете ли что про васъ управительскія барышни толкуютъ,—началъ онъ, продолжая пристально и настойчиво смотрѣть на Лизу и желая добиться объясненія.

Она вся вспыхнула и сдвинула брови.

— Что мнѣ за дѣло, что про меня говорятъ?—сердито про-

изнесла она.—Говорить не запретишь людямъ. Пусть выдумываютъ, что имъ угодно. А если и правду говорятъ, такъ я ничего не боюсь!

— Да сплетенъ и не слѣдуетъ бояться,—серьезно замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ.—Нужно бояться только послѣдствій тѣхъ поступковъ, которые вызвали сплетни.

Баскакова сдѣлала нетерпѣливое движеніе и, кажется, хотѣла прекратить разговоръ. Но Борисоглѣбскій и не думалъ о прекращеніи бесѣды.

— Для серьезныхъ цѣлей можно жертвовать своей репутаціей и не стараться устранить всѣ поводы къ пересудамъ, — говорилъ онъ. — Но дѣлаться жертвой людскихъ толковъ ради какого нибудь петербургскаго шалопая, развращеннаго до мозга костей барича, нахватавшагося разныхъ фразъ неуча,—это право нелѣпо. Тутъ надо вывести людей изъ заблужденія.

— Какое право вы имѣете чернить человѣка, котораго вы не знаете и который, можетъ быть, дорогъ мнѣ?—строптиво замѣтила Баскакова, не желая показать Борисоглѣбскому, что уже поняла свою ошибку и страшно платится за это.—И кто далъ вамъ вообще право вмѣшиваться въ мои дѣла?

— Не дарюмъ я сказалъ, что вы перемѣнились, — дружески промолвилъ Иванъ Григорьевичъ.—Прежде бывало всякую мелочь изъ своей жизни спѣшите мнѣ передать, сердитесь, если и я не разскажу во всѣхъ подробностяхъ, что я дѣлалъ, что со мной случилось. А теперь говорите, что я вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, когда я хочу узнать, что сдѣлалось съ вами. Вѣдь другихъ повѣренныхъ у васъ и прежде не было, а теперь-то не найдется и подавно. Ну, да бросимъ этотъ разговоръ, если онъ вамъ непріятенъ...

— Не сердитесь, другъ мой!—ласково промолвила Лиза. — Я раздражаюсь теперь изъ-за пустяковъ. Это пройдетъ. Мнѣ иногда и самой становится и досадно и смѣшно... А знаете ли что? Вѣдь я думаю на зиму въ Петербургъ уѣхать... Я вамъ когда нибудь все подробно разскажу, когда буду поспокойнѣе... Тогда и зимой будемъ видѣться. Я буду учиться и работать буду въ Петербургѣ. Жаль мнѣ только, что ребятишки наши безъ меня не будутъ учиться. Ну да авось я буду въ состоя-

нін послѣ и для нихъ что нибудь сдѣлать. У меня есть уже на это разные планы. Обдумать надо все хорошенько...

— Чтожь, дай Богъ, дай Богъ, чтобы все хорошо уладилось! — замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ, не понимая еще, хочетъ ли Лизавета Николаевна одна ѣхать въ столицу или ѣдетъ по чьему нибудь приглашенію. Онъ зналъ, что въ Петербургѣ у нея есть богатая тетка—вдова.

— Да вы, кажется, сомнѣваетесь въ успѣхѣ моихъ плановъ?—спросила Лиза.

— Я ничего не знаю,—въ чемъ же мнѣ сомнѣваться? Можетъ быть, дѣло и хорошее, можетъ быть, и я ему порадуюсь, когда узнаю все вполнѣ. Ну, а покуда извѣстны мнѣ только неказистыя сплетни да личность, которой я недовѣряю,—вотъ и все. Во всякомъ случаѣ помните только пословицу: десять разъ примѣрь, да одинъ разъ отрѣжъ, не забывайте и того, что одинъ умъ—хорошо, а два—лучше.

Баскакова закусила губу и промолчала. Она ясно видѣла, что Борисоглѣбскій еще и не подозрѣваетъ, какъ далеко она зашла въ своемъ увлеченіи. Ей даже на минуту хотѣлось объяснить все своему пріятелю, чтобы разомъ покончить всѣ толки и выспрашиванья съ его стороны. Но не то стыдливость женщины, не то настойчивость твердаго характера, желавшаго все сдѣлать безъ чужой помощи, заставили Лизавету Николаевну не посвящать Борисоглѣбскаго во всю суть дѣла. Иванъ Григорьевичъ еще разъ далъ совѣтъ Баскаковой беречь себя, и распрощался съ нею въ довольно грустномъ настроеніи духа.

Не смотря на выносливые нервы, на привычку спокойно терпѣть всякія невзгоды, на отсутствіе разныхъ блестящихъ плановъ будущей жизни, онъ теперь тоскливо смотрѣлъ на совершавшійся передъ его глазами фактъ. Ему порою казалось, что предотвратить гибель молодой дѣвушки уже не въ его власти, иногда же онъ думалъ: «да какое право я имѣю утверждать, что она гибнетъ; можетъ быть, этотъ человѣкъ еще не успѣлъ окончательно испортиться, и она съумѣетъ поднять его; она не дюжинная натура!» Но во всякомъ случаѣ ясно для Борисоглѣбскаго было только одно, что эта дѣвушка въ обоихъ случаяхъ погибнетъ для него. Но что она ему? Ни разу не зада-

валъ онъ себѣ этого вопроса прежде. И зачѣмъ было задавать? Они росли вмѣстѣ; привыкли другъ къ другу; были дружны, какъ братъ и сестра; ни особенныхъ порывовъ, ни особенныхъ охлажденій не было между ними въ теченіи всей жизни; ихъ заботы другъ о другѣ, ихъ бесѣды, все было такъ ровно, будничпо, что не для чего было анализировать своихъ взаимныхъ отношеній. Привыкли другъ къ другу, ну и продолжаютъ знакомство: Привычка къ существовавшему теченію ихъ жизни была такъ сильна, что имъ даже не приходило въ голову вопросовъ о томъ, что въ будущемъ все это можетъ измѣниться, что молодые люди не могутъ оставаться до безконечности въ такихъ отношеніяхъ, что Лизавета Николаевна можетъ выйдти замужъ, что для ея мужа можетъ показаться странною и подозрительною эта дружба жены съ молодымъ человѣкомъ, а въ Иванѣ Григорьевичѣ можетъ пробудиться зависть къ этому человѣку, ставшему гораздо ближе къ его старой пріятельницѣ, чѣмъ стоитъ онъ. Теперь Иванъ Григорьевичъ видѣлъ, особенно изъ послѣднихъ теплыхъ словъ Лизы, что ихъ отношенія продолжаютъ, повидимому, оставаться неизмѣнными, но ему вдругъ стало тяжело,. какъ будто они перестали удовлетворять его, какъ будто онъ кого-то хотѣлъ отодвинуть съ дороги, чтобы ближе подойдти къ Баскаковой,

— Экая подлая натура-то у человѣка,—разсуждалъ онъ со своей обычной проніей.—Сколько лѣтъ жилъ около молодой дѣвушки и никогда не подумалъ спросить себя: а какого рода чувства, братецъ, питаешь ты къ ней? А вотъ какъ полюбила она другого, когда она, можетъ быть, вполнѣ счастлива будетъ, когда, можетъ быть, и ты можешь оставаться на старомъ положеніи,—такъ и оказывается, что старыхъ-то отношеній мало, что завидно становится чужое счастье, что просто на просто ты любилъ ее. Когда кусокъ хлѣба у человѣка передъ носомъ былъ, такъ онъ и не думалъ о голодѣ, а взяли этотъ кусокъ хлѣба другіе, такъ вдругъ и оказывается, что и голоденъ-то человѣкъ, что и прожить-то не можетъ онъ безъ этого куска... Да глупости! можно прожить. Не поколѣю съ голоду, ну потерплю, поскучаю, а тамъ другихъ встрѣчу, съ которыми характеромъ сойдусь,—не клиномъ же свѣтъ сошелся!

Эти разсужденія однако нисколько не успокоивали Борисоглѣбскаго, хотя онъ, вслѣдствіе рѣшимости перетерпѣть горе, сталъ усиленнѣе заниматься; больше охотиться, чаще просиживать въ бесѣдахъ съ привольскими мужиками.

— Разсѣянья ищу, какъ скучающая барыня, — подтрунивалъ онъ надъ собой, съ обычною добродушною насмѣшливостью, а у самого кошки на сердцѣ скребли...

Лизавета Николаевна продолжала бороться съ собою и казаться твердою. Она изрѣдка посѣщала на день, на два привольскій дворецъ; иногда на полчаса заѣзжалъ въ Бабиновку Михаилъ Александровичъ; но и въ Привольѣ, и въ Бабиновкѣ Лизавета Николаевна избѣгала встрѣчъ съ Задонскимъ наединѣ. Однажды ей не удалось избѣжать подобнаго свиданія и Михаилъ Александровичъ сталъ просить у нея прощенія; сталъ бичевать себя.

— Я чувствую, что я виноватъ, что я долженъ былъ обдѣлать все и подготовить тетку къ нашей свадьбѣ заранѣе,—говорилъ онъ.—А теперь ты вполнѣ права, сомнѣваясь во мнѣ. Я дѣйствительно поступилъ подло.

— Значитъ вы окончательно рѣшились бросить меня и уѣхать за границу?—холодно спросила Лиза, подавляя свое волненіе.

— Помилуй, я и не думалъ этого!—воскликнулъ Задонскій.— Напротивъ того, я твердо рѣшился поставить на своемъ...

— Такъ зачѣмъ же и называть себя подлецомъ?—еще холоднѣе замѣтила Баскакова. Она все менѣе и менѣе вѣрила ему.

— Да, но, не подготовивъ ничего заранѣе, я заставилъ тебя сомнѣваться во мнѣ и страдать,..

— Вы знаете, что мои сомнѣнія въ васъ вызвало не то, что вы не подготовили графиню къ нашей свадьбѣ, а то, что вы скрыли свое намѣреніе уѣхать отъ меня за границу.

— Да у меня и не было этого намѣренія! Правда, я не далъ тогда положительнаго отвѣта теткѣ, но мнѣ помѣшала сдѣлать это моя трусость передъ грозящею намъ нищетою. Я и прежде говорилъ тебѣ, что у меня много ошибокъ, много пороковъ. Моя трусость передъ бѣдностью—одинъ изъ этихъ пороковъ,— каялся Задонскій.—Но ты можешь спасти меня и отъ него, можешь ободрить меня своимъ вліяніемъ. Я стану...

— Постойте, постойте!—прервала его Лизавета Николаевна.— Вы говорите нелѣпыя вещи. Ваши ошибки, ваши пороки я бы могла переносить и, можетъ быть, исправлять. Но какъ это стану я исправлять васъ, вліять на васъ, когда вы сами бѣжите отъ своего спасенія? Такое бѣгство, кажется, ясно показываетъ, что вамъ совсѣмъ не нужна была моя помощь.

— Помилуй, да я не хотѣлъ уѣзжать! я не уѣду, рѣшительно не уѣду!—горячо проговорилъ Задонскій.

— Вы уже сказали объ этомъ графинѣ?—пристально взглянула на него Лиза.

Онъ смутился и понялъ, что лгать передъ нею невозможно, что у этой дѣвушки хватитъ смѣлости прямо спросить графиню о планахъ ея племянника и вывести его такимъ образомъ на чистую воду.

— Нѣтъ, я еще не говорилъ объ этомъ съ теткой,—угрюмо произнесъ онъ.

— Ну такъ и со мной не стоило говорить,—окончила Лизавета Николаевна разговоръ.

Съ этого дня она рѣшилась не ѣздить въ Приволье. Ей казалось, что лучше вызвать новыя сплетни, чѣмъ мучить себя и видѣть постоянно передъ собой этого человѣка, которому она уже не вѣрила ни въ чемъ. На сколько полно и безгранично вѣрилось ей прежде во все, что онъ говорилъ, на столько полно и безгранично сомнѣвалась она теперь даже и въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ искренно. Каждое его слово казалось ей наглой ложью. Она уже ясно сознавала, что связь между ними оборвана на всегда, что если бы даже онъ предложилъ ей теперь выйдти за него замужъ, то она вѣроятно отказалась бы отъ предложенія, не надѣясь на возможность исправить это изолгавшееся существо...

Графиня продолжала по прежнему присылать за Лизой экипажъ, но постоянно получала отвѣтъ, что «барышня не такъ здорова». Это было и въ самомъ дѣлѣ правда. У Лизы хватило нравственныхъ силъ для борьбы, но физическія силы начинали измѣнять ей. Иванъ Григорьевичъ уже нѣсколько разъ совѣтывалъ ей полечиться, но она съ непонятною для него боязнью отклоняла этотъ совѣтъ и увѣряла своего пріятеля, что она

здорова. Черезъ силу уходила она, опираясь на его руку, въ поле, иногда просиживала съ нимъ въ саду и на берегу Желтухи по цѣлымъ часамъ и съ любопытствомъ распрашивала про Петербургъ, про тѣхъ дѣвушекъ, которымъ приходится тамъ жить трудомъ. Иванъ Григорьевичъ не старался окрасить передъ нею въ розовый цвѣтъ столичную жизнь; онъ прямо говорилъ, что тамъ не всегда есть работа и что оплачивается она въ большинствѣ случаевъ скверно; но въ тоже время онъ замѣчалъ, что въ деревнѣ или въ какомъ нибудь Никитинѣ и совсѣмъ не найдешь работы и даже гроша на хлѣбъ не добудешь; онъ говорилъ, что многія изъ дѣвушекъ, живущихъ трудомъ, полны тѣхъ же старыхъ, унаслѣдованныхъ отъ праздныхъ отцовъ пороковъ и ошибокъ; что не всѣ изъ нихъ понимаютъ необходимость сплотиться въ тѣсный и твердый кругъ; что многія изъ нихъ расходятся и враждуютъ между собою ради мелочнаго самолюбія, ради мелочныхъ различій во взглядѣ, ради желанія царить въ своемъ кружкѣ за свой умъ и дѣятельность, какъ царили въ обществѣ ихъ матери за свою красоту и наряды, что эти личности или вредятъ своимъ ближнимъ, своему общему дѣлу или гибнутъ сами, такъ какъ одного человѣка всегда сломить можно нуждою да и мало ли чѣмъ другимъ, и сиденъ онъ бываетъ только въ союзѣ съ другими; но въ тоже время Борисоглѣбскій замѣчалъ, что всѣ эти ошибки являются только остатками, наслѣдствомъ старой жизни или слѣдствіями ограниченности сферы для работы, ограниченности, заставляющей бороться за свое мѣсто, бороться за каждую работу и глядѣть враждебно на новыхъ конкурентовъ; тутъ неотразимые экономическіе законы повторяются. Но, по словамъ Борисоглѣбскаго, школа труда—хорошая школа и особенно теперь, когда работникамъ давно разъяснено наукой, что они должны дѣлать для достиженія какихъ нибудь благотворныхъ результатовъ. Отъ его рѣчей вѣяло какимъ-то ободряющимъ спокойствіемъ. Даже его юмористическія замѣчанія о нѣкоторыхъ личностяхъ звучали такъ добродушно, что видно было, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и добрѣйшихъ пріятелей для тѣхъ личностей, надъ которыми подтрунивалъ, какъ подтрунивалъ и надъ самимъ

собою. Даже къ самой нуждѣ онъ относился съ такимъ хладнокровіемъ, что она казалась не такъ страшна.

— Ну ужь, разумѣется, широко на наши деньги нельзя жить, да вѣдь многимъ и еще хуже живется,—говорилъ онъ. И то сказать: люби кататься, люби и саночки возить. Или за честностью гонись, или за богатствомъ; или стремись хоть голякомъ быть, да свободнымъ, или гнись въ три погибели, только бы ближнихъ грязью своего экипажа обдавать. Новичкамъ особенно трудно подладиться къ нашей жизни. Все старыя барскія замашки имъ мѣшаютъ: и къ работѣ-то они не привыкли, дѣлаютъ ее кое-какъ, по старинному: тяпъ-ляпъ и вышелъ корабль, а глядишь, и остаются безъ дѣла; и жить-то имъ сразу въ отдѣльной комнатѣ хочется; и платье-то покупаютъ они себѣ и не прочное и не тамъ, гдѣ дешевле оно продается: и полакомиться имъ хочется, когда лишній грошъ заведется и нужно бы необходимое купить; и въ театръ ихъ манитъ, да не въ раекъ, а куда нибудь пониже. Въ принципѣ всякую роскошь, всякое излишество отрицаютъ, ну а на дѣлѣ все еще нѣтъ-нѣтъ, да и прорвутся на старую дорожку. И больше всего хваленая непрактичность мѣшаетъ. Ею иные даже хвастаютъ, какъ чѣмъ-то очень доблестнымъ. Оно, разумѣется, въ теоріи-то это хвастовство объяснить можно: прежде практики и подлецы были одно и тоже, вотъ мы и отрицаемъ и подлость и практичность огуломъ, смѣшавъ два различныя понятія. Я самъ въ первое время своимъ неумѣньемъ жить хвалился, да потомъ понялъ, что это мнѣ накладно и барышъ только тѣмъ приноситъ, кому я больше всего повредить хотѣлъ бы. Вѣдь просто глупо хотѣть шапками закидать да ослиной челюстью побить тѣхъ, кто давно идетъ на тебя съ ружьями Шаспо! Вѣдь нужно въ чудеса вѣрить, чтобы думать, что ружья Шаспо не устоятъ передъ шапками и ослиными челюстями... Скажите, что солдаты идутъ на врага съ надеждой закидать его шапками—всѣ захохочутъ; а скажите, что непрактичный человѣкъ идетъ воевать при помощи своей непрактичности противъ практиковъ—всѣ закричатъ: значитъ онъ честный. Хороша честность! Это честность цыпленка, подставляющаго голову подъ ножъ повара, какъ говоритъ Писаревъ.

Равное орудіе—первое условіе въ борьбѣ... Ну да авось нужда научитъ калачи ѣсть...

Смѣясь, шутливымъ тономъ разсказывалъ Иванъ Григорьевичъ и о мелкихъ удовольствіяхъ своей бѣдной, трудовой жизни, о товариществѣ, о книгахъ, о посѣщеніяхъ въ компаніи театровъ...

— Сидишь это въ райкѣ, куда только праведники забираются, и свищешь за свой четвертакъ, потому что четвертакъ-то у тебя кровавый, родной и не хочешь ты, чтобы онъ даромъ пошолъ, за безобразное ломанье какого нибудь шута,—разсказывалъ онъ, вызывая улыбку на лицо Лизы.

Она все болѣе и болѣе увлекалась этими разсказами, все бодрѣе смотрѣла на будущее. О Задонскомъ молодые люди уже не упоминали вовсе; кажется, онъ пересталъ существовать для Лизы, по крайней мѣрѣ, она старалась вычеркнуть изъ своей памяти имя этого человѣка.

Дарья Власьевна, видя, что дочь не ѣдетъ въ Приволье, начала не на шутку волноваться. Однажды она рѣшилась на объясненіе съ дочерью.

— Да когда же это, матушка, наконецъ дозовется тебя графиня? Долго ли ей еще пережидать твои капризы,—говорила мать.

— Когда захочется, тогда и поѣду,—отвѣтила дочь.

— Ты это съ Михаиломъ Александровичемъ вѣрно въ контрахъ? Такъ я тебѣ вотъ что, дѣвка, скажу: куй желѣзо, пока горячо. Послѣ близокъ будетъ локоть, да не укусишь!.. Ты думаешь, что ты ему очень дорога, что онъ другихъ невѣстъ не найдетъ?.. Успокойся, матушка, успокойся! Каждая къ нему на шею повѣсится...

— Я буду очень рада...

— Чему это? Да ты съ ума сошла, что-ли? всплеснула мать руками.—Да кого же тебѣ надо, если ты такого жениха упускаешь? Да на что ты надѣешься? Ни за тобой, ни передъ тобой ничего нѣтъ, какъ есть ничего! Лицомъ тоже не Богъ знаетъ какая красота, одному дураку понравилась—а иной и смотрѣть не захочетъ.

— Пусть не смотрятъ, я и не прошу!..

— Ну да я-то прошу, мнѣ-то ты солона досталась, вотъ гдѣ сидишь у меня!—показала Дарья Власьевна на свою шею.

— Я и безъ замужества могу васъ избавить отъ своего присутствія,—сдержанно отвѣтила Лиза.—Я могу къ теткѣ въ Петербургъ уѣхать...

— И уѣзжай, и уѣзжай! Плакать не будутъ!—раскричалась мать, размахивая руками.—Ты это кому же угрозить хочешь—мнѣ или Михаилу Александровичу? Не больно-то испугаемся, мнѣ вы и безъ того надоѣли, а Михаилъ-то Александровичъ, видя твою дурь, вонъ и теперь все у Мироніхи на постояломъ дворѣ пребываетъ... Не очень-то они тужатъ о вашей сестрѣ...

Лиза плотно прислонилась къ стѣнѣ.

— Вѣдь надъ тобой же люди будутъ смѣяться! Прежде сама къ нему лѣзла, на шею вѣшалась!..

— Никогда и ни къ кому я не вѣшалась на шею,—глухо, какъ бы сквозь сонъ, прошептала дочь.

— Не вѣшалась, не вѣшалась! А все же люди-то видѣли, что вы все вмѣстѣ да вмѣстѣ, теперь и станутъ говорить, что ты къ нему лѣзла, а онъ отъ тебя къ Мироніхѣ бѣгалъ. Онъ вонъ какъ пріѣхалъ да свелъ съ ней знакомство, такъ и по сю пору знакомы...

Лиза какъ-то разслабленно поднялась съ мѣста и пошла къ двери, придерживаясь за стѣну. У нея въ глазахъ было мутно: она теперь видѣла, что Задонскій лгалъ ей съ первой минуты до послѣдней, лгалъ во всемъ и вездѣ. Она теперь не просто охладѣла къ нему, она ненавидѣла его...

А Задонскій рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Ему не хотѣлось сразу отказаться отъ Лизы, не хотѣлось явиться передъ нею совсѣмъ подлецомъ и въ то же время онъ не зналъ, какъ обдѣлать дѣло иначе. До сихъ поръ всѣ его любовныя интриги завязывались въ средѣ замужнихъ женщинъ, которыя молчали по неволѣ при его измѣнѣ и только упрекали его въ письмахъ, разорванныхъ на закуриванье папиросъ, или послужившихъ на потѣху пріятелей; были у него связи и въ той средѣ, гдѣ бѣдныя простыя дѣвушки отдавались ему, зная впередъ, что онъ, баринъ, не женится на нихъ: они получали отъ него мелкіе подарки и потомъ плакали передъ нимъ, укоряя

его только за то, что онъ такъ скоро разлюбилъ ихъ: онѣ если на что нибудь и надѣялись съ самаго начала, такъ только на прочность и постоянство любви; наконецъ, былъ онъ коротко знакомъ съ уличнымъ продажнымъ развратомъ, но тутъ не было даже и помину о любви. Совсѣмъ другого рода дѣло было теперь. Передъ нимъ стояло не развратное, непродающее себя созданіе, непогуливающая тайкомъ отъ мужа жена, не какая нибудь швея или горничная, даже не мечтавшая о вѣчности своего союза съ барономъ; тутъ не было ни драматическихъ писемъ, ни робкихъ слезъ; нѣтъ, передъ нимъ стояло чистое въ душѣ, опрометчиво увлекшееся существо, готовое скорѣе погибнуть, чѣмъ отдаться ему безъ вѣры въ него. Онъ чувствовалъ, что онъ впервые, какъ ночной воръ, обокралъ безъ всякой надобности беззащитное созданіе и тяжелѣе слезъ, тяжелѣе укоровъ дѣйствовала мучительная покорность совершившемуся факту, покорность, звучавшая въ каждомъ словѣ этого загубленнаго существа. Въ развращенной душѣ проснулось чувство стыда и раскаянья, тѣмъ болѣе сильное, что первая вспышка страсти еще не прошла въ самомъ Задонскомъ, и онъ, по прежнему, видѣлъ въ Лизѣ одну изъ лучшихъ дѣвушекъ, какихъ онъ встрѣчалъ на своемъ вѣку. Но мелкая и слабая натурешка не позволяла Михаилу Александровичу дѣйствовать рѣшительно и загладить свой проступокъ. Вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій онъ только предавался иногда разнымъ мечтамъ о томъ, что, можетъ быть, тетка раздумаетъ ѣхать, что, можетъ быть, она дастъ ему порядочную сумму денегъ. Изъ этихъ мечтаній, конечно, не могло ничего выдти, а Задонскій все откладывалъ свои переговоры съ теткой, все выискивалъ удобнаго случая. Наконецъ такой случай насталъ. Графиня была въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и даже смѣялась, что случалось съ нею довольно рѣдко. Во время разговоровъ съ племянникомъ она замѣтила, что Лиза бываетъ у нихъ теперь слишкомъ рѣдко и гоститъ мало, и начала распространяться о достоинствахъ Лизы и о своей любви къ ней.

— Да,—рѣшился сказать Задонскій,—я-то болѣе, чѣмъ кто нибудь другой знаю, какъ прекрасна эта дѣвушка. Я просто безъ ума отъ нея...

— Надѣюсь, что это не имѣетъ никакого серьезнаго значенія,—замѣтила графиня и сдвинула брови.

— Если вы не считаете серьезнымъ дѣломъ любовь, — возразилъ племянникъ, — то конечно тутъ нѣтъ ничего серьезнаго...

— Не любовь, а увлеченіе,—проговорила тетка.—Это понятно. Я тебя предупреждала, зная, что ты способенъ увлекаться...

— Да, я способенъ увлекаться. Но люблю я впервые. Это чувство совсѣмъ не похоже на прежнія, которыя вспыхивали и черезъ минуту потухали во мнѣ снова...

— Ахъ, это точно такое же увлеченіе, какъ и всѣ прежнія,—настаивала графиня.—И что жь тутъ удивительнаго? Ты здѣсь живешь безъ дѣла, ты не видишь почти никого изъ молодыхъ дѣвушекъ, кромѣ нея, ну и увлекся... Я этого-то и боялась, зная, что ты наслѣдовалъ отъ покойной матери и отъ несчастнаго дяди эту способность увлекаться... Да проститъ ихъ Богъ, но они тоже постоянно влюблялись въ кого нибудь и увѣряли себя, что каждая ихъ послѣдняя любовь есть первая любовь,—графиня вздохнула и печально покачала головой, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ родныхъ.—Но слава Богу, что Лиза сама, какъ я замѣчаю, сторонится отъ тебя...

— Она тоже любитъ меня, — поспѣшилъ замѣтить племянникъ.

— Любитъ?—изумилась графиня.—Ну да, можетъ быть, но она не глупа и потому, вѣроятно, поняла, что ей невозможно питать какія нибудь надежды на нашъ союзъ...

— Отчего же невозможно? — воскликнулъ съ жаромъ Задонскій.

— Я думаю, ты настолько разсудителенъ, что самъ понимаешь всю нелѣпость подобнаго брака. Не говоря уже о томъ, что было бы странно породниться съ какими нибудь Баскаковыми, считать тестемъ ярмарочнаго героя, нахлѣбника и шута цѣлой губерніи, считать тещею безсмысленную женщину, знакомую только Богъ знаетъ съ кѣмъ, съ разными лавочницами, содержательницами постоялыхъ дворовъ... Но даже эта дѣвочка была бы просто смѣшна въ томъ кругу, гдѣ живешь ты... Я со-

Гласна, что она получила кое-какое образованіе, что она не глупа, но этого мало, чтобы заставить близкихъ намъ людей забыть ея происхожденіе.

— Я постараюсь перевоспитать ее...

Графиня съ изумленіемъ посмотрѣла на племянника и только теперь поняла, что онъ говоритъ о дѣлѣ серьезно, что онъ, кажется, дѣйствительно хочетъ жениться.

— Дѣлай, какъ знаешь,—холодно проговорила она.—Я могу совѣтовать, но не имѣю никакого права запрещать или позволять... Только, пожалуйста, предупреди ея родныхъ, что я не желаю этого брака,—многозначительно произнесла она,—не желаю, и потому не буду считать ихъ родными. Люди всѣ равны передъ Богомъ, но у насъ есть право или, лучше сказать, нашъ домъ сходится только съ тѣми, кому мы симпатизируемъ, съ кѣмъ мы родня по духу... Что касается до Лизы, то я думаю переговорить съ нею лично...

— Вы сердитесь на меня?—заискивающимъ голосомъ произнесъ Задонскій, испугавшійся суроваго тона тетки, и поцѣловалъ ея руку.

— Я не имѣю никакого права сердиться на своихъ ближнихъ за то, что они живутъ по своему. Можетъ быть они правы, а я заблуждаюсь,—произнесла смиренно графиня.—Ты знаешь мое правило: пусть каждый живетъ, какъ онъ хочетъ; я могу давать только совѣты. Примутъ ихъ люди — я очень рада, не примутъ—ну что жъ?—это значитъ, что мы разошлись въ убѣжденіяхъ, должны разойдтись и въ жизни и не безпокоить другъ друга... Я, дружокъ, не отступала ни разу отъ этого правила и прошу Бога дать мнѣ силы идти и въ будущемъ по этому пути и не кичиться передъ людьми своею безошибочностью, не господствовать надъ ними... Я поставлена въ такое положеніе, что могла бы иногда настоять на своемъ, могла бы заставить ближнихъ поступиться ихъ убѣжденіями; но не этого хочу я. Я радуюсь искреннему согласію людей со мной, но лицемѣрнаго подчиненія себѣ я не терплю. Я стремлюсь не къ своему господству надъ ближними, но къ господству надъ ними тѣхъ святыхъ истинъ, тѣхъ благородныхъ правилъ, передъ которыми я сама являюсь покорною рабою...

Графиня встала съ мѣста и начала ходить по комнатѣ; она была повидимому взволнована. Задонскій еще разъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ вонъ. Онъ былъ окончательно ошеломленъ словами тетки. Она никакъ не воображала, что простое напоминаніе о ея правилахъ было самымъ сильнымъ аргументомъ, доказывавшимъ племяннику всю нелѣпость его плановъ на счетъ женитьбы, что эти аргументы были страшнѣе запрещенія. Передъ такою угрозою не могъ не струсить молодой наслѣдникъ графини... Теперь онъ не зналъ, что начать дѣлать. Ему хотѣлось забыться, опьянѣть, чтобъ только заглушить непрошенные упреки не кстати проснувшейся совѣсти. Казалось, что совѣсти никогда не было въ его душѣ; но теперь она мучила его, можетъ быть, потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ нѣчто въ родѣ любви къ Лизѣ, или потому, что жертва была слишкомъ чиста, слишкомъ невинна... Ему то хотѣлось бѣжать къ Лизѣ, чтобы излить передъ нею свое раскаянье; то являлась рѣшимость никогда не встрѣчаться съ нею, чтобы не слышать ея ровнаго, мучительно-холоднаго голоса, не видѣть ея карающаго, пристальнаго взгляда.

Подобные Задонскому люди думаютъ въ такихъ экстренныхъ случаяхъ: а, будь, что будетъ! и складываютъ руки, стараются больше спать, чаще находиться въ кругу постороннихъ людей. Дѣлать дѣло поручается судьбѣ — и иногда эта глупая особа оказывается гораздо умнѣе своихъ довѣрителей.

VIII.

День стоялъ жаркій. Это было въ половинѣ августа. Въ небѣ не было ни тучки, но какой-то бѣловатый знойный туманъ носился надъ горячею землею. Въ воздухѣ сильно пахло, послѣ дождя, шедшаго наканунѣ, сѣномъ. Время было около полудня. По узенькой тропинкѣ, отдѣлявшей бабиновскій лѣсъ отъ лѣса привольскихъ мужиковъ не торопливо ѣхалъ верхомъ господинъ въ бѣлой лѣтней одеждѣ. Это былъ Михаилъ Александровичъ. Онъ воз-

вращался съ постоялаго двора «Никитинскаго погоста», куда ѣздилъ въ послѣдній разъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Графиня посылала его въ столицу для расплаты съ его кредиторами и для взятія заграничныхъ пассовъ. Онъ былъ задумчивъ и можетъ быть невольно, проѣзжая этими знакомыми мѣстами, вспомнилъ о той дѣвушкѣ, которую онъ готовился бросить навсегда. Проѣхавъ съ версту, онъ былъ пораженъ громкими голосами аукавшихся дѣтей. На ихъ крики отвѣчалъ тоже ауканьями мужественный, знакомый Задонскому голосъ. То былъ голосъ Борисоглѣбскаго. Задонскій невольно вздрогнулъ и пришпорилъ лошадь. Но она не успѣла еще сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ его глаза встрѣтили слишкомъ коротко знакомую ему фигуру дѣвушки. Она сидѣла подъ деревомъ около лѣсной тропинки и машинально разбирала наваленные около нея грибы. Задонскій не могъ миновать ее. Съ минуту онъ въ нерѣшимости придержалъ лошадь, потомъ соскочилъ съ нея, привязалъ ее къ дереву и пошелъ по направленію къ дѣвушкѣ. Она замѣтила его приближеніе только тогда, когда онъ сталъ уже на шагъ отъ нея. Она вопросительно глядѣла на него и не произносила ни слова. Задонскій хотѣлъ взять ее за руку, но она быстро отдернула руку и поднялась съ мѣста, чтобы уйти.

— Постойте, — умоляющимъ голосомъ произнесъ Михаилъ Александровичъ,—намъ надо объясниться.

— Я не хочу никакихъ объясненій. *Мнѣ* они не нужны,— сухо отвѣтила она.

— Нѣтъ, они нужны для васъ, также какъ для меня!—воскликнулъ онъ. — Вы должны ненавидѣть и презирать меня. Но я заглажу свои ошибки. У меня не хватило духу настоять на своемъ теперь, но я буду преслѣдовать свою цѣль до конца... Вамъ будетъ тяжело пережить настоящее время... Но говорите, что я могу сдѣлать для того, чтобы вамъ легче перенести тѣ дни, которые пройдутъ до моего возвращенія... Уѣзжайте въ Петербургъ, ждите меня тамъ, я дамъ вамъ на это средства... Это моя обязанность.

— До настоящей минуты я васъ ненавидѣла, но теперь вы мнѣ просто жалки,—задыхающимся голосомъ произнесла Лизавета Николаевна.

— Ради Бога не считайте моихъ намѣреній грязными. Я вижу въ васъ свою жену, которой я поклялся въ любви передъ Богомъ. Мы связаны,—горячо говорилъ Задонскій.

— Мы? Связаны? Чѣмъ? — спросила Лизавета Николаевна, поднимая на него глаза.

Онъ взглянулъ на нее какимъ-то изумленнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ и едва слышно проговорилъ:

— Вы готовитесь быть матерью!

Она слабо вскрикнула, закрыла лицо руками и тотчасъ же снова отняла ихъ.

— Да, я буду матерью, но мой ребенокъ никогда не назоветъ вамъ своимъ отцемъ! Идите!

Она указала ему рукою на дорогу.

— Вы губите себя, губите своего будущаго ребенка.

Она медленно пошла отъ него.

— Ради Бога, ради Бога подумайте, что вы дѣлаете, что скажутъ ваши родные,—говорилъ онъ въ волненіи.

Она все шла и шла, не поворачивая головы, наконецъ ей попался на встрѣчу вышедшій изъ лѣсу Борисоглѣбскій. Она бросилась къ нему.

— Скажите, пожалуйста, ему, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ! — обратилась она къ Ивану Григорьевичу и въ изнеможеніи опустилась на траву.

Борисоглѣбскій взглянулъ на Задонскаго такимъ взглядомъ, что тотъ повернулся назадъ, торопливо отвязалъ лошадь и понесся къ Приволью. Въ его головѣ не было никакой опредѣленной мысли, ни радостной, ни тоскливой. Пріѣхавъ домой, онъ бросился на свою постель и пролежалъ на одномъ мѣстѣ, не шевелясь, около двухъ часовъ. Потомъ онъ всталъ и провелъ рукой по лбу, отирая капли холоднаго пота.

— Ну, теперь будь, что будетъ, но во всякомъ случаѣ я умываю руки! Она сама этого хотѣла,—прошепталъ онъ и съ его груди какъ будто свалился какой-то тяжелый гнетъ.

Да, она сама этого хотѣла! О чемъ же тутъ и тужить, въ чемъ же тутъ и раскаяваться? Михаилъ Александровичъ никакъ не ожидалъ, что дѣло разыграется такъ счастливо и хорошо для него. Но ему было тяжело то обстоятельство, что

около него не стояло ни одной личности, передъ которой онъ могъ излить свою печаль, побичевать себя и обвинить Лизу за то, что она такъ безжалостно бросила его... Ему теперь поскорѣе хотѣлось уѣхать въ Петербургъ—тамъ всегда найдутся люди, полные сочувствія къ несчастіямъ богатыхъ ближнихъ...

Лизавета Николаевна сидѣла между тѣмъ на травѣ, опустивъ голову на руки, грустная и безмолвная. Она чувствовала, что она оборвала послѣднюю нить, еще привязывавшую ее къ Задонскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ деревнѣ. Иванъ Григорьевичъ созвалъ дѣтей и велѣлъ имъ разбирать грибы, лежавшіе на томъ мѣстѣ, гдѣ за полчаса передъ тѣмъ сидѣла Лизавета Николаевна. Занявъ такимъ образомъ дѣтей, онъ снова вернулся къ ней и прилегъ на траву. Съ четверть часа они оба молчали.

— Что же, когда мы въ Петербургъ-то поѣдемъ! — шутливымъ тономъ произнесъ Борисоглѣбскій, чувствуя, что необходимо нужно вывести изъ задумчивости это несчастное созданіе.

— Я и сама объ этомъ думала,—проговорила она, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, точно пробуждаясь отъ тяжелаго сна.—Только все еще страшно одной ѣхать.

— Да вѣдь я туда же ѣду,— отвѣтилъ Борисоглѣбскій.

— Ну, у васъ тамъ занятія, некогда будетъ со мной нянчиться...

— Эхъ, да я все брошу, только бы быть вамъ полезнымъ,— горячо проговорилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Что вы это! Я первая отказалась бы отъ вашихъ услугъ, если бы вамъ пришлось изъ-за нихъ чѣмъ нибудь пожертвовать...

— Да какая же это жертва, если я это сдѣлаю для васъ?— произнесъ Борисоглѣбскій.

Лизавета Николаевна промолчала. Впервые ей было почему-то страшно продолжать разговоръ съ своимъ старымъ пріятелемъ. Онъ въ этотъ день выглядѣлъ какъ-то тревожно, какъ-то слишкомъ горячо относился къ ней. Она немного отодвинулась отъ него. Борисоглѣбскій замѣтилъ это и нахмурилъ брови.

— Что ваши всѣ домашніе, я думаю, скучаютъ, что вы скоро уѣдете? — спросила Лизавета Николаевна, чтобы, начавъ новый разговоръ, избѣжать нѣмого, особенно блестящаго взгляда Ивана Григорьевича.

— Мнѣ-то какое дѣло до нихъ!—грубо отвѣтилъ Борисоглѣбскій и стиснулъ зубы. — Вотъ,—началъ онъ черезъ минуту,—вы хотите начать новый разговоръ; вы что-то угадали изъ моихъ мыслей и боитесь, что я выскажу ихъ вамъ вполнѣ. Вы знаете, что я вамъ преданъ, какъ собака, знаете, что меня вы можете заставить сдѣлать все, и конечно понимаете, что безъ причины люди не выказываютъ такой собачьей преданности.... Такъ почему же вы боитесь, что я выскажу эту причину? Почему, понимая ее, вы стараетесь ее не понимать? Неужто вы боитесь, что я брошу васъ, когда вы скажите, что не любите меня?

Лизавета Николаевна судорожно сжала свои руки. Она ясно видѣла, что Борисоглѣбскій и не подозрѣваетъ, какъ сильно было ея увлеченіе Задонскимъ, а считаетъ это мимолетнымъ чувствомъ, которое давно забыто.

— Иванъ Григорьевичъ,—начала она надрывающимся, мучительнымъ голосомъ,—вы видите, что я обхожу этотъ вопросъ. Для чего же вы настаиваете на своемъ? Я вамъ не говорю ни да, ни нѣтъ, совсѣмъ не касаюсь этого предмета, а вы непремѣнно хотите, чтобы я сказала, что я не люблю васъ...

— Ну да, не люблю я неясныхъ положеній. Или да, или нѣтъ, а то чортъ знаетъ, въ мечтанія впадаешь, замки воздушные строишь,—проговорилъ Борисоглѣбскій.—Теперь по крайней мѣрѣ легче будетъ. Не любите — значитъ и не думай о счастьи, не про насъ оно писано!...

Лицо Борисоглѣбскаго выглядѣло въ эту минуту жалко. Лизавета Николаевна не могла вынести ровнодушно этого печальнаго вида.

— Я вамъ не говорила, что я не люблю васъ, — начала она.—Нѣтъ, я только хотѣла сказать, что любовь здѣсь неповедетъ ни къ чему... Послушайте,—продолжала она тихо и въ смущеніи,—не думайте обо мнѣ!... Не думайте, потому что я не стою васъ... Вамъ нужна жена честная, развитая, а не какая нибудь деревенская барышня, готовая увлечься первымъ смазливымъ лицомъ и сама незнающая, чего ей нужно... Будьте просто моимъ другомъ и защитникомъ, потому что всѣ, всѣ скоро отвернутся отъ меня... Я скоро сдѣлаюсь ма...

— Слышалъ я, да не вѣрилъ, — перебилъ ее Борисоглѣбскій, подмѣтившій блѣдность ея лица и понявшій только теперь, что людскія сплетни не преувеличивали дѣла. — Ну такъ что-жъ? я не младенецъ какой нибудь невинный!—окончилъ онъ.

Лизавета Николаевна посмотрѣла на него съ глубокимъ чувствомъ благодарности.

— Если только это пугало васъ, такъ право не стоитъ и думать объ этомъ, — заговорилъ Борисоглѣбскій съ надеждой на лицѣ.—Теперь, когда я все знаю, когда я вамъ говорю снова, что я.....

— Иванъ Григорьевичъ, быстро и твердо перебила его Лизавета Николаевна,—я прошу у васъ одного: помогите мнѣ въ Петербургѣ совѣтомъ... Если вамъ тяжело видѣть меня, откажитесь прямо отъ этой роли. Но не говорите мнѣ о любви... Откажитесь—и я найду путь одна...

Борисоглѣбскаго облило какъ холодною водою; онъ наклонилъ голову. Ему вдругъ стало совѣстно за самого себя, что онъ увлекся своимъ чувствомъ и не во время сталъ дѣлать предложеніе. Онъ обозлился на себя.

— Когда мы поѣдемъ?—спросилъ онъ глухо.

— Я думаю ѣхать недѣли черезъ три.

— Хорошо. Я къ тому времени напишу кое-кому въ Петербургѣ объ васъ.

Борисоглѣбскій серьезно заговорилъ о дѣлахъ. Прошло съ часъ времени.

— Такъ значитъ мы по прежнему друзья?—спросила Лизавета Николаевна, вставая съ мѣста, чтобы идти домой.

— Все по прежнему въ собачьей должности состоять буду,— усмѣхнулся добродушной улыбкой Иванъ Григорьевичъ.

— Скажите, это упрекъ?—остановилась Лизавета Николаевна.—Я не хочу быть вамъ въ тягость.

— Ну, значитъ, мы еще не совсѣмъ друзья, если вы сегодня и шутокъ не понимаете,—промолвилъ Борисоглѣбскій.— Было бы тяжело, не бѣгалъ бы за вами... Слава тебѣ Господи, вольный человѣкъ... Вы меня извините,—проговорилъ онъ черезъ минуту,—я сдѣлалъ просто пошлость, заговоривъ съ вами своей любви...

Лизавета Николаевна горячо пожала ему руку. Эта рука была холодна. «Нѣтъ, думалось Лизаветѣ Николаевнѣ, никогда не выйду я замужъ за этого человѣка. Ему не такую жену нужно!.. Я не стою его... Иногда я готова поцѣловать его добрую руку... Я готова слушать и исполнять его совѣты, какъ будто передо мною стоитъ не этотъ молодой другъ, а добрый и честный старикъ—отецъ... Ахъ, если бы мой отецъ хотя немного походилъ на него!»—вздохнула она, вспомнивъ объ отцѣ.

Съ этого дня молодая дѣвушка стала смотрѣть на свой домъ, какъ на совершенно чужое ей мѣсто, какъ на грязную станцію, гдѣ она сидитъ по неволѣ въ ожиданіи почтовыхъ лошадей. Она холодно и твердо переносила домашнія непріятности, въ которыхъ не было недостатка особенно теперь, когда Дарья Власьевна то грозила не отпустить дочь въ Петербургъ, то оплакивала ее какъ погибшую.

— Ты и не думай ѣхать. Я тебя не пущу, паспорта тебѣ не дамъ... Я мать, я должна заботиться о тебѣ,—говорила Дарья Власьевна.—Вы всѣ у меня верченыя, за вами глазъ да глазъ нуженъ!

— Вамъ же лучше, что хоть одною меньше у васъ на шеѣ сидѣть будетъ,—отвѣчала Лизавета Николаевна.—Вы вѣдь только этого и хотѣли.

— Такъ что жь я по твоему злодѣйка какая, что ли, а не мать?—начинала жалобно упрекать ее Дарья Власьевна.—Жалѣла я когда что нибудь для васъ? Для кого я убивалась, для кого мучилась и теперь мучаюсь? Я домъ отстраиваю, я тяжбы веду, я съ холопьями бьюсь,—для кого же это по твоему? Не для себя-ли? нѣтъ, матушка, мнѣ шесть досокъ да саванъ—вотъ и все! А для васъ это все нужно, ваша жизнь впереди!..

— Не знаю, для кого и для чего вы мучились, но вы сами гнали меня изъ своего дома,—холодно отвѣчала дочь.

— И это дочь, это дочь матери говоритъ!—восклицала мать.—Стыдись! стыдись! у самой дѣти будутъ, тогда узнаешь, каково материнскому сердцу такія слова слышать... Не гнала я никого изъ васъ, а если что и сказалось когда сгоряча, такъ вы снести должны были, снести. Покорности, покорности въ васъ нѣтъ. Вы меня въ гробъ уложите!...

— Я затѣмъ и уѣзжаю, чтобы вамъ меньше непріятностей пришлось отъ меня видѣть...

— Да я развѣ ропщу?.. Развѣ мнѣ легче, что ты на чужой сторонѣ погибать будешь?.. Ночей не буду я теперь спать, о тебѣ думать буду!.. Ты думаешь, что меня ужъ одно то не убиваетъ, что твой отецъ Богъ знаетъ гдѣ пропадаетъ...

— Не говорите объ отцѣ. И онъ бѣжалъ отъ васъ, какъ бѣгу я,—сурово замѣтила Лизавета Николаевна.—Въ чужихъ углахъ жить не весело, чужой хлѣбъ ѣсть не сладко, и если люди бѣгутъ отъ своего дома, отъ своего хлѣба, значитъ имъ тошно стало на родинѣ.

Дарья Власьевна расплакалась.

— Богъ тебя накажетъ, Богъ накажетъ!—всхлипывала она.—Ты бы лучше повинилась во всемъ матери, если что сдѣлала... Ты не думаешь ли въ Петербургѣ-то Михайла Александровича встрѣтить?.. Не встрѣтишь, матушка!.. А если бы ты съ матерью-то откровенна была, такъ дѣло-то мать и уладила бы. Не дали бы ему уѣхать-то!.. Ты мнѣ скажи, до чего дѣло-то между вами дошло?.. Вѣдь знаю я вашу сестру, опаски у васъ нѣтъ... И сама я была молода, мало ли чего бывало въ молодости, однако отецъ-то твой не отвертѣлся отъ меня.

Лизавета Николаевна съ отвращеніемъ отвернулась отъ матери. Между ними не существовало никакой привязанности, ихъ не связывали даже тѣ теплыя воспоминанія, ради которыхъ многое прощается человѣку, ради которыхъ Лизавета Николаевна любила и жалѣла своего отца... Иногда мать вела разговоры въ другомъ тонѣ и совѣтовала дочери прибрать тетку въ Петербургѣ къ рукамъ.

— Покорна будь, покорна будь!—наставляла мать.—Пусть она духовную сдѣлаетъ въ нашу пользу... Не давай чужимъ-то въ домъ къ ней втираться. Люди рады чужое добро захватить. Словно вороны на падаль, на деньги-то слетаются... А ты дѣло-то осмотрительно веди... Для своей семьи будешь добро дѣлать...

Дочь молча сидѣла, пропуская мимо ушей эти наставленія. Ей были противны рѣчи матери, но въ тоже время она спрашивала себя: «Да я-то чѣмъ лучше ея? Только развѣ тѣмъ, что ни съ кѣмъ не ругаюсь. Она ничего путнаго не дѣлаетъ,

да вѣдь и я ничего не дѣлала. Она крестьянъ ругала да на ихъ деньги жила; я тоже бранила ее, а одѣвалась, пила ѣла на ея счетъ, еще капризничала, что худо кормятъ. Все тоже... Прошло бы еще лѣтъ восемь, девять, такъ никто и не отличалъ бы насъ другъ отъ друга»..

Время быстро приближалось къ отъѣзду. Однажды графиня снова прислала экипажъ за Лизаветой Николаевной. Та рѣшилась съѣздить въ Приволье, гдѣ, какъ она знала, не было уже Михаила Александровича. Съ Привольемъ у молодой дѣвушки были связаны лучшія воспоминанія въ жизни; правда, они значительно ослабѣли въ послѣднее время вслѣдствіе горькихъ событій. Но все же ей хотѣлось, можетъ быть, въ послѣдній разъ, взглянуть на эти мѣста, гдѣ ей былъ знакомъ каждый кустъ, была извѣстна каждая тропинка; ей хотѣлось даже взглянуть на графиню, которую Лиза не обвиняла и не могла обвинять ни въ чемъ и по прежнему любила той ровною и немного холодною любовью, какою и можно любить подобныхъ графинѣ женщинъ. Когда Лиза явилась въ кабинетъ старухи, та чуть не вскрикнула отъ удивленія, такъ измѣнилась въ послѣднее время Лиза; она похудѣла, держалась прямѣе прежняго, ступала тверже, даже какъ будто выросла; на ея лицѣ были слѣды сосредоточенной мысли и озабоченности, глаза не искрились прежнимъ живымъ огонькомъ, но смотрѣли пристальнѣе, были какъ будто глубже и темнѣе.

— Какъ вы измѣнились, дитя,—ласково произнесла графиня.— Мы такъ давно не видались. Я соскучилась объ васъ...

— Я была нездорова,—отвѣтила Баскакова.

Графиня говорила въ этотъ день особенно ласково, особенно мягко, какъ говорятъ съ больными или страдающими людьми. Въ ея кабинетѣ царствовала тишина, распространялся на всѣ предметы мягкій и таинственный полусвѣтъ, вѣяло тѣмъ миромъ и покоемъ, которые такъ любила Лиза въ былые дни. Ей и теперь было и грустно и сладко отдохнуть въ этомъ затишьѣ.

— Но теперь, надѣюсь, вы здоровы?—заботливо спрашивала графиня, всматриваясь въ лицо молодой дѣвушки и любуясь серьезностью и осмысленностью его выраженія.

— Здорова и даже собираюсь на дняхъ уѣхать въ Петербургъ... Я пріѣхала проститься съ вами...

— Въ Петербургъ?—повторила съ разстановкой графиня и еще пристальнѣе стала всматриваться въ лицо молодой дѣвушки. Брови старухи успѣли немного сдвинуться; въ ея головѣ промелькнула мысль, что молодая дѣвушка и ея племянникъ могли условиться встрѣтить другъ друга въ столицѣ.

— Скажите, что вамъ вздумалось ѣхать туда?—спросила она, не спуская пытливыхъ глазъ съ Лизы.

— Хочу поучиться и пріискать работы...

— Я думаю, работы у васъ нашлось бы довольно и дома...

— О да, но здѣсь мнѣ тяжело жить. Вы знаете, какая жизнь идетъ у насъ въ семьѣ,—откровенно и просто сказала Баскакова.

Графиню поразилъ этотъ искренній и по прежнему мягкій тонъ Лизы. Старуха не знала, что заключить; если эта дѣвушка знаетъ, что она, графиня, противилась ея браку, то она должна сердиться; если она не знаетъ этого, то почему она считаетъ нужнымъ и какъ можетъ скрывать съ такой наружной невинностью свои истинныя цѣли и маскировать причину своего отъѣзда. Эту загадку графиня рѣшилась разъяснить.

— Я слышала, что Мишель хочетъ на васъ жениться?—неожиданно спросила она, устремляя глаза на юную собесѣдницу.

— Да, но я ему отказала,—коротко произнесла Лиза, слегка блѣднѣя.

Ни искренность тона, ни внезапная блѣдность не ускользнули отъ зоркихъ глазъ старухи.

— Отказали?—съ удивленіемъ спросила она.

— Да.

Графиня, не смотря на свою постоянную сдержанность, въ волненіи встала и начала тихо ходить по комнатѣ. Въ ея головѣ носились такія мысли, которыхъ она не могла привести въ порядокъ. Сначала ей показалось, что Лиза вѣроятно узнала ея мнѣніе на счетъ этой предполагаемой женитьбы племянника и отказала жениху во имя своей покорности волѣ благодѣтельницы.

— Онъ говорилъ вамъ о моемъ разговорѣ съ нимъ по поводу этого брака?—спросила старуха, останавливаясь по срединѣ комнаты.

— Я даже не знала, что вамъ извѣстны его намѣренія, — отвѣтила Лиза; ее уже начиналъ волновать этотъ допросъ.

Графиня снова продолжала ходить по кабинету.

— Значитъ вы его не любили? — остановилась она черезъ минуту передъ Лизаветой Николаевной.

— О графиня!—умоляющимъ голосомъ воскликнула молодая дѣвушка, вся блѣдная и трепещущая, съ крупными слезами на глазахъ.—Есть вещи, о которыхъ тяжело говорить даже... даже съ матерью!.. Я только потому и рѣшилась пріѣхать къ вамъ, что вамъ ничего неизвѣстно!..

Она остановилась на минуту подъ вліяніемъ сильнаго волненія.

— Если бы я знала, что вы станете говорить объ этомъ, я никогда не пришла бы сюда, хотя вы знаете, какъ я привыкла любить и уважать васъ...

Графиня медленно провела рукою по лбу, какъ будто передъ ея глазами былъ какой-то мучительный призракъ. Впервые, можетъ быть, послѣ долгихъ лѣтъ самодовольной безгрѣшности, эта женщина испытывала теперь сильное волненіе и готова была поддаться голосу чувства. Она понимала, что передъ нею было глубоко любившее, глубоко несчастное существо и что одною изъ главныхъ причинъ этого несчастія была, можетъ быть, она сама, графиня. Сильнѣе упрековъ, страшнѣе слезъ пробудили въ ней еще не совсѣмъ умерщвленное чувство эти простыя и теплыя слова любви, сказанныя тѣмъ самымъ созданіемъ, которое должно было возненавидѣть ее.

— Дитя мое,—промолвила тихо старуха, опускаясь на софу возлѣ Лизы,—все можно исправить... Подобныя несчастья и ошибки поправимы...

— Я и хочу ихъ исправить, — сквозь слезы отвѣтила Баскакова. — Я ѣду не на веселую жизнь, я ѣду на нужду и трудъ...

Старуха обняла ее. Она не понимала, какъ можно исправлять ошибки не покаяніемъ, не эпитиміею, не монастырскимъ схимничествомъ; она не понимала, какъ можно успокоить горе не смиреніемъ, не покорностію, не молитвою,—но впервые въ жизни она не рѣшалась давать совѣтовъ и предоставляла чело-

вѣку право искать исправленія и забвенія на другомъ пути, на пути честнаго, упорнаго труда и полной независимости. Этого пути спасенія она не знала, навѣрное сочла бы его ошибочнымъ, но теперь передъ нею совершалась дѣйствительная драма и она видѣла, что тутъ учить и давать совѣты не время...

Черезъ нѣсколько дней Иванъ Григорьевичъ заѣхалъ за Лизаветой Николаевной въ Бабиновку. Они отправились въ Петербургъ. За часъ или за два передъ ихъ отъѣздомъ пріѣхалъ къ Баскаковымъ лакей графини и передалъ Лизаветѣ Николаевнѣ небольшой пакетъ, въ немъ было ласковое и нѣжное письмо графини, просившей Лизу писать къ ней и обращаться откровенно за помощью въ случаѣ нужды; кромѣ того въ пакетѣ были вложены сто рублей и небольшія брилліантовыя серьги «на память отъ старухи, которой, можетъ быть, остается не долго жить», какъ писала графиня.

— Что же, деньги всегда годятся,—шутливо замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ,—а брилліанты,—хошь вамъ и не щеголять въ нихъ,—при случаѣ все-таки продать можно.

Лиза на скоро написала графинѣ записку, въ которой благодарила ее за все.

Начались сборы. Дарья Власьевна плакала и причитала надъ дочерью, какъ надъ покойницей. Но дочь оставалась холодна и торопилась уѣхать. Съ сожалѣніемъ прощалась она только съ дѣтьми. Они просили ее скорѣе пріѣхать домой, поручали ей купить для нихъ гостинцевъ и, кажется, даже не подозрѣвали, что сестра уѣзжаетъ навсегда. Молодые люди уже готовились сѣсть въ экипажъ, когда маленькая сестра Лизаветы Николаевны робко подошла къ ней.

— Лизочка, голубчикъ, родная, возьми меня съ собой!— тихо прошептала она и, неслышно рыдая, спрятала свое лицо въ одеждѣ старшей сестры.

Изъ глазъ Лизаветы Николаевны брызнули градомъ слезы.

— Нельзя... не могу,—проговорила она сестрѣ, покрывая ее поцѣлуями, и торопливо усѣлась въ экипажъ...

Черезъ минуту онъ неслся по дорогѣ...

Дѣти постояли на дворѣ, помахали руками, покричали уѣзжаю-

щимъ: пріѣзжай, Лиза! Будьте здоровы, Иванъ Григорьичъ!— и разбѣжались. Дарья Власьевна всплакнула, потомъ убѣжала въ домъ, накинулась съ горя на прислугу и начала бушевать. Дворъ опустѣлъ... Только на ступенькахъ еще недостроеннаго и полуразвалившагося крыльца сидѣла маленькая Катя и, тихо плача, смотрѣла на большую дорогу, гдѣ уже давно было совершенно пусто и вѣтеръ успѣлъ занести легкій слѣдъ, оставленный на пыли колесами удалившагося экипажа... Около плачущей дѣвочки, кудахтая, вертѣлись куры, потыкивая носами въ землю и, вѣроятно, думая, что ребенокъ усѣлся тутъ именно для того, чтобы накормить ихъ...

Съ этой же минуты въ домѣ все должно было войдти въ свою обычную колею, такъ какъ ничего особеннаго, нарушающаго теченіе будничной жизни и не случилось, однимъ человѣкомъ убавилось—вотъ и все...

Здѣсь мы остановимся. Быть можетъ, намъ удастся еще разъ встрѣтиться съ Лизаветой Николаевной и, если не встрѣтится никакихъ независящихъ отъ насъ препятствій, разсказать ея новую жизнь. Но во всякомъ случаѣ эта жизнь не будетъ имѣть ничего общаго съ бабиновской жизнью. На сколько монотоннымъ и праздникомъ было существованіе Лизаветы Николаевны въ деревнѣ, на столько разнообразнымъ и трудовымъ должно было оно сдѣлаться въ столицѣ. Даже прозвище другое получила она здѣсь и съ первыхъ же дней ея появленія въ обществѣ, люди, видѣвшіе, что она пріѣхала одна безъ родныхъ, что она ищетъ работы, что она познакомилась съ мужчинами— пріятелями Ивана Григорьевича, переименовали ее изъ деревенской барышни» въ «нигилистку...» На языкѣ этихъ людей такое прозвище означало тоже, что на языкѣ Дарьи Власьевны выражалось словомъ «верченая»,—то есть этою кличкою обозначалось существо рѣшительно не похожее на самую Дарью Власьевну. На сколько обидно не походить на Дарью Власьевну— это дѣло вкуса...

А. Михайловъ.

СКАЗКА ДЛЯ БѢДНЫХЪ И БОГАТЫХЪ.

Есть одинъ въ подлунномъ мірѣ
Всемогущій чародѣй,
Безпристрастный покровитель
Бѣдняковъ и богачей...

Кто хоть разъ въ житейской долѣ
Перевѣдается съ нимъ,
Тотъ ужь будетъ непремѣнно
Имъ обласканъ и любимъ...

Закаленный, посѣдѣвшій
Въ битвахъ съ вѣчною нуждой,
Онъ вездѣ заходитъ смѣло
И вездѣ какъ-будто свой...

Ни убожество лачуги,
Ни роскошество палатъ
Не смущаютъ чародѣя
Неуклюжаго на взглядъ...

То сидитъ онъ терпѣливо
За рубанкомъ столяра,
Въ темной кузницѣ у мѣха,
То на тронѣ у царя...

Все на свѣтѣ противъ воли
Преклоняется предъ нимъ:
Что захочетъ, то и можетъ
Онъ любимцамъ дать своимъ...

То воздвигнетъ храмъ на-диво
И любуется—стоитъ:
Надоѣло—храмъ волшебникъ
Въ богадѣльню превратитъ...

То, глядишь, избу курную
Чуть не въ замокъ возведетъ,
То роскошныя палаты
Въ груду щепокъ разобьетъ..

То возметъ да превратится
Въ чуть замѣтный глазу паръ,
И людей изъ царства въ царство
Мчитъ какъ будто на пожаръ...

То онъ въ молнію вселится,
И изъ-за моря домой
Мысль людскую переноситъ
Съ чародѣйской быстротой...

Съ виду сумрачный и грубый,
Но безгрѣшный, какъ дитя,
Чудеса свои онъ строитъ,
Распѣвая и шутя...

Ни почемъ ему богатство;
Равнодушный ко всему,
Онъ одно на свѣтѣ цѣнитъ:
Время дорого ему...

Безъ него—пропали люди,
Съ нимъ—спасеніе вездѣ.
Съ нимъ и нужду переносятъ,
Забывая о нуждѣ...

Но бѣда тому, кто съ дѣтства
Чародѣя не зоветъ!—
. . . . . .
. . . . . .

Безъ него скоту подобенъ
Даже умный человѣкъ,

Какъ бы мирно онъ ни прожилъ
Свой веселый праздный вѣкъ...

Чтобъ призвать его—не надо
Къ чародѣйству прибѣгать:
Онъ является мгновенно—
Только стоитъ пожелать...

Но быть можетъ, любопытно
Знать вамъ, какъ его зовутъ?
О! узнать его не трудно
Этотъ геній добрый—*Трудъ*...

Омулевскій.

ВОЛЧИХА.

И слышится начало пѣсни, но напрасно...
Никто конца ея не допоетъ.

М. Л.

ГЛАВА I.

Ночь наканунѣ Покрова дня.

Темная осенняя ночь спустилась надъ Верейкинымъ.

Черныя тучи тяжело ползли по поднебесью, то разрываясь клочьями, то сливаясь въ одну дымчатую массу. Порывистый, юго-западный вѣтеръ нагонялъ тучи—и мракъ, окутывавшій небеса и землю, все болѣе и болѣе сгущался. Дождь то моросилъ, то принимался хлестать ручьями, то снова стихалъ не надолго. Съ глухимъ шумомъ проносился по деревнѣ вѣтеръ, постукивая на своемъ пути стрехами, ставеньками, досками караульными и стаскивая съ кровель гнилую солому, со свистомъ несся за околицу, огибалъ риги и сараи, неистово срывалъ въ рощѣ послѣдній, трепещущій листъ съ осины, дорывалъ орѣшникъ, подымалъ съ земли давно опавшіе красно-желтые листья рябинъ и черемухъ и, покрутивъ ихъ въ воздухѣ, какъ бѣшеный, разметывалъ по сторонамъ, бушевалъ на просторѣ по полямъ и оврагамъ и воемъ-ревомъ отдавался въ глубинѣ сосѣднихъ лѣсовъ. Гнулись старыя вербы, жалобно поскрипывая, наклонялись надъ тинистымъ, зацвѣтшимъ прудомъ своими обнаженными вѣтвями...

Огни въ избахъ потушены, только въ оконцахъ постоялаго двора свѣтъ свѣтитъ и изъ растворяющихся по временамъ дверей вырываются крики, громкій говоръ, покрываемый пѣснью, и бренчанье балалайки.

Тамъ, въ просторной, высокой и грязной избѣ собралась большая компанія. Оплывшая сальная свѣча, воткнутая въ низенькій покрившійся подсвѣчникъ изъ красной мѣди, стоитъ въ переднемъ углу на столѣ, у божницы, и тускло свѣтитъ въ душной и спертой атмосферѣ, пропитанной запахомъ махорки, лука и смазныхъ сапоговъ. Вокругъ этого инвалида-подсвѣчника валяются въ разброску хлѣбныя корки, ножи, два стаканчика и разбитый полуштофъ.

По одну сторону, около двери, ведущей на другую половину, сидитъ сама хозяйка, содержательница Верейкинскаго постоялаго двора — женщина лѣтъ подъ тридцать, красивая, стройная, съ смуглымъ, выразительнымъ лицомъ, одѣтая довольно щеголевато—въ сѣрый сарафанъ и въ бѣлую съ красной прошивкой рубаху. Сидитъ она, откинувшись небрежно къ стѣнѣ и наклонивъ немного на бокъ свою хорошенькую голову; волосы, какъ смоль черные, свѣсились на лобъ и нѣсколько змѣистыхъ прядей разсыпалось по разгорѣвшейся щекѣ; томно проглядывали глаза изъ-подъ густыхъ, полуопущенныхъ рѣсницъ. Сладострастнымъ обаяньемъ вѣяло отъ этой женщины, полной красоты, здоровья и силъ.

Въ тѣни у окна виднѣлся мужикъ—широкоплечій, коренастый, съ огромной, всклокоченной головой, въ синей нестрядинной рубахѣ и въ коричневомъ, сильно-обдерганномъ кафтанѣ. Мужикъ этотъ сидѣлъ, прижавшись къ почернѣлой стѣнѣ, и, облокотясь на подоконникъ, смотрѣлъ черезъ стекло на улицу, только изрѣдка въ полъ-оборота взглядывая на веселую компанію. За нимъ на лавкѣ растянулся какой-то верзила въ сѣрмягѣ и оралъ что-то невообразимо дикое. Три парня сидѣли на лавкѣ — и одинъ изъ нихъ лихо наигрывалъ на трехструнной балалаечкѣ; ему подтягивали. Порой одинъ изъ молодцовъ пускался и въ присядку, если ужь больно за живое задѣвало. Въ дальнемъ уголку, куда смутно достигалъ свѣтъ сальнаго огарка, пріютился старикъ—церков-

ный сборщикъ; его худощавое, желтое, морщинистое лицо съ длинною, серебристою бородой по временамъ выступало изъ мрака и вновь, какъ призракъ, пропадало.

— День-то какой заутра! А они... Охо-хо, прости Господи! шепталъ неслышимо сборщикъ, позѣвывалъ и, отворотившись отъ гулякъ, творилъ крестное знаменіе и изъ-подлобья оглядывалъ избу.

Непогода загнала его въ такой вертепъ. Непріятно сборщику, неловко и болзно—да, вѣдь, не подъ дождь же идти, не проводить ночь на такомъ вѣтрѣ: онъ старъ и хилъ, не прежняя молодая пора; усталое тѣло проситъ тепла и покоя. Хоть притонъ и не пригожъ, да все-таки притонъ: ни вѣтеръ, ни дождь не береть,—а по утру, когда станетъ уходить — утро же недалеко— онъ и прахъ отрясетъ отъ ногъ своихъ, переступая порогъ этого нечистаго мѣста. Его присутствіе нимало не смущало веселившихся: струны балалайки чуть не порывались—такъ старался паренекъ... На полатяхъ расположились извозчики, остановившіеся на ночлегъ и, свѣсивъ головы, смотрѣли на происходившее внизу.

Гвалтъ въ избѣ стоялъ немалый.

— Коли же они дрыхнуть-то будутъ? Али до свѣту продурятъ этакъ? разсуждали извозчики, не безъ досады, не безъ интереса взирая на разгулье съ высоты палатей. Они не прочь бы и соснуть: день-то умаялись тоже по такой дорожкѣ, идучи съ обозомъ— да въ избѣ-то больно забавно и угомониться не можно.

Щелеватый полъ трещалъ, вздрагивалъ дубовый столъ и прыгало все, что лежало и стояло на немъ; дрожали оконницы, заглушался шумъ вѣтра на улицѣ, когда лихой, разудалый молодецъ пускался въ плясъ съ громомъ, стукомъ, съ присвистомъ.

— Распотѣшь-ка, Авдотья Васильевна! Плясни.... началъ одинъ изъ молодцовъ, взглядывая на хозяйку своими маслянистыми глазками.

— Еще что выдумаешь! насмѣшливо возразила хозяйка и сбросила со стола таракана, упавшаго съ закоптѣлаго потолка.— Этакъ ноги отпляшешь совсѣмъ.... добавила она, немного погодя.

— Послѣдній разочекъ! Вотъ, ей богу! Больше и просить не-

станемъ! умолялъ парень, облизывая свои толстыя губы. Ты то попомни—завтра базаръ большой...

— Хоть бы и того больше! упорствовала хозяйка.

— Мы, значитъ, Васильевна, съ тобой и того... по лавочкамъ-то... Парень вмѣсто окончанія фразы подмигнулъ и остался, очевидно, въ полнѣйшей увѣренности, что выполнилъ свой маневръ чрезвычайно выразительно.

Хозяйка поднялась. Горделиво посмотрѣла она на окружающихъ, словно чувствуя, что красота ея надо всѣмъ верхъ беретъ, что она въ этой закоптѣлой избѣ, какъ звѣзда въ небѣ ясная... Откинувъ назадъ свои черные волосы, она пошла плясать и запѣла сильнымъ, звучнымъ контральто—и пѣснь ея звучала страстью, горячимъ, трепетнымъ желаньемъ.

Мужики на полатяхъ, тиская другъ друга въ бока, толковали:

— Ишь ты, что дѣлаетъ!... Нашимъ бабамъ и во вѣки вѣковъ этакихъ колѣнцевъ не выкинуть... Глядит-ка! Э-эхъ, да ну!

Парень, игравшій на балалайкѣ, пришелъ въ такой азартъ, что разомъ оборвалъ двѣ струны; струны дрогнули, звуки замерли... Старикъ-сборщикъ незамѣтно сотворилъ крестное знаменіе, а парень съ безмолвствующей балалайкой въ рукахъ пустился отплясывать вмѣстѣ съ хозяйкой. Задребезжали стекла и посуда, ходенемъ заходила чашка хлѣбная на поставцѣ.

— Ну, робята! Шабашъ да и полно! Комедь!... рѣшилъ голосъ съ полатей.

Но вотъ наконецъ плясунья остановилась передъ косматымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ у окна.

— Ты чего, Митюха, навалился-то тутъ, на самой оконницѣ? крикнула она, запыхавшись и переводя духъ.—Проломи стекло-то... добавила она и отвернулась.

Митюха лѣниво обернулъ голову. Его сѣрые, ястребиные глаза хмуро-холодно глянули на честную компанію изъ-подъ густыхъ, почти сросшихся бровей, какъ бы мимоходомъ скользнули по хозяйкѣ и затѣмъ опять устремились на улицу, въ ночную мглу.

Хозяйка, отуманенная пляской и виномъ, повалилась на лавку.

Вдругъ постучались въ окно; къ окну обратились глаза всѣхъ.

Тамъ, съ улицы въ темнотѣ мелькнуло чье-то лицо и при наступившей тишинѣ можно было разслышать слова: „Ночевать можно... съ конями?“... Митюха поднялъ окошко.

— Отколева? спросилъ онъ, вглядываясь въ пришельца.

— Съ Горбачева... съ работой! Привезъ писаря... отвѣчали съ улицы.

— Да это—Скорбѣевъ Алексаха! Онъ и взаправду! крикнулъ одинъ изъ молодцовъ.—Погоди! Отворимъ...

Спустя нѣсколько минутъ, въ избу вступилъ и новоприѣзжій, поставившій лошадокъ къ сѣну и всѣ заправившій, какъ слѣдуетъ.

— Съ чего къ намъ-то приворотилъ? обратилась къ новому гостю хозяйка. — Вѣдь вы съ батькой-то все у Митрошки приставали...

А гость, между тѣмъ, перекрестившись трижды и мотнувъ головой на образа, пробирался къ печкѣ.

— Достучаться не могъ: возилъ, возилъ кнутовищемъ-то... объяснилъ онъ.—Разоспались ужь больно... А здѣсь огонь завидѣлъ и привалилъ...

Пареньки запѣли „солнце на закатѣ“, опять поднялся крикъ и шумъ.

Новоприбывшій былъ молодецъ лѣтъ 20, съ добрыми, голубыми глазами, съ свѣтлыми кудрями, съ небольшой русой бородой и усами и вообще наружности открытой и симпатичной. Онъ, видимо, былъ смущенъ всѣмъ тѣмъ, что встрѣтилъ на постояломъ дворѣ въ такой неурочный часъ.

— Не хошь ли водки? предложила ему хозяйка, зорко слѣдившая за тѣмъ, какъ онъ разоблачался и вѣшалъ къ печкѣ свой измокшій кафтанъ и отряхалъ шапку.

— Спасибо! отвѣчалъ гость. — Эфтимъ баловствомъ не занимаемся...

— А я такъ пью! Да еще вона какъ!... Хозяйка засучила рукавъ и, обнаживъ такимъ образомъ свою бѣлую, полную руку, опрокинула себѣ въ ротъ стаканчикъ зеленоватой влаги.

Молодой ямщикъ отвернулся и разсматривалъ свое кнутовище,

словно бы только что въ первый разъ увидалъ его. Хозяйка взглянула изъ-подъ своихъ темныхъ рѣсницъ на его опущенную голову, взглянула всколзь, но какъ-то очень странно, потомъ злобно и дико повела глазами и глухо повторила: „а я пью!“ Степенность и воздержность ямщика точно ее обижали — и вотъ она, какъ бы изъ желанья досадить ему, повторяетъ: „а я пью!“

— Молодчина-ты, Васильевна! прикрикнули ребята.

— Чего горло-то деретe? огрызнулась хозяйка и опять искоса посмотрѣла на бѣлокурую, наклоненную голову. Хозяйка одернула у рубахи воротъ и провела рукой по лбу.

— Звать-то тебя какъ? спросила она и, пошатываясь, подошла къ ямщику.

— Александръ, отвѣчалъ тотъ, подымая голову и смотрѣлъ не на разгорѣвшееся лицо Авдотьи Васильевны, а прямо въ печную заслонку.

— А величанье-то?

— Андреевъ, процѣдилъ сквозь зубы ямщикъ, и впервые съ безпокойствомъ взглянулъ на стоявшую передъ нимъ женщину. Тревожно встрѣтились на мгновенье его глаза съ темными глазами хозяйки, горѣвшими страстнымъ блескомъ; ему, словно, было страшно и больно глядѣть въ черные глаза, лихорадочно, настойчиво впивавшіеся въ него. Ямщику казалось, что эти дьявольскіе глаза насквозь прожигаютъ его, въ душу заглядываютъ и видятъ все, что есть на душѣ...

— Ну-ка, Александръ, спой намъ что ни на есть! пробормотала хозяйка.

— Ничего не пою, отозвался Александръ и тревожно глянулъ въ сторону.

— Эхъ ты, святоша! Чего ты дуешься-то? Не укушу... крикнула хозяйка и, наклонившись къ ямщику, хватила его по спинѣ ласково, но довольно крѣпко. Ея трепещущія груди почти касались его плеча... Горячее дыханіе обвѣвало Александра...

— Не балуй!... заговорилъ парень несвязно, весь вспыхнулъ и старался отшатнуться отъ хозяйки, какъ отъ огня. Онъ находился въ перѣшимости: что лучше—падуться ли ему или улыбнуться?—

Такъ вотъ и хвачу!—Александръ тряхнулъ арапникомъ и хлестнулъ по полу.

— Охъ ты, дурья голова! Баба сама лѣзетъ, а онъ — ременницей! Охъ, голова!... языкъ Авдотьи Васильевны начиналъ уже запинаться. Вдругъ она громко захохотала, злою улыбкою скривились ея губы—и она тяжело опустилась на лавку.

Митюха съ ядовитой усмѣшкой посмотрѣлъ на ея раскраснѣвшееся лицо, точно хотѣлъ промолвить: „что взяла!“

Но вотъ посреди веселыхъ пѣсенъ и пляски, посреди всего этого гвалта и шума раздался ударъ колокола. Торжественные, густые звуки не успѣли еще замереть въ воздухѣ, какъ прокатился другой ударъ, затѣмъ третій... Отчетливо, мѣрно загудѣлъ колоколъ. Словно чудомъ преобразилась пьяная, разгульная компанія: всѣ сотворили крестное знаменіе, всѣ, точно сговорясь, посмотрѣли въ передній уголъ, откуда темнѣлъ ликъ чудотворца Николая, осѣненный мѣднымъ вѣнчикомъ.

— Къ заутренѣ! проговорилъ одинъ изъ молодцовъ, принимаясь опоясываться и разглаживать ладонью свои взбившіеся волосы.

— Темень-то какая! проворчалъ Митюха, едва перекрестивши свой морщиноватый лобъ и смотря пристально въ окно.

На полатяхъ началось движенье. Поднялся сборщикъ изъ угла и сталъ натягивать себѣ на плечи свой кожаный мѣшокъ, обронилъ сучковатую палку и закашлялся. Хозяйка сидѣла неподвижно у стола, положивъ голову на руки и закрывъ лицо. Волосы ея ужъ совсѣмъ распустились — малиновая ленточка, придерживавшая ихъ, валялась на полу—волосы разсыпались по ея спинѣ, по плечамъ... Тяжело дышала Авдотья Васильевна, словно ее что душило... Молодой ямщикъ на нее украдкой взглядывалъ, робко, боязливо—и тѣнь пробѣгала по его лицу; онъ взглядывалъ на ея черные волосы, упавшіе на столъ, на ея бѣлую шею, сквозившую изъ-подъ рубахи.

Изба опустѣла, а колоколъ гудѣлъ и гудѣлъ надъ Верейкинымъ, съ котораго ночь не сняла еще своихъ мрачныхъ покрововъ—лишь по горизонту навостокѣ забѣлилась полоса... Но для Авдотьи Васильевны всходило уже солнце, ясный день занимался въ ея небѣ...

Сквозь сіянье первыхъ лучей этого дня ей рисовался свѣтлый образъ милаго юноши съ голубыми глазами... Она поднялась и еще въ чаду похмѣлья, пошатываясь, подошла къ окну, отодвинула раму и высунулась въ окно... Сырой, холодный воздухъ пахнулъ на нее, онъ обвѣвалъ ее, отрезвлялъ, успокоивалъ ея взволнованную кровь... Авдотья Васильевна поглядѣла на улицу: на пригоркѣ бѣлая церковь съ ярко-освѣщенными окнами едва еще выступала изъ темноты при слабо брезжущемъ разсвѣтѣ октябрскаго утра... Вѣтеръ стихъ—и надъ Верейкинымъ межъ разорвавшихся облаковъ сіяли золотыя звѣзды...

ГЛАВА II.

Чаровница.

Авдотья Васильевна родилась въ Верейкинѣ и, рано оставшись круглой сиротой, не запомнила ни отца, ни матери. Досужимъ праздничнымъ вечеркомъ, когда обитатели Верейкина высыпали на улицу, ее бывало съ усмѣшкой спрашивали добрые люди: кто у нея батька? Дуня не знала, кто у нея батька—и не давала отвѣта добрымъ людямъ. Но тутъ же какая нибудь старушонка, не то съ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ покачивая головой, замѣчала: „Кажиный мужикъ—тебѣ батька“...

Сиротку пріютилъ какой-то дальный ея родственникъ по матери, одѣвалъ ее, какъ умѣлъ, кормилъ, чѣмъ могъ, и билъ сколько и когда хотѣлъ. Изрѣдка по праздникамъ бѣгала она изъ своей убогой хатки въ сосѣднюю усадьбу въ гости къ теткѣ, занимавшей въ барскомъ домѣ мѣсто ключницы. Тотъ праздникъ, когда Дунѣ удавалось урваться въ Знаменское, былъ для нея истиннымъ праздникомъ: тетка снабжала ее огрызками сахара, кусочками булокъ или пироговъ и сверхъ того, если барыни не было дома, водила ее по большимъ комнатамъ—и Дуня съ великимъ изумленіемъ осматривала себя въ зеркалѣ съ ногъ до головы, примѣчала свой образъ на полу и робко оглядывалась на двѣ гигантскія тѣни—ея

и тетки, которыя росли и тихо двигались за ними по бѣлымъ стѣнамъ пустыхъ покоевъ. Иногда она ходила съ теткой по саду—тутъ тоже много видѣла она никогда прежде невиданнаго: сѣрыя статуи съ разбитыми головами и руками, забытый фонтанъ, бесѣдки необыкновенныя, мостики съ цѣпями... Много Дуня приносила розсказней въ деревню, долго описывала она, съ прикрасами собственной фантазіи, видѣнныя ею диковинки: и доски свѣтлыя, въ которыхъ все видно, и скользкія, какъ ледъ, полы, и столбы каменные въ комнатахъ и чудеса стариннаго сада...

По четырнадцатому году тетка взяла ее къ себѣ, съ дозволенія старой барыни. Поселившись въ господскомъ домѣ, Дуня могла видѣть ежедневно тѣ чудеса, которыя сводили ее прежде съ ума, и перестала дивиться; изъ дикой она скоро сдѣлалась ручной, но не бойкой: забитая дѣвочка въ семьѣ, сирота взросшая въ-проголодь и никому не нужная, она и въ барскомъ домѣ явилась тихимъ, смиреннымъ существомъ, безропотнымъ и безгласнымъ. Физически развивалась она медленно, такъ что и въ 17 лѣтъ казалась еще дѣвченкой, но старая барыня, смотря на нее внимательно, съ видомъ знатока изволила разъ замѣтить, что изъ этой pauvre gamine выйдетъ красавица... Дуня, между тѣмъ, и сама уже знала, что она хороша; объ этомъ ей говорили на деревнѣ, въ барскомъ домѣ, но объ этомъ ей всего краснорѣчивѣе докладывали большія барскія зеркала... Умственное же развитіе Дуни далеко опередило физическое: дѣвушка, будучи съизмала принуждена быть внимательною ко всему окружающему, быть на-сторожѣ, быть готовою дать всегда врагу надлежащій отпоръ, рано развила въ себѣ наблюдательность, смышленость и осторожность, доходившую до скрытности. Жалкая жизнь въ деревенской избѣ, затѣмъ переходъ въ иную сферу и жизнь съ другой обстановкой, съ другими людьми—послужили ей умственной школой; она много увидала въ Знаменскомъ...

Въ Знаменскомъ же изъ барскаго рода жили въ то время только два существа: собственно барыня-хозяйка и сестра ея, извѣстная болѣе подъ именемъ „полоумной“. Лѣтомъ барскія хоромы оживали: наѣзжали изъ-за границы молодые господа съ гостями, шумѣли,

пѣли, играли, задавали банкеты, а къ осени опять куда-то скрывались въ своихъ щегольскихъ экипажахъ. Въ остальныя времена года въ Знаменскомъ было пусто и тихо, какъ въ могилѣ.

Дунею въ домѣ больше всѣхъ занималась „барынина сестра", старая дѣва. Она въ околодкѣ, какъ уже сказано, слыла за помѣшанную: никуда не показывалась, часто хворала, носила старомодное, страннаго покроя платье, и все сидѣла у себя въ комнатѣ передъ большимъ портретомъ. А на томъ портретѣ масляными красками былъ нарисованъ темноволосый, темноокій мужчина, безъ сюртука, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, съ книгой и пистолетомъ въ рукахъ. Мастерски было сдѣлано лицо этого красиваго брюнета: оно точно живое глядѣло съ темнаго фона полотна... У нижняго края рамы бѣлою краской было написано: 1804 годъ, мѣсяца апрѣля 26 день... Старая дѣва подолгу засматривалась на выразительное лицо мужчины, на его задумчивые глаза, которые на нее, быть можетъ, производили такое же сильное впечатлѣніе и теперь, какъ и 26 апрѣля много лѣтъ тому назадъ... Знакомыя черты, живо схваченныя художникомъ, должно быть, много-много будили воспоминаній... Да, это—одна темная исторія стараго времени.

Былъ тихій, ясный вечеръ одного изъ тѣхъ іюльскихъ дней, которые томятъ и нѣжатъ, волнуютъ и покой даютъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца красноватымъ отливомъ ложились на портретъ и на блѣдное лицо старой женщины, сидѣвшей по обычаю на своемъ урочномъ мѣстѣ и смотрѣвшей, облокотясь о ручку кресла, на озаренный вечернимъ сіяніемъ знакомый, дорогой ей ликъ. Когда Дуня вошла въ комнату, барыня, не оборачивая головы, подозвала ее къ себѣ и, указывая на портретъ, спросила:

— Хорошъ-ли, Дуня, былъ этотъ баринъ?

Дуня, конечно, отвѣчала, что „баринъ были очень хороши". Барыня промолвила тихо „да", опять было погрузилась въ созерцаніе портрета, но, немного погодя, взяла Дуню за руку и сказала:

— Живи, Дуня! Не упускай ни одной минутки въ жизни даромъ. Веселись, забавляйся, работай, что хочешь дѣлай, только дѣлай, голубушка, все такъ, какъ тебѣ самой хочется, а не какъ другимъ надо. Понимаешь?

— Понимаю-съ! проговорила Дуня, стараясь понять слышанное. Дѣвушка удивлялась: барыня хоть и была добра къ ней всегда, но никогда еще такъ не говаривала: старуха словно преобразилась—на ея исхудалыхъ, старческихъ щекахъ игралъ румянецъ и потускнѣвшіе глаза точно прояснѣли.

— Да! Ты понимаешь меня, милая... Понимаешь... бормотала барыня и, лихорадочно-торопливо схвативъ Дуню за руку, продолжала, видимо позабывъ, что она говоритъ съ простой, необразованной дѣвочкой, взросшей совершенно въ другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ и для которой, значитъ, всѣ вещи кажутся въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ ей самой.—Жизни не воротишь! Что прожито, то прожито навсегда, на вѣки вѣчные. Каждый часъ, который проведешь не такъ, какъ хочешь,—не твой часъ! Онъ потерянъ... Живи такъ, чтобы не пришлось раскаяваться, пѣнять на себя... Ахъ, скажешь, зачѣмъ я шла туда, куда меня толкали? Не туда бы слѣдовало идти... Вотъ и горько будетъ. Да! Люби, Дуня, кого хочешь, кто полюбится! Люби, какъ можешь, какъ Богъ на душу положитъ! Люби и не думай—хорошо будетъ... Не слушайся, помни меня. Главное: не слушайся! На весь свѣтъ не угодишь... Барыня остановилась и поникла головой.

— Да вы сами-то, сударыня, для чего же такъ скучно живете? Въ гости никуда не ѣздите, и къ вамъ никто, и все такъ... осмѣлилась замѣтить дѣвушка.

— Гм. Веселье-то мое вонъ... въ могилѣ оно... проговорила уже, какъ бы нехотя, барыня и посмотрѣла на портретъ... Но тѣни вечернія уже сгущались, заря догорала, въ комнатѣ сумракъ ложился и съ темнаго фона уже тускло выглядывало блѣдно-желтое лицо. Старушка отерла слезу и со вздохомъ подошла къ раскрытому окошку, опустилась на него и принялась смотрѣть въ темнѣвшій садъ... Дуня слышала, какъ старая барыня уныло-тоскливо шептала: „Родной мой! Охъ, ты, радость моя! Зачѣмъ это?... Зачѣмъ ты идешь туда?... Ну, иди, иди!“ У Дуни сердце защемило; Дунѣ жутко стало: „Баринъ-то тотъ кабы съ ней не заговорилъ!“ промелькнуло у ней въ головѣ. „Такъ, вѣдь, пристально смотритъ!“

Дѣвушка юркнула изъ комнаты.

Всѣ, исключая Дуни, побаивались старой дѣвы; умненькая дѣвушка жалѣла ее, догадываясь, что она не столько съумасшедшая, сколько несчастная женщина. И много услыхала Дуня отъ „полоумной барыни“ такого чудного, необычнаго. Старушка, когда находили на нее часы откровенія, говорила Дунѣ о какомъ-то равенствѣ, о свѣтломъ царствѣ всеобщаго мира и любви, о правѣ всѣхъ жить не по собачьи, перебиваясь какъ нибудь со дня на день, а жить привольно и счастливо. Говорила она ей и о другихъ земляхъ, о другихъ мірахъ, далеко отъ Верейкина,—о необыкновенныхъ людяхъ, о людяхъ-полубогахъ, умиравшихъ за любовь къ людямъ: дѣвушкѣ вѣрилось и не вѣрилось.... Дворовые—слыхала Дуня—говорили о полоумной такъ: „Сидитъ, сидитъ у себя въ комнатѣ-то, да и выдумаетъ какую нибудь околесную“.... Но „полоумная барыня“ не всегда сидѣла въ Знаменскомъ; жила она нѣкогда и въ столицѣ, среди блестящей обстановки; въ Знаменскомъ же похоронила себя съ конца декабря 1826 года.

Запомнился Дунѣ одинъ осенній, сумеречный денекъ. Въ осеннюю непогодь, когда холодный вѣтеръ шумѣлъ по полямъ, и сѣрыя, дождливыя облака ходили надъ Знаменскимъ, старая барыня хандрила и уединялась еще пуще обыкновеннаго. Въ саду голыя деревья уныло скрипѣли; сѣрый, тусклый свѣтъ лился въ комнату; задернутое тучами небо сыпало частымъ, мелкимъ дождикомъ.

— Охъ, Дуня, Дуня! говорила барыня, дико посматривая въ окно.—Не дружись ты съ нимъ: все это—волки ненасытные, голодные.... Помни мое слово! Всякій другому яму роетъ, въ яму валится и другого тащитъ за собой.... Такъ ужь у нихъ заведено. Всякій завидуетъ чужому счастью и хочетъ отнять его для себя, всякій думаетъ и гадаетъ только о себѣ. Не вѣрь, Дуня! Особенно, не вѣрь друзьямъ своимъ да близкимъ.... Другъ первый отъ тебя отступится, какъ въ бѣду попадешь. А близкій.... близкій самъ тебѣ готовъ шею сломать. Когда тебя кто нибудь станетъ увѣрять, что онъ о другихъ заботится, что онъ вѣкъ любитъ — не слушай лучше! Не вѣрь, говорю тебѣ — лжетъ! Если онъ о всѣхъ заботится, всѣхъ любитъ—значитъ, насчетъ всѣхъ ихъ поживиться хочетъ.... Все лицемѣры! Заѣдальщики чужой минутной радости....

Супостаты другъ другу.... Торгаши, шпіоны.... Старушка смолкла и начала прислушиваться къ шуму дождя на улицѣ; зубы стиснулись, брови нахмурились....

Дуня ничего не спрашивала на этотъ разъ. „Сердита сегодня!“ рѣшила она про себя.... Но всѣ эти и подобныя имъ проповѣди не проходили мимо ушей Дуни; западали онѣ глубоко ей въ душу и запечатлѣвались въ ея молодой памяти. Потомъ, по прошествіи многихъ, долгихъ лѣтъ, не разъ припоминалась ей старая барыня, ея безумныя рѣчи о любви, о людяхъ, о злобѣ ихъ непримиримой, о войнѣ, что ведется ежечасно, ежеминутно на всей землѣ, о жизни на свободѣ, о страсти, о наслажденіи жизнью.... Припоминались ей ея гнѣвныя рѣчи противъ какого-то человѣка, особенно для нея ненавистнаго, имени котораго она никогда не упоминала; старуха страшно проклинала его и, проклиная, вздрагивала и озиралась испуганно по сторонамъ.... Пошла ли Дунѣ въ прокъ барская мораль—читатель увидитъ впереди.

Сынъ приказчика въ Знаменскомъ думалъ на ту пору жениться, и всѣ порѣшили, что хорошенькая Дуня, какъ племянница ключницы, непремѣнно угодитъ въ приказчицы. Но вышло не такъ, какъ думали всѣ. Не нравился Дунѣ рыжій приказчикъ, а тотъ-то, дѣйствительно, былъ не прочь отъ такой невѣсты. Дунѣ воли надо было, а выйдя замужъ за крѣпостного, сама себя свяжешь; но страстная ея натура, распаленная безумными проповѣдями „старой дѣвы“, не давала ей покоя.... На 20-мъ году слюбилась она съ однимъ молодцомъ изъ казенныхъ крестьянъ, разсорилась съ теткой, принуждена была удалиться изъ барскаго дома и „только что до грѣха“—какъ говорили въ деревнѣ—успѣла выйти замужъ за своего любовника.

Черезъ годъ уже Дуни нельзя было узнать. Робкая, часто краснѣвшая дѣвушка-смиренница исчезла; на мѣсто ея явилась смѣлая, страстная женщина.

— Сорвалась баба! Смотрѣть ажно срамно! говорилъ деревенскій людъ.

Авдотья Васильевна, что называется, развернулась. До сихъ поръ она ходила сгорбившись, съежившись; также точно сжились

и всѣ ея стремленья и желанія. Теперь она выпрямилась и гордо и прямо посмотрѣла на міръ; страсти и желанья, такъ долго придавленныя,—выпрямились, поднялись, заговорили.... Сила отпора пропорціональна силѣ давленія.... Авдотья Васильевна загуляла. Мужъ ея, построившій постоялый дворикъ и сбиравшійся пожить ладкомъ съ молодой женой, увидалъ, что дѣло плохо: жена на всѣ его ласковыя и грозныя рѣчи и ухомъ не ведетъ, бьется и мечется, какъ степная лошадь. „Удержу ей нѣту! Словно бѣсъ вселился въ нее“.... оправдывался онъ передъ своими родными, осаждавшими его многоразличными совѣтами и упрекавшими его въ слабости. Мужъ не могъ изгнать бѣса изъ жены своей и скоро умеръ, а съ нимъ и послѣдняя тѣнь зависимости изчезла для Авдотьи Васильевны.

Въ околодкѣ ее величали „вѣдьмой кіевской“ и „Волчихой“ (мужъ ея звался Волкомъ, а прозвище мужа перешло и къ ней послѣ его смерти). „Точно что ужь Волчиха!“ говаривали верейкинцы. Помѣщики ее звали „Синею Бородой“: ловко она головы кружила обитателямъ мирныхъ весей. Да и Волчиха была хороша удивительно. Что она была хороша, зналъ это, напримѣръ, пономарь верейкинскаго прихода, тоже знала и чувствовала жена его. Пономарь этотъ только лишь женился, только-что опредѣлился на мѣсто — и первая свадьба на Верейкинѣ, при которой ему случилось присутствовать, была свадьба Авдотьи Васильевны.... Не стало житья молодой понамарихѣ: и щи-то варитъ она не ладно, и хлѣба-то испечь не смыслитъ, и работать неумѣетъ и шлюха-то.... бѣда! А тутъ еще толки—догадки сосѣдей-прихожанъ о томъ, что мужъ, будто, за то не возлюбилъ ее, что она не въ порядкѣ замужъ пошла за него.... Пономариха крѣпилась-крѣпилась да и сама наконецъ стала было побраниваться — пономарь драться принялся; пономариха пустилась въ слезы—пономарю домъ опостылѣлъ. Причетникъ то и дѣло катитъ себѣ на постоялый дворъ, гдѣ что вечеръ—то пирушка; попивать сталъ, о службѣ не зарадѣлъ, хозяйство запустилъ. Несчетное число разъ жаловалась пономариха и священнику; священникъ уговаривалъ его опомниться и не блажить, напоминалъ кстати и о геенѣ огненной, но все напрасно: един-

ственнымъ результатомъ таковыхъ выговоровъ и напоминаній было то, что все тѣло доносчицы-пономарихи покрывалось кровавыми рубцами, а пономарь отъ постоялаго двора не отставалъ.... Эта адская семейная жизнь закончилась тѣмъ, что пономаря послали на покаянье въ какой-то дальній монастырь, гдѣ разъ послѣ заутрени послушникъ и нашелъ его повѣсившимся въ своей кельѣ.... Жена его и до сихъ поръ гдѣ-то умираетъ съ голода, да все еще умереть не можетъ.... Здоровье и жизнь ея разбиты.

Мужичокъ одинъ—Степаномъ звали—тоже зналъ, что Волчиха красива; съ горя по ней онъ спустилъ пріятелю-цаловальнику все свое имѣньице, какое было скоплено имъ и отцами его; по міру пустилъ свою семью—жену съ дѣтками, самъ обнищалъ, оборвался и жилъ, какъ птица, гдѣ Богъ пошлетъ. Зимой онъ отморозилъ руки хмѣльной; жена его съ дѣвочками упокоилась навѣкъ — лежатъ онѣ рядкомъ за церковною оградой, а онъ, какъ жалкая тѣнь, скитается по деревнямъ, Христовымъ именемъ пропитывается. На постояломъ дворѣ осталось его счастіе, его покой, вся радость жизни и благоденствіе его семьи....

Алешка, длинновязый парень, тоже увѣрился въ томъ, что дворничиха „больно пригожа.“ Когда только можно урваться, онъ тотчасъ бѣжитъ къ Авдотьѣ Васильевнѣ и сидитъ себѣ у ней. Дома отецъ ругаетъ, мать плачетъ и тоже ругаетъ, а ему до нихъ словно и дѣла нѣтъ. Отецъ старикъ жаловался было и міру, чтобы уняли Алешку; но міръ благоразумно устранилъ себя отъ вмѣшательства въ семейныя дѣла.... Отецъ послѣ того самъ было хотѣлъ управиться, наставить сына уму-разуму, но сынъ чуть не убилъ его. Тѣмъ дѣло пока и кончилось....

Всѣ несчастные поклонники ругали Волчиху на чемъ свѣтъ стоитъ, а все-таки бѣжали и льнули къ ней, какъ льнетъ банный листъ къ голому тѣлу, или—если выразиться поэтичнѣе—какъ летаетъ мотылекъ вокругъ свѣчи, пока не обожжетъ своихъ крылышекъ....

Много народа знало о красотѣ Авдотьи Васильевны, но всѣхъ лучше зналъ это Митюха Бурунинъ, по прозвищу Косматый....

— Ворожитъ она, бабоньки! Вотъ тѣ истинно ворожитъ! шеп-

чутъ про Волчиху бабы межь собой. — Глядикось! Сына противу отца возставляетъ, по міру пущаетъ крещеныхъ.... И смотритъ-то, такъ ужасть беретъ! Какъ взглянетъ этто своими черными-то глазищами — ровно, вотъ, огнемъ опалитъ....

И пошелъ въ народѣ такой слухъ, что если кто свяжется съ Волчихой — не бывать добру, не видать тому ни на этомъ свѣтѣ радости, ни на томъ прощенья....

ГЛАВА III.

Косматый.

Митюха былъ субъектъ замѣчательный. Впрочемъ такія личности выдаются въ нашемъ народѣ нерѣдко, но только проходятъ онѣ незамѣтно, какъ и многое изъ міра тѣхъ голодныхъ, злыхъ людей, которые, на нашемъ образованномъ языкѣ, называются простымъ, сермяжнымъ людомъ.

Двѣнадцати лѣтъ остался Митюха послѣ смерти отца (мать умерла еще ранѣе), выростилъ младшаго брата, поддержалъ хозяйство, женилъ брата наконецъ и жилъ съ нимъ нераздѣльно, или, вѣрнѣе сказать, состоялъ при домѣ въ качествѣ безсмѣннаго, неутомимаго батрака, самъ не думая обзаводиться женой, хоть ему и перевалило уже за тридцать; онъ, казалось, весь предался дѣламъ братнинымъ и мірскимъ.

Деревня о немъ толковала, что онъ человѣкъ „непокладный, несговорный“, т. е. по нашему сказать — безпокойный: на сходкахъ онъ шелъ почасту противъ міра, противъ мірскихъ приговоровъ, шумѣлъ и оралъ страшно. Если бы можно было подслушать, съ какимъ пренебреженіемъ, съ какою злостью разсуждали о немъ мужики по своимъ хатамъ, странно было бы видѣть послѣ того, какъ они притихали и съ какимъ вниманіемъ выслушивали его толковыя, понятныя имъ рѣчи, приправленныя бранью, остротами, пересыпанныя притчами, пословицами и поговорками. И откуда только брались у него эти рѣчи! Митюха былъ человѣкъ совсѣмъ

необразованный, даже неграмотный, но общественная жизнь, сходки, споры, разсужденья были школой для него. Не даромъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ не пропускалъ Митюха ни одной сходки безъ того, чтобы не потолковать, не погрызться съ кѣмъ нибудь... Въ первый разъ явился онъ на сходъ, когда ему еще не было 16-ти лѣтъ, и старики хотѣли было прогнать его, но онъ, къ общему ихъ удивленію, распуталъ и порѣшилъ чрезвычайно запутанный вопросъ о магазинной повинности, надъ которымъ старики не одну ужь сходку напрасно ломали головы; Митюха настоялъ на своемъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлался самымъ толковымъ и энергическимъ членомъ сходки и своего „общества“... Изъ-за подводъ, мостовъ и вѣчной поправки дорогъ Митюха не разъ вступалъ въ диспуты съ становымъ и даже съ самимъ исправникомъ и былъ неоднажды жестоко наказанъ за свою строптивость, за дерзость и грубіянство, но не унимался, а точно подгоняемый какимъ-то демономъ противорѣчія, наживалъ себѣ враговъ все болѣе да болѣе между сельскимъ и городскимъ начальствомъ.

Но еще больше было у него недруговъ „своихъ“, однодеревенцевъ, недруговъ тайныхъ, подколодныхъ. Открытой войны ему не объявлялось: физическая сила его была извѣстна, а передъ этою самою силой и поклонялся Верейкинскій людъ. Когда старшина въ угоду сытому большинству обижалъ какого нибудь убогонькаго бѣдняка, взваливая на него мірскую тяготу, Митюха возставалъ на притѣснителей, боролся съ азартомъ, съ пѣной у рта вырывалъ побѣду у врага. Искоса смотрѣли на него зажиточные, а бѣдняки хотя въ душѣ и любили, и уважали Косматаго, но выражать свои чувства ему не смѣли и нерѣдко шли противъ него же съ большинствомъ, въ ущербъ собственнымъ интересамъ. За это Митюха ругалъ ихъ въ лицо собаками и дубьемъ, а при случаѣ все-таки стоялъ за нихъ горой и помогалъ, чѣмъ могъ. Озорникомъ его звали за его безпокойный, придирчивый нравъ, за его рѣчи ярыя, но когда нужно было потолковать съ властями о дѣлѣ—міръ съ общаго согласія выдвигалъ впередъ Митюху и молчаніемъ подтверждалъ каждое слово рѣчистаго мужика. И тутъ Митюха позабывалъ уже о своихъ недругахъ-землякахъ и бросался и кидался,

какъ дикій звѣрь, на большихъ своихъ враговъ, на главныхъ, на мірскихъ враговъ... Но не смотря на всѣ подобныя услуги, все-таки Митюху считали подколодной змѣей... Даже и благодарность-то къ Митюхѣ какъ-то позабывалась. Случился, напримѣръ, однажды по сосѣдству пожаръ. Загорѣлась сначала одна изба, вѣтеръ перебросилъ огонь на другую избу и пошелъ пылать весь порядокъ. Митюха прибѣжалъ на пожаръ въ числѣ первыхъ и тотчасъ же, по обыкновенію, энергично принялся за дѣло... А въ толпѣ охаетъ и мечется старичекъ въ лохмотьяхъ, сѣденькой, искалѣченный, ползаетъ по землѣ въ пыли, вопитъ и молитъ добрыхъ людей достать ему съ божницы Святцы: въ нихъ у него положены 5 рублей—послѣдніе его рублики. Опалѣлый отъ испуга и горя, народъ бѣгаетъ, кричитъ, не слышитъ старика, а кто и слышитъ—не внемлетъ мольбамъ его слезнымъ... Митюха влѣзъ въ окно (изъ входной двери полымя вырывалось) и скоро выпрыгнулъ опять съ книжкой въ старомъ, кожаномъ переплетѣ и бросилъ ее старику... Въ тѣ минуты старикъ призывалъ на его голову всѣ благословенія неба...

Но скоро исторія эта позабылась.

Въ другой разъ пожаръ былъ сильнѣе еще первого, случай выпалъ опаснѣе. У одной молодой бабенки въ избѣ младенецъ остался, спалъ сердечный въ колыбели, дѣло-то случилось ночною порой. Изба уже давно горѣла и можно было ожидать каждое мгновенье, что вотъ-вотъ крыша обрушится и завалитъ колыбель съ спящимъ въ ней младенцемъ. Мать въ отчаяніи бросалась то къ одному, то къ другому и въ безпамятствѣ готова была сама кинуться въ огонь спасать отъ лютой смерти свое первое, единственное дѣтище. Всѣ окружающіе сочувствовали ея тяжкому горю, но жизнь, какъ оказывалось, была для всѣхъ мила и дорога. Митюха ужь нѣсколько разъ сильно чесалъ себѣ затылокъ и зло посматривалъ на мужиковъ, какъ тѣ покачивали головами и несмотрѣли въ глаза молившей ихъ слабой женщины, наконецъ скинулъ шапку и проворчалъ сквозь зубы бабѣ:

— Погоди, не вой! Схожу...

Стропила трещали, лопались стекла, подламывались балки, огонь

вырывался изъ-подъ крыши, облака дыма стлались и разносились по темному, ночному небу, искры сыпались и разлетались... Митюха взбѣжалъ на взъѣздъ и пропалъ въ горѣвшей избѣ. Всѣ—кто видѣли—перекрестились и рѣшили, что за Митюху Косматаго можно панихидку отслужить, потому—на добромъ дѣлѣ живота лишился, за чистую душу младенца свою душу грѣшную положилъ. Но вотъ на верху взъѣзда среди дыма и огня промелькнуло что-то черное, мелькнуло ниже... ближе... Митюха опаленный, закоптѣлый несъ ребенка, закрывъ его отъ пламени своими огромными, окровавленными ручищами... Посреди чада, огня и разрушенья онъ твердо шелъ съ своею ношей; словно не человѣческая фигура, а какая-то черная тѣнь двигалась на этомъ огненномъ фонѣ... Мать со слезами валялась въ ногахъ Митюхи...

Сдѣлай то другой кто нибудь, онъ много и долго бы разсказывалъ объ этомъ всюду, заставилъ бы и другихъ говорить о себѣ; но Митюха былъ не таковскаго десятка... Онъ не зналъ, что такое значитъ подвигъ и къ чему пригодны восхваленія людскія.

Такимъ образомъ всѣ подобные факты изъ жизни Митюхи какъ-то забывались, не забывалась только дурная слава о немъ... Онъ буянъ, задирало, неряха, Косматый опъ... И мужики и бабы много удивлялись, когда на деревнѣ сдѣлалась извѣстна связь Митюхи съ Волчихой.

— Этакій неражій, неказистый, одно слово мразь... толковали люди.—А она-то королевна, ровно,.. тфу ты! Съ чего это она такого чумазаго поддѣла... Диво!

Впрочемъ, потомъ имъ стали приписывать совершеніе одного темнаго дѣла, которое, будто бы, и скрѣпило ихъ союзъ... Слухи здѣсь не передаются: мало ли что можетъ выдумать людское недоброжелательство!..

Сватались къ Волчихѣ, подъѣзжали молодцы—и пригожіе, и богатые: одни предлагали ей сердце, другіе и руку—да Авдотья Васильевна отказывалась отъ ихъ обязательныхъ предложеній: новаго она въ нихъ ничего не видала, да и въ будущемъ не ждала; "цѣловаться-то всѣ умѣютъ„! думала она...

Прежде всего въ Митюхѣ видѣла она личность рѣзко выдаю-

щуюся изъ всего того, что вращалось передъ нею. Ее манила къ Митюхѣ дурная о немъ слава, нелюбовь къ нему всеобщая, его неустрашимость, замкнутость, дикость его. Много въ ней находилось струпокъ общихъ съ Митюхою; особенно же оба сходились они въ необузданности. Митюха, какъ загадка, внушалъ ей къ себѣ влеченіе сильное, сочувствіе, противостоять которому Авдотья Васильевна не смогла да и не захотѣла. Предпочтеніе было ясно оказано Косматому. Косматый, давно уже видѣвшій въ дворничихѣ, женщину умную, не чета деревенскому бабью, сблизился съ красавицей. Она его тоже интересовала, какъ нѣкое существо совсѣмъ изъ другого міра, да и самолюбію его очень польстило вниманіе гордой дворничихи, отвергавшей заискиванья многихъ молодцовъ, чистенькихъ, пригоженькихъ. Это же была первая женщина, которая приласкала его, первая, на грудь которой онъ склонилъ свою косматую, буйную головушку...

Когда Авдотья Васильевна сходилась съ Митюхой—она сходилась съ неизвѣстною для нея силою, съ неизвѣстнымъ міромъ скрытыхъ помысловъ, желаній и страстей. И много въ этомъ мірѣ нашлось для Волчихи милаго... Самая неуклюжесть, грубость Митюхи плѣняла франтиху-дворничиху; въ его неловкости она видѣла удаль; смѣялась надъ нимъ, не насмѣхаясь, смѣялась весело, самымъ довольнымъ, любовнымъ смѣхомъ. Сначала ей самой странною казалась любовь такого звѣря, но потомъ она уже невольно, незамѣтно поддалась обаянію той любви, той силы дикой, которою каждая жилка дрожала въ Митюхиномъ организмѣ. Но подчиненіе шло не отъ одной ея стороны, и Косматый, въ свою очередь, неожиданно очутился подъ чуждымъ вліяніемъ, межъ тѣмъ какъ до сихъ поръ еще онъ ни подъ чье вліяніе не подпадалъ. Но зависимость отъ Волчихи для него до того казалась легкою, что онъ не желалъ бы и освобождаться отъ нея... Что Митюха былъ очень ревнивъ это понятно: такой l'homme de la nature, какимъ былъ Косматый, не могъ стоять выше животныхъ инстинктовъ... Впрочемъ Митюха недопускалъ и возможности измѣны съ ея стороны. Кѣмъ она его замѣнитъ? Чьи рѣчи будетъ охотнѣе слушать? Чьи думы болѣе понравятся ей? Хотя подчасъ она и шалитъ, балуетъ

съ парнями, а все-таки она—его, онъ весь—ея, весь и тѣломъ и душой...

И, дѣйствительно, Митюха не такъ уже заботливо, какъ прежде относится къ братнинымъ дѣламъ; не такъ горячо борется съ своими недругами: неукротимый духъ его, казалось, вовсе заснулъ въ объятіяхъ Волчихи.... Чѣмъ тѣснѣе онъ сближался съ этой загадочной женщиной, тѣмъ далѣе отступали мірскіе, общественные интересы и тѣмъ болѣе теряло для него силу и значеніе все то, что до тѣхъ поръ было ему всего милѣе и дороже....

ГЛАВА IV.

Первыя тѣни.

Года черезъ три послѣ того дня, какъ Волчиха дала Косматому первый поцѣлуй, ей стало казаться, что въ первое время знакомства, Митюха былъ лучше, что теперь онъ сдѣлался хуже, но что именно въ немъ стало вдругъ хуже — она опредѣлить не могла. Чѣмъ далѣе удалялся Косматый съ поля битвы, чѣмъ болѣе привязывался онъ къ Волчихѣ, чѣмъ чаще и охотнѣе засиживался онъ у нея на постояломъ дворѣ, тѣмъ болѣе она старалась отъ него отшатнуться. Къ той осени, съ которой пошла исторія, настроеніе Волчихи особенно сдѣлалось лихорадочно-тревожнымъ. Въ глубинѣ души Волчиха чувствовала, что боится Косматаго, что ей неизбавиться изъ подъ вліянія того страха, который стала она ощущать еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ въ ней зародилось смутное желаніе избавиться отъ Митюхи. Она боялась, но не хотѣла признаться въ томъ... Самое же главное, что ухудшило значительно противъ прежняго Митюху въ глазахъ Авдотьи Васильевны— былъ тотъ бѣлокурый юноша-ямщикъ, приставшій на постоялый дворъ пообогрѣться и обсушиться въ ненастную ночь наканунѣ Покрова дня.

Въ неукротимой, живучей натурѣ Волчихи зажглась страсть загорѣлось страшное, неопреодолимое желаніе любить и быть лю-

бимой не такимъ косматымъ звѣремъ, какимъ былъ Митюха,—а молодымъ и робкимъ молодцомъ. Такимъ представлялся ей молодой ямщикъ, краснѣвшій и смущавшійся подъ ея огненными взглядами. Митюха же, види молчаливость Авдотьи Васильевны и не догадываясь о причинѣ, приписывалъ ее просто женской блажи.... Ямщикъ же не показывался, такъ что Волчиха начинала уже отчаяваться въ осуществленіи своихъ мечтаній...

Второй разъ увидѣла она Александра уже о Филипповкахъ.

Морозная, декабрская ночь заузорила оконца постоялаго двора, сквозь которыя на почернѣлый полъ блѣдными полосами ложилось лунное сіяньо. Въ избѣ тихо было, только морозъ на дворѣ гдѣ-то потрескивалъ да пощелкивалъ. Авдотья Васильевна одна одинешенька валялась на печи и не то дремала, не то бодрствовала.

„Страшна я кажусь ему! мелькало въ ея головѣ. Поди-ка, наслушался ужь онъ про меня—и такая то... Охо-хо, горе! О дѣлахъ-то моихъ судятъ, а что отъ тѣхъ-то дѣловъ мнѣ приходится — не видятъ и казнятъ!... А какъ бы знали, сколь это мнѣ легко...“ и Авдотьѣ Васильевнѣ показалось, что люди, дѣйствительно, очень несправедливы. Особенно теперь они показались ей злы и жестоки, теперь, когда отгоняли, отпугивали отъ нея молодого ямщика, вырывали у ней счастье изъ рукъ. По ихъ разсказамъ, вѣроятно, она представляется ему такою грязною, развратною, такою тварью мерзкою, на которую порядочный парень и взглянуть не захочетъ... Никогда еще до сихъ поръ люди не казались ей такъ холодны, мелочны: никогда еще она не ощущала сильнѣйшаго желанья растоптать, раздавить этихъ чистыхъ тварей, гордящихся своею праведностію; никогда еще не испытывала она такой дикой ненависти къ ихъ ханжеству и фарисейству... „И онъ-то, вѣдь, тоже изъ нихъ....“ задумала было она и—вздрогнула: подъ окномъ кто-то несмѣло стукнулъ разъ, другой. Волчиха торопливо накинула себѣ на плеча шугай и пошла впускать гостя.

То былъ Александръ съ конями...

Дворничиха, какъ въ первый разъ, приняла его насмѣшливо,

потомъ заговорила было съ нимъ и серьезно, но тотъ отдакивался, отнѣкивался, а въ разговоръ не вступалъ. Сказалъ онъ: кого привезъ и куда, замѣтилъ о стужѣ, о томъ, что „оченно сегодня сѣверко“ и т. п. Подъ конецъ вечера дворничиха стала любезнѣе, тороватѣе, но все напрасно: Александръ не разогрѣвался — онъ, словно, все боялся чего-то.

— Чудной ты! промолвила наконецъ Волчиха, впиваясь своими черными очами въ его голубые глаза.

Александръ вздохнулъ, хотѣлъ было тоже попристальнѣе всмотрѣться въ хозяйку, сбирался и сказать ей что-то; но голова, видно, не поднялась и языкъ не пошевелился.

Послѣ тяжелой, мучительной ночи, по утру, при прощаньи, дворничиха зазывала Александра и „напредки„ къ себѣ, но тотъ вмѣсто всякой благодарности какимъ-то болѣзненнымъ, передразнивающимъ тономъ проговорилъ „ладно“ и, презрительно глянувъ на хозяйку, вышелъ изъ избы, пристукнувъ сильно дверью, точно досадуя, гнѣвясь на что-то...

Передъ святками Алексаха не надолго опять заворотилъ на постоялый—опять лаконичный разговоръ, смущенье, досада, а подъ конецъ презрительный взглядъ...

По долгу не смыкая глазъ, лежитъ Волчиха на теплой печи по длиннымъ зимнимъ ночамъ — не спится ей: взволнованная кровь клокочетъ, не даетъ покоя. И проклинаетъ Авдотья Васильевна свою прошлую, бѣшеную жизнь, загородившую ей дорогу къ счастью, жизнь, опозорившую ее, обезславившую до того, что любимый человѣкъ ею гнушается, смотритъ на нее, какъ на гадину. Проклинаетъ она и Косматаго, который злымъ демономъ стоялъ возлѣ нее и денно и ночно, всюду слѣдуя за нею темною, неотступною тѣнью. Она его почти прогнала вчера... Онъ вчера все хмурился, жаловался, что ему худо живется въ братниной семьѣ, что горько ему и не весело; раздѣлиться съ братомъ, разворить его—семейнаго человѣка—не хочется, а и такъ жить—тошно... Въ иное время Волчиха съумѣла бы утѣшить Косматаго, но теперь у нея—свое горе, и чуждо стало ей горе Косматаго. Прежде онъ возбуждалъ въ ней сочувствіе, а теперь лишь надоѣдаетъ..

Благодѣтельный источникъ, изъ котораго Митюха пилъ и запивалъ горечь жизни дѣйствительной, — изсякъ для него... Волчиха перестала понимать Косматаго.

Дикая злоба поднялась въ ней противъ себя, противъ Александра, противъ Митюхи. „Онъ, ровно, дьяволъ въ когтяхъ меня держитъ!“ думала она въ отчаяніи, чуть не плача со злости. „А тотъ — чистенькій, куколка—смотрѣть не хочетъ... мразь, дескать!... Анафемы они всѣ!“ Но скоро Волчиха прояснялась — и въ ея настроенномъ воображеніи рисовался ей тотъ же свѣтлый, ясный образъ молодого, неопытнаго существа, который такъ часто ей грезился и на яву и во снѣ; онъ то затемнялся другимъ образомъ, страшнымъ, сильнымъ, грѣшнымъ, то снова просвѣтлялся и носился передъ нею въ какихъ-то волнистыхъ, сѣрыхъ туманахъ...

И снилось ей разъ—сидитъ она съ милымъ въ полѣ подъ рябиной, сидитъ—воркуетъ, къ груди его припадаетъ; все поле, все голубое небо, что раскинулось надъ ними, все, все щебечетъ, говоритъ, поетъ о любви и нѣгѣ... Но вотъ изъ-за овина выходитъ Митюха, хохочетъ, кривитъ свою рожу... Хохотъ его нехорошій расходится дальними отголосками.... Замираетъ сердце Волчихи дыханіе порывается; она чуетъ, какъ перестаетъ кровь биться, какъ холодомъ обдаетъ ее, точно изъ могилы... Авдотья Васильевна просыпается и, устрашенная сновидѣньемъ, творитъ дрожащею рукою крестное знаменіе.

Примѣчаетъ кое-что Косматый, а додуматься не можетъ: „кой лѣшій обошелъ ее...“

— Дуритъ у меня Дуняха! рѣшаетъ онъ неувѣренно.

ГЛАВА V.

Невѣстины слезы.

Въ Благовѣщеньевъ день—день, когда птица, по народному повѣрью, гнѣзда не вьетъ—солнышко надъ Верейкинымъ взошло ясно. Спокойнѣе, яснѣе духомъ встала на этотъ разъ и Волчиха, а

встрѣтившій ее послѣ обѣдни сюрпризъ и вовсе ужь скрасилъ для нея праздничный день: пріѣхалъ Александръ. Пріѣздъ Александра, хотя и сумрачнаго, молчаливаго и безъ того бывалъ для Волчихи праздникомъ не малымъ, но въ Благовѣщеньевъ день Алексаха явился веселѣе и развязнѣе обыкновеннаго—онъ даже съ праздникомъ поздравилъ хозяйку, весело такъ помолился образамъ и даже сшутилъ что-то...

Косматаго на ту пору въ избѣ не случилось.

Волчиха, подавая Александру перекусить что Богъ послалъ, сказала ему тихо, но какъ-то особенно добродушно и любовно:

— Покушай-ка на здоровье! Щи-то сегодня—удача, да и рогулечки-то хороши, вальяжныя такія...

Въ словахъ Авдотьи Васильевны много было дружескаго, много ласки звучало; такъ бы мать сказала сыну: „не бѣги же, сердечный! Побудь у меня.“ Александръ, видно, замѣтилъ тонъ, какимъ были сказаны эти простыя слова и немного закраснѣлся. При прощаньи презрительнаго взгляда не было брошено, а на вопросъ Волчихи: скоро ли паренекъ будешь опять въ ихъ сторону,—послѣдовалъ отвѣтъ такого рода:

— Надо быть по скорости завернуть придется!

Волчиха ничего не проронила изъ того, что въ этотъ разъ говорилъ молодой ямщикъ, все замѣтила и запомнила: женскій тактъ подсказалъ ей, что желѣзо смягчалось, а Волчиха была не таковская женщина, чтобы дала безполезно застыть металлу, трудно плавимому...

Послѣ того уже Алексаха сталъ бывать все чаще и чаще на постояломъ дворѣ и засиживаться у Волчихи все долѣ и долѣ... Александръ былъ родомъ съ Горбачева—изъ сосѣдней деревни—изъ хорошей, работящей семьи. На Горбачевѣ была ужь у него и невѣста на примѣтѣ: Дарья—дѣвка здоровая, румяная, изъ себя красивая, нравомъ тихая—никакимъ баловствомъ не занималась и обѣщала сдѣлаться для семьи все выносящей, многотерпѣливой труженицей. Вся деревня говорила, что Алексаха да Дарьюшка—загляденье, а не пара! Оба—смирные, пригожіе, оба—изъ зажиточныхъ домовъ... По лѣтнимъ вечерамъ балагуритъ Сашка съ красными

дѣвушками, а съ Дарьюшкой пуще всѣхъ; зимой, на посидѣлкахъ, съ дѣвками играетъ, шутитъ, а съ Дарьюшкой пуще всѣхъ... Передъ Дарьюшкой виднѣлась ужь дорога въ церковь, столнье тамъ передъ алтаремъ съ сіяющимъ вѣнцомъ на головѣ, а затѣмъ на многіе, долгіе годы жизнь трудовая, жизнь безпечальная съ любимымъ, добрымъ мужемъ... Но вотъ къ концу зимы Алексаша сталъ какъ-то норовистѣе, точно въ него какой духъ вселился; Дарья рѣдко стала видать его—покажется да и скроется надолго. То ужь онъ больно веселъ, то ужь слова отъ него не добьешься — ходитъ, словно въ воду опущенный. Дарьюшка разъ и говоритъ ему:

— Чтой-то, Саша, ты, ровно, объѣлся чего! Какъ я погляжу на тебя—ты, точно какъ не прежній... Подѣялось что ли что?.. Ну-кась!...

Но Саша Дарьюшку цѣлуетъ и, смѣясь, увѣряетъ ее, что онъ все тотъ же, что и былъ... Шутками отдѣлывался Алексаха. Но плохія вышли шутки, когда на деревнѣ стали поговаривать, что Алексаха Скорбеевъ съ чего-то началъ приставать къ этой ягѣ-бабѣ, къ Волчихѣ, на постоялый дворъ, когда пріѣзжалъ на Верейкино; что онъ просиживаетъ подолгу у нея; что онъ сбился, значитъ, съ пути истиннаго и пошелъ на совѣтъ нечестивыхъ; что въ погибель Алексаха наровитъ попасть... Такіе зловѣщіе слухи о погибели христіанской души дошли и до невѣсты и тяжелымъ камнемъ запали въ ея довѣрчивую, дѣвическую грудь; они съ ея щекъ румянецъ посогнали, слезы горькія изъ глазъ выжали, глаза свѣтлые потускнѣли. Вздыхала Дарья, доя коровку свою буренушку; вздыхала тяжело она и за ткацкимъ станкомъ, вздыхала, пристукивая подножкой и перебрасывая челнокъ—и кропили ея слезы нитки сѣрыя—и сквозь слезы, какъ сквозь туманъ, видѣла она свой станокъ старый, частыя берда, натянутыя нити, темный уголъ, окно, и за окномъ блѣдную зелень ранневесеннюю и свѣтлое небо... Вздыхала Дарьюшка да отирала украдкой непрошеныя слезы: женихъ ея, Саша милый, разлюбилъ, промѣнялъ ее на ту страшную ягу-бабу, что сидитъ на Верейкинѣ да добрыхъ людей на злое совращаетъ. Околдовала его совсѣмъ Волчиха — чтобъ ей ни дна, ни покрышки! Разрушила она, ехидна, Дарьюшкино молодое счастье,

затемнила своими дьявольскими чарами будущее ея... Распутная Волчиха украла у нея Сашу, украла покой ея и радость...

Узнавъ о подвигахъ сына, и отецъ тоже пришелъ въ ужасъ и гнѣвъ.

— Ты съ чего это выдумалъ, ась? оралъ онъ на Алексаху.—Я разъ приставалъ коли къ вѣдьмѣ этой, къ кіевской!... Разѣ я тебѣ не заказывалъ? Дворовъ-то на Верейкинѣ не стало, штоли! Али только и свѣта ужь для тебя, безстыжій, что Дуняшкино оконце!? Плеха проклятая!.. Не пущу я тебя на Верейкино—провались оно, не пущу...

Мать совѣтовала женить поскорѣе сына и тѣмъ спасти его отъ дальнѣйшихъ несчастій: она, какъ женщина простая, была вполнѣ увѣрена въ томъ, что если человѣкъ женится—непремѣнно перемѣнится, остепенится, одумается и поведетъ свою жизнь, какъ быть да слѣдуетъ; а не знала она, что, поступая такимъ-то образомъ, можно было вмѣсто одной бѣды, накликать десять бѣдъ. Впрочемъ Алексаха не поддавался ни на ея увѣщанья-причитанья, ни на отцовскія угрозы и, несмотря на всевозможные уговоры, на отрѣзъ отказался отъ женитьбы, отъ невѣсты, даже радъ былъ отказаться отъ отца съ матерью, только бы отъ Волчихи не отказаться.

На первыхъ порахъ онъ, однако, смирился, убоявшись отца. Хоть и тошно ему стало подъ роднымъ кровомъ, тошно ему было встрѣчаться съ Дарьей, встрѣчать ея тоскливый взглядъ, ноющій, укоряющій, хотя опротивѣло ему Горбачево, хотя мыслью и мечтой онъ постоянно леталъ около Верейкина, но вырваться и разомъ освободиться отъ всего того, что его держало вдали отъ Волчихи — онъ не могъ: силъ не хватило. Но напрасно грозился отецъ, напрасно мать хныкала. Пришла нужда — отецъ самъ послалъ сына на Верейкино, только, разумѣется, съ строгимъ наказомъ, чтобы, „окромя Парашки никуда не приворачивалъ сучій сынъ“.

Подъѣзжая къ Верейкину, только еще издали завидѣвъ его соломенныя крыши, почернѣлыя, высокія трубы, его прудъ, еще издали заслышавъ глухой шумъ старыхъ сухихъ ветелъ, Алек-

сандръ чувствовалъ уже, что онъ не въ Горбачевѣ, что онъ подъ другимъ небомъ, въ иномъ мірѣ, что онъ близехонько къ *ней*... Гналъ онъ своихъ лошадокъ нещадно, вздымая за собой облако пыли—и лихая тройка, звеня и бренча, подкатывала къ постоялому двору и, какъ вкопанная, со всего маха останавливалась у его тесовыхъ воротъ. Мало-по-малу Александръ дѣлался съ Волчихой смѣлѣе, все откровеннѣе, разговорчивѣе и любезнѣе. Онъ весьма услужливо передавалъ ей деревенскія новости, разсказывалъ ей, по ея же просьбѣ, что и какъ о ней думаютъ и говорятъ у нихъ на селѣ; разсказывалъ ей о невеселомъ житьѣ-бытьѣ своемъ, о приневоливанья жениться на Дашкѣ, распространялся кстати о своей семьѣ, о ссорахъ съ отцомъ,—но о нѣжныхъ чувствахъ помину еще не было...

Въ томъ слоѣ народа, въ которомъ разыгрывается описываемая исторія, любовныхъ объясненій не существуетъ и люди сходятся другъ съ другомъ безъ всякихъ предисловій. Тамъ нѣтъ пошлыхъ, оффиціальныхъ заявленій по казенной формѣ, въ родѣ „я васъ люблю“; тамъ нѣтъ ненужныхъ, притворныхъ изліяній въ вѣчной привязанности, несокрушимой даже и за гробомъ — за предѣломъ всяческихъ нелѣпостей, которыя расточаютъ въ высшемъ обществѣ направо и налѣво со всею щедростью идіота, разбрасывающаго куда ни попало вещи, которыхъ значенія онъ не разумѣетъ... Нѣтъ тамъ клятвъ и увѣреній, нѣтъ постоянныхъ обниманій и лобызаній, ежечастныхъ, сладостныхъ, глядя на которыя даже чувствуешь тошноту, какъ точно чего сладкаго объѣлся... Тамъ, въ средѣ простыхъ людей всѣ акты жизненные совершаются просто, безъ эффектовъ, безъ прологовъ и увертюръ. Тамъ мало словъ... Лаконичная, часто неконченная фраза, взглядъ, жестъ — вотъ и все!...

Волчиха, бывало, слушаетъ, слушаетъ Алексаху, но и тотъ, въ свою очередь, спрашивалъ кое-что у нея. Волчиха отдѣлывалась темными отвѣтами и не любила много говорить о своей особѣ. Но какъ ей ни было хорошо и привольно сидѣть съ Алексашей, а все-таки ей, словно, чего-то недоставало...

Не думаетъ ли она, быть можетъ, что вотъ, дескать, тамъ за

лѣсомъ, что видѣнъ изъ ея окна — на Горбачевѣ дѣвка ноетъ, сохнетъ по Сашѣ, а Саша съ нею сидитъ да и отходить не хочетъ... Она его отбила отъ той дѣвки! Но вѣдь дѣвка та, въ свою очередь, при случаѣ подставитъ ей ногу... Развѣ всѣ они не враги ея?! Нѣтъ, не это смущаетъ Волчиху, не слезы невѣстины тревожатъ ее! Не думаетъ ли, наконецъ, она о семьѣ скорбящей за сына, за брата? Ой, нѣтъ. Не о томъ она думаетъ, не о томъ ея тревога и волненье... Другія думы, другія заботы щемятъ ея сердце, заползаютъ въ ея гордую душу и поднимаютъ въ этой душѣ бурю...

ГЛАВА VI.

Ласточки прилетѣли.

По утру ранымъ рано сидѣла Авдотья Васильевна за работой подъ окномъ и не столько работала, сколько на улицу глядѣла. Поднялась она сегодня до солнышка; обрядилась, управилась, выдалось времечко и кошелекъ пошить для Алексаши. Свѣжій весенній воздухъ вливался въ окно и, какъ одуряющій напитокъ, хмельно дѣйствовалъ на Волчиху. Солнце, невысоко поднявшееся надъ крышами, не успѣло еще осушить росы; роса блистала по травѣ и отъ нея запыленный листъ подорожника казался зеленѣе, свѣжѣе раскидывался и разросшійся у плетня лопушникъ, изумрудомъ отливала полевая даль. Небеса свѣтлѣли—ни одно облако не темнило ихъ; съ высоты неслась переливчатая, замирающая пѣснь жаворонка... Стали подыматься на деревнѣ—заскрипѣли на ржавыхъ петляхъ ворота, забродили бабы съ ведрами и ребятишки, показались мужики съ боронами и сохами, задымились высокія, корзиночныя трубы, замычали коровы, овцы заблеяли, отправляясь на выгонъ—и день деревенскій начался.

— Вишь ты! И угомонъ-то ее не беретъ! замѣтила одна баба другой, видя открытое Волчихино окно, а подъ окномъ красавицу хозяйку.

Во истину не стало Волчихѣ угомону съ тѣхъ поръ, какъ разбушевалась ея дикая, порывистая страсть. Подступившая весна еще пуще будитъ ея чувства, и жметъ и волнуетъ... Весна коварная, своею прелестью, всѣмъ обаяньемъ воскресающихъ жизненныхъ силъ, вливаетъ и въ нее свой тонкій ядъ капля по каплѣ...

Вдали послышался колокольчикъ. Звучно, отчетливо отдается онъ, разливается въ тихомъ, утреннемъ воздухѣ. Вотъ слышится стукъ колесъ, быстро летящихъ по гладко-укатанной дорогѣ, слышны лихія покрикиванья... Колокольчикъ ужь звенитъ въ деревнѣ и звонъ его стозвучными отголосками отдается межъ строеньемъ, пыль клубами стелется, а въ облакахъ сѣрой пыли—видно—несется тройка вороныхъ... Волчихѣ знакомы эти вороные и, высунувшись всею полною грудью изъ окна, она глядитъ на нихъ, прикрывъ отъ солнца рукою свои черные, огневые глаза...

Мимо пролетѣли вороные.

Скоро послѣ того, усталая тройка подъѣхала къ постоялому двору и Алексаха—не прошло пяти минутъ—сидѣлъ ужь у Волчихи и въ ожиданіи чая и закуски бесѣдовалъ съ хозяйкой объ обычныхъ заботахъ дня.

— Теплынь же Богъ далъ! Яровые-то важно пойдутъ у насъ... замѣтилъ ямщикъ, смотря въ окно и отирая рукавомъ рубахи потъ съ лица.—У тебя, Васильевна, подъ стрехой-то тутъ видно много ласточьихъ гнѣздъ? Этакъ онѣ все взлетываютъ?.. спросилъ, немного погодя, Александръ, когда первое его замѣчаніе осталось безъ отвѣта.

— Да, много ихъ у меня. Весь день пискотня стоитъ... отвѣчала хозяйка.

— Куда же это онѣ по осени-то отсюдова улетаютъ? Опослѣ Успѣнья ихъ, кажись, ужь рѣдко видать... полюбопытствовалъ гость.

— Куда! Въ теплую сторону отлетаютъ: стужи-то нашей онѣ не выносятъ, не въ моготу имъ холодъ-то... А вотъ какъ потеплитъ—онѣ опять сюда, по гнѣздамъ! объяснила Волчиха.

Ласточка, между тѣмъ, то и дѣло отлетала изъ-подъ навѣса соломенной крыши и снова возвращалась съ сухою травкой въ клю-

вѣ, съ соломенкой или съ кусочкомъ глины. Починкой своего гнѣздишка занималась пичужка: зимніе вѣтры его поиспортили.

Волчиха пригорюнившись сидѣла тоже у окна и грустно серьезно смотрѣла на доканчиваемый кошелекъ, лежавшій у нея на колѣняхъ.

— Экой мѣшечекъ нарядный! Мастерица ты, Васильевна! говорилъ Александръ, любуясь на гарусныя привѣски.—Красиво больно! Ловка, ловка... Для кого это сбираешь-то?

— А угадай! предложила хозяйка—и при этомъ мимолетная улыбка скользнула по ея губамъ и изчезла, какъ внезапно изчезаетъ быстро бѣгущая по полю въ вѣтряный день тѣнь отъ облака.

— Я тѣ не угадчикъ! отозвался ямщикъ — и довольнымъ, яснымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Волчиху.

— Тебѣ это—па разбогатѣнье!—Хозяйка ласково посмотрѣла на гостя, вздохнула и взялась за кошелекъ. — Обо мнѣ попомнишь, какъ меня не будетъ, молвила она тихо-тихо.

Молодецъ чуялъ, что въ немъ что-то неладное происходитъ: жаль кого-то, чего-то, жутко, не распознать, не опредѣлить заразъ... Смѣшался Александръ: ни тпру, ни ну, какъ говорятъ. Ему давно ужь хотѣлось сказать Волчихѣ всю правду да языкъ-то вотъ врагъ нашъ не поворачивался. Алексаха наклонился къ столу.

— Не житье мнѣ безъ тебя, Васильевна!

Сказалъ и вздохнулъ.

Волчиха вспыхнула, схватила его за руку и, стараясь заглянуть ему въ глаза, прошептала:

— И не уходи! Не гоню я тебя...

Черезъ минуту молодой ямщикъ ужь задыхался въ объятіяхъ Волчихи...

Какъ шальной, возвращался въ то утро Алексаха на Горбачево; безъ угара его одурманило, безъ вина опьянило. Закрывъ глаза, подремывая, лежалъ онъ въ телѣгѣ, жадно вдыхалъ свѣжій воздухъ, прислушивался къ перезваниванью колокольчика, къ шуршанью бубеньчиковъ,—а въ ушахъ его все еще отдавались слова любовныя, поцѣлуи губы жгли, черные, какъ угли, глаза смотрѣли на него нѣжно, ласково, объятія крѣпкія, безумно страстныя

сжимали его и уносили съ земли на небо... Скоро изчезло для него Верейкино и Горбачево и лѣсъ зеленый на краю дороги и сама пыльная дорога—все изчезло: одна Волчиха виднѣлась ему, словно на бѣломъ свѣтѣ только и были—она да Алексаха...

Съ этого утра дальнѣйшая участь Александра была уже рѣшена: безъ Волчихи не житье ему, сказалъ онъ—и этимъ онъ высказался весь, это былъ приговоръ, который онъ самъ прочелъ надъ собою. Пусто ему стало казаться въ Горбачевѣ, прежнее веселье не веселило: душно ему въ родной избѣ, гдѣ прежде такъ вольно дышалось; не вкусны щи, горекъ хлѣбъ для него сдѣлался дома, молоко, которое они хлебали за столомъ съ такимъ апетитомъ, ему теперь въ ротъ не шло, скукой нестерпимой, самымъ глухимъ одиночествомъ, сиротствомъ круглымъ вѣяло на него среди многолюдной семьи. За то какъ же бодро и весело запрягалъ онъ коней, когда надо было ѣхать на Верейкино, съ шутками пристегивалъ онъ пристяжныхъ и поправлялъ ихъ густыя чолки, вытаскивая изъ нихъ репейникъ и траву сухую, поглаживалъ ихъ гривы, а, выѣзжая изъ села, погаркивалъ и, обзывая лошадокъ соколиками и голубчиками, гналъ ихъ во всю прыть по знакомой дорогѣ черезъ лѣсъ; тамъ за лѣсомъ, у окна на постояломъ дворѣ сидятъ и ждутъ его... И ужь нисколько не мила ему его прежняя милая. Не разъ онъ сравнивалъ съ нею Волчиху и все приходилъ къ одному и тому же результату. „Дарья, раздумывалъ онъ, дѣвка, говорятъ, чистая, неповинная, ну и все... И меня любитъ, міромъ почитаема за свою тихость—да что мнѣ въ ея тихости, когда сердце мое не къ ней лежитъ! Волчиха, говорятъ, съ полюбовниками живетъ, ехидная да шальная она, вишь! Да что... Теперь меня она лаской даритъ. А ни чуточку она не шальная, не ехидная... Дарья, ровно, истуканъ—слова путнаго иной разъ отъ нея недобьешься, а эта—какъ заговоритъ—заслушаешься... Да и нашито деревенскіе, поди, много лишняго врутъ про нее со злости да съ зависти; она имъ почтенье-то не больно воздаетъ...“ А о красотѣ и сравненія Александръ не допускалъ. Даже и враги Волчихи въ тайнѣ признавали за ней превосходство красоты тѣлесной; за то очень сильно нападали они на ея духовное безобразіе, на ея

поведеніе распутное... Александръ прежде боялся Волчихи, благодаря розсказнямъ, ходившимъ въ околодкѣ; по этимъ розсказнямъ она представлялась ему, дѣйствительно, какимъ-то страшнымъ существомъ, заманивавшимъ своими прелестями людей на погибель. Теперь же онъ видѣлъ, что въ знакомствѣ съ Волчихой, кромѣ пріятности, ничего худого нѣтъ! все цвѣточки и цвѣточки безъ шиповъ и терній. Волчиха на него словно туманъ напустила: Алексаша смотрѣлъ на ея грѣхи и не видалъ грѣховъ...

Съ того утра Александръ не унимался: при первой возможности, въ очередь—не въ очередь, безъ дѣла—за дѣломъ, онъ летѣлъ, сломя голову, на Верейкино и съ замираніемъ сердца останавливалъ взмыленныхъ лошадокъ у знакомыхъ воротъ, радушно передъ нимъ растворявшихся ту же минуту и принимавшихъ его, какъ гостя всегда желаннаго, давно ожиданнаго...

Утромъ ли раннимъ, идя за сохою и поколачивая сошникъ или отбивая косу; днемъ ли, отдыхая на сѣновалѣ и глядя въ щели, черезъ которыя пробивался голубой свѣтъ; вечеромъ ли, возвращаясь съ работы, когда звѣзды дрожали въ далекомъ небѣ и туманы стлались по полямъ; ночью ли, въ часъ, когда неспится, когда со всѣхъ сторонъ несутся полные звуки, скрипъ однообразный коростеля, трескъ сверчковъ неугомонныхъ, стоны иволги—Александръ вспоминалъ и подумывалъ объ укромной перегородочкѣ на постояломъ дворѣ и о *той*, что сидитъ, быть можетъ, теперь тамъ, ждетъ, гадаетъ: не послышится ли звонъ колокольчика, не покажется ли тамъ, въ синеватой дали знакомая вороная тройка...

На деревнѣ давно порѣшили, что Сашка Скорбеевъ избаловался, что пропащій онъ человѣкъ и сулили всякія бѣды и напасти Алексахѣ и всему его дому.

ГЛАВА VII.

Между подводными камнями.

Хоть для Волчихи и было непріятно присутствіе Косматаго, но оттолкнуть его совсѣмъ она не могла. Во-первыхъ, тяготившая ее связь представлялась ей крѣпкою и рвать ее казалось дѣломъ

опаснымъ. Затѣмъ, какъ бы то ни было, въ глубинѣ души она уважала Косматаго, уважала въ немъ просто человѣка и человѣка любящаго и сильно и искренно. Онъ былъ грѣшонъ, но силенъ; а тотъ *другой*, болѣе милый ея сердцу, былъ слабъ, шатокъ, гнулся, какъ гнется тростникъ прибрежный подъ дуновеніемъ вѣтровъ. И такъ Волчиха стала разыгрывать опасную игру, желая удержать при себѣ Косматаго, какъ вѣрную собаку, удержать такъ, чтобы не дать ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ,—и не разставаться съ Сашей, который становился для нея все милѣе и дороже: мила была его неопытность, дорога была его прямота и откровенность...

Разъ вечеркомъ, вмѣсто того, чтобы прокатить мимо постоялаго двора, Александръ оставилъ коней на концѣ деревни, а самъ пѣшкомъ направился по задворкамъ къ Волчихѣ въ той мысли, чтобы нагрянуть на нее нечаянно, напугать и обрадовать. „Ждетъ, поди голубка!“ думаетъ онъ, а самъ осторожно потрогиваетъ въ карманѣ леденцы, которые купилъ въ подарокъ для Дуняши. Онъ перелѣзъ черезъ невысокій плетень и, конопляникомъ дойдя вплоть до избы, подкрался къ окну и остановился подъ нимъ: послушаю, дескать—нѣтъ ли кого?

Тихо. Волчиха недовольнымъ тономъ говоритъ:

— Полно тебѣ блажить-то, Митюха! Вѣдь ужь затянетъ какъ одну пѣсню, такъ и тянетъ ее, тянетъ—инда одурь возьметъ, слушать тошно...

— А ты не балуй не въ свою-то голову. Вотъ что! Этакъ поздоровѣе будетъ... слышитъ Алексаха—отвѣчаетъ ей Косматый своимъ грубымъ, размѣреннымъ тономъ. И послѣ недолгой паузы слышится поцѣлуй, другой—затѣмъ легкій шорохъ...

— Ну, пусти! говоритъ Волчиха, переводя духъ.

Александръ мнетъ и ломаетъ въ карманѣ леденцы: кипитъ у него въ груди—онъ дрожитъ и не знаетъ, что ему дѣлать: войти или нѣтъ? Что сказать? Съ чего начать? „А-а? Вотъ она—Волчиха-то! Чортъ въ ней, говорятъ, сидитъ... не узнаешь ее. А-а! Ну хорошо! Ладно!“ Съ горькой усмѣшкой сжимаетъ губы Александръ; самъ трясется — сердце щемитъ, холодно и жарко ему,

тяжело — хоть плачь! не до смѣха бѣднягѣ! Воспоминаніе о первой, роковой встрѣчѣ съ Волчихой, о первой порѣ ихъ знакомства, ропотъ и жалоба на то, что поддался искушеніямъ хитрой, распутной бабы, сожалѣніе о потерѣ покоя и довольства собой — все это быстрѣе молніи мелькнуло въ его головѣ. Отошелъ онъ машинально отъ окна и, перелѣзши плетень, принялъ твердое намѣреніе не приближаться болѣе къ постоялому двору.

— Чортъ съ ней! Дьяволъ съ ней! Провались я... Ахъ, она окаянная, окаяннаа! шепталъ онъ, придя къ лошадямъ и подтягивая черезсѣдельникъ. Онъ сказалъ самъ себѣ, что нога его не будетъ на постояломъ... Гналъ Александръ свою тройку, какъ бѣшеный, — чуть не загналъ и хмурымъ на этотъ разъ воротился домой, съ глубокой ненавистью вспоминая тѣ минуты, когда онъ такъ чистосердечно ласкался ко лживой Волчихѣ, со стыдомъ припоминая о томъ, какъ довѣрчиво онъ слушалъ ея льстивыя, обворожительныя рѣчи, въ которыхъ все была одна ложь съ начала до конца. Но сильнѣе стыда грызло его сердце отчаяніе, тупое, глухое отчаяніе, что онъ считалъ бѣлымъ—оказалось чернымъ... Горькое сознаніе, что Волчиха уже не его, давила Александра: вѣдь онъ обѣщалъ ее не видать, не слыхать ея вкрадчиваго голоса: она—ехидная. „Зачѣмъ она такая? Зачѣмъ ехидная? Эхъ, если бы она была путная, если бы да понимала она любовь Александрову!“—Охо-хо! мысленно восклицалъ парень.

Прошелъ день, прошелъ другой. Алексаха не проклиналъ ужь болѣе Волчиху, а только сѣтовалъ и жаловался; онъ не рвался, не метался, не швырялъ полѣньями въ собакъ, не раздергивалъ до крови трензелемъ морды лошадямъ, а ходилъ, опустя голову и руки, весь опустившись... „А то, можетъ быть, ему послышалось? Можетъ, и поцѣлуевъ-то никакихъ не было? Гм. Ну, нѣтъ! Уши-то у него, слава Богу, не закладываетъ... не оглохъ еще онъ! А можетъ быть... Любопытно бы знать, что скажетъ она въ свое оправданіе! Заплачетъ, поди... каяться будетъ, прощенья молить станетъ! А то отговариваться, пожалуй, начнетъ? Ничего, скажетъ, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Что ты, скажетъ, сердечный, промѣняю ли я тебя на кого другого! Гм!“ Такія, вотъ, думы сталъ нашептывать ему, пріятно для него

звучавшій, голосъ. Этотъ голосъ шелъ даже и далѣе предположеній: „Съѣзди! Узнаешь все порядкомъ, увидишь—что дѣлать надо, такъ и сдѣлаешь". Другой же голосъ пѣлъ иное: „Полно, не ѣзди, сдержи свое рѣшенье! Не вѣрна она тебѣ... Обманываютъ тебя, какъ дурачка, за носъ водятъ. Будь разуменъ—не поддавайся бабѣ! Чего ты позабылъ на Верейкинѣ?! Плюнь да и пошли все къ чорту!..." Къ этому голосу Александръ сначала прислушивался охотно, радуясь въ душѣ тому, что слышитъ...

Впослѣдствіи Александръ все болѣе и болѣе сталъ прислушиваться къ первому голосу. А тотъ говорилъ; „Ну, если не правда все это худое, что ты думаешь о Волчихѣ? А ну, какъ она тебя любитъ, а ты попусту куражишься—золотое времячко тратишь, серчаешь, дуешься, счастье изъ рукъ упускаешь? Не досадно ли будетъ потомъ? Не покаешься ли, что ужь очень придирчивъ да скоръ былъ? Опомнись же покуда не поздно; пользуйся счастьемъ, доколѣ оно еще у тебя!" Но эти хорошія рѣчи перебивались ядовитою ироніей: „Что же, ступай, дитятко! Посмѣются надъ тобой тамъ досыта. Помажутъ тебя по губамъ, какъ несмысля-дурачка... А уѣдешь—послѣ тебя опять тамъ поднимется милованье да цѣлованье—а ты думай: вотъ, молъ, она какая добрая, хорошая!" Злобно смѣялся непріятный голосъ и смѣхъ его раздражалъ Александра. А первый-только знай нашептывалъ: „Ой, паренекъ, каяться будешь! Близокъ будетъ локоть да не укусишь! Что въ руки дается, то и держи..."

Результатомъ такихъ колебаній было то, что черезъ три дня—рѣшенія: не ѣздить на Верейкино—какъ не бывало, а на четвертый день ввечеру Алексаша подъѣзжалъ ужь къ постоялому на всѣхъ рысяхъ.

Сухо обошелся онъ съ Волчихой, не шутилъ съ ней и на ея вопросъ: „что новаго"—отвѣчалъ: „ничего".

Онъ явился сюда не влюбленнымъ ягненкомъ, а грознымъ судьей... Волчиха же неизмѣнно развязная, прельстительная, какъ и всегда, показывала видъ, что недоумѣваетъ: „За что такая немилость? Али, просто попритчилось!" Алексаха началъ свой допросъ неудачно.

— Сладко же ты цѣловалась... онамеднись! замѣтилъ онъ, бросая злобный взглядъ на Волчиху.

— Когда это? съ изумленіемъ спросила Авдотья Васильевна.

— Во вторникъ надо быть! прищурившись, объяснялъ гость, повидимому, такъ спокойно, какъ будто бы дѣло шло о чемъ-то совершенно постороннемъ, а не о томъ, что ему три дня покоя не давало, лихорадочно его терзало, мучило, на чемъ онъ едва не помѣшался. Онъ надѣялся совсѣмъ поразить Волчиху такимъ прямымъ приступомъ—и ему ужь казалось, что Волчиха, вотъ, сейчасъ такъ и расплачется на то, что онъ клевещетъ, что онъ обижаетъ ее безвинно. „Побойся ты Бога-то, Саша!“ скажетъ она и почнетъ умасливать...

— Во вторникъ! отозвалась хозяйка, какъ эхо, удивляясь все болѣе и болѣе. Она, конечно, давно уже догадалась, что Алексаха что-то провѣдалъ и знала, какъ надо дѣйствовать.

— Да. Съ Митюхой! продолжалъ тотъ добивать Волчиху.—Съ Косматымъ, дружкомъ своимъ... добавилъ онъ, задыхаясь, словно бы только что скинулъ огромную ношу съ плечъ своихъ: ноздри пораздувались, глаза горѣли, кулаки судорожно сжимались...

Волчиха поднялась съ мѣста, на которомъ сидѣла сложа руки и смотря пристально на Александра, и холодно-гнѣвно промолвила:

— Ахъ ты, сволочь, сволочь! Низкій ты человѣкъ! Тфу ты! И говорить-то съ тобой послѣ того нечего... Авдотья Васильевна плюнула и ушла за перегородку.

Алексаху совсѣмъ ошеломилъ такой оборотъ дѣла... Вотъ тебѣ отпѣкиванья и извиненья; вотъ тебѣ слезы и упрашиванья! На минуту, подъ вліяніемъ непотухшаго еще гнѣва, скривилъ было онъ губы въ жалкую, презрительную улыбку, да и та мгновенно сбѣжала съ лица, на которомъ кромѣ какого-то отупѣнія, сомнѣнія, нерѣшительности, не выражалось ровно ничего. Нахмурился Алексаха... „А что если въ самомъ дѣлѣ послышалось! За чтоже я опорочилъ ее? Да... но, вѣдь, я слышалъ!.. Притворяется, поди, надуваетъ! Напускаетъ она на себя... Да изъ-за чего ей такія штуки-то выкидывать? Вольна она... Полюбился ей Митюха—и кончено! Что я за сокровище для нея такое! Вѣдь, ужь если го-

ворить, что любитъ—такъ за коимъ же чортомъ ей врать-то? Право, сласти-то во мнѣ мало...“

Пошелъ Александръ за перегородку не грознымъ уже судьей, а нищимъ, милостыню просящимъ.

— Поѣсть-то дашь? попросилъ онъ мягко.

— Вонъ, на поставцѣ кринка стоитъ.... Али чаю хочешь? Брови Волчихи нахмурены, но, видно, что лежачаго она не хочетъ бить.

— Пожалуй и чаю!....

И долго-долго пришлось Александру самому умасливать Волчиху, долго-долго клялся онъ и клялся-божился въ душѣ, что не станетъ больше подозрѣвать ни въ чемъ подобномъ Авдотью Васильевну, не станетъ мучить себя.

— Ахъ ты, глупый мой! Ахъ ты, Сашка, Сашка! поздно вечеромъ говорила Волчиха, лаская Александра, разбирая его русыя кудри, утѣшая его, разгоняя его темныя думы.

— Ну теперь ладно. По прежнему!.... говорилъ ямщикъ, съѣзжая съ постоялаго двора....

А Волчиха думала между тѣмъ: „Осторожнѣе надо: горячъ Саша-то.... Ну да Митюха-то еще ничего не гадаетъ“....

ГЛАВА VIII.

Косматый просыпается.

Хотя Волчиха для своего успокоенья и сильно желала подружить Александра съ Митюхой, но такой маневръ неудался ей. На успѣхъ она разсчитывала, имѣя въ виду мягкость и ласковость Алексаши, но тутъ-то съ ея стороны и вышла большая ошибка, очевидно, произшедшая отъ незнанія.

Сбирался разъ Александръ ѣхать домой, на Горбачево, невеселый, хмурый, съ видомъ человѣка, обманувшагося въ своихъ ожиданіяхъ Митюха сидѣлъ на ту пору у Волчихи и починивалъ своей невѣстѣ шестерь дырявый, въ которомъ та носила кормъ скотинѣ.

Волчиха—замѣтилъ Митюха—была тоже песъ овсѣмъ въ духѣ. Косматый же, не смотря на то, что, повидимому, очень старательно занимался своимъ дѣломъ, подмѣчалъ все, что вокругъ него происходило; беретъ онъ бересту, а самъ однимъ глазомъ взглядываетъ на Волчиху; распутываетъ веревку руками и зубами, наклоняется, а все таки-присматриваетъ за Александромъ — и такъ-то ловко производитъ этотъ маневръ, что ни Александръ, ни хозяйка не замѣчаютъ его аргусовыхъ взглядовъ. Александръ продолжаетъ хмуриться: онъ то смотритъ сердито на Волчиху, словно съ укоромъ, то вдругъ переводитъ глаза на Косматаго—а глаза между тѣмъ точно вымолвить хотятъ: „Ну чтоже? Гони же его! Экій дьяволъ... Сидитъ себѣ и ухомъ не ведетъ, оборотень“... Волчиха тоже перебрасывается съ нимъ недовольнымъ взглядомъ, ясно говорящимъ: „Чтоже съ нимъ подѣлаешь? Сидитъ“... Волчиха, мысленно, казалось, пожимала плечами и строила гримасы, но такъ какъ она была сдержаннѣе Алексахи, то ея физіономія и не выражала всего того, что крылось въ глубинѣ ея души. За то Александръ—на распашку душа—не умѣлъ скрывать своего неудовольствія: однѣ его надутыя губы говорили краснорѣчивѣе всякихъ словъ... Косматый чуялъ, что было не ладно, но Волчиху онъ еще не разгадалъ да и не разгадать бы ему, еслибы не помогъ самъ Алексаха. Серьезно хмурилъ Митюха брови, разглаживая дранки, и весь, повидимому, погружался въ занятіе... „Какъ бы подвести такъ, чтобы закрыть это прорванное мѣстечко!“ казалось, выражала его думающая, склоненная надъ пестеремъ фигура.

— Ну, запрягать, видно, идти! съ едва слышнымъ полувздохомъ проговорилъ ямщикъ, подымаясь съ лавки и потягиваясь.

Волчихѣ хотѣлось сказать ямщику что нибудь такое, что удержало бы его на постояломъ, но она смолчала, точно чувствуя, что Косматый слѣдитъ за нею.

Ямщикъ порывисто сталъ одѣваться, сердито опоясался своимъ краснымъ кушакомъ и со словомъ „прощенья просимъ“ — пошелъ изъ избы.

Волчиха тропулась.

— Подожди! Чего торопишься-то?... сказала она поспѣшно.

— Да чего... ничего... объяснялъ Алексаха, нахлобучивая шапку.—Чего ждать-то!...

— Погоди!... Только и сказала Волчиха, только всего и было.— Александръ немедленно уѣхалъ, но для Косматаго было и того довольно: тонъ, какимъ говорила Волчиха при прощаньи съ Александромъ, встревожилъ его не на шутку.

Вечеромъ происходилъ у него крупный разговоръ съ хозяйкой.

— Для коего лѣшаго ты на него лѣзешь-то? Али еще не уходилась. Каждому дурню на шею о сю пору вѣшаешься... ворчалъ Косматый.

— Да ужь отстань ты, привередникъ! брюзжала Волчиха.—Что ты мнѣ за указъ!... Развѣ ты не видишь, что парнюха-то сохнетъ...

— Ты-то, мотри, не засохни! проговорилъ Митюха, передразнивающимъ тономъ и проницательно заглянувъ въ глаза Авдодьѣ Васильевнѣ.—Не сдоровать намъ съ тобой!

— Ну, затянулъ опять! Охъ ты, прости Господи! Слыхали отъ тебя эту пѣсню-то, не напугаешь... Вотъ Богъ далъ дитятко непокладное... Волчиха усмѣхнулась и прихлопнула своего друга по плечу съ тою обычною фамильярностію, которая установилась между ними задолго до описываемыхъ на этихъ страницахъ происшествій.

— Слыхать-то слыхали, да, видно, мало! проурчалъ уже едва слышно угрюмый собесѣдникъ. Брови его не расходились и морщины не разглаживались: успокоительныя средства не достигали своей цѣли—мрачное подозрѣніе, заползшее ему въ душу, взволновало всѣ дикіе инстинкты его грубой, сильной натуры. — Такъ чего же онъ кобенится-то, ты мнѣ-то скажи? Чего онъ рыло-то отъ меня воротитъ? говорилъ немного погодя Косматый.

— Чудной онъ такой ужь и есть! Чортъ знаетъ, что у него за повадки такія... объяснила уклончиво хозяйка.—Блажной онъ—вотъ что!

— И глядитъ-то на меня, ровно, съѣсть хочетъ, продолжалъ Митюха.—Да, нѣтъ! Шалишь! Не таковскіе... Коли на то пошло—постоимъ! Кусаться хошь—такъ и у самихъ зубы не вы-

валились... погрыземся.—Глаза Митюхи сверкнули недобрымъ блескомъ...

Волчиха содрогнулась: ей стало ясно теперь, что Косматый догадался о многомъ, а въ томъ числѣ и о томъ, что Александръ смотритъ на него, какъ на докучнаго соперника, на него, на Митюху, который до того времени и вообразить не могъ соперника себѣ въ любви къ Волчихѣ...

Косматый отрекся отъ общественныхъ дѣлъ, много уже сходокъ пропустилъ онъ и именно потому, что не желалъ напоминать о себѣ міру: міръ сильно злобился на него и шли ужъ толки о томъ, что попу слѣдовало бы заставить Косматаго жениться на дворничихѣ, а не допускать распутства... Но ни Волчиха, ни Митюха на бракъ не соглашались...

По скорости же опять выпалъ нехорошій случай, который еще болѣе раскрылъ глаза Косматому.

Они—Александръ и Митюха—сидѣли опять у Волчихи. Долгое время не перепадало дождя, цѣлыя недѣли небо оставалось безоблачно, долго стояла томительная засуха, земля потрескалась... теперь сбиралась гроза. Черныя тучи тяжелыми клубами неслись съ запада, заволакивая небеса...

Волчиха, легло одѣтая, съ распущенными по плечамъ волосами, усталая, сидѣла у окна и, тяжело дыша отъ духоты и жара, лѣниво отмахивалась отъ налетавшихъ мошекъ... Митюха возился съ старымъ хомутомъ, а Александръ время отъ времени перебрасывался незначительными фразами съ хозяйкой.

Тучи понадвинулись, прогремѣлъ громъ—и небо, изъ края въ край, стало все чаще и чаще загораться фосфорическимъ свѣтомъ молній; молнія иногда огневымъ зигзагомъ прорѣзывала густыя облака и мгновенно тухла; то вдругъ все небо, съ тучами и облаками, словно, загоралось, зажигалось трепетнымъ сіяньемъ и дрожало. Громъ далекими перекатами расходился въ небесныхъ пространствахъ и отдаленнымъ, глухимъ гуломъ замиралъ въ необъятной вышинѣ, гдѣ одна надъ другой громоздились, ползли тучи... Приближалась ночь.

Но вотъ страшныя, грозныя видомъ тучи обратились въ сѣрыя,

одноцвѣтныя облака—пошелъ дождь... Въ избѣ сдѣлалось темно. Митюха кончилъ, между тѣмъ, свою работу, пришилъ послѣдній ремешокъ, собралъ дратву, шило, всякіе обрѣзки, вмѣстѣ съ хомутомъ положилъ ихъ на лавку и, словно, не замѣчая, какіе нетерпѣливые, недоброжелательные взгляды бросалъ на него молодой ямщикъ—улегся преспокойно на лавку и, подложивъ подъ голову руки, расположился соснуть, очевидно, нисколько не думая убираться ни къ чорту, куда его отъ всей души посылалъ Александръ, ни домой, куда желала бы его спровадить хозяйка. Александръ все настойчивѣе и настойчивѣе требовалъ глазами, чтобы Волчиха прогнала безцеремоннаго Митюху, но та мотала головой и оставалась въ нерѣшимости. Наконецъ терпѣніе Александра лопнуло—произошла сцена подобная прежней, съ небольшими варіяціями.

— Поѣду-ка я! сказалъ ямщикъ притворно-развязнымъ тономъ.

— Здорово поживаешь? отозвалась хозяйка тоже притворно-шутливымъ тономъ, съ шаловливо-серьезнымъ взглядомъ.—На дождь то-глядя? Али до костей-то больно ужь захотѣлось промокнуть?..

— Да ужь что же подѣлаешь? прежнимъ кислосладкимъ тономъ проговорилъ Александръ. Въ голосѣ его звучалъ упрекъ, жалоба звучала, ревность: „Ему или мнѣ надо уйти? Ты его не гонишь? Ну и оставайся. Оставайтесь... Гуляйте!.. Я, вѣдь, не такой нахальный—не разлягусь въ чужой избѣ, вонъ какъ этотъ чурбанъ... Ну да, хороша же и ты, срамница! А онъ чортъ... Точно дома у себя! Дьяволъ... Такъ бы и свиснулъ по головѣ-то чѣмъ попало... Ну да, ладно—гуляйте!.. Можетъ быть, Мютиха-то здѣсь не одинъ хозяинъ—еще, можетъ, есть... Нѣтъ! правды-то, видно, и во вѣки вѣковъ не дождаться отъ этой... Ни на грошъ у нея совѣсти-то нѣтъ... Смотритъ, вѣдь, такъ, что просто подумаешь: ей, и въ самомъ дѣлѣ, дѣлать нечего... А сказала бы: „убирайся, молъ, къ лѣшему!“ Вотъ бы и весь сказъ! А-то какъ же! Нельзя никакъ: Митюша огорчится... Черти! Окаянные!“ Въ продолженіе этого продуманнаго монолога, Александръ сталъ одѣваться.

— Да ты одурѣлъ, что ли? спросила хозяйка, позабывъ на ту минуту всю осторожность и, помня только, что Александръ опять заартачился и опять хлопотъ будетъ много.

— Ну, и одурѣлъ! отозвался ямщикъ съ такимъ видомъ, будто сказать хотѣлъ: „О насъ нечего безпокоиться? Мы такіе уже и есть—въ пренебреженіи находимся....“

Александръ вышелъ. Вышла за нимъ Волчиха.

— Чего ты манишь-то, полоумный! Дурака-то изъ себя для чего строишь? говорила она внушительно, остановившись въ сѣняхъ и плотно прихлопнувъ въ избу двери, въ то время, какъ Александръ взнуздывалъ лошадей и ругалъ коренника „бревномъ“, а пристяжныхъ величалъ „вислоухими“ и „одрами“...

— Счастливо оставаться! крикнулъ онъ, взбираясь на телѣгу и, точно, не слыша, что ему говорятъ съ крылечка шопотомъ, но очень, очень выразительно.

— Полно ты... послушай-ка... вѣдь я... постой!.. начала было Волчиха, смахивая слезу, но, видя, что тройка все-таки рванулась съ мѣста, пошла въ избу, гдѣ Митюха сидѣлъ уже на лавкѣ, свѣсивъ ноги и свирѣпо смотря, то въ окно, то на дверь.

„Что это она? разсуждалъ Косматый самъ съ собою. Побѣсить меня, что ли хочетъ?.. Нѣтъ—не то... раздавлю я ихъ...“ Митюхѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ Волчиха промѣняла его на какого нибудь пащенка, въ родѣ Алексахи; ему невѣроятнымъ казалось, чтобы Волчиха *могла*—хотя бы даже и захотѣла—полюбить другого; будь тотъ другой хоть семи пядей во лбу... Но, между тѣмъ, факты противорѣчили его убѣжденіямъ, его вѣрѣ. Зачѣмъ это уговариванье, откуда эта боязнь за Алексаху? Что они тамъ говорятъ въ сѣняхъ?

Послышавъ за дверями шорохъ, онъ опять повалился на лавку и принялъ прежнее положеніе, а Волчиха, придя въ избу, не пошла къ Митюхѣ, а скрылась за перегородку. Косматому чудилось, что она стоитъ тамъ у окна и смотритъ на отъѣзжающаго Алексаху—и какъ смотритъ! Косматому представился тотъ взглядъ, грустно-ласковый, жалѣющій, тоскливый, который посылала она на прощанье въ слѣдъ удалявшейся телѣгѣ—и этотъ воображаемый взглядъ привелъ Митюху въ ярость. Онъ скрипнулъ зубами и судорожно потянулся на лавкѣ и спихнулъ ногами хомутъ на полъ... Ему почудилось послѣ того, что Волчиха за перегородкой тихо

вздохнула—по крайней мѣрѣ, онъ ожидалъ услышать вздохъ... Наконецъ Митюха всталъ, пододвинулся къ столу и, опершись на него, положилъ на руки свою косматую голову... Явилась Волчиха.

Тутъ Митюха неудерживался долѣе и излилъ всю свою ярость, выказалъ всѣ подозрѣнія грубо, безъ обиняковъ; ругалъ, клялъ все и вся, божился, что душу вытрясетъ у "этой сволочи„, которая повадилась столь часто посѣщать постоялый дворъ, грозилъ и Волчихѣ... Авдотья Васильевна, по обыкновенію, обзывала его бѣшенымъ, весьма краснорѣчиво доказывая всю ошибочность, всю несправедливость его подозрѣній; съ жаромъ, который придается страхомъ близкой и великой опасности, показывала она смѣшную сторону его мнительности, выражая ту мысль, что онъ, Митюха, принимаетъ за человѣка простое чучело... Она просила не тревожиться и не тревожить ее пустыми страхами, не смѣшить ее глупыми выходками, предлагала ему вмѣстѣ съ нею лучше потѣшиться надъ молодчикомъ и увѣряла, что игра съ "этимъ парнемъ„ ей стала уже наскучать и что скоро настанетъ тотъ день, когда она его прогонитъ.

Косматый слушалъ; многаго не слыхалъ, не понималъ, къ чему все это говорилось, но, узнавъ о намѣреніи Волчихи развязаться съ Александромъ, онъ немного поукротился и заставилъ замолчать расходившееся было чувство... Да и Волчиха блистательно выдержала свою трудную, тяжелую роль. Она переломила себя на этотъ разъ: ей плакать хотѣлось съ досады, что планы ея все растраиваются, что вражда между соперниками не умаляется, а напротивъ разгарается все сильнѣе, все жарче, такъ что въ печальной перспективѣ ей представлялся горькій исходъ, крушеніе всѣхъ ея надеждъ и желаній... Но теперь, переломивъ свое горе и видя, что ей удалось уломать Митюху, она повеселѣла и ей было уже не трудно пѣть и шутить со старымъ любовникомъ...

Волчиха ласками своими къ утру слѣдующаго дня заставила Митюху совсѣмъ почти забыть непріятности дня прошедшаго...

ГЛАВА IX

Пристань недалеко.

Въ Горбачевѣ парень опять мучится и проклинаетъ. Проклинаетъ онъ Волчиху, "тварь двуличную, подлую обманщицу„; проклинаетъ Митюху, отжиливающаго у него красавицу-дворничиху; проклинаетъ себя за то, что не можетъ удержаться на своемъ рѣшеніи: порвать всякую связь съ Волчихою...

"Поди-кось они вечоръ посмѣялись всласть надо мной, окаянные! Не переждалъ таки—уѣхалъ„... Такъ самъ себѣ Александръ бередилъ больную рану, и съ дикимъ наслажденіемъ ощущалъ эту боль. "Потѣшились они! Нѣтъ теперь ужь полно—не загляну на Верейкино!... Провались оно совсѣмъ!„...

Напрасныя пѣни, напрасныя рѣшенья, жесткія рѣчи и проклятья! Ничѣмъ ему не отбиться отъ Верейкинскаго постоялаго двора. Солонъ, горекъ достался Александру этотъ дворъ, а все-таки онъ плетется къ нему на своей тройкѣ. Думалъ ли онъ, подъѣзжая къ нему въ первый разъ въ ненастную ноченьку наканунѣ Покрова дня, что когда-то этотъ дворъ будетъ играть такую важную роль въ его дотолѣ простой, однообразной жизни безъ волненій и бурь, будетъ любимымъ предметомъ его думъ, его мечтаній? Думалъ ли онъ въ ту непогодную ночь, что онъ похоронитъ здѣсь свой покой, счастіе своей невѣсты, благосостояніе и добрую славу свою и своей семьи? Думалъ ли онъ, что съ той ночи начнется для него лихорадочное, тревожное житье, станутъ выпадать на его долю минутныя радости, сладкія, безумныя и, въ безуміи своемъ, упоительныя, что горе и разочарованіе будутъ грызть его молодое сердце, что онъ будетъ горѣть огнемъ несгараемымъ, мучиться, какъ въ аду? Если бы его предупредили, что ждетъ его въ будущемъ, если бы какой нибудь пророкъ приподнялъ таинственную завѣсу съ дней грядущихъ и показалъ бы, что за ней таится—отказался ли бы онъ переступить роковой порогъ и просить при-

станица въ томъ вертепѣ, въ которомъ въ эту ночь шла такая шумная, неистовая оргія? Нѣтъ, не отказался бы Александръ перепести дни мученій за минуты блаженства...

И вотъ онъ опять у Волчихи.

Волчиха первая начала разговоръ, попрекнула его тѣмъ, что онъ опять за старое принялся, что какъ ему не совѣстно обижать ее, бѣдную, что и такъ ужь она отъ всѣхъ въ загонѣ, что онъ пожалѣлъ бы ее лучше, чѣмъ за одно съ людьми въ слезы вводить...

— Такъ чего же ты не прогнала-то его? спросилъ унылымъ тономъ ямщикъ.—Ровно, ты боишься его; ровно онъ у тебя здѣсь хозяинъ... Развалился и знать ничего не хочетъ... разобиженнымъ тономъ продолжалъ Александръ, надувая губы. Тонъ его рѣчи напоминалъ капризнаго ребенка, который плакалъ, плакалъ до надсады, до боли, а потомъ, утомившись, тихо всхлипывая, обратился къ нянькѣ съ брезгливымъ вопросомъ...

— Ахъ, вотъ оно что! протянула Волчиха и невольно улыбнулась, видя, какъ надулся ея милый возлюбленный Алексаша, этотъ бѣдовый ребенокъ.—Эхъ, ты! Ну, такъ слушай же? У меня видишь, съ Митюхой дѣла—денежныя дѣла. Дворъ-то, вѣдь, не нашъ... Ты какъ думалъ, ась? Его окупать еще надо, а ночлежниковъ-то, самъ знаешь, сколь много! Покойникъ мужъ-то на купеческія денежки дворъ-то построилъ... Платить надо, значитъ... Вотъ Косматый-то по старой дружбѣ къ покойнику и даетъ мнѣ въ долгъ понемногу—и на томъ спасибо ему! Безъ него бы мнѣ что?! Послѣднее дѣло—какъ есть послѣднее! Такъ пойми; человѣкъ онъ нужный; съ нимъ нельзя обращаться по собачьи-то, какъ попало... Онъ захочетъ, такъ и со двора-то меня стуритъ, знаешь ты?... А ты еще говоришь, чтобы я прогнала его! Дурень! Много тебѣ пользы-то, что я нищенькой буду? А? Весело тебѣ станетъ, какъ меня въ острогъ-то засадятъ за желѣзную рѣшетку?... Не хотѣлось мнѣ говорить-то тебѣ этого, смущать тебя не хотѣлось—никому я этого не говорю... ну да ужь!... У тебя не сыщется ли 15 рублевъ — мнѣ бы теперь больно надо?... Нѣтъ поди!... Что говорила Волчиха насчетъ долга-то вѣрно, но невѣрно то, что будто бы платилъ Косматый.

— Гдѣ тутъ 15 рублевъ.... откуда мнѣ ихъ взять? уныло отвѣтствовалъ Алексаха. Конечно, для того, чтобы освободить Волчиху изъ-подъ зависимости Митюхи, изъ-подъ зависимости нужды, онъ, не колеблясь, отдалъ бы все, что у него есть и будетъ. Но такъ какъ у него ничего пока не имѣется, то и приходится смириться и смотрѣть на Косматаго, какъ на благодѣтельнаго генія, хранящаго для него Волчиху. Хотя этотъ геній и былъ сильно Александру не по вкусу, да что же дѣлать! Чтобы сталось съ нимъ, съ горемычнымъ, если бы да исполнились слова Волчихи, если бы посадили ее за желѣзную рѣшетку! Нѣтъ, пусть ужь остается Косматый благодѣтелемъ....

— А онъ, кажется, къ тебѣ того.... льнетъ то есть.... потому.... съ запинкой спросилъ Александръ.

— Мало ли что онъ льнетъ! отвѣчала Авдотья Васильевна.— Да я-то къ нему не такъ, чтобы.... Да онъ, вишь, получше тебя будетъ, не мучитъ меня. Не тычетъ онъ мнѣ подъ носъ, что, молъ, у тебя полюбовники, что такая ты сякая, негодящая.... Знай себѣ—молчитъ! Не приступаетъ ко мнѣ съ допросами.... И съ тобой онъ—ничего.... А ты! И-ихъ ты, неблагодарный! Ты то сообрази: онъ твою любовницу содержитъ... при этомъ Волчиха нѣжно поласкала Алексашу, поласкала такъ, какъ умѣла ласкать, когда хотѣла.... Отъ ласки этой растаялъ молодецъ совсѣмъ.

— Да, вѣдь, все же, Дуняха, могъ онъ уйти въ тотъ разъ? говорилъ онъ поразвеселившись.

— Саша! дождь, вѣдь, шелъ.... Вспомни-ка, непогодь какая поднялась на ту пору. Добрый хозяинъ собаки на дворъ бы не выгналъ.... Какой же ты немилостивый! внушительно замѣтила Авдотья Васильевна.—Да къ тому же у него и дома-то что-то неладится: онъ на брата да на семью его все работаетъ, рукъ не покладаетъ, самъ, поди замѣтилъ—все за дѣломъ корпитъ—а невѣстка, слышь, щей ему безъ воркотни не нальетъ... Маета! Не весело ему дома-то... Вотъ онъ и ходитъ сюда... Вонъ и образъ свой ко мнѣ на божницу принесъ: пусть, говоритъ, у тебя, Васильевна, стоитъ... Хорошій, вѣдь, онъ человѣкъ, ей Богу... Только съ виду-то суровъ ужь очень... Ты все, Саша, дуешься на него, а онъ — вотъ тѣ

Христосъ—къ тебѣ ничего... Никогда не хаетъ... А ужь роденька у него—животныя неблагодарныя, просто—гады!...

Сиятчившемуся Александру стало даже жаль Митюху, такъ красно описала Волчиха его горе-горькое житье въ домѣ брата, несправедливыя нападки на него деревенскаго міра, которымъ онъ подвергался, какъ-бы въ благодарность за свои услуги и старанье. Александръ досталъ съ божницы старый, почернѣлый образокъ, на которомъ былъ представленъ Димитрій Солуньскій, скачущій на бѣломъ конѣ.

— Гм! Я думалъ, ворчалъ Алексаха себѣ подъ носъ, разсматривая образокъ,—я думалъ, что онъ... а онъ вотъ... гм! Ну, пусть его...

Волчиха угомонила своего юнаго любовника...

Но дѣйствительность доказываетъ, что людскіе планы часто—утопія, что желанія часто—иллюзія...

ГЛАВА X.

Прекрасный вечерокъ.

— Кони-то у тебя сегодня, кажется, не больно упарились... Прокати-ка, Саша! говорила Александру Волчиха подъ вечеръ одного яснаго іюльскаго дня, сидя съ нимъ въ избѣ подъ раскрытымъ окномъ и глядя на заманчиво-извивавшуюся и пропадавшую въ дали дорогу и на голубыя, безоблачныя небеса, прозрачныя, тихія, привольно раскинувшіяся надъ мирными вѣсями...

Митюха въ тотъ день ушелъ въ городъ и ранѣе завтрашняго дня быть не обѣщалъ; Авдотья Васильевна, давно уже искавшая удобнаго случая покататься на вороненькихъ, не могла теперь отказать себѣ въ удовольствіи.

— Куда же мы съ тобой покатимъ? съ видимымъ удовольствіемъ спросилъ молодой ямщикъ.

— Все равно... хошь туда, по дорогѣ къ Осинскому лѣсу...

— Ладно!

По уговору Александръ уѣзжаетъ впередъ, за нимъ, уже немного погодя, выбирается Волчиха, запираетъ свой дворъ большимъ замкомъ; и спокойная и довольная идетъ по деревнѣ. Ни поѣхать же съ Алексашей отъ самаго двора, а выйти пѣшкомъ изъ деревни и уже за поворотомъ дороги сѣсть въ поджидавшую ее телѣгу—было благоразумною мѣрою предосторожности, если взять въ расчетъ длинные, преболтливые бабьи языки. Когда встрѣтившаяся съ ней при выходѣ изъ деревни старушонка спросила ее: куда она, лебедушка, путь держитъ? Волчиха запросто объявила, что телушка у ней пропала, вотъ ужъ четвертую ночь съ выгона не приходитъ, не ночуетъ дома, такъ она, Волчиха, пошла, значитъ, поискать ее по сосѣднимъ деревнямъ.... Старуха, выслушавъ такое объясненіе, протянула „тэ-экъ“, и пошла своей дорогой, намѣреваясь разсказать на деревнѣ о пропажѣ, случившейся у Волчихи. Авдотья Васильевна пошла своей дорогой.

Волчиха была счастлива, сбылось все то, о чемъ она мечтала. Она не желала лишаться ни Александра, ни Митюхи—и не лишилась ихъ, погналась за двумя зайцами и обоихъ поймала... Вотъ отчего такъ бодро, легко шла она по окраинѣ пыльной дороги. Вотъ отчего такъ весело, довольно, немного прищурившись, оглядывалась она по сторонамъ на желтѣвшіе овсы, на суслоны ржаные, растрепанными шапками торчавшіе тамъ и сямъ по колючей жнивѣ! Вотъ отчего съ такимъ наслажденіемъ впиваетъ она въ себя полною, здоровою грудью благоуханный іюльскій воздухъ!..

Быстро мчалъ ямщикъ Волчиху на своей лихой тройкѣ проселкомъ къ Осинскому лѣсу. Въѣхали они въ лѣсъ—дорога сдѣлалась неровна; выбившіеся изъ-подъ земли корни старыхъ деревъ, тряскія кочки, поваленные пни, разросшійся кустарникъ съуживали и безъ того не широкую дорожку.

— Знаешь ли, Дуня, говорилъ медленно, какъ бы раздумывая и припоминая что-то, Александръ, оборачиваясь къ Волчихѣ съ края телѣги.—Знаешь что! Иногда этакъ поразмыслишь, раздумаешься по малости—тошно даже станетъ... Подумаешь такъ: возьметъ кто ни на есть да и разлучитъ насъ съ тобой... Никто про тебя и вѣсточки не подастъ... Страхъ да и полно!

— Выдумщикъ ты, Сашка! посмѣялась Авдотья Васильевна.— Пустое все...

— Такъ-то и я думаю,—да, вѣдь, что подѣлаешь. Иной часъ и не то еще въ башку-то лѣзетъ... Ну да, эхъ вы, соколики! привривнулъ ямщикъ—и лошади рванули и понесли телѣгу изъ лѣса и запрыгала телѣга по кочкамъ и пнямъ.

— Не задѣнь, смотри! Вонъ какой все кочажникъ... предостерегала его Волчиха.

У самой опушки лѣса Александръ остановилъ коней.

— Пусчай передохнутъ! сказалъ онъ, слѣзая съ телѣги и намѣреваясь поправить обившуюся на коренникѣ шлею и пообтереть пѣну съ боковъ тяжело дышавшихъ лошадокъ.

Волчиха тоже сошла и ласково трепала пристяжную по шеѣ, гладила по мордѣ, разбирала ея волнистую гриву. Умно смотрѣлъ Воронко на Волчиху своими большими карими глазами и помахивалъ головой, словно благодаря ее за ласку.

— Вечерокъ-то сегодня какой прекрасный! начала Авдотья Васильевна, засматриваясь на развернувшуюся передъ нею великолѣпную картину тихаго, благодатнаго, лѣтняго вечера... Картина была написана живыми, самыми свѣжими, яркими красками...

Но западъ тухнетъ, блѣднѣетъ, звѣзды ярче блестятъ и дрожатъ въ потемнѣвшемъ небѣ, лѣтняя луна во всемъ своемъ блескѣ выплываетъ изъ-за лѣса, весь ландшафтъ подергивается серебристымъ сіяньемъ...

Пока лошади щипали сочную траву, Волчиха съ Александромъ сидѣли подъ навѣсомъ стараго дуба. Мало они говорили...

— Ну, Дуня! говорилъ ямщикъ, опъянѣвъ отъ наслажденій.— Для того, чтобы мнѣ теперича разгуляться—нужно широкое мѣсто, больно широкое... Земли мало—во какъ мы раскинемся!

Александръ привсталъ и оглядывался по сторонамъ.

— Иди! куда ты? Посидимъ еще... предложила Волчиха, полулежа и теребя мехъ.

Александръ тотчасъ же очутился подлѣ нея. Крѣпко прильнулъ онъ къ ея груди и всѣ муки, всѣ пытки забылъ въ тѣ мгновенья... Теплый ночной вѣтерокъ проносился надъ землею и взбивалъ бѣ-

кокурые волосы юноши, смѣшивая ихъ съ черными смоляными волосами Волчихи...

— Обними, обними же меня! лихорадочно, страстно стонетъ-молитъ Александра Волчиха, и обвиваетъ вокругъ его шеи свои горячія руки.

Вѣтерокъ разноситъ цвѣточные ароматы и обвѣваетъ ихъ лица... На нихъ падаетъ мѣсячный, трепетный свѣтъ...

— Ну вы, родимые! Эхъ вы, голубчики! Несите, выносите, покрикиваетъ ямщикъ на лошадей и телѣга летитъ въ полупрозрачномъ сумракѣ по полямъ и лугамъ, по которымъ кое-гдѣ въ ложбинкахъ стелется и ползетъ передутренній туманъ.

Крики ямщика будятъ спящую окрестность, будятъ не добудятъ крѣпко спятъ люди, вкушающіе, по заповѣди Божіей, хлѣбъ свой въ: потѣ лица.... Воздухъ посвѣжѣлъ; на востокѣ позолотилось.... Сѣроватая пыль, поднимаемая телѣгой, не вьется, не поднимается уже клубами, но ползетъ низко въ сторону и скоро опускается на муравy и жниву, окропляемыя росою....

Недоѣзжая версты до Верейкина, Волчиха простилась съ Александрой, тихо вступила въ спящую деревню и подошла къ своему двору.

Подошла и чуть не вскрикнула отъ изумленія и страха....

ГЛАВА XI

Послѣдній разговоръ.

Сломаный замокъ валялся на землѣ, одна половинка воротъ стояла настежъ.... „Воры!“ подумала было Волчиха, но потомъ цѣлый рой подозрѣній, догадокъ, одна другой мрачнѣе, закопошился въ ея головѣ.

Остановившись у крылечка, при помощи слабаго свѣта, пробивавшагося мѣстами сквозь соломенную крышу двора, она замѣтила какую-то тѣнь, тихо двигавшуюся въ дальнемъ углу, тамъ, гдѣ по лѣту стоятъ безъ всякаго употребленія старые сани, дровни,

лежатъ лопаты, вилы, негодящаяся сбруя, гдѣ, обыкновенно, куры основываютъ на теплую пору свое мѣстопребываніе.

— Кто тутъ? окликнула Волчиха, берясь за скобку двери.

Тѣнь отшатнулась въ сторону и начала затаптывать ногами тлѣвшуюся на землѣ тряпицу... Заблистали искры и забѣгали.... Екнуло сердце у Волчихи; она признала Митюху.

— Митюха, ты что ли? Тебѣ чего тутъ? крикнула опять Авдотья Васильевна, машинально выпуская изъ рукъ дверную скобу.

Тѣнь, молча, приближалась къ ней... То былъ, дѣйствительно, Митюха, но Митюха болѣе блѣдный, съ болѣе всклокоченной головой, чѣмъ обыкновенно: походка его была по прежнему ровна, тверда, спокойна—и отъ этого спокойствія вѣяло холодомъ...

— Что же ты, неслухъ, не откликаешься-то, спросила хозяйка.

— Пусти! проурчалъ Косматый, отстраняя ее рукой, и вошелъ въ избу.

— Да чего тебѣ?... Что ты?... Волчиха чувствовала, что смущалась и никогда еще не ощущала она такого непреодолимаго страха къ Митюхѣ, какъ теперь.... Его ледяное спокойствіе лишало ее силъ...

— Я за образомъ пришелъ! проговорилъ Митюха, полѣзъ къ божницѣ и снялъ свой образъ. Обтирая пыль съ почернѣвшаго лика Дмитрія Солуньскаго, Косматый долгимъ, долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Волчиху.... Волчиха продолжала безсознательно дѣлать вопросы ; Митюха не отвѣчалъ, а все смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее.. Наконецъ губы его зашевелились...

— Скоро вы ѣздите, Авдотья Васильевна! Хорошо катаетесь!.. прошипѣлъ онъ. Зубы опять стиснулись, словно каждое произносимое имъ слово причиняло ему страшную боль...

— Я бы придушилъ тебя.... продолжалъ Митюха тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ тономъ, какъ и прежде.

Волчиха трепетала: ее било какъ въ лихорадкѣ... Оправдываться передъ Митюхой ей и въ умъ не приходило; ни къ чему бы не повело...

— Хотѣлъ было я дворъ запалить.... ну да.... началъ немного погодя Косматый.

Люди, подобные Волчихѣ, послѣ мгновеннаго смущенія приходятъ въ страшное бѣшенство, когда видятъ, что то, до чего они уже достигали, вырвано у нихъ и унесено изъ вида вонъ, когда видятъ, что всѣ ихъ старанія остались напрасны, всѣ усилія прахомъ пошли... Волчиха разсвирѣпѣла: къ ней возвратились ея силы, ея сознаніе и смѣлость....

— Ахъ ты, анафема! яростно возопила она и заблистала своими огневыми глазами на полюбовника.—Чего ты грозишься-то, гадина? Ребятъ стращай!.... Убирайся ты отъ меня въ лѣшему, да и глазъ ко мнѣ больше не показывай! Чтобы и духомъ твоимъ не пахло здѣсь!.... Убирайся!...

— Уйду! прошипѣлъ Косматый и взялъ образъ, который былъ поставленъ имъ на божницу къ Волчихѣ въ то хорошее время, когда постоялый дворъ считалъ онъ своимъ роднымъ угломъ, а Волчиху своею вѣрною, доброю женою, когда онъ на постояломъ дворѣ за перегородкой въ тихой бесѣдѣ съ любимой женщиной позабывалъ свои непріятности семейныя и тяжкое мірское горе...

Взялъ Митюха образъ и, не глядя ни на что, вышелъ изъ избы.

ГЛАВА XII.

AU CLAIRE DE LA LUNE.

Мѣсяцъ прошелъ послѣ изгнанія Митюхи....

Съ утра еще ушла изъ дома Авдотья Васильевна за своею холстинкой, которая отдана была въ краску въ деревню, верстахъ въ десяти отъ Верейкина.

Свечерѣло.

Въ воздухѣ вѣяло осенью; пахло поблеклымъ листомъ, завядшими цвѣтами, гарью, дымомъ отъ овиновъ. Въ синевато-туманной дали вспыхивала зарница; полный мѣсяцъ выплывалъ изъ-за Осинскаго лѣса, наступила теплая, тихая ночь.

Авдотья Васильевна, не торопясь, шла по тропинкамъ. Она раз-

считывала: сколько аршинъ крашенины останется отъ сарафана.... Она раздумывала о томъ: отчего такъ долго не видать Алексаши —вотъ ужь скоро недѣля, какъ онъ въ послѣдній разъ былъ въ Верейкинѣ: „Проѣзжающихъ, видно, не случается.... Работы мало!“

Вдругъ послышался по дорогѣ топотъ на встрѣчу къ Волчихѣ, и черезъ нѣсколько минутъ въ облакахъ пыли остановился передъ нею сотскій на взмыленной, измученной лошади.

— Васильевна! Это ты? Иди... На слѣдствіе... тамъ вонъ... Допросы отбираютъ... крикнулъ сотскій, махая рукой и осаживая разгоряченнаго коня.—У Заполевскаго овражка тѣло нашли... Становой!... Скорѣе!... и, поворотивъ гнѣдка, онъ полетѣлъ стремглавъ обратно по указанному направленію.

„Что за притча!“ подумала Волчиха, перешла Заполевскій оврагъ и увидала у лѣсной опушки, на подсѣкѣ, толпу людей, безмолвно стоявшихъ вокругъ чего-то и слушавшихъ одинъ громкій, повелительный голосъ.

— Онъ у ней, значитъ, приставалъ, что-ли? Скажете ли вы толкомъ-то? громко спрашивалъ говорившій.

— Это точно, точно! У ней, у самой... поспѣшно отвѣтствовали изъ толпы.—Да вонъ и она... Васильевна сама идетъ...

У Волчихи сердце захолонуло.

Толпа между тѣмъ взволновалась, затерла ее незамѣтно въ середину, скоро выдвинула ее впередъ .. Оглянулась Волчиха и увидала погорѣлые, выкорченные пни, вызженную землю, головни, груды сушняка и тутъ же между головнями увидала она окровавленный трупъ... Лучъ мѣсяца скользнулъ по бѣлокурымъ волосамъ, взъерошеннымъ, прилипшимъ къ вискамъ, упалъ на посинѣвшее, искаженное лицо, запятнанное грязью и кровью, палъ на разодранную, сѣрую поддевку и на пеструю ситцевую рубаху... Упалъ блѣдный мѣсячный лучъ и на полуоткрытые потухшіе глаза—и глаза мертвеца при этомъ мгновенномъ, бѣгломъ освѣщеніи, словно моргнули... Дохнулъ вѣтерокъ — заколыхалась высокая, сочная осока и бросила тѣнь на страшные глаза, тѣнь качнулась и побѣжала по блѣдному лицу...

Нѣсколько секундъ Волчиха стояла недвижима, какъ статуя. Точно прикованная какими-то чарами, не могла она оторвать своихъ глазъ отъ трупа. Волчиха на мгновенье застыла, замерла... Передъ ней, у ногъ ея лежалъ Александръ бездыханенъ, съ перерѣзаннымъ горломъ...

Волчиха очнулась, повела глазами и уставилась на Косматаго, который стоялъ насупротивъ ея у трупа.

— А-а, дьяволъ! Это ты его... ты!.. съ сосредоточенною ненавистью вскрикнула Волчиха, задыхаясь отъ злобы и отчаянія.— Это ты!..

Въ этотъ моментъ Волчиха забыла, что своими словами она прокладывала Митюхѣ путь дальній, отдавала его въ руки нещадныхъ враговъ, давно уже точившихъ на него зубы, посылала его въ каторгу, лишала верейкинскій міръ заступника и борца... Но вдругъ все это мелькнуло передъ ней...

Отъ ужаса при этой мысли, въ отчаяніи при видѣ убитаго, она застонала и безъ чувствъ повалилась на обозженную землю.

Близко гдѣ-то въ кусту малинника проснулась птичка и чирикнула, за лѣсомъ кто-то гаркалъ свою буренушку, въ лѣсу кто-то аукнулся...

Становой приказывалъ вязать и везти Волчиху и Косматаго, а самъ шелъ къ своему тарантасу...

Толпа молча разступалась...

П. Засодимскій.

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ *).

II.

Жизнь.

I.

Ни одинъ человѣкъ не проститъ вамъ, если вы назовете его безчестнымъ. Вы можете выбранить своего ближняго глупцомъ, пьяницей, неряхой, деспотомъ; обида будетъ хотя и большая, но выносимая; укора же въ безчестности вамъ не простятъ, и вамъ скажутъ, что безчестнымъ вы никого называть не имѣете права. Почему же это такъ? Что такое та пресловутая честность, недостатокъ которой нельзя предположить ни въ комъ безъ точныхъ юридическихъ доказательствъ.

Если вы сравните человѣка въ его простыхъ, домашнихъ отношеніяхъ или когда онъ самъ съ собою, съ тѣмъ же самымъ человѣкомъ внѣ дома или съ людьми, то вы замѣтите, что прежняя безхитростность и простота смѣнились какимъ-то особымъ душевнымъ настроеніемъ, проявляющимся въ особенной внѣшней формѣ. Перемѣна произойдетъ въ выраженіи лица, въ манерахъ и въ рѣчи; точно человѣкъ чувствуетъ, что на него направлено общее вниманіе, что слѣдятъ за каждымъ его шагомъ и словомъ.

Въ этой новой формѣ, смѣнившей прежнюю простоту, вы усмотрите замкнутую неприступность, сдержанность, обузданіе чувства, преобладаніе головнаго элемента. Въ общей совокупности внѣш-

*) См. № 10 «Дѣло»

нихъ и внутреннихъ признаковъ такое состояніе называется достоинствомъ.

Особенные мастера на умѣнье держать себя съ достоинствомъ—англичане. Только достоинствомъ опредѣляется и измѣряется истинное джентельменство. Послѣ англичанъ наибольшее достоинство проявляемъ мы, русскіе. Конечно, наше достоинство по своему характеру и проявленію составляетъ нѣчто своеобразное, но тѣмъ не менѣе это все-таки достоинство.

Вотъ сановникъ, вышедшій въ свой пріемный залъ къ просителямъ. Въ костюмѣ и прическѣ сановника вы не найдете юношеской изысканности. Вся внѣшность сановника проста и онъ, повидимому, на нее и нерасчитываетъ. Но за то во всѣхъ его манерахъ, въ тонѣ и построеніи рѣчи вы встрѣчаете неуловимую особенность, заставляющую васъ немедленно почувствовать, что передъ вами стоитъ не простой человѣкъ, а человѣкъ съ достоинствомъ, и что достоинства его заключаются въ особыхъ качествахъ ума и характера.

Вотъ чиновникъ, въ положеніи меньшей служебной самостоятельности—скажемъ докладчикъ. То, что въ сановникѣ не останавливаетъ вашего вниманія, здѣсь уже останавливаетъ. Бѣлье докладчика можетъ быть нисколько не бѣлѣе и не тоньше; но вы невольно останавливаете свой взоръ на этой изящно-обрисовывающейся груди, на запонкахъ, съ выпуклымъ изображеніемъ начальныхъ буквъ имени ихъ владѣльца, на безукоризненной чистотѣ и щегольскомъ фасонѣ его форменнаго фрака. Особенныя качества ума и характера, хотя и выражаются въ рѣчи докладчика, но вы чувствуете, что основаніе это недостаточно твердо, что достоинство утратитъ свою полноту и законченность, если извѣстная щеголеватая внѣшность не явится ему подспорьемъ.

Вотъ чиновникъ, еще болѣе низкой ступени служебной іерархіи—изъ канцелярскихъ, но высшаго присутственнаго мѣста. Несомнѣнность достоинства очевидна, но прическа еще тщательнѣе, бѣлье еще бѣлѣе, крайности моды еще рѣзче и въ исключительномъ размѣрѣ запонокъ и въ pince-nez, висящемъ на тонкомъ шелковомъ снуркѣ, и въ необычайномъ размѣрѣ отворотовъ фрака и въ узкости панталонъ. Особенныя свойства ума и характера, повидимому, поглощаются вполнѣ заботою о внѣшности и изящной утонченностью манеръ. Суровая недоступность сановника или докладчика, какъ бы стушовывается въ этомъ новомъ видѣ чиновнаго пред-

ставительства, и внѣшность является преобладающимъ элементомъ достоинства.

Переходя въ сферу провинціальнаго бюрократизма, мы подъ менѣе щеголеватой внѣшностью встрѣчаемъ тѣ же самые виды достоинства и въ тѣхъ же относительныхъ размѣрахъ къ средѣ, его окружающей.

Даже мелкій канцелярскій людъ, неимѣющій ровно никакого служебнаго значенія, подчиняется тому же самому закону. Если канцелярскіе чиновники провинціи не проявляютъ своего достоинства предъ высшей властью ни изяществомъ своего гардероба, ни тщательностью своей прически; если они не имѣютъ возможности дѣйствовать въ этомъ отношеніи подавляющимъ образомъ и на людей, находящихся внѣ административной сферы, то тѣмъ не менѣе старосты и головы или какая нибудь мѣщанка или солдатка, являющаяся за справкой, чувствуетъ, что предъ нею стоитъ достоинство.

Въ какую сферу мы ни обратимся, вездѣ наталкиваемся на человѣческое достоинство. Можетъ быть, форма, въ которой оно выражается, имѣетъ другой характеръ, можетъ быть, рисунокъ отличается иными подробностями, инымъ расположеніемъ линій, но законъ проявленія остается тотъ же.

Вотъ юный марсъ. Конечно въ его манерахъ усматривается не та сановитость, которая характеризуетъ докладчика. Но тонкое изящество аристократическихъ манеръ видно и въ основательно-изученномъ поклонѣ, съ пристукиваніемъ шпорами, и въ перстнѣ, надѣтомъ на большій палецъ, и въ полновѣсной цѣпочкѣ, растянутой вдоль всего борта, и въ красивомъ сдаваніи картъ, а больше всего въ сладкозвучной мягкости изящной оффиціальной рѣчи.

Пожилой его начальникъ относится, конечно, равнодушно къ подобному проявленію своего достоинства. Но происходитъ это не изъ презрѣнія именно къ этой формѣ и къ ея проявленію, а потому что достоинство пожилого начальника заключается въ тѣхъ исключительныхъ особенностяхъ положенія, которыя должны проявляться лишь въ степенной важности съ оттѣнкомъ сановности. Чистота же и внѣшній видъ матеріальнаго довольства составляютъ и тутъ одну изъ основныхъ и существенныхъ принадлежностей достоинства.

Въ достоинствѣ неслужащаго помѣщика замѣчается новая черта. Вамъ дадутъ почувствовать, что тутъ сила сама по себѣ, сила незаимствованная и покоющаяся на прочныхъ сословныхъ осно-

вахъ, образующихъ краеугольный камень государственнаго зданія. Независимое положеніе и легкое презрѣніе къ убогому чиновничеству придаютъ помѣщичьему достоинству особенный оттѣнокъ. Утонченная вѣжливость, но безъ угодливости, возвышенность великодушныхъ чувствъ и гордость осанки и пріемовъ покажутъ вамъ съ разу, что матеріалъ, изъ котораго созданъ бесѣдующій съ вами помѣщикъ, совсѣмъ иного происхожденія и отличается характеромъ многоколѣнной родовитости, которой нечего искать въ другихъ людяхъ.

Купеческое достоинство выражается въ различныхъ формахъ, смотря по богатству и образованію.

Богатый купецъ стараго вѣка выкажетъ грубую простоту, нецеремонность, худо скрытую недовѣрчивость и полнѣйшую замкнутость во всемъ, что касается его дѣлъ и его денегъ. Здѣсь достоинство именно въ замкнутости, въ таинственности и грубомъ недовѣріи, въ молчаливой азіятской сановитости, полной увѣренности въ собственную непогрѣшимость и безошибочность своего опыта.

Богатый купецъ новаго времени проявитъ въ своей внѣшности скромное приличіе, европеизмъ и разносторонность образованія. Предъ вами уже не купецъ, а негоціантъ. Торгуя оптомъ хлѣбомъ или другимъ русскимъ сырьемъ, новый русскій негоціантъ участвуетъ въ то же время въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, разсуждаетъ объ экономическомъ прогрессѣ Россіи, о желѣзныхъ дорогахъ, о покровительственномъ тарифѣ. Новый негоціантъ, чувствуя свою силу въ кошелькѣ, оберегаемомъ имъ съ неменьшею ревностью, какъ оберегается старымъ купцомъ его засаленная мошна, въ то же время старается казаться не купцомъ или торгашемъ, а русскимъ цивилизованнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Зачастую русскій негоціантъ, кончивъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ, ѣдетъ для усовершенствованія себя въ Англію. Оттуда онъ вывозитъ большую или меньшую неспособность быть тѣмъ, чѣмъ былъ его отецъ, и твердое намѣреніе быть представителемъ торговаго европеизма на русской почвѣ. Въ этомъ-то торговомъ европеизмѣ и заключается собственно достоинство русскаго негоціанта.

Я не знаю, какъ выражаетъ свое достоинство солдатъ въ боевомъ строѣ; но въ мирное время онъ изящно прикладываетъ руку къ козырьку и когда вступаетъ въ разговоръ съ человѣкомъ, котораго имѣетъ право не бояться, съ важностью устанавливаетъ руки фертомъ, большими пальцами впередъ.

Только въ сѣромъ мужикѣ нѣтъ ни одного изъ этихъ видовъ

достоинства. Его достоинство не въ напускной важности и сановитости,—мужикъ всегда простъ и неуклюжъ въ своихъ манерахъ,—его достоинство вовсѣ и не достоинство въ нашемъ смыслѣ, а преувеличенная скромность, вслѣдствіе сознанія своей микроскопичности. Конечно, когда скромный мужикъ превращается въ старшину или волостного писаря, чувство микроскопичности въ немъ немедленно изчезаетъ; онъ надѣваетъ на себя достоинство, соотвѣтственное его служебному положенію и даетъ чувствовать это каждому изъ своихъ подначальныхъ.

Достоинство въ своемъ проявленіи не ограничивается тѣми категоріями, о которыхъ я говорилъ. Вы усмотрите достоинство во всякомъ человѣкѣ, и въ трактирномъ половомъ, и въ клубномъ лакеѣ, и въ кухаркѣ, и въ горничной, и въ сапожникѣ, и въ водовозѣ, и въ бѣдной сиротѣ, и въ салопницѣ, и даже въ нищемъ.

Достоинство не есть, однако, сила само по себѣ; оно не больше, какъ нѣчто внѣшнее, служащее лишь формой какого-то особеннаго внутренняго содержанія человѣка.

Какъ по архитектурнымъ подробностямъ и украшеніямъ, вы отличаете театръ отъ гостинницы, дворецъ отъ частнаго дома, манежъ или казарму отъ церкви, такъ точно по достоинству вы можете опредѣлить соціально-экономическое значеніе человѣка, его политическую роль и силу, теоретическій идеалъ, имъ олицетворяемый.

Почему сановникъ простъ и скроменъ въ своемъ безукоризненно чистомъ костюмѣ, но въ тоже время точенъ и коротокъ въ рѣчи, неуклоненъ въ разъ имъ сказанномъ, непогрѣшимъ въ своихъ соображеніяхъ? А потому, что онъ уже все обдумалъ, все порѣшилъ, что онъ лучше знаетъ, что нужно мнѣ, вамъ, третьему, десятому. Онъ мудръ, потому что объективенъ, и непреклоненъ, потому что силенъ. Онъ дѣйствуетъ по строго выработанному принципу; онъ не отступитъ отъ него никогда. Сознаніе собственной мудрости, неуклонности, силы и вполнѣ послѣдовательнаго поведенія поселяетъ въ немъ сознаніе своей честности, выражающейся въ формѣ достоинства именно извѣстнаго вида. Достоинство есть, такимъ образомъ, извѣстная форма, строго соотвѣтствующая извѣстному содержимому.

Докладчикъ или болѣе мелкій чиновникъ только спутники своего свѣтила. Отъ того они въ болѣе слабой степени, соотвѣтственной однако вполнѣ предѣлу ихъ дѣятельности, проявляютъ отраженный на нихъ свѣтъ. Нѣкоторый оттѣнокъ легкомыслія въ ихъ внѣшности есть только признакъ того, что они составляютъ пе-

переходъ къ вамъ, ко мнѣ и ко всѣмъ остальнымъ представителямъ простого человѣчества.

И къ кому вы не отнесетесь, вы встрѣтите повсюду повтореніе того же закона.

Каждый человѣкъ носитъ въ себѣ теоретическій идеалъ самого себя и, соотвѣтственно этому идеалу, располагаетъ свое внѣшнее поведеніе. Каждый человѣкъ, поэтому, есть олицетвореніе извѣстнаго моральнаго воззрѣнія, составляющаго для него его внутренній законъ. Кодексъ такой нравственности служитъ руководящею нитью въ отношеніяхъ людей между собою. Практика или поведеніе, соотвѣтствующее этому внутреннему закону, есть честность; уклоненіе отъ него есть безчестность. Поэтому, сказать человѣку, что онъ безчестенъ, значитъ укорить его или въ томъ, что его кодексъ не соотвѣтствуетъ идеалу общаго благополучія, или, что человѣкъ себѣ противорѣчитъ, т. е. лжетъ. Безчестному человѣку нѣтъ мѣста между людьми. Онъ не членъ общества. Его удаляютъ, какъ помѣху общему интересу и благополучію. Понятно, что подобный приговоръ не можетъ быть дозволенъ отдѣльному лицу безапелляціонно, и что если вы скажете про кого нибудь, что онъ безчестенъ, васъ попросятъ доказать.

Такъ какъ кругъ дѣятельности каждаго человѣка опредѣляется родомъ его занятій и общественной ролью, то честность распадается на спеціальные виды: есть честность чиновничья, заключающаяся въ неуклонномъ и неустанномъ возстановленіи общественнаго равновѣсія, нарушаемаго отдѣльными лицами; есть честность военная, заключающаяся въ рыцарскомъ благородствѣ и возвышенности чувствъ, порождаемомъ сознаніемъ своей матеріальной силы, есть честность купеческая, заключающаяся въ безусловной вѣрности слова и точномъ исполненіи торговыхъ и промышленныхъ обязательствъ. Всѣ эти спеціальные виды честности вытекаютъ однако изъ одного общаго основанія, по которому честный человѣкъ будетъ честенъ на всякомъ поприщѣ, будетъ ли онъ купцомъ, лакеемъ, солдатомъ, чиновникомъ. Характеръ дѣятельности человѣка опредѣляется его способностями, но поведеніе во всякомъ данномъ случаѣ и во всякой данной области дѣятельности — честностью, т. е. кодексомъ извѣстныхъ моральныхъ правилъ.

II.

Замѣчая лишь достоинство и основывая свои умозаключенія о людяхъ по ихъ внѣшности, читатель нарисуетъ въ своемъ воображеніи безкопечный океанъ общественнаго довольства и благополучія, миръ, кротость, любовь и полное отсутствіе страданій и несчастія. Рисуя жизнь на основаніи человѣческаго достоинства, остается считать землю раемъ и воображать, что продолжается еще до сихъ поръ тотъ золотой вѣкъ, когда звѣри говорили по-человѣчески.

Но вотъ факты, производящіе въ представленіи читателя весьма чувствительную неловкость и заставляющіе его призадуматься надъ золотымъ вѣкомъ, который, повидимому, долженъ бы продолжаться и понынѣ.

Попрошу читателя припомнить только нѣкоторые факты изъ послѣднихъ газетъ.

Какое поразительное достоинство проявляли сановники Изабеллы испанской. Кто лучше ихъ заявлялъ особенности государственнаго ума и характера, кто лучше ихъ зналъ, что нужно испанцамъ. И что же? Невѣжественный народъ ведетъ себя такъ, что королева принуждена забрать 35 милліоновъ и уѣхать въ По. Оттуда Изабелла даетъ своимъ подданнымъ новое доказательство своего достоинства. «Дѣти мои, пишетъ она, я васъ любила какъ мать и теперь люблю по прежнему. Одумайтесь. Васъ обманываютъ интриганы и кознодѣи». А между тѣмъ эти кознодѣи, забравши въ свои руки правительственную власть, объявляютъ немедленно всепрощеніе политическимъ преступникамъ и издаютъ цѣлый рядъ постановленій, которыя должны возвысить благосостояніе Испаніи. Отъ чего такое противорѣчіе? Отъ чего дѣти изгоняютъ свою мать и принимаютъ съ распростертыми объятіями кознодѣевъ, отъ которыхъ ихъ предостерегаютъ?

Впрочемъ, что намъ за дѣло до Испаніи. Обратимся лучше къ своимъ домашнимъ дѣятелямъ. Въ послѣднихъ нумерахъ газетъ есть не мало свѣденій, очень противорѣчащихъ тому идеалу достоинства, который создалъ нашъ русскій чиновникъ. Долгъ чиновника, какъ извѣстно, заключается въ строгомъ исполненіи благихъ мѣръ высшей власти и закона. Эту свою обязанность чиновникъ

знаетъ не хуже, чѣмъ мы съ вами читатель, но вотъ любопытные факты. Въ смоленской губерніи съ первой минуты, когда началась уборка хлѣба, обнищавшіе крестьяне потеряли всякую надежду на урожай нынѣшняго года. Жатва оказалась плохою. Одинъ хлѣбъ пожгли сильные жары; другой выросъ такъ низко, что невозможно захватить его косою; третій побило морозомъ, а четвертый и совсѣмъ неуродился. Но главной причиной неурожая былъ недостатокъ сѣмянъ. Обнищавшему крестьянину, съѣвшему въ прошедшую голодную зиму все, что только можно было съѣсть, даже свои соломенныя крыши, оказывалось совершенно невозможнымъ купить сѣмена для своего новаго посѣва. Четверть овса стоила 4 рубли. Рожь была тоже крайне дорога. И что же? Несмотря на крайнюю нужду, несмотря на перспективу новаго голода, крестьяне не хотѣли брать въ ссуду хлѣбъ, назначенный имъ въ пособіе. У кого еще осталось что нибудь, тотъ продавалъ свою послѣднюю одеженку, продавалъ свою лишнюю корову и покупалъ хлѣбъ изъ частныхъ рукъ. Или же крестьяне брали сѣмена взаймы на самыхъ тяжелыхъ для себя условіяхъ у помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ. Повидимому, фактъ странный, обличающій вполнѣ невѣжество русскаго мужика: съ одной стороны, предлагаютъ крестьянину хлѣбъ въ ссуду безъ всякихъ процентовъ; съ другой берутъ съ него жидовскіе проценты и онъ невыгодное предпочитаетъ выгодному. Но ларчикъ открывается просто. Изъ той же корреспонденціи мы узнаемъ, что опытъ прежнихъ выдачъ, ложившійся на крестьянъ такою продолжительною тяжестью, сказался и теперь. Сверхъ того крестьянинъ, по своему мужицкому тупоумію, не находилъ особенно выгоднымъ ѣхать за 60 или 80 верстъ, чтобы получить въ ссуду по 15 фунтовъ на душу. Корреспондентъ наивно прибавляетъ, что нашъ крестьянинъ какъ-то довѣрчивѣе относится къ своему брату, несмотря на всю безсовѣстность его эксплуатаціи, чѣмъ къ любому правительственному учрежденію. И въ настоящемъ случаѣ, какъ объясняетъ корреспондентъ, крестьянина пугало то, что ему приходится имѣть дѣло съ казной. Ему казалось, что, въ случаѣ новаго неурожая, съ него будутъ требовать, немедленнаго возврата сполна всего взятаго въ ссуду хлѣба, а при несостоятельности будутъ прибѣгать къ продажѣ его скуднаго имущества. Вслѣдствіе такихъ грустныхъ обстоятельствъ у многихъ изъ крестьянъ теперь уже нѣтъ ни лошади, ни коровы, а всякому извѣстно, что безъ нихъ немыслимо благосостояніе крестьянской семьи. Дѣти такихъ бѣдняковъ ходятъ по міру. Все это говоритъ

корреспондентъ. Изъ его неясныхъ выраженій кажется, слѣдуетъ понять вотъ что: крестьянамъ дали изъ казны хлѣбъ въ ссуду. Въ нынѣшнемъ году явился неурожай; ссуду потребовали обратно. У кого не было ни хлѣба, ни денегъ, у тѣхъ продавали ихъ имущества, ихъ лошадей и коровъ, такъ что многіе остались безъ скота. Конечно, ссуда крестьянамъ изъ казны дѣлается безъ процентовъ. Но развѣ усердіе мѣстныхъ чиновниковъ, продающихъ послѣднюю корову, можетъ быть сравнено съ какими бы то ни было процентами богатаго мужика-эксплуататора. Въ томъ есть все-таки человѣческая душа, у того есть и свой экономическій разсчетъ не разорять своего заемщика. Заемщикъ, правда, его дойная корова, но собственная выгода велитъ ее доить съ хозяйственнымъ разсчетомъ. Мужикъ-эксплуататоръ не продастъ послѣдней коровы, ибо съ послѣдней коровой конецъ и тѣмъ процентамъ, на которые онъ можетъ разсчитывать въ будущемъ. Но для становаго пристава или исправника такого разсчета не существуетъ. Для него рѣшительно все равно: будетъ ли у крестьянина корова или не будетъ. Конечно, законъ не велитъ продавать послѣднюю корову и, можетъ быть, мѣстами это и исполняется. Тѣмъ не менѣе служебная исполнительность требуетъ, чтобы ссуда была взыскана и она взыскивается.

Я знаю фактъ, когда мировой посредникъ, желая поддержать свое достоинство, счелъ самоуправствомъ и неуваженіемъ крестьянъ къ своему лицу, когда они вздумали смѣнить своего старшину, слишкомъ невыгоднаго для нихъ, въ денежномъ отношеніи, и требовалъ, чтобы разъ избранный старшина оставался до срока въ своей должности. Крестьяне же, разсуждая, что если отъ нихъ зависитъ выборъ, то въ ихъ же рукахъ и смѣна, настаивали на своемъ. Мировой же посредникъ на своемъ. Видя, что внушенія не помогаютъ, мировой посредникъ обратился къ власти и потребовалъ команду для усмиренія бунта. Къ счастію, губернаторъ зналъ лучше крестьянъ и отправился на мѣсто самъ безъ команды. Дѣло кончилось мирно. Вмѣсто прежняго старшины былъ назначенъ новый и спины крестьянъ не потерпѣли никакого ущерба.

Гдѣ же та непогрѣшимость и ясность системы и принципа; гдѣ та обдуманность дѣйствій и безошибочность соображеній, которыя такими величественными чертами рисуются на лицѣ и во всей осанкѣ исправниковъ, ихъ помощниковъ и становыхъ, стоящихъ во всеоружіи своего правительственнаго полномочія передъ народомъ? Нашъ законъ не требуетъ жестокости, высшее начальство тоже. Въ силу какихъ же началъ являются факты, подобные тѣмъ, которые я при-

велъ? Эти факты я беру изъ первыхъ случайно попавшихся мнѣ вѣдомостей. Возьмите любой номеръ любой газеты и въ каждомъ вы найдете одинъ, два, три, четыре подобныхъ факта. Слѣдовательно это явленія не случайныя!

Затѣмъ я представлю читателю цѣлый рядъ промышленныхъ обмановъ и плутней, можетъ быть, ему недостаточно знакомыхъ, о которыхъ онъ не прочитаетъ ни въ какой уголовной статистикѣ, и уголовной статистикѣ неизвѣстныхъ.

Въ пшеничной мукѣ, услаждающей нашъ вкусъ въ видѣ праздничныхъ пироговъ, паштетовъ, куличей и т. д. находится нерѣдко мѣдь, свинецъ, висмутъ. Пшеничная мука получаетъ ядовитое свойство оттого, что вмѣстѣ съ хорошими зернами измеливаются больныя, иногда испорченныя еще на корню микроскопическими грибками, насѣкомыми и т. д. Но кромѣ этой неумышленной порчи муки, въ которой ни земледѣльцы, ни мельники, ни булочники неповинны, есть порча умышленная. Самую обыкновенную подмѣсь къ пшеничной мукѣ составляетъ картофельный крахмалъ, хотя неизмѣняющій замѣтно ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха муки, но дающій тяжелый и неудобоваримый хлѣбъ, ибо крахмалъ принимаетъ воды менѣе, чѣмъ мука.

Въ пшеничную муку подмѣшиваютъ иногда муку другихъ болѣе дешевыхъ злаковъ—ржи, ячменя, овса или же муку стручковыхъ растеній: гороха, чечевицы, бобовъ. Наконецъ въ пшеничную муку подсыпаютъ известь, гипсъ, бѣлую глину, квасцы и пр.

Съ ржаной мукой торговые люди поступаютъ точно также, т. е. примѣшиваютъ къ ней или какую нибудь другую болѣе дешевую муку или минеральныя вещества.

Дрожжи, безъ которыхъ нельзя приготовить хлѣба, заключаютъ въ себѣ тоже подмѣсь. Въ небольшихъ городахъ, гдѣ лавочники приготовляютъ дрожжи въ небольшомъ количествѣ у себя дома, подмѣсей не бываетъ. Но тамъ, гдѣ дрожжи приготовляются фабрично въ большомъ размѣрѣ, какъ напримѣръ, сухія или прессованныя, къ нимъ очень часто примѣшиваются картофельный крахмалъ и мѣлъ.

Испорченная мука и испорченныя дрожжи, поступившія къ булочникамъ, подвергаются, въ томъ новомъ продуктѣ, который они должны произвести, новымъ поддѣлкамъ. Въ испорченную пшеничную муку булочники часто кладутъ квасцы, которые при продолжительномъ употребленіи подобнаго хлѣба разстраиваютъ желудокъ. Квасцы производятъ запоръ и чтобы возстановить равновѣсіе хит-

рые булочники придумали вмѣстѣ съ квасцами подмѣшивать корень ялапы, т. е. слабительное.

Случается, что булочники желая придать хлѣбу больше бѣлизны и рыхлости, прибавляютъ въ тѣсто небольшое количество мѣднаго или цинковаго купоросу. Наконецъ, и это чаще всего, кладется въ тѣсто углекислый амміакъ, кислый углекислый натръ, потомъ сода, углекислая магнезія и бура. Вещества эти, конечно, менѣе вредны, чѣмъ какой нибудь цинковый купоросъ; но тѣмъ не менѣе примѣшиваніе ихъ къ тѣсту есть все-таки поддѣлка и обманъ.

Говядина, другой важнѣйшій продуктъ, допускаетъ менѣе поддѣлокъ и болѣе невиннаго свойства. Такъ, напр., испортившуюся говядину смазываютъ сверху свѣжей кровью; телятину, для приданія ей лучшаго вида, надуваютъ. Обманы эти довольно невинны, и опытную хозяйку на такомъ надувательствѣ провести трудно. Гораздо замаскированнѣе продажа мяса отъ больного, зараженнаго скота. Правда, что ученые для успокоенія потребителей усиливаются увѣрить, что вареное или хорошо прожаренное мясо, даже и зараженнаго скота, не имѣетъ вреднаго вліянія на здоровье; но необходимо прибавить, что это завѣреніе не подкрѣпляется никакими точными научными наблюденіями, и что, вообще, мясо животныхъ, страдавшихъ оспой, лихорадкой, сыпями, чумой, сибирской язвой нельзя считать пищей здоровой.

Гораздо удобнѣе подлогъ съ мясомъ, подвергнутымъ предварительной обработкѣ, напр., съ солониной, окороками, колбасами. Особенно предостерегаютъ противъ кровяныхъ и ливерныхъ колбасъ и противъ колбасъ попортившихся, въ которыхъ появился, такъ называемый колбасный ядъ.

Въ продажномъ жирѣ свиномъ, бараньемъ, воловьемъ очень часто бываютъ умышленныя подмѣси воды, крахмала, гипса; а въ маслѣ, напр. деревянномъ и даже прованскомъ, гусиный жиръ.

Относительно рыбы мы повторимъ тоже, что говорили о говядинѣ. Рыба, кромѣ порчи, которой она подвергается уже у рыбаковъ, страдаетъ еще и на свободѣ разными болѣзнями. Иногда рыбу ловятъ посредствомъ кукельвана, изъ котораго приготовляютъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ шарики. Такая отравленная рыба дѣйствуетъ какъ ядъ.

Въ свѣжей рыбѣ по нѣкоторымъ признакамъ еще можно отличить вредную отъ здоровой, но въ соленой дѣло становится совсѣмъ темнымъ. У насъ безпрестанно случаются отравленія соленой рыбой, особенно бѣлугой и осетриной. Причины образованія рыбнаго

яда неизвѣстны и случаи отравленія вѣроятно не прекратятся, пока соленіе не будетъ производиться съ большею тщательностью; пока попорченная рыба будетъ складываться въ одни бочки съ свѣжей, и пока рыбаки и рыбные торговцы не будутъ соблюдать тѣхъ условій чистоты, которыя требуются общественной гигіеной.

Молоко, не смотря на свою дешевизну, искушаетъ не менѣе дорогихъ продуктовъ корыстолюбіе торговцевъ. Очень часто продается молоко отъ коровъ, больныхъ опухолью вымени, чумой и другими болѣзнями. Кромѣ того молоко разводятъ водой, подмѣшиваютъ къ нему крахмалъ и другія мучнистыя вещества, подбавляютъ гуммиарабикъ, трагакантъ, стираксу, яичный бѣлокъ и желтокъ, студень; бывали случаи поддѣлки молока и мыломъ. Для предупрежденія окисанія подбавляютъ поташъ, соду или известь. Наконецъ въ Парижѣ и въ Германіи кипяченое снятое молоко смѣшиваютъ съ бараньимъ мозгомъ. Такія искуственныя сливки у насъ, какъ кажется, еще не изготовляются; но, конечно, не потому, чтобы у нашихъ молочницъ недостало отваги.

Коровье масло поддѣлываютъ излишней подмѣсью поваренной соли. Для приданія маслу цвѣта подкрашиваютъ его сокомъ моркови, желтымъ имбирем, ноготками, шафраномъ. Для приданія маслу большаго вѣса кладутъ въ него соду и поташъ, или же прибавляютъ картофельнаго крахмалу и просто тертый картофель. Старому маслу придается видъ свѣжаго многократнымъ промываніемъ его чистою водою, смѣшанною съ яичнымъ бѣлкомъ. Но честь самаго грандіознаго обмана принадлежитъ безспорно саксонцамъ. Когда было придумано растворимое стекло, то торговцамъ масломъ пришла мысль подмѣшивать его въ масло. Масло поддѣланное стекломъ мало измѣняется наружностью, но пріобрѣтаетъ большій вѣсъ.

Самая отвратительная поддѣлка постигаетъ сыръ, и конечно, если бы любители острыхъ сыровъ знали на счетъ какого процесса они покупаютъ наслажденіе этой остроты, то, можетъ быть, лимбургскій сыръ и неимѣлъ бы такъ много цѣнителей. Чтобы придать искуственному лимбургскому сыру, и вообще всѣмъ острымъ сырамъ, качество старыхъ сыровъ и пикантность, ихъ кладутъ иногда на нѣкоторое время въ мочу.

Во многихъ предметахъ потребленія очень цѣнится наружный видъ. Напр., соленые огурцы, имѣющіе наружность свѣжихъ, ставятся любителями далеко выше огурцовъ, неимѣющихъ такой плѣнительной наружности. Наши нѣжинскіе огурцы славятся своимъ ярко-зеленымъ цвѣтомъ. Цвѣтъ же этотъ покупается на счетъ при-

мѣси солей мѣди или тѣмъ, что кипятятъ уксусъ въ мѣдной нелуженой посудѣ. Яркій цвѣтъ шпинатному соусу повара придаютъ тѣмъ, что варятъ его вмѣстѣ съ грошемъ.

Вино и водка, кажется, пользуются наибольшимъ вниманіемъ плутующихъ торговцевъ. Чтобы придать разведенной водою водкѣ обманчивую крѣпость, ее перегоняютъ или настаиваютъ на испанскомъ перцѣ, волчьемъ лыкѣ, сѣменахъ дурмана и проч. Вещества эти придаютъ водкѣ острый жгучій вкусъ. Такая водка жжетъ губы и языкъ сильнѣе спирта.

Водка настоящей крѣпости при взбалтываніи ея пѣнится и даетъ на своей поверхности пузырьки. Водкѣ, разведенной водой, придается это свойство прибавленіемъ сѣрной кислоты.

Но наибольшій обманъ и подмѣси достаются въ удѣлъ разнымъ цвѣтнымъ водкамъ и настойкамъ. Въ нихъ запахъ, вкусъ, цвѣтъ,— все поддѣльное. Въ водки и ликеры зеленаго цвѣта подбавляются обыкновенно соли мѣди. Красныя и желтыя водки подкрашиваются кошенилью, куркумой, шафраномъ. Для придапія ликерамъ и наливкамъ густоты примѣшиваютъ клей. Въ миндальныя водки прибавляютъ синильной кислоты. Обыкновенный недорогой коньякъ дѣлается изъ картофельной водки съ примѣсью спиртнаго экстракта, дубовой коры и уксуснаго эфира. Ромъ дѣлается изъ очищеннаго спирта, воды, жженаго сахара и масляно-кислаго эфира. Аракъ есть очищенная водка, настоенная на толченой хинной коркѣ, смѣшанной съ слабой сѣрной кислотой и перекисью марганца. Въ англійскомъ джинѣ встрѣчается очень часто экстрактъ испанскаго перца и соли мѣди и свинца.

Поддѣлка и фабрикація виноградныхъ винъ составляютъ совершенно особый отдѣлъ знаній и какъ бы самостоятельную науку. Искуство приготовленія винъ доведено до такого совершенства, что, во многихъ случаяхъ, самые ученые химики не могли ничего сказать: настоящее или поддѣльное вино. Бывали случаи, что портвейнъ, приготовляемый въ Англіи и, какъ извѣстно, не содержащій въ себѣ и капли настоящаго вина, признавался химиками за портвейнъ неподдѣльный.

Самыя обыкновенныя подмѣси слѣдующія. Для увеличенія количества подливаютъ воды. Во французскія вина часто прибавляютъ сидръ. Слабые, прокисшія и крѣпкія вина поддѣлываютъ спиртомъ. Прокисшія вина исправляютъ мѣломъ, мраморомъ, поташемъ, содой. Для подкрашиванія, для освѣтленія и для сдѣланія винъ способными къ дальней перевозкѣ, подмѣшиваютъ къ нимъ квасцы или

желѣзный купоросъ. Наконецъ, для приданія вину аромата употребляютъ азотно-кислый эфиръ, уксусный эфиръ, масляно-кислый эфиръ и т. д. Въ виноградныя вина, изготовляемыя изъ водки, въ которыхъ цвѣтъ, запахъ, крѣпость, вкусъ все поддѣлано, винторговцы прибавляютъ кремортартаръ. Кремортартаръ, какъ извѣстно, составляетъ характеристическую составную часть виноградныхъ винъ и примѣсью его къ вину изъ водки фабрикантъ ставитъ въ затрудненіе и самаго опытнаго химика.

Чай, не меньше вина, страдаетъ отъ поддѣлокъ; прежде, чѣмъ онъ попадетъ въ руки европейскихъ фабрикантовъ, онъ подвергается уже поддѣлкѣ на своей родинѣ. Китайцы и европейскіе торговцы примѣшиваютъ къ чаю не только цвѣтки и листья душистыхъ растеній, но и листья дикаго чернослива, ясеня, бузины, ивы, тополя, боярышника, желтаго шиповника, лавра, желтаго каштана и т. п. Кромѣ того чаи еще и подкрашиваются. Такъ зеленый чай подкрашивается желтыми и голубыми красящими веществами. Прежде китайцы окрашивали зеленый чай гипсомъ съ берлинской лазурью; а нынче вмѣсто нея употребляютъ индиго. Кромѣ того зеленый и желтый чай подкрашиваются солями мѣди и хромокислымъ свинцомъ. Китайцы говорятъ, что они подкрашиваютъ чаи въ угоду европейцамъ, чтобы дать имъ товаръ однороднаго и пріятнаго вида. Черные чаи подкрашиваются кампешевымъ деревомъ. Въ Лондонѣ есть въ продажѣ одинъ изъ сортовъ такъ называемаго, жемчужнаго чая, въ которомъ вовсе нѣтъ чайныхъ листьевъ. Чай этотъ приготовляется, какъ увѣряютъ изъ уличной пыли съ примѣсью ничтожнаго количества чайнаго порошка. Смѣсь обливаютъ густымъ растворомъ гуммп-арабика, изъ тѣста формируютъ мелкіе шарики, сушатъ ихъ и подкрашиваютъ съ поверхности берлинскою лазурью, куркумой, гипсомъ. Этого чая привозится въ Англію ежегодно почти полмилліона фунтовъ. Есть сортъ чая, къ которому примѣшиваютъ испражненія шелковичныхъ червей. Въ кирпичномъ чаѣ постороннія примѣси играютъ тоже важную роль. Кирпичный чай изготовляется изъ разныхъ чайныхъ опадковъ, которые на чайныхъ плантаціяхъ собираются въ кучи. Въ эти кучи попадаетъ все: и щепки, и палки, и прутья, и пыль и песокъ. На кучахъ отдыхаютъ и собаки. Затѣмъ вещество кучи смѣшивается съ овечьей и бычьей кровью, съ жиромъ; и изъ этого тѣста формируются кирпичи. Предпріимчивый московскій чайный торговецъ Корещенко проникся счастливою мыслью познакомить наше крестьянское населеніе съ этимъ сортомъ чая и сдѣлалъ, или еще

собирается сдѣлать закупку его въ громадномъ количествѣ. Для г. Корещенки чай этотъ, конечно, не годится; ну, а для русскаго мужика будетъ хорошъ.

Русская поддѣлка чая отличается особенной своеобразностью. Прежде всего чай въ нашихъ мелочныхъ лавкахъ хранится вмѣстѣ съ жареным и молотымъ цикоріемъ, съ сальными свѣчами, съ мыломъ и т. д., въ ящикахъ, безпрестанно открываемыхъ для распродажи мелочнымъ покупателямъ. Отъ этого способа храненія чай сырѣетъ и теряетъ свой ароматъ. Это бы еще не особенно важно. Но наши чайные торговцы придумали примѣшивать къ этому чаю чай спитой, изъ трактировъ. Спитой чай приготовляется весьма просто. Чай изъ чайниковъ выбрасывается въ теченіи дня половыми въ общій ушатъ, въ которой выбрасываются и сливаются всѣ трактирные остатки. Ночью чайные листья выбираютъ тщательно изъ ушата, отдѣляютъ ихъ отъ посторонняго съѣстнаго, что къ нимъ прилипло, сушатъ, скручиваютъ и посыпаютъ угольнымъ порошкомъ. Понятно, что спитой чай даетъ очень крѣпкій настой, почти чернаго цвѣта. Нѣкоторые изъ сибирскихъ торговцевъ для сообщенія чаю большаго вѣсу подмѣшивали къ нему мелкіе обойные гвозди. Наконецъ извѣстную поддѣлку составляетъ такъ называемый Иванъ-чай или конорскій чай. Чай этотъ приготовляется изъ кипрея, растенія въ большомъ количествѣ покрывающаго горѣлыя лѣсныя мѣста. Иванъ-чай составляетъ очень обыкновенную примѣсь къ дешевымъ чаямъ и примѣсь эта доходитъ до 25%.

Поддѣлка кофе распространена также, какъ и поддѣлка чая. Тамъ, гдѣ кофе вошелъ въ общее употребленіе, какъ напр. въ Петербургѣ, постоянное употребленіе поддѣланнаго кофе должно вліять сильно на здоровье потребителей. Первый сильный толчекъ поддѣлкѣ далъ Наполеонъ I своей континентальной системой. Было предложено нѣсколько суррогатовъ: поджаренныя сѣмена желтаго косатика, земляного орѣха, острогала, падуба, испанскаго дрока, овса, ржи, гороха, бобовъ, ячменя, фасоли, желудей, каштана, свеклы, пастернака, моркови, дикаго цикорія. Кромѣ этихъ невинныхъ суррогатовъ оказывалась въ жаренномъ и молотомъ кофе примѣсь жженаго сахара, опилокъ краснаго дерева, глины, печеной лошадиной печени.

Изъ всѣхъ суррогатовъ кофе сохранились картофельный крахмалъ, овесъ, пшеница, ячмень, морковь и въ особенности цикорій. Цикорный кофе, въ настоящее время, приготовляется въ большихъ количествахъ фабричнымъ образомъ у насъ, напр., въ Москвѣ и Пе-

тербургѣ. Несмотря на дешевизну цикорнаго кофе, явившагося суррогатомъ кофе настоящаго, началась поддѣлка и суррогата. Въ продажѣ подъ названіемъ цикорія можно найти очень часто смѣсь старой кофейной гущи и порошка хлѣбнаго угля; смѣсь цикорія съ пескомъ, толченымъ краснымъ кирпичемъ или красной охрой. Охра играетъ до того важную роль въ поддѣлкѣ цикорія, что въ Парижѣ существуетъ особенная фабрика, выдѣлывающая ежегодно до 15,000 килограммовъ красной охры для фабрикъ цикорнаго кофе. Кромѣ того, подъ названіемъ цикорія продаютъ порошокъ цикорнаго кофе, смоченный растворомъ патоки съ примѣсью стараго солода; цикорій смѣшанный съ землею, съ жженными дубовыми желудями, выжимками свекловицы и красной охры; смѣсь цикорія съ золою каменнаго угля. Изъ 57 сортовъ цикорнаго кофе, изслѣдованныхъ въ Лондонѣ коммисіею народнаго здоровья, только одинъ оказался неподдѣльнымъ.

Настоящій кофе поддѣлывается примѣсью къ хорошему кофе кофе искуственнаго. Искуственный кофе приготовляется изъ зеленоватой или желтоватой глины. Глина мнется, формуется въ зерна кофейнаго вида и сушится. Другая поддѣлка заключается въ томъ, что кофе, промокшій и попортившійся во время перевозки, высушивается съ примѣсью разныхъ солей мѣди, которые придаютъ кофе естественный зеленоватый цвѣтъ. Но самая чистая поддѣлка заключается въ примѣсяхъ къ жареному и молотому кофе. Примѣсями служатъ цикорій и его суррогаты. Въ Англіи поддѣльный кофе дѣлается изъ цикорія, для сообщенія которому вида кофейныхъ зеренъ придумана даже особая машина. Тѣ, кто изобрѣли спитой чай, придумали тѣмъ же способомъ собирать и высушивать трактирную кофейную гущу, примѣшиваемую затѣмъ къ жареному и молотому кофе.

Такимъ образомъ ложь и обманъ вторгаются во всѣ сферы торговаго міра, и на нихъ-то созидается матеріальное благосостояніе тѣхъ Крезовъ, которыхъ въ юности ихъ обучаютъ уму-разуму подзатыльниками и которымъ подъ старость въ поясъ кланяются. Это обыкновенная исторія Крезовъ и ихъ темныхъ біографій.

И еслибы всѣ эти обманы ограничивались только предметами, служащими какъ бы украшеніемъ жизни и роскошью, предметами слишкомъ дорогими для обыкновеннаго употребленія и для людей недостаточныхъ, но ложь и спекуляція пустили корни въ такую область, гдѣ бы для нихъ, повидимому, не должно быть мѣста.

Въ продажѣ чрезвычайно распространены разныя патентованныя средства, обладающія, по словамъ сопровождающихъ ихъ объявленій, чудесной цѣлебной силой отъ всѣхъ недуговъ. Разныя страданія, преимущественно хроническія и разстройство здоровья, какого прежде, при болѣе простомъ бытѣ, люди не знали, дали патентованнымъ лекарственнымъ средствамъ возможность распространиться до ужасающаго потребленія. Изобрѣтатель знаменитаго мальцъ-экстракта платилъ ежегодно за одни только публикаціи слишкомъ 20,000 талеровъ. Въ Парижѣ аптекаря-фабриканты патентованныхъ средствъ дѣлаютъ огромные обороты. Въ Лондонѣ тоже.

Но не слѣдуетъ уже слишкомъ яро нападать на тупоуміе публики, позволяющей надувать себя разнымъ шарлатанамъ и спекуляторамъ. Обратите вниманіе на то, какіе подмѣси и поддѣлки питаютъ нашъ организмъ съ первой молодости; какое вредное вліяніе, не говоря уже про другія причины, должны они оказывать на насъ, и тогда будетъ понятно, почему находится такое множество людей, ищущихъ возстановить свое здоровье патентованными средствами.

Укажу на нѣкоторыя изъ болѣе извѣстныхъ обмановъ этого рода. Revalenta arabica, прославляемая повсюду своей цѣлительной и питательной силой, оказывается ни чѣмъ инымъ, какъ смѣсью чечевичной и гороховой муки. По словамъ изобрѣтателя, его патентованное средство въ 10 разъ питательнѣе мяса, лечитъ всѣ болѣзни желудка, горла, легкихъ, печени, живота, почекъ и возобновляетъ силы ослабѣвшаго, какъ молодаго, такъ и стараго организма. Средствомъ этимъ излечилось будто бы 69,000 человѣкъ больныхъ и въ томъ числѣ папа. Фунтовая жестянка его стоитъ 2 р. 55 к. Противувломотная вата д-ра Паттисона есть обыкновенная вата, обмазанная съ одной стороны спиртной вытяжкой сандала съ примѣсью перувіанскаго бальзама. Doeck's Heilmittel gegen Magenkrampft или, по русски, средство д-ра Дека противъ желудочныхъ судорогъ стоитъ за 4-хъ фунтовую склянку 7 руб. Это не больше какъ вода римскаго тмина, настоящая цѣна которой 20 к. Цѣлебный порошокъ г-жи Шперъ противъ золотухи и всякаго худосочія изготовляется изъ разныхъ частей сѣрнаго цвѣта и толченаго кирпича. Такая удивительная драгоцѣнность продается по 12 руб. сер. за аптекарскій фунтъ.

Еще разнообразнѣе обманъ въ косметическихъ средствахъ. Знаменитое огуречное мыло есть простое туалетное мыло, подкрашенное

зеленою краскою. Слава огуречнаго мыла основана ни на чемъ не доказанномъ свойствѣ огуречнаго сока уничтожать загаръ и бѣлить кожу. Вниманіе поклонниковъ этого мыла не мѣшаетъ обратить на то, что весной и въ началѣ лѣта, когда это мыло является въ продажѣ въ огромномъ количествѣ, огурцовъ еще нѣтъ; а прошлогодніе огурцы тоже сохранить невозможно. Изъ чего же приготовляется огуречное мыло? Въ танино-бальзамическомъ мылѣ Гюльберга не заключается ни одного атома танина.

Но главное зло косметическихъ средствъ не въ томъ, что они вовсе не заключаютъ въ себѣ обѣщаемаго вещества, а въ томъ, что они заключаютъ въ себѣ вещества ядовитыя, и по преимуществу разныя металлическія соли. Вообще всѣ помады и воды, выдаваемыя, какъ средства для окрашиванія волосъ и для ихъ укрѣпленія, заключаютъ въ себѣ соли серебра и ртутные препараты. Насколько подобныя вещества опасны въ употребленіи можетъ служить доказательствомъ слѣдующій фактъ. Одинъ господинъ, у котораго лѣзли сильно волосы, желая предупредить лысину, и не посовѣтовавшись съ докторомъ, началъ употреблять l'eau d'Alcibiade. Черезъ нѣсколько дней голова господина была гладка, какъ ладонь.

Кромѣ укрѣпленія волосъ нѣкоторымъ людямъ нужно, чтобы у нихъ на извѣстныхъ частяхъ тѣла не росли волосы. Косметическія средства удовлетворяютъ и такому желанію. Самое обыкновенное вещество для этого, впрочемъ выходящее уже изъ употребленія, есть аврипигментъ или трехъ сѣрнистый мышьякъ. Его смѣшиваютъ съ известью или съ известью и окисью свинца. Вредъ аврипигмента заключается въ томъ, что онъ содержитъ въ себѣ всегда мышьяковистую кислоту. Новѣйшія средства для истребленія волосъ состоятъ изъ сѣрно-кислой извести, негашеной извести, сѣрнокислаго натра.

Косметическія средства для кожи большею частью ядовиты. Одни изъ нихъ, какъ напр. дѣвичье молоко (le lait virginal), есть не больше, какъ разведенная микстура роснаго ладона. Этому средству приписываютъ свойство уничтожать веснушки; но въ дѣйствительности оно ихъ вовсе не уничтожаетъ, а только закрываетъ тонкимъ слоемъ смолистаго лака. Лакъ, заклеивъ поры кожи, останавливаетъ испарину и производитъ воспаленіе кожи. Кромѣ того въ дѣвичье молоко примѣшиваютъ нерѣдко соли свинца. Schönheitswasser или вода красоты заключаетъ въ себѣ между прочимъ 55 гранъ сулемы на 4 унціи воды. L'emulsion mercurielle de Duncan состоитъ

изъ имульсіи горькаго миндаля и сулемы; а извѣстно, что смѣсь горькаго миндаля съ сулемой образуетъ всегда синеродистую ртуть, еще болѣе ядовитую, чѣмъ сулема.

Бѣлила, распространенныя тоже достаточно, и особенно въ простомъ народѣ, изготовляются изъ солей свинца, висмута, цинка. Азотнокислый висмутъ содержитъ всегда мышьякъ. Рисовая пудра, пользующаяся у насъ такою популярностью, содержитъ всегда крахмалъ, тальк, алебастръ, мѣлъ, а пудра, извѣстная подъ названіемъ poudre à la fleur de riz, не содержитъ въ себѣ рисовой пудры нисколько, иногда же это не больше, какъ магнезія.

Если мы обратимся къ тому промышленному міру, который насъ снабжаетъ матеріями для одежды, изготовляетъ для насъ сапоги, мебель, предлагаетъ умственную пищу, то повсюду найдемъ тоже шарлатанство, тотъ же обманъ. Купецъ разсылаетъ громкіе объявленія о какихъ-то удивительныхъ и дешевыхъ голландскихъ полотнахъ, вмѣсто льняной ткани, и продаетъ простой каленкоръ. Во многихъ случаяхъ купецъ и самъ не знаетъ своего обмана, ибо онъ обманутъ фабрикантомъ. Суконный торговецъ предлагаетъ вамъ сукно пополамъ съ бумагой; на сапожномъ товарѣ, изготовленномъ въ вятской губерніи, накладывается петербургское клеймо; на сургучѣ московскаго издѣлія красуется англійская надпись; на кисеѣ русскаго фабриканта виситъ фальшивая таможенная пломба; ситцы, съ надписью не линючихъ красокъ, изготовляемые какимъ-то нѣмцемъ въ Петербургѣ, послѣ первой стирки превращаются въ бѣлый каленкоръ; ленты, тесьма, аграманты, бумага и нитки на катушкахъ имѣютъ всегда фальшивую надпись и гораздо короче показанной мѣры. Очень часто у тесьмы и лентъ казовый конецъ ткется въ большее число нитокъ, чѣмъ остальная часть куска. Для изготовленія болѣе дешеваго бумажнаго товара придумали теперь превращать въ хлопокъ старыя тряпки, и этотъ хлопокъ примѣшиваютъ къ чистому хлопку, и затѣмъ дѣлаютъ изъ него пряжу и ткутъ разнообразныя ткани. Такая матерія не выслуживаетъ и половиннаго срока. Ложь проникла во всѣ отрасли промышленности и торговли и, по мѣрѣ увеличенія числа людей, посвящающихъ себя промышленной дѣятельности, плутовство дѣлается пятой стихіей мелкаго торгаша и крупнаго, первостатейнаго купца.

Прежде литература считалась какой-то исключительной сферой чистой и благородной дѣятельности. Печатное слово имѣло силу авторитета до того, что было достаточно сказать: *это напечатано*

и всякое сомнѣніе изчезало. И это имѣло свое основаніе. Убѣжденіе писателя было тѣмъ святымъ внутреннимъ храмомъ, въ который онъ скрывался отъ всѣхъ житейскихъ пошлостей и дорожилъ имъ, какъ лучшимъ своимъ достояніемъ. И такого писателя нельзя было не уважать; на него можно было всегда положиться. Теперь не то. Храмъ обратился въ лоскутную лавочку и публицистъ въ площаднаго торгаша. Съ тѣхъ поръ, какъ литература сдѣлалась базаромъ, на который смѣло выступалъ всякій спекуляуоръ, съ однимъ неотъемлемымъ достоинствомъ благонамѣреннаго писаки, съ тѣхъ поръ, какъ публицистовъ стали возить на обѣды, какъ шутовъ на ярмарку, объ убѣжденіяхъ даже совѣстно говорить. Напротивъ, продать свое перо за фунтъ чаю сдѣлалось явленіемъ возможнымъ.

Куда ни обернись, вездѣ чувствуешь и видишь опасность быть обманутымъ, проданымъ съэксплуатированнымъ. Даже кровная связь, которой прежде придавали такое большое значеніе, утратила свою силу. Говорятъ, что чужіе стали лучше родныхъ.

Отчего же происходитъ такое противорѣчіе теоретическаго идеала съ практикой? Почему достоинство не служитъ вѣрнымъ отраженіемъ поведенія, слово не сходится съ дѣломъ? А между тѣмъ, какъ сладко говорятъ всѣ. Какъ каждый старается рисоваться доблестями, честностью, умомъ, благородствомъ.

Изолгались мы оттого, что внутренняго содержанія въ насъ мало, что все наше достоинство въ внѣшнемъ, наружномъ благообразіи и что внѣшнимъ разлагающимъ элементамъ жизни мы не въ состояніи противопоставить ни активной воли, ни выработаннаго характера. Хлестаковы мы въ газетахъ, на торжественныхъ обѣдахъ, Хлестаковы и въ жизни... Ложь перепутала и сбила всѣ наши отношенія. И мужикъ и баринъ говорятъ о благородствѣ, клянутся честью, а чуть дѣло коснется до исполненія слова, и вы видите, что васъ обманули. Про мужика говорятъ, что онъ необразованъ; ну, а изъ-за чего лжетъ образованный баринъ; изъ-за чего онъ обнимаетъ васъ сегодня и клянется въ вѣчной любви, преданности и уваженіи, а завтра выдастъ васъ первому полицейскому солдату. Гдѣ корень такого противорѣчія?

III.

Наше общество переживаетъ теперь моментъ наивысшаго сумбура понятій. Съ одной стороны, дѣйствуетъ цепуха бытоваго или историческаго міровоззрѣнія; съ другой, спутываетъ всѣхъ борьба двухъ разныхъ міровоззрѣній образованнаго общества.

Бытовое или историческое міровоззрѣніе можно бы назвать опредѣлительнѣе экономическимъ. Начало его въ томъ, что общественныя отношенія страны складывались подъ вліяніемъ вѣчной нужды и бѣдности; а бѣдность и нужда самый дурной наставникъ.

Я не стану перечислять всѣхъ историческихъ фактовъ, которые мѣшали русскому простонародью пользоваться всѣми своими силами выгоднымъ для себя образомъ. Пусть читатель припомнитъ только, что отъ тягости жизни народъ уходилъ въ лѣса и болота, бѣжалъ, куда глаза глядятъ, чтобы спастись отъ правежа, — обливанья за недоимки холодною водою на морозѣ,—отъ солдатчины, уносившей лучшія силы. Правдой нельзя было спастись ни отъ чего, правдой нельзя было нажить денегъ, и вотъ народъ сложилъ поговорку: «правдой не проживешь,» и примѣнилъ эту истину, выработанную опытомъ, во всей своей жизни.

Вѣчная нужда послужила основаніемъ всего экономическаго міровоззрѣнія нашего простонародья. Еще ребенкомъ учился простолюдинъ не говорить того, что онъ думаетъ и тянуть съ того, кто богаче. И нынче извощикъ беретъ съ мужика 5 копѣекъ, а съ барина за тотъ же конецъ 10 коп. Сапожникъ шьетъ лакею сапоги за три рубля, а барину за семь. Купецъ продаетъ свой товаръ, смотря по покупателю; съ однихъ беретъ дешевле, съ другихъ дороже. Недумайте, чтобы купецъ руководился корыстностью. Нѣтъ, онъ просто уравниваетъ состоянія и заставляетъ богатаго платить за бѣднаго. Такое народное міровоззрѣніе создалось жизнью и сочувствіемъ къ нуждающимся; а не русская дичь или что либо другое.

Простой народъ, воспитанный исторіей, вносилъ свою практическую философію всюду, во всю русскую жизнь, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. Кто выходилъ въ купцы? Мужикъ. И вотъ мужицкій афоризмъ: «правдой не проживешь» преобразовывался въ торговое правило: «не

обманешь не продашь. Ради этого принципа торговецъ присыпалъ известку и алебастръ въ муку, шилъ сапоги изъ гнилой кожи; мебель дѣлалъ изъ сырого лѣса; обои, продававшіеся за 12 аршинъ длины, имѣли только 10.

А сколько рядомъ съ очевиднымъ и сознательнымъ безсознательнаго. Поваръ отравляетъ зеленые щи мѣднымъ грошемъ и умиляется своимъ остроуміемъ. Прянишникъ навалитъ поташу или буры и гордится тонкой своего прянишнаго знанія. Винотороговецъ мастеритъ ядъ вмѣсто вина и считаетъ себя мудрѣе Соломона.

А торговыя отношенія Москвы и Сибири. Московскій купецъ сбываетъ всякій неходячій товаръ сибиряку за двойную цѣну въ кредитъ; а сибирякъ въ отвѣтъ на это объявляетъ себя лѣтъ черезъ шесть несостоятельнымъ и предлагаетъ двадцать копѣечекъ за рубль. И сибирякъ знаетъ, что его надуваетъ москвичъ, и москвичъ знаетъ, что его надуваетъ сибирякъ. Сойдутся, и опять продолжается такая же торговля. Значитъ обѣимъ сторонамъ выгодно.

Ложь сдѣлалась даже предметомъ гордости. Еще лавочнымъ мальчишкой будущій купецъ учится обмѣривать и оплетать покупателя, и гордится онъ своимъ умомъ и заслуживаетъ за то похвалу своего хозяина.

А кто были нашими наставниками? Кто были нашими нянъками и дядьками? Кто являлся нашимъ первымъ наставникомъ въ разъясненіи естественныхъ и не естественныхъ явленій природы? Отъ кого мы узнавали впервые о домовыхъ и всякой чертовщинѣ? Кто училъ ребенка сваливать на кошку разбитое имъ стекло или чашку?

За домашнимъ воспитаніемъ, въ которомъ главными дѣятелями являлись горничныя, няни, да кухарки, а за частую и родители того же самаго міровоззрѣнія, наступала пора школы. Что же дѣлала школа? Какъ она реагировала на такую жизнь? Она только укрѣпляла насъ больше въ умозрительномъ принципѣ, раздвоявшемъ окончательно наше нравственное чувство. Школа не давала ни одного изъ послѣднихъ научныхъ знаній; она не давала даже практическихъ знаній, и человѣкъ долженъ былъ учиться всѣму въ жизни.

Что же такое жизнь?

Въ жизни существуетъ одна практика—практика традицій; практика началъ, запутывающихъ человѣка, какъ тина, и всасывающихъ его въ тотъ водоворотъ солидарности лжи всякихъ видовъ, которая, въ эпоху болѣе сильнаго религіознаго настроенія общества, уводила лучшихъ людей въ скиты и монастыри.

Теперь лучшіе люди отдаются не пассивному эгоизму, а борьбѣ. Противъ развращающей практики они выставляютъ новую теорію, практика которой въ настоящее время еще невозможна.

Ни петровскія реформы, ни вѣкъ Екатерины II не познакомили Россію съ европеизмомъ, да его тогда не было и въ Европѣ. Онъ создался лишь съ послѣдними успѣхами естествознанія и положительной философіей новаго времени.

Только теперь Россія, и то въ лицѣ наиболѣе прогрессивныхъ людей, выступаетъ на путь дѣйствительнаго европеизма. Но прогрессивныхъ людей пока еще мало, имъ не подъ силу бороться съ всепоглощающей практикой бытоваго міровоззрѣнія.

А между тѣмъ въ новѣйшемъ европеизмѣ слишкомъ много силы правды, чтобы можно было устоять противъ него. И вотъ причина той раздвоенности, какою отличается современный отдѣльный русскій человѣкъ и все современное образованное русское общество.

Съ одной стороны, его влечетъ впередъ теоретическій европеизмъ; съ другой, оттягиваетъ назадъ практика. Въ одно время люди идутъ и впередъ и назадъ. Они кокетничаютъ прогрессивностью на словахъ и противорѣчатъ себѣ своимъ поведеніемъ. Они надѣваютъ на себя личину достоинства, соотвѣтствующаго ихъ теоретическому идеалу, а поступаютъ такъ, какъ обязываетъ ихъ солидарность сферы или среды, въ которой они дѣйствуютъ.

Либерализмъ есть кокетство людей слабыхъ, у которыхъ или недостаетъ ума, или недостаетъ мужества быть послѣдовательными. Отъ этого они теоретически, на словахъ, возмущаются вечеромъ съ другомъ тѣмъ, что будутъ дѣлать сами завтра утромъ. Человѣкъ, обязанность котораго, положимъ, подслушивать подъ окномъ, станетъ раскаиваться, что онъ гнушается шпіонствомъ. Зачѣмъ же ты подслушиваешь?

Западная Европа не знаетъ этой непослѣдовательности. Негодяй, поступающій скверно и подводящій свое поведеніе подъ извѣстную теорію, можетъ возмущать васъ, но его нельзя не уважать за его послѣдовательность и нравственную силу. Только пожалѣешь, что силы направлены не туда. Но человѣкъ, желающій казаться, возбуждаетъ боязнь, недовѣріе и сожалѣніе къ своему безсилію. Волкъ въ овечьей шкурѣ опаснѣе волка, скалящаго зубы. Честность есть послѣдовательность. Честность въ томъ, чтобы не казаться, а быть; чтобы располагать свое поведеніе по теоретическому идеалу, и чтобы внѣшнее достоинство не обманывало никого своею фальшивою несоотвѣтственностью.

Винить русское общество за непослѣдовательность нельзя, потому что оно переживаетъ извѣстный историческій моментъ, моментъ умственнаго переворота, моментъ поворота къ европейскому міровоззрѣнію. Это моментъ тяжелой внутренной борьбы, когда все старое уже почуствовало, что земля бѣжить изъ подъ его ногъ, и потому старается упираться сильнѣе.

Люди робкіе поняли ошибочно это послѣднее усиліе. Они испугались за судьбу русскаго прогресса, и даже усумнились въ правдѣ прогрессивнаго движенія. Они, конечно, не знаютъ, что исторія идетъ поколѣніями.

Н. Ш.

ДРЕВНЕЕ ПРЕДАНІЕ.

(Изъ Теннисона).

На пышномъ ложѣ умираетъ
Король Эдвардъ... Спасенья нѣтъ...
Но вдругъ король больной припомнилъ
Покойной матери совѣтъ:

— «Когда, мой сынъ,—она сказала,
Наступитъ твой послѣдній день,
Найди счастливца въ этомъ мірѣ,
Его рубашку ты надѣнь.

И смерть къ тебѣ не прикоснется.....»
И сталъ король бодрѣй опять:
Онъ разослалъ гонцовъ по царству
Чтобъ въ немъ счастливца отыскать.

По королевскому приказу
Летятъ они во всѣ концы,
Но отыскать нигдѣ счастливца
Не могутъ вѣрные гонцы.

Вотъ, наконецъ, *одинъ* нашелся,
Но тотъ одинъ былъ бѣденъ такъ,
Что даже худенькой рубашки
Давно ужъ не имѣлъ бѣднякъ.

Д. Минаевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАБСТВА.

(*Очеркъ третій*).

V.

Съ той поры, какъ Магіэ оставилъ Нуантель, чтобы возвратиться въ Парижъ, этотъ городъ пережилъ много весьма важныхъ событій. Король Жанъ, разбитый англичанами при Пуатье, былъ взятъ въ плѣнъ. Его двадцатилѣтній сынъ, Карлъ, объявившій себя регентомъ королевства, на время отсутствія короля, — бѣжалъ въ Парижъ и обратился за помощью и за совѣтомъ къ Этьену Марселю, городскому головѣ столицы. Марсель, опираясь на парижскую буржуазію, обѣщалъ королю помощь, но выговорилъ при этомъ нѣкоторыя условія, гарантирующія независимость и свободу городовъ. Карлъ, именемъ своего отца, далъ торжественную клятву исполнять свято и ненарушимо эти условія. Королевскимъ повелѣніемъ 17 января 1357 года, онъ объявлялъ, что генеральные штаты, состоящіе изъ депутатовъ отъ духовенства, дворянства и буржуазіи, съ этого времени становятся учрежденіемъ постояннымъ, и могутъ собираться по всякое время, когда найдутъ это для себя нужнымъ; что впредь ни король, ни его министры, безъ согласія штатовъ не могутъ назначить никакого новаго налога; что и государственные расходы опредѣляются также штатами.

Заручившись такимъ важнымъ документомъ, Марсель приступилъ къ укрѣпленію города Парижа. Скоро и другіе важнѣйшіе города послѣдовали примѣру столицы и вездѣ начались

дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ англичанъ. Вольныя дружины со всѣхъ сторонъ стекались къ Парижу...

Въ это-то время лихорадочной дѣятельности въ столицѣ, чрезъ Сен-Денисскіе ворота вошелъ въ городъ пожилой человѣкъ, одѣтый въ сѣрый кафтанъ, съ толстой палкой въ рукѣ и съ огромнымъ мѣшкомъ за спиной. Нуантельскіе жители узнали бы въ немъ Гильома Кэле, отца Авелины, хотя онъ сильно измѣнился послѣ послѣдней встрѣчи нашей съ нимъ. Онъ постарѣлъ, похудѣлъ, весь лобъ его покрылся глубокими морщинами, выраженіе лица стало еще болѣе свирѣпымъ; видно было, что онъ испыталъ сильное горе. Онъ шелъ медленно и, казалось, ни на что не обращалъ вниманія. Онъ въ первый разъ былъ въ Парижѣ, но уличное движеніе въ огромномъ городѣ, такъ поражающее новичка, повидимому, не производило никакого впечатлѣнія на суроваго раба, исключительно занятаго своимъ собственнымъ дѣломъ. Крикуны, выкрикивающіе достоинство своихъ товаровъ, вызывали только горькую усмѣшку Гильома. Но вотъ онъ почувствовалъ усталость и сѣлъ на каменной скамьѣ на одной изъ городскихъ площадей. Онъ сталъ осматриваться вокругъ себя и вдругъ услышалъ какой-то гулъ, покрывающій даже выкрикиванья крикуновъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ. «Везутъ гробъ бѣдняги Перрина Масе,» говорили всѣ, и каждый спѣшилъ вмѣшаться въ толпу. «Вѣрно парижане очень любили этого Масе, если всѣ бѣгутъ проводить его на кладбище», подумалъ Кэле, и послѣдовалъ за толпой. Но какъ ни желалъ онъ узнать, кто такой былъ этотъ Масе, однакожъ не рѣшился спросить о томъ ни у кого изъ парижанъ. На его счастіе въ толпу затесался какой-то горожанинъ, тоже вѣрно не здѣшній, который съ подобнымъ же вопросомъ обратился къ молодому человѣку, идущему послѣ Гильома.

— Кто такой Масе? отвѣчалъ молодой студентъ, котораго звали Руфиномъ,—вы не знаете кто такой Масе, такъ я вамъ скажу. Онъ, защищаясь отъ оскорбленій и побоевъ, убилъ своего оскорбителя, и его за это, безъ всякаго суда и слѣдствія, арестовали и повѣсили.

— Вотъ какъ дворъ исполняетъ свои обѣщанія, данныя Марселю! закричали въ толпѣ.

ИЗЪ ИСТОРІИ РАБСТВА.

(*Очеркъ третій*).

V.

Съ той поры, какъ Магіэ оставилъ Пуантель, чтобы возвратиться въ Парижъ, этотъ городъ пережилъ много весьма важныхъ событій. Король Жанъ, разбитый англичанами при Пуатье, былъ взятъ въ плѣнъ. Его двадцатилѣтній сынъ, Карлъ, объявившій себя регентомъ королевства, на время отсутствія короля, — бѣжалъ въ Парижъ и обратился за помощью и за совѣтомъ къ Этьену Марселю, городскому головѣ столицы. Марсель, опираясь на парижскую буржуазію, обѣщалъ королю помощь, но выговорилъ при этомъ нѣкоторыя условія, гарантирующія независимость и свободу городовъ. Карлъ, именемъ своего отца, далъ торжественную клятву исполнять свято и ненарушимо эти условія. Королевскимъ повелѣніемъ 17 января 1357 года, онъ объявлялъ, что генеральные штаты, состоящіе изъ депутатовъ отъ духовенства, дворянства и буржуазіи, съ этого времени становятся учрежденіемъ постояннымъ, и могутъ собираться во всякое время, когда найдутъ это для себя нужнымъ; что впредь ни король, ни его министры, безъ согласія штатовъ не могутъ назначить никакого новаго налога; что и государственные расходы опредѣляются также штатами.

Заручившись такимъ важнымъ документомъ, Марсель приступилъ къ укрѣпленію города Парижа. Скоро и другіе важнѣйшіе города послѣдовали примѣру столицы и вездѣ начались

дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ англичанъ. Вольныя дружины со всѣхъ сторонъ стекались къ Парижу...

Въ это-то время лихорадочной дѣятельности въ столицѣ, чрезъ Сен-Денисскіе ворота вошелъ въ городъ пожилой человѣкъ, одѣтый въ сѣрый кафтанъ, съ толстой палкой въ рукѣ и съ огромнымъ мѣшкомъ за спиной. Нуантельскіе жители узнали бы въ немъ Гильома Кэле, отца Авелины, хотя онъ сильно измѣнился послѣ послѣдней встрѣчи нашей съ нимъ. Онъ постарѣлъ, похудѣлъ, весь лобъ его покрылся глубокими морщинами, выраженіе лица стало еще болѣе свирѣпымъ; видно было, что онъ испыталъ сильное горе. Онъ шелъ медленно и, казалось, ни на что не обращалъ вниманія. Онъ въ первый разъ былъ въ Парижѣ, но уличное движеніе въ огромномъ городѣ, такъ поражающее новичка, повидимому, не производило никакого впечатлѣнія на суроваго раба, исключительно занятаго своимъ собственнымъ дѣломъ. Крикуны, выкрикивающіе достоинство своихъ товаровъ, вызывали только горькую усмѣшку Гильома. Но вотъ онъ почувствовалъ усталость и сѣлъ на каменной скамьѣ на одной изъ городскихъ площадей. Онъ сталъ осматриваться вокругъ себя и вдругъ услышалъ какой-то гулъ, покрывающій даже выкрикиванья крикуновъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ. «Везутъ гробъ бѣдняги Порпна Масе,» говорили всѣ, и каждый спѣшилъ вмѣшаться въ толпу. «Вѣрно парижане очень любили этого Масе, если всѣ бѣгутъ проводить его на кладбище», подумалъ Кэле, и послѣдовалъ за толпой. Но какъ ни желалъ онъ узнать, кто такой былъ этотъ Масе, однакожъ не рѣшился спросить о томъ ни у кого изъ парижанъ. На его счастіе въ толпу затесался какой-то горожанинъ, тоже вѣрно не здѣшній, который съ подобнымъ же вопросомъ обратился къ молодому человѣку, идущему послѣ Гильома.

— Кто такой Масе? отвѣчалъ молодой студентъ, котораго звали Руфиномъ,—вы не знаете кто такой Масе, такъ я вамъ скажу. Онъ, защищаясь отъ оскорбленій и побоевъ, убилъ своего оскорбителя, и его за это, безъ всякаго суда и слѣдствія, арестовали и повѣсили.

— Вотъ какъ дворъ исполняетъ свои обѣщанія, данныя Марселю! закричали въ толпѣ.

— О, эти сеньеры!... Они только умѣютъ раззорять страну.

— Сеньеры! подхватилъ Руфинъ. — Они лишь только на парадныхъ коняхъ на турнирѣ, а какъ дойдетъ до серьезнаго дѣла, такъ они наровятъ, какъ бы удрать куда подальше и спрятаться по своимъ норамъ.

— Однакожъ, г. студентъ, рѣшился возразить ему высокій дѣтина въ мѣховой шапкѣ,—благородное рыцарство такъ много сдѣлало хорошаго, что имѣетъ полное право на уваженіе буржуазіи!

— Рыцарство?! вскричалъ Руфинъ съ презрительнымъ смѣхомъ.—Да развѣ не про рыцарство я сейчасъ толковалъ вамъ? Экъ вы хватили, почтенный человѣкъ. Вѣдь каждый сеньеръ вмѣстѣ и рыцарь; изъ нихъ по большей части и состоитъ ваше хваленое рыцарство. Какой вы чудакъ, право, какъ я погляжу! Кто же бѣжалъ въ сраженіи при Пуатье, какъ не ваше рыцарство! Оно первое показало тылъ непріятелю и дало примѣръ трусости сорока-тысячной арміи, послѣдовавшей его примѣру. По вашему рыцари—люди, а по моему они просто зайцы, и зайцы самой трусливой породы.

— Не ругайте такъ рыцарство, г. студентъ, возразилъ со смѣхомъ другой горожанинъ.—Не оно ли избавило насъ отъ короля Жана, оставивъ его плѣнникомъ въ рукахъ англичанъ?

— Да, послышалось въ толпѣ;—да, это правда! Но за то съ насъ же собираютъ теперь выкупъ, который приходится выдать англичанамъ, и мы же должны сносить управленіе юноши-регента, который вѣшаетъ людей за то, что они требуютъ свои деньги, отданныя взаймы государственному казначею, и защищаютъ себя отъ личныхъ оскорбленій.

— Богъ дастъ, все это скоро кончится.... Марсель уладитъ дѣло и не позволитъ больше обижать народъ.

— Марсель да Марсель, только одно имя и слышишь отъ васъ, съ неудовольствіемъ замѣтилъ человѣкъ въ мѣховой шапкѣ.— Онъ—голова, потому вы и приписываете ему все. Но вѣдь онъ же не можетъ передѣлать всего дѣла одинъ; есть и другіе, которые работаютъ не хуже его; возьмемъ хоть Жана Мальяра...

— Кто смѣетъ приравнивать кого нибудь къ Марселю? вскри-

чалъ Руфинъ.—Такую глупость можетъ придумать развѣ какой нибудь безмозглый простофиля!

— Гм, гм! это я сказалъ, г. студентъ.

— Ну такъ вы и есть безмозглый простофиля! Какъ! вы осмѣливаетесь утверждать, что Марсель не первый изъ гражданъ? Онъ? другъ, отецъ народа!

— Да, да, послышалось въ толпѣ. — Марсель нашъ спаситель, безъ него, благодаря трусости и постыдной измѣнѣ рыцарства, Парижъ, былъ бы непремѣнно взятъ англичанами и разграбленъ.

— Я ничего не говорю противъ заслугъ Марселя, отвѣчалъ буржуа въ мѣховой шапкѣ,—но я только хочу замѣтить, что будь Мальяръ на мѣстѣ Марселя, онъ поступилъ бы не хуже его.

— Разумѣется, если бы у него былъ такой же геній, какъ у Марселя, онъ дѣйствовалъ бы также хорошо, какъ и Марсель. Если бы у Жанеты Бокашартъ росла борода, тогда она была бы Жаномъ Бокашартъ, весьма серьезно проговорилъ студентъ.

Толпа разразилась веселымъ хохотомъ. Едва ли хоть одинъ человѣкъ изъ этой огромной толпы, кромѣ, можетъ быть, защитника Мальяра,—не былъ въ числѣ горячихъ поклонниковъ Марселя.

Гильомъ Кэле внимательно вслушивался во всѣ эти рѣчи; въ нихъ онъ увидѣлъ подтвержденіе словъ Магіэ о громадномъ вліяніи Марселя на парижское населеніе. Его мысли приняли свое обычное теченіе: онъ задумался о своей мести, но скоро былъ развлеченъ приближающимся звукомъ трубъ и барабановъ. Толпа остановилась на перекресткѣ двухъ улицъ; вмѣстѣ съ нею остановился и Кэле. Скоро мимо нихъ сталъ двигаться церемоніальный погребальный поѣздъ. Его открывала рота городскихъ стрѣлковъ, предшествуемая трубачами и барабанщиками. За нею ѣхали два городскіе герольда, которые часто останавливались и провозглашали слѣдующую прокламацію:

«Молитесь за душу Перина Масе, парижскаго буржуа, неправедно замученнаго!

«Жанъ Балье, казначей регента, именемъ короля, занялъ деньги у Масе.

«Масе, на основаніи новаго эдикта короля, которымъ повелѣвалось выплатить всѣ королевскіе долги, заявилъ свою претензію.

«Жанъ Балье, отказываясь платить, оскорблялъ словами, угрожалъ и, наконецъ, ударилъ Перина Масе.

«Масе, пользуясь, предоставленнымъ ему закономъ, правомъ защиты, на удары отвѣчалъ ударами, и случайно убилъ Балье. Масе скрылся въ церковь и оттуда взывалъ къ правосудію.

«Регентъ королевства, герцогъ нормандскій, послалъ своего маршала, съ вооруженной стражей, взять изъ церкви Перина Масе.

«Маршалъ, не взирая на то, что церковь, по закону, служитъ мѣстомъ неприкосновеннаго убѣжища, силой вывелъ оттуда Масе, и тотчасъ же, безъ всякаго суда и слѣдствія, повѣсилъ его.

«Молитесь за душу Перина Масе, парижскаго буржуа, неправедно замученнаго»!

Всякій разъ послѣ этой прокламаціи начиналась похоронная музыка, которая, однакоже, не могла заглушить народныя проклятія, гремѣвшія противъ регента и его двора.

За герольдами шли священники, а за ними двѣнадцать гражданъ несли черный гробъ покойника; за гробомъ слѣдовали члены думы, имѣя во главѣ Этьена Марселя. Этотъ великій гражданинъ отличался передъ всѣми своей чрезвычайно-выразительной физіономіей и необыкновенно кроткой, симпатичной улыбкой. Онъ былъ очень добръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣдко кто въ то время обладалъ такимъ сильнымъ характеромъ, какъ Марсель. Онъ былъ замѣчательнымъ ораторомъ, и всякая подлость и низость, всякое утѣсненіе и произволъ всегда находили въ немъ непримиримаго врага. Онъ гремѣлъ противъ зла, и тысячи народа шли за нимъ всюду, увлеченные потокомъ его благороднаго краснорѣчія.

Онъ шелъ рядомъ съ своимъ старинымъ другомъ Жаномъ Мальяромъ, въ которомъ не могъ еще предвидѣть будущаго измѣнника народному дѣлу. Онъ не замѣчалъ также горькой улыбки, съ которою завистливый Мальяръ встрѣчалъ всеобщее сочувствіе, на каждомъ шагу выказываемое Марселю парижскимъ населеніемъ.

Съ другой стороны Мальяра шла женщина, одѣтая въ глубокій трауръ. Это была Петронилла, жена Мальяра. Молодая, красивая, съ распущенными волосами, она видимо желала казаться интересной и обратить на себя всеобщее вниманіе; она неистово рыдала и безпрерывно кричала:

— Несчастный Перинъ Масе! Месть, страшная месть за его убійство!

Но, къ несчастію Петрониллы, ея напускное горе и кривляніе возбуждали въ народѣ развѣ недоумѣніе, но никакъ не сочувствіе.

— Съ чего кривляется эта бабенка? съ удивленіемъ спросилъ Руфинъ.—Чего она такъ заливается? Сколько мнѣ извѣстно, она не состоитъ въ родствѣ съ покойнымъ Масе.

— Потому-то она и заслуживаетъ особеннаго сочувствія съ нашей стороны, отвѣчалъ извѣстный уже намъ гражданинъ въ мѣховой шапкѣ.—Это достойная супруга Жана Мальяра. Посмотрите, какое сильное горе изображено на ея прелестномъ лицѣ! Какъ убиваетъ ее печальная участь покойника, котораго мы всѣ оплакиваемъ! И замѣтьте, Петронилла только одна изъ женъ членовъ нашей думы присутствуетъ на погребеніи.

— Это правда, послышалось въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ.— Бѣдная женщина! сколько мужества и самоотверженія нужно имѣть, чтобы участвовать въ такой грустной церемоніи!

— Да, она совсѣмъ не такова, какъ жена нашего головы Марселя и другихъ членовъ думы, продолжалъ неугомонный панегиристъ супруговъ Мальяровъ. — Знмѣтьте это, мои друзья!

— А, чортъ возьми, закричалъ Руфинъ.—Мнѣ кажется, что жена Марселя поступаетъ совершенно разумно, если не беретъ на себя роли публичнаго кривляки. Кромѣ смѣха и сожалѣнія, никакого другого чувства не можетъ возбудить женщина, рѣшившаяся соперничать съ трубами и барабанами въ искуствѣ произвести болѣе громкій и рѣзкій звукъ.

— Вамъ угодно шутить, г. студентъ, а такими вещами не шутятъ! Всякій видитъ теперь, что супруга г. Мальяра присутствовала на похоронахъ Перина Масе, а супруга г. городскаго головы не изволила сюда пожаловать. Гм., гм., мои

друзья, это не даромъ; не подтверждаются ли этимъ кое-какіе слухи?

— Какіе слухи?! грозно закричалъ Руфинъ.

Но почитатель Мальяра заблагоразсудилъ скрыться въ толпѣ, шепча по дорогѣ то тому, то другому что-то на ухо.

Между тѣмъ кортежъ опять тронулся; депутаціи отъ различныхъ цеховъ и общинъ смѣняли одна другую, проходя послѣдовательно мимо зрителей. За ними валила толпа разнаго народа, кляня регента и прославляя Марселя.

Скоро распространился слухъ, что, послѣ церемоніи, Марсель будетъ держать рѣчь къ народу въ большомъ залѣ монастыря Кордельеровъ. Гильомъ Кэле, бывшій свидѣтелемъ всѣхъ разсказанныхъ нами происшествій, и услышавшій многое, о чемъ прежде никогда не слыхивалъ, пожелалъ получить обо всемъ болѣе подробныя свѣденія. Ему понравился юморъ Руфина и онъ рѣшился обратиться къ молодому студенту за разъясненіемъ своихъ недоумѣній. Потому, когда Руфинъ намѣревался уже, вслѣдъ за толпой, отправиться за процессіей, его остановила чья-то рука. Оглянувшись, онъ увидѣлъ за собой Гильома, который, желая выразить на своемъ лицѣ мягкость и предупредительность, представлялъ весьма комичную фигуру. Осмотрѣвъ Кэле съ ногъ до головы, студентъ почувствовалъ сильнѣйшее желаніе пошкольничать надъ этимъ, какъ ему казалось, деревенскимъ простякомъ.

— Ты, вѣроятно, слышалъ, почтенный дружище, какъ я растобарилъ здѣсь о Жанетѣ, сказалъ онъ смѣясь,—и хочешь узнать кое-что объ этой дѣвочкѣ. Да! скажу тебѣ по совѣсти, она отличная дѣвчонка, также, какъ и подруги ея Марго, Изабелла, Агнеса и Жеганна. Она живетъ въ Неизвѣстной улицѣ. Тамъ ты найдешь всѣхъ этихъ прелестницъ... Да!

Гильома непріятно поразилъ этотъ шутовскій тонъ и онъ отвѣчалъ брюзгливо:

— Я не здѣшній, я пришелъ издалека и....

— А, такъ ты хочешь поступить въ университетъ, прервалъ его Руфинъ, подолжая паясничать.—Хорошее дѣло! Очень радъ познакомиться съ тобою. Ты немного бородатъ для студента; ну, да ничего, сойдетъ. На какой факультетъ ты же-

лаешь поступить? Что будешь изучать?—теологію или медицину? искуства, словесность или каноническое право?

— Я вижу, что городскіе жители не лучше обитателей замка! отвѣчалъ Гильомъ съ грустію и почти злобой.—Они умѣютъ только потѣшаться! Уходи Жакъ Бономъ, здѣсь тебѣ не мѣсто; вездѣ у тебя враги, а друзей нигдѣ!

И Гильомъ хотѣлъ удалиться, но Руфинъ, пораженный тономъ его голоса, остановилъ его и сказалъ:

— Другъ, если я васъ оскорбилъ, простите меня.... Мы, горожане, не можемъ быть врагами Жака Бонома, потому что имѣемъ общаго врага: сеньеровъ.

Но подозрительный Гильомъ хранилъ молчаніе, и старался прочитать на лицѣ студента, продолжаетъ ли онъ шутить или говоритъ серьезно. Руфинъ угадалъ мысли раба, осмотрѣлъ его внимательно и продолжалъ серьезнымъ тономъ:

— Пусть я издохну, какъ собака, если я не говорю теперь съ вами искренно, отъ чистаго сердца. Дружище! вы, кажется, много страдали на своемъ вѣку; вы не здѣшній—располагайте мною! Я вамъ не предлагаю моего кошелька, потому что его у меня нѣтъ; но я вамъ предложу въ комнатѣ студентовъ нашей провинціи половину кровати, на которой я сплю, и участіе въ нашей скудной трапезѣ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Гильомъ гораздо спокойнѣе, съ чувствомъ пожимая руку студента. — Но я не имѣю времени долго оставаться въ Парижѣ; я долженъ видѣться съ Магіэ адвокатомъ и съ Марселемъ, знаете вы ихъ?

— Бѣдный Магіэ, такъ вы его знаете?

— Развѣ съ нимъ случилась какая нибудь бѣда?

— Нѣсколько времени тому назадъ онъ отправился на турниръ въ Нуантель и не возвращался оттуда... Больной старикъ, его отецъ, умеръ съ горя, пораженный исчезновеніемъ сына... Я поступилъ въ университетъ за годъ передъ его выходомъ оттуда. Это была честнѣйшая, мужественная душа. Онъ вѣрно погибъ на турнирѣ, или его убили, когда онъ возвращался въ Парижъ: на дорогахъ теперь вездѣ рыщутъ разбойники.

— Я могу вамъ утвердительно сказать, что онъ вышелъ здравъ и невредимъ съ нуантельскаго турнира. Я самъ видѣлъ,

какъ онъ садился на лошадь, намѣреваясь возвратиться въ Парижъ... Такъ онъ умеръ этотъ прекрасный молодой человѣкъ, этотъ истинный другъ Жака Бонома!

— А гдѣ я могу переговорить съ Марселемъ? прибавилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Пойдемте въ монастырь Кордельеровъ; вы слышали, Марсель тамъ будетъ говорить съ народомъ.

Они пошли. По дорогѣ имъ встрѣтились другіе похороны — Жана Балье, убитаго Масе. Народъ не бѣжалъ къ нимъ на встрѣчу, напротивъ, каждый старался поскорѣе скрыться въ своемъ домѣ и запереть уличныя двери.

Отъ проницательнаго Кэле не скрылось это обстоятельство.

— Магіэ не обманывалъ меня, сказалъ онъ; — парижане— добрые ребята, они знаютъ, что дѣлаютъ. Но зачѣмъ же тогда они такъ долго терпятъ; зачѣмъ они не возстаютъ противъ своихъ притѣснителей. Мы тоже готовы, давно готовы!

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ его Руфинъ.

Но крестьянинъ ничего не отвѣчалъ. Въ это время мимо нихъ шелъ погребальный кортежъ. Гробъ Жана Балье несли также двѣнадцать человѣкъ слугъ регента, одѣтые въ богатыя ливреи. За гробомъ шли регентъ, его братья и дворъ. Регентъ, двадцатилѣтній юноша съ блѣднымъ, истомленнымъ лицомъ, отличался уже вѣроломствомъ, хитростью и злостью. Въ числѣ придворныхъ особенно замѣтны были, по презрительнымъ взглядамъ, бросаемымъ ими на немногихъ зрителей погребальнаго кортежа,— ненавидимые народомъ графы Конфлансъ и Шарни.

Когда шествіе приходило къ концу, студентъ почувствовалъ, что Гильомъ сильно жметъ ему руку.

— Посмотри... Это они... Они оба, говорилъ Кэле, глухимъ голосомъ.

— Кто они?

— Сеньеръ Нуантель, а другой—кавалеръ Жерардъ де-Шомонтель... О, развѣ не видишь ты этихъ двухъ господчиковъ въ ярко-красныхъ плащахъ, идущихъ рядомъ съ толстякомъ въ горностаевой мантіи?

— Да, да, я вижу этихъ двухъ сеньеровъ. Но отчего вы такъ дрожите?

— У насъ ихъ считаютъ мертвыми или въ плѣну у англичанъ, продолжалъ Гильомъ.— Къ счастію, они живы... они здѣсь... я видѣлъ ихъ самъ своими глазами... О, Мазурекъ! О моя дочь! наконецъ-то они оба возвратились. Они скоро пріѣдутъ домой, на свадьбу Глоріанды... Да мы имъ зададимъ хорошій пиръ... Хорошій пиръ!

— Не сошелъ ли онъ съ ума? сказалъ про себя студентъ, а потомъ прибавилъ громко:—эти два сеньера, о которыхъ вы говорили—кто они такіе?

— Поспѣшимъ, теперь мнѣ непремѣнно сейчасъ же нужно говорить съ Марселемъ, не отвѣчая на вопросъ студента, сказалъ Гильомъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте прежде ко мнѣ, тамъ вы немного отдохнете, а потомъ мы вмѣстѣ отправимся въ монастырь Кордельеровъ. Времени еще осталось много. Послѣ погребенія Марсель зайдетъ домой обѣдать, и потомъ, развѣ къ ночи придетъ въ монастырь. Но спрашиваю васъ еще разъ, что за причина вашего волненія при видѣ этихъ двухъ сеньеровъ изъ свиты регента? Вѣрно вы знаете ихъ очень хорошо?

Крестьянинъ бросилъ недовѣрчивой взглядъ на студента и продолжалъ хранить молчаніе.

— Чортъ возьми! Странный же у меня товарищъ, подумалъ Руфинъ,—онъ или молчитъ или говоритъ загадками. Тѣмъ не менѣе онъ меня сильно безпокоитъ.

Чрезъ нѣсколько времени они вошли въ университетскій кварталъ, а потомъ и въ квартиру Руфина.

VI.

Домъ Марселя находился въ Торговой части, подлѣ церкви св. Евстафія. Нижній этажъ его былъ занятъ лавкой съ суконнымъ товаромъ, кладовыми и столовой, гдѣ вся семья обѣдала; въ верхнемъ помѣщались прочія жилыя комнаты.

Вечеромъ этого самого дня, жена Марселя, Маргарита, и ихъ племянница Дениза, сидѣли за работой въ одной изъ комнатъ верхняго этажа. Маргаритѣ было около сорока пяти лѣтъ, а Денизѣ шелъ девятнадцатый годъ. На ея граціозномъ личикѣ замѣтны были слѣды серьезной печали.

— Бѣдное дитя! сказала ей нѣжно Маргарита.—Я угадываю причину твоего горя. Тебя безпокоитъ долгое отсутствіе Магіэ. Но къ чему понапрасну печалиться и плакать. Онъ навѣрное вернется.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Дениза;—еслибъ Магіэ былъ живъ, онъ вѣрно давно сообщилъ бы объ этомъ своему отцу, который, какъ вамъ извѣстно, умеръ, считая своего сына погибшимъ. Еслибъ Магіэ былъ живъ, онъ далъ бы знать о себѣ и дядюшкѣ Марселю, вѣдь онъ любитъ и уважаетъ его, какъ своего роднаго отца. Нѣтъ, нѣтъ, прибавила рыдая Дениза;—онъ умеръ, я его болѣе не увижу.

— Мое дитя, кто знаетъ, можетъ быть, побуждаемый своей безумной храбростью, Магіэ полетѣлъ въ Пуатье, чтобы сразиться съ англичанами. Можетъ быть, онъ взятъ въ плѣнъ послѣ несчастнаго сраженія. А изъ плѣна люди часто возвращаются здравы и невредимы. Не горюй же, моя милочка! Мнѣ такъ тяжело видѣть твои слезы.

Дѣвушка отерла свои слезы и постаралась улыбнуться.

— Я досадую на себя за свою слабость, моя милая тетушка. Я бы рада была не горевать, но у меня такъ тяжело на сердцѣ. Мнѣ стыдно, что я не могу удержать своихъ чувствъ въ то время, какъ вы, великодушная женщина, такъ терпѣливо, такъ мужественно, такъ твердо переносите свое горе.

— Какое горе? У меня нѣтъ его, я совершенно счастлива.

— Не скрывайтесь, тетушка, я подмѣчала за вами; я видѣла, что вы бодритесь при людяхъ, а какъ останетесь одни, вы грустно склоняетесь на руку и слезы наполняютъ ваши глаза.

— Ну, дитя, если ты уже замѣтила, то я скрываться отъ тебя не стану. Меня постоянно гложетъ тоска, какъ я подумаю о Марселѣ и объ Андре, нашемъ сынѣ. Марсель — идолъ народа, Марсель, истинный король Парижа! Предъ нимъ все

преклоняется, но сколько у него враговъ, сколько людей жаждутъ его гибели, сколько подкапываются подъ него. Я трепещу каждый часъ, когда его нѣтъ дома — ты знаешь сама, что онъ вѣчно занятъ внѣ дома—я дрожу при каждомъ скрипѣ двери: мнѣ все кажется, что вотъ сейчасъ придутъ мнѣ объявить о смерти моего мужа или сына...

— Смерти? Но развѣ найдется такая предательская рука, которая рѣшится на такое возмутительное дѣло? Убить отца народа, защитника свободы? — нѣтъ, этого не можетъ быть! Никто не посмѣетъ даже подумать объ этомъ!

— Дитя, дитя, ты еще не понимаешь, до чего можетъ доводить людей зависть и злоба. Завистниковъ у твоего дяди много. Есть они даже между его друзьями. Ну можно ли было думать, что другъ его дѣтства Жанъ Мальяръ сдѣлается его врагомъ. Жанъ человѣкъ слабый, и находится подъ вліяніемъ своей жены, которая насъ ненавидитъ. Ты слышала, что она говорила, когда зашла къ намъ послѣ похоронъ. Съ особенной злобой она разсказала мнѣ, что въ народѣ идутъ нехорошіе толки о Марселѣ, потому что я не была на погребеніи Масе, что его за это даже считаютъ измѣнникомъ, а кто же выдумалъ все это и пустилъ вездѣ, какъ не она сама... А дворъ, развѣ тамъ мало враговъ у Марселя?! Нѣтъ, я не могу быть спокойна, я должна ожидать всего дурного!

И бѣдная женщина залилась горькими слезами. Племянница ей вторила.

Въ это время послышались шаги на лѣстницѣ.

— Марсель, вѣрно это Марсель, сказала Маргарита и поспѣшила скрыть слѣды слезъ.

— Маргарита, Дениза! кричалъ Марсель еще на лѣстницѣ.— Я принесъ вамъ добрыя вѣсти, хорошія новости!... Но что съ вами, вы обѣ какъ будто плакали? О чемъ это?

— Милый дядюшка, отвѣчала сквозь слезы Дениза. — На свѣтѣ такъ много злыхъ людей!

— Ихъ надо сожалѣть, моя милая, это правда, но слезами тутъ не поможешь.

— Я знаю, Марсель, что не слѣдуетъ обращать вниманіе на

всякія глупости, но въ наше время многое, кажущееся пустяками, можетъ имѣть такія важныя послѣдствія, что...

— Объ этомъ потолкуемъ послѣ, сказалъ съ грустію Марсель,—я не могу провести съ вами болѣе часа; я очень усталъ и мнѣ хочется отдохнуть. Я къ вамъ такъ спѣшилъ съ пріятнымъ извѣстіемъ, хотѣлъ порадовать васъ имъ, и нахожу васъ въ слезахъ. Ну, будетъ, успокойтесь; оставимъ въ покоѣ нашихъ враговъ. Безъ нихъ нельзя обойтись. Мы боремся, мы ведемъ войну честную, святую, славную, мы отстаиваемъ права угнѣтенныхъ, чтоже удивительнаго, если у насъ есть много и очень много враговъ. Но не о нихъ теперь рѣчь. Да утри же Денпза, свои глазки, полно горевать.

И онъ задумчиво склонился на свою руку.

— Ты хотѣлъ намъ сообщить какую-то новость, мы слушаемъ, сказала Маргарита, весело улыбаясь.

— Давно бы такъ, вотъ это я люблю. И ты, плутовка, улыбаешься, тебя въ особенности касается эта новость, сказалъ Марсель, нѣжно обнимая Денизу. — Я велѣлъ Агнесѣ поставить лишній приборъ на столъ.

— Такъ нашъ сынъ смѣнится на ночь съ караула, радостно произнесла Маргарита.—Не это ли та пріятная новость, которую ты хотѣлъ сообщить намъ?

— Нѣтъ, Андре эту ночь проведетъ въ караулѣ съ своей ротой. Я говорилъ не о немъ, и не онъ будетъ сегодня ужинать съ нами. Неужели ты не угадываешь, Денпза? Онъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ друзей.

— Кто бы могъ прійти сегодня? Пьеръ Кальпръ? г. Делиль? Филипъ Жифаръ?...

— Нѣтъ, Денпза. Не ищи его между членами думы. Онъ слишкомъ еще молодъ, чтобы занимать такую важную должность. Я тебѣ помогу, онъ только-что пріѣхалъ изъ провинціи.

— Ужь не мой ли старикъ кузенъ изъ Вокулера?

— Нѣтъ, тотъ, о комъ я говорю — постоянный житель Парижа и уѣзжалъ отсюда только на время.

— Дядюшка, что вы говорите, я не смѣю вѣрить. Неужели онъ? Неужели Магіэ возвратился?...

— Такъ ты видѣлъ Магіэ? Онъ въ Парижѣ? съ неменьшей радостью спросила Маргарита!

— Да, я видѣлъ этого достойнаго юношу. Онъ здоровъ, хотя много страдалъ. Но, милая Дениза, я долженъ тебѣ сознаться, что я едва узналъ его, такъ онъ сильно перемѣнился: похудѣлъ, подурнѣлъ.

— Но чтоже съ нимъ случилось, прервала Дениза. — Не былъ ли онъ, какъ полагала тетушка, въ плѣну у англичанъ? Не сидѣлъ ли онъ въ тюрьмѣ.

— Онъ вышелъ изъ тюрьмы, но не былъ на войнѣ, отвѣчалъ Марсель.—Вотъ что съ нимъ случилось. Онъ, какъ вы знаете, поѣхалъ въ Нуантель. Окончивъ свои дѣла, онъ ночью отправился въ путь, На разсвѣтѣ слышитъ сзади себя быстрый галопъ лошади, и видитъ, что за нимъ несется всадникъ, имѣя женщину на крупѣ своей лошади; за этимъ всадникомъ, на довольно, впрочемъ, далекомъ разстояніи гонятся три вооруженные рыцаря. Бѣглецъ, юноша, лѣтъ двадцати, поровнявшись съ Магіэ, сказалъ нашему другу: «мы бѣжимъ изъ замка сира Бомона; онъ былъ опекуномъ моей сестры, которую вы здѣсь видите, и хотѣлъ ее изнасиловать. Онъ преслѣдуетъ насъ; вы хорошо вооружены; будьте великодушны, помогите мнѣ защитить мою сестру.»

— Я хорошо знаю мужественное и великодушное сердце Магіэ, сказала Дениза съ волненіемъ;—онъ, не задумавшись, взялъ на себя защиту этихъ несчастныхъ?

— Разумѣется, ни мало не размышляя. «Въ качествѣ адвоката, не могъ же я упустить такую хорошую практику», говорилъ онъ мнѣ. Онъ полетѣлъ на встрѣчу сира де-Бомона, который имѣлъ съ собой двухъ оруженосцевъ. Началась битва, и сначала счастіе было на сторонѣ нашего храбраго пріятеля. Какъ вдругъ одинъ изъ сражающихся нанесъ Магіэ сзади такой ударъ въ голову, что шлемъ разлетѣлся на части. Бѣдный Магіэ потерялъ сознаніе и упалъ къ ногамъ своей лошади... Когда онъ очнулся, то увидѣлъ, что полунагой лежитъ на соломѣ въ тюрьмѣ. И въ этой тюрьмѣ онъ провелъ все время своего отсутствія изъ Парижа.

— Какъ онъ долженъ былъ страдать, бѣдняжка! невольно

вырвалось у Денизы.—Но какъ же онъ вышелъ оттуда, милый дядюшка?

— Сиръ де-Бомонъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ втого происшествія, отправился на войну противъ англичанъ. Убитъ ли онъ въ день постыдной битвы при Пуатье, или взятъ въ плѣнъ—Магіе не знаетъ. Но только, вскорѣ послѣ сраженія при Пуатьэ, замокъ былъ осажденъ и взятъ отрядомъ извѣстнаго капитана Грифита.

— Этого ужаснаго англійскаго авантюриста, котораго вы, дядюшка, разбили съ нашей милиціей, и не подпустили къ Парижу, произнесла съ ужасомъ Дениза. — Великій Боже! въ какія ужасныя руки попалъ бѣдный Магіэ!

— Разувѣрься, милое дитя, по странной случайности это обстоятельство и помогло освободиться нашему другу. Капитанъ Грифитъ, прославившійся своей жестокостью, бываетъ иногда великодушенъ. По своей привычкѣ, перешаривъ всѣ углы въ замкѣ, убивъ по дорогѣ кого попало, обезчестивъ встрѣчныхъ женщинъ, ограбивъ что было можно, солдаты Грифита отправились въ тюрьмы. Найдя тамъ Магіэ, они сняли съ него цѣпи и притащили его къ своему начальнику. Грифитъ, по счастію, въ этотъ день былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Разспросивъ нашего друга, пораженный его храбростью и сильнымъ сложеніемъ, онъ предложилъ ему службу въ своемъ отрядѣ. Магіэ, разумѣется, отказался. Грифитъ, полупьяный, однакоже восхитился его отказомъ. Онъ далъ ему платье, два флорина и сказалъ, намекая на его худобу: «когда у тебя явится мясо на костяхъ, ты будешь здоровымъ быкомъ; если я встрѣчусь съ тобой, я почту за величайшее удовольствіе переломить съ тобою копье. Ты свободенъ; иди куда хочешь; и пусть дьяволъ, мой кумъ, служитъ тебѣ защитой!»

— И онъ отправился прямо въ Парижъ? спросила Маргарита.

— Да. И здѣсь онъ долженъ былъ перенести такой страшный ударъ! Довольный и счастливый, онъ заходитъ къ нашему общему пріятелю, книгопродавцу Лебреню, и тамъ узнаетъ о смерти своего отца. Судите о его горести.

Въ это время вошла служанка и, подавая Марселю золотую

печать, на которой были вырѣзаны буквы C и N подъ короной, сказала ему:

— Какой-то человѣкъ, совершенно закутанный, такъ что не видать даже его глазъ, ожидаетъ въ лавкѣ; онъ желаетъ говорить съ вами сію минуту, и далъ мнѣ эту печать, чтобы показать вамъ.

Марсель, взглянувъ на печать, выразилъ на своемъ лицѣ удивленіе.

— Маргарита, сказалъ онъ женѣ,—уйдите съ Денизой отсюда. Магіэ, вѣроятно, скоро придетъ. Не ожидайте меня ужинать. А ты, Агнеса, приведи сюда этого человѣка.

— Какъ, Марсель, ты развѣ опять уйдешь на ночь?

— Я пойду въ собраніе въ монастырь Кордельеровъ. Да, Маргарита, похороны Перрина Масе, можетъ быть, повлекутъ за собой великія событія.

Вошелъ таинственный гость; осмотрѣвъ внимательно двери—хорошо ли они заперты?—онъ скинулъ свой капюшонъ и бросилъ его на стулъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, лѣтъ 25 отъ роду, съ правильными, красивыми чертами лица, одѣтый очень просто, но не смотря на граціозность его фигуры, на привлекательность его манеръ, на нѣжность и симпатичность его голоса, сейчасъ было видно, что это человѣкъ съ сильно-развитыми страстями, злой и лицемѣръ. Марсель подозрительно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, и какъ онъ ни привыкъ, въ качествѣ человѣка, дающаго инициативу великимъ дѣламъ,—принимать у себя разныя личности; но это посѣщеніе его изумило и произвело на него тяжелое впечатлѣніе.

— Я никакъ не ожидалъ, что мнѣ выпадетъ честь принимать у себя сегодня ночью короля наваркаго, сказалъ Марсель.

Карлъ Злобный (такъ прозвали короля наварскаго и прозвали совершенно справедливо) улыбнулся, какъ могъ пріятнѣе, и отвѣчалъ тихимъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Развѣ короли не посѣщаютъ другъ друга? Что же въ томъ удивительнаго, если Карлу наварскому, пришла охота посѣтить Марселя, короля парижскаго народа.

— Государь, произнесъ Марсель съ нетерпѣніемъ,—чего вы хотите отъ меня?

— Ты, какъ видно, не любишь много разглагольствовать.

— Да, не люблю, и имѣю привычку взвѣшивать каждое слово, которое говорю.

— Ты никогда не довѣрялъ мнѣ, недовѣряешь и теперь?

— Вы совершенно правы.

— Мнѣ нравится твоя искренность.

— Государь... Скорѣе къ дѣлу. Что вамъ отъ меня нужно?

Карлъ на минуту задумался, потомъ, устремивъ свой ехидный взглядъ на городского голову, онъ произнесъ, отчеканивая каждое слово:

— Чего я хочу, Марсель? Я желаю быть королемъ Франціи... Это тебя удивляетъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ великій гражданинъ съ хладнокровіемъ, взбѣсившимъ Карла;—нѣтъ, вы давно мечтаете объ этомъ и рано или поздно должны дѣйствовать для осуществленія своихъ плановъ.

— Ты проницателенъ, Марсель... Когда же ты увѣрился, что твое предположеніе вѣрно.

— Съ того времени, какъ ваша креатура, Робертъ Пѣтухъ, епископъ лаонскій, съ особеннымъ жаромъ сталъ выказывать свои симпатіи народной партіи и, при каждомъ удобномъ случаѣ, выставлять на видъ дурное управленіе вашего тестя, короля Жана.

— Однакожъ, сколько мнѣ помнится, тебѣ послужило на пользу вліяніе лаонскаго епископа въ генеральныхъ штатахъ; съ его помощью была утверждена штатами твоя знаменитая резолюція о реформахъ.

— Я пользуюсь всякимъ орудіемъ, посредствомъ котораго можно сдѣлать добро.

— А по минованіи надобности, ты его разбиваешь?

— Да, если это необходимо для дѣла; но Робертъ слишкомъ гибокъ, чтобы его можно было разбить. Однакожъ, не смотря на его хитрость, я угадалъ его тайную цѣль.

— И эта цѣль?

— Относясь враждебно сначала къ королю Жану, вашему тестю, а теперь къ регенту, вашему зятю, и возбуждая противъ нихъ народъ, епископъ лаонскій желаетъ, съ помощію народной

партіи, свергнуть съ трона царствующую династію, и потомъ, съ ея же помощію, надѣть корону на вашу голову. Вотъ почему, государь, я не удивился, когда вы мнѣ сказали: «я хочу быть королемъ Франціи».

— А что ты думаешь о моемъ планѣ?

— У васъ есть нѣсколько шансовъ для благополучнаго исхода дѣла.

— Съ твоей помощью?

— Можетъ быть.

— Я въ этомъ былъ увѣренъ! вскричалъ радостно король наварскій. Но, подумавъ съ минуту, продолжалъ:

— Не ставишь ли ты мнѣ западню, Марсель? Я знаю, какое мнѣніе ты составилъ о моемъ характерѣ, ты не разъ выражался дурно на мой счетъ.

— Государь, васъ прозвали Карломъ злобнымъ, и, мнѣ кажется, это прозваніе идетъ къ вамъ, какъ нельзя лучше; но вы человѣкъ дѣятельный, расторопный, въ вашемъ распоряженіи многочисленныя вооруженныя шайки; у васъ много могущественныхъ союзниковъ, вы обладаете значительными богатствами; вы, однимъ словомъ, сила, которая, въ данный моментъ, можетъ быть полезна...

— То есть, я, Карлъ, король наварскій, могу быть удобнымъ и полезнымъ орудіемъ въ рукахъ Марселя, торговца суконами. Такъ, кажется?

— Государь, у васъ свои виды, у меня свои планы, которые я не считаю нужнымъ скрывать отъ васъ. Окруженный отвратительными совѣтниками, регентъ, лицемѣрный и упрямый, играетъ своими клятвами; онъ подписалъ повелѣніе о реформахъ; онъ, рыдая, цѣловалъ меня, называя своимъ отцемъ; онъ клялся Богомъ и всѣми святыми, что желаетъ блага народу, что онъ душевно сочувствуетъ всѣмъ постановленіямъ національнаго собранія. Но все это была ложь: онъ не исполняетъ ни одного своего обѣщанія и, гдѣ возможно, вездѣ ставитъ преграды доброму дѣлу. Разными таинственными, темными путями, онъ старается возбудить зависть и вражду прочихъ сильныхъ городовъ къ Парижу. Фальшивая королевская монета продолжаетъ вредить торговлѣ и убиваетъ кредитъ. Наконецъ, два дня

тому назадъ, любимцы регента замучили буржуа въ глазахъ цѣлаго города и этимъ самымъ выказали презрѣніе двора къ законамъ, изданнымъ генеральными штатами. Планъ двора очевиденъ: раззорить народъ, довести его до крайней бѣдности, свалить всю вину на генеральные штаты и потомъ сказать народу: «Видишь, къ чему привело тебя твое возмущеніе. Ты хотѣлъ управляться самъ собою, хотѣлъ посылать своихъ депутатовъ въ генеральные штаты, ты желалъ освободиться отъ прежней отеческой власти твоихъ сеньеровъ, и теперь по дѣломъ несешь наказаніе за свою глупость. Пусть этотъ горькій урокъ послужитъ тебѣ на пользу, и ты убѣдишься, что сеньеры рождены за тѣмъ, чтобы властвовать, а народъ для того, чтобы повиноваться. Покайся, воротись къ старому, и все пойдетъ хорошо».

— Если бы ты, также, какъ и я, присутствовалъ при тайныхъ совѣщаніяхъ моего зятя съ его совѣтниками, ты не могъ бы лучше разъяснить положеніе дѣлъ, какъ разъяснилъ сейчасъ. И ты боишься, что ихъ предположенія увѣнчаются успѣхомъ?

— Боюсь за сегодня, но отвѣчаю за будущее. Побѣда свободы несомнѣнна, хотя она ей тяжело достанется... Но я не вполнѣ отчаяваюсь и за сегодня, я попытаюсь еще усовѣстить регента.

— А если тебѣ не удастся, ты обратишься ко мнѣ?

— Изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее; къ тому же вы имѣете надъ регентомъ громадное преимущество, и какъ вы ни злы, какъ вы ни вѣроломны, Карлъ злобный, я намѣренъ помочь вамъ достичь власти, но подъ однимъ условіемъ, чтобы вы послужили тому дѣлу, которому я служу. Но если вы, по своему вѣроломству, захотите измѣнить нашему дѣлу, тогда...

— Тогда ты меня низвергнешь, понимаю. Значитъ ты можешь безъ всякой жалости уничтожать свое собственное произведеніе?

— Безъ всякой жалости, если это необходимо. Но имѣйте въ виду, что вамъ придется опереться не на большихъ феодальныхъ владѣтелей, какъ было до сихъ поръ,—на нихъ опираться теперь не приходится, они сами слабы,—васъ возведетъ на

престолъ народъ; съ его только помощью вы достигнете своей цѣли. И такъ,—вы видите, что возможность сдѣлаться королемъ для васъ существуетъ, и, какъ это ни печально, но вы будете властвовать надъ Франціею.

— Чтобы говорить со мной такимъ образомъ, нужно имѣть много мужества, Марсель!

— Полноте, государь, вы очень хорошо знаете, что мнѣ нѣтъ никакой выгоды лгать и унижаться передъ вами. Я, вѣдь, очень хорошо знаю, что едва вы получите тронъ съ моею помощію, первымъ вашимъ побужденіемъ будетъ желаніе избавиться отъ меня.

— Отъ тебя, за всѣ твои услуги? Что ты говоришь!

— Да, я увѣренъ, что вы поступите такимъ, а не другимъ образомъ, и сдѣлаете это по очень простой причинѣ: мое присутствіе будетъ постоянно напоминать вамъ, чѣмъ вы мнѣ обязаны. Но что мнѣ до того, умру я сегодня или завтра, будете вы королемъ или нѣтъ, удастся ли мнѣ уломать регента, или дворъ возьметъ верхъ,— я знаю только одно, что если народная партія потерпитъ теперь пораженіе, все же будущее принадлежитъ ей... И такъ, государь, по рукамъ; если моя попытка у регента будетъ безуспѣшна, я прибѣгну къ вамъ. Васъ сперва назначатъ главнокомандующимъ Парижа, это будетъ первымъ шагомъ вашимъ къ трону... потомъ мы постараемся довести дѣло до хорошаго окончанія, согласно моимъ условіямъ. Нравится вамъ мой планъ?

— Войдя къ тебѣ, я сказалъ: «Марсель, я желаю быть королемъ Франціи». У меня былъ свой проэктъ; я тебѣ не сообщалъ его, желая узнать сперва твои предположенія. Теперь нѣтъ нужды возвращаться къ моему плану; я знаю, что ты человѣкъ непоколебимый и не отступишь ни на шагъ отъ своей цѣли. Тебя нельзя побѣдить, для этого надо тебя прежде уничтожить. Я не стану ломаться предъ тобой, чтобы заслужить твое расположеніе и побудить тебя измѣнить твое мнѣніе обо мнѣ. Я, также, вовсе не такъ глупъ, чтобы сталъ пытаться купить твой союзъ. Какъ ни опасно твое предложеніе для меня, я его принимаю такъ, какъ оно есть. Я возвращусь въ Сенъ-Дени и буду ожидать тамъ хода событій; если мое присутствіе будетъ необходимо въ Парижѣ, ты меня вызовешь. Я полагаю, тебѣ

не надо напоминать, что нашъ разговоръ слѣдуетъ держать въ строгой тайнѣ. Прощай.

И закутавшись опять капюшономъ, онъ вышелъ изъ комнаты.

— Печальная необходимость, сказалъ Марсель, провожая его глазами,—а придется, кажется, помогать его возвышенію. Можетъ быть, только перемѣна династіи поможетъ мнѣ привести въ исполненіе всѣ задуманныя реформы. Да, можетъ быть, скоро встанетъ счастливый день надъ моимъ отечествомъ, и несчастный, задавленный народъ скинетъ съ себя тяжесть, мѣшающую ему дышать и развиваться. Разъ соединятся горожане съ Жакомъ Бономомъ, трудно будетъ Карлу злобному, не смотря на всю его хитрость и лицемѣріе, обмануть насъ, и онъ будетъ послушнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ!

VII.

Огромная зала монастыря Кордельеровъ была полна народомъ; наши знакомые Магіэ, Руфинъ и Гильомъ Кэле были тутъ же и разговаривали, ожидая прихода Марселя и членовъ думы. Гильому удалось уже переговорить съ Магіэ и Марселемъ, и онъ смотрѣлъ спокойнѣе.

Раздались громкія сочувственныя восклицанія; и Марсель, вмѣстѣ съ членами думы, вошли въ залу. Рукоплесканія прекратились только тогда, какъ Марсель поднялся на эстраду, у подножія которой помѣстился Жанъ Мальяръ.

— Мои друзья, началъ городской голова,—мы переживаемъ теперь великія событія. Регентъ и дворъ сбросили маску. На нашъ торжественный, справедливый протестъ противъ безчестнаго кроваваго приговора, въ противность законамъ, произнесеннаго противъ несчастнаго Перина Масе, дворъ отвѣчалъ торжественнымъ погребеніемъ Жана Бальи. Намъ сдѣланъ вызовъ, примемъ же его.

— Да, да, отвѣчали въ толпѣ,—регентъ и его любимцы насъ не испугаютъ.

— Благодаря энергическимъ дѣйствіямъ національнаго собранія, продолжалъ Марсель, —регентъ доведенъ былъ до необходимости утвердить выработанный собраніемъ проэктъ реформъ и поклялся привести ихъ въ исполненіе. Онъ обѣщалъ уничтожить фальшивую монету и не выпускать ее болѣе, онъ далъ слово никого не наказывать безъ суда, онъ обязался безъ согласія депутатовъ ни назначать налоговъ, ни производить расходы на государственныя потребности, онъ согласился избавить страну отъ феодальныхъ и сеньеріальныхъ привиллегій, возмущающихъ всякое нравственное чувство и человѣческое достоинство,—и ничего этого не исполнилъ, онъ играетъ своей клятвой; его любимцы продолжаютъ притѣснять и оскорблять народъ.

— Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь! видимо съ напускной энергіей и съ заученной жестикуляціей, закричалъ Мальяръ. — Они насъ бьютъ и мы ихъ будемъ бить, они насъ убиваютъ и мы станемъ ихъ убивать. Прочь преступную слабость! Смерть измѣнникамъ! Къ оружію, друзья!

Огромнѣйшая часть публики стала громко аплодировать экзальтированной выходкѣ Мальяра. Знакомый намъ гражданинъ въ мѣховой шапкѣ, находившійся тоже въ собраніи, рѣшился воспользоватся этимъ настроеніемъ публики для своей обычной пропаганды.

— Смотрите, мои друзья, какой мужественный человѣкъ нашъ согражданинъ Мальяръ! говорилъ онъ, перебѣгая отъ одной группы къ другой.—Онъ говоритъ только о крови и убійствѣ. Марсель, напротивъ, кажется, постоянно боится себя компрометировать. Это, впрочемъ, меня не удивляетъ; говорятъ, онъ тайно сносится съ партіей двора.

— Что вы, любезный, вы вѣрно съ ума спятили! Чтобы Марсель измѣнилъ парижскому народу!... вы шутите, добродушный человѣкъ! отвѣчало ему множество голосовъ.

— Однакожъ, смотрите, Марсель сдерживается и ничего не отвѣчаетъ на призывъ къ оружію, такъ мужественно заявленный Мальяромъ.

— Какъ же вы хотите, чтобы онъ говорилъ среди этого шума. Его бы никто не услыхалъ. Но тише, онъ говоритъ; послушаемъ!

— Прочь преступную слабость, сказалъ вамъ мой старый другъ Мальяръ, говорилъ Марсель своимъ симпатичнымъ голосомъ.—Онъ правъ, но еще болѣе слѣдуетъ избѣгать слѣпой мести!... Къ оружію! также сказалъ, вамъ Мальяръ въ своемъ горячемъ энтузіазмѣ. Да, можетъ быть, скоро станетъ необходимъ этотъ крикъ и пронесется онъ какъ по городамъ, такъ и по селамъ!

— Что намъ за дѣло до деревень, перебилъ его Мальяръ.— Будемъ заботиться о своихъ дѣлахъ и станемъ работать только для себя; скорѣе скинемъ наши цѣпи и будемъ разить всѣхъ нашихъ враговъ безъ жалости.

— Другъ, твое мужество ослѣпляетъ тебя, отвѣчалъ ему Марсель, тономъ дружескаго упрека.—Развѣ счастіе и свобода должны составлять привилегію только нѣкоторыхъ? Развѣ мы, буржуа и городскіе ремесленники составляемъ весь народъ? Развѣ забылъ ты о милліонахъ рабовъ, вассаловъ, виленовъ, преданныхъ совершенному произволу феодальной власти! Кто же станетъ заботиться объ этихъ несчастныхъ? Никто! Кто представлялъ ихъ въ генеральныхъ штатахъ? Никто! Есть ли они теперь въ нашемъ собраніи?

Но, обернувшись къ Гильому Кэле, стоявшему въ тѣни и внимательно слушавшему рѣчь городскаго головы, онъ замѣтилъ его и указалъ на него собранію.

— Я ошибаюсь... Рабы сегодня имѣютъ здѣсь своего представителя. Разсмотрите хорошенько этого старика и слушайте меня! Ваше сердце, какъ и мое, обольется кровью, вы также, какъ и я, почувствуете сильнѣйшее негодованіе; какъ и я, вы будете взывать къ справедливости и мести! Исторія этого вассала есть исторія всѣхъ нашихъ деревенскихъ братьевъ. Онъ имѣлъ дочь, единственное утѣшеніе въ его горькой жизни. Она была невѣстой прекраснаго честнаго юноши. Былъ назначенъ день свадьбы этихъ милыхъ дѣтей. Но въ наше время, да, въ наше время, въ эту минуту, въ которую я съ вами говорю, первая брачная ночь принадлежитъ сеньеру... И это возмутительное право освящено закономъ...

— Это ужасно, кричала толпа въ свирѣпомъ негодованіи;— какая мерзость! Какая подлость!

— А развѣ мы, оставляя безъ всякой помощи нашихъ деревенскихъ братьевъ, развѣ мы не должны нести на себѣ долю вины за существованіе такого возмутительнаго преступленія? вскричалъ Марсель громовымъ голосомъ.—Но я буду продолжать исторію этого бѣднаго раба...

И Марсель разсказалъ уже извѣстную намъ исторію Мазурека, Авелины и Кэле. Когда онъ окончилъ ее, въ залѣ поднялся страшный шумъ, со всѣхъ сторонъ раздались проклятія. Въ эту минуту выступилъ Гильомъ.

— Теперь моя дочь носитъ во чревѣ дитя своего сеньера, произнесъ Кэле дрожащимъ отъ сильнаго волненія и злобы голосомъ. — Скажите мнѣ, парижскіе буржуа, что долженъ я дѣлать съ этимъ ребенкомъ, если онъ явится на свѣтъ? У васъ тоже есть жены, дочери, сестры! Отвѣчайте,—что сдѣлали бы вы въ подобномъ случаѣ! Слѣдуетъ ли мнѣ это дитя стыда и насилія любить, какъ ребенка моей бѣдной дочери? Или я долженъ ненавидѣть его, какъ дитя палача его матери, и въ моментъ его рожденія разбить ему голову о камень? Отвѣчайте-же!

Но никто не отвѣчалъ; мертвое молчаніе царствовало въ залѣ....

— Вотъ что происходитъ у воротъ нашихъ городовъ! вскричалъ Марсель.—Деревенскій народъ безжалостно отданъ на жертву сеньерамъ? Вездѣ вы услышите объ изнасилованныхъ женщинахъ, людяхъ безвинно убитыхъ! Вассалы, доведенные до отчаянія, взываютъ къ правосудію—единственной надеждѣ угнетенныхъ! И правосудіе освящаетъ своимъ приговоромъ насиліе и убійство! Что же, по вашему, должны теперь дѣлать вассалы? Скажите? И если, доведенные нищетой, грабежемъ, поборами до послѣдней крайности, они обратятся къ закону возмездія и страшно отомстятъ за страданія свои и своихъ отцевъ, — кто осмѣлится ихъ обвинять.

— Никто, кричали въ толпѣ,—никто не осмѣлится ихъ осуждать.

— Не осуждать! но развѣ этого довольно? Развѣ они не братья наши? Не дѣти ли они общей нашей матери—родины. Долгое, очень долгое время, по нашему преступному равнодушію, мы были соучастниками палачей, и кровь тысячъ не-

винныхъ жертвъ падетъ на насъ? Теперь мы несемъ заслуженное наказаніе за нашъ мелкій эгоизмъ! Мы, горожане, думали, что нанесли ударъ произволу и безчеловѣчной тираніи, избавивъ себя отъ многихъ невыносимыхъ притѣсненій; но посмотрите, что происходитъ еще и теперь на нашихъ глазахъ! Регентъ и его друзья измѣнили своимъ клятвамъ; они разрушили всѣ наши надежды; желая напомнить этому принцу о святости клятвъ, я тщетно пытался, отъ имени генеральныхъ штатовъ, получить у него аудіэнцію; двери Лувра для меня заперты. Смѣлость регента велика, но знаете ли вы, гдѣ черпаетъ онъ эту смѣлость? Наша власть кончается за воротами города; и тамъ начинается кровавая тираннія сеньеровъ! Они держатъ въ рабствѣ и страхѣ три четверти населенія Галліи, выжимая изъ него и потъ и кровь! Мы, простаки, думали, что сеньеріи не посмѣютъ помѣшать исполненію новыхъ законовъ, признанныхъ королевской властію. Но мы ошиблись. Мы думали, что эти законы, уничтожающіе возмутительныя привилегіи, на будущее время будутъ способствовать процвѣтанію цѣлой страны; мы полагали, что процвѣтаніе страны повлечетъ за собой совершенное изчезновеніе тунеядцевъ въ шлемахъ и митрахъ, живущихъ нашей работой! Мы надѣялись,—но къ чему все это привело? И никогда не осуществятся наши надежды, если мы не протянемъ руку сельскому жителю и не вступимъ съ нимъ въ тѣсный союзъ! Какая сила можетъ тогда противустать нашей силѣ? Могутъ ли ей противиться регентъ, нѣсколько тысячъ сеньеровъ и вооруженныхъ наемниковъ? Они будутъ побѣждены, они не выдержатъ этой народной бури и погибнутъ. Тогда завоеванный народъ, избавившись отъ своихъ завоевателей, вступитъ въ обладаніе своимъ похищеннымъ добромъ; надъ Галліей взойдетъ солнце свободы, и процвѣтетъ наша великая родина, и будетъ далѣе и далѣе развиваться на пользу себѣ и міру! Такія надежды вовсе не химера; они легко осуществимы; мы завоюемъ себѣ счастливое, прекрасное будущее, если соединимся съ нашими братьями, сельскими жителями! Хотите ли вы соединиться съ ними?

— Да, да, раздалось со всѣхъ сторонъ съ энтузіазмомъ;— соединимся съ нашими сельскими братьями! Ихъ дѣло—наше

дѣло. Пусть нашъ девизъ: *къ благому окончанію* станетъ и ихъ девизомъ!

— Приди ко мнѣ на грудь, бѣдный мученикъ! вскричалъ Марсель, сжимая въ своихъ объятіяхъ Гильома Кэле, взволнованнаго не менѣе городскаго головы;—эти сочувственные крики, которые и теперь еще раздаются въ залѣ, свидѣтельствуютъ о непоколебимомъ союзѣ, который съ этого счастливаго дня установится между горожанами и поселянами, между дѣтьми одной матери, нашей великой родины. Соединимъ же свои усилія противъ общаго врага! Ремесленники, буржуа и поселяне, поклянемся же дѣйствовать *всѣ за одного, одинъ за всѣхъ, и благой конецъ увѣнчаетъ доброе дѣло.*

Клятва была произнесена при громкихъ восторженныхъ рукоплесканіяхъ.

— Мои друзья, пусть всякій, кто желаетъ привести доброе дѣло къ благому окончанію, продолжалъ Марсель,—пусть каждый придетъ завтра утромъ вооруженный на сент-элоасскую площадь; тамъ я сообщу вамъ, что нужно дѣлать.

— Разсчитывай на насъ, Марсель, отвѣчали граждане.—Мы пойдемъ за тобой всюду, куда ты насъ поведешь! Виватъ Марсель! Виватъ поселяне!

Марсель сошелъ съ эстрады и толпа съ большимъ шумомъ стала выходить изъ залы.

— Видите ли, мои сограждане, въ какой степени Марсель подозрѣваетъ и презираетъ парижскій народъ, говорилъ буржуа въ мѣховой шапкѣ многимъ гражданамъ, вмѣстѣ съ нимъ выходившимъ изъ залы.—Слышали ли вы? Я съ трудомъ вѣрилъ своимъ собственнымъ ушамъ!...

— Что! что такое онъ говорилъ?

— Какъ, развѣ вы не понимаете, что онъ призываетъ къ себѣ на помощь грубыхъ деревенскихъ бродягъ только потому, что не довѣряетъ намъ. Но развѣ мы не достаточно храбры, чтобы самимъ вести свои дѣла, безъ всякой помощи со стороны Жака Бонома. По истинѣ, никогда еще Марсель такъ открыто не высказывалъ своего презрѣнія къ намъ! Да, настоящій другъ народа не Марсель, а Жанъ Мальяръ.

VIII.

На другой день солнце уже высоко поднялось, а регентъ только-что проснулся. Его постель окружало нѣсколько придворныхъ. Одинъ изъ нихъ сеньоръ де-Нарвиль надѣвалъ регенту сапоги. Гюгъ де-Конфланъ, маршалъ Нормандіи, повѣсившій Перина Масе, разговаривалъ въ сторонѣ съ Робертомъ, маршаломъ Шампаньи. И тотъ и другой были особенно ненавидимы народомъ; ихъ вредному вліянію на регента народъ приписывалъ всѣ свои невзгоды и вѣроломные поступки сеньеріальной партіи.

— Гюгъ, въ которомъ часу запираютъ рѣчныя заставы? спросилъ регентъ.

— По наступленіи вечера, государь, отвѣчалъ маршалъ съ иронической улыбкой,—и это дѣлается по приказанію всесильнаго Марселя.

— Значитъ, ночью ни одно судно не можетъ выйдти изъ Парижа?

— Ни одно, государь.

— Въ такомъ случаѣ приготовь мнѣ хорошій корабль за городской заставой; я намѣренъ уѣхать сегодня ночью. Ты и Робертъ поѣдете со мною.

— Какъ, государь, вы хотите оставить Парижъ? съ изумленіемъ произнесъ маршалъ;—и вы оставите его ночью, въ качествѣ бѣглеца, оставите его во власти Марселя! Но если этотъ наглый буржуа васъ безпокоитъ, такъ не лучше ли повѣсить его и за одно съ нимъ всю думу, какъ я повѣсилъ Масе. Вы, можетъ быть, полагаете, что подобный образъ дѣйствій возмутитъ весь Парижъ? Вѣрьте мнѣ, что эти трусы не осмѣлятся и пикнуть, если мы избавимся отъ ихъ предводителей.

— По моему прежде другихъ слѣдуетъ расправиться съ нѣкоимъ Мальяромъ, который вѣчно кричитъ противъ двора и требуетъ крови, прибавилъ Робертъ.

— Мальяръ! живо вскричалъ регентъ, — чтобы никто не смѣлъ тронуть и волоса съ головы Мальяра!

— Ну, Мальяра можно оставить, но послѣдуйте моему совѣту, не щадите Марселя, сказалъ маршалъ Нормандіи.

— Гюгъ, прервалъ его регентъ насупившись,—повторяю тебѣ еще разъ, чтобы вечеромъ былъ готовъ корабль!

Придворные хорошо знали упрямый характеръ регента и не рѣшились болѣе возражать ему.

— Но что это за шумъ на улицѣ, сказалъ Гюгъ, подходя къ окну.

— Это не шумъ, а угрозы, съ ужасомъ замѣтилъ Робертъ.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжалъ блѣдный и растерянный офицеръ.

— Бѣгите, государь, парижскій народъ наводнилъ Лувръ! Стража обезоружена! Бѣгите, государь, еще есть время.

Но регентъ такъ растерялся, что не могъ вымолвить ни одного слова и продолжалъ сидѣть раздѣтый на кровати.

Отворились другія двери и въ нихъ вбѣжала цѣлая масса придворныхъ и сеньеровъ, ожидавшихъ въ сосѣдней залѣ пробужденія регента.

— Лувръ наводненъ народомъ! Марсель во главѣ банды убійцъ. Спасайте регента! кричали они.

Съ самомъ дѣлѣ за стѣной, въ галлереѣ, примыкающей къ спальнѣ регента, послышались шаги густой толпы людей. Это былъ Марсель во главѣ вооруженныхъ гражданъ. За нимъ слѣдовали впереди другихъ Магіэ, Руфинъ и Гильомъ Кэле. Подойдя къ дверямъ спальни регента, которыя были отперты, Марсель далъ знакъ своему отряду остановиться и одинъ вошелъ въ комнату.

— Гдѣ регентъ? спросилъ онъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ,—я желаю съ нимъ говорить, никто не посмѣетъ причинить ему никакого зла.

Въ словахъ Марселя было столько искренности, всѣ знали его честность и вѣрность данному слову, что никто не рѣшился сомнѣваться въ справедливости имъ сказаннаго, потому регентъ рѣшился тотчасъ же выйдти къ нему на встрѣчу.

— Я здѣсь, сказалъ онъ рѣзко, сердитымъ тономъ,—что

тебѣ нужно отъ меня? Твоя дерзость велика... Какъ осмѣлился ты войдти вооруженнымъ въ мой дворецъ!

— Государь, нѣсколько разъ я просилъ у васъ аудіенціи, но никто не отвѣчалъ на мои письма; я принужденъ былъ войдти силой въ ваши двери, чтобы просить васъ выслушать мое искреннее и твердое мнѣніе на счетъ положенія вещей...

— Окончимъ пустые разговоры. Я тебя спрашиваю, чего тебѣ нужно отъ меня?

— Государь! Прежде всего точнаго исполненія вашихъ обѣщаній, торжественно данныхъ вами генеральнымъ штатамъ. Только однѣ реформы, указанныя штатами, могутъ теперь спасти нашу родину.

— Тебя называютъ королемъ Парижа, отвѣчалъ регентъ съ горькой и сардонической улыбкой.—И такъ, царствуй, спасай родину. Развѣ ты не достаточно силенъ для этого?

— Государь, дѣйствительно Парижъ и нѣсколько большихъ городовъ исполнили постановленія національнаго собранія; но за стѣнами этихъ городовъ начинаются владѣнія сеньеровъ, которые находятъ для себя болѣе удобнымъ удерживать старый порядокъ; они составили союзы и вооруженною рукою противятся введенію реформъ, которыя однѣ—еще разъ повторяю—могутъ спасти нашу родину. Государь, вы обязаны прекратить эти злоупотребленія и прекратить ихъ какъ можно скорѣе.

Регентъ обернулся къ группѣ придворныхъ, поговорилъ шепотомъ съ маршаломъ Нормандіи, и сказалъ высокомѣрнымъ тономъ:

— Въ этомъ и состоитъ твоя просьба?

— Не просьба, государь, а совѣтъ.

— Чего же ты еще просишь?

— Справедливости и возмездія, государь. Перинъ Масе, парижскій буржуа, убитъ однимъ изъ вашихъ придворныхъ. Мы просимъ, государь, чтобы тотъ, кто позволилъ себѣ замучить несчастнаго Масе, былъ подвергнутъ такой же самой казни.

— Какъ! вскричалъ регентъ.—И ты осмѣливаешься требовать отъ меня казни норманскаго маршала, лучшаго изъ моихъ друзей.

— Злѣйшаго изъ вашихъ враговъ, государь! Онъ васъ погубитъ своими возмутительными совѣтами.

— Подлый негодяй! закричалъ въ бѣшенствѣ маршалъ, выхватывая свой мечъ.—Ты осмѣливаешься...

— Ни слова болѣе, и мечъ въ ножны, прервалъ его регентъ.— Здѣсь только одинъ я могу отвѣчать г. Марселю, и я приказываю ему выйдти отсюда немедленно.

— Государь! отвѣчалъ городской голова.—Вы еще очень молоды, а я уже сѣдъ. Въ вашемъ возрастѣ естественно быть вспыльчивымъ, но въ мои лѣта приличнѣе хладнокровное обсужденіе дѣла. Умоляю васъ, во имя блага нашей родины, во имя вашего собственнаго благополучія, исполните честно свои обѣщанія и, какъ бы это тяжело для васъ ни было, согласитесь оказать справедливость народу. Этимъ вы устрашите наглыхъ людей, которые, не желая исполнять законы, въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся лишь собственнымъ произволомъ. Заставьте уважать законъ и преступившихъ его карайте, не взирая на ихъ общественное положеніе. Вѣрьте мнѣ, государь, что этотъ путь—единственный для васъ; иначе могутъ выйдти очень непріятныя для васъ послѣдствія.

— А я тебѣ скажу, вскричалъ регентъ,—что пора положить конецъ всѣмъ твоимъ дерзостямъ. Ступай вонъ отсюда.

— Да, вонъ его, вонъ этого грубіяна, вонъ этого бунтовщика! закричали придворные, обманутые, какъ и регентъ, наружнымъ спокойствіемъ вооруженнаго отряда гражданъ.

— Вы, добрые люди, сказалъ маршалъ, обращаясь къ спутникамъ Марселя;—я вижу, вы жалѣете, что пошли за этимъ бунтовщикомъ, который въ своей дерзости зашелъ такъ далеко. Онъ обманулъ васъ. Оставьте его и присоединитесь къ намъ, истиннымъ друзьямъ короля, и мы вмѣстѣ накажемъ измѣну этого негоднаго Марселя.

Городской голова грустно покачалъ головой, потомъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ:

— Я исполнилъ свое дѣло, теперь очередь за вами.

При этихъ словахъ, въ толпѣ, до сихъ поръ спокойной и непоколебимой, раздались яростные, угрожающіе крики, наполнившіе ужасомъ сердца всѣхъ придворныхъ. Руфинъ подскочилъ къ маршалу Нормандіи, и схватилъ его за шиворотъ.

— Ты, сказалъ онъ,—замучилъ и казнилъ Перрина Масе;

въ свою очередь, мы тебя повѣсимъ; пойдемъ, твоя висѣлица уже готова.

— Погоди, бродяга, отвѣчалъ Гюгъ, ударивъ своимъ мечомъ студента по лѣвой рукѣ;—еще не свита та веревка, на которой меня могутъ повѣсить.

— Очень можетъ быть, но то желѣзо, которымъ я размозжу тебѣ голову, уже выковано, отвѣчалъ студентъ,—и нанесъ Гюгу страшный ударъ въ голову.

Нормандскій маршалъ упалъ на полъ мертвый. Въ тоже самое время маршалъ Шампаньи бросился съ кинжаломъ на Марселя, но съ одной стороны Гильомъ Кэле съ пикой, а съ другой, Магіэ съ мечомъ, прикрыли своего начальника и, въ свою очередь, напавъ на маршала, смертельно его ранили.

Прочіе придворные, боясь подвергнуться участи обоихъ маршаловъ, постарались скрыться въ сосѣднія комнаты. Регентъ остался одинъ съ Марселемъ, который приказалъ своему отряду также удалиться въ галлерею. Испуганный юноша закрылъ лицо руками, и шепталъ:

— Прошу васъ, Марсель, не убивайте меня; я васъ назвалъ когда-то своимъ отцемъ; будьте же имъ на самомъ дѣлѣ, не убивайте меня.

Какъ ни тихо были произнесены эти слова, но ихъ услыхалъ Марсель.

— Васъ убить! сказалъ онъ, потрясенный до глубины души такимъ подозрѣніемъ.—Васъ убить! Что вы говорите! О, если бы мысль о такомъ ужасномъ преступленіи могла прійдти мнѣ въ голову, то меня слѣдовало бы проклясть на вѣчныя времена. Не бойтесь ничего, государь; успокойтесь.

— Но что же мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать, въ отчаяніи говорилъ регентъ.—Я чувствую, сколько я потерялъ, не слушая, вашихъ мудрыхъ совѣтовъ. Но, Боже мой, я такъ молодъ, мой отецъ далеко въ плѣну, и виноватъ ли я, что ввѣрился совѣтамъ людей, меня окружающихъ... Вотъ они оба убиты, лежатъ у ногъ моихъ, продолжалъ онъ съ признаками сильной горести, наклонившись къ трупамъ обоихъ маршаловъ.—А они были главными моими совѣтниками. Они меня погубили. Я ихъ любилъ болѣе всѣхъ меня окружающихъ, и они меня

любили; они ошибались, но не обманывали меня, они искренно заблуждались. Не упрекайте меня, добрый отецъ мой, не упрекайте, что я ихъ оплакиваю; это мое послѣднее съ ними прощаніе.

Марсель зналъ, что регентъ, не смотря на юныя свои лѣта, обладалъ значительной дозой хитрости и лицемѣрія, но искренность, съ которой онъ оплакивалъ своихъ погибшихъ совѣтниковъ, обманула городского голову. Онъ повѣрилъ, что этотъ юноша, до глубины сердца пораженный всѣмъ случившимся на его глазахъ, раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ и понялъ, что его собственный интересъ заставляетъ его покончить разомъ съ старымъ порядкомъ и вступить на новый путь. Потому Марсель подозвалъ Магіэ, велѣлъ ему отвести отрядъ изъ галлереи и самого дворца.

— Мой добрый Марсель обратился къ нему регентъ, когда городской голова отдалъ свои приказанія, — всѣ эти грустныя событія такъ взволновали меня, что я не могу долѣе оставаться въ этой комнатѣ. Пройдемтесь немного.

— Обопритесь на меня, государь, вы ослабѣли, и позвольте сказать вамъ два слова. Я вѣрю вашимъ обѣщаніямъ; я вѣрю, что эти печальныя событія произвели на васъ тяжелое впечатлѣніе и вы поняли свои ошибки. Ахъ! къ какимъ печальнымъ крайностямъ должны прибѣгать иногда люди. Но, государь, совершенно отъ васъ зависитъ, чтобы подобные ужасы никогда болѣе не возобновлялись... Вы, первый, должны давать примѣръ уваженія къ закону; сдѣлайте такъ, чтобы владычествовалъ онъ, а не грубая сила; всѣ тогда будутъ аппелировать къ закону, а не къ силѣ, послѣднему прибѣжищу человѣка, который тщетно взывалъ къ правосудію! Государь, для васъ наступила теперь рѣшительная минута; если вы еще разъ обманете наши надежды... наши послѣднія надежды; если мы дойдемъ до печальнаго сознанія, что вы неспособны или недостойны царствовать, подъ строгимъ и неуклоннымъ контролемъ генеральныхъ штатовъ, избранныхъ народомъ,—я вамъ откровенно скажу, что народъ, доведенный до крайности бѣдностью, страданіями, притѣсненіями, изберетъ себѣ другого короля, который будетъ лучше заботиться объ общественномъ благѣ...

— Увы! мой добрый отецъ! Къ чему всѣ эти угрозы? Я вполнѣ завишу отъ васъ.

— Государь, я вамъ не угрожаю, я далекъ отъ подобной низости! Я представляю вамъ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ; вы можете развить благосостояніе народа; ваше имя будутъ благословлять; хотите ли вы этого?

— Хочу ли я!... Великій Боже! О, говорите, говорите, добрый отецъ... Я вамъ буду повиноваться, какъ самый почтительный сынъ; клянусь вамъ всѣмъ, что есть святого, что отнынѣ вы будете моимъ единственнымъ совѣтникомъ... Приказывайте, что я долженъ дѣлать?

— Народъ собрался передъ Лувромъ;... онъ знаетъ уже о смерти нормандскаго маршала. Покажитесь въ окнѣ, скажите толпѣ нѣсколько любезныхъ словъ; объявите громко о своемъ мудромъ рѣшеніи, заявите, что отнынѣ благо народа будетъ постоянной вашей заботой... И вотъ еще что, прибавилъ Марсель, снимая свою шляпу и передавая ее регенту,—въ доказательство вашего союза съ народной партіей, надѣньте мою шляпу; это произведетъ хорошее впечатлѣніе на народъ.

— Дайте, дайте, живо проговорилъ молодой принцъ, надѣвая шляпу на голову. — Только такой другъ, какъ вы, мой отецъ, могъ подать мнѣ такой благой совѣтъ. Откройте это окно, обратился онъ къ Норвилю, ихъ сопровождавшему,—я хочу говорить съ моимъ любезнымъ парижскимъ народомъ

— Магіэ, говорилъ въ это время Руфинъ адвокату, вмѣстѣ съ нимъ сопутствующему Марселю,—мнѣ кажется, что регентъ надуетъ нашего Марселя; увидишь, что онъ выкинетъ сегодня же какую нибудь штуку.

Магіэ только пожалъ плечами.

— Мои любезные граждане моего добраго города Парижа, говорилъ между тѣмъ регентъ, взволнованнымъ голосомъ, — я принялъ рѣшительное намѣреніе исправить всѣ ошибки, которыя могли причинить вамъ убытки и возбудить ваше неудовольствіе. Увѣряю васъ въ томъ моимъ словомъ. Маршалъ Нормандіи, одинъ изъ моихъ совѣтниковъ, несправедливо наказалъ Перина Масе, честнаго парижскаго гражданина. Маршалъ умеръ и этимъ оказано возмездіе нарушенному правосудію. Это должно удовлетворить васъ, мои любезные парижане! Я васъ прошу забыть наши несогласія; соединимъ наши усилія для общаго блага. Будемъ любить другъ друга, будемъ помогать одинъ

другому. Я дѣлалъ много ошибокъ, я такъ еще молодъ, меня окружали дурные совѣтники, но теперь я остался одинъ, и впредь вотъ мой совѣтникъ, его одного я буду слушать...

И регентъ обнялъ Марселя.

— Достойные парижане, въ лицѣ этого великаго гражданина, котораго я теперь обнимаю, я даю вамъ братскій поцѣлуй, въ знакъ нашего будущаго согласія.

И рыдая онъ прижалъ къ своему сердцу Марселя и долго цѣловалъ его.

Эта чувствительная сцена растрогала народъ и довела его до бѣшенаго энтузіазма. Громкіе крики: «виватъ регентъ!» «виватъ Марсель!» потрясли воздухъ и долго еще эхо разносило ихъ по улицамъ столицы.

— Государь, вы слышите эти радостные крики, они говорятъ о довѣріи къ вамъ народа, питающаго надежду, что теперь для него наступитъ время процвѣтанія и благосостоянія. Не обманите этихъ счастливыхъ надеждъ, идите твердо и непоколебимо къ великой цѣли и вы будете счастливы и ваше имя будутъ благословлять даже самые поздніе наши потомки.

— Ахъ, мой добрый отецъ, я растроганъ до глубины души, съ пафосомъ проговорилъ регентъ.—Новая жизнь представляется мнѣ въ такомъ радужномъ свѣтѣ. Я буду работать и день и ночь. Будьте всегда подлѣ меня; вы поддержите меня, вы возбудите во мнѣ энергію. Но теперь я такъ взволнованъ, что чувствую необходимость отдыха; прощайте!

На прощаньи онъ нѣжно расцѣловался съ Марселемъ.

— Норвиль, обратился онъ къ придворному, ожидавшему его у дверей спальни. — Чтобы сегодня вечеромъ былъ готовъ корабль за городской заставой. Собери мои деньги и драгоцѣнности и будь готовъ ѣхать со мною.

Вечеромъ того же самого дня въ знакомой намъ комнатѣ въ домѣ Марселя сидѣли онъ самъ, жена его, Дениза, Магіэ и Гильомъ Кэле. Разумѣется, главною темою разговора служили происшествія этого дня. Марсель рѣшительно былъ убѣжденъ въ искренности регента; его собесѣдники настроены были такимъ же образомъ и разговоръ сталъ принимать другое направленіе; уже Магіэ сталъ разсказывать, какъ узналъ онъ о своемъ род-

ствѣ съ Мазурекомъ,—какъ вдругъ въ комнату вбѣжалъ запыхавшись Руфинъ, съ крикомъ: «измѣна, Марсель, измѣна!»

— Какая измѣна? спросилъ его Марсель.

— Я тебѣ говорилъ, продолжалъ Руфинъ, обращаясь къ Магіэ,—что нельзя вѣрить искренности регента. Вышло по моему: онъ уѣхалъ изъ Парижа.

— Но можетъ быть, возразилъ Марсель.—Какой нибудь часъ тому назадъ я видѣлся съ нимъ.

— Этого времени слишкомъ достаточно, чтобы изъ Лувра доѣхать до рѣчной заставы. Собственными глазами я видѣлъ, какъ регентъ садился на корабль; собственными ушами я слышалъ, какъ онъ говорилъ своему спутнику: «Я оставляю этотъ проклятый городъ и клянусь, что вернусь въ него только послѣ казни Марселя и другихъ бунтовщиковъ изъ членовъ думы, волнующихъ парижскій народъ.»

Такая неожиданность привела всѣхъ въ тупикъ и никто не могъ вымолвить ни слова.

— Потомъ они вошли въ лодку, продолжалъ студентъ, — и, шумъ отъ удара веселъ по водѣ убѣдилъ меня, что я не грезилъ, а дѣйствительно видѣлъ и слышалъ все, о чемъ вамъ разсказываю.

Марсель опустилъ голову на грудь и задумался.

— Могъ ли я подозрѣвать, что этотъ юноша такъ лицемѣренъ и золъ, произнесъ, наконецъ, Марсель грустнымъ тономъ. — Разставаясь со мною, онъ сказалъ: «Успокойтесь, мой отецъ, идите отдохнуть, вы очень устали; завтра же мы съ удвоенной ревностью примемся за дѣло». И послѣ этого черезъ часъ бѣжать! И отъ чего же онъ бѣжитъ! Отъ славной, блестящей будущности! Нѣтъ, я его жалѣю, а не презираю!

— Я полагалъ, что мнѣ удастся избавить родину отъ новыхъ ужасовъ междуусобной войны, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія;—но мнѣ не удалось. Не я въ этомъ виноватъ. Я сдѣлалъ все, чтобы привести дѣло къ мирному окончанію. А! они хотятъ войны; пусть будетъ война—война ужасная! Мы до послѣдней капли крови будемъ сражаться за свою свободу, мы вырвемъ изъ цѣпей рабства милліоны несчастныхъ рабовъ. Мы спасемъ наше драгоцѣнное отечество, которому грозитъ гибель со всѣхъ сторонъ. Мы избавимъ его и отъ англичанъ и отъ своеволія домашнихъ тирановъ—нашихъ благородныхъ рыцарей-

сеньеровъ, какъ трусливые зайцы убѣгающихъ съ поля сраженія, едва покажется непріятель

Онъ подсѣлъ къ столу и сталъ что-то писать на пергаментѣ.

— Пришло и наше время, вскричалъ радостно Гильомъ Кэле.—Полно тебѣ быть вьючнымъ скотомъ, Жакъ Бономъ! Поднимись на ноги и рази, рази все безъ милосердія; тебѣ не давали пощады, не щади и ты. Бейся, пока у тебя есть силы, бейся, пока не отнимешь у наглыхъ похитителей все, чѣмъ владѣли твои отцы. Они тебя завоевали — завоюй теперь ихъ ты!

— Прощай, сказалъ онъ обращаясь къ Марселю и пожимая ему руку.—Я ѣду домой; завтра я буду тамъ, а послѣ завтра подамъ сигналъ для возстанія въ Бове, Пикардіи и Лаонѣ.

— Отсрочь свой путь на одинъ часъ; я схожу въ Лувръ, и возвратившись оттуда, отпущу тебя. Я хочу самъ увѣриться въ справедливости факта, переданнаго Руфиномъ.

Въ это самое время служанка подала письмо городскому головѣ.

— Мнѣ не зачѣмъ идти въ Лувръ; одинъ изъ моихъ товарищей получилъ положительныя свѣденія объ отъѣздѣ регента, продолжалъ Марсель и, обращаясь къ Магіэ, прибавилъ:—возьми это письмо и отвези его въ Сен-Дени къ наварскому королю, и потомъ отправляйся въ Нуантель; я знаю, у тебя есть тамъ дѣла. Простись же съ Денизой, своей невѣстой. Я охотно даю согласіе на вашъ бракъ.

Пока прощались молодые люди, Марсель, обнявъ Гильома, сказалъ ему:

— Часъ пробилъ! Къ оружію Жакъ Бономъ! И да будетъ добрый конецъ нашему благому предпріятію!

— Да, добрый конецъ для насъ, злой для нашихъ притѣснителей! отвѣчалъ Кэле.

— И я поѣду съ тобой, Магіэ, я тебя не пущу одного, мой дружище, говорилъ Руфинъ.—Граждане, Университетъ и Жакъ Бономъ соединились вмѣстѣ—трепещи же врагъ!

Распростившись съ Марселемъ всѣ трое сѣли на коней и поспѣшно поѣхали по дорогѣ въ Сен-Дени.

(Продолженіе будетъ).

ПРОВИНЦІЯ.

(Посвящается А. П. Скугаревскому)

Пожилъ я долго въ провинціи чудной...
Да, это подвигъ великій и трудный
Въ обществѣ дикомъ, гнетущемъ прожить,
И человѣческій видъ сохранить.
Смотришь снаружи: какъ будто прогрессъ
Не миновалъ этотъ сумрачный лѣсъ...
Не говорите, что мы отсталые!
Вонъ проложили вездѣ мостовыя,
Клубъ учредили, читальня въ немъ есть,
Можете душу за книгой отвесть.
Красятъ гимназію, красятъ тюрьму,
Вышелъ сосѣду приказъ моему —
Ветхій домишко немедля сломать,
Взоръ безобразьемъ ничей не смущать.
Ночью повсюду горятъ фонари...

Это снаружи... Посмотримъ внутри.
Жизнь здѣсь домашняя, тихая льется;
Только къ пріѣзду начальства дается
Вечеръ семейный да званый обѣдъ...
Вотъ и сегодня собрался совѣтъ:
— „Дмитрій Семенычъ, ты много грѣшилъ...
Пиръ за тобою!..“ совѣтъ порѣшилъ.
Полдень и праздникъ... Всѣ лавки закрыты.
Граждане наши свершаютъ визиты,
Любо послушать, какъ въ залѣ иной
Сплетни и пошлости льются рѣкой;
Всѣхъ пересудятъ, надъ всѣмъ позлословятъ,
Каждый вашъ взглядъ и движеніе ловятъ.
Любятъ коснуться людей молодыхъ:

Сколько тутъ выдумокъ гнусныхъ, смѣшныхъ!
Сколько польется тутъ злобы, досады...
Каждой ничтожной случайности рады:
—«Вотъ онъ, смотритъ каковъ *либералъ!*»
Но—на обѣдъ покатилъ генералъ...
Надо визиты кончать, одѣваться,
Время на званый обѣдъ собираться...
Музыка въ залѣ изящномъ играетъ;
Зелень колонны и бюстъ обвиваетъ,
Столъ, по срединѣ, *покоемъ* накрытъ.
Людъ нашъ чиновный серьезно сидитъ,
Точно свершаетъ великое дѣло...
Къ гостю хозяйка-красотка подсѣла;
Самъ же хозяинъ за столъ не садится,
Смотритъ начальству въ глаза, суетится.
Веселъ сановникъ, играетъ лорнеткой,
Шутитъ съ нарядной, лукавой сосѣдкой,
Смотритъ на пару хорошенькихъ глазъ—
Вспомнилось время старинныхъ проказъ!
Щелкаютъ пробки, бокалы несутся,
Рѣчи живѣе, свободнѣе льются.
"Славный устроилъ, мошенникъ, обѣдъ;
„Ловко опять отвертѣлся отъ бѣдъ...
Гдѣ онъ беретъ эту, братецъ, мадеру?"
(Пьяный всегда откровененъ не въ мѣру.)
Всюду бесѣды, сердецъ изліянье...
Вдругъ водворяется въ залѣ молчанье.
Мѣстный ораторъ, поднявши бокалъ,
Рѣчь громогласно такую держалъ:
— „Каждый изъ насъ, господа, сознаетъ, —
Русь дорогая стремится впередъ.
Всѣ мы стоимъ, господа, за прогрессъ,
Чувства насъ всѣхъ проникаютъ однѣ-съ;
Но мы разумно впередъ подаемся...
Да надъ старинным ничѣмъ не смѣемся,
Жизнью семейной и тихой живемъ,
Къ благу отчизну родную ведемъ...
Опытъ насъ учитъ,—не глупыя книжки.
Пусть насмѣхаются дерзко мальчишки—
Насъ-бы стыдила безумцевъ хвала.
Общество наше стоитъ какъ скала
Противъ теорій ребяческихъ, праздныхъ,

Противъ нападокъ безсильныхъ и грязныхъ.
Всѣ мы привыкли цѣнить, уважать
Тѣхъ, кто примѣры намъ можетъ давать
Жизни полезной, труду посвященной,
Всею Россіей давно оцѣненной.
Кто, господа, между васъ не слыхалъ,
Сколько намъ пользы принесъ генералъ?
Сколько онъ вдовъ и сиротъ призрѣлъ,
Сколько онъ разъ не доспалъ, не доѣлъ,
Тяжкой работѣ отдавшись всецѣло!...
Пусть онъ каралъ... Онъ караетъ за дѣло!...
Вотъ, господа, не начальникъ—отецъ!...
Вотъ кому надо—лавровый вѣнецъ!
Вотъ"... У оратора слезы текутъ,
Даже начальникъ растрогался тутъ...
Дамы рыдаютъ... Настала пора —
Грянуло дружное въ залѣ ура!...

Снова въ столицѣ я... . . . . .
. . . . . .
Старыхъ знакомыхъ встрѣчаю, людей,
Спутниковъ юности свѣтлой моей.
—„Что ты такъ скученъ?... Тебя кто обидѣлъ?...
Гдѣ пропадалъ ты, что слышалъ и видѣлъ?"
—„Въ нашей провинціи, другъ мой, скитался.
Много я вынесъ, душой настрадался:
Видѣлъ тамъ царство солидныхъ дѣльцовъ,
Вѣрныхъ преданіямъ дѣдовъ, отцевъ...
Видѣлъ я рядъ еще свѣжихъ могилъ,
Юныхъ, средою задавленныхъ, силъ...
Вырвался цѣлымъ изъ омута я...
Вспомнилась славная юность моя!...
Братья, намъ старое вспомнить не стыдно;
Можетъ быть, мы не трудились солидно,
Но благороднымъ горѣли огнемъ,
Старый начавъ перестраивать домъ.
Мы похваляться прошедшимъ не станемъ
Рано уснувшихъ мы скромно помянемъ...
Время придетъ, и напомнитъ о нихъ
Чей нибудь честный и пламенный стихъ!...

Д***

ПОДЛОГЪ.

РОМАНЪ

Чарльза Рида

и

Діана Бусико.

ГЛАВА XIX.

Долго обдумывалъ Гэзель заданную ему задачу и наконецъ пришелъ къ двумъ заключеніямъ: 1-ое, что онъ не зналъ гдѣ находится островъ, не имѣя возможности опредѣлить ни широты, ни долготы его; 2-ое, что еслибъ онъ и зналъ точное положеніе острова, то какая представляется возможность вступить въ сношенія съ обитаемымъ міромъ? Сознавая, такимъ образомъ, всю дикость требованій Элленъ, и всю невозможность ихъ исполненія, онъ въ отчаяніи опустился на землю близь своей лодки и, закрывъ лицо, залился слезами. Черезъ минуту, однако, оправившись онъ снова вскочилъ; но тутъ чья-то рука нѣжно опустилась на его плечо. Элленъ стояла подлѣ него.

—Мистеръ Гэзель, сказала она поспѣшно, но глухимъ голосомъ;—не обращайте вниманія на мои слова. Я неблагоразумна; я конечно должна быть благодарна за все... О, сэръ! О, мистеръ Гэзель! воскликнула она вдругъ, отбрасывая свой холодный, напряженный тонъ;—простите меня. Я не то, чтобъ была

неблагодарна, нѣтъ, но я съума сошла отъ отчаянья. Не судите слишкомъ строго, а пожалѣйте меня. Въ эту самую минуту дорогіе мнѣ люди ожидаютъ меня и какъ велико будетъ ихъ горе, когда они узнаютъ о крушеніи Прозерпины! Они думаютъ, что я умерла для нихъ, а я — живу здѣсь безпомощная. О, бѣдный папа! онъ только теперь пойметъ, какъ страшно меня любилъ. О, милый Артуръ! сколько горя ты перенесешь по моей милости! О, папа, папа! неужели я никогда васъ не увижу! — И несчастная дѣвушка горько зарыдала.

— Я не имѣю возможности ни помочь вамъ, ни утѣшить васъ, миссъ Роллестонъ, сказалъ Гэзель. — Волею провидѣнія вы брошены на этотъ необитаемый островъ, и волею того же провидѣнія я призванъ вамъ служить и заботиться о вашихъ нуждахъ. Я молю Бога, чтобъ онъ мнѣ далъ силы и здоровья—исполнить свое призваніе

Она застѣнчиво, боязливо взглянула на него и вернулась въ свою хижину. Гэзель произнесъ послѣднія слова холодно и съ достоинствомъ. Она чувствовала себя, какъ бы униженной тѣмъ болѣе, что онъ молча принялъ ея извиненія. Болѣе часа она слѣдила за нимъ, пока онъ ходилъ взадъ и впередъ по берегу; но лишь только онъ пошелъ по направленію къ ея жилищу, она тотчасъ захлопнула дверь и бросилась на постель. Черезъ нѣсколько минутъ она выглянула, чтобъ посмотрѣть — тутъ ли онъ, но онъ уже изчезъ.

На другое утро Элленъ съ удивленіемъ увидѣла, что Гэзель приготовлялъ лодку къ отплытію. Онъ поспѣшилъ ей объяснить, что необходимо было предпринять поѣздку вокругъ острова для болѣе подробнаго его изслѣдованія, главнымъ образомъ съ цѣлью избрать удобныя мѣста для сигналовъ. Онъ уже чѣмъ свѣтъ бѣгалъ на Телеграфный мысъ и укрѣпилъ тамъ флагъ на высокомъ деревѣ, но этого было мало, слѣдовало выставить такіе-же значки со всѣхъ сторонъ острова, чтобы проходящій мимо корабль могъ бы обратить на нихъ вниманіе. Элленъ молча и съ гордой улыбкой дала свое согласіе на предположенный планъ дѣйствій, но во время завтрака она стала замѣчать, что Гэзель принялъ на себя какой-то рѣшительный и независимый тонъ, къ которому она не привыкла; онъ обращался съ ней все

также нѣжно и почтительно, но она чувствовала, что кормило правленія взято изъ ея рукъ, что явилась другая воля, которой она была обязана повиноваться. Конечно, она такъ не разсуждала, но инстинктивно понимала, что Гэзель покойно, тихо входилъ въ свои права—и—избалованный ребенокъ—надула губки. Между тѣмъ Гэзель поспѣшно снаряжалъ лодку, и Эллень слѣдила за нимъ, внутренно негодуя на эту поѣздку, которую она же сама вызвала. Тутъ она невольно задумалась о странной перемѣнѣ, которая, казалось, произошла въ ея характерѣ; она нѣкогда столь твердая, благоразумная женщина, теперь стала вспыльчивымъ, капризнымъ ребенкомъ.

Вскорѣ Гэзель поднялъ парусъ и хотѣлъ выдти изъ бухты, какъ вдругъ Эллень съ неожиданной рѣшимостью побѣжала на берегъ и воскликнула: «я поѣду съ вами, если позволите.» Гэзель взглянулъ на нее съ удивленіемъ, но былъ очень обрадованъ ея словами.

— Я надѣюсь, что я васъ не стѣсню, сказала Эллень, усаживаясь въ лодку. Гэзель увѣрилъ ее, что нисколько, а напротивъ она будетъ ему большей помощью, и, отчаливъ отъ берега, они пустились въ путь.

Взявъ на западъ, они часа полтора шли вдоль сѣвернаго высокаго, крутого берега, мѣстами изрѣзаннаго узкими заливчиками, потомъ, обогнувъ западный край острова, простиравшійся мили на три, они достигли глубокаго и широкаго залива, на южной сторонѣ котораго далеко вдавался въ море песчаный мысъ. На оконечности его возвышалась та самая гигантская пальма, которую Эллень увидала первая изъ лодки. Тутъ они пристали къ берегу, на песчаныхъ отмеляхъ котораго мирно покоились цѣлыя стада тюленей, тотчасъ окружившіе ихъ лодку къ немалому ужасу Эллень. Тщетно Гэзель старался увѣрить ее, что эти страшныя на видъ животныя были въ сущности очень неопасны и безвредны; она отъ испуга дрожала всѣмъ тѣломъ, и только немного успокоилась, когда Гэзель, растолкавъ ближайшую толпу, погладилъ молоденькаго тюленя, очень добродушно принявшаго эту ласку. Все-же Эллень была очень довольна, когда Гэзель, прикрѣпивъ вертикально къ верхушкѣ пальмы привезенную съ собой жердь, въ видѣ громаднаго значка, снова от-

чалилъ лодку. Вскорѣ, т. е. около полудня, они очутились на южномъ берегу, который тянулся миль на десять ровной крутизной, безъ малѣйшей бухты или даже заводи, такъ что ясно было, что вся рѣчная система острова находилась на сѣверной сторонѣ. Мили за двѣ до восточной оконечности, берегъ дѣлался плоскимъ и тянулись мрачныя болота, усѣянныя тростникомъ. На самой же оконечности отдѣлялась высокая гора, покрытая деревьями, издали походившая на усѣченный конусъ. Эту гору отдѣлялъ отъ болота узкій глубокій проливъ, или скорѣе каналъ, въ которой Гэзель и направилъ лодку. Пройдя по немъ нѣкоторое пространство посреди густаго высокаго тростника, достигавшаго до 12 футовъ, они вдругъ пристали къ широкой зеленой полянѣ, покрытой роскошной зеленью и деревьями. Этотъ прелестный оазисъ, посреди однообразнаго моря тростника, возбудилъ искренній восторгъ нашихъ путешественниковъ, и они рѣшились тутъ отдохнуть. Пока Элленъ приготовляла обѣдъ, Гэзель взлѣзъ на высокій кедръ и обозрѣлъ всю окружающую мѣстность. Оказалось, что, въ четверти мили отъ нихъ, каналъ раздѣлялся на два рукава и, впадая на сѣверѣ въ море, совершенно отдѣлялъ гору, виднѣвшуюся на востокѣ, отъ остальнаго острова, который, въ свою очередь, отдѣлялся отъ болотъ крутымъ кряжемъ горъ, такъ что, безъ всякаго сомнѣнія, на мѣстѣ этихъ мрачныхъ болотъ нѣкогда простиралось бурное море.

Вскорѣ громкій крикъ Эллены заставилъ Гэзеля поспѣшно соскочить съ дерева и, подбѣжавъ къ ней, онъ увидѣлъ, что она съ восторженнымъ изумленіемъ смотрѣла на какой-то кустарникъ съ красными цвѣтами и плодами, въ родѣ персиковъ, изъ коихъ нѣкоторые лопнувъ выказывали массу сѣмянъ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи эти сѣмяна оказались маленькими насѣкомыми съ прозрачно-розовыми крыльями и ярко-пунцовыми туловищами.

— Это кошениль, одно изъ драгоцѣннѣйшихъ произведеній земли, воскликнулъ съ восторгомъ Гэзель,—вы просили чернилъ, а краска, получаемая изъ этихъ насѣкомыхъ, смѣшанная съ сокомъ лины, даетъ самыя лучшія чернила.

И съ этими словами Гэзель набралъ съ пол-чашки этихъ дра-

гоцѣнныхъ насѣкомыхъ и завязалъ ихъ въ платокъ. Потомъ они принялись за обѣдъ, послѣ котораго снова пустились въ путь въ лодкѣ, избравъ тотъ рукавъ канала, который имъ казался больше. Но выборъ этотъ былъ неудаченъ; вскорѣ вода стала такъ быстро убывать, что наконецъ въ самомъ устьѣ, благодаря отливу, лодка врѣзалась носомъ въ песокъ. Дѣлать было нечего, приходилось ждать прилива, по крайней мѣрѣ, три часа, и Гэзель рѣшился воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ изслѣдовать сосѣднюю гору. Элленъ же должна была остаться на берегу у лодки, такъ какъ она чувствовала себя не въ силахъ подняться на такую крутизну. Проводивъ глазами Гэзеля, пока онъ не исчезъ въ густой зелени, Элленъ усѣлась на нѣжной, бархатистой муравѣ, подъ тѣнью стараго кипариса. Вынувъ изъ кармана письмо Артура, она стала читать его страстныя, пламенныя строки, но теперь, какъ-то странно она болѣе сожалѣла его, чѣмъ себя, и погрузившись въ свои мечты, вскорѣ впала почти въ забытье. Какъ долго она оставалась въ этомъ положеніи, она не могла впослѣдствіи припомнить, но вдругъ очнулась отъ какого-то шелеста надъ нею. Полагая, что это была птица въ вѣтвяхъ дерева, она хотѣла снова задремать, но неожиданно почувствовала странное сознаніе, что на нее устремленъ чей-то пристальный взглядъ. Она посмотрѣла вокругъ—никого и ничего. Она взглянула на верхъ небольшая змѣя тихо, медленно спускалась съ дерева прямо къ ней на руку, устремивъ свои глаза, блестѣвшіе какъ два рубина, прямо на зрачки Элленъ. Хвостомъ она обвивала одну изъ вѣтвей дерева, а голова ея находилась уже на равнѣ съ головою Элленъ; еще минута, и ядовитое жало вонлось бы въ руку молодой дѣвушки. Она какъ бы замерла, парализованная страхомъ и роковыми чарами устремленныхъ на нее глазъ.

Между тѣмъ Гэзель, съ трудомъ взбираясь на гору, долго не могъ достичь ея вершины и, наконецъ, почувствовалъ, что земля подается подъ его ногами. Черезъ минуту онъ дѣйствительно полетѣлъ въ пропасть и, весь исцарапанный колючими растеніями, вскорѣ очутился на большой, круглой площадкѣ, приблизительно въ 390 футовъ въ діаметрѣ. Посреди этой площадки было также крутое озеро, берега котораго были покрыты рос-

кошной травой и, въ свою очередь, окружались почти отвѣсными утесами, съ которыхъ и скатился Гэзель. Онъ тотчасъ узналъ по этой обстановкѣ кратеръ погасшаго волкана. Дѣйствительно, воды озера доказывали волканическое происхожденіе почвы и самое дно было асфальтовое. Поспѣшно осмотрѣвъ эту любопытную мѣстность, Гэзель пустился въ обратный путь, но, достигнувъ болота, заблудился, благодаря густому высокому тростнику, застилавшему окружающую мѣстность. Наконецъ, съ неимовѣрными усиліями, онъ очутился на берегу подлѣ лодки, которая по милости прилива уже колыхалась на водѣ.

Обрадованный этимъ Гэзель закричалъ Эллень, что онъ вернулся, и сталъ устраивать въ лодкѣ мачту и паруса. Прошло нѣсколько времени, Эллень не приходила. Ему показалось это страннымъ, и онъ еще разъ крикнулъ. Но отвѣта не было. Онъ прислушался, въ воздухѣ только раздавался шелестъ листьевъ и шумъ морскихъ волнъ. Онъ бросился въ одну сторону, потомъ въ другую, но Эллень нигдѣ не было. Она, однако, не могла уйти далеко, ибо эта мѣстность простиралась не болѣе, какъ на сто футовъ и была окружена со всѣхъ сторонъ водою, т. е. двумя рукавами канала, болотомъ и моремъ. Сердце Гэзеля забилось какимъ-то тревожнымъ предчувствіемъ и онъ снова началъ кричать, но также безполезно, какъ и прежде. Наконецъ онъ неожиданно увидалъ что-то не вдалекѣ за деревомъ, скрытымъ отъ него густою зеленью. Онъ бросился туда и узналъ платье Эллень. Черезъ мгновеніе онъ стоялъ уже подлѣ молодой дѣвушки, повидимому погруженной въ глубокій сонъ. Онъ остановился на минуту и только-что хотѣлъ ее разбудить, какъ вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Лицо ея было покрыто смертельною блѣдностью, глаза широко раскрыты, а грудь тяжело колыхалась. Онъ подошелъ ближе и позвалъ ее. Она не дрогнула, глаза ея были по прежнему безчувственно устремлены куда-то. На рукѣ ея лежала змѣя, сѣрая, съ мутно-зелеными кольцами.

Гэзель сорвалъ поспѣшно сухую вѣтку съ ближайшаго дерева и тихо поднесъ ее къ змѣѣ, которая спокойно лежала, благодаря теплотѣ руки. Она подняла теперь голову, хвостъ дрогнулъ и она бросилась на вѣтку. Гэзель отошелъ на шагъ и

змѣя, снова изогнувшись, бросилась на него. Повторяя это раза четыре или пять, онъ наконецъ отвлекъ змѣю отъ руки Эллены, и тогда, не теряя ни мгновенія, нанесъ ей смертельный ударъ въ шею. Потомъ возвратившись къ Элленъ, онъ нашелъ ее все еще въ томъ же безчувственномъ положеніи, въ которомъ она находилась уже болѣе часа. Онъ заговорилъ съ нею, но она не отвѣчала, только всю ее передернуло; онъ взялъ ее за руки, холодныя какъ ледъ, онъ нѣжно назвалъ ее по имени. Но она, казалось, ничего не слыхала. Тогда онъ поднялъ ее и перенесъ въ лодку, и тамъ нѣсколько разъ облилъ голову водою, что принесло ей нѣкоторое облегченіе и она стала свободнѣе дышать. Наконецъ дрожащими руками взялся онъ за весла и вскорѣ они очутились дома. Бѣдная молодая дѣвушка до того ослабла, что не могла выйдти на берегъ и едва не упала къ ногамъ Гэзеля. Тогда онъ снова взялъ ее на руки, отнесъ въ ея хижину и положилъ на постель. Постоявъ съ минуту, онъ вышелъ на берегъ и провелъ цѣлую ночь въ самомъ отчаянномъ безпокойствѣ, однакоже, не рѣшился взойти къ ней. Выходка на Прозерпинѣ, обнаружившая его любовь, навлекала теперь подозрѣніе на всѣ его дѣйствія. Онъ не смѣлъ выказывать Эллены самаго простого сочувствія, самой обыкновенной любезности, какъ-же онъ могъ теперь ухаживать за нею? Къ тому же его вниманіе и ухаживанье принесло ей болѣе горя, чѣмъ утѣшенія. Однакоже къ утру онъ рѣшился войти въ дверь. Элленъ лежала въ томъ-же положеніи, какъ онъ ее оставилъ. Онъ опустился передъ нею на колѣни и съ ужасомъ смотрѣлъ на страшную перемѣну, происшедшую въ ней. Весь организмъ молодой дѣвушки былъ до того потрясенъ, что обессиленная страданіями на морѣ и недостаточно питательной пищей на островѣ, она теперь пришла въ совершенное изнеможеніе. Гэзель взялъ ее за руку: пульсъ былъ слабый, медленный. Щеки ея впали, глаза были мутны, а руки висѣли, какъ тряпки.

Гэзель сталъ ломать себѣ голову, какъ помочь бѣдной больной и вспомнивъ, что невдалекѣ росъ макъ, онъ бросился туда; набравъ горсть цвѣтовъ, онъ прибѣжалъ домой и тотчасъ заварилъ настой. Простудивъ его, онъ самъ прежде попробовалъ на

себѣ дѣйствіе этого усыпительнаго средства, и, мѣняя нѣсколько разъ пріемъ, наконецъ дошелъ до того, что, принявъ небольшую порцію настоя, онъ заснулъ только на нѣсколько минутъ и проснулся безъ головной боли и тошноты. Эти опыты взяли много времени, ибо отъ перваго слишкомъ большого пріема онъ впалъ въ мучительное забытье на нѣсколько часовъ. Наконецъ онъ пошелъ къ Элленъ, приподнялъ ея голову и поднесъ къ губамъ приготовленное лекарство. Она выпила механически и вскорѣ ея дыханіе и пульсъ перемѣнились къ лучшему; она заснула.

На другое утро Элленъ проснулась съ головною болью и сильной слабостью во всемъ тѣлѣ, но совершенно пришла въ себя. Гэзель, успокоившись на счетъ ея здоровья, сталъ дѣятельно собирать запасы всего, въ чемъ они могли нуждаться въ предстоявшее дождливое время, такъ какъ, судя по набѣгавшимъ тучамъ и безпокойному полету птицъ, онъ былъ увѣренъ, что дожди начнутся очень скоро. Но Элленъ упорно отказывалась вѣрить этому.

— Увидимъ, сказалъ Гэзель;—если вы не перемѣните вашего мнѣнія черезъ три дня, то назовите меня лже-пророкомъ.

Такъ прошелъ этотъ день, на слѣдующій Элленъ почувствовала себя хуже и хотѣла принять маковаго настою въ четверо болѣе назначеннаго Гэзелемъ пріема. Онъ положительно воспротивился этому, говоря, что большая доза непремѣнно вредитъ ей.

— Вы почемъ знаете? воскликнула Элленъ;—вы только можете догадываться о дѣйствіи этого лекарства. Во всякомъ случаѣ я попробую.

Испуганный Гэзель долженъ былъ тогда сознаться, что онъ испробовалъ на себѣ это средство, прежде чѣмъ предложилъ ей. Элленъ взглянула на него просто, спокойно. Въ ея большихъ чудныхъ глазахъ блеснулъ небесный огонь. Было ли это восторженное удивленіе или благодарность? Ея грудь высоко поднималась, ея губы дрожали. Но черезъ минуту она оправилась и была очень рада, что Гэзель, отвернувшись отъ нея, ничего не видѣлъ. Вслѣдъ за этимъ наступило продолжительное молчаніе. Элленъ замѣчталась, но мечты ея были прерваны страшнымъ шумомъ. Она подняла голову. Глаза ихъ встрѣтились, и Гэзель только

улыбнулся. Это былъ дождь. Сначала крупныя капли падали одна за другой, потомъ дождь усилился, наконецъ полилъ ливнемъ. Но хижина Элленъ оказалась непроницаемой, и Гэзель, разведя въ ней огонь, сдѣлалъ ее совершенно комфортабельной, не смотря на наступившіе холодъ и сырость. Устроивши все, онъ простился съ нею и хотѣлъ уже уйти къ себѣ на лодку, какъ она вернула его назадъ.

— Мистеръ Гэзель, сказала она;—я не могу заснуть сегодня, не испросивъ у васъ прощенья за все, что я вамъ сдѣлала и сказала недобраго. Позвольте мнѣ смиренно поблагодарить васъ за ваше великое терпѣнье и... почтительное уваженіе къ несчаст..., то есть, я хочу сказать, къ бѣдной молодой дѣвушкѣ, брошенной на ваше попеченіе.

Она протянула ему руку, онъ взялъ ее и дрожащимъ голосомъ выразилъ свою благодарность за всю ея доброту къ нему; потомъ вернулся на лодку, внѣ себя отъ счастья и блаженства.

ГЛАВА XX.

Прошла недѣля, а дождь все лилъ не переставая. Гэзель радовался этой непогодѣ; благодаря ей, онъ цѣлые дни проводилъ съ Элленъ въ ея палаткѣ. Они жили теперь просто, какъ добрые товарищи, и счастье Гэзеля было неописанное. Та, которая еще недавно ему казалась недоступной богиней, теперь была вѣчно подлѣ него, наполняя однимъ своимъ присутствіемъ его душу блаженствомъ. Она также была, повидимому, довольна; она перестала его бояться, и уже съ тайнымъ удовольствіемъ слѣдила за всѣми признаками его пламенной любви къ ней, ибо эта любовь, хотя старательно скрываемая, просвѣчивала въ каждомъ осторожномъ словѣ, въ каждомъ его почтительномъ движеніи.

Не имѣя возможности теперь заниматься внѣшними работами, Гэзель взялся за приготовленіе бумаги и чернилъ; для бумаги онъ употребилъ сдѣланный имъ изъ тюленьей кожи, высу-

шенной на солнцѣ, отличный пергаментъ, а чернила смастерилъ изъ собранной кошенили и липоваго сока. Съ помощію этихъ матеріаловъ, онъ приступилъ къ составленію карты острова. Набросавъ контуръ, насколько могъ запомнить его по послѣднему путешествію, онъ спросилъ Элленъ: какъ назвать островъ?

— Назовите его Гостепріимнымъ, сказала она, послѣ нѣкотораго размышленія.

Затѣмъ, такимъ же образомъ, всякая мѣстность получила свое имя; такъ явились на картѣ: Тюленій заливъ, Пальмовый мысъ, Сторожевая Гора, Утиное Болото, Кошенилевая поляна и т. д.

— Но какъ мы назовемъ столицу этого царства, мое жилище, сказала Элленъ, наклоняясь надъ плечомъ Гэзеля.

— Св. Еленой, воскликнулъ поспѣшно Гэзель, и записалъ, прежде чѣмъ молодая дѣвушка успѣла протестовать.

На восьмый день дождь прекратился, небо прояснилось и солнце засіяло во всемъ своемъ блескѣ. Элленъ съ радостью привѣтствовала возвращеніе хорошей погоды; но Гэзель только качалъ головою, увѣренный, что непогода еще вернется, ибо въ этихъ странахъ дождливое время или зима продолжается мѣсяцъ или полтора. Дѣйствительно, къ вечеру стали набѣгать тучи и всѣ звѣри и птицы начали выказывать безпокойство,—вѣрный признакъ, что въ природѣ подготовлялось что-то недоброе. Гэзель въ этотъ вечеръ сидѣлъ, какъ всегда, подлѣ Элленъ въ ея хижинѣ, и занятый какой-то работой не сводилъ глазъ съ молодой дѣвушки. Но вдругъ онъ вздрогнулъ, тяжелое сознаніе поразило его благородное сердце, онъ почувствовалъ, что опасно играть огнемъ, что не слѣдуетъ такъ долго смотрѣть на любимую имъ женщину. Онъ тяжело вздохнулъ, отвернулся и вышелъ изъ палатки. Пройдя нѣсколько шаговъ по берегу и протрезвившись на чистомъ воздухѣ, онъ вошелъ снова къ Элленъ, но съ ужасомъ остановился на порогѣ, увидавъ, что она, бросивъ работу, читала какое-то письмо. Итакъ, вотъ въ чемъ она черпала утѣшеніе. Онъ подозрѣвалъ это и прежде, но не видя тому явныхъ доказательствъ, чувствовалъ себя счастливымъ.

— Прощайте, сказалъ онъ, глухимъ голосомъ, не входя въ палатку.

— Прощайте, отвѣчала Элленъ нѣжно.

И еслибъ Гэзель взглянулъ на нее въ эту минуту, то увидалъ бы, что глаза ея, устремленные на письмо Артура, выражали какое-то недоумѣніе, колебаніе. Но Гэзель этого не видѣлъ; онъ отвернулся и вышелъ въ самомъ мрачномъ отчаяньи. Мало по малу онъ однако успокоился, хотя и послѣ тяжелой борьбы съ самимъ собою. Почему же Элленъ не читать письмо Артура Вордло? Она была его невѣста, связанная съ нимъ узами чести и привязанности. Придя къ такому заключенію, этотъ терпѣливый, все переносящій безъ ропота человѣкъ, прилегъ на свое жесткое ложе и собирался уже заснуть, какъ вдругъ раздался громовый ударъ и страшный порывъ вѣтра поколебалъ весь островъ. За этимъ слѣдовалъ другой ударъ, третій; раздался глухой трескъ въ лѣсу, вѣтеръ неистово колыхалъ вѣковыя деревья, и вырывалъ ихъ съ корнями. Гэзель съ испугомъ бросился къ жилищу Элленъ, но когда достигъ до него съ неимовѣрными усиліями,—ибо на ногахъ держаться было невозможно, а приходилось ползти на четверенькахъ — то отъ этого жилища не оставалось и слѣда. Одно изъ деревьевъ, составлявшихъ его оплотъ, лежало на землѣ, стѣны хижины были всѣ разнесены вѣтромъ, а травяная настилка, служившая крышей, валялась разбитая на землѣ. Изъ подъ нея-то съ криками ужаса онъ вытащилъ бѣдную Элленъ.

— Не пугайтесь, промолвила она,—я нисколько не ушиблась.

Но Гэзель чувствовалъ, какъ она судорожно дрожала; взявъ ее осторожно на руки, онъ направился къ своей лодкѣ, гдѣ они могли быть, по крайней мѣрѣ, безопасны отъ вѣтра. Но достичь лодки было не легко, ему приходилось то схватываться за сосѣднее дерево, чтобъ не грохнуться съ своею дорогою ношею, то крадучись почти на четверенькахъ, пробираться между разными обломками, нанесенными на берегъ. Наконецъ, они благополучно достигли лодки, которая, находясь въ значительномъ углубленіи, какъ бы въ докѣ, не боялась напора волнъ. А вокругъ нихъ свирѣпствовала разъяренная стихія; море дико ревѣло, рѣка выходила изъ береговъ, деревья, кустарники съ трескомъ ломались со всѣхъ сторонъ, и громадные обломки кружились въ воздухѣ. Во все это время Элленъ

вела себя великолѣпно. Говорить было нельзя, но она благодарила Гэзеля за свое спасеніе гораздо краснорѣчивѣе словъ; она довѣрчиво припала головой къ его мощной груди, какъ бы ища его покровительства, руки ея не разставались съ его рукой; и при каждомъ новомъ порывѣ вѣтра, она все ближе и ближе къ нему прислонялась. Гэзель забылъ теперь и о бурѣ и объ опасности. Онъ чувствовалъ только, что близъ него было существо, которое онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ, что ея длинные, распустившіеся волосы касались его лица. Сердце его было переполнено блаженствомъ, и онъ благодарилъ небо за ниспосланную бурю.

На другое утро наши герои, повидимому, помѣнялись ролями. Гэзель впалъ въ какое-то уныніе при видѣ разореннаго жилища Элленъ и ужасныхъ слѣдовъ недавней бури. Молодая же дѣвушка старалась его утѣшить и успокоить, указывая съ улыбкой на—какъ она выражалась,—«пользу этой бури». Во-первыхъ ему не предстояло болѣе нужды лазить по деревьямъ за плодами, такъ какъ они теперь въ громадномъ количествѣ валялись по землѣ. Во-вторыхъ, берегъ былъ усѣянъ множествомъ убитыхъ бурею птицъ, черепахъ и даже тюленей, слѣдовательно, не надо было далеко ходить за провизіей.

— Неужели, при видѣ всего этого, вы не примиряетесь съ потерею моего жилища? сказала Элленъ. — Наконецъ, развѣ мало для васъ утѣшенія, что мы остались цѣлы и невредимы!

— Правда, отвѣчалъ Гэзель;—но меня страшитъ мысль, что ваше здоровье пострадаетъ отъ жизни на открытомъ воздухѣ, въ такую погоду. Какъ жестоко, что это случилось именно теперь, когда вы начинали поправляться.

— О! нѣтъ, прошедшая ночь мнѣ сдѣлала много добра. Намъ, женщинамъ, сильное ощущеніе иногда полезно, конечно не часто. Меня всю перевернуло отъ испуга, и я чувствую себя, какъ бы новымъ человѣкомъ и физически и нравственно. Конечно, мнѣ жаль, что буря уничтожила мою хижину, потому что она вамъ стоила столькихъ трудовъ; но собственно для меня, мнѣ право все равно. Найдите мнѣ какой нибудь уголокъ, гдѣ бы я могла спокойно проводить ночь, а цѣлый день я намѣрена быть на ногахъ и помогать вамъ во всемъ, работая какъ пчела.

Эти милыя, добродушныя слова Элленъ, однако, не могли разубѣдить Гэзеля насчетъ безвыходности теперешняго ихъ положенія. Необходимо было во что бы-то ни стало найти Элленъ новое жилище: правда, онъ уступилъ ей лодку, а самъ перебрался на берегъ, но лодка, не имѣя крыши, не представляла удобнаго и здороваго жилища. Послѣ долгихъ размышленій, онъ, наконецъ, рѣшился устроить для Элленъ помѣщеніе въ пещерѣ, на другомъ берегу бухты. Пещера эта была широкая, удобная, безопасная, но поверху ея протекалъ ручеекъ и, такимъ образомъ, наполнялъ сыростью всю пещеру. Однакоже Элленъ къ этому неудобству отнеслась съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, замѣтивъ, что оно представляетъ даже неоцѣненную выгоду: у нея въ комнатѣ будетъ душъ. Гэзель же былъ другого мнѣнія; ни мало не унывая, онъ взлѣзъ на утесъ и вскорѣ отыскалъ источникъ ручья. Тутъ ему пришла въ голову счастливая мысль отвести ручей, прорывъ ему другое русло, и, въ тоже время, воспользоваться отверзтіемъ въ сводѣ пещеры для устройства трубы и печи. Все это онъ исполнилъ въ нѣсколько дней съ замѣчательнымъ искуствомъ и терпѣніемъ. Сложивъ печь изъ давно уже приготовленныхъ кирпичей и подогнавъ ее къ естественной каменной трубѣ, онъ сталъ усердно топить до тѣхъ поръ, пока пещера совершенно просохла. Тогда онъ перетащилъ туда всѣ вещи Элленъ и пригласилъ ее самую перейти въ новое жилище. Но тутъ Элленъ съ лукавой улыбкой объявила, что она не пойдетъ пѣшкомъ, а для такого торжественнаго случая желаетъ ѣхать въ лодкѣ. Гэзель тотчасъ исполнилъ ея желаніе и, воспользовавшись первымъ приливомъ, перевезъ ее черезъ бухту. Возвращаться назадъ ему не хотѣлось, къ тому же на этомъ берегу теперь сосредоточивалась вся его работа. Поэтому, съ помощью Элленъ, онъ втащилъ лодку на берегъ, и, такимъ образомъ, они снова стали близкіе сосѣди.

Съ этого времени дни ихъ потекли мирно и однообразно въ неусыпныхъ трудахъ днемъ и дружескихъ разговорахъ вечеромъ. Гэзель устроилъ передъ самымъ входомъ въ пещеру нѣчто въ родѣ террасы съ сѣткой, покрытой листьями, вмѣсто крыши; тутъ они обѣдали и сиживали по вечерамъ, любуясь на море. Потомъ изъ сала убитыхъ тюленей, найденныхъ на бе-

регу послѣ бури, онъ вытопилъ большое количество масла, благодаря которому пещера была постоянно освѣщена; изъ того же сала онъ приготовилъ мыло къ величайшему удовольствію Элленъ; наконецъ, тюленью кожу онъ обдѣлалъ для платья, изъ шкуры нарѣзалъ подошвы для обуви, изъ пузыря приготовилъ пергаментъ, а изъ внутренностей струны и бичевки; мясо же онъ посолилъ и зарылъ въ глину. Что же касается до Элленъ, то она занималась стряпней, мытьемъ бѣлья и шитьемъ: себѣ она сшила тюленью куртку а Гэзелю шапку. Она ходила въ лѣсъ за провизіей и, благодаря этимъ постояннымъ прогулкамъ, пріобрѣтала не только пищу, но и здоровье. Вставали они съ разсвѣтомъ и работали до захода солнца, потомъ часа два Элленъ занималась женскимъ рукодѣльемъ, а Гэзель сидѣлъ подлѣ нея и разсказывалъ ей все, что онъ читалъ когда либо, самъ удивляясь своей памяти. Поздно сидѣть онъ ей никакъ не позволялъ, и она съ улыбкой ему повиновалась. Дѣйствительно, Гэзель сильно заботился объ ея здоровьѣ, и заботы его, какъ мы уже сказали, принесли плодъ сторицею. Видя, что ея здоровье поправляется съ удивительною быстротою, такъ что всякая мысль о чахоткѣ дѣлается нелѣпостью, Гэзель, однако, старался всѣми силами поддержать эту благодатную перемѣну. Элленъ цѣлый день была на воздухѣ, руки и ноги ея были въ постоянномъ движеніи, потому и пища ей требовалась питательная. Но гдѣ было взять мяса? Наконецъ Гэзель съ большимъ трудомъ отыскалъ на берегу мѣсто, гдѣ черепахи, выходя изъ воды, зарывали свои яйца въ пескѣ. Этими-то яйцами онъ сталъ теперь кормить Элленъ три раза въ день и, благодаря этому, какъ онъ называлъ *черепашьему леченію*, здоровье, силы и бодрость Элленъ вскорѣ сдѣлались просто изумительными.

Этотъ поразительный результатъ былъ достигнутъ въ четыре мѣсяца мирной жизни на пустынномъ островѣ. Но во всѣ эти четыре мѣсяца, какъ не ломалъ себѣ головы Гэзель для разрѣшенія великой задачи, заданной ему Элленъ, но все никакъ не могъ придумать средства къ спасенію съ этого, заброшеннаго посреди океана, невѣдомаго уголка земли. Онъ только старательно поддерживалъ выставленные сигналы и знаки, а также написалъ на самыхъ

выдающихся мѣстахъ скалъ гигантскими буквами: «Англичанка здѣсь выброшена волнами. Спѣшите къ ней на помощь». А немного подалѣе прибавилъ: «Берегитесь рифовъ». Но всѣ эти предосторожности были тщетны, на горизонтѣ не появлялся во все это время ни малѣйшій парусъ, такъ что Гэзель, наконецъ, уже смотрѣлъ на море и поправлялъ свои знаки только для очистки совѣсти, не питая ни малѣйшей тѣни надежды.

Однажды, дѣлая подобный обычный обходъ, и удостовѣрясь, что всѣ знаки были на мѣстахъ, Гэзель уже хотѣлъ вернуться домой, не бросивъ даже и взгляда на горизонтъ, какъ вдругъ подъ утесомъ, на которомъ онъ стоялъ, увидѣлъ въ какихъ нибудь восьми миляхъ отъ острова, — корабль на всѣхъ парусахъ. Не смотря на попутный вѣтеръ, онъ двигался медленно, вѣроятно отъ большого груза. Гэзель вздрогнулъ и бросился къ Элленъ съ радостной вѣстью, но на дорогѣ сердце его замерло, при мысли, что этотъ вожделѣнный корабль разъединитъ ихъ на вѣки. Однако, какъ честный человѣкъ, онъ поборолъ это минутное эгоистическое чувство, и, прибѣжавъ къ пещерѣ, воскликнулъ съ торжествомъ: —Радостныя вѣсти! великія вѣсти! корабль въ виду, вы спасены!

— Корабль! воскликнула Элленъ, едва переводя духъ отъ волненія; —гдѣ? гдѣ?

— У самого острова. Теперь его скрываютъ утесы, но черезъ полчаса онъ броситъ якорь. Слава Богу! приготовьте все для отъѣзда. Ура! это нашъ послѣдній день на острову!

Эти слова были произнесены громко, мужественно, но лицо его было блѣдно, глаза опущены; Элленъ видѣла это, и хотя стала дѣятельно приготовляться къ отъѣзду, но слезы выступили на ея глазахъ. Они оба пришли теперь въ такое волненіе, что бѣгали съ мѣста на мѣсто, какъ безумные, то хватаясь за вещи, то бросая ихъ. Наконецъ, не видя долго корабля, они поспѣшили на берегъ, и тамъ, почти подъ самымъ утесомъ, на которомъ стояли, они увидѣли корабль, медленно огибающій берегъ въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи.

— Что они съ ума сошли!—воскликнулъ Гэзель;—какъ можно идти такъ близко къ берегу. Ага! они увидали мои сигналы и предостереженія!

Дѣйствительно, корабль вдругъ, какъ бы опомнясь, повернулъ кормой къ утесамъ и, отойдя на нѣкоторое пространство, снова пошелъ вдоль берега. Чтобъ лучше слѣдить за нимъ и, если надо, подать сигналъ, Гэзель поспѣшилъ съ Элленъ на Телеграфный мысъ. Оттуда корабль былъ видѣнъ, какъ на ладони; его движенія теперь стали совершенно непонятны: словно онъ самъ, или его капитанъ былъ пьянъ; онъ шелъ то въ одну сторону, то въ другую, то впередъ, то назадъ. Наконецъ корабль поравнялся со входомъ въ заливъ, въ какихъ нибудь четырехъ миляхъ отъ земли. Тутъ слѣдовало бросать якорь; и Гэзель, не имѣя возможности, по случаю отлива, выйти въ лодкѣ въ море, сталъ дѣлать всевозможные сигналы: махалъ руками и шляпой, но корабль не обращалъ на него никакого вниманія, и вдругъ принялъ опредѣленный путь, прямо въ открытый океанъ. Такъ прошелъ онъ еще мили двѣ, и тогда стало ясно, что онъ рѣшился не заходить на островъ. Тщетно несчастные подавали сигналы, кричали, махали. На кораблѣ должны были видѣть ихъ, слышать ихъ крики, но спасенные по ихъ милости отъ рифовъ, они теперь безсовѣстно бросали своихъ спасителей.

Гэзель и Элленъ взглянули тогда другъ на друга съ отчаяніемъ и огласили воздухъ дикими криками. Все было кончено. Они опустились на землю, все еще не сводя глазъ съ удаляющагося корабля и вдругъ, какъ бы по одному побужденію, протянули другъ другу руки. Они теперь составляли другъ для друга весь міръ, ибо въ эту минуту міръ хладнокровно бросилъ ихъ посреди океана.

— Успокойтесь, другъ мой, сказала Элленъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ.—О! папа, папа! воскликнула она, черезъ мгновеніе, и, закрывъ лицо руками, судорожно зарыдала.

— Пускай Богъ, сотворившій землю и воду, будетъ судьей между нами и этими негодяями! воскликнулъ Гэзель, съ неописанной злобой.

— Будьте терпѣливы, промолвила Элленъ, всхлипывая.

— Нѣтъ, я не хочу быть терпѣливымъ! прогремѣлъ Гэзель. Боже праведный! воздай злодѣямъ за каждую ея слезу.

Вдругъ онъ вскочилъ и снова устремилъ свой взглядъ на

коварный корабль. Въ глазахъ его блеснула какая-то горькая, злорадная улыбка.

— Ага, по дѣломъ! воскликнулъ онъ,—не плачьте, моя дорогая. Наша взяла! Что они слѣпы или пьяны? или болваны? Никого не видно на палубѣ! Господи! прости меня... корабль набѣжалъ на рифъ.

Элленъ подняла голову; дѣйствительно корабль лежалъ на боку, набѣжавъ на подводный рифъ.

Въ тоже мгновеніе вся злоба Гэзеля изчезла, онъ бросился на берегъ и думалъ только о томъ, какъ бы спасти несчастныхъ, погибавшихъ на кораблѣ. Но не смотря на всѣ его неимовѣрныя усилія, онъ не могъ стащить лодку съ берега ранѣе отлива, который наступилъ только черезъ часъ. Тогда онъ прыгнулъ въ лодку, поднялъ парусъ и отчалилъ отъ берега. Элленъ, съ блестящими отъ волненія глазами, просила взять и ее.

— Какъ! по корабль быть можетъ чумной! воскликнулъ Гэзель;—никогда. Къ тому же вѣтеръ сильный и вы могли бы простудиться. Нѣтъ, молитесь лучше за несчастныхъ, молитесь за меня; я согрѣшилъ передъ Богомъ, пожелавъ имъ гибели.

Съ этими словами, онъ сталъ быстро удаляться. Элленъ долго слѣдила за нимъ, съ нѣжнымъ чувствомъ восторга. Какъ онъ былъ добръ и отваженъ! а когда дѣло шло о ней, то онъ также умѣлъ приходить въ ярость. Странно, это послѣднее качество не уменьшило ея восторженнаго уваженія къ нему. Вскорѣ лодка изчезла въ синевѣ океана, и только виднѣлся вдали ея бѣлѣющій парусъ. Элленъ вернулась домой, развела большой костеръ и занялась приготовленіемъ пищи для несчастныхъ, которыхъ Гэзель долженъ былъ скоро привезти. Однако время шло, а Гэзель не возвращался. Около полуночи поднялась сильная буря, море заволновалось и загрохотало; Элленъ начала сильно безпокоиться. Такъ прошла ночь. Когда разсвѣло, то мелкій дождь, какъ бы дымкой, закрывалъ все море, и Элленъ, терзаемая мрачными предчувствіями, бросилась на колѣни на берегу и пламенно молила Бога о сохраненіи драгоцѣнной для нея жизни. Вскорѣ ея предчувствія стали подтверждаться; море начало выбрасывать на берегъ такія вещи, какія ни разу не заносились на ихъ островъ; тутъ были мачты, доски, боченки,

однимъ словомъ, всевозможные обломки корабля. Она почувствовала страшное стѣсненіе въ груди; но все это было еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ ужасомъ, который наполнилъ ея душу, когда она вдругъ увидѣла на хребтѣ бушующаго вала опрокинутую лодку.

Сердце молодой дѣвушки дрогнуло, глаза ея въ неописанномъ страхѣ устремились на этотъ страшный предметъ. Лодка приближалась все ближе и ближе, наконецъ грозный валъ выбросилъ ее на берегъ килемъ вверхъ—она была пустая.

ГЛАВА XXI.

Элленъ огласила воздухъ крикомъ отчаянья, ноги ея подкосились, и она упала бы въ обморокъ, еслибъ вѣтеръ и брызги волнъ не заставили ее опомниться. Потомъ она пришла въ неописанное волненіе, бѣгала взадъ и впередъ по берегу, какъ собака, потерявшая своего хозяина, ломала себѣ руки, десятки разъ возвращалась къ лодкѣ и никакъ не могла отъ нея оторваться. Наконецъ, она немного опомнилась и первыя ея мысли были не о себѣ, а о немъ. О! зачѣмъ она не вмѣстѣ съ нимъ! зачѣмъ она не умерла вмѣсто него! Еслибъ она только могла усладить его послѣднюю минуту, сказать ему хоть одно слово, передъ его смертію!

Но нѣтъ! ея бѣдный герой умеръ, стараясь спасти жизнь другихъ, умеръ, думая, что она также холодна и безжалостна, какъ тѣ волны, которыя его погубили. Но живой или мертвый онъ былъ для нея все въ эту минуту, и она молила уже волны только принесть дорогой для нея трупъ, чтобъ она могла, по крайней мѣрѣ, излить надъ нимъ все свое горе. Но безжалостное море отказывало ей и въ этомъ мрачномъ утѣшеніи, и выбрасывало лишь по прежнему обломки за обломками погибшаго корабля. Тогда она впервые залилась горючими слезами. Долго рыдала она и, какъ всегда въ страшномъ горѣ, слезы принесли ей облегченіе. Какая-то тѣнь надежды блеснула въ ея умѣ и

она стала придумывать тѣ случайности, которыя могли прибить къ берегу пустую лодку, а вмѣстѣ съ тѣмъ спасти Гэзеля. Посреди этихъ размышленій она вдругъ вскочила и глаза ея засверкали энергіей. — «Что бы онъ сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ? сказала она себѣ;—развѣ онъ сталъ бы сидѣть сложа руки?» При этой мысли, силы въ ней вдругъ возродились, и она твердо рѣшила сдѣлать все возможное, и даже невозможное, для отысканія Гэзеля. Но гдѣ его искать? Прежде всего слѣдовало осмотрѣть длинный рифъ, тянувшійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ острова, за которымъ скрылся Гэзель, когда она въ послѣдній разъ его видѣла. Но чтобъ достичь туда, надо было управлять лодкою, а не было ни мачты, ни паруса, ни веселъ; наконецъ молодая дѣвушка не была въ силахъ даже столкнуть лодку, глубоко врѣзавшуюся въ песокъ своимъ килемъ. Элленъ не унывала; она цѣлый день трудилась, собирала все, что ей только казалось пригоднымъ, припоминала малѣйшія слова Гэзеля, которыя могли ей помочь выйти изъ настоящаго критическаго положенія. Нѣсколько разъ она выходила на лодкѣ въ море и опять возвращалась, то не доставало одного, то другого. Такъ прошли почти сутки; наконецъ, переспливъ всѣ трудности, устроивъ нѣчто въ родѣ паруса изъ багра и куска парусины, а также захвативъ маленькое весло, которое Гэзель нарочно сдѣлалъ для нея, но не успѣлъ еще окончить, она смѣло пустилась въ путь.

Пройдя нѣсколько миль, большую часть на веслахъ, Элленъ наконецъ пристала къ длинному рифу, который она полагала необходимымъ изслѣдовать прежде всего. Привязавъ лодку, она вышла на рифъ, оказавшійся кораловымъ архипелагомъ, и съ какимъ-то нетерпѣливымъ ожиданіемъ стала бѣгать взадъ и впередъ. Но никого и ничего не было видно. Она стала кричать изо всѣхъ силъ, но въ отвѣтъ ей не слышалось ни малѣйшаго звука. Послѣ минутнаго колебанія, она терпѣливо принялась осматривать каждой уголокъ этого рифа. Въ два часа она изслѣдовала пол-острова и на восточной сторонѣ его нашла слѣды погибшаго корабля, именно деревянную женскую фигуру съ киля, обломки мачтъ, нѣсколько ящиковъ и бочонковъ. Видя это, она опустилась на землю и снова предалась

отчаянью. Такъ прошло нѣсколько времени, какъ вдругъ она почувствовала, что до ея руки прикоснулось что-то холодное. Она съ ужасомъ отскочила. Передъ ней стояла собака, исхудалая, изнуренная, но все же махая хвостомъ въ знакъ привѣтствія. Черезъ минуту собака повернулась и тихо, медленно удалилась, какъ бы довольная тѣмъ, что исполнила свою обязанность. Элленъ была такъ поражена этимъ неожиданнымъ появленіемъ, что вся задрожала отъ испуга и отъ возродившейся надежды. «Если собака спасена, подумала она, то неужели милосердный Богъ не пожалѣетъ человѣка, не спасетъ моего ангела?» И она съ новыми силами принялась за поиски. Обойдя вокругъ всего рифа, она вернулась снова къ лодкѣ; ей теперь оставалось только обозрѣть самое незначительное пространство, гдѣ она надѣялась, во всякомъ случаѣ, найти собаку, которую рѣшилась взять съ собой, въ память того, кто такъ любилъ животныхъ.

И такъ, со слезами на глазахъ, она отправилась на сѣверную оконечность рифа, и тамъ увидѣла собаку спокойно сидѣвшую на пескѣ. Она позвала ее, но собака не тронулась. Элленъ подошла и увидѣла причину, по которой животное не обратило на нее вниманія. Собака сторожила. Подлѣ нея лежалъ человѣкъ, почти весь покрытый морскими растеніями; только ноги и блѣдное лицо виднѣлось изъ подъ нихъ. Это былъ *онъ*. Въ одно мгновеніе она была подлѣ него. Живъ-ли онъ? Или уже умеръ? Онъ еще живъ. Глаза его закрыты, но онъ дышетъ, онъ просто крѣпко спитъ. Она стала его ласкать, потомъ прижала его руки къ своей груди, слезы радости потекли по ея щекамъ и она лепетала какія-то невнятныя слова. Тутъ онъ проснулся и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее. Когда же онъ сознался, что это была *она*, дикій крикъ радости вырвался изъ его груди, онъ самъ зарыдалъ и сталъ пламенно цѣловать ея руки. Несчастный, онъ уже считалъ себя совершенно погибшимъ, теперь же онъ былъ спасенъ и спасенъ *ею*. Они долго не могли промолвить ни слова; наконецъ Гэзель первый опомнился и, съ трудомъ вставъ, повелъ Элленъ къ лодкѣ. Она теперь, какъ бы мгновенно, потеряла все свое мужество и стала нѣжной и любящей женщиной.

— Дайте мнѣ чувствовать, что вы подлѣ меня, промолвила она, крѣпко повиснувъ на его рукѣ.

Посадивъ ее въ лодку, Гэзель вернулся на берегъ и притащилъ боченки и ящики, замѣченные еще прежде молодою дѣвушкою. Нагрузивъ, такимъ образомъ, лодку, онъ взялъ съ собою собаку и значительное количество большихъ раковинъ почти съ тарелку.

— Что это! воскликнула Элленъ съ изумленіемъ;—вы только что спаслись изъ когтей смерти, а уже думаете о раковинахъ и прочихъ вещахъ.

— Не судите, пока не увидите, что я изъ нихъ сдѣлаю, сказалъ Гэзель;—онѣ не простыя, а жемчужныя. Я собралъ ихъ для васъ, хотя мало надѣялся увидѣть васъ на землѣ.

Эти слова были сказаны не кстати. Женское сердце оцѣнило поступокъ, казавшійся Гэзелю столь простымъ и естественнымъ. Элленъ почувствовала, что у нея сперлось дыханіе, она старалась засмѣяться, вмѣсто того, чтобъ заплакать, но смѣхъ и рыданія раздались вмѣстѣ. Съ нею сдѣлалась жестокая истерика, явное доказательство, какъ сильно была потрясена вся ея натура. Гэзель испугался и всѣми силами старался успокоить ее. Но тщетно; припадокъ взялъ свое. Когда же она немного оправилась, онъ поднялъ парусъ и поспѣшилъ домой. Тамъ, пока она стряпала ему кушанье и сушила его платье, онъ разсказалъ ей свои приключенія.

— Корабль датскій, началъ онъ; — я полагаю, онъ выдержалъ сильную бурю, такъ какъ былъ полонъ водой. Экипажъ его бросилъ, оставя, на немъ только одну собаку. Подъѣхавъ къ нему, я привязалъ свою лодку на веревкѣ, къ его борту, и, съ помощью своей мачты и весла, скатилъ на рифъ боченокъ съ ромомъ, бочку солонины и нѣсколько ящиковъ съ крупою и мукой, найденные мною въ трюмѣ. Но пока я этимъ занимался, сильный порывъ вѣтра оторвалъ веревку и унесъ лодку въ море. Буря усиливалась и грозные валы все болѣе и болѣе ломали корабль; тогда я кое-какъ перебрался на рифъ и тамъ уже приготовился умирать, ибо не было никакой возможности къ спасенію. Не думалъ я увидѣть васъ на землѣ, тѣмъ менѣе могъ надѣяться, что вы въ состояніи будете меня спасти.

— Пощадите меня, промолвила Элленъ, вполголоса.

— Какъ! я не могу благодарить васъ даже за спасеніе жизни?

— Нѣтъ, мы еще далеко не поквитались въ своихъ счетахъ.

— Плохой же вы математикъ. Я удивляюсь только тому, что вы не браните меня за все безпокойство, которое я вамъ причинилъ.

— Я слишкомъ счастлива, что вижу васъ здѣсь, передъ собою, и могу ли я въ такое время браниться? Но все же, умоляю васъ, бросьте море навсегда и не имѣйте съ нимъ никакого дѣла. Довольно уже мы пострадали отъ этого чудовища.

Она сказала это слабымъ, умоляющимъ голосомъ, и Гэзель видя, что она совершенно изнемогала отъ усталости, оставилъ ее отдыхать, и ушелъ на ночь на свою лодку, бросивъ на дѣвушку взглядъ, полный любви. Элленъ же не смѣла въ эту минуту взглянуть на него, сердце ея было сильно переполнено нѣжными чувствами къ дорогому другу, котораго жизнь она только-что спасла.

На другой день въ Элленъ снова произошла та странная перемѣна, которая уже прежде такъ непріятно поражала Гэзеля. Она стала обходиться съ нимъ то холодно, сдержанно, то черезъ чуръ учтиво и любезно. Только по временамъ ея чудные глаза обращались къ нему съ мольбой, какъ бы прося прощенья. Гэзель отвѣчалъ ей взглядомъ, полнымъ любви, а Элленъ опускала глаза въ землю, и послѣ этого становилась еще сдержаннѣе, еще холоднѣе.

— Это капризъ, подумалъ Гэзель, теряя, наконецъ, терпѣнье—злой капризъ!

Но читательницы, конечно, объяснятъ странное поведеніе Элленъ совершенно иначе. Впрочемъ, какъ бы то ни было, это продолжалось не долго. Сутки, проведенные Гэзелемъ на рифѣ, не обошлись ему даромъ, боль въ спинѣ и въ суставахъ все увеличивалась и не смотря на всѣ его старанія побороть злой недугъ, онъ, наконецъ, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. На третій день послѣ этого событія, украшая пещеру Элленъ жемчужными раковинами, привезенными имъ съ рифа, онъ почувствовалъ такую сильную боль во всѣхъ членахъ, и такой ознобъ, что принужденъ былъ бросить работу и признаться

Элленъ, что онъ серьезно болѣнъ. Она не промолвила ни слова, только сильно поблѣднѣла и съ нѣжнымъ вниманіемъ стала ухаживать за Гэзелемъ. Она развела огонь подлѣ него, согрѣла воды, и какъ онъ съ трудомъ могъ поворачиваться со стороны на сторону, она пособляла ему и всячески старалась облегчить его страданія. Гезель не могъ не подумать, что гораздо лучше было страдать и видѣть ее передъ собой такой нѣжной, такой доброй, чѣмъ быть здоровымъ и терпѣть ея холодность и капризы. Къ вечеру, онъ почувствовалъ себя лучше и удалился спать на лодку, но Элленъ долго не могла сомкнуть глазъ отъ безпокойства. Ночью она нѣсколько разъ просыпалась и со страхомъ прислушивалась, не зоветъ ли се Гэзель; наконецъ къ утру она услышала какіе-то странные звуки. Она бросилась на берегъ и увидѣла, что Гэзель метался въ сильнѣйшемъ жару и бредилъ вслухъ. Она подошла къ нему, и положивъ руку на лобъ, старалась нѣжными словами привести его въ память. Но все было тщетно; онъ кричалъ изо всей силы, какъ бы разговаривая съ какимъ-то невѣдомымъ собесѣдникомъ. Объ чемъ только онъ не говорилъ. И о ложныхъ обвиненіяхъ, и о царицѣ-волшебницѣ, и о садовникѣ, и о капризахъ какой-то красавицы, и о средствахъ разрѣшить великую задачу подать о себѣ вѣсть съ необитаемаго острова черезъ необозримый океанъ. »Ахъ! я дуракъ, говорилъ онъ, съ ужасной энергіей; — я ее люблю, а не могу рѣшить задачу, которую она мнѣ задала. Нѣтъ, все это вздоръ! Я сдѣлаю воздушный змѣй въ 100 футовъ ширины и спущу его на веревкѣ въ пять миль длины, я натру его фосфоромъ и спущу его въ первую бурю. Или, нѣтъ, я лучше остановлю источникъ нефти, пробуравлю близь него отверзтіе, наполню газомъ пятьдесятъ воздушныхъ шаровъ, напишу на нихъ широту и долготу острова и пущу ихъ по всему міру, такъ что всѣ люди сюда соберутся. Задача рѣшена. Да, рѣшена, но я погибъ. Она меня тогда покинетъ; она обо мнѣ не думаетъ. Сердце ея въ Англіи».

Потомъ онъ долго бормоталъ что-то невнятное, и, наконецъ, къ величайшему изумленію и ужасу Элленъ, громко воскликнулъ: она говоритъ, что ненавидитъ гадовъ, а выходитъ замужъ за Артура Вордло!

Произнеся эти слова, онъ застоналъ и вскорѣ крѣпко заснулъ.

Солнце уже было высоко, а онъ все еще спалъ. Элленъ сидѣла подлѣ, устремивъ на него взоры, полные нѣжности. Когда же онъ проснулся, то она съ живымъ сочувствіемъ объявила ему, что она его сидѣлка, что онъ не смѣетъ вставать, что она все, что нужно ему, достанетъ и приготовитъ. Гэзель, однако, хотѣлъ встать, но силы ему измѣнили, и онъ долженъ былъ сознаться, что у него открылась лихорадка. На всѣ просьбы Элленъ, чтобъ онъ поѣлъ чего нибудь, онъ отвѣчалъ отказомъ, но просилъ сварить ему чай изъ коры дикаго лимоннаго дерева и кассіи. Благодаря этому настою, приправленному ромомъ, имъ удалось остановить лихорадку отъ дальнѣйшаго развитія. Все же страданія его были довольно сильныя, и Элленъ часто, тихо подкравшись, слышала, какъ онъ тяжело стоналъ, не подозрѣвая ея присутствія; но какъ только слышалъ ея шаги, онъ немедленно принималъ веселый видъ и старался скрыть свои мученія. Она все это видѣла и сердце ея было полно самого нѣжнаго сожалѣнія. Съ какою радостью она согласилась бы принять на себя его страданія, и чего бы она не дала, даже полжизни, за самое малѣйшее облегченіе его болѣзни.

Но страданія, какъ и все на свѣтѣ, перемежаются; въ болѣзни Гэзеля случался благопріятный переворотъ; въ эти блаженныя минуты отдыха онъ устремлялъ всѣ свои мысли на разрѣшеніе великой задачи. Но та, которая задала ему эту задачу, теперь далеко не поощряла его рвеніе, а напротивъ уговаривала не слишкомъ напрягать умъ и, главное, беречь свое здоровье.

— Будьте терпѣливы, говорила она;—преклоните свою гордость передъ судьбой и не стремитесь къ тому, что выше человѣческихъ силъ. Намъ здѣсь суждено остаться на вѣки, если не зайдетъ сюда случайно какой нибудь корабль. Я перестала унывать и отчаяваться, неужели теперь пришла ваша очередь. Бросьте всякую мысль объ этой задачѣ, или пускай она пріютится въ какомъ нибудь отдаленномъ уголкѣ вашего ума; и вы увидите, что въ ту минуту, когда вы всего менѣе будете этого ожидать, задача вдругъ разрѣшится.

Гэзель подчинился чарующему вліянію молодой дѣвушки, но мысль о разрѣшеніи задачи слишкомъ глубоко засѣла въ его умѣ, чтобы онъ согласился съ нею совершенно разстаться. Онъ продолжалъ думать, но его думы приняли нѣсколько иной оборотъ. Онъ теперь пришелъ къ тому заключенію, что прежде, чѣмъ изобрѣсти способъ повѣстить міру о томъ, гдѣ они находились, надо было опредѣлить *гдѣ* же именно они находятся. Для этого необходимо было опредѣлить градусы долготы и широты, подъ которыми лежалъ Гостепріимный островъ. Но какъ это сдѣлать безъ всякихъ инструментовъ? Послѣ долгихъ размышленій и попытокъ, ему, наконецъ, удалось опредѣлить долготу острова съ помощью мачты, которая, при различномъ положеніи солнца, бросала и различную тѣнь на песчаный берегъ, и часовъ Элленъ, всегда аккуратно ихъ заводившей, не смотря на всѣ несчастія и ужасы. Такимъ образомъ опредѣливъ, что въ то время, когда на островѣ былъ полдень, въ Сиднеѣ было 8 ч. и 49 м. (часы Элленъ были поставлены по Сиднейскому времени), Гэзель уже безъ большаго труда разсчиталъ, что Гостепріимный островъ находился подъ 103° 30′ восточной долготы. Теперь очередь была за опредѣленіемъ широты; но сдѣлать это было гораздо труднѣе. «Мнѣ надо отгадать широту, говорилъ онъ,—съ помощью различныхъ комбинацій. Во-первыхъ мнѣ поможетъ памѣненіе въ долготѣ дня, потомъ мнѣ надо будетъ постараться разсчитать паралаксъ солнца, наконецъ въ этомъ случаѣ можетъ помочь знаніе ботаники: извѣстно, что нѣкоторыя пряныя растенія не растутъ внѣ тропиковъ» Принявъ все это въ соображеніе и сдѣлавъ многочисленныя, трудныя вычисленія онъ, наконецъ, опредѣлилъ, насколько было возможно безъ инструментовъ, что южная широта острова находилась между 33 и 26 параллелями. Конечно, это открытіе было очень важно само по себѣ, но въ настоящемъ случаѣ оно ни къ чему не вело. Въ нѣкоторыхъ задачахъ первый шагъ ведетъ ко второму и т. д. Но настоящая задача распадалась на двѣ совершенно независящія другъ отъ друга, первую,—т. е. гдѣ находился островъ,—Гэзель кое-какъ разрѣшилъ, но теперь оставалась другая, болѣе трудная, почти невозможная—дать знать о себѣ внѣшнему міру.

Такъ прошло нѣсколько времени, и какъ Гэзель ни ломалъ себѣ голову, но ничего не могъ придумать. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, когда Элленъ стряпала въ своей пещерѣ, она вдругъ услышала, что ея больной, еще непокидавшій лодки, оглашаетъ воздухъ дикими криками. Она бросилась на берегъ.

— Еврика! еврика! восклицалъ Гэзель, крича, какъ сумасшедшій, и размахивая руками на подобіе вѣтряной мельницы.

— Успокойтесь, успокойтесь, произнесла Элленъ поспѣшно, боясь, чтобъ ему не повредило волненіе.

— Вѣнчайте меня лаврами, продолжалъ онъ, тѣмъ же восторженнымъ тономъ;—я разрѣшилъ задачу.

— Только-то, не изъ чего волноваться, хладнокровно произнесла Элленъ и всячески старалась успокоить Гэзеля.

Но ея усилія были тщетны; онъ все болѣе и болѣе волновался и теперь сталъ требовать, чтобы она ему помогла немедленно привести въ исполненіе его геніальную идею. Видя, что отказомъ она только болѣе разстроитъ больного, Элленъ поспѣшила исполнить всѣ его желанія, съ поспѣшностью принесла ему всѣ тѣ странные предметы, которые онъ потребовалъ, именно: два куска пергамента, бичевки, ржавый обручь, выброшенный моремъ, и охабку тростнику, но, повинуясь Гэзелю, Элленъ не могла удержаться отъ чувства страха и сожалѣнія и ей вошла въ голову страшная мысль— не сходитъ ли онъ съ ума. Эта мысль утвердилась еще болѣе, при видѣ употребленія, какое Гэзель сдѣлалъ изъ этихъ разнородныхъ матеріаловъ. Изъ пергамента онъ нарѣзалъ нѣсколько маленькихъ и нѣсколько большихъ кусковъ: на первыхъ онъ написалъ: «Англичанка выброшена на островъ, посреди океана, подъ 103° 30′ В. Д. и между 33 и 26 параллелями Ю. Ш. Спѣшите на помощь!» вторые онъ сложилъ мѣшечкомъ и, вложивъ въ него эти записки, туго связалъ длинной бичевкой. Потомъ онъ, съ помощью Элленъ, укрѣпилъ вокругъ обруча нѣсколько рядовъ камышей, расположивъ ихъ, какъ можно неправильнѣе, такъ, чтобы издали обручъ казался массой тростника. Работая безъ устали, Элленъ, отъ времени до времени, бросала на Гэзеля взгляды, полные сожалѣнія и испуга: этотъ обручъ казался ей однимъ изъ тѣхъ фантастическихъ вѣнцовъ, которыми коронуютъ

себя мнимые короли Бэдлама и Бисетра. Но ужасъ ея достигъ крайнихъ предѣловъ, когда Гэзель, послѣ непродолжительнаго восторженнаго состоянія, вдругъ впалъ въ уныніе и сталъ толковать о какихъ-то воздушныхъ вѣстникахъ, которые будутъ конечно напрягать всѣ свои силы, чтобъ уничтожить его открытіе. Это окончательно сразило бѣдную Элленъ; съ смѣшной поспѣшностью, она прекратила этотъ разговоръ и, впродолженіе остального дня, искусно избѣгала страшнаго для нея предмета. Однако сильное волненіе принесло большую пользу больному; силы его вдругъ возвратились, и онъ сталъ почти здоровъ. Гэзель впервые сошелъ съ лодки; отправился въ пещеру, ходилъ взадъ и впередъ, много говорилъ, разсказывалъ, плѣняя, какъ всегда, Элленъ своимъ знаніемъ и необыкновенной памятью. Вообще этотъ вечеръ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ, проведенныхъ молодою дѣвушкою на островѣ; а когда Гэзель возвращался къ себѣ на лодку, она поднесла ему плодъ своихъ долгихъ трудовъ: великолѣпный пледъ изъ хлопка, найденнаго и обдѣланнаго ею по секрету отъ него. Онъ съ жаромъ поблагодарилъ ее и удалился съ радостью въ сердцѣ.

Около полуночи Элленъ проснулась и, тревожимая безпокойствомъ, пошла взглянуть на своего больнаго, что она часто дѣлала безъ его вѣдома. Онъ спокойно спалъ, завернутый въ ея подарокъ. Долго смотрѣла она на него и глаза ея, сіявшіе счастьемъ, были краснорѣчивѣе всякихъ словъ; потомъ застѣнчиво, нѣжно, въ качествѣ сидѣлки, она положила руку ему на лобъ. Голова была не горяча и выступила легкая испарина, вѣрный знакъ, что лихорадка проходила, или уже совершенно прошла. Элленъ отошла нѣсколько шаговъ и, остановившись, снова устремила свои взоры на спящаго Гэзеля. Пользуясь сладостною возможностью смотрѣть на него вволю, безъ всякаго опасенія, она пожирала его глазами, полными самыхъ нѣжныхъ чувствъ. Долго смотрѣла она на него и никакъ не могла оторваться отъ дорогого ей лица.

На разсвѣтѣ Элленъ разбудилъ жалобный вой Пинто,—такъ звали собаку, которая со времени кораблекрушенія, сдѣлалась постояннымъ сотоварищемъ нашихъ героевъ. Элленъ бросилась къ лодкѣ и, къ ея ужасу и изумленію, тамъ никого не было,

кромѣ Пинто, привязаннаго къ мачтѣ. Она окинула взглядомъ всю окружающую окрестность, но Гэзеля нигдѣ не было видно. Она огласила воздухъ криками ужаса.

Гдѣ же былъ Гэзель? Вставъ передъ разсвѣтомъ, онъ надѣлъ самую старую одежду, опоясался ремнемъ, и взявъ приготовленный обручъ съ тростникомъ, и нѣсколько кусковъ сырой рыбы, отправился на болото въ концѣ острова. Тамъ, какъ онъ уже давно замѣтилъ, гнѣздилось множество дикихъ утокъ; онѣ не жили тамъ постоянно, но прилетали и черезъ нѣкоторое время снова уносились въ невѣдомыя страны. Одну изъ такихъ утокъ ему удалось однажды изловить, хотя вообще онѣ не давали ему близко къ себѣ подходить; это было явнымъ признакомъ, что онѣ прилетали изъ цивилизованныхъ странъ, гдѣ боялись людей. Увидавъ эту утку, Элленъ объявила, что она была англійская; Гэзель, хотя не совершенно раздѣлялъ ея мнѣніе, но, послѣ долгихъ наблюденій надъ утками, рѣшилъ, что онѣ избрали этотъ островъ, какъ станцію въ своихъ перелетахъ, и что тотъ путь, котораго онѣ всегда держались, оставляя островъ, былъ кратчайшій до ближайшей земли. Этими-то утками онъ теперь хотѣлъ воспользоваться для разрѣшенія своей великой задачи. Въ этомъ и состояло его геніальное открытіе, сдѣланное наканунѣ. Но прежде всего надо было поймать ихъ; для этого Гэзель надѣлъ себѣ на голову обручъ съ камышами и вошелъ по поясъ въ воду, такъ что издали казался массой тростника. Долго стоялъ онъ неподвижно; солнце уже взошло и утки начали кружить вокругъ него; тогда онъ, съ сердечнымъ трепетомъ, бросилъ возлѣ себя на воду кусокъ рыбы, и черезъ мгновеніе какая-то утка посмѣлѣе другихъ стала клевать лакомый кусочекъ; Гэзель, тихо протянувъ руку, схватилъ ее за лапы и дернулъ подъ воду. Потомъ онъ медленно направился къ берегу, такъ, чтобъ не возбудить подозрѣнія и страха въ остальныхъ уткахъ и тамъ, привязавъ къ лапѣ птицы мѣшочекъ съ пергаментной запиской, онъ пустилъ ее на воздухъ. Обрадованная утка полетѣла за стаей своихъ товарищей прямо на востокъ. Гэзель же вернулся на болото, и ему удалось еще изловить и пустить по бѣлу свѣту двухъ воздушныхъ вѣстниковъ. Восторгъ и торжество его были неописанные. Онъ разрѣшилъ

великую задачу, заданную ему той, которую онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Воздушные вѣстники разносили теперь на крыльяхъ вѣтра повсюду по водамъ и землямъ великую вѣсть, что на неизвѣстномъ островѣ подъ 103, 30 В. Д. и между 33-и и 26 параллелями Ю. Ш. томится англичанка и молитъ ради Бога добрыхъ людей поспѣшить къ ней на помощь!

ГЛАВА XXII.

Внѣ себя отъ счастья Гэзель поспѣшилъ домой, чтобъ обрадовать Элленъ вѣстью о побѣдѣ, которой должна была воспользоваться она, а не онъ. Но вмѣсто восторга она встрѣтила его упреками.

— Посмотрите на себя; вы были въ водѣ, воскликнула она;— какъ это гадко, какъ это стыдно!

— Но я рѣшилъ задачу. Я поймалъ и пустилъ по воздуху три утки, привязавъ къ нимъ записки. Онѣ теперь летятъ по океану и разносятъ вѣсть о нашемъ заточеніи на этомъ островѣ. Вѣнчайте меня лаврами!

— Скорѣе дурацкимъ колпакомъ, отвѣчала Элленъ; — вы только что оправились отъ лихорадки и полѣзли въ воду!

— Но вы не слушаете меня! воскликнулъ Гэзель;—я вамъ говорю, что я рѣшилъ задачу.

— Не я, а вы не слушаетесь здраваго смысла, спокойно произнесла Элленъ; — если вы не будете себя беречь и снова заболѣете, то развѣ меня можетъ вознаградить рѣшеніе задачи,—рѣшеніе, можетъ быть и очень остроумное, но купленное такой дорогой цѣной? Какой вы упрямый человѣкъ! Зачѣмъ вы убѣжали, не сказавъ мнѣ ни слова и заставили меня такъ долго безпокоиться о вашей участи. Но зачѣмъ я съ вами толкую, нечего попусту тратить слова съ ребенкомъ. Да, сэръ, вы ребенокъ! Дѣло въ томъ, что я слишкомъ васъ распустила. Поневолѣ потакаешь большимъ дѣтямъ, но если они злоупотребляютъ довѣріемъ къ нимъ, то конецъ всѣмъ потач-

камъ. Васъ надо взять въ ежевыя рукавицы; ступайте сейчасъ домой, сэръ, переодѣньтесь и не смѣйте являться въ присутствіе вашей сидѣлки, которую вы такъ зло обидѣли — иначе, какъ въ сухомъ платьѣ.

И торжествующій изобрѣтатель въ минуту побѣды поникъ головою и послушно пошелъ переодѣваться. Но жестокое обращеніе Элленъ продолжалось не долго; какъ только Гэзель явился въ пещеру переодѣтый съ ногъ до головы, она съ нѣжнымъ участіемъ и восторгомъ стала распрашивать объ его геніальномъ открытіи.

— Но, сказала она,—я прошу васъ не повторять этого подвига, по крайней мѣрѣ, недѣли двѣ. Островъ не убѣжитъ, и утки прилетаютъ и улетаютъ сюда каждый день, а ваше здоровье для меня очень и очень дорого.

Гэзель покраснѣлъ отъ счастья и охотно далъ слово дѣйствовать по желанію своей милой наставницы. Но впродолженіи этихъ двухъ недѣль случилось событіе, которое всякого другого менѣе великодушнаго человѣка заставило бы бросить все дѣло. Между нимъ и Элленъ пронзошелъ открытый разрывъ. Возникъ онъ по ея винѣ, и продолжался по ея же. Элленъ уже давно хотѣла распросить Гэзеля о тайномъ смыслѣ тѣхъ странныхъ словъ объ Артурѣ Вордло, которыя она подслушала въ его бреду; пока онъ былъ болѣнъ, она не рѣшалась съ нимъ объ этомъ заговорить, справедливо считая такой разговоръ для него непріятнымъ. Но теперь она не могла удержать своего любопытства и, какъ истая женщина, коснулась вопроса издалека, тогда какъ единственный безопасный путь, если ужь это было необходимо, состоялъ въ прямомъ, откровенномъ объясненіи.

— Знаете вы мистера Артура Вордло? сказала она однажды совершенно спокойно, но сильно покраснѣвъ.

Гезель вздрогнулъ и промолвилъ: «да».

— Знаете вы что нибудь о немъ?

— Да.

— Но, я увѣрена, ничего предосудительнаго?

— Если вы увѣрены, то зачѣмъ спрашиваете? Развѣ я когда нибудь упоминаю его имя?

— Да, быть можетъ, ненамѣренно.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Вы, вѣроятно, о немъ постоянно думаете, а не я.

— А по вашему я должна забыть всѣхъ и все, чѣмъ я имъ обязана?

— Я отказываюсь разсуждать объ этомъ.

— Какъ вы жестоки ко мнѣ. Это развѣ честно? Вы знаете, что я дала слово и что долгъ и честь связываютъ меня съ Англіею. Между тѣмъ, я здѣсь счастлива; вы такой добрый, такой твердый, вы могли бы хоть пожалѣть меня; сердце мое разрывается, меня влечетъ и туда и сюда.

Тутъ ея голосъ прервался и слезы потекли изъ ея глазъ.

— Да, я васъ сожалѣю, сказалъ Гэзель;—я сожалѣю всякаго, кто вынужденъ упоминать о чести и долгѣ, говоря объ Артурѣ Вордло.

— Такое сожалѣніе я отвергаю и презираю! воскликнула Элленъ, горько оскорбленная;—нѣтъ я дала слово съ полнымъ сознаніемъ и человѣку достойному. Я никогда не слыхала, чтобъ онъ говорилъ дурно объ отсутствующихъ; а по моему это очень благородная черта. Отсутствующіе также какъ дѣти безпомощны и не могутъ себя защитить.

Это жестокое сравненіе поразило до глубины души Гэзеля и терзаемый ревностью онъ впервые вышелъ изъ себя и промолвилъ, что тѣ, кто разставляетъ сѣти, сами попадаются въ нихъ.

— Сѣти! кто ихъ разставляетъ?

— Вы, миссъ Роллестонъ. Развѣ я когда нибудь снисходилъ до того, чтобъ упомянуть имя этого человѣка. Вы заставляете меня говорить о немъ.

— Снисходили?

— Да, именно; и съ этой минуты я никогда не унижусь до разговора о немъ. Еслибъ напротивъ моя любовь тронула ваше сердце, то тогда я былъ бы обязанъ самъ заговорить о немъ, ибо мнѣ было бы необходимо разсказать вамъ исторію, въ которую онъ вмѣшанъ, несчастную исторію моей жизни. Но нѣтъ, я вижу, что я для васъ ничто и потому я буду молчать.

— Какъ вамъ не стыдно такъ говорить, разскажите мнѣ

вашу исторію и вы увидите, значите ли вы *что* нибудь для меня.

— Я не скажу ни слова, произнесъ Гэзель тихо, отчеканивая каждое слово.—Я не скажу ни слова, пока вы не забудете, что на свѣтѣ существуетъ этотъ человѣкъ.

— О! благодарствуйте, сэръ, вы, по крайней мѣрѣ, говорите откровенно. Я должна забыть честь и клятвы, и тогда вы мнѣ повѣрите свои тайны, то есть, когда я докажу, что недостойна никакой вѣры. Нѣтъ, держите свои тайны, а я постараюсь держать свои клятвы; и сдержу ихъ, пока во мнѣ останется хоть капля крови.

— Но можете ли вы держать свои клятвы, не терзая меня, который васъ такъ много любитъ?

При этихъ словахъ грудь Элленъ начала тревожно колыхаться, но она превозмогла свое волненіе и отрывистымъ голосомъ промолвила:

— Любите меня меньше, но уважайте больше. Вы оскорбляете и пугаете меня. Я смотрѣла на васъ, какъ на брата, на дорогого брата, но теперь я васъ боюсь... я боюсь...

Гэзель. вмѣсто того, чтобъ дать ей время самой опровергнуть свои слова, былъ такъ неосторожевъ, что воскликнулъ съ горечью:

— Вамъ нечего бояться. Оставайтесь на этой сторонѣ острова, а я лучше буду жить одинъ на той сторонѣ, чѣмъ слышать имя Артура Вордло.

При этомъ колкомъ предложеніи Элленъ потеряла все свое мужество и, ничего не отвѣчая, гордо отвернулась, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, поникла головою и залилась слезами.

Съ этой минуты отношенія между ними сдѣлались очень натянуты и холодны. Гэзель продолжалъ служить ей, отправляя возможно большее количество своихъ воздушныхъ вѣстниковъ. Онъ, такимъ образомъ, выпустилъ сорокъ восемь утокъ, причемъ придумалъ новое усовершенствованіе; онъ сталъ прибавлять въ мѣшечки тяжести, разсчитывая, что птицы съ такимъ грузомъ пролетятъ не болѣе трехъ или четырехъ сотъ миль и потомъ опустятся на первый попавшійся корабль. Конечно, тутъ вѣроятность была не велика, но если, изъ сорока восьми вѣстниковъ,

хоть одинъ достигъ бы корабля, то задача была исполнена. Однако, къ величайшему удивленію, его старанія не возбуждали сочувствія Элленъ, а напротивъ, она очень холодно относилась къ нимъ, точно онъ дѣлалъ это для своего собственнаго удовольствія. Но Гэзель не унывалъ и продолжалъ свое дѣло, твердо увѣренный, что, стараясь освободить дѣвушку съ этого острова, онъ исполняетъ свой долгъ, хотя онъ откровенно ей признавался,—для себя онъ не желалъ бы ничего лучшаго, какъ остаться съ нею навсегда, въ этомъ забытомъ, не вѣдомомъ уголкѣ земли.

Дни шли за днями, и Гэзель началъ мало-по-малу ощущать во всемъ тѣлѣ ревматическую боль, прямое слѣдствіе его неосторожныхъ экспедицій на болото. Однажды утромъ, проснувшись, онъ почувствовалъ, что у него вся правая сторона отъ пояса до пятки совершенно отнялась; онъ все же хотѣлъ встать, но не могъ и, едва дотащившись до берега, опустился на песокъ и, закрывъ лицо руками, предался самымъ отчаяннымъ думамъ. Такъ прошло часа два, потомъ, придя немного въ себя, онъ потащился къ своему арсеналу и сталъ обтачивать себѣ костыль изъ молодого дерева.

Между тѣмъ Элленъ, которая никогда не спускала съ него глазъ и слѣдила, хотя и въ тайнѣ, за малѣйшими его движеніями, теперь поняла, что съ нимъ было что-то не ладно и, подойдя къ нему тихо, застѣнчиво спросила: «въ чемъ дѣло?»

— Ничего, отвѣчалъ Гэзель рѣзко.

— Такъ зачѣмъ же вы такъ долго сидѣли на пескѣ? вы никогда этого прежде не дѣлали.

— Я думалъ.

— О чемъ?

— О дерзкомъ безуміи людей, которые предпринимаютъ болѣе, чѣмъ могутъ выполнить и презираютъ мелочную осторожность и здравый смыслъ женщинъ, а потомъ за это страдаютъ, какъ я теперь страдаю за то, что считалъ себя умнѣе васъ.

— О! воскликнула Элленъ;—что вы это сдѣлали? О! Господи... это...

— Это костыль, произнесъ Гэзель съ искуственнымъ спокойствіемъ; — я калѣка.

Элленъ всплеснула руками и задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Да, я безпомощный калѣка! воскликнулъ Гэзель съ отчаяніемъ и потерявъ на минуту свое всегдашнее самообладаніе;— я бы желалъ быть мертвымъ и никому не мѣшать!

Но тотчасъ же устыдясь, что онъ поддался своему отчаянью при ней, онъ схватилъ приготовленный костыль и, отвернувшись, сталъ быстро удаляться. Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ уже Элленъ очутилась возлѣ него. Она положила лѣвую руку ему на плечо, а правой, тихонько высвободивъ костыль, бросила его на песокъ; потомъ взяла руку Гэзеля, поцѣловала ее и, подставивъ подъ его плечо свою мощную руку, произнесла тихимъ, полнымъ преданности голосомъ: — Пока я здѣсь, вамъ не надо деревянныхъ костылей.

Онъ остановился и съ изумленіемъ устремилъ на нее глаза, на которыхъ уже начинали навертываться слезы радости.

— Пойдемъ, сказала она нѣжно, и повела его къ себѣ въ пещеру; по дорогѣ она съ большимъ чувствомъ спросила: — что у него болитъ?

— Боль была въ колѣнкѣ и во всей ногѣ, отвѣчалъ онъ;— но теперь я ее не чувствую. Я снова счастливъ.

— И я также, сказала Элленъ;—еслибъ не ваша болѣзнь.

Такимъ образомъ, ссора между нашими героями улетучилась въ виду этого несчастія. Между ними не было ни формальнаго примиренія, ни объясненія; и тѣмъ лучше, ибо въ сущности ихъ положеніе не измѣнилось. Теперь они вступили въ новую эпоху своей жизни; это уже не были больной и сидѣлка, такъ какъ Гэзель хотя и хромой, никогда не согласился бы на такое унизительное положеніе. Но ихъ обоюдныя роли, повидимому, измѣнились; Гэзель сталъ кухаркой, а Элленъ рыбакомъ и фуражиромъ. Онъ былъ точно также, какъ и прежде, занятъ цѣлый день; но работа была теперь совершенно иная; онъ, какъ мы уже говорили, нашелъ большое количество жемчужныхъ раковинъ на рифѣ и, съ помощью приготовленнаго имъ цемента, украсилъ всѣ стѣны пещеры жемчужною мозаикою. Эта работа наполняла его душу невыразимымъ счастіемъ, ибо жилище, которое онъ обращалъ въ волшебный дворецъ, было

ея жилищемъ. Но это счастье достигало небеснаго блаженства, когда Элленъ ежедневно въ видѣ живого костыля водила его гулять. Онъ опирался на ея руку, ея лицо, полное нѣжнаго сочувствія, почти касалось его лица, они говорили шопотомъ, точно думая вслухъ, словомъ, казались однимъ человѣкомъ. Они оба были счастливы, Элленъ была даже счастливѣйшая изъ нихъ. Прежде чѣмъ подобное чистое, невинное существо выдетъ замужъ и наживетъ дѣтей, она изливаетъ свое материнское чувство, инстинктивно ей присущее, прежде на куклѣ, а потомъ на какомъ либо безпомощномъ человѣкѣ, часто вполнѣ ея недостойномъ. Элленъ была счастливѣе; безпомощное существо, которое нуждалось въ ея заботахъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ ея героемъ и идеаломъ.

Дни шли за днями, недѣли за недѣлями и необитаемый островъ началъ казаться имъ цѣлымъ міромъ, такимъ свѣтлымъ, блаженнымъ міромъ, какимъ только онъ когда либо казался двумъ смертнымъ. Это былъ счастливый сонъ! Увы! отчего сны такъ скоро изчезаютъ.

Мѣсяца черезъ два, когда Гэзель уже совсѣмъ поправился, но не былъ еще довольно здоровъ или довольно глупъ, чтобъ оставить свой живой костыль, онъ однажды пошелъ съ Элленъ на берегъ къ Телеграфному мысу и тамъ, къ неописанному своему изумленію, увидѣлъ длинное облако, казавшееся темной лентой.

—Нѣтъ, это не облако? воскликнулъ Гэзель, послѣ долгаго наблюденія;—это дымъ! дымъ парохода!

Элленъ взглянула на него и оба опустили глаза.

— Могутъ они издали видѣть островъ? спросила Элленъ, поспѣшно.

— Не знаю, это зависитъ отъ вѣтра. Но если они увидятъ, то не пройдутъ мимо.

— Развѣ корабли пристаютъ ко всѣмъ неизвѣстнымъ островамъ?

— Нѣтъ. Но этотъ пароходъ не пройдетъ мимо насъ.

— Отчего?

Гэзель поникъ головою и губы его задрожали. Черезъ минуту онъ промолвилъ:

— Онъ ищетъ васъ. Пароходы никогда не заходятъ въ эти воды. Любовь привела его сюда, и эта любовь не останется безъ награды. Артуръ Вордло на этомъ пароходѣ.

Наступило продолжительное молчаніе, которое прервала Элленъ, воскликнувъ:—Что они видятъ насъ теперь?

— Когда дымъ перестанетъ тянуться лентою, это будетъ признакъ, что они перемѣнили свой путь. А перемѣнятъ они его въ ту минуту, какъ человѣкъ на гротъ-мачтѣ увидитъ насъ.

— Почему же вы знаете, что у нихъ часовой на мачтѣ?

— Я сужу по себѣ. У меня былъ бы день и ночь часовой на мачтѣ.

Теперь ихъ волненіе и ожиданіе дошли до того, что они не могли вымолвить ни слова, и молча слѣдили за дымомъ. Но не смотря на предсказаніе Гэзеля, струя дыма не исчезала, а все далѣе и далѣе распространялась на востокъ; вѣрный признакъ того, что пароходъ не измѣнялъ своего направленія.

— Они насъ не видятъ! промолвила, наконецъ, Элленъ, когда солнце уже стало опускаться за горизонтъ.

— Пѣтъ еще, отвѣчалъ Гэзель.

— А солнце уже садится. Все кончено для насъ, сказала Элленъ, и, поднеся платокъ къ глазамъ, утерла выступившія слезы, потомъ почти весело воскликнула:

— Ну, добрый другъ мой! мы были счастливы до той минуты, какъ этотъ дымъ насъ потревожилъ; будемте же снова счастливы теперь, когда онъ исчезъ. Но не улыбайтесь такъ страшно.

— Развѣ я улыбаюсь? Впрочемъ это вѣроятно надъ вашей простотой, вы напрасно полагаете, что мы больше не увидимъ этотъ пароходъ.

— Конечно, мы его больше не увидимъ.

— Черезъ три часа онъ броситъ якорь въ нашемъ заливѣ.

— Что же его приведетъ сюда?

— Я его приведу.

— Вы? Какимъ образомъ?

— Я зажгу только свой костеръ на Телеграфномъ мысу. Я столько наносилъ туда, дровъ и хворосту, что пламя будетъ громадное и съ парохода должны будутъ непремѣнно увидать за-

рево. Тогда они конечно повернутъ въ эту сторону и, подойдя ближе, увидятъ островъ. Пойдемте же скорѣе къ лодкѣ, тамъ спички.

— Они поспѣшно вернулись домой, и Гэзель, взявъ все, что было нужно и, схвативъ костыль, хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ Элленъ закричала:

— Не ходите сами, вы слишкомъ устанете. Дайте мнѣ спички, я добѣгу гораздо скорѣе и зажгу костеръ.

— Благодарствуйте, благодарствуйте, произнесъ Гэзель съ живостью.

Онъ хотѣлъ, чтобъ дѣло было сдѣлано, но его убивала мысль, что онъ самъ своими руками уничтожитъ свое счастье. Теперь онъ поспѣшно далъ Элленъ необходимыя наставленія, а самъ, по ея просьбѣ, принялся за приготовленіе ужина — послѣдняго на этомъ островѣ. Но онъ и Элленъ, вскорѣ вернувшаяся съ Телеграфнаго мыса, были такъ взволнованы, что не могли ничего ѣсть.

— Ну, ну, вѣрно намъ сегодня не суждено ужинать; пойдемте лучше и посмотримъ, какъ на волнахъ отражается красный огонь костра, возвращающаго васъ міру, украшеніемъ котораго вы рождены.

Элленъ изъявила согласіе, но такъ долго собиралась, что Гэзель, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія, и объявилъ, что онъ не можетъ ждать долѣе. Тогда она пошла за нимъ, но впервые не предложила ему своей руки, а, напротивъ, молча подала костыль. Это поразило его до глубины души. Онъ тяжело вздохнулъ и объяснилъ это приближеніемъ парохода. Но онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы жаловаться; и потому, взявъ костыль, поплелся по берегу. Элленъ пошла рядомъ съ нимъ; она слышала его тяжелый вздохъ и горько улыбнулась при мысли, какъ онъ ее мало понималъ. Но кто же ее могъ понять? Они почти молча достигли до мыса. Волны, шумя и разбиваясь о песчаный берегъ, серебристо блестѣли при лунномъ свѣтѣ, но краснаго отлива не было видно.

— Это что! воскликнулъ Гэзель;—вы не зажгли костеръ съ восьми сторонъ, какъ я вамъ говорилъ.

— Я вовсе не зажгла, сказала она, спокойно сложивъ руки и принимая вызывающую позу.

— Что я сдѣлалъ, воскликнулъ Гэзель съ отчаяніемъ;—долгъ, честь, мужество, все требовало чтобъ я зажегъ костеръ, а я вамъ повѣрилъ.

Вызывающій видъ Элленъ тотчасъ пзчезъ; она задрожала всѣмъ тѣломъ и, вспыхнувъ, закрыла лицо руками, потомъ вдругъ подняла голову, бросила на Гэзеля умоляющій взглядъ, и съ крикомъ пустилась бѣжать отъ него.

Этотъ странный поступокъ Элленъ требуетъ объясненія. Еслибъ она думала, что пароходъ неизвѣстный, чужой, то она непремѣнно зажгла бы костеръ; еслибъ она знала, что на немъ ея отецъ, то она зажгла бы костеръ съ радостью. Но Гэзель сказалъ, что на этомъ пароходѣ находился Артуръ Вордло, а каждое слово Гэзеля было для нея закономъ. Все же она отправилась на Телеграфный мысъ съ твердымъ намѣреніемъ зажечь костеръ. Но по дорогѣ мужество ей измѣнило, и она стала размышлять, что зажечь костеръ было вѣрнымъ средствомъ привлечь Артура Вордло на островъ, гдѣ она жила съ Гэзелемъ съ глазу на глазъ. Артуръ тогда потребовалъ бы, въ присутствіи Гэзеля, чтобъ она послѣдовала за нимъ. Могла ли она отказаться? Ее влекли къ нему не только долгъ, но и чувство благодарности за то, что онъ ее отыскалъ посреди океана. Какой ударъ для Артура найти ее въ обществѣ другого человѣка! Какія муки предстояли Гэзелю! И потомъ, чѣмъ это должно было кончиться. Она и Гэзель отправились бы на корабль Артура — какое страшное положеніе для всѣхъ трехъ! При одной этой мысли она вспыхнула до корней волосъ. Тутъ какъ бы возстало передъ ней блѣдное лицо Гэзеля, бѣднаго калѣки Гэзеля! Она опустилась на землю съ тяжелымъ вздохомъ и не могла рѣшиться зажечь костеръ, такъ же какъ она не рѣшилась бы его потушить, еслибъ его зажегъ кто нибудь другой.

Въ эту ночь они болѣе не видались. На слѣдующее утро пзчезла всякая тѣнь дыма на горизонтѣ. Гэзель былъ блѣденъ, изпуренъ, на лицѣ его видпѣлись ясные слѣды сильной душевной борьбы; но лицо Элленъ сіяло спокойствіемъ, именно

потому, что она принесла большую жертву. Такова была разница между ними. При видѣ этого спокойствія Гэзоль еще болѣе сталъ упрекать себя въ томъ, что онъ не исполнилъ своего долга собственными руками. Тогда она была бы уже на дорогѣ въ Англію. Однако онъ не могъ выразить вслухъ этихъ упрековъ совѣсти, ибо тогда онъ оказалъ бы неблагодарность къ ея жертвѣ. Она видѣла, какъ онъ сокрушался и втайнѣ была довольна, но ничего не говорила, а только улыбалась, утѣшала его и сіяла счастіемъ. Это возбудило въ Гэзелѣ безумную радость и надежду на блаженную жизнь вмѣстѣ, далеко отъ міра и людей.

Такимъ образомъ они вступили въ совершенно новый фазисъ жизни, но это спокойное, мирное блаженство продолжалось недолго; Гэзель вскорѣ началъ снова чувствовать упреки совѣсти, но уже иного рода. Голосъ совѣсти говорилъ ему теперь, что онъ дѣйствительно начинаетъ снискивать любовь Элленъ, и потому онъ обязанъ разсказать ей всю свою исторію, такъ, чтобъ она могла быть судьей между нимъ и свѣтомъ, прежде чѣмъ она принесетъ ему новыя жертвы. Но тяжело нарушить свое счастье; и каждую ночь онъ говорилъ себѣ: «я скажу ей завтра!» Завтра приходило и мысль омрачить ея сіяющее счастьемъ лицо заставляла его снова откладывать свое намѣренье. Чѣмъ сильнѣе онъ становился физически, тѣмъ болѣе изнѣживалось его сердце и стезя долга теперь казалась ему покрытой одними терніями, а стезя любви только усѣяна розами. Однажды она упросила его позволить ей снять съ него портретъ, и съ художественнымъ энтузіазмомъ замѣтила, что его борода божественна, и ничто въ свѣтѣ не могло сравниться съ нею по красотѣ. Она видѣла одну только подобную бороду у мистера Ситона, но и та была гораздо хуже. Наконецъ Элленъ начала заниматься своимъ туалетомъ, даже вынула браслеты изъ дорожнаго мѣшка и, набравъ жемчуговъ изъ стѣнъ пещеры, устроила себѣ великолѣпную діадему, изъ подъ которой по вечерамъ, при огнѣ, глаза ея сверкали сверхестественной красотой; однимъ словомъ, было ясно, что она хотѣла нравиться и вполнѣ въ этомъ успѣвала. Она не только чувствовала теперь, что онъ съ каждымъ днемъ становился для нея дороже и дороже, но

начинала питать къ нему самое неограниченное уваженіе. Она сознавала, что онъ много исправилъ ея характеръ и прямо говорила ему: «называйте меня Гэзеліей, я вамъ всѣмъ обязана; постарайтесь только сдѣлать меня еще лучшей, еще болѣе похожей на васъ.

Однажды Гэзель неожиданно засталъ Элленъ за чтеніемъ молитвенника. Онъ заглянулъ въ книжку изъ за ея плеча, и сердце его вздрогнуло. Она читала обрядъ вѣнчанія. Гэзель посмотрѣлъ на нее; она покраснѣла. «Я священникъ и могу совершить обрядъ вѣнчанія надъ нами обоими,» подумалъ онъ. Но было ли бы подобное вѣнчаніе законнымъ? Быть можетъ не въ Англіи, но въ другихъ странахъ. Отъ чего же ему не быть законнымъ въ этой странѣ? Вѣдь это не Англія. Онъ снова взглянулъ на Элленъ, она сидѣла отвернувъ голову въ сильномъ волненіи. Ему стало жаль, что онъ заставилъ ее покраснѣть, и взявъ ея руку такъ нѣжно поцѣловалъ ее, что казалось его сердце все вылилось въ этомъ поцѣлуѣ. Она дрогнула и припала своей чудной головкой къ его плечу.

А вокругъ нихъ простиралась гладкая синева океана, воздухъ благоухалъ ароматами, птицы самыхъ яркихъ радужныхъ цвѣтовъ порхали по роскошной зелени; а надъ ними небо простирало свой безоблачный, пурпурный сводъ. Это былъ по истинѣ рай. Все вокругъ говорило о мирѣ и о любви. И наши герои теперь рады были провести здѣсь всю свою жизнь, забывая весь міръ, забытые всѣмъ міромъ!

ГЛАВА XXIII.

Пароходъ, дымъ котораго на мгновеніе нарушилъ мирную блаженную жизнь нашихъ героевъ, былъ дѣйствительно Спрингбокъ, но онъ прошелъ мимо Гостепріимнаго острова, миляхъ въ шестидесяти, и не могъ замѣтить ни малѣйшаго признака земли. Не въ первый разъ былъ онъ въ этихъ водахъ; мѣсяца четыре или пять онъ только и дѣлалъ, что сновалъ между

Вальпарайзо и островами Хуанъ Фернандецъ, Товарищества и Пасхи. Онъ заходилъ во всѣ бухты, приставалъ ко всевозможнымъ берегамъ, останавливалъ всѣ мимо идущія суда, и генералъ Роллестонъ вездѣ наводилъ справки о своемъ погибшемъ дѣтищѣ, всюду раздавалъ афишу съ объявленіемъ большой награды тому, кто дастъ его агенту въ Вальпарайзо свѣденія о Прозерпинѣ. Но всѣ усилія его были тщетны, и всѣ моряки, къ которымъ онъ обращался, угрюмо качали головой и совѣтовали ему лучше всего поискать дочери на днѣ Тихаго океана. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ поисковъ, исколесивъ океанъ по всѣмъ направленіямъ, Роллестонъ теперь возвращался въ Вальпарайзо съ отчаяніемъ въ сердцѣ. У него уже не оставалось ни малѣйшей тѣни надежды. Каково же было его изумленіе и радость, когда встрѣтившись неожиданно въ открытомъ океанѣ съ американскимъ торговымъ кораблемъ, онъ узналъ странную вѣсть, что какой-то шкиперъ, шедшій въ Вальпарайзо, разсказывалъ, что къ нему прилетѣла на палубу утка съ привязанной къ лапѣ запиской. А записка гласила, что подъ такимъ-то градусомъ долготы находился неизвѣстный островъ, а на островѣ выброшенная моремъ англичанка. Конечно американецъ издѣвался надъ подобнымъ разсказомъ, но все же совѣтывалъ Роллестону нагнать, если возможно, этого шкипера и пораспросить его хорошенько, обѣщая кучи золота. По всей вѣроятности, онъ, какъ истый янки, сочинилъ нарочно эту нелѣпую сказку, а въ сущности зналъ что нибудь о миссъ Роллестонъ, быть можетъ, даже держалъ ее въ своемъ трюмѣ, связанную по рукамъ и по ногамъ, чтобы сдѣлать повыгоднѣе торгъ съ ея отцемъ. Обрадованный Роллестонъ снова ожилъ и на всѣхъ парахъ поспѣшилъ въ Вальпарайзо, гдѣ и нашелъ означеннаго шкипера, который оказался вовсе не такимъ мошенникомъ, какъ его описывали; онъ тотчасъ отдалъ Роллестону одну изъ записокъ Гэзеля и божился, что ее отвязали отъ лапы прилетѣвшей на корабль утки. Спринбокъ мгновенно нагрузился углемъ и снова полетѣлъ въ необозримый океанъ, уже съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ. Съ невѣроятною быстротою онъ достигъ 103°, 30′ Д. но ни какого острова не было видно. Тогда капитанъ парохода взялъ на С. и пробѣжалъ 400 миль. Острова

все же не было. Онъ повернулъ на Ю., еще пробѣжалъ 500 миль,—все ничего. Тогда онъ пошелъ извилинами, не удаляясь, однако, много отъ назначеннаго градуса Д. Наконецъ въ одинъ свѣтлый вечеръ, передъ самымъ заходомъ солнца, часовой на грот-мачтѣ воскликнулъ:—Гей! что-то виднѣется съ навѣтряной стороны.

— Что такое? спросилъ поспѣшно капитанъ.

— Походитъ на мачту. Нѣтъ, разобрать не могу.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ прогремѣлъ на всю палубу:—«Пальма».

Капитанъ вскочилъ на пушку и торжественно замахалъ шляпою, а весь экипажъ огласилъ воздухъ восторженными криками: ура!

Спринбокъ прямо направился на островъ и, подойдя къ нему, при свѣтѣ луны, бросилъ якорь съ западной стороны. Съ разсвѣтомъ они пошли вдоль берега, осторожно промѣряя, какъ вдругъ возсталъ прямо передъ ними крутой утесъ съ громадной надписью:—*Здѣсь выброшена Англичанка, спѣшите на ея помощь.*

Капитанъ парохода и Роллестонъ молча пожали другъ другу руки, и глаза ихъ засверкали какимъ-то страннымъ огнемъ!

Избѣжавъ рифовъ и мелей, благодаря предостереженіямъ на скалахъ, капитанъ вскорѣ бросилъ якорь и приказалъ спустить лодку, въ которую, къ изумленію всего экипажа, онъ сѣлъ самъ и взялъ съ собою только сына и генерала Роллестона. Онъ былъ человѣкъ бывалый, и подозрѣвалъ, что если находящаяся на острову англичанка и дочь генерала Роллестона, то конечно она спаслась не одна, а въ обществѣ нѣсколькихъ матросовъ, съ однимъ изъ которыхъ, вѣроятно, она вступила въ брачныя узы, по какому нибудь морскому обряду, что навряд ли понравится бѣдному отцу. Поэтому капитанъ рѣшилъ освободить его первую встрѣчу съ дочерью отъ всякихъ постороннихъ для нихъ свидѣтелей. Храбрый же старикъ Роллестонъ, перенесшій такъ мужественно самое горе и всѣ трудности путешествія, сидѣлъ теперь въ лодкѣ блѣдный, встревоженный. А что, если эта англичанка—не Элленъ? Или она уже умерла? Или при смерти? И такъ долго жившая въ немъ надежда теперь уступала мѣсто страху и опасеніямъ.

Обогнувъ Телеграфный Мысъ, они вошли въ Райскій заливъ и причалили къ берегу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лодки Гэзеля; генералъ Роллестонъ одинъ вышелъ на берегъ, а капитанъ остался въ лодкѣ съ сыномъ, сказавъ генералу:—Позовите насъ, если все ладно.

Роллестонъ молча пожалъ честную руку капитана, и пошелъ храбро, какъ бы приготовляясь къ бою. Прежде всего онъ осмотрѣлъ лодку Гэзеля, которая, по своей покрышкѣ надъ кормой, очевидно кому-то служила спальней. Длинный рядъ деревянныхъ трубокъ на высокихъ столбахъ велъ къ сосѣдней скалѣ. Эти трубки были изъ сигового дерева и выдолбленныя внутри, очевидно служили для устнаго телеграфа. Роллестонъ пошелъ по направленію ихъ и, дойдя до пещеры, остановился въ изумленіи у ея входа. Стѣны ея, потолокъ, самая печь, все сіяло жемчугомъ. Но опомнившись отъ перваго удивленія, Роллестонъ бросился въ уголъ, гдѣ онъ завидѣлъ гораздо драгоцѣннѣйшій для него предметъ—женскую шаль. Онъ схватилъ ее и поднесъ къ свѣту. Это была шаль Эллены. Онъ бросился къ другимъ вещамъ и съ лихорадочнымъ волненіемъ осмотрѣлъ ихъ. Съ крикомъ торжества онъ выбѣжалъ на берегъ и крикнулъ:—Капитанъ, она жива! она жива!—Потомъ онъ бросился на колѣни и съ жаромъ возблагодарилъ небо.

Въ эту минуту надъ нимъ въ высотѣ раздался крикъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ на скалѣ женскую фигуру всю въ бѣломъ, простирающую къ нему свои умоляющія руки. Онъ издали узналъ *ея* сверкающіе, блестящіе глаза, и, всплеснувъ руками, хотѣлъ бѣжать къ ней на встрѣчу, но его старыя ноги не слушались и не успѣлъ онъ еще сдѣлать и одного шага, какъ уже на него налетѣла съ криками и воплями не больная, чахоточная молодая дѣвушка, не живой скелетъ, а рослая, загорѣлая, кровь съ молокомъ женщина, полная силы, здоровья и красоты. Она бросилась къ нему съ криками неописанной любви!—«О, дорогой мой! о, голубчикъ мой! о, милый мой папа! Вы ли это?» Въ тоже время ея маленькія руки судорожно бѣгали по его лицу, ощупывая его волосы, бороду, усы; потомъ вдругъ градъ поцѣлуевъ посыпался на его щеки, глаза, руки, даже колѣни. Мужественный воинъ не выдержалъ и

залился слезами радости, безпрестанно повторяя:—«О, дитя мое! плоть и кровь моя!» И долго они оба цѣловали другъ друга, плакали, обнимались.

Но какое перо можетъ описать подобную сцену?

Наконецъ, когда радостные восторги нѣсколько утихли, пришла очередь распросовъ. Первый заговорилъ Роллестонъ:

— Кто, кромѣ тебя, живетъ на островѣ?

— О! отвѣчала она;—только мой ангелъ хранитель. Бѣдный мистеръ Вольчь умеръ въ первую недѣлю нашего здѣсь пребыванія.

— А кто твой ангелъ-хранитель? продолжалъ Роллестонъ, разбирая пряди ея волосъ и покрывая ихъ поцѣлуями.

— Теперь вы, мой милый папа; и доказали же вы это. Боже мой! вы, въ ваши лѣта, пріѣхали сюда за мною!

— Ну, обо мнѣ нечего толковать. Скажи лучше кто такъ заботился о моемъ ребенкѣ? Это ли та болѣзненная дѣвушка, за которую я такъ боялся!

— Да, папа, я была болѣзненна, даже при смерти. Вотъ эта рука была только кости и кожа, а теперь посмотрите. Она, правда, черна, какъ вишня, но какая пухлая, здоровая. Вы этимъ обязаны ему. И я могу ходить двадцать миль не уставая. А сильна такъ, что могла бы васъ легко поднять. Я надѣюсь, что онъ вамъ понравится.

— Какъ его зовутъ?

— Мистеръ Гэзель, онъ пасторъ. О! папа, я надѣюсь, что онъ вамъ понравится, ибо онъ не разъ спасалъ мнѣ жизнь, и онъ такой благородный, деликатный, терпѣливый; я сначала дурно съ нимъ обходилась, но онъ потомъ исправилъ мой характеръ, точно также, какъ и здоровье. Какой онъ добрый, кроткій, человѣколюбивый! О! чѣмъ могу я ему заплатить за все!

— Я буду очень счастливъ познакомиться съ такимъ совершенствомъ и пожать ему руку съ благодарностью. Онъ старикъ? монахъ лѣтъ?

— О! нѣтъ папа; еслибъ онъ былъ старъ, то вы не увидали бы меня болѣе на землѣ! Онъ сражался за меня съ разбойниками, и работалъ, какъ лошадь. Онъ устроилъ мнѣ домъ, по-

томъ эту пещеру и почти доработался до смерти, и все ради меня. Бѣдный мистеръ Гэзель!

— Сколько же ему лѣтъ?

— Милый папа, я никогда его не спрашивала объ этомъ, но я полагаю, что онъ пятью годами старше меня, а сотней лучше и добрѣе. Но что съ вами, родной мой?

— Ничего, дитя мое, ничего. Посмотри мнѣ только прямо въ глаза.

Онъ взялъ ее за плечи и устремилъ на нее почти въ упоръ свой проницательный взглядъ. Она вспыхнула, но ея глаза, чистые, какъ небесная лазурь, прямо, хотя и съ удивленіемъ, смотрѣли на отца.

— Я старый дуракъ и больше ничего, промолвилъ онъ, опуская глаза и цѣлуя Элленъ въ лобъ.

— Что вы, папа?

— Ничего, ничего, поцѣлуй меня еще разъ. Ну теперь отыщика поскорѣе своего ангела-хранителя. Я горю нетерпѣніемъ поблагодарить его за все, что онъ сдѣлалъ для тебя, и воздать ему хоть нѣсколько за это, взявъ его съ нами въ Англію.

— Я его сейчасъ позову, папа; гдѣ онъ? я право удивляюсь!

И выбѣжавъ на террасу, она стала громко кричать: «мистеръ Гэзель, мистеръ Гэзель!» Потомъ, возвратясь къ отцу и усѣвшись у его ногъ, она нѣжно произнесла:—Вы, папа, любили меня болѣе всѣхъ въ Англіи и пріѣхали за мною сюда.

— Нѣтъ, душа моя, тебя любятъ и другіе, не менѣе меня. Бѣдный Артуръ Вордло, узнавъ о твоей погибели, слегъ въ тяжкой болѣзни. А его отецъ выслалъ пароходъ и далъ мнѣ денегъ для отысканія тебя. Ахъ! я и не сдержалъ данное ему слово, а онъ говоритъ, что ты такая же дочь его, какъ и моя.

— Да, да; но чтожъ вы ему обѣщали? воскликнула Элленъ, покраснѣвъ и видимо недовольная неожиданнымъ оборотомъ разговора.

— Я обѣщалъ ему, что второй поцѣлуй будетъ отъ Артура. Поди сюда, лучше поздно чѣмъ никогда. Вотъ это поцѣлуй отъ Артура Вордло, твоего жениха, прибавилъ Роллестонъ, цѣлуя ее въ лобъ, такъ какъ она отвернула отъ него свои губки. — Это что за чортъ? воскликнулъ онъ съ изумленіемъ,

У входа въ пещеру стоялъ Гэзель, котораго послѣднія слова генерала поразили, какъ кинжаломъ, въ самое сердце.

— Это мой милый папа! воскликнула Элленъ, съ неописанной радостью;—онъ желаетъ васъ поблагодарить...

— Я ничего не понимаю, сказалъ Роллестонъ;—ты кажется сказала, что на острову не было никого, кромѣ тебя и твоего ангела-хранителя. Неужели ты считала ни во что этого бѣдняка. Онъ однажды тебѣ оказалъ хорошую услугу.

— О, папа! воскликнула Элленъ съ упрекомъ;—онъ и есть мой ангелъ хранитель. Это мистеръ Гэзель.

— Это твой мистеръ Гэзель! произнесъ Роллестонъ, съ изумленіемъ смотря то на Элленъ, то на молодого человѣка.

— Да, папа,

— Ты хочешь меня увѣрить, что не знаешь этого молодого человѣка?

— Какъ мнѣ его не знать! Конечно я знаю мистера Гэзеля, и уважаю его болѣе всѣхъ на свѣтѣ, кромѣ васъ.

— Ты съ ума сошла! воскликнулъ генералъ, выходя изъ себя; — этотъ человѣкъ не Гэзель; это Джемсъ Ситонъ... Нашъ садовникъ... Бѣглый преступникъ.

При этихъ словахъ Элленъ отскочила отъ отца и съ дикимъ крикомъ бросилась къ Гэзелю, какъ бы желая защитить его отъ новаго оскорбленія и помѣшать ему отомстить отцу. Но, увидя блѣдное лицо Гэзеля и его поникшую голову, она остановилась и съ изумленіемъ смотрѣла то на одного, то на другого.

— Я его тотчасъ узналъ по бородѣ, сказалъ хладнокровно Роллестонъ.

— Ахъ! воскликнула Элленъ, и, возвратившись къ отцу, крѣпко схватила его за руку, но все же устремила на Гэзеля и на его бороду свои блестящіе и сверкающіе глаза.

Видя унылое, убитое выраженіе лица Гэзеля, и неожиданный ужасъ, возбужденный его словами въ Элленъ, старикъ Роллестонъ досадовалъ на себя, зачѣмъ зашелъ слишкомъ далеко, и добродушно сказалъ:

— Ну, ну, не мнѣ васъ судить строго; я вамъ слишкомъ многимъ обязанъ; къ тому же я понимаю, что у васъ есть

достаточныя причины скрывать свое имя отъ другихъ людей, но вы должны были сказать всю правду моей дочери.

— Какъ ваше имя и кто вы такой, сэръ? произнесла вдругъ Элленъ, перебивая отца и не спуская глазъ съ Гэзеля.

— Меня зовутъ Робертъ Пенфольдъ.

— Пенфольдъ! Ситонъ! все подложныя имена! съ отчаяніемъ воскликнула Элленъ;—то ли вы, что говоритъ папа?

— Да.

— О! папа, папа! воскликнула она;—такъ нѣтъ чести и истины на свѣтѣ! и, отвернувшись отъ Роберта Пенфольда, она бросилась на грудь отца и залилась горькими слезами.

Слезы эти были самыя горькія, какія можетъ пролить женщина. Всѣ лучшія сокровища ея сердца, любовь, уваженіе, были истрачены на недостойный предметъ!

Роллестонъ не понялъ настоящей причины тревожнаго отчаянья своей дочери; онъ видѣлъ передъ собою только мужественное, умное лицо Гэзеля, искаженное стыдомъ и душевными муками.

— Ну, ну, сказалъ онъ добродушно;—ты не виновата, не будь безжалостна къ этому человѣку, вѣдь ты же говорила, что онъ спасъ тебѣ жизнь.

— О лучше-бъ онъ ее не спасалъ! пробормотала молодая дѣвушка, всхлипывая.

— Вотъ, Ситонъ, послѣдствія обмана, продолжалъ генералъ;—онъ заглушаетъ даже чувства благодарности. Но, прибавилъ онъ, перемѣнивъ тонъ,—я не таковъ, я не женщина, и понимаю, какъ бы дурной человѣкъ, на вашемъ мѣстѣ, могъ воспользоваться уединеннымъ положеніемъ на островѣ.

— Нѣтъ, невозможно поступить хуже его! воскликнула Элленъ.

— Что ты говоришь! произнесъ Роллестонъ, невольно вздрагивая.

— Чтожъ онъ могъ сдѣлать хуже, чѣмъ украсть мое уваженіе, мое обожаніе, втоптать въ грязь мое бѣдное сердце? О! гдѣ же послѣ этого искать мнѣ друга и наставника? Онъ казался мнѣ воплощенной истиной, а теперь, я вижу, что онъ ложь! и весь міръ ложь. О! зачѣмъ я не умерла!

— Все это романическій вздоръ! сказалъ генералъ Ролле-стонъ, начиная выходить изъ себя,—ты, дурочка, не понимаешь, по своей невинности и незнанію свѣта, какъ еще хорошо, въ настоящемъ случаѣ, поступилъ этотъ человѣкъ. Скажу болѣе, не смотря на все, я желалъ бы ему пожать руку. И я пожму ее, а потомъ уже прочту ему нотацію.

— Нѣтъ, я вамъ этого не позволю, воскликнула Элленъ, схвативъ отца за руку.—Вы? пожмете руку, ему! О! чудовище, какъ смѣли вы украсть мое уваженіе! какъ смѣли вы быть чудомъ доброты, ума, благородства, какъ смѣли вы обладать всѣми качествами, при видѣ которыхъ бѣдная женщина могла васъ только обожать и благодарить Бога за свое счастье! И во все это время вы были злодѣемъ, подлымъ преступ...

— Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, еслибы вы не произносили этого слова, сказалъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ Гэзель.

— Я васъ назову такъ, какъ вы того заслуживаете, если захочу! произнесла Элленъ гордымъ, вызывающимъ тономъ, но все же рокового слова не выговорила, и продолжала уже тономъ мольбы:—что я вамъ сдѣлала? чѣмъ я провинилась передъ Богомъ и людьми, чтобъ сдѣлаться жертвою вашего дьявольскаго обмана? О! сколько великихъ силъ ума было потрачено вами для этой побѣды надъ бѣдной, безпомощной дѣвушкой! Зачѣмъ вы это дѣлали! какая могла быть вамъ отъ этого польза? Онъ молчитъ. Онъ не хочетъ со мною говорить. Онъ даже не раскаивается. Его надо отвезти въ Англію и предать суду. Пускай онъ дорого за это заплатитъ. Да, папа, это вашъ долгъ.

— Вы женщины слишкомъ склонны бить лежачаго, сказалъ генералъ.—Вы съ сердцовъ наговорите Богъ знаетъ что, а потомъ готовы отсѣчь себѣ языкъ. Ты мое дитя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и англійская подданная, и если ты взываешь къ моему долгу, то я обязанъ отвезти этого человѣка въ Англію и ввергнуть его въ тюрьму. Но прежде чѣмъ требовать это, выслушай его исторію.

— Я сейчасъ возвращусь въ тюрьму, если она этого желаетъ, спокойно произнесъ Робертъ Пенфольдъ.

— Какъ вы смѣете перебивать папу! воскликнула Элленъ,

гордо поднявъ голову, но въ туже минуту опустила ее, съ истерическими рыданіями.

— Ну, ну, сказалъ генералъ;—помолчите оба, и дайте мнѣ вамъ высказать все. Только я совѣтовалъ бы вамъ, молодой человѣкъ, отвернуться, ибо я буду говорить прямо, откровенно, и докажу ей, что вы не подлецъ, а только безумецъ. Этотъ самый Робертъ Пенфольдъ написалъ мнѣ письмо въ Сиднеѣ, умоляя дать ему честную работу, хотя бы самую черную. Мнѣ это понравилось, и я взялъ его къ намъ въ садовники. Онъ былъ великолѣпный садовникъ, но въ одинъ прекрасный день онъ увидалъ тебя. Ты хорошенькая, хотя, кажется, этого не сознаешь, а онъ—безумецъ. Вотъ онъ и влюбился (Элленъ вскрикнула отъ изумленія, а отецъ спокойно продолжалъ). Онъ вѣрно видалъ тебя только издали, иначе ты бы его тотчасъ признала; его безуміе росло съ каждымъ днемъ и приняло наконецъ форму смиренной преданности. Такъ, цѣлыя ночи онъ проводилъ подъ твоимъ окномъ, опасаясь разбойниковъ и, изъ любви къ тебѣ, онъ былъ раненъ, помнишь? Тогда ты выхлопотала ему черезъ Артура Вордло мѣсто приказчика.

— Черезъ Артура Вордло! воскликнулъ Пенфольдъ, съ отчаяніемъ—такъ я ему былъ обязанъ!

— Онъ ненавидитъ Артура, своего благодѣтеля, промолвила Элленъ, а потомъ прибавила, обращаясь къ Пенфольду:—если вы Джемсъ Ситонъ, то вы однажды получили отъ меня письмо?

— Да, отвѣчалъ Пенфольдъ и вынулъ изъ за пазухи сложенное письмо.

— Покажите!

— О! нѣтъ, хоть этого не отнимайте у меня, промолвилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Въ день твоего отъѣзда онъ изчезъ, продолжалъ генералъ Роллестонъ;—я подозрѣваю, что онъ намѣренно отправился на одномъ кораблѣ съ тобою. Это было очень дурно, молодой человѣкъ. Но какія же были отъ этого послѣдствія? Вы вмѣстѣ потерпѣли кораблекрушеніе и юный безумецъ такъ заботился и пекся о тебѣ, что я нашелъ тебя здоровой, кровь съ молокомъ, и полной благодарности къ своему ангелу-хранителю. Потомъ, онъ же ломалъ себѣ голову, какъ спасти тебя отсюда. Вѣдь,

не ты, а онъ, конечно, пускалъ по свѣту утокъ, которыя привели меня сюда. Все это прекрасно и похвально, молодой человѣкъ, но вы теперь должны дать себѣ отчетъ въ настоящемъ вашемъ положеніи. Во-первыхъ, эта молодая дѣвушка не вашей среды, во-вторыхъ, она невѣста Артура Вордло, на пароходѣ котораго я пріѣхалъ за нею. А ты, Эллень, послѣдуй моему совѣту, вспомни преступникъ не перестаетъ быть человѣкомъ, закроемъ оба глаза на его безуміе, будемъ только помнить его добрыя дѣла и постараемся насколько возможно его за нихъ вознаградить. Мы сейчасъ отправимся съ тобою на пароходъ и скажемъ капитану, что еще есть нѣкто на островѣ. Потомъ мы будемъ постоянно съ тобою оставаться на кормѣ и кто желаетъ, тотъ можетъ выдти на берегъ въ Вальпарайзо. Я знаю, что поступаю не хорошо, но я слишкомъ счастливъ сегодня, чтобъ огорчить или карать кого бы то ни было, тѣмъ болѣе несчастнаго юношу, безъ котораго я никогда бы болѣе тебя не увидалъ, милое дитя мое!

И старый воинъ нѣжно обнималъ и цѣловалъ свое погибшее и найденное дѣтище. Въ эту минуту, конечно, онъ видѣлъ въ Робертѣ Пенфольдѣ только спасителя своей дочери.

— Папа, произнесла она, послѣ продолжительнаго молчанія, — заставьте его хоть только сказать мнѣ, отчего онъ не довѣрилъ мнѣ своей тайны и зачѣмъ выдавалъ себя за пастора.

— Я пасторъ, сказалъ Робертъ Пенфольдъ.

— О! воскликнула Эллень, пораженная его упорствомъ, какъ ей казалось, во лжи, и поднявъ руки къ небу, горько зарыдала. Потомъ оправясь немного, она промолвила слабымъ, прерывающимся голосомъ:—я вижу, что мнѣ не удастся тронуть вашей совѣсти. Отвѣчайте мнѣ только на одинъ вопросъ, и я оставлю васъ въ покоѣ на вѣки. Отчего во всѣ эти долгіе мѣсяцы, выказывая мнѣ всѣ качества, не только честнаго человѣка, но ангела, да папа, ангела, вы не могли быть чистосердечны со мною? Отчего вы не сказали мнѣ прямо: «Я совершилъ одно преступленіе въ моей жизни, и раскаялся въ немъ; судите по этому раскаянью и по всему, что вы видите, могу ли я совершить другое преступленіе. Возьмите меня, каковъ я есть, но я не хочу васъ обманывать и выдавать себя

за совершенство». Отчего вы этого не сказали? Если вы меня любили, то зачѣмъ такъ жестоко обманывали?

Эти слова, произнесенныя не прежнимъ гордымъ, рѣзкимъ тономъ, а мрачнымъ, дрожащимъ, отчаяннымъ голосомъ, произвели на Пенфольда такое дѣйствіе, котораго не ожидала молодая дѣвушка. Онъ хотѣлъ говорить, открылъ ротъ, губы его дрожали, но онъ не могъ промолвить ни слова. Дыханіе его сперлось, онъ началъ задыхаться, и хотя въ глазахъ его не было видно слезъ, но лицные мускулы его такъ судорожно сжимались, что страшно было смотрѣть.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Роллестонъ;—это чудовищное варварство, Элленъ. Ты не похожа на свою мать.

Она была блѣдна, дрожала всѣмъ тѣломъ, слезы катились градомъ по ея лицу, но она упорно стояла на своемъ.

— Папа, развѣ вы слѣпы? промолвила она глухимъ, прерывающимся голосомъ;—онъ долженъ мнѣ отвѣчать. Онъ знаетъ, что долженъ.

— Я долженъ, произнесъ Робертъ Пенфольдъ, все еще едва переводя духъ; но черезъ минуту съ сверхъ-естественнымъ усиліемъ сказалъ твердо и съ гордымъ достоинствомъ:—И отвѣчу!

Наступило молчаніе. Наконецъ, собравшись съ силами и чувствуя, что онъ снова владѣетъ собою, онъ началъ спокойно:

— Сколько разъ я хотѣлъ вамъ разсказать свою горькую исторію! Но сознаюсь, что врядъ ли бы когда на это рѣшился Вы не знаете, миссъ Роллестонъ, какъ страшно несчастному сказать правду. Есть обвиненія столь ужасныя, столь позорныя, что хотя человѣкъ и доказалъ бы всю ихъ ложность, но пятно, наложенное ими, никогда не изглаживается. Такое обвиненіе тяготѣетъ надо мною; судья и присяжные, своимъ приговоромъ, заклеймили меня на всю жизнь. Еслибъ они назвали меня убійцей, я бы вамъ сказалъ; но это преступленіе такое низкое, такое грязное. Я боялся предразсудковъ свѣта, я боялся, чтобъ вы не отвернулись отъ меня. Потомъ я спрашивалъ себя: обязанъ ли человѣкъ повторять низкую клевету противъ себя, хоть бы она и была произнесена тринадцатью дураками, которые ложь сдѣлали закономъ?

— Я такъ и думалъ, произнесъ Роллестонъ;—ты его, Эллень, довела то того, что онъ вздумалъ защищать себя во что бы то ни стало. Мы услышимъ теперь старую, всегдашнюю исторію. Онъ будетъ доказывать, что невиновенъ. Я никогда не видывалъ еще преступника, который бы не пускался въ такія разглагольствованья, если только находились дураки его слушать. Я же рѣшительно отказываюсь болѣе слушать; молодой человѣкъ, пароходъ насъ ждетъ и намъ нельзя терять здѣсь времени. Къ тому же вамъ нечего извинять себя за перемѣну имени, я извиняю это впередъ. Чего же вамъ еще? Къ чему оправдывать преступленіе?

— Я не преступникъ, а мученикъ!

ГЛАВА XXIV.

Робертъ Пенфольдъ выпрямился во весь ростъ и произнесъ эти странныя слова съ такимъ грустнымъ волненіемъ, что всякій бы преклонился передъ нимъ съ уваженіемъ. Но генералъ Роллестонъ, привыкшій къ преступникамъ и ихъ драматическимъ и ораторскимъ способностямъ, былъ пораженъ только на минуту, потомъ онъ оправился, и, не удостоивъ Пенфольда отвѣтомъ, сказалъ Эллень, что капитанъ парохода ждетъ ихъ въ лодкѣ и имъ пора отправиться.

Она стояла неподвижно, какъ статуя.

— Нѣтъ, папа, промолвила она;—я неотвернусь отъ него на вѣки, пока не узнаю: преступникъ онъ или нѣтъ.

— Неужели, дитя мое, онъ обошелъ тебя одной ловкой фразой? Его дѣло уже давно порѣшено судьею и присяжными.

— Они порѣшили дѣло также, какъ вы хотите его порѣшить, то-есть, отказомъ выслушать меня.

— Развѣ я отказывалась васъ выслушать, сказала Эллень;— какое мнѣ дѣло до всѣхъ пароходовъ и капитановъ на свѣтѣ. Пускай я останусь здѣсь на вѣки, но я услышу изъ вашихъ собственныхъ устъ, и прочту въ вашихъ глазахъ: преступникъ

вы, или мученикъ. Да, папа, это не пустая фраза. Онъ или преступникъ или мученикъ, и я несчастнѣйшая или подлѣйшая дѣвушка на свѣтѣ.

— Чорта съ два! гнѣвно произнесъ генералъ и потомъ, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ:—я вамъ даю десять минутъ на ваши краснорѣчивыя бредни.

Робертъ Пенфольдъ терпѣливо вздохнулъ; но съ этой минуты онъ пересталъ сознавать присутствіе Роллестона, а видѣлъ передъ собою только одну Элленъ. Она устремила на него свои чудные глаза такъ пристально, такъ упорно, что онъ въ жизни не видывалъ подобнаго взгляда. Онъ былъ пораженъ, ослѣпленъ этимъ взглядомъ, но не смутился, не задрожалъ отъ его энергической силы.

— Миссъ Роллестонъ, началъ онъ спокойно;—мою исторію можно легко разсказать въ то короткое время, которое мнѣ дастъ мой пристрастный судья. Я пасторъ и туторъ въ оксфордскомъ университетѣ. Между прочими моими учениками находился Артуръ Вордло. Я заинтересовался имъ потому, что мой отецъ Майкель Пенфольдъ служилъ въ конторѣ Вордло. Этотъ Артуръ Вордло имѣлъ необыкновенный талантъ къ подражанію; однажды онъ представилъ публично и въ очень неприличной формѣ одного изъ начальниковъ коллегіи; его за эту выходку должны были выгнать и это уничтожило бы всю его будущность; отецъ его былъ хотя справедливъ и честенъ, но безжалостно строгъ. Я горой сталъ за него и, пользуясь расположеніемъ начальства, я его отстоялъ.

Онъ повидимому былъ очень благодаренъ мнѣ, и мы съ тѣхъ поръ стали еще большими друзьями и повѣряли другъ другу всѣ наши мысли; онъ сознался мнѣ, что надѣлалъ много долговъ въ Оксфордѣ и боится, что отецъ, узнавъ объ этомъ, не сдѣлаетъ его, какъ обѣщалъ, товарищемъ фирмы; я же, съ своей стороны, объяснилъ ему свое желаніе купить небольшой приходъ близъ Оксфорда, и мое горе, что онъ стоитъ тысячу фунтовъ, а у меня было всего четыреста и негдѣ было достать остальныхъ. Онъ горячо принялъ къ сердцу мое горе, вызвался помочь мнѣ, и въ заключеніе сказалъ:— «займите двѣ тысячи фунтовъ у моего отца; изъ нихъ дайте мнѣ тысячу четыреста, а себѣ возьмите шестьсотъ. Черезъ мѣсяцъ или два, я буду

товарищемъ фирмы и улажу тогда свои дѣла, а вы свой долгъ выплатите намъ по немногу». Это предложеніе мнѣ показалось чрезвычайно любезнымъ Я желалъ получить приходъ не для себя, а чтобъ доставить нѣкоторое спокойствіе старику отцу, который, живя постоянно въ городѣ, нуждался хоть изрѣдка въ деревенскомъ воздухѣ Для окончанія этого дѣла, я отправился въ Лондонъ и тамъ явился ко мнѣ какой-то незнакомецъ отъ имени Артура Вордло, который будто бы по нездоровью не могъ самъ быть у меня. Онъ передалъ мнѣ вексель въ двѣ тысячи фунтовъ, подписанный Джономъ Вордло, заставилъ меня сдѣлать на немъ надпись и объяснилъ, гдѣ можно его дисконтировать; потомъ ушелъ, обѣщаясь придти на слѣдующій день за той частью денегъ, которая приходилась на долю Артура Вордло. Не подозрѣвая ничего дурного, я пошелъ куда мнѣ указали, дисконтировалъ вексель, и старательно заперъ деньги, ибо большая часть изъ нихъ была не моя, а Артура Вордло. Въ тотъ же вечеръ явился ко мнѣ полицейскій, задалъ нѣсколько вопросовъ, на которые я конечно отвѣчалъ удовлетворительно. Потомъ онъ меня, подъ какимъ-то предлогомъ, выманилъ на улицу и арестовалъ, по обвиненію въ подлогѣ.

— О! воскликнула Элленъ.

— Я забылъ тогда, что я священникъ, я былъ оскорбленъ, какъ человѣкъ и джентельменъ, я бросился на полицейскаго и поралилъ его на землю Но къ нему подоспѣли на помощь и меня одолѣли. Я былъ преданъ суду по двумъ обвиненіямъ. Первое состояло въ томъ, что я поддѣлалъ вексель, а второе, что хотя я и не самъ поддѣлалъ вексель, но дисконтировалъ его, зная, что онъ подложный. Экспертъ, мистеръ Ундерклифъ, подъ присягой показалъ, что подложный вексель былъ писанъ не мною, и первое обвиненіе пало само собой. Но хотя мой обвинитель и былъ публично названъ лжецомъ въ судѣ, онъ, ни мало не смущаясь, сталъ настаивать на второмъ обвиненіи. Вексель былъ подложный и я его дисконтировалъ, эти факты были несомнѣнны, но вопросъ состоялъ въ томъ, дисконтировалъ ли я его, зная, что онъ подложный. Какъ было это доказать? И въ эту-то минуту меня погубилъ мой благород-

ный другъ, которому я такъ слѣпо довѣрялъ. Конечно, какъ только я попалъ въ тюрьму, я тотчасъ написалъ Артуру Вордло. Повѣрите ли, онъ не только не пріѣхалъ ко мнѣ, но даже не написалъ ни словечка. Я долго ждалъ; наконецъ, боясь, чтобъ онъ мнѣ не измѣнилъ, я просилъ своего защитника силой притащить его въ судъ, какъ свидѣтеля, и заставить сказать правду. Судебный приставъ отправился къ нему съ повѣсткой, но нашелъ дверь его квартиры запертою и никогда не могъ застать его дома. Однако, онъ его перехитрилъ, и однажды утромъ явившись къ нему прямо въ спальню, вручилъ ему повѣстку прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ спрятаться подъ кровать. Но онъ все же увернулся отъ насъ и никогда не явился на скамью свидѣтелей; когда же мой защитникъ просилъ судъ его арестовать, то отецъ его подъ присягою показалъ, что сынъ его не можетъ явиться, что онъ лежитъ на одрѣ смерти и случилась съ нимъ эта бѣда изъ одного сочувствія ко мнѣ. Хорошо сочувствіе, которое сковывало уста и скрывало истину! А скажи онъ только одно слово, и его другъ и благодѣтель былъ бы спасенъ отъ несчастья, которое гораздо страшнѣе смерти. Развѣ правда — такой сильный ядъ, что больной произнеся ее долженъ непремѣнно умереть? А если ужь онъ умиралъ, то развѣ можно лучше умереть, какъ указавъ правду или безчестнѣе отправиться скрывая ее? Я убѣжденъ, что его болѣзнь и близость смерти были чистѣйшая ложь, какъ самъ онъ воплощенная ложь! И вотъ потому, что Артуръ Вордло не произнесъ одного слова, которое объяснило бы, какъ попалъ ко мнѣ въ руки вексель, я былъ признанъ присяжными виновнымъ. Эти двѣнадцать человѣкъ хотя честные, но безмозглые, обязаны были заглянуть въ сердце чуждаго имъ человѣка и отгадать то, что было въ этомъ сердцѣ. Но могутъ ли они всегда отгадать...

Онъ остановился на мгновеніе, потомъ продолжалъ:

— Они пришли къ своему заключенію, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что я побилъ полицейскаго. Вотъ хорошее основаніе! Поддѣлыватели фальшивыхъ документовъ, по ихъ мнѣнію, такія низкія твари, что никогда не вступятъ въ честный бой. Это доказано на опытѣ. Но присяжные рѣшали дѣло, не по опыту. Они

предавались догадкамъ, какъ дѣти, и послѣ долгого колебанія признали меня виновнымъ, но прибавили, что я достоинъ милосердія. Милосердія! Какого милосердія былъ я достоинъ? Или я былъ невиненъ, или было мало меня повѣсить. Нѣтъ, они въ сердцѣ своемъ сомнѣвались въ моей виновности, но вмѣсто того, чтобы меня оправдать, выразили это сомнѣніе въ такой скромной формѣ. Я былъ изумленъ, пораженъ приговоромъ и просилъ позволенія у судьи объяснить, почему Артуръ Вордло ослушался судъ и не являлся въ качествѣ моего свидѣтеля. Еслибъ судья выслушалъ меня, то тотчасъ бы увидѣлъ, что я невинная жертва. Но нѣтъ, я былъ въ Англіи, гдѣ ротъ зажатъ у обвиняемаго, гдѣ оправдываютъ только деньги и дураки-адвокаты. Судья не позволилъ мнѣ сказать ни слова и меня на вѣки заклеймили позорнымъ клеймомъ преступника.

— До той минуты моя жизнь была честная и вполнѣ достойная уваженія, продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанія;— съ той минуты, я не нанесъ ни малѣйшаго вреда ни одному человѣческому существу. Люди обыкновенно переходятъ отъ добродѣтели къ пороку, отъ порока къ преступленію; такова лѣстница, по которой, ступень за ступенью, человѣческая душа низходитъ въ бездну: но васъ хотятъ увѣрить, что я однимъ прыжкомъ изъ невиннаго, добродѣтельнаго человѣка сдѣлался самымъ низкимъ преступникомъ, и потомъ, такимъ же прыжкомъ, снова возвратился въ свое прежнее положеніе. Преступленіе меня ни мало не испортило и я, честный садовникъ, сражался съ разбойниками за своего хозяина и пламенно влюбленный юноша сдержалъ свои страсти, во имя долга. Тутъ все ясно до такой степени, что даже ребенокъ долженъ бы понять все дѣло безъ всякихъ коментарій. Но предразсудки дѣлаютъ взрослаго человѣка несравненно глупѣе ребенка. Я больше не скажу ни слова; мое терпѣнье лопнуло. Довольно я перенесъ несправедливостей и оскорбленій. Я честный человѣкъ, и земля, на которой мы стоимъ, моя, ибо я ее создалъ моимъ трудомъ. Отправляйтесь въ Англію и оставьте меня здѣсь, на моемъ островѣ, съ животными, которыя умнѣе васъ и понимаютъ, что я за человѣкъ. Я не хочу быть на одномъ кораблѣ съ кѣмъ бы то ни

было, мужчиной или женщиной, который, смотря мнѣ въ глаза, можетъ назвать меня преступникомъ.

При этихъ словахъ вся его фигура, какъ бы преобразилась отъ благороднаго негодованія, и глаза его горѣли огнемъ. Онъ былъ по истинѣ величественъ въ эту минуту.

Элленъ дрогнула, она чувствовала, что у нея подкашиваются ноги, но старый воинъ вспыхнулъ и гордо произнесъ:

— Мы повинуемся и оставляемъ тебя, дерзкій бродяга. Слѣдуй за мною, Элленъ.

И, внѣ себя отъ злобы, онъ вышелъ изъ пещеры.

Но вмѣсто того, чтобы послѣдовать за нимъ, Элленъ стояла неподвижно, какъ бы окаменѣвъ; потомъ она медленно опустилась на колѣни и, схвативъ руку Роберта Пенфольда, стала покрывать ее поцѣлуями.

— Мученикъ! мученикъ! бормотала она со слезами, цѣлуя его руку, какъ раба, просящая прощенія у своего господина!— Каждое его слово истина, также какъ истинна моя любовь къ нему!

— Это что такое? воскликнулъ съ изумленіемъ и гнѣвомъ генералъ Роллестонъ, возвращаясь въ пещеру за своею дочерью.

— Это значитъ, что онъ сказалъ правду и что я послѣдую его примѣру. Онъ мой мученикъ и моя любовь. Если другіе клеймятъ васъ позоромъ, то пришла пора мнѣ излить мое сердце передъ вами. Джемсъ Ситонъ, я васъ люблю за ваше безуміе и вашу мужественную преданность къ той, которую вы только видѣли издали. Джонъ Гэзель, я васъ люблю за все, что произошло между нами. Но болѣе всего я люблю васъ, Робертъ Пенфольдъ, мой герой и мученикъ. Вамъ говорятъ прямо въ лицо, что вы преступникъ, такъ я скажу передъ лицомъ всего міра, что вы мой идолъ, и что я васъ люблю! Нѣтъ это слово слишкомъ обыкновенно, слишкомъ пошло. Я васъ обожаю, я васъ боготворю. Какъ прекрасны вы въ своемъ гнѣвѣ. Какъ великодушны! Я увѣрена что вы простите меня; вѣдь вы прощаете меня, Робертъ, да, да? Вы не прогоните отъ себя вашу Элленъ за одну ея вину, въ которой она такъ скоро раскаялась! Скажите мнѣ, что вы меня прощаете, что вы меня любите! Онъ плачетъ. О, мой милый! Мой ненаглядный!

И, обвивъ его шею руками, она плакала отъ радости и цѣловала его. Отвѣчалъ ли Гэзель на эти поцѣлуи, первые поцѣлуи страстно любимой женщины — предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Эта блаженнѣйшая минута въ жизни нашихъ героевъ была прервана громкимъ стономъ, или, лучше сказать, гнѣвнымъ крикомъ генерала Роллестона.

— Подлецъ! прогремѣлъ онъ, блѣднѣя отъ злобы и ужаса.

Элленъ бросилась къ нему и зажала ротъ рукою.

— Ни слова болѣе, или я забуду, что я ваша дочь, сказала она; — никто тутъ не виноватъ кромѣ меня. Я люблю его и заставила его полюбить себя. Онъ всѣми силами старался побороть свою любовь, но я женщина и не могла себѣ отказать въ счастьи быть любимой такъ, какъ никто еще никогда не любилъ женщины на свѣтѣ. Оскорбляйте, убейте меня, если хотите, но ни слова противъ него, или я протяну ему руку и мы останемся на вѣки жить и умирать на этомъ островѣ. О, папа! онъ спасъ жизнь вашей дочери, онъ для меня все! Пожалѣйте свое дитя. Пожалѣйте того, кому она отдала свое сердце.

Она бросилась на колѣни и, простирая къ нему руки, устремила на него умоляющій взглядъ. Старикъ былъ такъ пораженъ ея мольбами, что сердце его смягчилось и онъ пробормоталъ:—дай мнѣ подумать съ минуту, этотъ ударъ такъ неожиданъ.

Элленъ встала и, положивъ руку на плечо отца, продолжала безмолвно умолять его этимъ нѣжнымъ прикосновеніемъ руки и горькими слезами, катившимися по ея щекамъ.

— Мистеръ Пенфольдъ, сказалъ наконецъ Роллестонъ, съ торжественнымъ достоинствомъ;—послѣ того, что сказала моя дочь, я долженъ обращаться съ вами, какъ съ благороднымъ человѣкомъ, иначе я оскорблю ее. Я надѣюсь, вы докажете мнѣ, что вы дѣйствительно то, чѣмъ она васъ считаетъ, а не то, чѣмъ васъ призналъ судъ. Эта молодая дѣвушка добровольно дала слово человѣку, пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ, и котораго никто еще въ лицо не уличалъ въ подлости. Основываясь на данномъ ею словѣ, Вордло отецъ и сынъ послали пароходъ въ Тихій океанъ для отысканія ея и она, послѣ долгихъ

успѣй, найдена. Неужели вы, какъ честный человѣкъ, посовѣтуете ей остаться здѣсь и набросить тѣнь на свое честное имя? Неужели она должна нарушить свое обѣщаніе жениху, на основаніи какихъ-то неясныхъ, заочныхъ обвиненій?

— Я обвинялъ мистера Артура Вордло лишь въ защиту самого себя.

— Вы только-что говорили, продолжалъ Роллестонъ, — что бываютъ обвиненія, которыя на вѣки клеймятъ человѣка неизгладимымъ пятномъ. Еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, то неужели вы позволили бы вашей дочери выйдти замужъ за человѣка честнаго, но по несчастью признаннаго судомъ виновнымъ въ преступленіи?

Робертъ громко застоналъ, но черезъ минуту твердо произнесъ:—Нѣтъ.

— Такъ что же дѣлать? Она должна или сдержать свое честное слово или нарушить его. И ради кого? Ради человѣка, котораго она уважаетъ и любитъ, но за котораго не можетъ выйдти замужъ. Преступникъ также, какъ прокаженный, можетъ быть святой, но я скорѣй убью свою дочь, чѣмъ выдамъ за преступника или за прокаженнаго. И вы въ глубинѣ своего сердца, не могли бы сказать, что я поступилъ дурно; вы на моемъ мѣстѣ сдѣлали бы тоже самое. Что же остается намъ дѣлать? Мы должны сдержать свое слово, а вы оставить ее навсегда и заслужить ея вѣчное уваженіе и мою вѣчную благодарность. Не стоитъ быть на половину честнымъ! Вы должны быть или подлымъ эгоистомъ и заставить Элленъ, забывъ честь и стыдъ, жить съ вами на вѣки на этомъ островѣ, или вы должны доказать, что вы честный, благородный, мужественный человѣкъ, и согласиться на неминуемую, вѣчную разлуку съ нею. Подумайте, сэръ, ваше краснорѣчіе и ея сожалѣніе къ вамъ побудили ее напризнаніе которое отнынѣ разлучаетъ васъ навсегда. Ея невольное, насильственное пребываніе здѣсь, съ вами глазъ на глазъ, было до сихъ поръ невинно Но теперь, послѣ ея безумнаго признанія, оно не можетъ оставаться таковымъ. Я буду съ вами откровененъ; если послѣ всего что произошло, вы захотите непремѣнно послѣдовать за нею на пароходъ, то я долженъ, по чувству человѣколюбія, васъ взять съ собою, но

по чувству долга, я буду обязанъ васъ предать суду, какъ преступника, бѣжавшаго прежде чѣмъ истекъ срокъ приговора. Быть можетъ, я былъ бы обязанъ и теперь васъ арестовать, но я не знаю, кому принадлежитъ этотъ островъ и имѣю ли я право васъ арестовать въ чужихъ владѣніяхъ: но англійской корабль—Англія, и если вы ступите на Спринбокъ—вы погибли. И такъ повторяю: вы честный человѣкъ, вы любите мою дочь истинно, не себялюбиво; вы до сегодня поступали честно, благородно; сдѣлайте еще одинъ шагъ по правому пути: призовите на помощь честь, совѣсть, Бога, которому вы служите, и исполните вашъ долгъ.

— О! вы просите отъ меня большого, чѣмъ можетъ вынести плоть и кровь человѣка, воскликнулъ Робертъ Пенфольдъ.—Что мнѣ отвѣчать, что мнѣ дѣлать?

— Вотъ вамъ моя рука, сказала спокойно Элленъ;—умремъ вмѣстѣ, если мы не можемъ честно жить вмѣстѣ.

— Такъ вотъ для чего я пересѣкъ одинъ океанъ, исколесилъ взадъ и впередъ другой и нашелъ, наконецъ, мое родное дѣтище! произнесъ съ горечью Роллестонъ.—Я сдѣлалъ все, чтобы спасти свою дочь, и когда спасъ—теряю ее.

И онъ молча сѣлъ, поникнувъ головою отъ стыда и горя.

— О! папа, папа, воскликнула Элленъ, опускаясь на землю передъ отцемъ и заливаясь слезами,—прости твое неблагодарное дитя.

Какъ ни ужасно страдалъ Робертъ Пенфольдъ, но въ его благородномъ сердцѣ заговорило чувство сожалѣнія. Блѣдный отъ внутренней борьбы, но спокойный, твердый, покорный судьбѣ, какъ человѣкъ, которому прочли смертный приговоръ, онъ сказалъ спокойно:

— Вы правы, сэръ, нѣтъ выбора. Вы должны увести ее, а я останусь здѣсь.

— Оставить васъ однихъ на островѣ! воскликнула Элленъ;—никогда! если вы останетесь здѣсь, то и я останусь, чтобы васъ утѣшить.

— Я не принимаю этого предложенія. Меня никто не можетъ утѣшить.

— Подумайте, что вы дѣлаете, Робертъ, сказала Элленъ съ

сверхъ-естественнымъ спокойствіемъ;—если вы не жалѣете себя, то хоть пожалѣйте меня. Неужели вы хладнокровно лишите меня той жизни, которую вы до сихъ поръ такъ пламенно старались сохранить? Мой бѣдный отецъ привезетъ въ Англію только мой трупъ. Задолго до той минуты, какъ мы достигнемъ страны, которую я нѣкогда такъ любила, но теперь ненавижу за ея безмозглую жестокость къ вамъ, моя душа уже вернется на этотъ островъ, къ вамъ, Робертъ. Вы просите меня оставить васъ, съ глазу на глазъ съ отчаяніемъ и горемъ. Нѣтъ, ни одинъ изъ васъ не любитъ меня и въ половину такъ, какъ я васъ люблю обоихъ.

— Я объ этомъ не думалъ, произнесъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ Роллестонъ;—мое мужество мнѣ теперь измѣняетъ. Я чувствую, что жизнь моего дѣтища мнѣ дороже всего міра. Она умирала, мнѣ сказали доктора, и ожила здѣсь. Я могу послать пароходъ на континентъ за пасторомъ и обвѣнчать васъ. Тогда живите себѣ спокойно на этомъ островѣ Но вы должны позволить и мнѣ преклонить здѣсь голову, ибо послѣ такого недостойнаго поступка мнѣ нельзя показаться въ Англію. Конечно, это будетъ жалкій конецъ жизни, проведенной посреди почестей и уваженія людей; но вѣдь не долго придется мнѣ страдать, стыдъ также убиваетъ человѣка, какъ и потерянная любовь.

— Робертъ, Робертъ! воскликнула Элленъ, ломая себѣ руки отъ отчаянья.

Пенфольдъ чувствовалъ, что все зависѣло теперь отъ одного его слова и онъ долженъ былъ поступить или очень подло или очень возвышенно; средняго пути не было. Онъ схватился руками за голову и сталъ думать, напрягая всѣ силы своего честнаго, великаго ума.

— *Шш!* промолвила Элленъ;—погодите. Онъ умнѣе насъ. Дайте ему подумать:

Послѣ непродолжительнаго молчанія онъ началъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ:

— Еслибъ я полагалъ, что вы будете чахнуть и умрете на пути, то я никогда не разстался бы съ вами. Но вы не трусъ, вы сильный, мощный человѣкъ. Еслибъ моя жизнь зависѣла отъ васъ, неужели вы не согласились бы жить?

— Вы знаете, что согласилась.

— Когда я былъ выброшенъ моремъ на рифъ, вы доказали, что вы не слабая женщина, а мужественный человѣкъ. Какая женщина съумѣла бы управиться съ лодкой, устроить мачту изъ багра и...

— Это все пустое, перебила его Элленъ; — я васъ любила, а теперь люблю еще болѣе.

— Я вамъ вѣрю, и потому прошу васъ ради меня возвыситься еще разъ надъ вашимъ увлеченіемъ и быть человѣкомъ. Теперь дѣло идетъ о спасеніи не моей жизни, а гораздо большаго, моего честнаго имени.

— О! для этого стоило бы жить! воскликнула Элленъ.

— Конечно, вамъ предстоитъ тяжелый трудъ, но не тяжелѣе, чѣмъ управиться съ лодкою безъ мачты. Повидайте моего отца, Майкеля Пенфольда, эксперта Ундерклифа, моего адвоката и стряпчаго. Изслѣдуйте все дѣло, а главное добейтесь, почему Артуръ Вордло не смѣлъ явиться на скамью свидѣтелей. Будьте настойчивы, какъ человѣкъ, изворотливы, какъ женщина, и не думайте умирать пока вы можете, живя и работая, спасти друга отъ безчестія.

— Умереть! когда я могу спасти васъ отъ смерти и безчестія! Никогда я не буду такъ подла. О! Робертъ! какъ хорошо вы меня знаете!

— Да, я васъ знаю, Элленъ. Я увѣренъ, что ваша великая душа поддержитъ вашу плоть; и вы совершите этотъ подвигъ для того, кто любитъ васъ и кого вы любите. Что же касается до меня, то я сознаю въ себѣ силы прожить одинъ на этомъ островѣ цѣлые года, если вы дадите мнѣ два обѣщанія.

— Я обѣщаю впередъ.

— Обѣщайте мнѣ, что вы не умрете и не выйдите замужъ за Артура Вордло, прежде, чѣмъ вы докажете публично всю ложь погубившаго меня приговора. Положите руку на голову отца и поклянитесь въ этомъ.

Элленъ повиновалась и торжественно произнесла:

— Клянусь не умереть, насколько это зависитъ отъ меня, и не выйти замужъ за кого бы то ни было прежде, чѣмъ я докажу публично всю ложь погубившаго васъ приговора.

— И я клянусь ей помогать, сказалъ съ жаромъ Роллестонъ;—теперь я знаю, что вы честный, благородный человѣкъ. Я не вѣрилъ словамъ, ибо часто слыхалъ краснорѣчивыя бредни, но вы доказали на дѣлѣ, что вы за человѣкъ. Я готовъ отдать теперь душу, что вы не виновны въ подлогѣ. Вотъ моя рука. Богъ въ помощь, благородный человѣкъ! Онъ васъ защититъ!

— Я уповаю, сэръ, со слезами въ голосѣ промолвилъ Пенфольдъ;—вы ея отецъ и вы протянули мнѣ руку; быть можетъ, когда нибудь я вспомню объ этомъ съ утѣшеніемъ, но теперь сердце мое разбито. Возьмите ее, сэръ, скорѣе! воскликнулъ онъ вдругъ съ дикой энергіей, — плоть немощна. Силъ моихъ не хватаетъ все это вынести.

Роллестонъ поспѣшилъ исполнить совѣтъ Пенфольда. Онъ свернулъ всѣ вещи Элленъ, и Робертъ имѣлъ мужество отнести ихъ самъ на лодку. Потомъ они вернулись къ Элленъ, которая сидѣла все на одномъ мѣстѣ, въ безмолвномъ отчаяньи ломая себѣ руки. Она теперь не плакала; ей было не до слезъ. Генералъ взялъ ея мѣшокъ и снова, уходя изъ пещеры; сказалъ Роберту:—останьтесь, проститесь съ нею на единѣ, я приду за нею черезъ пять минутъ. Вы видите, какъ я увѣренъ, что вы честный человѣкъ.

Увидѣвъ Роберта, Элленъ бросилась къ нему на шею, прижалась къ его груди и осыпала его поцѣлуями. Она не могла промолвить ни слова, только всхлипывала и горько стонала.

Наконецъ явился Роллестонъ и Робертъ помогъ отвести Элленъ на лодку. Она шла безсознательно, дрожа всѣмъ тѣломъ, едва не падая въ обморокъ и только когда отчалила лодка, она вскочила и съ дикимъ крикомъ протянула руки къ Роберту, стоявшему на берегу.

Они были разлучены на вѣки.

XXV.

Въ человѣческомъ сердцѣ, въ этой странной амальгамѣ хорошаго и дурного, добраго и злого, иногда честное и достойное уваженія побужденіе тѣсно связано съ преступнымъ дѣйствіемъ

Такъ было и съ Джозефомъ Вайли. Онъ былъ влюбленъ въ Нанси Раузъ, а она объявила себѣ цѣну, двѣ тысячи фунтовъ.

Эта Нанси Раузъ была замѣчательная, энергичная женщина. Она много лѣтъ служила у генерала Роллестона, но при отъѣздѣ его въ Австралію, не могла ѣхать съ нимъ, не смотря на всю свою любовь къ Элленъ, ибо у нея на рукахъ была старая, больная мать. Потерявъ своихъ дорогихъ хозяевъ, она не хотѣла служить ни у кого другого и занялась стиркой бѣлья. Дѣло, благодаря неутомимой дѣятельности и веселому ея характеру, шло такъ успѣшно, что она вскорѣ открыла прачешную съ нѣсколькими работницами, сняла въ аренду цѣлый домикъ въ одномъ изъ предмѣстій Лондона, и даже пустила къ себѣ жильца джентльмена. Въ одномъ только Нанси была несчастлива—въ любви; она была красивая, здоровая, кровь съ молокомъ женщина, но слишкомъ умна, горда, а главное рѣзала правду и немилосердно унижала самолюбіе своихъ многочисленныхъ обожателей. Поэтому они быстро, одинъ за другимъ, изчезали, оставляя иногда тяжелыя раны въ ея сердцѣ. Наконецъ, подвернулся Джозефъ Вайли и вскорѣ сдѣлался ея признаннымъ обожателемъ. Она находила его общество очень пріятнымъ, но когда Вайли сталъ приставать къ ней съ женитьбой, она долго отдѣлывалась шутками, и наконецъ объявила, что въ ихъ теперешнемъ положеніи бракъ немыслимъ; къ чему онъ приведетъ!—пойдутъ дѣти, расходы увеличатся, а средства могутъ уменьшиться, наступитъ нищета и уничтожитъ всякую тѣнь любви. Однимъ словомъ, она сказала прямо: «наживи двѣ тысячи фунтовъ, и купи домъ въ Чансери-Лэнъ, на который я давно вострю зубы, и я твоя. Тогда тебѣ не надо будетъ ходить въ море, мы нанустимъ цѣлый полкъ жильцевъ, увеличимъ прачешное заведеніе и заживемъ на славу».

Быть можетъ, читателямъ покажется страннымъ такое совпаденіе роковыхъ цифръ требованія. Но Нанси именно хотѣла двѣ тысячи фунтовъ и плата за преступленіе Вайли была опредѣлена также въ двѣ тысячи фунтовъ. И одно было слѣдствіемъ другого; Вайли, торгуясь съ Артуромъ Вордло, настаивалъ на двухъ тысячахъ именно потому, что такова была цѣна будущаго дома Нанси. Во время своего преступленія, до него, и послѣ

Вайли утѣшалъ себя одной мыслью, что теперь у Нанси будетъ домъ, а у него Нанси. Потому понятно его отчаянье, когда, благодаря неожиданной болѣзни Артура и временной передачѣ дѣлъ фирмы въ руки Вордло старшаго, Вайли не только не получилъ двухъ тысячъ фунтовъ, но дрожалъ, что каждый день все откроется и онъ, вмѣсто Нанси и счастья, подвергнется суду и угодитъ въ каторгу. Но наконецъ онъ рѣшился во что бы то ни стало достать свои двѣ тысячи фунтовъ. Не смотря на всѣ прежнія неуспѣшныя попытки увидать Артура Вордло, Вайли однажды отправился къ нему въ домъ и объявилъ громогласно лакею:

— Скажите своему господину, что пришелъ я, Джозефъ Вайли, по дѣлу, отъ котораго можетъ зависѣть его жизнь и смерть, и если онъ меня не приметъ, я прокричу на весь городъ о такихъ дѣлахъ, которыя ему надо держать въ большомъ секретѣ.

Эта угроза подѣйствовала, Вайли провели въ комнату Артура, гдѣ тотъ лежалъ на диванѣ блѣдный, исхудалый.

— Мистеръ Вордло, вы не думайте, что я не сочувствую вашему горю, сказалъ онъ; — но мы слишкомъ далеко съ вами зашли, чтобъ остановиться. Намъ только два исхода: или вы получите полтораста тысячъ фунтовъ, а я двѣ тысячи, или...

— Какое мнѣ дѣло до денегъ, пробормоталъ Вордло;—чортъ бы ихъ побралъ, дьяволъ меня соблазнилъ и я погубилъ ту, которую любилъ болѣе денегъ, болѣе всего на свѣтѣ!

— Но выслушайте же меня, продолжалъ Вайли;— я вамъ говорю, что намъ только два исхода: или вы получите полтораста тысячъ, а я двѣ, или мы оба пойдемъ въ каторгу на двадцать лѣтъ.

— Въ каторгу! простоналъ Артуръ, и его летаргическое состояніе мгновенно исчезло, какъ будто бы его невзначай окатили холодной водой.

— Вы очень хорошо это сами знаете, сказалъ Вайли;—нѣсколько еще лѣтъ тому назадъ за это вѣшали. Ну, ну, будьте человѣкомъ, или мы пропали.

Страхъ такъ сильно подѣйствовалъ на Вордло, что онъ, устремивъ дикій взглядъ на Вайли, спросилъ тихо: «что же дѣлать?»

Вайли прежде всего заставилъ его выпить стаканъ вина, для приданія бодрости, а потомъ положилъ на столъ корабельную книгу Прозерпины и декларацію матросовъ, и просилъ Артура ихъ провѣрить, такъ какъ онъ, Вайли, человѣкъ темный и мало смыслитъ во всей этой книжной премудрости. Не смотря на всю слабость своихъ умственныхъ и физическихъ силъ, Артуръ Вордло съ перваго взгляда замѣтилъ, что дѣло не совсѣмъ ладно.

— Они не соотвѣтствуютъ другъ другу, промолвилъ онъ.

— Что не соотвѣтствуетъ?

— Корабельная книга и декларація вашихъ матросовъ. Послѣдніе говорятъ, что бури слѣдовали за бурями и помпы дѣйствовали безъ устали; а въ книгѣ отмѣчено только: «Легкій С. В. вѣтеръ». Такимъ образомъ одна часть вашихъ доказательствъ уничтожаетъ другую. Это всегда такъ бываетъ, когда желаютъ доказать слишкомъ много. Вы должны объявить, что корабельную книгу нельзя было спасти, и она погибла вмѣстѣ съ кораблемъ.

— Это невозможно, очень многіе знаютъ о ея спасеніи.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? Какое безуміе! Вы сдѣлали неисправимую ошибку. Однако какъ размашисто, толсто писалъ Гудсонъ.

Вайли съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на человѣка, который въ критическую минуту позволялъ себѣ такія пустыя замѣчанія.

— Вы увѣрены, что бѣдный Гудсонъ умеръ? спросилъ Вордло въ пол-голоса.

— Еще бы, я самъ видѣлъ его кончину, отвѣчалъ Вайли, вздрагивая, и выпивъ залпомъ стаканъ водки.

— Оставьте бумаги у меня, произнесъ Артуръ; — и передайте Пенфольду, что я завтра приду въ контору. Мы тамъ съ вами встрѣтимся. Я никого другого не приму.

На другой день, какъ только Вайли вошелъ въ контору, Артуръ, такой же блѣдный и изнуренный, какъ наканунѣ, подалъ ему корабельную книгу и декларацію матросовъ, говоря:— посмотрите хорошенько, они теперь лучше соотвѣтствуютъ другъ другу.

Вайли взглянулъ и отскочилъ съ какимъ-то сусвѣрнымъ ужасомъ.

— Это писалъ призракъ Гирама, воскликнулъ онъ; — это его собственный почеркъ.

— Тише, тише, только скажите годится ли это? промолвилъ Вордло.

— Написано великолѣпно, но всякій узнаетъ, что книга никогда не была въ морѣ.

Согласившись вполнѣ съ этимъ, Вордло тотчасъ высыпалъ солонку соли въ тарелку съ водой и вымочилъ въ ней книгу; потомъ онъ облилъ прованскимъ масломъ съ сажей пергаментный переплетъ, что придало ему старый, запачканный видъ, точно книга цѣлыя недѣли находилась въ рукахъ человѣка, не особенно заботящагося о чистотѣ своихъ рукъ. Когда все было готово, Вордло отдалъ документы Вайли, и поручилъ ему вмѣстѣ съ Пенфольдомъ показать ихъ страхователямъ Прозерпины, а потомъ отдать въ Ллойдъ. Самъ же Артуръ по причинѣ своей болѣзни и горя отказался принять въ этомъ дѣлѣ какое либо участіе.

Все обошлось какъ нельзя лучше; никто не выразилъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но для большей осторожности Артуръ не торопился полученіемъ денегъ отъ страхователей. Когда же отецъ его, наконецъ, предъявилъ свои требованія, то деньги были уплачены до послѣдняго гроша, что разорило нѣсколькихъ изъ несчастныхъ страхователей, повѣрившихъ фирмѣ. Вайли получилъ наконецъ свои двѣ тысячи фунтовъ новыми банковыми билетами.

Спрятавъ въ карманъ эти тяжело нажитыя деньги, Вайли бросился къ Нанси Раузъ и, сіяя торжествомъ, влетѣлъ къ ней въ комнату; къ его удивленію, онъ засталъ тамъ Майкеля Пенфольда, который только-что въ тотъ день нанялъ у нея комнату. Онъ что-то разсказывалъ Нанси, а та горько плакала.

— Что вамъ нужно! воскликнула она, съ ожесточеніемъ набросившись на Вайли;—зачѣмъ вы пришли? Ступайте вонъ, и не смѣйте никогда казаться мнѣ на глаза. Отчего вы мнѣ не сказали, что на Прозерпинѣ была миссъ Роллестонъ, моя милая и добрая госпожа? Вы допустили ее потонуть, а сами спасли свою подлую, никому ненужную образину. До тѣхъ

поръ, пока не явится сюда миссъ Элленъ, не смѣйте мнѣ показываться на глаза.

Вайли представилъ свои резоны, но ничего не помогло, и онъ, съ болью въ душѣ, долженъ былъ навсегда распроститься съ своею невѣстою. Онъ не надѣялся, чтобы Элленъ могла когда нибудь воротиться въ Англію.

Между тѣмъ Артуръ Вордло снова сталъ заниматься дѣлами, но онъ совершенно измѣнился. Онъ потерялъ всякую энергію, всякую охоту къ дѣламъ. Его мошенничество удалось и ему этого было довольно. Всякое честолюбіе теперь въ немъ умерло и, бросивъ всѣ спекуляціи, онъ вернулся къ старому безопасному пути рутины. Такъ прошло шесть мѣсяцевъ и горе Артура было все также мрачно, убійственно и безнадежно, какъ въ первую недѣлю.

Но однажды утромъ, сидя въ своемъ кабинетѣ и механически занимаясь дѣлами, онъ вдругъ услышалъ радостный голосъ отца. Черезъ секунду, старикъ Вордло вбѣжалъ въ комнату, съ торжествомъ размахивая руками.

— Она найдена! она найдена! воскликнулъ онъ и сунулъ въ руку Артура телеграмму.

Съ недовѣрчивымъ изумленіемъ, скоро замѣнившимся безумной радостью, Артуръ прочелъ слѣдующія строки:—«Мы нашли ее, живой и здоровой; будемъ въ отелѣ Чарингъ—Кроссъ въ 8 часовъ вечера».

Но прежде чѣмъ станемъ разсказывать сцену свиданія, бросимъ бѣглый взглядъ на то, что дѣлалось на Спринбокѣ во время его возвратнаго плаванія въ Англію.

Мы видѣли, какъ Элленъ, почти безчувственную, перевезли на пароходъ. Цѣлыхъ два дня она сидѣла запершись въ своей каютѣ; и только тяжелые стоны доносились оттуда. Одному Богу извѣстно, что она перенесла въ эти сорокъ восемъ часовъ. Но на третій день она вышла на палубу и поразила всѣхъ своими странностями. Она ни съ кѣмъ не говорила, ни на кого не обращала вниманія, молча ходила взадъ и впередъ по палубѣ, съ такой быстротой и неутомимостью, что возбудила во всѣхъ матросахъ сначала восторгъ, а потомъ суевѣрный страхъ, потому что во время этихъ безконечныхъ прогулокъ, ея большіе

чудные глаза были безсознательно обращены въ пространство; очевидно, что ея мысли были далеко и устремлены на одинъ всецѣло поглощающій ее планъ. Дѣйствительно, Элленъ не видѣла, не слышала, не понимала ничего, что происходило вокругъ нея, она думала только объ одномъ, какъ исполнить святое, взятое ею на себя дѣло. Даже ходила она по палубѣ, не столько отъ волненія, сколько отъ твердаго намѣренья сохранить столь необходимое теперь для нея здоровье. Съ отцемъ своимъ она обращалась нѣжно, покорно, но холодно въ сравненіи съ прежнимъ ея обращеніемъ. Видя это, онъ ясно сознавалъ, что онъ въ Англію везетъ ея тѣло, но что душа ея осталась на островѣ. Только изрѣдка ея наружное спокойствіе прерывалось на короткое время, и она истерически рыдала. Но это продолжалось не долго и, успокоившись, она снова предавалась физической дѣятельности и все думала и думала.

Наконецъ въ виду уже англійскаго берега, генералъ Роллестонъ, старавшійся до сихъ поръ ее ничѣмъ не безпокоить, рѣшился переговорить съ нею серьезно о послѣдующихъ ихъ дѣйствіяхъ.

— Ну, Элленъ, сказалъ онъ,—чтожъ мы будемъ дѣлать съ Вордло?

Элленъ вздрогнула, но послѣ минутнаго молчанія, промолвила спокойно:

— А какъ, по вашему, надо дѣйствовать.

— Мнѣ кажется, всѣ наши дѣйствія должны клониться къ тому, чтобы мы не были слишкомъ неблагодарны къ отцу, и не обманывали бы сына.

— Хорошо, я не буду неблагодарна къ отцу, и не обману сына.

Отецъ поцѣловалъ ее и назвалъ благородной, мужественной дѣвушкой; но прибавилъ, что, съ другой стороны, слѣдовало позаботиться и о томъ, чтобъ никто не узналъ объ ея пребываніи на островѣ съ глазу на глазъ съ преступникомъ, ибо общество этого ей никогда не проститъ.

— Да зачѣмъ же говорить о томъ, кому нибудь, кромѣ Артура? сказала Элленъ покраснѣвъ;—а онъ конечно меня довольно любитъ, чтобъ не компроментировать въ глазахъ свѣта.

— Но узнавъ объ этомъ, онъ будетъ вправѣ отказаться отъ твоей руки.

— Конечно, и я надѣюсь, что онъ откажется, когда я ему скажу, что люблю другого, хотя и безнадежно.

Она горько зарыдала, а старикъ Роллестонъ, прижавъ ее къ своей груди, грустно спрашивалъ себя, чѣмъ все это кончится.

Однако, когда она вышла на берегъ въ Соутгэмптонѣ, спокойствіе снова, повидимому, къ ней возвратилось, и она сама попросила отца телеграфировать Вордло.

— Не лучше-ли подождать денекъ? сказалъ Роллестонъ;— ты могла бы собраться съ силами для этого тяжелаго свиданія.

— Конечно, но это была бы слабость. А я должна отрѣшиться отъ всякой слабости, или я никогда не оправдаю Роберта Пенфольда. И потомъ подумайте, папа, о себѣ. Если старикъ Вордло услышитъ, что вы провели день въ Лондонѣ, не давъ ему знать, онъ можетъ обидѣться. Нѣтъ, пригласите ихъ къ намъ въ восемь часовъ. Мы пріѣдемъ въ Лондонъ въ 7. Значитъ останется цѣлый часъ на отдыхъ. Господи, помоги мнѣ!

Въ этотъ самый день ровно въ 8 часовъ къ отелю въ Чарингъ-Кроссъ подъѣхалъ Артуръ Вордло съ отцемъ. Онъ сіялъ полнымъ, безмятежнымъ счастьемъ. Всѣ угрызенія совѣсти были забыты. Онъ уже болѣе не сожалѣлъ о своемъ преступленіи и о потерѣ Прозерпины. Элленъ была жива и приписывала ему свое спасеніе, а не погибель.

Вбѣжавъ въ комнату, онъ бросился прямо къ Элленъ и, съ криками радости и восторга, сталъ цѣловать ея руки; она задрожала отъ волненія и, чтобъ не упасть, опустилась въ кресло. Онъ всталъ передъ нею на колѣни и, схвативъ одну изъ ея рукъ, продолжалъ ее цѣловать и обливать слезами; она же сидѣла, отвернувъ голову и закрывшись рукой. На лицѣ ея было ясно написано сожалѣніе и отвращеніе, но такъ какъ оно было скрыто, а вся ея фигура лихорадочно дрожала, то всякій, кто увидалъ бы эту сцену, принялъ бы волненіе Элленъ за любовь къ Артуру Вордло. Наконецъ старикъ Вордло вывелъ ее изъ этого труднаго положенія. Онъ громко сталъ жаловаться на монополію Артура и она, бросившись къ нему въ туже минуту,

стала горячо его благодарить за то, что онъ былъ такъ добръ и выслалъ за нею корабль. Она въ сущности вовсе не чувствовала себя благодарной, но знала, что должна быть благодарна, и потому была дѣйствительно краснорѣчива въ своихъ изліяніяхъ. Старикъ былъ очень этимъ доволенъ, но увѣрилъ, что она должна благодарить не его, а Артура, ибо любовь Артура къ ней побудила его выслать корабль.

— Если вы чувствуете себя обязанной мнѣ, промолвилъ онъ шопотомъ,—то будьте добры къ Артуру, вотъ все, что я смѣю просить у васъ. Его жизнь зависитъ отъ васъ.

Элленъ повиновалась этой просьбѣ и медленно возвратилась къ Артуру. Онъ снова началъ цѣловать ея руки и объяснять ей свою пламенную любовь. Она сидѣла молча, холодная, какъ ледъ, и едва слышала, что онъ говорилъ. Наконецъ, она не выдержала и подойдя къ отцу шепнула:

— Я болѣе не могу этаго вынести. Пожалѣйте меня.

Роллестонъ понялъ, въ чемъ дѣло, и поступилъ съ большимъ тактомъ, чѣмъ можно было отъ него ожидать. Онъ позвонилъ слугу, потребовалъ чаю и громко сказалъ, обращаясь къ Элленъ:

— Ты вѣдь не пьешь чай, и я вижу ты очень устала. Не лучше ли тебѣ пойдти спать.

— Да, папа, отвѣчала она, и пошла къ двери, но проходя мимо Артура Вордло, она сказала шопотомъ, что желала бы поговорить съ нимъ завтра на-единѣ.

На другой день, Артуръ явился, сіяя счастіемъ и съ розаномъ въ петлицѣ; она же встрѣтила его грустная, мрачная. Онъ тотчасъ началъ распространяться о своей любви, но она его перебила очень серьезно.

— Артуръ, сказала она,—мы теперь одни, и я должна вамъ сдѣлать откровенное признаніе, которое, къ несчастью, вамъ принесетъ много горя. Мое сердце обливается кровью при мысли объ ударѣ, который я вамъ нанесу, но я должна или сказать вамъ все, или васъ обмануть. Артуръ, мы перенесли много ужасовъ въ лодкѣ, на океанѣ, и вы никогда не увидѣли бы меня на землѣ, еслибъ не одинъ добрый человѣкъ, который спасъ мнѣ жизнь Онъ потомъ еще нѣсколько разъ спасалъ ее на островѣ, и мнѣ самой выпало на долю одинъ разъ спасти

его дорогую для меня жизнь. Моя вѣрность къ вамъ была подвергнута сильному искушенію. Я постоянно видѣла передъ собою образецъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей. Въ пользу его говорили чувства благодарности и сожалѣнія. Вы и Англія казались потерянными на вѣки. Если можете, то не осуждайте и меня, Артуръ, но я люблю другого!

Произнеся эти страшныя слова, она покраснѣла, поникла головой и слезы выступили на ея глазахъ. Но мы сильно подозрѣваемъ, что эти слезы были не объ Артурѣ, а о Робертѣ Пенфольдѣ. Артуръ, слушавшій ее сначала съ изумленіемъ, но безъ малѣйшаго испуга, теперь смертельно поблѣднѣлъ и промолвилъ едва слышно:

— Если вы выйдете за него замужъ, вы меня убьете.

— Нѣтъ, Артуръ, отвѣчала Элленъ,—я не могу за него выдти замужъ, даже еслибъ вы позволили. Когда вы узнаете все, то увидите, что изъ насъ троихъ вы еще менѣе всѣхъ несчастны. Какъ-бы то ни было, я вамъ сказала правду и предоставляю вамъ рѣшить, что намъ дѣлать. Конечно, мое признаніе освобождаетъ васъ отъ даннаго вами слова.

— Освобождаетъ меня! воскликнулъ въ отчаяніи Артуръ;— оно не можетъ оторвать моего сердца отъ вашего.

— Бѣдный Артуръ! промолвила она,—неужели я родилась на свѣтъ только для того, чтобъ дѣлать несчастными всѣхъ, кого я уважаю.

— Вы всегда были честная душа, сказалъ онъ, видя слезы сожалѣнія на ея глазахъ; — сдержите слово данное мнѣ, и я васъ вылечу отъ вашей несчастной привязанности.

— Какъ? Послѣ всего, что я вамъ сказала, вы все же неосвобождаете меня отъ даннаго мною слова?

— Жестокая Элленъ! вы знаете, что я не могу васъ удерживать.

— Нѣтъ, я не жестокая; и вы имѣете право меня удержать. Но подумайте не обо мнѣ, а о себѣ.

— Я довольно думалъ. Эта привязанность къ человѣку, за котораго вы не можете выйти замужъ, конечно несчастье для васъ и для меня, но сохраните ко мнѣ уваженіе, пока не вернется любовь, и пускай все останется по прежнему между нами.

— Вамъ было рѣшать, сказала Элленъ холодно;—и вы рѣшили. Прошу васъ теперь только согласиться на одно условіе.

— Я повинуюсь заранѣе.

— Какъ, даже не зная, въ чемъ состоитъ это условіе?

— Вы не знаете Элленъ, какой несчастный годъ я провелъ съ той минуты, какъ разнеслась вѣсть о вашей смерти! Сегодня вы нанесли большой ударъ моему счастью—это правда, но все же это великое блаженство въ сравненіи съ прежнимъ горемъ. Предписывайте условія. Вы моя царица, моя любовь и жизнь! О! Элленъ, я перенесу все, что хотите, лишь бы я зналъ, что у васъ нѣтъ тайнъ отъ меня. Продолжайте, какъ начали, и дайте мнѣ сразу узнать всю глубину своего горя.

— Можете ли вы, Артуръ, быть великодушнымъ къ тому, кто причинилъ вамъ такое горе?

— Я постараюсь, отвѣчалъ Артуръ съ тяжелымъ вздохомъ.

— Я никогда *не вышла бы* за него замужъ, не получивъ отъ васъ разрѣшенія даннаго мною вамъ слова; вы оставались мнѣ вѣрны, и я должна платить вамъ тою же монетою. Я никогда *не могла бы* выйти за него замужъ, еслибъ даже и не дала вамъ слова, но я могу оказать ему большую услугу, не нанося вашей чести ни малѣйшаго вреда, и я поклялась совершить это дѣло прежде, чѣмъ выйду за кого нибудь замужъ. Я сдержу эту клятву, также какъ сдержу и данное вамъ слово. Общество изгнало его изъ своей среды, благодаря подлой клеветѣ. Эту клевету я должна изслѣдовать и опровергнуть. Это дѣло трудное, продолжительное, но я его выполню во что бы то ни стало. И вы могли бы мнѣ много въ этомъ помочь. Но я не буду такъ жестока, чтобъ отъ васъ этого требовать.

— Если вы успѣете въ своемъ предпріятіи, то на другой же день послѣ побѣды вы выйдете за меня замужъ?

— Да, даю вамъ слово.

— Такъ я вамъ помогаю.

— Артуръ подумайте, что вы говорите. Женщины еще любили такой самоотверженной любовью, но мужчины на нее неспособны.

— Никто, никогда такъ не любилъ, какъ я васъ люблю. Я

скорѣе согласенъ вамъ помочь въ этомъ дѣлѣ, хотя съ горечью въ сердцѣ, чѣмъ лишиться васъ. Но что намъ надо сдѣлать?

— Развѣ я вамъ не сказала? Мы должны очистить его имя отъ подлаго пятна и возвратить его въ Англію, въ общество, котораго онъ достоинъ быть лучшимъ украшеніемъ.

— Да, да, сказалъ Артуръ;—но кто онъ такой? Впрочемъ зачѣмъ я спрашиваю, конечно я его не знаю.

— Нѣтъ, онъ для васъ не чужой человѣкъ, сказала Элленъ;— но онъ также несправедливъ къ вамъ, какъ весь міръ несправедливъ къ нему. Артуръ, прибавила она взглянувъ ему прямо въ глаза, — это вашъ старый другъ и наставникъ — Робертъ Пенфольдъ.

ГЛАВА XXVI.

Артуръ Вордло былъ пораженъ, какъ громомъ, и нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно, безсмысленно уставивъ глаза на Элленъ. Потомъ щеки его поблѣднѣли, въ глазахъ помутилось и самый низкій, подлый страхъ выразился во всѣхъ его чертахъ. Наконецъ, не промолвивъ ни слова, онъ всталъ и дрожащими невѣрными шагами вышелъ изъ комнаты.

Онъ былъ взятъ въ расплохъ; впервые его ловкость и искуство измѣнили ему. Элленъ, съ изумленіемъ слѣдившая за всей этой сценой, сама испугалась рокового дѣйствія своихъ словъ, и странныя мысли и предположенія зароились въ ея головѣ. До сихъ поръ она была увѣрена, что Робертъ Пенфольдъ ошибался на счетъ Артура Вордло и что его подозрѣнія были также несправедливы, какъ смутны и неопредѣленны. Но теперь, при одномъ имени Роберта Пенфольда, Артуръ поблѣднѣлъ и бѣжалъ какъ виноватый. Это было знаменательное совпаденіе, оно подтверждало ея высокое мнѣніе о Робертѣ Пенфольдѣ и возбудило дурныя мысли объ Артурѣ. Однакожъ не смотря и на это, почти явное, доказательство вины, она рѣшилась подождать съ своими заключеніями до откровеннаго объяс-

ненія съ Артуромъ. Но все же странное поведеніе Артура было для нея сильнымъ ударомъ; она теперь сознавала, что на его помощь нечего болѣе надѣяться. Она начала раздумывать, къ кому ей прежде всего обратиться, такъ какъ Робертъ просилъ повидать его отца, эксперта Ундерклифа, стряпчаго и адвоката.

Въ этой нерѣшимости, она провела два дня, поджидая все Артура, но онъ не являлся. Наконецъ, на третій день она попросила отца поѣхать съ нею къ старику Вордло; обворожив того своей любезностью, она неожиданно заговорила съ нимъ о Робертѣ Пенфольдѣ, стараясь вывѣдать имя адвоката, защищавшаго Роберта. Вордло отвѣчалъ, что онъ не помнитъ, но полагаетъ, что всѣ нужныя свѣденія ей дастъ отецъ Пенфольда, служащій у нихъ въ конторѣ. По различнымъ причинамъ Элленъ не желала отправиться въ контору, и потому спросила дрожащимъ голосомъ, не знаетъ ли объ этомъ кто другой.

— Стряпчій долженъ знать, сказалъ старикъ.

— Но я не знаю, кто былъ у Пенфольда стряпчимъ, произнесла Элленъ со вздохомъ.

— Такъ обратитесь къ маклеру, мистеру Адамсу. Я очень радъ слышать отъ васъ, что Робертъ Пенфольдъ хорошій человѣкъ и охотно вѣрю этому. Онъ здѣсь пользовался всеобщимъ уваженіемъ, пока въ злую минуту не поддался великому соблазну и не совершилъ преступленія.

— Вы полагаете, онъ былъ виновенъ?

— Конечно; Артуръ, я знаю, до сихъ поръ въ этомъ сомнѣвается, но онъ очень естественно предубѣжденъ въ пользу своего стараго друга; и къ тому же онъ не былъ на судѣ, а я былъ.

На слѣдующій день Элленъ отправилась къ маклеру и объявила, что пришла за нѣкоторыми справками, по совѣту м-ра Вордло. Это имя послужило ей открытымъ листомъ и м-ръ Адамсъ объявилъ, что онъ готовъ сдѣлать для нея все на свѣтѣ.

— Я пришла къ вамъ по дѣлу м-ра Роберта Пенфольда Не можете ли вы мнѣ сказать имя его защитника на судѣ?

— Дѣло Роберта Пенфольда, поддѣлывателя фальшивыхъ документовъ,—мнѣ ли не знать; онъ вѣдь удралъ штуку съ мо-

имъ товарищемъ; но я живо принялъ свои мѣры, арестовалъ его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ размѣнять деньги, добился его приговора и отправилъ черезъ океанъ этого подлеца.

— Такъ это вы его преслѣдовали! воскликнула Элленъ, устремивъ на Адамса взглядъ, полный ужаса и отвращенія.

— Конечно я, съ гордостью произнесъ Адамсъ;—и оказалъ тѣмъ всей странѣ большую услугу. Я считаю подлогъ хуже убійства. Но что это съ вами? вамъ дурно?

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Элленъ, отвертываясь съ ужасомъ отъ человѣка, погубившаго ея Роберта;—я не могу здѣсь оставаться... пустите меня, злой, жестокій человѣкъ!

И забывъ о всѣхъ справкахъ, она поспѣшно вышла изъ комнаты. Возвратившись домой она горько плакала надъ своей неудачей и очевидной неспособностью исполнить съ успѣхомъ предпринятое ею дѣло. Отецъ старался ее успокоить, говоря, что не къ чему отчаяваться и что, конечно, въ старыхъ газетахъ можно найти отчетъ о дѣлѣ Пенфольда съ именами всѣхъ адвокатовъ и стряпчихъ.

Но пока она обдумывала, какимъ путемъ достать эти газеты, она получила отъ Артура Вордло слѣдующую записку:

«Милая Элленъ,—писалъ онъ,—я слышалъ отъ м-ра Адамса, что вы желаете знать имя адвоката, защищавшаго Роберта Пенфольда. Это м-ръ Толемакъ. Его контора въ Линкольнъ-Инѣ».

Элленъ была тронута этимъ письмомъ и готова была бранить себя за свои подозрѣнія.

На другой день, она отправилась къ м-ру Толемаку, но онъ былъ въ судѣ и ей объявили, что онъ вернется не ранѣе 4 часовъ. Оставивъ свою карточку, она пошла домой и по дорогѣ замѣтила, что какой-то оборванный господинъ слѣдуетъ за нею въ нѣкоторомъ разстояніи. Тоже самое было и въ четыре часа, когда она снова отправилась въ контору Толемака. Адвокатъ былъ дома.

Элленъ ввели въ кабинетъ, гдѣ у камина стоялъ м-ръ Толемакъ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вы защищали м-ра Роберта Пенфольда, обвиняемаго въ подлогѣ? спросила его Элленъ.

— Да, мнѣ кажется, я что-то помню. Это былъ банкирскій приказчикъ?

— Ахъ! нѣтъ, сэръ, онъ пасторъ.

— Пасторъ? Да, теперь помню. Онъ былъ осужденъ.

— Я хочу добиться чтобы переслѣдовать его дѣло.

— Будто? И вы желаете пересмотрѣть всѣ бумаги?

— Да, воскликнула Элленъ;—будьте такъ добры, дайте мнѣ эти бумаги. Вы и не подозрѣваете, какъ я ими интересуюсь!

И слезы показались на ея глазахъ.

— Бумаги тогда же отправлены къ стряпчему и онъ, вѣроятно, дозволитъ вамъ ихъ пересмотрѣть.

— Благодарю васъ, сэръ, но не можете ли вы мнѣ сказать, кто былъ стряпчимъ Пенфольда и гдѣ онъ живетъ?

— Я не помню. Вамъ надо было прежде всего узнать объ этомъ, а ко мнѣ вовсе не слѣдовало обращаться. Сожалѣю, что не могу быть вамъ полезенъ. Позвольте мнѣ, однако, дать вамъ совѣтъ: поручить всѣ предварительныя справки вашему стряпчему. Если же онъ отыщетъ новыя доказательства, то я съ большимъ удовольствіемъ готовъ вамъ служить.

Съ этими словами онъ учтиво ей поклонился, и она поняла, что аудіенція кончена и удалилась съ горечью въ сердцѣ. Но она не долго предавалась унынію и, взявъ кэбъ, поѣхала въ контору Вордло. Время было позднее и въ конторѣ оставался только молодой приказчикъ, который уже закрывалъ ставни. Элленъ спросила у него адресъ старика Пенфольда и, давъ ему золотой, снова прыгнула въ кэбъ; но едва успѣла она это сдѣлать, какъ оборванный господинъ, слѣдовавшій за нею повсюду въ этотъ день, подошелъ къ приказчику и, фамильярно потрепавъ его по плечу, сталъ помогать ему закрывать ставни.

— Э, Дикъ, сказалъ приказчикъ; — старикъ Пенфольдъ пошелъ въ гору. Тутъ только-что была какая-то герцогиня и дала мнѣ соверенъ за его адресъ. Погоди-ка, надо плюнуть на него на счастье.

Оборванный господинъ, однако, не дожидался этой интересной церемоніи, а возвратившись къ маленькой каретѣ, дожидавшейся его за угломъ, поѣхалъ прямо къ Артуру съ докладомъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

На слѣдующій день, часовъ въ пять, Элленъ поѣхала къ м-ру Пенфольду съ тревожно-бьющимся сердцемъ; она была увѣрена, что наконецъ узнаетъ что нибудь рѣшительное. Въ тоже время ее очень поражало то обстоятельство, что старикъ Пенфольдъ, который долженъ былъ знать всю правду отъ своего сына, оставался на службѣ въ фирмѣ, глава которой былъ вполнѣ убѣжденъ въ виновности Роберта. Она теперь надѣялась, что и эта странная тайна объяснится въ предстоящемъ свиданіи. Потому понятно ея отчанье, когда на квартирѣ Пенфольда ей объявили, что онъ получилъ вчера депешу отъ Вордло и тотчасъ уѣхалъ въ Шотландію по какимъ-то спѣшнымъ дѣламъ.

— О, какое несчастье! воскликнула Элленъ.—Когда была получена телеграма?

— Вчера въ шестомъ часу.

Судьба рѣшительно была противъ нея! Ей ничего не удавалось. Возвратившись домой, она нашла карточку Артура и прекрасный букетъ. Она тотчасъ написала ему любезную записку и въ P. S. просила его прислать, если можно, газетный отчетъ о дѣлѣ Пенфольда. Отвѣтъ пришелъ немедленно. Артуръ увѣдомлялъ ее, что онъ справился въ конторѣ, но, по несчастью, не было дома того изъ конторщиковъ, у котораго находились отчеты о дѣлѣ.

Элленъ тяжело вздохнула. На каждомъ шагу она встрѣчала только задержки, отказы и проволочки.

Однако на слѣдующее утро она получила большой конвертъ и записку отъ какого-то м-ра Гэнда:

«По приказанію мистера Артура Вордло,—писалъ онъ,—посылаю вамъ вырѣзки изъ газетъ о дѣлѣ Пенфольда; прошу васъ возвратить ихъ по минованіи надобности».

Элленъ тотчасъ заперлась въ своей комнатѣ и стала съ жадностью читать и перечитывать присланные отчеты. Этихъ отчетовъ было два, и въ обоихъ обвиненіе подкрѣплялось ясными, неопровержимыми доказательствами и уликами, а защита состояла только въ разглагольствованіяхъ и неправдоподобіи подлога со стороны пастора, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Говорилось и о томъ, что м-ръ Артуръ Вордло, сынъ главнаго свидѣтеля, такъ принялъ къ сердцу это дѣло, что опасно зане-

могъ въ Оксфордѣ. Также было упомянуто, что подсудимый старался свалить всю вину на м-ра Артура Вордло, но судья остановилъ его и сказалъ, что онъ только усиливаетъ свое преступленіе, стараясь набросить тѣнь на Вордло, которые выказали столько сочувствія къ нему, и если не могли его защитить, то лишь потому, что это было невозможно. Въ концѣ обоихъ отчетовъ было приведено заключеніе судьи, очень умѣренное по формѣ, но прямо клонившееся къ осужденію подсудимаго и къ опроверженію всѣхъ софизмовъ адвоката. Кромѣ того упоминалось еще, что въ судъ призывался экспертъ, который своимъ искуствомъ заставилъ улыбнуться всѣхъ присутствующихъ, но не могъ побороть очевидныхъ фактовъ.

Перечтя все это нѣсколько разъ, Элленъ почувствовала, что морозъ пробѣжалъ у нея по всему тѣлу. Ея вѣра въ Роберта ни мало не пошатнулась, но ее поразило то спокойствіе и безпристрастіе, съ которыми всѣ обращались на судѣ съ несчастнымъ Робертомъ. Даже обвинитель м-ръ Геннеси началъ свою рѣчь съ выраженія глубокаго сожалѣнія къ подсудимому и, держась однихъ фактовъ, объявилъ, что никто не былъ бы болѣе его доволенъ, еслибъ эти факты были опровергнуты или объяснены въ пользу подсудимаго.

Прямой практической пользы эти отчеты ей не принесли, такъ какъ въ нихъ не упоминалось имени стряпчаго Пенфольда, и новаго она узнала только, что обвинителемъ былъ м-ръ Геннеси. Узнавъ его адресъ, она рѣшилась обратиться къ нему въ надеждѣ узнать имя стряпчаго, которое ей такъ жестоко не давалось.

Геннеси былъ человѣкъ громаднаго роста, въ видѣ вѣшалки, и, какъ всѣ крупные люди, чрезвычайно добрый и любезный. Онъ принялъ Элленъ очень учтиво и добродушно выслушалъ ея просьбу; потомъ взялъ свою записную книгу, отыскалъ замѣтку о дѣлѣ Пенфольда, и объявилъ, что стряпчій со стороны обвиненія былъ Фрешфольдъ.

— Но вы желаете знать, сказалъ онъ,—кто былъ стряпчій подсудимаго? Потрудитесь написать ваше имя и адресъ. Съ этими словами онъ присѣлъ къ столу, написалъ м-ру Фрешфольду, прося его прислать нужныя свѣденія по прилагаемому

адресу и, запечатавъ письмо, тотчасъ отправилъ его на почту.

Элленъ, со слезами на глазахъ, поблагодаря его, промолвила застѣнчиво:

— Я не смѣю спросить васъ, сэръ, считаете ли вы его дѣйствительно виновнымъ?

— Вы не должны подвергать допросу обвинителя, сказалъ Гепнесси, добродушно качая головою;—если это вамъ можетъ доставить какое нибудь утѣшеніе, то я вамъ скажу, что тѣнь сомнѣнія была, и Толемакъ сдѣлалъ большой промахъ. Еслибъ я защищалъ Пенфольда, то настоялъ бы на отсрочкѣ дѣла, до выздоровленія Артура Вордло, или до его спроса на квартирѣ, если онъ дѣйствительно умиралъ. А что, не знаете ли вы, умеръ онъ?

— Нѣтъ.

— Я такъ и думалъ. Свидѣтели часто больны при смерти, но я не слыхивалъ, чтобъ они умирали. Ха, ха, ха. Непремѣнно слѣдовало отложить дѣло до выздоровленія этаго свидѣтеля. Если же судья отказалъ бы мнѣ въ этой отсрочкѣ, то я представилъ бы присяжнымъ свидѣтеля въ такомъ неблаговидномъ свѣтѣ, что они на зло ему оправдали бы подсудимаго.

— Такъ вы полагаете, что адвокатъ дурно защищалъ его.

— Нѣтъ, я такъ далеко не пойду. Но многіе адвокаты слишкомъ полагаются на свою аргументацію, и не обращаютъ должнаго вниманія на самые факты. Опытъ и неудачи, конечно, лучшее средство излечиться отъ подобнаго недостатка.

Въ тотъ же вечеръ м-ръ Фрешфольдъ прислалъ ей имя и адресъ стряпчаго Пенфольда—Ловджой, въ Линкольнъ-Инѣ. На слѣдующее же утро, она отправилась туда и объяснивъ, что она и отецъ ея, генералъ Роллестонъ, очень интересовались м-ромъ Пенфольдомъ, просила, чтобъ ей позволили разсмотрѣть всѣ бумаги по его защитѣ.

— Вы родственница Пенфольда, сударыня? спросилъ Ловджой.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчала Элленъ, краснѣя.

— Гм! такъ вамъ надо представить записку отъ м-ра Майкеля Пенфольда, съ которымъ мы собственно имѣли дѣло.

— Но онъ въ Шотландіи.

— Такъ нѣтъ-ли у васъ какого нибудь письменнаго удостовѣренія отъ него?

— У меня нѣтъ довѣренности, но даю вамъ слово, что я дѣйствую по его желанію.

— Мы держимся опредѣленныхъ правилъ, сударыня, сказалъ стряпчій. — Есть формы, которыхъ нарушать мы не имѣемъ права. Я увѣренъ, вы сами признаете, что было бы неприлично, и даже жестоко, съ нашей стороны, давать на просмотръ эти бумаги безъ разрѣшенія Роберта или Майкеля Пенфольда. Сдѣлайте милость, не сочтите мои слова отказомъ, это лишь отсрочка.

— Но я только и встрѣчаю, въ этомъ дѣлѣ, что однѣ отсрочки и задержки, съ горестью произнесла она;—сердце мое лопнетъ отъ всего этого.

Стряпчій поглядѣлъ на нее съ сожалѣніемъ, но не рѣшился отступить отъ предписанной формы, и Элленъ отправилась домой вполнѣ разочарованная всѣми этими неудачами. При выходѣ на улицу ей отворилъ дверцу какой-то бѣдно-одѣтый человѣкъ, который почему-то ей показался знакомъ. Она рѣшилась прослѣдить всю эту интригу, и въ одинъ прекрасный день она сдѣлала важное открытіе. Женщины какъ-то инстинктивно всегда узнаютъ, когда за ними кто нибудь слѣдитъ, точно у нихъ глаза на затылкѣ. Во дворѣ своего отеля она замѣтила одного оборваннаго господина, лицо котораго ей показалось знакомо: она часто встрѣчала его на улицѣ. «Отчего эта фигура попадается мнѣ на глаза вездѣ, куда бы я ни поѣхала», спросила она себя, и потомъ нѣсколько разъ подходила къ окну. Подозрительный человѣкъ все ходилъ то по двору, то по улицѣ. Она задумалась и рѣшила наконецъ сдѣлать маленькій опытъ. Ей хотѣлось убѣдиться, дѣйствительно ли незнакомый преслѣдуетъ ее и съ опредѣленной ли цѣлью? Она наскоро одѣлась и отправилась отыскивать литографа Ундерклифа, адресъ котораго случайно нашла въ Адресной книгѣ. Она ненадѣялась многое отъ него узнать, но этой поѣздкой разомъ достигались двѣ цѣли. Сѣвъ въ кэбъ, она не сказала куда ѣхать, а молча отдала адресъ извозчику и тотъ поскакалъ. Пріѣхавъ въ назначенную улицу она взошла въ магазинъ и спросила дома ли м-ръ Ундерклифъ. Ей отвѣчали, что онъ ушелъ по дѣламъ и не вернется ранѣе какъ черезъ

часъ. «Я подожду», сказала она и сѣла, закрывъ лицо руками. Въ ту же минуту какой-то оборванный господинъ прошелъ мимо окна съ очень озабоченнымъ видомъ и никто не принялъ бы его за шпіона по его быстрому, небрежному взгляду, брошенному имъ какъ бы ненарочно на окно и сидѣвшую подлѣ него Элленъ.

— Ага! воскликнула Элленъ вспыхнувъ, и нетолько узнала своего преслѣдователя, но замѣтила его лицо, шляпу, жилетку, грязное бѣлье и булавку въ галстухѣ.

Отвернувшись отъ окна, молодая дѣвушка вдругъ увидѣла за конторкой старуху громаднаго роста, которая измѣряла ее взглядомъ съ ногъ до головы.

— Скажите пожалуста, могу ли я видѣть м-ра Ундерклифа? спросила Элленъ, покраснѣвъ, но не сводя глазъ со старухи.

— Вы можете его застать завтра, въ десять часовъ, если уплатите впередъ гинею за ауденцію. Это вѣроятно по дѣлу о почеркѣ.

— Не совсѣмъ, сказала Элленъ немедленно отдавая гинею;— онъ былъ экспертомъ въ дѣлѣ одного человѣка, въ невинности, котораго я твердо убѣждена.

— Но онъ былъ признанъ виновнымъ, сказала хладнокровно старуха.

— Да, и у него нѣтъ друга, кромѣ меня, который бы взялся очистить отъ пятна его честное имя. А я бѣдная, безпомощная дѣвушка, встрѣчающая повсюду только преграды и неудачи.

И она залилась слезами.

Старуха посмотрѣла на нее съ сочувствіемъ и пробормотала, что она далеко не такъ безпомощна, какъ полагаетъ. Оправившись немного, Элленъ простилась съ нею и пошла домой ни разу не оборачиваясь, но у самого отеля она остановилась передъ окномъ какого-то магазина и быстрымъ взглядомъ окинула всю улицу. Но оборваннаго господина нигдѣ не было видно.

ГЛАВА XXVII.

Акуратно въ десять часовъ Элленъ явилась къ м-ру Ундерклифу и застала его за конторкой. Онъ и его помощникъ были оба заняты черченіемъ; м-ръ Ундерклифъ былъ блѣдный красивый мужчина съ живыми сѣрыми глазами.

— Вѣроятно вы пришли по дѣлу о какомъ нибудь почеркѣ, обратился онъ къ Элленъ.

— Не совсѣмъ сэръ. Помните ли вы, что васъ призывали экспертомъ въ дѣлѣ молодого пастора, м-ра Роберта Пенфольда, обвиняемаго въ подлогѣ?

— Я помню это дѣло, но не въ подробностяхъ. Я не могу помнить всего; меня приглашаютъ экспертомъ такъ часто. Однако я пишу замѣтки о главнѣйшихъ дѣлахъ. Въ которомъ году было это дѣло?

— Въ 1864 году, со вздохомъ произнесла Элленъ.

Ундерклифъ пошелъ къ шкапу, въ которомъ хранились его замѣтки о дѣлахъ. Онъ вынулъ одну связку и подалъ Элленъ.

— Тутъ былъ вопросъ о подложномъ векселѣ, надписанномъ и дисконтированномъ Пенфольдомъ, сказалъ онъ, — меня призывали экспертомъ для доказательства, что этотъ вексель написанъ былъ не Пенфольдомъ. Вотъ фак-симиле Роберта Пенфольда и Джона Вордло, а вотъ и копія подложнаго векселя.

Элленъ съ ужасомъ устремила глаза на этотъ роковой документъ и долго не могла промолвить ни слова отъ волненія.

— И эта гадкая бумажка погубила Роберта Пенфольда, сказала она наконецъ.

— Не эта, а оригиналъ: это только фак-симиле. Погодите, вотъ листокъ, на которомъ я литографировалъ эти три почерка совершенно различествующіе между собой по стилю. Вы сейчасъ поймете ихъ разницу, но, быть можетъ, это васъ не интересуетъ?

Элленъ сказала, что напротивъ, и Ундерклифъ подробно объ-

яснилъ ей, почему почеркъ Роберта Пенфольда не имѣлъ ничего общаго съ почеркомъ подложнаго векселя.

— Я также нашелъ въ подложномъ векселѣ такія особенности, которыхъ нѣтъ въ подлинномъ почеркѣ Джона Вордло.

— Такъ Робертъ Пенфольдъ не былъ виновенъ, сказала Эллень.

— Конечно не виновенъ въ подлогѣ; я присягалъ въ этомъ и теперь готовъ присягнуть. Но когда дѣло дошло до вопросовъ о томъ, дисконтировалъ ли онъ вексель, и зналъ ли о его подложности, то это уже не касалось моей спеціальности.

— Я понимаю, отвѣчала Эллень; — но вы вѣдь присутствовали въ судѣ и, какъ умный человѣкъ, вы конечно составили себѣ мнѣніе о томъ, виновенъ ли онъ или нѣтъ?

— Вотъ видите, сударыня, сказалъ экспертъ, качая головой;—мое искуство очень трудное и глубокомысленное, оно стремится къ точнымъ, достовѣрнымъ выводамъ, а не къ предположеніямъ. Съ самаго начала моихъ занятій я пришелъ къ тому убѣжденію, что для полнаго успѣха въ этомъ искуствѣ надо быть одностороннимъ и не дозволять уху вліять на глазъ. Именно потому, что я избѣгаю всякихъ посторонніхъ соображеній я и превзошелъ всѣхъ моихъ соперниковъ экспертовъ; но отъ этой непривычки дѣлать предположенія, я значительно ослабилъ свою способность къ соображенію. Вотъ еслибъ моя мать присутствовала при этомъ дѣлѣ, то она могла бы вамъ дать свое мнѣніе, и очень вѣское, о внѣшнихъ фактахъ. Но это не мое дѣло. Если вы увѣрены въ невинности Пенфольда, и хотите, чтобъ я вамъ помогъ, то вы должны собрать почерки всѣхъ людей, которые могли знать почеркъ старика Вордло и потому могли поддѣлать его подпись. Напримѣръ, начните съ его приказчиковъ. Это ваша единственная надежда на успѣхъ.

— Неужели, вы узнаете подлинный почеркъ человѣка поддѣлавшаго вексель, воскликнула Эллень съ изумленіемъ.

— Отчего же нѣтъ, это трудно, но мнѣ удавалось сотни разъ. Я занимаюсь также изслѣдованіями анонимныхъ писемъ. Я уличаю дюжинами этихъ убійцъ чести. Положимъ, какой нибудь баринъ или барыня въ провинціи, получатъ такую ядови-

тую стрѣлу по почтѣ, они тотчасъ присылаютъ письмо ко мнѣ, вмѣстѣ съ почерками всѣхъ людей, которыхъ они подозрѣваютъ. Обыкновенно эти письма пишутся не своимъ, а измѣненнымъ почеркомъ; но это измѣненіе только поверхностное, и, присмотрѣвшись поближе, вы всегда найдете пять или шесть штриховъ, которые, составляя своеобразный характеръ почерка, общи всему, что выходитъ изъ подъ пера этого человѣка, какъ бы онъ ни старался замаскировать свое писаніе. Да, свѣтъ полонъ низостей, и въ этомъ отношеніи провинція не лучше столицы. Въ деревняхъ сѣютъ анонимныя письма, какъ рожь или ячмень. Даже молодыя дѣвушки пишутъ такіе экземпляры, что у меня волосы становятся дыбомъ.

— Не вѣрьте ему, сказала м-съ Ундерклифъ, неожиданно входя въ комнату.—Какъ можешь ты судить весь міръ. У него свой маленькій мірокъ, онъ живетъ среди дѣлателей фальшивыхъ документовъ и сочинителей анонимныхъ писемъ; и потому и полагаетъ, что они также обыкновенны, какъ грязь осенью; но не въ этомъ дѣло, ты долженъ хорошенько постараться для этой молодой дѣвушки.

— Я всегда старательно работаю, сказалъ артистъ;—но что могу я сдѣлать безъ матеріала. А она мнѣ ничего не принесла.

— Развѣ вы ему ничего не принесли? У васъ въ мѣшкѣ нѣтъ никакихъ почерковъ?

— У меня есть только почеркъ м-ра Пенфольда, сказала Эллэнъ съ глубокимъ вздохомъ, и два печатные отчета о процессѣ.

— На что мнѣ печатные отчеты, сказалъ экспертъ,—я изъ нихъ не могу ничего сдѣлать. Но вотъ портретъ обвиненнаго, какъ я начерталъ его профиль во время суда. Вы умѣете, матушка, узнавать людей по выраженію ихъ лица; скажите этой молодой дѣвушкѣ, былъ-ли Пенфольдъ виновенъ или нѣтъ?

И онъ подалъ матери портретъ съ иронической улыбкой; онъ сомнѣвался не въ ея способности узнавать людей по лицамъ, но въ самомъ существованіи подобнаго искуства.

М-съ Ундерклифъ взяла портретъ и, слегка покраснѣвъ, сказала, обращаясь къ миссъ Роллестонъ:—я умѣю читать живыя лица, но въ этомъ профилѣ, начертанномъ моимъ сыномъ, не

видно ни игры глазъ, ни другихъ главныхъ выраженій лица. Однако въ этомъ лицѣ есть что-то благородное и вмѣстѣ съ тѣмъ простодушное; я полагаю, что онъ скорѣе жертва, чѣмъ преступникъ.

Съ этими словами она передала портретъ Элленъ. Хотя это и былъ только профиль, начертанный карандашемъ, но сходство было разительнѣе всякой фотографіи. Экспертъ владѣлъ столь же искусной рукой, какъ и глазомъ. Элленъ вздрогнула отъ волненія при видѣ милыхъ, драгоцѣнныхъ чертъ ея героя, мученика. Она поникла головой надъ столомъ, чтобы скрыть это волненіе, но тщетно, грудь ея тревожно колыхалась, ноги и руки судорожно дрожали, слезы капали на столъ.

М-съ Ундерклифъ была очень добрая женщина, она тотчасъ помогла молодой дѣвушкѣ скрыть ея чувства отъ присутствующаго мужчины, хотя этотъ мужчина и былъ ея сынъ.

— Дай мнѣ, Нэдъ, всѣ твои замѣтки, сказала она, стараясь отвратить его вниманіе отъ Элленъ;—авось я что нибудь изъ нихъ сдѣлаю. Но прежде всего, покажите мнѣ миссъ Роллестонъ все, что у васъ въ мѣшкѣ, а ты продолжай свое дѣло, я знаю, что у тебя много работы.

— О, сказала Элленъ,—тутъ только нѣсколько строкъ м-ра Пенфольда, но м-ру Ундерклифу нечего и смотрѣть на нихъ, вѣдь онъ увѣренъ, что Пенфольдъ не написалъ подложнаго документа.

— Нѣтъ, я все же желалъ бы еще посмотрѣть его почеркъ, сказалъ экспертъ неожиданно поднимая голову.

Она подала Ундерклифу молитвенникъ, открытый на томъ мѣстѣ, гдѣ были записаны предсмертныя слова Купера.

— Да, это почеркъ Роберта Пенфольда, сказалъ онъ, пробѣжавъ своимъ орлинымъ взглядомъ эти строки и сравнивъ ихъ съ своими замѣтками;—и я опять повторяю, что рука, написавшая эти строки, никогда не писала подложнаго векселя.

— Покажите мнѣ, сказала м-съ Ундерклифъ.

— Сейчасъ, отвѣчала Элленъ, какъ-то нерѣшительно; — но вы читаете, а не только смотрите на почеркъ... а я обѣщала отцу...

— Такъ вы не можете мнѣ всего повѣрить? произнесла м-съ Ундерклифъ холоднымъ, подозрительнымъ тономъ.

— О нѣтъ, сударыня, мнѣ нечего отъ васъ скрывать; но папа... впрочемъ, я вѣрю вашей дружбѣ и я васъ прошу только никому не говорить, что вы прочтете.

— Я вамъ обѣщаю молчать, сказала старуха, и съ блестящими отъ искренняго сочувствія глазами, принялась за чтеніе,—вы сдѣлали бы большую ошибку, еслибъ скрыли это отъ меня, сказала она, наконецъ, послѣ продолжительнаго размышленія и, обратясь къ сыну, прибавила:—Знаешь, Эдуардъ, это та самая молодая дѣвушка, которая была выброшена на необитаемый островъ посреди Тихаго океана. Мы много читали объ васъ въ газетахъ, милая миссъ, и я, конечно, наравнѣ со всѣми вамъ сочувствовала, но не столько, какъ теперь, когда я васъ вижу. Вы должны мнѣ позволить помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ.

— Ахъ, какъ я вамъ буду благодарна! воскликнула Элленъ;— сколько мученій я претерпѣла отъ того, что не имѣла друга женщины. Еслибъ вы только знали сколько дерзкихъ взглядовъ я должна была перенести прежде, чѣмъ достигнуть до всѣхъ вашихъ холодныхъ формалистовъ, отъ которыхъ кромѣ проволочекъ и отказовъ я ничего не видѣла. Я просто отчаяваюсь въ этомъ дѣлѣ, предпринятомъ мною во имя справедливости и благодарности. Вы читали въ газетахъ о моемъ кораблекрушеніи, но вы не знаете, что Робертъ Пенфольдъ предупреждалъ меня о томъ, что корабль будетъ потопленъ, на что я отвѣчала ему только оскорбленіями; вы не знаете, что бѣдствуя въ утлой лодкѣ посреди океана, умирая отъ голода и жажды, онъ думалъ только обо мнѣ, находилъ мнѣ пищу, защищалъ меня отъ разбойниковъ, хотѣвшихъ меня растерзать. Для меня онъ былъ истиннымъ ангеломъ. Потомъ, на острову, сколько разъ онъ спасалъ мнѣ жизнь, и я взамѣнъ обѣщала ему спасти его честь, что для него гораздо дороже жизни. О мой бѣдный мученикъ! какъ плохо я исполняю свое обѣщаніе! Помогите, помогите мнѣ ради Бога! Вокругъ меня глубокій мракъ, а я такое слабое, глупое созданіе!

И молодая дѣвушка снова залилась слезами; на этотъ разъ ея слушатели также не могли удержаться отъ слезъ.

— Матушка, воскликнулъ экспертъ, бросая съ нетерпѣніемъ свою работу;—возьмите въ руки это дѣло. Найдите мнѣ какой нибудь матеріалъ, хотя бы не болѣе паутины, и я вамъ открою все, я войду и выйду изъ этого лабиринта. Но теперь, вы понимаете, я безсиленъ, у меня нѣтъ никакого базиса. Для этого дѣла нуженъ человѣкъ наблюдательный, который умѣетъ читать лица и оцѣнивать факты. Моя матушка именно такой человѣкъ, прибавилъ онъ обращаясь къ миссъ Роллестонъ;—къ тому же вы ей должно быть очень понравились;—она обыкновенно никогда не вмѣшивается въ мои дѣла.

— Неужели я вамъ понравилась? спросила Элленъ.

— Да, отвѣчала старуха.—Ваши глаза еще вчера вечеромъ перевернули мнѣ сердце, иначе вы не увидали бы меня здѣсь. Да, Нэдъ, я сдѣлаю все, что могу, и прежде всего примусь за газетные отчеты судебныхъ преній по этому дѣлу.

И она стала медленно, внимательно читать принесенныя Элленъ выписки изъ газетъ.

— Эдуардъ, сказала наконецъ м-съ Ундерклифъ почти гнѣвно и избѣгая взгляда Элленъ;—что ты сказалъ въ судѣ такого смѣшнаго! Въ газетахъ пишутъ: «Призванный экспертъ своимъ искуствомъ заставилъ всѣхъ улыбнуться, но не могъ поколебать представленныхъ уликъ».

— Это ложь, отвѣчалъ экспертъ вспыхнувъ;—меня просто призвали въ судъ для доказательства, что Пенфольдъ не писалъ подложнаго векселя. Я это вполнѣ доказалъ, и судья освободилъ подсудимаго отъ отвѣтственности по этому обвиненію. Въ дѣлѣ Пенфольда моя работа была очень легка; я показалъ въ очію суду, что онъ не писалъ подложнаго документа и мое свидѣтельство уничтожило все обвиненіе. Какъ же они могли надо мной смѣяться? Ихъ приговоръ основанъ на моихъ словахъ. Эти отчеты врутъ. Изъ какой газеты они вырѣзаны?

— Я не знаю отвѣчала Элленъ.

— Покажите мнѣ. А, это очень почтенная газета, это Daily News.

— Почемъ вы это знаете, м-ръ Ундерклифъ?

— Мнѣ не знать! Я вижу прямо по печати и бумагѣ. Ага, вотъ еще ложь. Судья никогда не говорилъ, что подсудимый только увеличиваетъ свою вину, стараясь набросить тѣнь на Вордло. Клянусь, что онъ только сказалъ:—«вы можете лишь говорить о примѣненіи законовъ, но не можете опровергать фактами приговора присяжныхъ.» Клянусь, что судья болѣе ничего не сказалъ. Эти отчеты гроша не стоятъ.

— Гдѣ же мнѣ найти истину! воскликнула Элленъ, съ отчаяніемъ подымая глаза къ небу:—весь міръ ложь.

— Не унывайте, сказала м-съ Ундерклифъ;—въ какой нибудь газетѣ долженъ быть вѣрный отчетъ о судебныхъ преніяхъ. Вы должны непремѣнно поручить кому нибудь перечитать всѣ газеты и свѣрить между собой всѣ отчеты.

— Я сама это сдѣлаю, воскликнула Элленъ;—я сейчасъ поѣду въ Британскій музей.

— Въ музей! воскликнулъ Ундерклифъ съ изумленіемъ;—да вамъ тамъ будутъ искать цѣлый часъ Times. Нѣтъ, ступайте лучше въ кофейную Пиля.

Взявъ адресъ кофейной, Элленъ положила на столъ свой мѣшокъ и хотѣла уже взять вырѣзки изъ газетъ но вдругъ замѣтила что м-ръ Ундерклифъ разсматриваетъ ихъ съ большимъ интересомъ; она подумала, что лучше ихъ оставить ему.

Когда она уѣхала, онъ продолжалъ внимательно разсматривать газетныя вырѣзки, потомъ посмотрѣлъ ихъ на свѣтъ, подвергнулъ строгому наблюденію подъ увеличительнымъ стекломъ, наконецъ положилъ на конторку, и написавъ на карточкѣ: *дѣло Пенфольда*, началъ собирать всѣ свои матеріалы.

— Какъ бы я была рада, еслибъ тебѣ удалось что нибудь сдѣлать для нее, сказала м-съ Ундерклифъ.—Бѣдная дѣвушка, она такъ влюблена въ Пенфольда, а дѣло кажется безнадежное.

— Конечно оно трудное но не безнадежное. Во всякомъ случаѣ работайте по вашей спеціальности, а я буду работать по своей.

— Но ты не можешь ничего сдѣлать, у тебя нѣтъ никакихъ матеріаловъ.

— Правда, но я нашелъ путь, который мнѣ можетъ достать матеріалы.

Болѣе онъ ничего не объяснилъ матери, и упорно молчалъ до слѣдующаго посѣщенія Элленъ. Черезъ два дня она явилась съ цѣлой кипой бумагъ и представила Ундерклифу восемь газетныхъ отчетовъ о дѣлѣ Пенфольда, списанныхъ ею самою. Она была въ очень веселомъ расположеніи духа и поспѣшно объяснила, что эти отчеты гораздо благопріятнѣе прежнихъ и болѣе согласуются со словами эксперта.

— Все это дѣло теперь второстепенное, сказалъ онъ,—лучше скажите откуда вы достали тѣ вырѣзки изъ газетъ, которыя вы мнѣ оставили?

— Отъ м-ра Гэнда, приказчика Вордло, сказала она весело; мнѣ ихъ прислали по моей просьбѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ прямо скажу, произнесъ экспертъ, просіявъ въ лицѣ; что эти документы развязываютъ мнѣ руки и подводятъ дѣло Пенфольда подъ мою спеціальность. Говоря просто, миссъ Роллестонъ, ваши газетныя выдержки *подложныя*.

— Подложныя! воскликнула Элленъ съ невиннымъ ужасомъ.

— Какъ же иначе назвать эти печатные листки? произнесъ тѣмъ же хладнокровнымъ тономъ экспертъ;—они походятъ на вырѣзки изъ газетъ, но никогда эти столбцы не бывали въ газетѣ, а печатаны отдѣльно. Я разскажу вамъ какъ я это открылъ. Я взглянулъ на лѣвую сторону этихъ листковъ и нашелъ въ одной полосѣ семь опечатокъ, а въ другой пять; это количество слишкомъ велико. На лицевой же сторонѣ, въ отчетѣ о судебныхъ преніяхъ, не было ни одной малѣйшей ошибки. «Эге, подумалъ я;—на одной-то сторонѣ печать акуратнѣе, чѣмъ на другой.» Это не натурально. Объявленія печатаютъ также старательно, какъ и другія части газетъ, даже, можетъ быть, старательнѣе, ибо частныя люди, печатающія ихъ, подняли бы страшный крикъ отъ малѣйшей опечатки. Я посмотрѣлъ на обрѣзъ, онъ былъ сдѣланъ слишкомъ чисто. Ножницами никогда нельзя такъ ровно вырѣзать столбецъ. Эти листки очевидно обрѣзаны въ типографіи. Потомъ внимательно посмотрѣвъ на свѣтъ я убѣдился, что они печатаны не на машинѣ, какъ печатаютъ всѣ газеты, а на ручномъ станкѣ. Однимъ словомъ—это подлогъ. Но я полагаю, что вы едва-ли

сознаете всю важность этого открытія. Во всякомъ случаѣ, достаньте мнѣ почеркъ того лица, который прислалъ вамъ эти газетныя выдержки. По всѣмъ вѣроятностямъ онъ именно и написалъ подложный вексель.

Элленъ вскрикнула отъ удивленія. Намекъ Ундерклифа поразилъ ее своею неожиданностью, и она взглянула вопросительно на м-съ Ундерклифъ.

— Да, я полагаю, что онъ правъ, сказала старуха.

Правъ ли я или нѣтъ, продолжалъ экспертъ; но вы должны мнѣ доставить то, что я прошу. Однако вамъ надо быть очень осторожной. Вы должны написать коротенькую, учтивую записку м—ру Гэнду и спросить его что нибудь; положимъ хоть изъ какой газеты эти вырѣзки и нѣтъ-ли у него другихъ? Конечно онъ не скажетъ вамъ правды, но мы достанемъ его почеркъ.

— Нечего хлопотать объ этомъ; м-ръ Гэндъ написалъ мнѣ письмо, присылая вырѣзки.

— Неужели? тѣмъ лучше. А есть въ этомъ письмѣ слова, попадающіяся въ подложномъ векселѣ; напримѣръ имя Пенфольда или Вордло?

Элленъ подумала съ минуту и потомъ отвѣчала, что кажется оба имена находятся въ запискѣ.

— Достаньте мнѣ ее поскорѣй! сказалъ Ундерклифъ; глаза его засверкали; онъ понялъ на слѣдъ.

— А я займусь подлинными отчетами и сравню ихъ съ подложными, сказала м-съ Ундерклифъ.

— О, какихъ друзей я нашла наконецъ, воскликнула Элленъ;—и горячо поблагодаривъ ихъ отправилась домой.

На другой день Элленъ привезла съ собой письмо Гэнда, но Ундерклифъ, внимательно разсмотрѣвъ его и сравнивъ съ подложнымъ векселемъ, объявилъ, что рѣшительно нельзя сказать, что рука, написавшая эту записку, писала также и подложный вексель.

— Дѣло сложнѣе, чѣмъ я думалъ, сказалъ онъ;—необходимо увеличить поле сравненій: вы должны, какъ я говорилъ, написать м-ру Гэнду и выманить у него еще одну записку.

— А покуда оставьте мнѣ вашъ молитвенникъ, сказала м-съ Ундерклифъ.

Элленъ повиновалась и черезъ нѣсколько дней привезла Ундерклифу довольно длинное письмо м-ра Гэнда, въ которомъ онъ объяснялъ, что получилъ газетныя вырѣзки отъ одного своего товарища изъ провинціи и не знаетъ изъ какой онѣ газеты, можетъ быть изъ провинціальной. Это письмо привело въ тупикъ Ундерклифа и онъ старательно принялся за его изслѣдованіе. Но какъ онъ ни разсматривалъ почеркъ его, какъ ни сравнивалъ его съ другими почерками, но не могъ придти ни къ какому положительному заключенію, а о своихъ предположеніяхъ онъ не хотѣлъ распространятся.

— Дѣло-то сложное, темное, сказалъ онъ; и когда Элленъ уѣхала, то прямо объявилъ матери, что онъ, по крайнѣй мѣрѣ въ настоящую минуту, не видитъ выхода.

— А я такъ вижу, сказала м-съ Ундерклифъ; — я полагаю, что во всемъ этомъ кроется преступленіе.

— И я тоже чую.

— Я хочу теперь, чтобъ ты мнѣ сдѣлалъ кое-что, очень искусно. А именно подложный документъ. Да, я желаю, чтобъ ты сдѣлалъ подлогъ, но успокойся, совершенно невинный, прибавила она, улыбаясь.

— Однако не хорошо привыкать къ такимъ дѣламъ.

— Пустяки, все зависитъ отъ цѣли; моя цѣль поймать дѣлателя подложныхъ документовъ; вотъ и все.

Глаза эксперта засверкали. Онъ всегда удивлялся грубому, неискусному, исполненію всѣхъ подложныхъ документовъ, и утверждалъ, что можно было дѣлать ихъ гораздо чище.

— Хорошо, я сдѣлаю подлогъ, сказалъ онъ весело.

ГЛАВА XXVIII.

Сочувствіе, встрѣченное Элленъ у Ундерклифовъ, нѣсколько облегчило грусть молодой дѣвушки. Но она продолжала безпокоиться о долгомъ отсутствіи старика Пенфольда, о которомъ не было никакого слуха. На свое письмо къ нему она не по-

лучала никакого отвѣта, почему заключила, что онъ еще не вернулся изъ Шотландіи. Но разъ ея вниманіе привлекло объявленіе, которымъ Майкель Пейнфольдъ приглашалъ къ себѣ въ квартиру Вайли. Элленъ тотчасъ же посѣтила отца своего Роберта и, къ своему изумленію, узнала, что тотъ никогда не получалъ отъ нея никакого письма. Это странное обстоятельство, соединенное вмѣстѣ съ постояннымъ шпіонствомъ, которымъ была окружена Эллено,—убѣдило ее, что есть люди, которымъ очень невыгодно поднимать старое дѣло и они намѣрены, всевозможными средствами, препятствовать успѣху ея предпріятія. Но не ясно ли это говорило въ пользу невинности Роберта?

Свиданіе съ Пенфольдомъ однакоже принесло ей очень мало пользы и она стала уже отчаяваться въ возможности достигнуть какого нибудь благопріятнаго результа.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свиданія Элленъ съ Пенфольдомъ къ ней явилась м-съ Ундерклифъ, и подавая ей молитвенникъ, сказала:—«Я вамъ принесла его назадъ и хочу у васъ попр сить маленькой услуги.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Что вамъ угодно? отвѣчала Элленъ.

— Прежде всего посмотрите на книжку и на исписанный въ ней листокъ; и скажите все ли въ порядкѣ.

— Все какъ слѣдуетъ, только переплетъ кажется по новѣе, сказала Элленъ, пристально разсмотрѣвъ молитвенникъ.

— У васъ глазъ вѣрный, замѣтила м-съ Ундерклифъ, — вотъ видите я бы желала... Ходитъ м-ръ Вордло когда нибудь съ вами въ церковь?

— Нѣтъ.

— Устройте, чтобъ онъ пошелъ съ вами въ церковь и положите передъ нимъ книжку такъ, чтобъ она была открыта на исписанномъ листкѣ. Потомъ не спускайте глазъ съ его лица и разскажите мнѣ все, что замѣтите.

— Нѣтъ, отвѣчала Элленъ покраснѣвъ, — я этого не могу сдѣлать. Это значило бы превратить храмъ Божій въ западню. Къ тому же, м-ръ Артуръ Вордло мой женихъ

— Господи! воскликнула мистриссъ Ундерклифъ, пораженная этой неожиданной вѣстью;—и вы мнѣ этого не сказали.

— Я не считала это необходимымъ. Конечно, мистеръ Вордло очень естественно не пылаетъ усердіемъ къ моему дѣлу, но онъ никогда не отказывалъ мнѣ въ помощи, и я никакъ не могу безъ всякихъ основаній подозрѣвать его въ преступленіи и разставлять ему сѣти.

— Совершенно справедливо. Я не имѣла ни малѣйшаго понятія, что вы выходите замужъ за мистера Вордло. Я полагала напротивъ, что вы выходите за мистера Пенфольда.

Элленъ еще болѣе покраснѣла, но ничего не отвѣчала.

— Мой сынъ старательно изслѣдовалъ оба письма мистера Гэнда, сказала мистриссъ Ундерклифъ быстро перемѣняя разговоръ,—и онъ начинаетъ сомнѣваться существуетъ ли дѣйствительно такой человѣкъ?

— О! мистриссъ Ундерклифъ, вѣдь онъ мнѣ писалъ два письма. Но все же, я спрошу мистера Пенфольда есть ли у нихъ въ конторѣ мистеръ Гэндъ. Когда я буду имѣть удовольствіе опять васъ видѣть?

— Когда вамъ угодно, только не по дѣлу Пенфольда и Вордло. Я съ нимъ покончила навсегда и совѣтую вамъ не мутить болѣе этой грязной воды.

Съ этими таинственными словами старуха удалилась, оставивъ Элленъ въ сильномъ смущеніи.

Около этого же времени, генералъ Роллестонъ, благодаря стараніямъ старика Вордло, имѣвшаго много вліятельныхъ друзей и также необыкновенному успѣху Элленъ въ свѣтѣ, былъ произведенъ за свои прежнія, долго забытыя заслуги въ полные генералы и въ баронеты.

Глубоко сознавая все, чѣмъ онъ былъ обязанъ обоимъ Вордло, сэръ Эдуардъ Роллестонъ воспользовался первой минутой, когда Элленъ сдѣлалась лучше и серьезно спросилъ ее, не достаточно ли она уже испытала любовь Артура.

— Онъ тебѣ не жалуется, сказалъ Роллестонъ,—но конечно считаетъ очень жестокимъ, что ты наказываешь его за несправедливость, которая уже стоила ему такъ много горя. Онъ прямо говоритъ, что вѣроятно какой нибудь дуракъ или подлецъ подслушалъ, что онъ долженъ былъ занять двѣ тысячи фунтовъ, вмѣстѣ съ Робертомъ Пенфольдомъ и во зло употребилъ до-

вѣрчивость Пенфольда, намѣреваясь получить самъ деньги, которыя, по его словамъ, будто бы слѣдовали ему, Вордло.

— Но отчего же Артуръ не явился въ судъ свидѣтелемъ.

— Онъ говоритъ, что узналъ о днѣ судебнаго разбирательства только мѣсяцъ спустя; а отецъ его удостовѣряетъ, что онъ былъ при смерти болѣнъ. Я самъ могу быть свидѣтелемъ, что вѣсть о твоей погибели произвела на него такое же страшное дѣйствіе. Ну, Эллень, подумай сама, справедливо ли наказывать этого бѣднаго человѣка за несчастье другого, о которомъ онъ никогда не упоминаетъ иначе, какъ съ сочувствіемъ и сожалѣніемъ? Онъ говоритъ, что еслибъ ты тотчасъ же вышла за него замужъ, то онъ кажется взялся бы съ энергіей за твое дѣло, и не пожалѣлъ бы трудовъ и денегъ для оправданія Роберта Пенфольда. Теперь же онъ чувствуетъ себя столь несчастнымъ, и ревность его такъ терзаетъ, что онъ не можетъ искренно содѣйствовать тебѣ, хотя совѣсть упрекаетъ его въ этомъ каждый день. Бѣдный молодой человѣкъ, горькая его судьба! Вѣдь ты ему дала слово, когда еще не знала, что есть на свѣтѣ, Робертъ Пенфольдъ.

Съ этими словами онъ поцѣловалъ ее и вышелъ изъ комнаты, а черезъ нѣсколько минутъ Артуръ явился лично ходатайствовать за себя. Тихо войдя въ дверь онъ молча опустился на колѣни передъ диваномъ, на которомъ лежала Эллень и взявъ ея руку покрылъ ее пламенными поцѣлуями. Въ глазахъ его сіяла самая искренняя преданная любовь. А сознаніе, что онъ ее любитъ, имѣло большое вліяніе на Эллень и, благодаря этому, она отказывалась до сихъ поръ подозрѣвать его въ чемъ нибудь дурномъ.

— Бѣдный Артуръ! сказала она взглянувъ на него съ ангельскимъ сожалѣніемъ;—мы оба очень несчастны!

— Но скоро будемъ счастливы, я надѣюсь.

Эллень грустно покачала головой. Тогда онъ сталъ распространяться о своей любви, уговаривать ее, льстить ей, увѣрять, что не только онъ будетъ ея мужемъ, но ея рабомъ и что всѣ ея желанія будутъ исполнены.

— Всѣ? спросила она пристально взглянувъ на него.

— Всѣ, клянусь честью, произнесъ торжественно Артуръ и

продолжалъ свои сладкія, нѣжныя рѣчи, деликатно намекая, что она съ нимъ связана честнымъ словомъ.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ слуга и подалъ Элленъ записку отъ отца: «Мистеръ Вордло у меня, и спрашиваетъ когда назначить свадьбу. Я не знаю что отвѣчать и играю роль дурака».

Прочтя эти строки Элленъ тяжело вздохнула и снова залилась тѣми слезами, которыя часто губятъ слабыхъ женщинъ. Она съ отчаяніемъ взглянула то въ одну сторону, то въ другую. Нигдѣ не было спасенія. Потомъ, вѣроятно по женскому инстинкту, чтобы отложить неминуемую непріятность хоть на нѣсколько минутъ, она сказала обращаясь къ Артуру:—дайте мнѣ мой молитвенникъ. Мнѣ слѣдовало давно вамъ показать его.

И она подала ему книжку, открывъ ее на показаніи Купера.

Артуръ съ жадностью прочелъ эти строки и воскликнулъ съ негодованіемъ:—это подлая клевета! Мы потеряли десять тысячъ фунтовъ съ погибелью этого корабля, а жизнь Вайли спасена такимъ же чудомъ, какъ и ваша жизнь. Это подлая ложь, и она недостойна оставаться въ вашихъ рукахъ.

И съ этими словами онъ выбросилъ молитвенникъ за окошко.

— Молитвенникъ моей матери! воскликнула Элленъ съ отчаяніемъ.—Какъ вамъ не стыдно; позвоните и пошлите лакея за книгой.

— Нѣтъ, я пойду самъ; но простите меня, вы не знаете, какой гадкой клеветой очернили вашъ молитвенникъ.

Онъ выбѣжалъ на улицу и долго не возвращался, наконецъ вошелъ въ комнату грустный, испуганный: «Я не могъ найти его: вѣрно кто нибудь поднялъ. О, какой будетъ скандалъ, если онъ попадется къ кому нибудь въ руки! Я сейчасъ отправлюсь въ Times, и объявлю 20 гиней награды тому, кто его принесетъ. Вотъ несчастье-то!»

Дѣйствительно на другое утро въ Times появилось объявленіе, какъ обѣщалъ Артуръ, и передъ обѣдомъ онъ самъ заѣхалъ узнать: не принесли ли молитвенникъ?

Элленъ встрѣтила его грустно, качая головою, но онъ выказалъ столько сожалѣнія и раскаянья, что Элленъ сказала:—Не отчаявайтесь и если ему суждено пропасть, то я вспомню, что вы мнѣ *кое-что* простили, то и я должна вамъ простить.

Тутъ вошелъ въ комнату лакей и объявилъ, что какая-то женщина принесла молитвенникъ.

— Ведите ее, ведите скорѣе! воскликнула Элленъ.

Артуръ отвернулся, чтобы скрыть циническую улыбку. Онъ имѣлъ основательныя причины полагать, что принесенная книга была не та, которую онъ выбросилъ въ окно.

Въ комнату вошла женщина высокаго роста въ густомъ вуалѣ, скрывавшемъ ея лицо.

— Вы потеряли вчера на скверѣ молитвенникъ, сударыня? сказала она.—Посмотрите, онъ ли это?

Элленъ взяла книжку и воскликнула съ радостью, что это ея молитвенникъ. Артуръ же поблѣднѣлъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Дайте мнѣ взглянуть, воскликнулъ онъ, и открылъ его на показаніи Купера. Блѣдность его сдѣлалась мертвенной и онъ неподвижно, безсмысленно уставилъ глаза на эти роковыя строки.

— Дайте ей деньги, Артуръ, я не стану платить за ваши глупости, воскликнула смѣясь Элленъ.

— Конечно, съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ Артуръ, съ трудомъ скрывая свое смущеніе и отдавая ей чекъ.

— Благодарствуйте, сэръ, сказала неизвѣстная женщина и, положивъ чекъ въ карманъ, отдала молитвенникъ Элленъ, шепнувъ ей на ухо такъ тихо, что Артуръ не слыхалъ: — «Заприте его поскорѣе».

— Отчего вы такъ удивлены? спросила, наконецъ, Элленъ,— кому эта книга дорога, кромѣ меня?

Артуръ взглянулъ на нее пристально, стараясь прочесть въ ея глазахъ, не хотѣла ли она сказать чего либо болѣе, чѣмъ заключалось въ ея словахъ; потомъ отвѣтивъ, что только удивлялся быстротѣ, съ которой распространилось объявленіе, онъ прибавилъ:—Ну, теперь, когда книга у васъ, я надѣюсь, вы вырвите изъ нея злѣйшую клевету на того, кого вы удостоиваете своей руки.

Элленъ вспыхнула и сердце ея болѣзненно сжалось; нѣкоторыя изъ роковыхъ строкъ были написаны Робертомъ, и она ими дорожила.

— Вы, кажется, правы, Артуръ, сказала она;—но дайте мнѣ время. Этихъ строкъ никто не увидитъ до дня нашей свадьбы... а тогда... конечно.., все, что можетъ напомнить о...

И слезы прервали ея слова. Артуръ, терзаемый ревностью къ Роберту, какъ нѣкогда Робертъ ревновалъ его, поспѣшно удалился, а Эллень заперла молитвенникъ въ столъ.

Возвратясь домой, Артуръ прямо прошелъ въ свою спальню, отперъ секретный ящикъ и съ неописаннымъ ужасомъ и трепетомъ вынулъ оттуда молитвенникъ Эллень, поднятый имъ на скверѣ, и запертый въ этомъ ящикѣ. Однако этотъ самый молитвенникъ онъ видѣлъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ въ рукахъ Эллень, и она при немъ положила его въ свой ящикъ. Онъ опустился въ кресло и страхъ, низкій страхъ овладѣлъ имъ. До этой минуты онъ имѣлъ всегда дѣло съ честностью и прямотой, теперь же хитрость вступила съ нимъ въ бой; кто-то помогалъ Эллень, но она, повидимому, вовсе не знала объ этой помощи. Неужели Робертъ Пенфольдъ возвратился въ Англію и тайно содѣйствуетъ ей? Нѣтъ, шпіоны Артура слѣдили за Эллень день и ночь, но никогда не видали Роберта Пенфольда.

Долго думалъ Артуръ Вордло и, наконецъ, въ умѣ его созрѣлъ планъ такого геніальнаго обмана, какой, конечно, рѣдко придумывалъ человѣкъ. Онъ вспомнилъ, что у одного изъ старыхъ приказчиковъ его отца былъ сынъ, актеръ на одной изъ маленькихъ лондонскихъ сценъ, и зная, что этотъ человѣкъ былъ въ крайности и готовъ продать за деньги душу и тѣло, Артуръ обратился къ нему съ таинственнымъ предложеніемъ, и торгъ былъ вскорѣ заключенъ. Артуръ самъ написалъ роль, которую долженъ былъ исполнить актеръ и нѣсколько разъ прорепетировалъ съ нимъ, ибо надо было приготовиться на всевозможные вопросы, такъ какъ вторую роль въ этомъ діалогѣ должна была играть Эллень, которая, разумѣется, ничего не знала объ этой новой подлости.

Между тѣмъ Эллень жаловалась Артуру, что за ней постоянно слѣдятъ и подсматриваютъ; она даже спросила его, не было ли это дѣломъ какого нибудь тайнаго ея врага. «О, нѣтъ», съ улыбкой отвѣчалъ онъ:—«вѣрьте мнѣ, васъ пре-

слѣдуетъ какой нибудь безумный поклонникъ вашей красоты; онъ хочетъ знать всѣ ваши привычки, въ надеждѣ когда нибудь васъ поймать одну; вамъ бы лучше всего не выходить иначе, какъ со мной, по крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ, и вы увидите, что все это пройдетъ».

Вслѣдствіе этой неблагоразумной откровенности съ Артуромъ, за ней стали слѣдить еще пристальнѣе, но искуснѣе; новый планъ шпіонства былъ такъ хитро придуманъ, что уничтожалъ всякое подозрѣніе; одинъ шпіонъ цѣлый день не спускалъ глазъ съ двери Элленъ, и какъ только она выходила, то предупреждалъ никому непонятными знаками своего товарища, находившагося поодаль и тотъ устремлялся тотчасъ вслѣдъ за молодой дѣвушкой. Такая игра продолжалась нѣсколько дней, никѣмъ незамѣченная; но она не повела ни къ чему, ибо Элленъ въ это время ничего не предпринимала новаго. Наконецъ, эта система была открыта, благодаря чисто-женской наблюдательности.

Однажды Элленъ покупала перчатки въ магазинѣ; въ дверь заглянулъ какой-то хорошо одѣтый господинъ. Элленъ инстинктивно бросила взглядъ на его галстухъ и узнала заткнутую въ немъ булавку, потомъ она подняла глаза на его лицо — это былъ тотъ же господинъ, который не разъ уже слѣдилъ за ней. Она отвернулась и продолжала свои покупки, какъ ни въ чемъ не бывало; но въ сердцѣ своемъ, она рѣшила принять энергическія мѣры къ охраненію своей безопасности и къ отмщенію за всѣ эти преслѣдованія.

Въ тотъ же день ей случилось обѣдать у одной леди, имѣвшей много знакомыхъ въ юридическомъ мірѣ и гдѣ, между прочими гостями, находились мистеръ Толемакъ и мистеръ Геннесси. Увидавъ Элленъ во всемъ ея блескѣ, окруженной не только мужчинами, но и женщинами, взапуски курившими ей фиміамъ, эти господа посмотрѣли на нее совершенно другими глазами, чѣмъ въ своей конторѣ. По на всѣ любезности Толемака она отвѣчала холодно, ибо онъ очень слабо защищалъ ея Роберта, за что она ненавидѣла его. Геннесси же, напротивъ, она встрѣтила очень милостиво и, вспомнивъ приказаніе Роберта быть хитрой, какъ женщина, совершенно очаровала его своею любез-

ностью. Это былъ человѣкъ умный, но добродушный и тщеславный; потому къ вечеру онъ уже былъ ея покорнымъ рабомъ.

— Но я не должна бы съ вами говорить объ этомъ, иначе какъ черезъ стряпчаго, сказала она съ лукавой улыбкой.

— Это общее правило, сказалъ ученый юристъ,—но въ настоящемъ случаѣ ничто не должно заслонить проглянувшее на меня солнце.

Однимъ словомъ, изъ угожденія красавицѣ, онъ принялъ, повидимому, такое живое участіе въ дѣлѣ Пенфольда, что Элленъ откровенно стала съ нимъ совѣтоваться.

— Меня преслѣдуютъ, сказала она. — За мной постоянно слѣдятъ и подсматриваютъ; это, конечно, работа какого нибудь врага того человѣка, за святое дѣло котораго мы взялись хлопотать. Извините, что я говорю *мы*.

— Помилуйте, это мнѣ очень лестно.

— Такъ посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать. Я хочу открыть, кто за мной слѣдитъ и зачѣмъ? Какъ мнѣ поступить?

Адвокатъ задумался, и Элленъ съ удовольствіемъ замѣтила, что глаза его блеснули неожиданнымъ огнемъ.

— Надо слѣдить за шпіонами, сказалъ онъ;—я имѣю руку въ сыскной полиціи и устрою это дѣло для васъ. Ловкій сыщикъ явится къ вамъ, вы дадите ему десять гиней и разскажете откровенно въ чемъ дѣло, тогда онъ сдѣлаетъ для васъ все, что только возможно.

Дѣйствительно, на другой день, къ Элленъ явился человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ горбатымъ носомъ и живыми черными глазами. Онъ учтиво поклонился и спросилъ, чѣмъ онъ можетъ служить ей. Она отвѣчала, что за ней кто-то постоянно слѣдитъ, и она боится, что это дѣлаютъ съ цѣлью повредить дѣлу, которое она предприняла; но тутъ она покраснѣла и не имѣла силъ продолжать далѣе.

— Чѣмъ болѣе вы мнѣ скажете, сударыня, тѣмъ болѣе я могу быть вамъ полезенъ, сказалъ мистеръ Буртъ.

Поощряемая этими словами и вспомнивъ слова мистера Геннеси, Элленъ разсказала Бурту какъ можно холоднѣе дѣло Роберта Пенфольда и всѣ ея усилія по этому дѣлу. Буртъ слушалъ ее внимательно и отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ.

— Миссъ Роллестонъ, сказалъ онъ, когда она кончила; — я тотъ самый полицейскій, который арестовалъ Роберта Пенфольда, и я еще не забылъ, какую онъ мнѣ задалъ встрепку.

— О Господи, какое несчастіе! воскликнула Элленъ;—значитъ я не могу разсчитывать на ваши услуги?

— Отчего же нѣтъ? Неужели вы думаете, что я сержусь на несчастнаго господина за то, что онъ защищался? Къ тому же мистеръ Пенфольдъ написалъ мнѣ очень любезное письмо и извинялъ свое поведеніе неожиданностью и негодованіемъ невиннаго человѣка. При этомъ онъ приложилъ двѣ гинеи и обѣщалъ прислать еще двадцать; но бѣдный человѣкъ, гдѣ ему взять! Конечно, для пастора онъ слишкомъ ловко дрался, но я не могу вѣрить, чтобъ онъ былъ преступникъ: преступники никогда не дерутся.

— Онъ очень дурно сдѣлалъ, что васъ побилъ, сказала Элленъ;—а вы благородный человѣкъ, что его прощаете. Заставьте же его еще болѣе раскаяться передъ вами; окажите ему важную, неоцѣнимую услугу.

— Если онъ невиновенъ, то я употреблю всѣ средства, чтобъ доказать это, сказалъ сыщикъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ спросилъ, нѣтъ-ли у нея какихъ нибудь замѣтокъ по этому дѣлу. Она, послѣ небольшаго колебанія, показала ему дневникъ, который вела со времени возвращенія въ Англію и въ которомъ записывала всѣ подробности о всемъ, что она дѣлала и слышала по дѣлу Пенфольда. Мистеръ Буртъ прочелъ всю тетрадку очень внимательно и воскликнулъ съ живостью:—вы сдѣлали болѣе, чѣмъ полагаете. Вы поймали въ сѣть рыбку.

— Какую рыбку?

— Человѣка, поддѣлавшаго вексель. Тотъ же самый человѣкъ, который преслѣдуетъ васъ, поддѣлалъ газеты, чтобъ обмануть васъ, и онъ же поддѣлалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и вексель; теперь онъ у насъ въ рукахъ, благодаря вамъ. Остальное предоставьте мнѣ. Я вамъ завтра разскажу подробнѣе свои планы. Завтра въ часъ пріѣзжайте въ сыскное отдѣленіе, вы тамъ увидите меня и слѣдуйте за мною

молча. Шпіоны, примѣтивъ это, такъ испугаются, что полетятъ прямо къ тому, кто имъ платитъ, и тутъ-то мы его накроемъ.

На слѣдующій день Элленъ исполнила все, что ей было сказано и возвратилась домой, предоставивъ Бурту кончать дѣло, какъ онъ знаетъ. Не прошло послѣ этого и получаса, какъ ей доложили, что какой-то господинъ желаетъ ее видѣть.

— Просите, сказала она.

Она теперь не отказывала никому, боясь пропустить случай узнать что либо важное по дѣлу Пенфольда. Черезъ минуту въ комнату вошелъ господинъ, очень бѣдно одѣтый, съ гладко-выбритымъ подбородкомъ и простымъ, невыразительнымъ лицомъ.

— Сударыня, сказалъ онъ;—мое имя Гэндъ. Я уже имѣлъ честь писать вамъ.

— Да, сэръ, сказала Элленъ взглянувъ на него съ ужасомъ и отвращеніемъ.

— Сударыня, я пришелъ, началъ онъ дрожащимъ, отрывистымъ голосомъ:—я пришелъ... я несчастный человѣкъ. Терзаемый раскаяніемъ за легкомысленный поступокъ, который погубилъ невиннаго человѣка и почти стоилъ жизни моему достойному хозяину, я рѣшился искупить свою вину насколько это возможно. Но я буду кратокъ и только въ общихъ чертахъ разскажу вамъ мою постыдную повѣсть. Я былъ приказчикомъ въ конторѣ Вордло. Однажды маклеръ Адамсъ хвастался передо мной и моими товарищами, что никто его не обманетъ подложной подписью. Мы стали биться объ закладъ; по несчастью, я въ этотъ же день слышалъ, что мой молодой хозяинъ говорилъ съ Робертомъ Пенфольдомъ о займѣ въ двѣ тысячи фунтовъ; нечистый меня попуталъ, и я написалъ подложный вексель въ двѣ тысячи фунтовъ. Потомъ я снесъ его мистеру Пенфольду, а тотъ пошелъ къ Адамсу и дисконтировалъ его. Конечно, я намѣревался на другой день отправиться къ мистеру Пенфольду, разсказать ему въ чемъ дѣло, возвратить Адамсу деньги и уничтожить вексель. Но увы! въ тотъ же день подозрѣнія были возбуждены, и мистеръ Пенфольдъ былъ арестованъ. Мой молодой хозяинъ былъ такъ пораженъ вѣстью о преступленіи своего друга, хотя не вѣрилъ его виновности,

что опасно заболѣлъ а я, низкій трусъ, не смѣлъ до этой минуты сказать правду. Съ того дня я былъ несчастнѣйшій изъ людей. На днякъ, я отошелъ отъ Вордло, нажившъ порядочное состояніе, но совѣсть терзаетъ меня. Я пришелъ къ вамъ, сударыня, чтобъ сознаться во всемъ. Я не смѣлъ сказать всей правды Вордло, онъ меня убилъ бы; но вамъ я открылъ все, и вы можете теперь сказать это ему и всему міру. Пускай мой позоръ будетъ извѣстенъ всѣмъ, какъ позоръ того, котораго я такъ безвинно погубилъ. Но Богъ мнѣ свидѣтель, что я это сдѣлалъ безъ намѣренія. Я... я...

И онъ опустился въ изнеможеніи въ кресло, не имѣя болѣе силъ промолвить ни слова. Элленъ во все время его исповѣди едва сидѣла на мѣстѣ; злоба, гнѣвъ, отвращеніе къ презрѣнному человѣку, который сознавалъ передъ нею, что онъ отъ трусости и страха погубилъ Роберта Пенфольда, пересилили въ ней всякое чувство сожалѣнія; глаза ея метали молніи и, конечно, Гэндъ не вышелъ бы живымъ изъ этой комнаты, еслибъ можно было убить человѣка однимъ взглядомъ. Наконецъ, она собралась съ силами и, отвернувъ голову, чтобъ не видѣть злодѣя, сказала рѣшительнымъ, рѣзкимъ голосомъ:—согласны вы изложить все это на бумагѣ?

— Да, отвѣчалъ Гэндъ послѣ минутнаго колебанія.

— Такъ напишите, что Робертъ Пенфольдъ невиненъ, и что вы готовы это доказать, когда понадобится.

— Согласенъ, сказалъ онъ и тотчасъ же написалъ.

— Теперь дайте мнѣ вашъ адресъ, чтобъ я могла васъ вытребовать, когда нужно.

Онъ написалъ: — «Д. Гэндъ, № 11 Варвикъ-Стритъ, Пимлико».

Послѣ этого Элленъ отпустила его и долго горько рыдала. Въ этомъ положеніи засталъ ее Артуръ Вордло, который, узнавъ о признаніи Гэнда, воскликнулъ съ торжествомъ: — Я всегда говорилъ, что Пенфольдъ невиненъ. Мой отецъ теперь долженъ повѣрить этому показанію, и мы выхлопочемъ его прощеніе.

— Прощеніе! когда онъ невиненъ!

— О, это только форма, иначе нельзя. Остальное сдѣлаетъ горячій пріемъ его друзей. Я, между прочимъ, первый буду

считать за честь принимать его въ своемъ домѣ и теперь могу послать за нимъ. Спринбокъ и я сдѣлаемъ это, не теряя ни минуты.

— О Артуръ! воскликнула Элленъ;—вы даете мнѣ примѣръ благороднаго самоотверженія!

— Я дѣлаю, что могу, отвѣчалъ онъ,—я не святой и надѣюсь на награду.

— Что мнѣ дѣлать? произнесла Элленъ съ тяжелымъ вздохомъ.

— Пожалѣйте меня! я васъ искренно, преданно люблю и вы мнѣ дали слово прежде, чѣмъ увидѣли моего несчастнаго друга. Что могу я сдѣлать еще для васъ? Что я могу выстрадать, чего уже не выстрадалъ? Милая Элленъ, пожалѣйте меня и будьте моей женой.

— Да, когда нибудь.

— Пусть наша свадьба будетъ черезъ двѣ недѣли. Позвольте мнѣ переговорить съ вашимъ отцомъ.

Она ничего не отвѣчала. Артуръ также не прибавилъ ни слова и, молча поцѣловавъ ея руку, прямо отправился къ сэру Роллестону, который, желая кончить дѣло къ общему удовольствію, рѣшилъ, что свадьба будетъ черезъ двѣ недѣли!

Теперь перенесемся на мгновеніе къ Роберту Пенфольду, приговоренному, какъ новый Прометей, къ необитаемому острову, посреди необозримаго океана. Какими словами описать, что чувствовалъ несчастный въ первые дни и недѣли послѣ отъѣзда Элленъ! Въ безмолвномъ, мрачномъ отчаяніи онъ лежалъ цѣлыми часами на пескѣ, не видя, не слыша, не чувствуя ничего. Потомъ онъ ходилъ взадъ и впередъ, какъ бѣшеный, не ѣлъ, не пилъ и не спалъ. Все, что только напоминало ему объ Элленъ, до того растравляло его раны, что онъ бѣжалъ на другой конецъ острова. Даже звѣри и птицы, которыхъ онъ прежде такъ любилъ, теперь стали ему въ тягость. Черезъ мѣсяцъ такой ужасной жизни онъ исхудалъ и поблѣднѣлъ до того, что походилъ на могильный призракъ, какимъ онъ явился впервые на этотъ островъ. Наконецъ, его горе стало мало-по-малу принимать другой, болѣе мягкій характеръ. Онъ возвратился въ Райскій-Заливъ, и при видѣ его залился горючими

слезами. Съ этой минуты мертвенное отчаяніе изчезло, онъ продолжалъ такъ же искренно горевать, но уже теперь онъ съ жадностью искалъ всякій малѣйшій предметъ, который находился въ рукахъ Элленъ или вблизи ея жилища. Онъ поселился въ пещерѣ и жилъ только воспоминаніями.

Однажды, въ заднемъ углу пещеры, онъ нашелъ письмо Артура Вордло, которое не заставило его пролить слезы радости, но ужалило его сердце, словно змѣя Это письмо уже не разъ возбуждало его любопытство. Долго онъ не могъ рѣшиться прочесть его; наконецъ съ трепещущемъ сердцемъ онъ жадно поглотилъ пламенныя изъясненія въ любви своего счастливаго соперника. Онъ проклиналъ теперь себя за свое безумное благородство, и едва не сошелъ съ ума отъ ревности и злобы, что самъ отдалъ Элленъ въ руки другому, а себя присудилъ къ вѣчному заточенію на необитаемой землѣ. Только горячая, пламенная молитва немного его успокоила, и на другой день онъ уже хладнокровнѣе сталъ перечитывать это роковое письмо. И чѣмъ дальше онъ смотрѣлъ на него, тѣмъ болѣе нѣкоторыя слова и буквы казались ему похожими на слова и буквы въ другомъ документѣ, причинившемъ ему столько же, если еще не болѣе горя. Какая-то одна враждебная ему рука начертала и то, и другое. Наконецъ, послѣ тщательныхъ наблюденій и долгихъ сравненій въ своей памяти, онъ огласилъ воздухъ криками радости и торжества.

Съ этого мгновенія онъ снова сталъ прежнимъ энергичнымъ, дѣятельнымъ, изобрѣтательнымъ человѣкомъ. Всѣ его мысли обратились на одно, какъ спастись съ этого острова. Онъ упрекалъ себя, что поручилъ женщинѣ трудное дѣло—возстановленіе своего честнаго имени.

— Какимъ непріятностямъ и, можетъ быть, оскорбленіямъ я подвергаю ее, думалъ онъ. — Нѣтъ, каждый долженъ самъ себя защищать, а не быть защищаемымъ.

Но какъ ни было трудно, почти невозможно добраться съ этого острова въ Англію, но это еще было не все. Попади онъ туда чудомъ, что могъ онъ сдѣлать безъ денегъ? «Нѣтъ,» сказалъ онъ самъ себѣ, «теперь я ставлю на карту все и не пропущу

ни малѣйшаго шанса». И онъ поклялся или возвратиться въ Англію богачемъ, или погибнуть на днѣ Тихаго океана.

Мы не станемъ подробно разсказывать всѣхъ приготовленій Роберта Пенфольда къ его чудовищному, безумному путешествію по океану на утлой лодкѣ. Скажемъ только, что въ эту лодку онъ нагрузилъ, кромѣ обыкновенныхъ нужныхъ въ пути припасовъ, и образцы всѣхъ главнѣйшихъ произведеній острова, въ надеждѣ, продать его, какъ еще никому неизвѣстную землю какому нибудь американскому купцу въ Чили. Наконецъ, онъ взялъ съ собою весь жемчугъ изъ пещеры Эллены и много другихъ драгоцѣнностей, также образцы серебряныхъ слитковъ, найденныхъ имъ въ старинномъ испанскомъ гальонѣ, который онъ открылъ на песчаномъ берегу Тюленьего залива. Когда все было готово, онъ поднялъ парусъ и пошелъ смѣло въ своей маленькой лодкѣ по Тихому океану, держась того, направленія, которымъ летѣли утки оставлявшія островъ.

Время уничтожаетъ все, даже злую судьбу. Много лѣтъ счастье отвертывалось отъ Роберта Пенфольда, но съ той минуты, какъ судьба нанесла ему страшнѣйшій свой ударъ, въ минуту разставанья его съ Элленъ, ему вдругъ счастье стало улыбаться, хотя онъ этого самъ не сознавалъ. На седьмой день самаго удачнаго плаванья по зеркальному морю и подъ безоблачнымъ небомъ онъ встрѣтилъ торговый корабль, который радушно принялъ его на свою палубу. Капитанъ его оказался предпріимчивымъ, дѣятельнымъ янки, снявшимъ на аренду у чилійскаго правительства архипелагъ Хуанъ-Фернандеза, и Пенфольдъ вскорѣ вступилъ съ нимъ въ торговую сдѣлку, въ силу которой онъ продалъ ему свой островъ и испанскій гальонъ со всѣми находившимися въ немъ сокровищами за половину барышей, которые американецъ выручитъ изъ этого выгоднаго предпріятія. Достигнувъ Вальпарайзо, американецъ выдалъ Пенфольду впередъ 800 фунтовъ въ счетъ будущихъ барышей и тотъ немедленно отправился въ Англію на первомъ отходившемъ кораблѣ.

Послѣ продолжительнаго, но счастливаго плаванья, нашъ герой вышелъ на берегъ Англіи въ Соутгэмптонѣ и явился въ Лондонъ въ то самое время, когда совершились послѣднія разсказанныя нами событія. Онъ вполнѣ сознавалъ всю опасность

своего положенія, такъ какъ его могли всякую минуту схватить и ввергнуть снова въ тюрьму, ибо срокъ его ссылки еще не кончился. Конечно, его громадная борода совершенно измѣняла его лицо, но все же на это нельзя было положиться, и онъ сталъ дѣйствовать, какъ кротъ,—по ночамъ.

ГЛАВА XXIX.

На слѣдующее утро, Элленъ получила первые подарки отъ своего счастливаго жениха. Бѣдная дѣвушка съ ужасомъ отвернулась отъ этихъ подарковъ и теперь—увы! хотя уже поздно,—поняла, какія грустныя послѣдствія имѣла ея нерѣшительность прямо отказать наотрѣзъ такому смѣлому обожателю. Но вскорѣ ея вниманіе было отвлечено двумя странными письмами. Въ одномъ изъ конвертовъ не было ни строчки, только громадный грушеобразный жемчугъ. Въ первую минуту она приняла его также за подарокъ Артура, который хотѣлъ поднести ей такой же жемчугъ, какъ привезенный ею съ Гостепріимнаго острова, но адресъ на письмѣ былъ писанъ не Артуромъ, и она вздрогнула отъ какого-то смутнаго чувства, котораго она сама не могла себѣ объяснить. Долго она не отрывала глазъ отъ этого подарка; но наконецъ, собравшись съ силами, она распечатала другое письмо, которое было отъ м-съ Ундерклифъ.

«Вчера вечеромъ—писала она—явился къ намъ *нѣкто* и представилъ недостающее звѣно въ цѣпи доказательствъ. Если вы достаточно мужественны, чтобъ узнать правду, то вамъ стоитъ только придти къ намъ и принести съ собою вашъ дневникъ и всѣ письма, которыя вы получали отъ кого бы то ни было, со времени вашего возвращенія въ Англію».

Элленъ тотчасъ же собралась идти, но неожиданный гость остановилъ ее; это былъ м-ръ Буртъ.

— Я очень радъ, что засталъ васъ дома, миссъ, сказалъ онъ;—я принесъ важныя вѣсти. Человѣкъ, слѣдящій за вами—м-ръ Артуръ Вордло. Оба шпіона рапортуютъ ему два раза въ

день о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Вчера къ вамъ приходилъ господинъ очень дурно одѣтый, такъ?

— Это былъ м-ръ Гэндъ, изъ конторы Вордло. Несчастный явился ко мнѣ, чтобъ сознаться во всемъ. Онъ поддѣлалъ вексель изъ-за пари, и потомъ изъ трусости скрылъ все. Но его раскаянье, увы! пришло слишкомъ поздно.

— Оно еще и теперь не пришло, сказалъ Буртъ;—онъ вовсе не Гэндъ и не приказчикъ, а актеръ на одномъ изъ лондонскихъ театровъ; Гэндъ уѣхалъ въ Америку уже мѣсяца три тому назадъ. Разыгравъ же свою роль передъ вами, этотъ актеръ отправился прямо къ м-ру Артуру Вордло, нанявшему его сыграть предъ вами роль раскаявшагося преступника.

Элленъ схватилась руками за голову и старалась понять все, что она слышала, но, по своей честной натурѣ, она никакъ не хотѣла вѣрить такой массѣ подлостей, и потому сказала:—Я ничего не понимаю, поѣдемте лучше къ м-ру Ундерклифу.

— Съ удовольствіемъ, сударыня, но позвольте прежде кончить мой рапортъ. Въ прошлую ночь у вашего дома караулили шесть человѣкъ. Двое отъ Вордло, трое отъ Бурта и одинъ самъ отъ себя. Мои люди не могли признать этого неизвѣстнаго, но одинъ изъ шпіоновъ Вордло должно быть смекнулъ что нибудь, ибо тотчасъ же поскакалъ къ своему хозяину и притащилъ его сюда переодѣтаго. Вотъ и все, теперь поѣдемте.

Она застала Ундерклифа за работой. Онъ встрѣтилъ Элленъ съ сіяющимъ лицомъ и, кивнувъ головою Бурту, сказалъ, что она не могла себѣ выбрать лучшаго помощника.

— Посмотрите, м-ръ Буртъ, сказалъ онъ, подавая ему копію съ подложнаго векселя;—вы помните, что я подъ присягой показалъ въ дѣлѣ Пенфольда, что онъ никогда не поддѣлывалъ этого документа?

— Да, я хорошо помню, отвѣчалъ Буртъ, пристально разсматривая вексель.

— Эта молодая дѣвушка явилась недавно ко мнѣ, продолжалъ Ундерклифъ,—и просила меня открыть, кто именно произвелъ этотъ подлогъ. Но, по несчастью, представленныхъ ею матеріаловъ было недостаточно. Вчера вечеромъ свалился съ

неба какой-то молодой человѣкъ, котораго я принялъ за вашего агента, миссъ Роллестонъ, и на этомъ основаніи разсказалъ ему всѣ наши попытки и почему мы должны были остановиться въ нашихъ изслѣдованіяхъ. «Я, кажется, вамъ могу помочь», сказалъ онъ, и положилъ на столъ какое-то письмо. Одного взгляда было для меня достаточно, чтобы убѣдиться, что оно было писано той же рукой, которая писала подложный вексель.

— Письмо! воскликнула Элленъ.

— Да. Я покажу вамъ его, и если у васъ глазъ вѣрный, то вы тотчасъ узнаете, что это письмо и подложный вексель писаны одной рукой. Къ этому я еще прибавлю, что и письма м-ра Гэнда писаны тѣмъ же человѣкомъ.

И онъ вынулъ изъ конторки письмо Артура Вордло, которое Элленъ получила на Прозерпинѣ, и только-что хотѣлъ указать на всѣ признаки сходства почерковъ этого письма и подложнаго документа, какъ вдругъ Элленъ перебила его.

— Онъ здѣсь, воскликнула она;—никто кромѣ него не могъ вамъ вручить этого письма, которое я оставила на островѣ. Робертъ здѣсь!

— Вы правы, сказалъ экспертъ;—это долженъ быть онъ, а я дуракъ и не сообразилъ. Какая у него громадная, великолѣпная борода!

— Это Робертъ! воскликнула Элленъ въ восторгѣ;—онъ явился какъ разъ во время.

— Да, чтобъ его арестовали, сказалъ Буртъ;—вѣдь срокъ его ссылки еще не вышелъ. Онъ опять попадется.

— Избави Богъ! произнесла Элленъ, блѣднѣя и опускаясь въ изнеможеніи на кресло. Волненіе ея было такъ велико, что она едва не упала въ обморокъ и долго не могла придти въ себя.

— Я увѣренъ, сказалъ Буртъ вполголоса, обращаясь къ Ундерклифу, — что шпіоны Вордло узнали Роберта Пенфольда, и его арестуютъ и подвергнутъ суду, какъ бѣжавшаго арестанта. М-ръ Ундерклифъ, продолжалъ онъ уже громко,—напишите-ка свое заключеніе по этому дѣлу и вручите его миссъ Элленъ вмѣстѣ съ фак-симиле. Было бы недурно, еслибъ вы сдѣ-

лали подобное же заявленіе передъ судьей, а вы, миссъ Роллестонъ, посидите дома сегодня, вы, можетъ быть, мнѣ будете нужны.

Когда онъ уѣхалъ, Элленъ, несмотря на свое волненіе, внимательно сравнила письмо Артура съ подложнымъ векселемъ. Сравненіе это неоставляло ни малѣйшаго сомнѣнія, что оба документа были писаны одной рукой. Однако экспертъ спросилъ, не было ли у нея еще другихъ писемъ Артура, которыя не прошли черезъ руки Пенфольда; она подала ему записку Артура, въ которой было упомянуто имя Роберта Пенфольда, и Ундерклифъ объявилъ, что онъ эту записку сдѣлаетъ базисомъ своего заключенія. Пока онъ писалъ, Элленъ обратилась къ м-съ Ундерклифъ и разсказала ей все, что знала.

— Я уже давно пришла къ этому убѣжденію, сказала старуха;—но когда вы мнѣ объявили, что выходите за него замужъ...

— Ахъ! воскликнула Элленъ;—мы, женщины, такія несчастныя созданія, всегда находимъ причину скрывать истину. Но объясните мнѣ исторію съ молитвенникомъ.

— Я была увѣрена, что онъ у васъ украдетъ молитвенникъ, и потому просила Нэда сдѣлать другой, точь въ точь такой же. Онъ, дѣйствительно, укралъ подложную книгу, а я вамъ возвратила настоящую.

Послѣ этого Элленъ возвратилась домой и передъ обѣдомъ получила записку отъ Бурта, въ которой онъ просилъ ее назначить Артуру Вордло свиданіе въ 9 часовъ вечера въ квартирѣ старика Пенфольда; она же сама должна была пріѣхать получасомъ ранѣе, захвативъ всѣ документы: молитвенникъ, заключеніе эксперта и т. д. Нечего и говорить, что Элленъ не опоздала ни одной минуты.

При входѣ ея въ комнату, кто-то быстро всталъ и пошелъ къ ней на встрѣчу; но это былъ не Майкель Пенфольдъ, а Робертъ. Съ криками радости она бросилась къ нему, обвила его шею руками, прижала головой къ его плечу и крѣпко, крѣпко прижималась къ нему; онъ также страстно обнималъ ее, также пламенно впивался въ нее глазами. Когда первый приливъ радости немного стихъ, они поспѣшно разсказали другъ

другу все, что читатели уже знаютъ, и приготовлялись къ предстоявшему имъ бою.

Вскорѣ къ нимъ вошла Нанси Раузъ.

— О, миссъ Элленъ, сказала она, — я привела кающагося грѣшника, который сознался во всемъ, что онъ сдѣлалъ изъ любви ко мнѣ. Ну, Джо, говори самъ за себя.

— Она права, сэръ, сказалъ Вайли; — я пришелъ просить прощенья у васъ и у этой доброй миссъ. Я никогда не имѣлъ намѣренія васъ погубить, но, потопивъ корабль, сдѣлалъ гнусное преступленіе, и съ тѣхъ поръ я несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Деньги всѣ сполна у Нанси, я ихъ тотчасъ отдамъ страхователямъ Прозерпины; если же вы простите несчастнаго, соблазненнаго любовью и деньгами, то я готовъ свидѣтельствовать въ вашу пользу, чего бы мнѣ это ни стоило.

— Я васъ прощаю, сказалъ Робертъ,—и принимаю предлагаемыя вами услуги.

— И я также, произнесла Элленъ;—вы принесли вредъ не намъ, но я рада за Нанси, что вы раскаиваетесь.

Въ эту минуту старикъ Пенфольдъ, вбѣжавъ въ комнату, объявилъ, что Артуръ Вордло находился у воротъ, и не одинъ, а съ какимъ-то полицейскимъ.

— Попросите его сюда, сказалъ Робертъ.

Буртъ не сказалъ Артуру, кто былъ у Пенфольда, и потому онъ явился, хотя и съ безпокойствомъ въ сердцѣ, но ожидая встрѣтить Элленъ одну. Онъ вошелъ въ дверь съ улыбкой любви на устахъ и съ изумленіемъ отскочилъ, увидавъ передъ собою Роберта и Вайли. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и затрясся всѣмъ тѣломъ, но черезъ минуту, опомнившись, произнесъ съ кажущимся спокойствіемъ:

— Милая Элленъ, вы мнѣ сдѣлали очень пріятный сюрпризъ; пожалуйста, помирите меня съ человѣкомъ, въ невинности котораго я всегда былъ увѣренъ, скажите ему, что я нѣсколько помогъ вашимъ усиліямъ очистить отъ позора его честное имя.

Эта наглая выходка была выслушана въ безмолвномъ молчаніи. Морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ и, обращаясь къ Элленъ, онъ попросилъ позволенія послать домой человѣка. Потомъ, вырвавъ изъ своей записной книжки листокъ, онъ на-

писалъ на немъ: «Робертъ Пенфольдъ здѣсь арестуйте его немедленно». И выслалъ листокъ черезъ Нанси, стоявшему за дверьми Бурту.

— М-ръ Вордло, сказала Элленъ, стараясь быть спокойной;— когда м-ръ Гэндъ уѣхалъ въ Америку?

— Я не помню числа, промолвилъ Артуръ.

— Два или три мѣсяца тому назадъ?

— Да.

— Такъ человѣкъ, котораго вы ко мнѣ посылали, былъ не м-ръ Гэндъ?

— Я никого не посылалъ.

— О! стыдитесь, стыдитесь! Зачѣмъ вы подсылали ко мнѣ шпіоновъ? Зачѣмъ вы украли мой молитвенникъ или то, что считали моимъ молитвенникомъ? Вотъ онъ, настоящій, и въ немъ доказательство, что Прозерпина потоплена. Я лишилась бы тогда жизни по вашей милости, если бы не Робертъ Пенфольдъ, котораго вы такъ безжалостно погубили. Посмотрите ему прямо въ глаза, если достанетъ у васъ дерзости.

— Я никогда ему не дѣлалъ вреда, сказалъ Артуръ, но голосъ его дрожалъ и глаза были опущены въ землю.

— Вы не были причиной его несчастья?

— Нѣтъ, клянусь Небомъ!

— О, ужасъ! воскликнула Элленъ, отворачиваясь отъ него.

— А, такъ вотъ оно въ чемъ дѣло, прогремѣлъ Артуръ;— вы нарушаете данное мнѣ слово ради *него!* Вы оскорбляете меня ради *него!* Я васъ люблю, и потому долженъ все отъ васъ перенести. Но *его я* смѣту съ дороги.

И, отворивъ дверь, онъ закричалъ стоявшему въ сѣняхъ Бурту:—Вы полицейскій офицеръ?

— Да.

— Такъ арестуйте немедленно этого человѣка. Онъ Робертъ Пенфольдъ, ссыльный преступникъ, самовольно возвратившійся раньше срока.

Буртъ взошелъ въ комнату, заперъ дверь и положилъ ключъ въ карманъ:

— Ну, сэръ, сказалъ онъ обращаясь къ Пенфольду, — я знаю, что вы ловко деретесь; но на этотъ разъ не дѣлайте

исторій. Если же вы имѣете что либо сказать, то говорите спокойно и поскорѣе.

— Я съ вами пойду, но подъ однимъ условіемъ, сказалъ Робертъ;—вы должны арестовать преступника, также какъ и мученика. Вотъ преступникъ, прибавилъ онъ, указывая на Артура.

— Уведите скорѣе нахала, внѣ себя отъ злобы воскликнулъ Вордло.

— Какъ! не выслушавъ того, что онъ имѣетъ сказать въ свое оправданіе!

— Неужели вы станете слушать его разглагольствованья противъ всѣми уважаемаго лондонскаго купца?

— Ну, сэръ, намъ заявлено подозрѣніе въ томъ, что вы велѣли потопить корабль, а это вѣдь уголовное преступленіе. Потому я выслушаю все, что скажетъ м-ръ Пенфольдъ; а вамъ нечего бояться, если вы невинны.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ, сказалъ Пенфольдъ,—пересмотрите всѣ эти документы: вотъ фак-симиле подложнаго векселя, заключеніе эксперта и образцы почерка Артура Вордло; а вотъ и показаніе двухъ умирающихъ матросовъ, засвидѣтельствованное мною и миссъ Роллестонъ о намѣренномъ потопленіи корабля.

Буртъ прочелъ всѣ данные ему документы, останавливаясь особенно на заключеніи эксперта, который обязывался подтвердить присягой, что Артуръ Вордло поддѣлалъ векселъ. Когда онъ кончилъ, Артуръ всталъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и промолвилъ вполголоса:—не берите его, Буртъ, отпустите его.

— Но не отпускайте *его*, воскликнулъ старикъ Пенфольдъ;—подлецъ!... Я имѣю нумера банковыхъ билетовъ, которые онъ далъ Вайли, и я докажу, что онъ подкупилъ этого несчастнаго потопить корабль. Не отпускайте его, онъ погубилъ моего бѣднаго сына.

— О, м-ръ Пенфольдъ, воскликнулъ Вордло, съ мольбою простирая къ нему руки;—вы отецъ, и ненавидите меня, но подумайте о моемъ отцѣ. Я ничего не скажу, ничего. Я возстановлю честное имя Роберта Пенфольда, чего бы это мнѣ ни стоило. Что мнѣ теперь деньги! Я потерялъ *ее*. Она ненавидитъ меня; пожалѣйте меня и дозвольте мнѣ навсегда покинуть эту страну.

Онъ такъ умолялъ, такъ пресмыкался, что обезоружилъ всякую злобу и возбудилъ къ себѣ одно чувство презрѣнія.

— Эге, сказалъ Буртъ,—онъ не дерется, какъ вы, м-ръ Пенфольдъ; этого молодца давно уже надо было припрятать въ Ньюгэтъ. Но послушайтесь меня, заставьте его написать свое чистосердечное сознаніе и потомъ отпустите его. Я же пойду на улицу, ибо не могу присутствовать при незаконномъ дѣлѣ.

— Да, да, Робертъ, воскликнула Элленъ,—умоляю васъ, ради его отца.

— Хорошо, отвѣчалъ Пенфольдъ;—ну, гадина, возьми перо и пиши своимъ почеркомъ, если только можешь.

Артуръ повиновался и написалъ подъ диктовку Роберта: «Я, Артуръ Вордло, сознаюсь, что поддѣлалъ вексель въ двѣ тысячи фунтовъ и послалъ его Роберту Пенфольду, ибо изъ этихъ денегъ тысяча четыреста фунтовъ должны были идти въ мою пользу, для уплаты моихъ оксфордскихъ долговъ. Я сознаюсь также, что я подкупилъ Вайли потопить Прозерпину, для того, чтобъ обманомъ получить деньги съ страхователей».

Вслѣдъ за этимъ Пенфольдъ обратился къ Вайли и спросилъ его, какая истинная причина побудила Вордло на этотъ послѣдній поступокъ.

— Причина очень простая, отвѣчалъ Вайли:—все золото было нагружено на Шанонъ, я переложилъ его въ другіе ящики въ кладовыхъ Вайта.

— Напишите и это, сказалъ Пенфольдъ.

— Сознавайтесь во всемъ, какъ я, продолжалъ Вайли,—разскажите, какъ вы поддѣлали корабельную книгу Прозерпины.

— И газетныя вырѣзки, которыя вы мнѣ прислали, воскликнула Элленъ,—и письма отъ м-ра Гэнда.

— Неужели я долженъ все это написать! произнесъ Артуръ, съ тяжелымъ стономъ.

— Все, или вы пойдете подъ судъ, твердо сказалъ Робертъ.

Вордло повиновался, но, кончивъ писать, бросилъ отчаянный, безсмысленный взглядъ на окружающихъ и, съ дикимъ крикомъ, грохнулся на полъ въ страшнѣйшемъ припадкѣ. Его спрыснули водой, и когда онъ очнулся, то Буртъ отвезъ его домой. По дорогѣ онъ совѣтовалъ Вордло какъ можно скорѣе бѣжать изъ

Англіи и самъ обѣщалъ, насколько будетъ возможно, смягчить гнѣвъ противъ него Роберта Пенфольда. Артуръ обѣщалъ поступить по его совѣту и далъ ему пятьдесятъ гиней за хлопоты.

На другой же день, по просьбѣ Элленъ, Робертъ отправился съ ней къ м-ру Геннеси, и тотъ, убѣдившись въ виновности Вордло и въ невинности Пенфольда, взялся представить все дѣло на разсмотрѣніе министру внутреннихъ дѣлъ. Но слухъ о томъ, что Прозерпина была нарочно потоплена, быстро распространился повсюду и нѣкоторые изъ страхователей стали грозить старику Вордло судебнымъ преслѣдованіемъ. Но онъ отвѣтилъ—на это: Прежде, чѣмъ затѣвать процессъ, придите ко мнѣ въ контору со всѣми доказательствами и я разсмотрю дѣло.

Страхователи согласились, такъ велико было всеобщее уваженіе къ старику; въ положенное время они явились въ контору и представили молитвенникъ Элленъ, съ показаніемъ въ немъ Купера и Вельча, также лично самого Вайли, который, подстрекаемый Нанси, разсказалъ всю правду и положилъ на столъ нетронутыя двѣ тысячи фунтовъ.

— Ну, теперь, когда я отъ нихъ отдѣлался, сказалъ онъ,— я опять чувствую себя прежнимъ человѣкомъ.

— А я выйду за васъ за мужъ на будущей недѣлѣ, отвѣтила Нанси.

— Ну, господа, произнесъ старикъ Вордло,—дѣло ясное. Мнѣ остается только возвратить вамъ деньги, за исключеніемъ преміи, и прибавить слѣдуемые проценты.

Когда страхователи, получивъ свои деньги, удалились, въ контору вошелъ Робертъ Пенфольдъ и, подавъ старику Вордло копію съ признанія Артура, сказалъ:

— Я слышалъ, сэръ, что вы сегодня вознаграждаете всѣхъ, кому ваша фирма принесла вредъ въ послѣднее время. Чѣмъ можете вы вознаградить меня?

Вордло взялъ бумагу, прочелъ ее и долго не могъ придти въ себя. Масса преступленій сына поразила его въ самое сердце.

— Этотъ вредъ исправить нельзя, промолвилъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

Робертъ ничего не отвѣчалъ; ибо сколько ни накипѣло злобы въ его сердцѣ, онъ не могъ не почувствовать сожалѣнія къ

этому несчастному старику, такъ мужественно боровшемуся съ своимъ ужаснымъ горемъ. Черезъ нѣсколько минутъ Вордло совсѣмъ оправился и, позвонивъ, велѣлъ позвать м-ра Майкеля Пенфольда.

— Господа, сказалъ онъ, когда тотъ явился;—фирма Вордло болѣе не существуетъ. Она всегда отличалась своей честностью и не должна пережить мошенничества. Я рѣшился ликвидировать дѣла и запереть навсегда эту контору;, но теперь, если вы желаете, я передамъ фирму Пенфольду и Сыну на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Робертъ Пенфольдъ былъ обвиненъ въ подлогѣ подписи Джона Вордло, а я теперь, написалъ на двери имя Пенфольда вмѣсто имени Вордло, докажу всему міру, что это была клевета. Повѣрьте мнѣ, весь Лондонъ это пойметъ.

— М-ръ Вордло, воскликнулъ Робертъ; — вы благородный человѣкъ!

— О, сэръ, прибавилъ Майкель; — еслибъ вашъ сынъ походилъ на васъ!

— Никогда не упоминайте его имени при мнѣ, сказалъ старикъ;—его преступленіе и тяжелая кара меня убили.

— О, поспѣшно произнесъ Робертъ,—ради васъ мы не подвергнемъ его наказанію.

— Не подвергнете? это не въ вашихъ рукахъ. Онъ уже наказанъ. Онъ сошелъ съ ума! Я не въ силахъ болѣе говорить съ вами, пришлите мнѣ своего стряпчаго, и мы кончимъ съ нимъ это дѣло. Желаю полнаго успѣха новой фирмѣ.

Джонъ Вордло сдержалъ свое слово; онъ ликвидировалъ дѣла, передалъ фирму Пенфольдамъ, удалился на свою дачу и умеръ черезъ три дня, оплакиваемый всѣми, кто его зналъ и уважалъ. Болѣе всѣхъ былъ пораженъ этою смертью Робертъ Пенфольдъ; онъ долго упрекалъ себя, что убилъ старика, поразивъ его, безъ всякихъ приготовленій, роковой вѣстью о преступности Артура. Вообще всѣ послѣднія событія такъ сильно отозвались въ сердцѣ Роберта, что онъ оставилъ всѣ дѣла новой конторы на рукахъ отца и, купивъ себѣ приходъ, поселился въ живописной кентской долинѣ. Вскорѣ слава его, какъ проповѣдника, распространилась по всей окрестности, и отовсюду стали стекаться толпы, чтобы послушать новаго оратора Элленъ же остава

лась въ Лондонѣ хлопотать о его главномъ дѣлѣ, но они переписывались каждый день.

Однажды, послѣ проповѣди, Роберта остановилъ какой то неизвѣстный господинъ, въ которомъ онъ едва узналъ американца, купившаго у него Гостепріимный островъ. Тотъ съ характеристичной честностью объявилъ, что ихъ предпріятіе увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ, что онъ снялъ островъ на аренду у чилійскаго правительства за самую пустую цѣну и потомъ передалъ его съ громаднымъ барышемъ одной калифорнійской компаніи, вывезя предварительно все серебро съ испанскаго галльона и большое количество коралловъ, кокосовыхъ орѣховъ и другихъ драгоцѣнныхъ произведеній острова. Половина чистаго барыша со всѣхъ этихъ оборотовъ составляла 17,247 фунтовъ 13 шиллинговъ и 3½ пенса, и эту сумму по условію онъ привезъ своему товарищу по предпріятію Роберту Пенфольду, который, конечно, съ жаромъ поблагодарилъ его за рѣдкое искусство и честность.

Въ тотъ же день Пенфольда посѣтили и другіе неожиданные гости: генералъ Роллестонъ съ дочерью. Элленъ хотѣла сдѣлать сюрпризъ Роберту; но, какъ часто случается, себѣ сдѣлала еще большій: Робертъ повелъ ее на прелестное озеро, посреди котораго возвышался островъ, представлявшій въ миніатюрѣ Гостепріимный, что стоило Роберту много трудовъ и денегъ.

Увидавъ это, Элленъ бросилась къ Роберту на шею съ страстнымъ крикомъ: «О! какъ я тебя люблю, мой милый!»

Робертъ отвѣчалъ тѣмъ же. Они ужь это давно знали, но никогда еще не говорили другъ другу о своей любви; теперь же, при видѣ ихъ дорогого острова, сердца ихъ переполнились любовью, и они назначили день своей свадьбы. Къ этому дню королева милостиво простила героя и мученика за преступленіе, котораго онъ никогда не дѣлалъ, и, наконецъ, послѣ столькихъ несчастій, страданій и горя, Робертъ Пенфольдъ началъ новую безоблачную, блаженную жизнь, любимый и уважаемый всѣми.

Панси Раузъ также вышла замужъ за раскаявшагося Вайли, несмотря на то, что, отдавъ свои деньги, онъ не имѣлъ двухъ тысячъ фунтовъ. Но старикъ Пенфольдъ, зная всю ихъ исторію,

далъ имъ взаймы денегъ по три процента, и они взяли въ аренду давно желанный домъ, который имъ приноситъ весьма приличный доходъ.

Артуръ Вордло находится въ частной больницѣ умалишенныхъ и очень рѣдко приходитъ въ себя, но въ эти минуты его страданія невыразимы. Въ остальное же время онъ довольно покоенъ, и любимымъ его занятіемъ сдѣлалось писать фак-симиле Ундерклифа и объясненія въ любви къ Эллент Роллестонъ почерками различныхъ извѣстностей: Бэкона, Нельсона, Аддисона, герцога Веллингтона, Карла I-го и такъ далѣе.

КОНЕЦЪ.

СЕСТРѢ.

(Изъ Леопарди).

Ты кинула свой тихій, отчій кровъ;
Міръ призраковъ и дорогихъ видѣній
Смѣнило море будничныхъ волненій...
Несчастная! Заранѣ я готовъ
Позоръ и стыдъ твоей грядущей жизни
Оплакивать въ страдающей отчизнѣ.
Сестра! Я отъ тебя не утаю
Твоей судьбы удѣлъ ужасный:
Должна ты подарить Италіи несчастной
Несчастную и жалкую семью.
Въ странѣ рабовъ мы слабы, какъ въ пустынѣ,
Гдѣ не подъ силу намъ съ стихіями борьба;
Здѣсь на рукахъ у матери-рабыни
Въ ребенкѣ каждомъ видимъ мы раба.
Вотъ почему твой брачный пиръ мнѣ скученъ,
Какъ похоронный праздникъ межъ гробовъ:
Твоей судьбой печальной я измученъ,
Сестра-страдалица, мать будущихъ рабовъ!

Д. Минаевъ.

АННУШКА.

(Разсказъ).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я, въ качествѣ гувернантки, пріѣхала въ одинъ изъ сибирскихъ городовъ. Семейство, въ которомъ должна была происходить моя педагогическая дѣятельность, было рекомендовано мнѣ съ очень хорошей стороны, а потому я смѣло вступала въ совершенно незнакомый мнѣ домъ. Однакожъ, первая встрѣча въ этомъ домѣ произвела на меня странное впечатлѣніе: меня ввелъ въ комнаты человѣкъ съ клеймами на лицѣ. Познакомившись съ хозяйкой, я спросила прежде всего объ этихъ клеймахъ.

— Они васъ удивляютъ? отвѣтила хозяйка.—Не безпокойтесь, нашъ Петръ хотя и каторжный, но хорошій человѣкъ. Здѣсь это обыкновенное явленіе. Вамъ теперь надо привыкать къ подобнымъ личностямъ; вотъ и за вами будетъ ходить такая же особа. Вы, пожалуйста, не пугайтесь.

Пугаться мнѣ было нечего, но дивилась я немало. Мнѣ будетъ прислуживать какая нибудь воровка, а, можетъ быть, даже убійца!

Это была женщина, исполнявшая въ домѣ должность няни. Я увидѣла ее въ самый день моего пріѣзда, когда ушла въ свою комнату перебирать вещи. Однакожъ, я не замѣтила въ ея лицѣ ничего такого, что обличало бы въ ней преступницу. По виду это было скромное, тихое и даже робкое существо, съ такими мелкими чер-

тами лица, что походила скорѣе на дѣвочку, чѣмъ на пожилую женщину.

Она, какъ видно, полюбила меня съ перваго же раза, и скоро мы сошлись съ ней очень близко. Любопытство мое главнымъ образомъ заинтересовано было тѣмъ, чтобы поскорѣе услышать отъ няни ту скорбную повѣсть, которая кончилась для нея каторгой. Няня долго крѣпилась,—но, наконецъ, выбравъ свободный вечерокъ, разсказала мнѣ откровенно все.

— Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, говорила няня,—когда я еще жила въ деревнѣ, у отца—у матери, сталъ на посидѣлкахъ подсаживаться ко мнѣ одинъ парень изъ нашей же деревни, звали его Васюхой Кудрявкой. Всѣ дѣвки у насъ его любили, парень былъ важный, волосы кудрявые, за то Кудрявкой его и звали. Сначала такъ подсаживался, болталъ, а то гдѣ и щипнетъ, гдѣ въ потьмахъ и поцѣлуетъ; а какъ весна стала на дворѣ, такъ и совсѣмъ мнѣ проходу не давалъ. Деревенскіе начали замѣчать, да мнѣ все и говорятъ: что ты, Анна, веселая такая стала; смотри, Васюха за носъ проведетъ. Мнѣ и это все не почемъ, такъ все и думала: — ну, не проведетъ меня Васюха за носъ. И сталъ меня Кудрявка уговаривать прійти вечеркомъ за риги. Риги у насъ поодаль стояли, за ригами тотчасъ шелъ лѣсъ, да кустарникъ, и рѣдко кто туда изъ деревенскихъ заглядывалъ. Цѣлую недѣлю думала я да думала, а Кудрявка сердился, да разъ и говоритъ: „а вотъ ты не прійдешь, такъ другая прідетъ“. Поздно уже было, я повернулась да и ушла домой и легла спать, отецъ двери затворилъ, всѣ улеглись. Домъ нашъ былъ большой, хорошій, въ три избы: двѣ чистыя на улицу, да зимняя окнами выходила въ огородъ. Мы, женщины, въ этой избѣ и спали. Вотъ легли мы, только ужь спать-то я не могла и не выходило у меня изъ головы, что вотъ я не пошла, такъ вѣдь другая пойдетъ; и всѣхъ я нашихъ дѣвокъ перебираю, кто къ нему можетъ пойти, а у самой въ ушахъ такъ и звенитъ. Не вытерпѣла я, вскочила, потихоньку одѣлась, да и шмыгъ въ хлѣвъ, а изъ хлѣва въ огородъ, да что было моченьки и побѣжала къ ригамъ. У ригъ остановилась я духъ перевести и слышу, за ригами Кудрявка кашлянулъ; я выскочила

къ нему, не помня уже себя. Смотрю — одинъ; я и спрашиваю, а у самой такъ сердце и бьется:

— Кого поджидаешь? меня, али другую?

А онъ, какъ меня увидалъ, да какъ бросится, да такъ на рукахъ до кочечки и донесъ, тутъ и посадилъ.

— Тебя, говоритъ, моя кралечка! Тебя, Аннушка, всю недѣлю я поджидалъ, да вотъ и дождался.

Домой пришла я уже на разсвѣтѣ. И съ этого дня ни одной ночки не была дома, хоть и трудно мнѣ было уходить. Отецъ у насъ былъ такой строгой, что мы не только говорить съ нимъ не смѣли, но и ходить-то при немъ боялись. Только, кажется, сталъ онъ замѣчать, что я хожу куда-то по ночамъ, да за обѣдомъ и говоритъ, что если дѣвка начинаетъ баловаться, значитъ замужъ ей пора. Да такъ на меня посмотрѣлъ, что я и ложку выронила. Въ тотъ же вечеръ говорю Кудрявкѣ, чтобы сватовъ посылалъ, а Кудрявка въ отвѣтъ: „послать-то я пошлю, только вашъ домъ богатый, на виду, тебя за меня не отдадутъ.“ Ну, мы все-таки уговорились, что Кудрявка пришлетъ на будущей недѣлѣ сватовъ.

На другой день пришли мы съ поля поѣсть, и прибѣгаютъ къ намъ съ барской мызы звать отца.

Это хоть и часто случалось, а только, какъ господа были строгіе, то батюшка всякій разъ шелъ нехотя. Такъ и тогда; онъ одѣлся, потомъ сталъ молиться и, помолившись, отправился. А матушка говоритъ намъ, чего же безъ отца садиться за обѣдъ, ужь лучше подождать. Вотъ и ждали мы съ часъ. Пришелъ батюшка.

— Авдотья, говоритъ,—Анну замужъ велѣно отдать, на недѣлѣ сваты пріѣдутъ, не мѣшаетъ, чтобы дома было все, чтобы по нуждѣ угостить было чѣмъ.

Какъ заговорилъ онъ этакъ, я и обрадовалась; думаю, экой Кудрявка молодецъ, ловко все сдѣлалъ.

— Куда же мы Анну отдадимъ? спрашиваетъ мать.

— Куда господа велятъ; и мнѣ ее въ даль не хотѣлось бы отдавать, да вѣдь съ господами ничего не подѣлаешь: какъ прикажутъ, такъ и надо. Видишь, имъ въ промѣнъ надо на горничную въ Лысково.

— Батюшки, въ даль-то какую! сказала мать.

Я хоть и боялась отца, но какъ услыхала, что мнѣ прійдется разстаться съ Кудрявкой, забыла весь страхъ и говорю:

— Я въ Лысково не пойду.

Отецъ только взглянулъ на меня.

— Ну, да тебя и не спросятъ.

Пошли мы на работу, а ужь мнѣ какая работа, я отъ слезъ ничего не вижу. Мать тоже плачетъ; младшая сестра молчитъ.

Пришли мы домой, я ужинать не пошла, прилегла на лавку, да и жду, когда всѣ улягутся, чтобы идти за риги. А отецъ всталъ изъ-за стола послѣ ужина, да и говоритъ:

— Анна, поди-ка ты сегодня спать въ чистую избу.

Самъ онъ спалъ тоже въ чистой избѣ. Нечего дѣлать, пошла я туда ни жива, ни мертва. Всю ночь глазъ не смыкала, слышу, отецъ на печи спитъ, но только я спущу съ лавки ногу, а онъ уже и смотритъ во всѣ глаза.

Такъ проморили они меня съ недѣлю, пріѣхали сваты, посватали. Жениха привезли, женихъ молодой, добрый показался мнѣ; ну, думаю, хоть бить-то не будетъ. А отецъ глазъ съ меня не спускаетъ. Вотъ и дѣвичникъ наступилъ, и вышли мы съ дѣвками въ деревню, а Кудрявка какъ тутъ.

— Замужъ, Анна Егоровна, выходите, говоритъ онъ мнѣ.

Да видно разглядѣлъ, что замужъ-то меня выдаютъ не живую, спохватился, да тутъ же и сталъ шептать:

— Аннушка, голубушка, прійди за риги.

— Не пускаютъ.

— Урвись.

— Хорошо, сегодня буду.

И точно, я рѣшила, во что бы то ни стало, прійти.

Вечеромъ пошла я дѣвокъ провожать, хотя отецъ у двери сталъ, да смотрѣлъ по деревнѣ, только мы гурьбой свернули въ переулокъ, а тамъ я дѣвкамъ говорю: „домой мнѣ пора.“ Да по задворкамъ добралась до ригъ.

Силы-то въ лѣсъ идти уже не было, такъ Кудрявка на рукахъ и унесъ. И плакалъ-то онъ въ эту ночь, и цѣловалъ-то меня, и

уговаривалъ въ лѣсъ съ нимъ уйти. Ну, а все же, какъ солнышко взошло, побрела я домой. Прихожу, никто не спитъ, всѣ на ногахъ. Отецъ въ чистую избу двери распахнулъ, да и смотритъ на меня, точно съѣсть хочетъ.

— Гдѣ умница погуляла? говоритъ.

А я встала передъ нимъ, да и говорю:

— Батюшка, пошли сказать, чтобы Никита не ѣздилъ сегодня къ вѣнцу, я за него не пойду.

— Пойдешь, сказалъ отецъ.

— Хоть убей, а не пойду.

— За кого же вздумала идти, не за голыша ли Кудрявку?

— За Кудрявку пойду.

— Вотъ я тебѣ Кудрявку выбью.

Тутъ я видѣла, какъ отецъ подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ кнутъ, а я легла на лавку, лицомъ въ подушку, да и думаю: „хоть лица-то бы не испортилъ“.

Въ первый разъ меня билъ отецъ, и кнутъ точно жегъ плечи, и спину. Долго ли билъ—не знаю, потому, я безъ памяти была. Только когда я очнулась, отца въ избѣ не было, на скамейкѣ сидѣла мать и плакала, а сестра стояла надо мной и держала ковшъ. Слезы у меня такъ и капали.

Повели меня къ вѣнцу силой; я сама ничего не могла дѣлать, словно мертвую меня одѣли, мертвую обвѣнчали и мертвую къ мужу отвезли.

Мужъ вышелъ добрый, да только не любъ былъ онъ мнѣ. И самой-то мнѣ жалко было смотрѣть, какъ онъ мучается, да что же мнѣ-то дѣлать; насильно человѣка не полюбишь. Тихо было у насъ въ домѣ, такъ тихо, что сосѣди даже говорили:—„какъ молодые-то хорошо живутъ“. А какъ молодые жили? Я молчу и онъ молчитъ; я худѣю и онъ худѣетъ. Сначала онъ приставалъ ко мнѣ, а потомъ и приставать пересталъ, и не стали мы спать на одной постели. И жили мы, какъ чужіе. Какъ пересталъ онъ приставать ко мнѣ, я начала ему больше угождать, и сталъ онъ мнѣ милѣе. А все же мнѣ горько было: все я худѣла да худѣла, словно

свѣча таяла. Кудрявка нейдетъ у меня изъ головы: объ чемъ бы ни стала думать—все онъ, будто живой стоитъ передъ глазами.

Разъ мужъ пошелъ въ воскресенье въ село, да вернувшись оттуда и говоритъ мнѣ:

— Родители твои, Аннушка, велѣли звать насъ къ себѣ въ Никольки на праздникъ.

— Что же ты, Никита, сказалъ?

— Да сказалъ, что хвораетъ у меня Аннушка, такъ повеселить надо, можетъ лучше будетъ.

— Ну, спасибо, Никитушка, отвѣчала я ему.

А сама и думаю: вѣдь какое же это счастье, что у меня мужъ такой добрый. Давно бы другой ужь убилъ бы меня, либо извелъ.

Стали мы собираться къ Иванову дню домой. Повеселѣла я совсѣмъ. Наряды укладываю въ коробокъ, а сама даже пѣсни пою. Запрегъ Никита нашу кобылу въ телѣгу, наложили гостинцевъ, да платье наше, и поѣхали.

Пріѣхали мы туда къ вечеру. Отецъ, мать рады были, сестра выросла, стала большая. Говорили мы, говорили съ матерью почти что всю ночь.

На другой день пошли къ обѣднѣ, а потомъ стали обѣдать и гостей принимать. Отецъ былъ мужикъ богатый, да и къ тому же назначенъ въ старосты, значитъ ужь гостей у него въ день-то перебывало и счету нѣтъ. Вотъ послѣ обѣда сидимъ мы всѣ съ народомъ въ избѣ, и слышу я съ улицы хороводную пѣсню. Я окно отворила и смотрю: ѣдетъ мимо насъ большой хороводъ; а въ первой парѣ красавица писаная, Маша сосѣдка, бѣлая, румяная, высокая, грудь полная; штофникъ надѣтъ малиновый и жемчужная перевязка на головѣ. Идетъ она веселая такая, поетъ и смотритъ по сторонамъ. А кто за руку-то ее ведетъ? Кудрявка. Разфранченный, разряженный, шапка на бекрень, сапоги смазные, кафтанъ въ накидку. Пѣсни распѣваетъ и такъ важно, такъ весело ведетъ Машу. Свѣту я не взвидѣла и окошко скорѣе заперла и слышу, матушка говоритъ:

— Ой, Никита, и вправду жена-то у тебя больна. Смотри-ка—лица на ней нѣтъ.

Никита подошелъ ко мнѣ и говоритъ:

— Аннушка, да ты точно умираешь? Что съ тобой?

— Положимъ ее скорѣе на лавку, говоритъ мать.

Снесли они меня въ другую избу, гдѣ намъ съ Никитой постель была сдѣлана, и положили.

Я стала засыпать, они оба ушли, и все что-то у меня стало путаться въ головѣ. А на улицу-то меня такъ и тянетъ, такъ и тянетъ. Пролежала я такъ до вечера, а вечеромъ заслышала, что пѣсни поются передъ нашими передними избами и не могла я утерпѣть. Встала, умылась, одѣлась и пошла на улицу. Тамъ дѣвушки меня обступили, потащили въ игры играть.

Стала я играть и повстрѣчалась съ Кудрявкой, а онъ такъ низко раскланялся, да и говоритъ:

— Здравствуйте, Анна Егоровна, каково поживаете, дѣтей наживаете, насъ забываете?

— Плохо, говорю, поживаемъ, дѣтей не наживаемъ и васъ не забываемъ, Василій Антоновичъ.

— Такъ ли, Аннушка, полно? сказалъ онъ, да головой покачалъ.

Тутъ подбѣжала Маша съ другими дѣвками, Василья подхватили, меня тоже. И не пришлось мнѣ поговорить съ нимъ. И такъ мнѣ все время было больно на душѣ, что Василій все съ Машей, къ тому же и дѣвки-то какъ начнутъ пѣть, такъ все и выпѣваютъ Василья съ Марьей.

Около полуночи всѣ разошлись, и я пошла домой. Смотрю, всѣ легли, матушка только въ чистой избѣ что-то копошится, гостей ужь никого не было.

— Никита спитъ, вѣрно? спрашиваю я ее.

— Спитъ. И ты идешь? говоритъ она.

— Нѣтъ еще, отвѣчала я, да опять на улицу.

И съ чего мнѣ пришло въ голову пойти за риги, искать Кудрявку, сама не знаю; но вотъ точно кто-то шепчетъ: „иди за риги“, да „иди за риги“. И пошла я туда. Идти-то пришлось крадучись, потому не всѣ пьяные угомонились еще и могли заговорить со мною, а говорить-то ужь мнѣ ни съ кѣмъ не хотѣлось.

Вотъ пришла я къ ригамъ, слушаю — тихо. Постояла я немного и хотѣла ужь домой идти, да вдругъ точно меня кто за сердце хватилъ. Слышу я, цѣлуются; я ползкомъ въ ту сторону, гдѣ цѣлуются, приползла и смотрю. На срубленномъ бревнѣ сидитъ Кудрявка, на томъ же самомъ, на которомъ въ послѣдній разъ сидѣлъ со мной, красивый мой Кудрявка, а на колѣняхъ у него сидитъ другая, а не я,—сидитъ Маша сосѣдка. Крѣпко она обняла его шею, и сидятъ они такъ, ничего не говоря. А я лежу не далеко и глазъ съ нихъ не спускаю. Въ ушахъ у меня ужъ сначало шумѣть, а когда я услыхала, что кто-то цѣлуется, тутъ ужь не шумѣло, а трезвонило, точно въ ночь Свѣтлаго праздника; потомъ сдѣлались точно красныя пятнышки, и стали эти пятнышки расти и сдѣлались большіе, большіе круги, и круги эти завертѣлись. Тутъ я встала и не знаю, тихо ли шла, или бѣжала, только круги все вертѣлись, а звонъ гудѣлъ; и пришла я домой, а въ сѣняхъ вижу сквозь круги топоръ, я топоръ-то схватила и съ топоромъ въ избу къ мужу. Отворила дверь, а онъ голову-то съ подушки и поднимаетъ; я подбѣжала, да топоромъ-то его по головѣ, а потомъ что было — не помню. Какъ Никита застопалъ, я топоръ бросила и сама изъ избы опять къ ригамъ. Свѣтло, свѣтло мнѣ, круги въ глазахъ такіе большіе, красные, а звонъ все сильнѣй и сильнѣй. И слышу я въ этомъ звонѣ: „мужу черепъ раскроила, мужу черепъ раскроила“. Прибѣжала я къ ригамъ, да прямо къ бревну. А на бревнѣ ужь никого не было. Я дальше въ лѣсъ и все бѣгомъ. Бѣжала, бѣжала и свалилась; хочу потомъ встать, встать-то ужь и не могу. Такъ тутъ я и осталась. Круги все вертѣлись, а въ ушахъ все звенѣли голоса, что мужу черепъ раскроила; а потомъ, какъ стала я въ кругахъ чертей различать, тутъ ужь ничего и не помню. И сколько потомъ ни старалась я припомнить, что я тутъ дѣлала — ничего не могла припомнить, и до сихъ поръ ничего не помню. И часто это бывало потомъ со мной, что пройдетъ нѣсколько дней и даже мѣсяцевъ, и ничего я не помню, что было въ это время.

Какъ очнулась я, былъ уже вечеръ и должно быть передъ тѣмъ шелъ дождь, потому что я вся была мокрая. Стала я все

припоминать, сердцу такъ больно, а какъ объ Никитѣ вспомнила, такъ подумала, что неужто это правда, а не сонъ. Встала я, ноги тяжелыя, голова какъ свинцомъ налитая, и пошла къ деревнѣ. Подхожу къ деревнѣ—ужь поздно, на улицахъ ни души, я прямо пришла къ нашей избѣ — огонь. Я съ улицы посмотрѣла: сидитъ какой-то незнакомый мужчина, баринъ, за столомъ, а другой ходитъ по избѣ и папироску куритъ. Видно убила я Никиту, думаю я, а сама-то такъ и задрожала. Сѣла я на лавку подъ окномъ и не знаю, что дѣлать; и стала я вспоминать, какой Никита былъ до меня добрый, да честный, а я-то что съ нимъ сдѣлала! И не могла я больше усидѣть тутъ, — думаю, хоть на мертваго-то взгляну на него. И пошла я прямо въ сѣни. Дверь не заложена, я сначала въ ту избу, гдѣ убила Никиту, тамъ никого нѣтъ, я въ избу, гдѣ видѣла незнакомыхъ мужчинъ. Отворила дверь и стала на порогѣ. Мужчина-то, что ходилъ, остановился и спрашиваетъ:

— Что тебѣ?

— Здѣсь Никита? говорю я,—покажите мнѣ Никиту, пустите къ нему.

— Да ты кто такая? спросилъ другой, такой строгой, что сидѣлъ за бумагами, за столомъ.

— Я? я Аннушка, его жена.

— Что убила-то его?

— Что убила его, говорю.

Тутъ на право, налавкѣ кто-то повернулся, и вдругъ слышу я голосъ Никиты:

— Аннушка, дурочка ты, дурочка, что ты на свою шею-то надѣлала!

— Никитушка, крикнула я и бросилась къ нему.

— Зачѣмъ ты, дурочка, пришла-то? опять заговорилъ Никита.

Чиновникъ, что сидѣлъ за столомъ, всталъ и говоритъ:

— Ну, и хорошо, что сама пришла. Намъ тебя и надо. Хлопотъ, по крайнѣй мѣрѣ, меньше.

Никита, какъ я подошла къ нему, хотѣлъ приподняться и за-

т оналъ; а мужчина, что съ папироской ходилъ, подошелъ къ нему, да и говоритъ:

— Не шевелись ты, Никита, сколько я тебѣ говорилъ, всю опять повязку испортилъ.

Крикнулъ онъ фельдшера и какъ сталъ развязывать голову мужу, какъ я увидала кровавыя пятна и не стала я опять больше ничего помнить. Только послѣднее слышала, какъ Никита ужь шепотомъ сказалъ мнѣ:

—Зачѣмъ пришла? Вѣдь бѣда тебѣ будетъ.

На другой день, тутъ же при мужѣ, стали у меня спрашивать, зачѣмъ хотѣла убить его, да давно-ли задумала, да все такое. Тутъ въ избѣ, и баринъ нашъ сидѣлъ, и священникъ былъ, и отецъ мой блѣдный такой стоялъ, и матушка сидѣла, да плакала; и всѣ такіе страшные, страшные мнѣ казались.

Знаю я, что я на все отвѣчала, а что отвѣчала—не помню. И слышала я потомъ, какъ зашипѣла свекровь:

— Вретъ, вретъ, вѣдь годъ она собиралась его извести, и меня зимой чуть не убила, и его грозила убить, да вѣдь онъ и самъ сказалъ господину доктору, что боялся ее.

Спросили Никиту, а онъ и говоритъ.

— Не грѣши, матушка, никогда, никогда не грозила она меня убить, а что боялся ее я, точно что боялся.

— Отчего же ты ее боялся? спрашиваютъ.

— А и самъ не знаю. Вотъ, какъ пріѣхалъ весной въ деревню, такой чудной она мнѣ казалась, и такъ я ее боялся, что всю ночь сплю бывало на сторожѣ.

— Чего же ты боялся, что убьетъ она тебя?

— Не то что этого, она вѣдь, кажется, и мухи-то никогда не обидѣла, а такъ, чего-то боялся.

Спросили обо мнѣ въ деревнѣ и деревенскіе всѣ больно жалѣли меня и сказали, что ребенокъ всякой самъ могъ скорѣе обидѣть меня, а что я и курицы-то не обидѣла.

Долго тутъ всѣхъ спрашивали. Потомъ подводы привели, матушка принесла мнѣ мѣшокъ съ платьемъ, да узелокъ съ ѣдой; батюшка денегъ далъ. Чиновникъ къ господамъ бѣдать уходилъ,

а тутъ пришелъ, собралъ бумаги, одѣлъ пальто, чемоданъ его вынесли; да и говоритъ онъ мнѣ:

— Ну, голубушка, простись съ своими, ужъ больше вы не увидитесь.

Я поклонилась батюшкѣ въ ноги и матушкѣ въ ноги, и подошла къ мужу. Онъ лежалъ забывшись, блѣдный такой. Я поклонилась въ ноги и говорю:

— Прости меня окаянную, Никита Савельичъ!

Онъ глаза открылъ, поблѣднѣлъ еще сильнѣе и проговорилъ:

— Увозятъ ужь развѣ?

— Прощай Никитушка, говорю я.

А онъ мнѣ въ отвѣтъ:

— Аннушка, дурочка, что ты надѣлала?

Круги мои опять заходили, звонъ опять зазвонилъ: „дурочка что ты надѣлала—мужу черепъ разкроила.„ Такъ посадили меня въ телѣгу и повезли.

Привезли меня въ острогъ и заперли. Годъ просидѣла я тамъ и возили меня въ судъ, гдѣ я узнала, что мужъ выздоровѣлъ. Къ концу года дѣло мое кончилось. И присудили меня къ каторгѣ и плетямъ.

Подошелъ день читать мнѣ рѣшеніе. Всю недѣлю передъ тѣмъ ходила я въ церковь, молилась усердно, потомъ исповѣдывалась и причащалась.

На утро одѣлась во все чистое, и повели меня изъ острога во дворъ. Взошла я на эшафотъ,—да какъ взглянула на палача, тутъ Богъ, должно быть, сжалился надо мной, да память-то опять и отнялъ, и какъ сѣкли, какъ все это было, ничего я не помню. И не помню я—какъ мы вышли изъ города, и очнулась я разъ только въ какомъ-то городѣ, въ Сибири; лежала я въ больницѣ и клали мнѣ на голову ледъ. И слышала я, что фельдшера говорили, что у меня въ мозгу болѣзнь какая-то. Но тутъ прохворала я недолго и скоро погнали насъ дальше; только время это было въ августѣ и жаркое, я какъ по солнышку прошла и опять память потеряла и какъ пришла сюда — не знаю. Назначена я была сюда на пріискъ, только въ работу не попала. Какая я была работница, мнѣ десяти фунтовъ не под-

нять было. У здѣшнихъ же господъ тогда третій ребенокъ родился и понадобилась старой нянѣ помощница, вотъ баринъ, какъ пришелъ къ партіи, да и спрашиваетъ меня:

— Ты, дѣвочка, за что попала?

Мнѣ было тогда двадцать три года, только всѣ говорили, что я на дѣвочку больше похожа, чѣмъ на женщину.

И взялъ онъ меня сначала на пробу въ кухню, въ судомойки, а въ кухнѣ я такъ понравилась старой нянѣ, что она господамъ надоѣла со мной, чтобы позволили меня взять въ дѣтскую. Ну и взяли. Вотъ съ тѣхъ поръ я изъ дѣтской и не выхожу; сначала была помощницей, а потомъ черезъ два года няня старая умерла и осталась я настоящей няней.

Вотъ этихъ дѣтей, что я выняньчила, я вѣдь люблю все равно, какъ будто они мои собственные; а все какъ вспомню о своемъ селѣ, такъ вотъ кажется полетѣла бы туда. Такъ бы, кажется, согласилась, сейчасъ помереть, лишь бы тамъ хоть одинъ денекъ пожить. Да только никогда, хоть свѣтъ вверхъ дномъ перевернись, не попасть никому изъ насъ домой. И вѣдь знаю я это, а все о селѣ своемъ думаю, о батюшкѣ, матушкѣ, сестрѣ, о Никитѣ. Не забыли они тоже своей Аннушки. Коли матушка жива, такъ молится каждый день обо мнѣ. Никита вѣрно женатъ, вѣрно дѣти есть. Дай Богъ имъ всѣмъ счастья.

Бѣдная, бѣдная Аннушка! невольно думаю я теперь: родись ты двумя десятками лѣтъ позже—не попала бы ты за свое дѣло въ Сибирь, а отдали бы тебя лечиться въ больницу. Не страдала бы ты такъ долго за свое безуміе, которое конечно давнымъ давно прошло и была бы ты хорошей матерью и счастливой по своему. И не убивалась бы ты, думая о своемъ селѣ, съ которымъ разлучила тебя безъисходная каторга.

Л. Шелгунова.

СВОБОДА.

Молода, безсмертна, какъ природа,
Какъ невѣста, сходитъ въ міръ свобода.

И передъ ней, благоговѣйно тихъ,
Міръ не разъ склонялся, какъ женихъ;

И не разъ межъ нихъ—землѣ казалось—
Обрученья тайна совершалась,

И въ виду священныхъ, вѣчныхъ узъ
Близокъ былъ божественный союзъ:

На челѣ прекрасной-новобрачной
Былъ покровъ таинственно-прозрачный,

Но, при видѣ брачнаго вѣнца,
Жизнь сбѣгала съ гордаго лица,

И съ себя срывая покрывало,
Каждый разъ невѣста умирала...

И до нынѣ сходитъ въ міръ она,
Цѣломудріемъ своимъ защищена,

Оставаясь вѣчно во вселенной
Недоступной, чистой и нетлѣнной.

Д. Минаевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МЕЛОЧИ ДНЯ.

(*Критическая замѣтка о тенденціозныхъ писателяхъ.*)

I.

Литература конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, о которой осталось одно смутное воспоминаніе, идя рядомъ съ соціально-экономическими вопросами о государственныхъ преобразованіяхъ, вносила въ нашу жизнь знанія и теоріи, уже выработанныя европейской наукой и жизнью. Это было первое слово той мысли, которая серьезно стала на практическую почву и, отбросивъ пустую игру въ отвлеченныя и ни къ чему неприложимыя идеи, занялась вопросами насущными. Не только публицистическая статья и критика, но даже романъ и ученая диссертація стали служить интересамъ этой литературы. Добролюбовъ, пользуясь какими нибудь сочиненіями Марко Вовчка, неимѣющими особаго литературнаго значенія, писалъ о крестьянской реформѣ именно съ той стороны, съ которой необходимо было указать и очеловѣчить этотъ вопросъ; онъ писалъ о *темномъ царствѣ* Островскаго, чтобы указать обществу его повальную болѣзнь вѣками сложившагося самодурства; писалъ біографію Роберта Оуэна, чтобы показать исходы новаго экономическаго пути; онъ писалъ статью о Кавурѣ, объясняя разныя политическія уловки и шашни. Такимъ образомъ не было статьи, которая бы не имѣла въ виду того или другого общественнаго явленія и не стремилась бы осмыслить это явленіе въ глазахъ общества. Тутъ была задача самой жизни, ея настоящаго и будущаго, тутъ были ясно-обдуманныя цѣли, къ которымъ шли мыслящіе люди, стоявшіе во главѣ этой умственной дѣятельности.

И общество, предчувствовавшее наступающій экономическій переворотъ, инстинктивно угадывало силу влекущей его впередъ литературы и чутко прислушивалось къ каждому ея новому слову. Оно понимало, что пришло время выйдти изъ пассивнаго созерцанія безпечальныхъ грезъ и призраковъ и стать прямо на землю, гдѣ должна была начаться не безпечальная, но за то и не безплодная работа. А работы предстояло много, и мелочи дня не могли занимать серьезной мысли, устремленной къ общеевропейскимъ интересамъ. Обыденныя явленія для этой литературы были только поводомъ заговорить о предметахъ болѣе важныхъ. Притомъ для нея были не такъ важны самыя явленія, какъ причины ихъ, какъ факты и знанія, разъясняющія самыя причины; было важно не уродливое и порочное, или случайное и ненормальное, а устраненіе этого уродливаго и случайнаго. Въ этомъ собственно состоитъ задача литературы каждаго образованнаго народа. Но литература послѣднихъ годовъ не имѣетъ и признака чего нибудь подобнаго; это литература одного дня, самого пустого и даромъ прожитаго дня. Ее занимали одни видимыя, случайныя явленія; а выработанныя идеи и теоріи служили небольше какъ прокормомъ, эти идеи и теоріи были для нея только навязанныя и внѣшнія, въ которыхъ она заѣдала чужую мысль и чужія слова. Ей былъ важенъ не общій порядокъ всѣхъ явленій, а одно частное явленіе; она останавливалась надъ нимъ и занималась, напримѣръ, не вопросами молодого поколѣнія, а опредѣленіями слова нигилистъ, судила также этихъ нигилистовъ по однимъ внѣшнимъ, видимымъ признакамъ и даже судила о нихъ по одному явленію какого нибудь Кельсіева. Ее интересовало самое явленіе, но не отношеніе этого явленія къ другимъ окружающимъ его, ей важна была не существенная, внутренняя сторона этого явленія, а видимо-выдающіеся признаки его; по этимъ же признакамъ, съ готовой мѣркой въ рукахъ, она опредѣляла и все остальное. Отсюда каждая статья и каждое произведеніе объясняли свою задачу болѣе или менѣе удачнымъ заглавіемъ; самое же содержаніе было пусто и находилось внѣ всякой задачи. Отсюда же, т. е. по отсутствію содержанія, она ударилась въ тѣ предметы, которые не могли имѣть по отношенію къ дѣлу особеннаго значенія, ударилась въ мелочность и пріобрѣла всѣ качества, которыми обладаетъ преимущественно пустой и безсодержательный фельетонъ. Мелочные интересы или мизерныя цѣли сдѣлали печатное слово рабомъ текущаго дня; болтовня, сплетня и кле-

вета, громкія или жалостныи фразы стали непремѣнными его атрибутами. Каждый пишущій заботился о томъ, что занимало публику или читателя, а не о томъ, чѣмъ надо его занять, т. е. на что необходимо обратить его вниманіе. Всякій желалъ, главнымъ образомъ, угодить и быть на виду. Вслѣдствіе этого выискивались сюжеты болѣе раздражающаго или скандальнаго свойства; нахлѣбники этой литературы стремились на перерывъ за новостями, хватали ихъ гдѣ попало, единственно заботясь о бойкой и хлесткой манерѣ выраженія. Для приданія же серьезности этимъ балаганнымъ сюжетамъ обыкновенно привѣшивалась съ боку какая нибудь тенденція, долженствовавшая обозначать въ пишущемъ во-первыхъ, человѣка дѣла, т. е., что его горячность и бойкость происходятъ будто-бы вслѣдствіе его обдуманныхъ и цѣлесообразныхъ стремленій, а во-вторыхъ, человѣка, обладающаго нѣкоторой силой и убѣжденіями. Эти тенденціи, эти павлиныя перья, въ которыя рядилось каждое журнальное произведеніе и даже, пожалуй, каждая въ нихъ строчка, были тоже не больше, какъ хлесткость и бойкость,—въ нихъ не проводилась извѣстная идея и направленіе, а только хлесталось ему противуположное. И хлесткость эта пошла такъ въ ходъ и получила такія права, что каждый журналъ, каждая газета только и заботились о пріобрѣтеніи самого развязнаго и потѣшнаго шута. Шуты явились:—у Хана—Соловьевъ и Загуляевъ; у Корша—Незнакомецъ. Произвели-ли и могутъ-ли произвести они для журнала хоть одну дѣльную статью?—конечно, нѣтъ;—въ этомъ согласятся сами Коршъ и Ханы (нельзя не согласиться—факты очевидны); но и Коршъ и Ханы все-таки всей пятерней вцѣпились въ нихъ, такъ какъ внѣ этого букета, т. е. внѣ этой хлесткости, бьющей въ носъ публикѣ, нѣтъ, въ сущности, въ задачахъ и цѣляхъ ихъ ровно ничего, чѣмъ бы можно было заинтересовать и привлечь подписчика. Хлесткость пришлась по вкусу самой публикѣ: думать не о чемъ, дѣло выпало у нея изъ рукъ, — а литературные шуты звѣнятъ и развлекаютъ ее... Публика не только питается новостями, но тутъ передъ ней и скандалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ литература; тутъ она и наслаждается и не отстаетъ отъ вѣка, — она живетъ и точно будто думая выражаетъ свои симпатіи той или другой партіи. Правъ Кельсіевъ, говоря, въ своемъ «Пережитомъ и передуманномъ», что у насъ» все замѣтно перемѣнилось, что старики получили опять право голоса, что книжки, хотя и не потеряли совсѣмъ еще довѣрія, но ужь и не считаются авторитетомъ, и что вездѣ и

повсюду чувствуется одна только сдержанность и осторожность». Пошли опять въ гору мелкія, тупыя сужденія и страстишки, и всякій, топчась на одномъ мѣстѣ, старался прикинуться ужасно занятымъ. При такомъ повальномъ остолбенѣніи шуты получили полное право гражданства. Мысль въ литературѣ точно замерла, точно никого, ничто и никогда не возбуждало мыслить, и точно въ пережитыхъ явленіяхъ все уже было исчерпано, объяснено и не могло быть ничего для насъ поучительнаго и новаго. Такимъ образомъ глупость сдѣлалась какъ будто предметомъ соревнованія и грошовая популярность—высшимъ идеаломъ писателя. Самой выдающейся глупостію на этомъ сѣренькомъ фонѣ былъ Незнакомецъ.

Партіи, которыя составляла эта литература, были не больше, какъ безтолковые кружки, невидящіе ничего дальше своего носа; сегодняшніе друзья — они завтра закоренѣлые враги. Стебницкій кричитъ, выходя изъ «Отечественныхъ Записокъ»: Краевскій паукъ, который всѣхъ высасываетъ и, высасавъ бросаетъ, что сдѣлалъ и съ нимъ. — Эти партіи столкнулись во имя личныхъ интересовъ каждаго и во имя одного *своего собственнаго безсилія*. Нѣтъ силъ идти одному—сплачиваются вмѣстѣ и толкутся, незамѣчая, что не двигаются никуда, и что дѣла никакого не выходитъ и съ часу на часъ ожидается роковой день, когда уже никакія внѣшнія соединенія не помогутъ. Но онѣ и живутъ только интересами сегодняшняго дня и перебиваются этотъ день то тѣмъ то другимъ, что дастъ онъ. Понятно, что при подобныхъ столкновеніяхъ, кружки эти стремятся только перещеголять одинъ другого, и спорятъ, и негодуютъ, не вслѣдствіе несходныхъ мнѣній, а вслѣдствіе однихъ внѣшнихъ отличій; силятся подмѣчать другъ въ другѣ одни недостатки и дѣйствуютъ самымъ разлагающимъ образомъ и на себя и на все окружающее. Не разъ приходилось встрѣчать замѣтки о партіальности въ нашей литературѣ; и всѣ даютъ наставленіе держаться партіи, отбросивъ встрѣчающіяся мелкія недоразумѣнія между собой и имѣя главнымъ образомъ въ виду одну цѣль и одно общее дѣло. Но всѣ наставители забываютъ, что, во-первыхъ, наставленія ни къ чему не ведутъ, и что всѣ эти партіи связаны совершенно внѣ всякаго дѣла и внѣ всякой цѣли, безъ чего единство дѣйствія и энергія борьбы немыслимы. О нихъ поздно и заботиться,—конецъ этихъ партій, какъ кажется, настаетъ, и надо хлопотать о чемъ нибудь посущественнѣй; партіи же эти—это мелочи дня, это одна оставшаяся вывѣска, подъ которой укрывались только нищіе духомъ.

Кромѣ общихъ свойствъ, указанныхъ выше, мы разсмотримъ те-

перь тѣ элементы, которые послужили главнымъ источникомъ этой пустой, безсодержательной и хлестко-газетной литературы. Скажемъ нѣсколько словъ о партіи либеральной, а затѣмъ перейдемъ къ первенствующей партіи обиженныхъ и свергнутыхъ. Обиженныхъ, какъ извѣстно, новыми теоріями и идеями, было много. Обижены были старые порядки, старые идеалы, стремленія и, наконецъ, старые дѣятели и ихъ дѣятельность. Все это, какъ только явилась возможность за что нибудь ухватиться, поднялось на ноги, заговорило, но, какъ обиженное и обезсиленное, заговорило такимъ языкомъ и занялось такими предметами, которые запугивали только несмыслящихъ (мы знаемъ, однако, что вслѣдствіе этого запугиванья произошло) и затѣмъ дали обильную пищу фельетонной сообразительности и разнымъ умозрѣніямъ журнальныхъ видоковъ. Далѣе мы собственно и будемъ имѣть въ виду эти предметы и ихъ развитіе.

II.

Послѣ перваго произведенія Тургенева «Отцы и дѣти», всѣ его другія произведенія, какъ-то: Писемскій, Ключниковъ, Стебницкій, Авенаріусъ и т. д., хотя были не больше, какъ вечерней жертвой, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе «непредвидѣнныхъ обстоятельствъ» и вслѣдствіе причинъ, которыя мы отчасти указали и укажемъ еще далѣе, сдѣлались предметомъ общаго вниманія.

Интересъ съ самаго начала произошелъ, понятно, вслѣдствіе другого интереса, вслѣдствіе того, что они объявили себя противниками той замолкшей литературы, которая невольно уступила свое мѣсто благодушному гаерству; во-вторыхъ, потому еще, что имя избранъ былъ для мишени самый чувствительный предметъ дня, — они накинулись на новыхъ людей, явившихся какъ бы олицетвореніемъ этой замолкшей литературы. Каждый, конечно, хотѣлъ знать, что такое новые люди, что скажутъ въ опроверженіе новыхъ теорій и чѣмъ собственно покажутъ ихъ несостоятельность. Послѣднее интересовало, вѣроятно, немногихъ и любопытствовали больше всего о новыхъ.

Мы скажемъ сперва два слова о г. Тургеневѣ, открывшемъ дорогу и всѣмъ остальнымъ, мы напомнимъ читателю, что Тургеневъ обратился къ новымъ людямъ еще въ повѣсти своей «Наканунѣ»; еще

тамъ пытался онъ нарисовать отцовъ и дѣтей. Въ Еленѣ, Берсеньевѣ, Шубинѣ, въ «черноземной силѣ» и т. д., въ ихъ разговорахъ и отношеніяхъ онъ намѣчалъ уже нѣкоторые штрихи: въ Еленѣ, съ ея институтской любовью къ народу, съ ея увлеченіями въ разсужденіяхъ о политическихъ дѣлахъ и съ ея страстью къ выходу изъ настоящаго соціальнаго положенія, и въ Инсаровѣ, въ этомъ таинственномъ, холодномъ и неприступномъ политическомъ героѣ, бросающемъ нѣмцевъ за ногу въ лужу, вы уже ясно видите начатки поисковъ за современными людьми и желаніе представить ихъ въ карикатурномъ видѣ. Тургеневъ только удовлетворяетъ общему любопытству, стремится сообщить хоть внѣшнимъ образомъ новыя явленія и передать современныя страсти. Типъ Елены рисуется имъ довольно живо, и это единственно то, что ему удалось и къ чему онъ отнесся вполнѣ осмысленно; но за то Берсеньевъ, Шубинъ представляютъ молодость далеко ужь не современную, молодость минувшей эпохи, а объ Инсаровѣ нечего и говорить... Въ «Отцахъ же и дѣтяхъ» — въ этомъ праотцѣ антинигилистическихъ романовъ, Тургеневъ ринулся всѣми помыслами на изображеніе во всѣхъ видахъ *новыхъ людей*. Онъ придумалъ имъ новое названіе «*нигилистъ*», поставилъ ихъ въ параллель для сличенія съ отцами, т. е. съ *старыми людьми*, подогналъ сюда фактъ увлеченія того времени естественными науками; однимъ словомъ, человѣкъ сдѣлалъ, казалось, все, чтобы изобразить этихъ людей, но въ концѣ концовъ новаго, однако, оказалось очень мало и даже совсѣмъ ничего. Въ Базаровѣ, въ его другѣ Аркадіѣ, въ Кукшиной явились давно извѣстныя страсти и пороки, тѣ же чувства развращеннаго барства, къ изображенію которыхъ достаточно всѣ приглядѣлись въ его же романахъ и повѣстяхъ. Базаровъ, — этотъ по всѣмъ пріемамъ армейскій прапорщикъ и преимущественно, по понятіямъ автора, новый человѣкъ, вышелъ непохожимъ на армейскаго прапорщика только потому, что названъ студентомъ, а главное рѣжетъ лягушекъ и на естество смотритъ, какъ на естество.

Случайно схваченные разговоры и случайно подмѣченныя явленія — это весь капиталъ, какимъ Тургеневъ обладалъ и съ полученіемъ котораго взялся за изображеніе типа. На этомъ основаніи, какъ Инсаровъ вышелъ кукольнымъ героемъ изъ древней комедіи, такъ и Базаровъ, съ окружающими его, небольше, какъ карикатура, и карикатура на поколѣніе людей старыхъ. Доказывать это очень скучно. Но пусть припомнитъ читатель образъ Базарова, кото-

рый, вмѣсто того, чтобы быть спокойнымъ и ровнымъ въ отношеніяхъ къ отцу и къ матери, какъ должно бы быть по общей обрисовкѣ безчувственнаго Базарова, и какъ это, видимо, хотѣлъ сдѣлать авторъ, — Базаровъ дерзокъ и неучтивъ, а своей ученостью походитъ на какого-то вернувшагося домой семинариста; отношенія его къ пріятелю Аркадію похожи на отношенія къ какому-то насѣкомому; на балу Базаровъ рисуется точно петербургскій левъ, а передъ Одинцовой онъ визжитъ, какъ кобель. Что же это такое за комическое чучело: и семинаристъ, и армейскій прапорщикъ, и петербургскій левъ и тутъ же грубъ, запосчивъ, безчувственъ, страстенъ, какъ мышиный жеребчикъ, и вдобавокъ ко всей картинѣ, это чучело шагаетъ молча по болотамъ и рѣжетъ лягушекъ?.. Если это карикатура, то карикатура натянутая, придуманная и очень плохая.

Тѣмъ не менѣе, эта карикатура удовлетворила интересамъ дня, вошла въ моду и, вслѣдъ за ней, потянулась цѣлая процессія разнокалиберныхъ уродовъ, раздѣленныхъ на двѣ фаланги — на отцовъ и дѣтей.

Либеральные романисты, плохо понимая новыя идеи и теоріи, плохо знакомые съ дѣйствительною жизнію, не могли удержать этого грязнаго прибоя карикатуръ и пасквилей. Все, что они могли дѣлать — это списывать новыхъ людей съ даннаго имъ образца и повторять одно и тоже явленіе на разные мотивы. Карикатурамъ были противупоставлены какіе-то таинственные герои, совершенные ангелы другого міра и другого устройства. Они не сообразили, что вмѣстѣ съ новыми людьми ростутъ и новые уроды, что новая жизнь много заимствовала безобразныхъ формъ отъ старой жизни, и наконецъ, сама по себѣ, имѣетъ очень много недостатковъ, очень много недозрѣлаго, неуложившагося, неопредѣленнаго, смѣшного. Но ихъ, въ этомъ случаѣ, повидимому, страхъ одолѣлъ, и одолѣлъ страхъ на томъ основаніи, что они боялись просто провраться противъ теорій, которыхъ не понимали и противъ жизни, за явленіями которой не слѣдили. Они составили себѣ понятіе о ней только по двумъ или тремъ случайнымъ явленіямъ, сущности которыхъ также не подмѣтили и не сопоставили съ окружающимъ. Вглядываться, вдумываться и изучать жизнь они не задавали себѣ труда, они только нападали, страдали, восхваляли и защищали. Нападали на старую жизнь и страдали отъ старой жизни, а восхваляли и защищали новую. Нападали, конечно на роскошь, изящество, на затѣи, и, какъ на слѣдствіе ихъ, на раз,

вратъ и тунеядство. Говоря о роскоши, авторъ относился съ презрѣніемъ къ мягкимъ коврамъ, серебрянымъ самоварамъ, далѣе же этого ничего не видѣлъ, и сущность зла у него разоблачалась тѣмъ, что какая-нибудь дѣвушка, безъ сомнѣнія, невинное и прелестное существо, чуть не гибла, вкушая эту роскошь, а авторъ страдалъ, говоря: «героиню мою окружало богатство и стала она *украшеніемъ гостиной* (украшеніемъ гостиной авторъ подчеркивалъ), роскошнымъ *цвѣткомъ* («цвѣткомъ» подчеркивалъ), требующимъ для своей поддержки по нѣскольку тысячъ ежегоднаго ремонта, и перестала быть *человѣкомъ* («человѣкомъ» подчеркивалъ нѣсколько разъ и ставилъ многоточіе). Чуть только героиня вкушала роскошь—авторъ страдалъ, а героиня гибла; чуть героиня пронюхивала, что главное назначеніе женщины «*приносить пользу*», она вдругъ спасалась, а авторъ восхвалялъ и умилялся. Двигателемъ перерожденія былъ молодой человѣкъ, по понятіямъ автора, разумѣется *новый*, который, грозно, изподлобья озпрясь на весь міръ, все молчалъ, а если и говорилъ, то произносилъ только «трудъ.... трудъ.... и трудъ.» Въ немъ самымъ наивнымъ образомъ постоянно пародировался Рахметовъ, и авторъ видимо воображалъ, что онъ сводитъ типъ Рахметова съ идеальной высоты на чисто-жизненную почву... Мы помнимъ, какъ въ одномъ нескончаемомъ романѣ одинъ такой герой, впродолженіи всего романа, только и говорилъ: «женщины наши хотятъ быть независимы, а единственный путь къ независимости—это работа. По моему, все спасенье женщины — въ трудѣ, въ экономической производительности, по моему, главное назначеніе женщины—приносить пользу»; далѣе онъ негодовалъ, подобно автору, на женщинъ-мотыльковъ и ужасающимъ, свирѣпымъ голосомъ произносилъ: «благоговѣйте же предъ этими женщинами (т. е. предъ женщинами-мотыльками), а я... а я... да, я ихъ презираю, какъ и всякаго паразита, живущаго на чужой счетъ и даромъ заѣдающаго чужой хлѣбъ...»

Все это, безъ сомнѣнія, казалось автору необыкновенно сильнымъ и необыкновенно вразумительнымъ. Тенденція ясна: серебряный самоваръ—это мать всѣхъ пороковъ, а презрѣніе къ мягкому ковру — мать всѣхъ добродѣтелей. И искренно-сердечная забота автора или авторовъ такихъ тенденціозныхъ писаній единственно и заключалась въ проведеніи подобныхъ тенденцій. Они также старались защищать новыхъ людей противъ партіи, глумившейся надъ ними, но защищали, резонерствуя, какъ и ихъ герои, — защищали скучно и фразисто. Конечно, судя строго, все это были не-

больше, какъ невинныя забавы, гдѣ смѣшно и подозрѣвать что нибудь вредное и возмутительное; но безсиліе и безсмысліе такихъ тенденцій, надо сознаться, заѣдали только чужую мысль и чужія слова.

Соціальнаго положенія новыхъ людей, не героевъ, а тѣхъ людей, которые могутъ служить типомъ цѣлой массы, какъ, напримѣръ «Братъ и сестра», въ неоконченномъ романѣ Помяловскаго, тенденціозные авторы точно не замѣчали, будто игнорировали. Впереди себя и за собой имъ мерещились въ новой жизни только одни герои,—и герои только сильные и всепобѣждающіе, такъ что даже и самая жизнь въ Россіи, судя по той легкости и простотѣ, съ которой эти герои побѣждали ея трудности, казалась, по роману, во всѣхъ отношеніяхъ очень и очень удобной. Умираетъ, напримѣръ, дѣвушка отъ голода, не находя нигдѣ работы а герой ей и говоритъ: «это все потому, что надо было раньше узнать экономическія условія страны... Я самъ былъ въ такомъ положеніи, но скоро понялъ въ чемъ дѣло». Въ чемъ-же дѣло, ни герой, ни авторъ конечно не знаютъ и не скажутъ. Понятно, что пустота во всемъ этомъ слышалась крайняя, и стоило только снять драпировку авторскихъ описаній и разсужденій, какъ герой выходилъ чуть не шутомъ или чурбаномъ. Между тѣмъ, такъ называемые новые люди или новое поколѣніе во многомъ рѣзко отошло отъ старой жизни и, вызывая во всѣхъ мыслящихъ людяхъ сочувствіе, представляло въ дѣйствительности совершенно своеобразный типъ. Но вмѣсто сочувствія, которое дало возможность Помяловскому обрисовать своихъ героевъ со всѣми достоинствами и недостатками, у авторовъ тенденціозныхъ романовъ явилось восхваленіе; вмѣсто снимка съ дѣйствительности, они стали основывать романъ или повѣсть на какой нибудь скорбной тенденціи; вмѣсто жизненной идеи пустились полемизировать, и не могли, такимъ образомъ, выяснить не только какой нибудь оригинальной черты изъ явленій новой жизни, но не могли придумать даже и постановки инымъ способомъ вопроса о новыхъ людяхъ, какъ только кто лучше — старые или новые люди? Буквально на этотъ вопросъ только и отвѣчали, въ немъ одномъ была вся ихъ задача. Отсюда понятно, что эта однообразная игра, неимѣющая въ себѣ ни силы, ни мысли, не удовлетворяла интересамъ публики, не могла занять ее, и публика, читая романъ за романомъ, хотя смутно, но сознавала въ каждомъ изъ нихъ небольше, какъ варіаціи на извѣстную тему, но не видѣла ничего новаго и жизненнаго. А новое и осо-

бенное публика любитъ И, вотъ, въ этомъ случаѣ, романисты противоложной партіи, такіе романисты, какъ Писемскій, Стебницкій, Авенаріусъ и tutti quanti поступали, повидимому, съ гораздо большимъ знаніемъ дѣла. Они пошли дальше своего прародителя Тургенева и, удовлетворяя интересамъ дня, изобрѣтали одного урода за другимъ, не стѣсняясь никакими законами литературнаго приличія. Такъ, послѣ всеотрицанія и безчувственности, изобрѣтенныхъ чувствительнымъ писателемъ Тургеневымъ, послѣ безчувственности, которая была слишкомъ нѣжна, деликатна и даже слаба въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ ходили въ публикѣ разные смутные толки и чего ждали въ изображеніи новыхъ людей, — послѣ этого первый Писемскій сказалъ новое слово и употребилъ этотъ матеріалъ въ дѣло самаго отчаяннаго разврата, цинизма и грязи. Однакоже и у Писемскаго это были только цвѣточки,—послѣ него, кромѣ цинизма непмѣвшаго и неимѣющаго ничего уже себѣ подобнаго, цинизма Авенаріуса, пашелся писатель, который шагнулъ далѣе и изобрѣлъ политическое преступленіе, заговорщиковъ, измѣну отечеству, другой, дополняя его, открылъ уголовное преступленіе—убійство, третій поджигателей, и такъ куча росла и росла съ каждымъ романомъ, а затѣмъ подбирались остатки отъ нея такими писателями, какъ Стебницкій. Эти писали уже романы подъ разными заглавіями на тему «Некуда», и сваливали, какъ въ яму, всѣ нечистоты всего предъидущаго.

Но надо замѣтить, что, вмѣстѣ съ ужасами или внѣ ихъ и внѣ интересовъ минутныхъ, изобрѣтательные писатели не забывали постоянные интересы и страсти большинства публики: они рисовали ей разные скандалы и наркотизировали ее разными соблазнительными картинками, въ родѣ жидовскихъ картъ съ свѣтовыми изображеніями. Они, разумѣется, вполнѣ вѣрно разсчитали, что тенденція, новость сюжета и любопытство публики само по себѣ, а постоянныя ея страсти—это больше всего и главнѣе всего. Впрочемъ здѣсь, быть можетъ, съ ихъ стороны и не было никакого умысла, и они только сошлись въ свойствахъ съ большинствомъ публики, которая, какъ будто испугалась, что золотой вѣкъ самодурства можетъ серьезно кончиться для всѣхъ отцовъ...

III.

Писемскій, Клюшниковъ, Стебницкій и другіе изъ партіи, глумившейся надъ новыми людьми, также, въ свою очередь, какъ и либеральные писатели восхваляли и защищали, страдали и нападали, но уже совершенно обратно; такъ что какой нибудь чиновникъ Вязмитиновъ (изъ романа «Некуда») былъ героемъ-спасителемъ, какая нибудь барыня—деревяшка Евпраксія (изъ романа «Взбаломученное море»)—героиней идеала, а развратниками, мошенниками, взяточниками, пустозвонами, говорунами и всѣмъ, чѣмъ хотите, это были уже люди новые. Вмѣсто-же серебрянаго самовара и мягкаго ковра, презрительное отношеніе являлось по поводу грязныхъ воротничковъ, книжекъ Современника, Русскаго Слова и занятій естественными науками. Однакоже самая замѣчательная особенность этихъ писателей состояла въ томъ, что каждый изъ нихъ задавался самой широкой задачей и писалъ всегда для потомства (См. Писемскаго «Взбаломученное море», эпилогъ Стебницкаго, томъ I, стр. 389). Писемскій, клеймя сатирой, какъ онъ вѣроятно думалъ, базаръ житейской суеты, хотѣлъ представить для историка, по его мнѣнію, въ эпилогѣ, полную картину современнаго быта, т. е. и внутреннія государственныя реформы, и политическія, общественныя понятія и взгляды (чѣмъ г. Тургеневъ въ »Отцахъ и дѣтяхъ» еще не задавался), и стремленія къ наукѣ, ограничивавшіяся, по его наблюденіямъ, чтеніемъ царя Никиты «для опозиціи русскому правительству» (слова Елены въ «Взбаломученномъ морѣ»!), и литературу, шпигующую молодежь съ одной стороны фразами, а съ другой, берущую за обличительныя статейки взятки съ откупщиковъ; и классы общества чиновнаго, и помѣщичьяго, и крѣпостнаго и стараго, и молодого. Новые люди въ лицѣ Бакланова, Басардина, Сабакѣева, Елены, представляютъ также всѣ степени новыхъ, т. е. и старо-новыхъ, и ново-новыхъ, новѣйшихъ и только что народившихся. Изъ только-что народившихся—это съ грязными воротничками и съ царемъ Никитой, въ гражданскій бракъ вступающая Елена; остальные же новые дѣлятся еще, кромѣ того, и по родамъ оружія, состоянія и даже племени; такъ Баклановъ—новый изъ помѣщи-

чества, Басардинъ—новый изъ арміи, Сабакѣевъ — новый изъ учащихся, Никтополіановъ — новый изъ чиновничества и, наконецъ, гимназисты Галкины—новые изъ евреевъ. Направленія собраны со всевозможными оттѣнками и видами,—есть чисто-либеральное, полу-либеральное, либерально-идеальное, идеально-реальное, Баклановъ — либералъ-идеалистъ, Сабакѣевъ—идеалистъ-реалистъ и т. д. Либералъ-идеалистъ любитъ, конечно, поэзію, преслѣдуетъ взятки и не можетъ служить; идеалистъ-реалистъ отрицаетъ поэзію, и создаетъ теорію, на основаніи которой намѣренъ произвести въ Россіи переворотъ;, другіе обозначены такимъ-же порядкомъ и авторъ нигдѣ не заходитъ далѣе подобнаго обозначенія, далѣе такихъ положеній. Очевидно, что весь сумбуръ, перемѣшавшійся въ головѣ необразованнаго и тупого человѣка, составленъ по однимъ мелочнымъ, минутнымъ впечатлѣніемъ и по ходячимъ толкамъ. У г. Стебницкаго въ «Некуда» такая-же тенденціозная задача и таже самая безолаберщина. Такъ, типы новыхъ людей у Писемскаго, у Стебницкаго, какъ и у другихъ, только списывались или дописывались по одному образцу, данному Тургеневымъ и также, какъ у либеральныхъ романистовъ, не носятъ въ себѣ и тѣни живыхъ личностей. Въ манекенахъ новыхъ людей у Стебницкаго изображены всѣ человѣческія качества, въ нѣсколькихъ десяткахъ этихъ манекеновъ собраны люди и чувствительные и безчувственные, ученые и глупые, порочные и добродѣтельные. Но при всемъ томъ Стебницкій ухитрился такъ художественно обтесать своихъ героевъ, превратить ихъ въ такія безличныя деревяшки, что всѣ они вышли на одно лицо: добрые и глупые все тѣ-же, что и умные и безчувственные; Розановъ такой же, какъ и Лиза, и Лиза такая-же какъ Полина, и Вязмитиновъ такой, какъ и Розановъ, Ступина, Райнеръ, только Розановъ—нигилистъ съ бакенбардами, а Лиза нигилистъ безъ бакенбардовъ; и всѣ они отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ и носятъ названіе новыхъ людей только потому, что говорятъ и стоятъ или за нигилизмъ или противъ нигилизма.

Однимъ словомъ, это не болѣе какъ извѣстнаго рода чучелы, набиваемыя романистомъ какъ попало и набиваемыя извѣстнымъ только снадобьемъ для выраженія опять-таки извѣстныхъ тенденцій. У г. Писемскаго еще нѣсколько выдержаны характеры, но у г. Стебницкаго и другихъ вы даже и этого не встрѣтите. Возьмите вы любого героя изъ романа «Некуда»; что это такое, какъ не набитое чучело, окруженное десяткомъ другихъ подобныхъ ему болвановъ?—

Что такое, напримѣръ, Бѣлоярцевъ—онъ и плутъ, и мошенникъ, и дармоѣдъ, и лгунъ, и глупъ, глупъ до невозможности, глупъ до того, что его не только сбиваетъ на первыхъ порахъ и на первыхъ словахъ неопытная и не особенно далекая деревенская барышня Лиза, но заставляетъ его даже бояться себя и заискивать. А Бѣлоярцевъ, по общему описанію, идеалъ всего окружающаго и всѣ его чтутъ. Бѣлоярцевъ завѣдуетъ домомъ ассоціаціи; всѣ ему поклоняются, онъ всѣмъ распоряжается, всѣхъ третируетъ несравненно хуже, чѣмъ Базаровъ своего друга Аркадія. Но однако при отчетѣ Бѣлоярцева обществу о денежныхъ счетахъ ассоціаціи, вы встрѣчаете не разъ такого рода сцены:

«Бѣлоярцевъ сложилъ свой отчетъ и всталъ съ своего мѣста.

— Мм... ну, а что-же вторая половина отчета? освѣдомился не оставляя стула Кусицынъ.

— Отчетъ конченъ.

— Мм.... а гдѣ-же доходы ассоціаціи?

— Какіе-же еще доходы?

— Ну, прибыль отъ труда?

— Да, это самое интересное,—отозвался Красинъ.

— Какая-же, господа, прибыль? Теперь еще нѣтъ сбереженія.

— Мм.... ну, а что-же въ кассу поступило?

— Да, вотъ, семдесятъ пять рублей поступаетъ въ возвратъ.

— Менъ, ну, а остатки отъ вашего заработка?

— Какъ отъ моего заработка!

— Ну, да, отъ заработка. Вы сколько заработали въ теченіи этого мѣсяца!

— Я?

— Мм..... ну, да, вы.

— Я..... я право не считалъ.

— Ну, какъ-же —это надо считать.

— Позвольте, для чего-же это считать.

— Мм..... ну для того, чтобы знать, что поступаетъ въ общую кассу прибылью.

Бѣлоярцевъ затруднялся.»

Въ этихъ *мм*, *ну* и въ новомъ еще какомъ-то звукѣ *менъ* вы чувствуете, что окружающіе Бѣлоярцева не особенно хорошаго о немъ мнѣнія, и ловятъ его точно мошенника при допросѣ. Далѣе же, въ продолженіи разговора, вы слышите защиту Бѣлоярцева и приговоръ его поклонниковъ въ слѣдующемъ родѣ:

Бѣлоярцевъ говоритъ: «позвольте, господа, я думаю, что никому

изъ насъ нѣтъ дѣла до того, какъ кто поступаетъ съ своими собственными деньгами. Позвольте, вы, если я понимаю, не того мнѣнія о нашей ассоціаціи. Мы только складываемся, чтобы жить дешевле и удобнѣе, а не преслѣдуемъ другихъ идей.

— Менъ! Ну, такъ это значитъ все пустое дѣло стало,—я думалъ, что весь заработокъ складывается вмѣстѣ, и изъ него общій расходъ: вотъ это дѣло достойное вниманія.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то.....

— Менъ,—ну да: это значитъ у васъ общія комнаты съ общимъ столомъ».

Изъ этого небольшого отрывка, которымъ мы и ограничимся въ описаніи понятій, жизни и типа новыхъ людей, по усмотрѣніямъ романистовъ-инсинуаторовъ, вы можете видѣть, до чего у нихъ смутны представленія объ этихъ людяхъ, и до чего они направлены исключительно въ одну сторону клеветы и презрѣнія, до чего также, вслѣдствіе непониманія новыхъ теорій и идей, не ладится одно положеніе съ другимъ и пинаправливается только въ отдѣльныхъ сценахъ и въ отдѣльныхъ фразахъ. Бѣлоярцевъ глупъ и подлъ (разумѣется на томъ основаніи, что изображенъ идоломъ нигилистовъ и главнымъ послѣдователемъ новыхъ теорій), не пользуется, какъ мы видѣли, хорошимъ мнѣніемъ у нигилистовъ (это, конечно, противорѣчитъ остальному, но авторъ, видимо, только старался представить какъ можно ярче подлость Бѣлоярцева, и сказать, что даже почитатели и поклонники не переваривають его пошлости и возмущаются), но при всемъ томъ сначала и до конца онъ руководитъ ассоціаціей и стоитъ во главѣ ея. Ассоціаціи по мнѣнію Стебницкаго, вздоръ и устраиваются только взбалмошными нигилистами. Самую сущность ассоціаціи Стебницкій понимаетъ не лучше, чѣмъ какой нибудь киргизъ, котораго не коснулась ни современная наука, ни даже общественное движеніе Россіи. Онъ слышалъ звонъ, но не знаетъ, откуда онъ.

Домъ ассоціаціи у Стебницкаго самый многознаменательный фактъ, которымъ онъ желаетъ побить новыя теоріи и показать ихъ несостоятельность; Бѣлоярцевъ же самый отпѣтый нигилистъ, и въ немъ собраны всѣ главные лучи нигилизма. Но, спрашивается, неужели, нападки, основанныя на томъ, что мошенники и плуты, въ родѣ Бѣлоярцева, пользуясь новыми теоріями и идеями, примѣняютъ ихъ въ безсмысленномъ обществѣ по-своему, —неужели это можетъ служить доказательствомъ несостоятельности самихъ теорій, и неужели

обманъ и подлость—отличительныя черты новыхъ людей?—Хорошие же отцы, воспитавшіе такихъ дѣтей. Но отцы у Стебницкаго вездѣ чудеснѣйшіе люди, а Писемскій о новыхъ людяхъ говоритъ: «Они плоть отъ плоти нашей; кость отъ костей нашихъ. То, что мы дѣлали, крадучись, чему потихоньку симпатизировали, они возвели въ принципъ, въ систему; это наши собственныя сѣмена, только распустившіяся въ букетъ». Выходитъ, стало быть, что дѣти отличнѣйшіе люди или, по крайней мѣрѣ, честные и смѣлые—*«то, что отцы дѣлали потихоньку и крадучись, они дѣлаютъ открыто»*. Между тѣмъ въ такихъ характеристикахъ, какъ характеристика Бѣлоярцева, и у Писемскаго заключаются всѣ изображенія новыхъ людей, и у него новые люди также, все, что ни дѣлаютъ—дѣлаютъ пошло и гадко.

Такимъ способомъ ожесточенно нападая, авторы увлекаются этимъ ожесточеніемъ, и, кромѣ того, путаются въ несообразностяхъ, какъ мы это видимъ изъ приведенныхъ фактовъ, и бьютъ иногда самихъ себя своей же палкой. При описаніи дома ассоціаціи, Стебницкій ругается, глумится, употребляетъ всевозможныя средства, чтобы показать безтолочь, гнусность и глупость, какъ ассоціаціи, такъ и ея учредителей и затѣмъ, желая окончательно сразить, рисуетъ разрушеніе этой ассоціаціи, и разрушеніе вслѣдствіе будто бы несостоятельности самихъ теорій и ихъ послѣдователей. Несостоятельность, однако, доказывается только на словахъ и притомъ такъ неловко, что въ концѣ концевъ, помимо желанія автора, выходитъ совершенно противное тому, что желаетъ авторъ доказать. Ясно и убѣдительно выходитъ только одно, что авторъ хорошо знакомъ съ плутнями такихъ героевъ, какъ Бѣлоярцевъ.

Внѣ общей канвы, устраиваемой обыкновенно романистами на погибель всему молодому поколѣнію и выставляемой яснѣе всего на виньеткѣ романа, какъ это и сдѣлано при отдѣльномъ изданіи «Некуда», — гдѣ просто нарисована скала, за ней міру конецъ; на краю скалы сидитъ монахиня; одна нигилистка взываетъ къ небу, а другую сводитъ со скалы чиновникъ съ портфелемъ (спаситель Вязмитиновъ), что обозначаетъ, что идти было *некуда* и надо было прибѣгать къ спасенію—возвращаться назадъ; – внѣ этого, самаго назидательнаго мѣста въ романѣ, романистъ преслѣдуетъ нигилизмъ и ругаетъ нигилистовъ при каждомъ удобномъ случаѣ и при каждомъ удобномъ слонѣ. Описываетъ ли онъ природу, говоритъ ли о баранахъ или о лошадяхъ, не преминетъ лягнуть новыхъ людей, новыя теоріи, какъ бы это не кстати ни было.

Изъ описанія у Писемскаго тройки, въ которой коренная плохо везетъ:

«*На подобное неравенство въ распредѣленіи труда* сидѣвшій кучеръ задѣльный мужикъ Потапъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія». Такимъ образомъ мужикомъ Потапомъ побиваются новыя теоріи.

Изъ описанія вечера у Стебницкаго:

«Набережная ракита смотритъ горою и запоздалая овца, торопливо пробѣгающая по разошедшимся половицамъ моста, такъ хорошо и такъ звучно стучитъ своими копытами, что никакъ *нехочется вѣрить, будто есть люди, равнодушные къ красотамъ природы*» — Поразилъ равнодушныхъ къ красотамъ природы нигилистовъ.

Изъ описанія утра:

«Въ сторонѣ отчетисто и звучно застучатъ зубами лошади, *чешущіяся по законамъ взаимнаго вспоможенія*».—Обругалъ стремленіе новыхъ людей объяснять все естественно-научнымъ способомъ.

Описываетъ также Стебницкій какого-то Пизанскаго и говоритъ: «Пизанскій всѣми былъ почитаемъ за человѣка годнаго на все и повсюду, и дѣйствительно онъ только не годился развѣ въ *чиновники, да въ герои романовъ, сочиняемыхъ нигилистами или чиновниками, что, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ одно и тоже*».

Продолжать выписывать примѣры подобныхъ пошлостей невозможно, — ими переполнена каждая почти страница. Такимъ же точно пріемомъ и какъ-бы всколзь указываются причины могущихъ быть заговоровъ, революцій; причины, могущія породить неповиновеніе, неуваженіе; причины, наконецъ, вслѣдствіе которыхъ явились будто-бы новые люди и политическіе преступники. И все это сообщается съ самоувѣренностію капитана Копейкина; уличная сплетня, подслушанная у городоваго, новость, принесенная кухаркой съ рынка, собственная нелѣпая выдумка автора — все это даетъ матеріалъ романисту-инспиуатору. Всѣ его пять чувствъ какъ будто только къ тому и направлены, чтобы подсматривать, подслушивать и потомъ излагать это въ формѣ романа. Описываетъ авторъ, напримѣръ, моментъ безобразнаго одуренія своей героини (нигилистки), ея нелѣпыя стремленія или отчаянье и тутъ же прибавляетъ, что въ комнатѣ героини стоялъ такой-то бюстъ, висѣли такіе-то портреты, а на полкахъ этажерки лежали истрепавшіяся книжки Современника, Русскаго Слова, Милль, Льюисъ, Фогтъ и т. д. (см. Авенаріуса). Заставитъ авторъ говорить свою героню какія нибудь страшныя слова и тутъ же,

устами благонамѣреннаго героя отвѣчаетъ ей: «Господи, гдѣ вы этихъ фразъ нахватали? Васъ, вѣроятно, всѣмъ этимъ напичкала наша литература? (см. Писемскаго). За подобными мелочами слѣдовало дополненіе къ нимъ, которое уже не могло пройти для читателя незамѣченнымъ и которое освѣщало ему путь въ продолженіи всего романа. Дополненія эти бывали разныхъ родовъ, но большею частью въ такомъ видѣ: «Попробовали, говоритъ Стебницкій, они (т. е. новые люди) бороться съ правительствомъ, — видятъ, — кусается; ну, вотъ теперь другое выдумали. Дѣло точно безопасное. Чтожъ, развратъ вездѣ терпится, подъ весьма различными формами, только зачѣмъ же изъ него дѣлать какое-то общественное служеніе. Любви у насъ и такъ нѣтъ, женщинъ мы всегда умѣли перемѣнять, трудиться серьезно никогда не умѣли, дѣтей также прикидывали на долю одной матери, либо на заботы опекунскаго совѣта; зачѣмъ же все это формулировать въ какую-то революцію».

Не базарныя ли это сплетни и толки, и неясно ли, что нападающіе готовы пользоваться каждымъ нелѣпымъ слухомъ, который, идя въ толпу, всегда разростается и принимаетъ чудовищные образы? Впрочемъ такой способъ умозаключеній и нападеній, почерпнутыхъ изъ моря житейскихъ дрязгъ, совершенно въ характерѣ фельетоннаго писаки, торопящагося всегда передать поразительный фактъ. Онъ напоминаетъ фельетоны Стебницкаго въ «Сѣверной Пчелѣ» по поводу бывшихъ тогда пожаровъ. Стебницкій, въ настоящемъ изданіи своихъ сочиненій, въ статьѣ «Русское общество въ Парижѣ» говоритъ, что это была гнусная клевета на него и что поджигателями онъ студентовъ не называлъ. И дѣйствительно, Стебницкій правъ; дѣйствительно, онъ ихъ поджигателями не называлъ, но прося и умоляя петербургскую полицію открыть поджигателей, онъ упомянулъ о народномъ слухѣ про студентовъ, и упомянулъ, какъ бы защищая студентовъ отъ этихъ слуховъ, — упомянулъ вскользь, но именно такъ, что по бывшему тогда общему настроенію и по ходившимъ въ городѣ самымъ нелѣпымъ слухамъ о студентахъ, каждый читающій прямо могъ остановится на защитѣ Стебницкаго, какъ на тайномъ или косвенномъ указаніи. Очень можетъ быть, что это вышло неумышленно и, больше, такъ сказать, по дурости написавшаго; но тѣмъ не менѣе характеръ такой фельетонной дурости зашелъ слишкомъ далеко и инсинуація возъимѣла свою силу, какъ совершенно ясная для каждаго. Такими инсинуаціями разрисованы всѣ картины романа «Марево», «Взбаломученнаго моря», «Некуда» и

другихъ. Писемскій желая произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на читателя, составилъ послѣднюю картину романа изъ самыхъ страшныхъ пронзшествій: тутъ одни молодые люди ходятъ по Россіи и бунтуютъ народъ, другіе составляютъ за границею заговоръ, везутъ въ Россію прокламаціи и въ концѣ концовъ зарево отъ петербургскаго пожара. Если вы, читатель, при такого рода иллюстрировкѣ припомните текстъ «Московскихъ Вѣдомостей», то вы вполнѣ убѣдитесь,что романы эти отъ строки до строки были не больше, какъ иллюстраціей московской филиппики и иллюстраціей самой неискусной и самой топорной работы. Но ничего другого этимъ романистамъ и не оставалось,—причины мы объяснимъ въ послѣдней главѣ.

IV.

Теперь вслѣдъ за разобранными по порядку качествами клеветы, сплетни, злословія и инсинуаціи, скажемъ два-три слова о той фельетонной мелочности, въ которой тенденціи наконецъ сводятся чисто къ однимъ внѣшнимъ, безцѣльнымъ стремленіямъ, къ удовлетворенію разныхъ пошленькихъ поползновеній чисто-личнаго характера и минутныхъ впечатлѣній. Такія чисто-домашнія начала въ литературѣ, замѣченныя въ послѣднее время многими, по нашему мнѣнію, необходимый результатъ всего того, о чемъ мы говорили въ этой статьѣ, имѣющей своимъ предметомъ мелочи дня. Помимо Стебницкаго и Писемскаго мы закончимъ нашъ обзоръ на особой породѣ литераторовъ, которыхъ всего лучше назвать «тенденціозной серединой». Эта тенденціозная середка желая показать, что она не принадлежитъ ни къ той, ни къ другой партіи что сама дошла до всего своимъ собственнымъ умомъ, лягала, не стѣсняясь никакими литературными приличіями, никакими требованіями совѣсти. Она хотѣла выставить себя за что-то *особое*, отличное и отъ крайнихъ увлеченій нигилизма, и отъ полицейской литературы Стебницкихъ, и увѣрить въ этомъ не только себя, но и другихъ. А это *особое* было таково: «По моему мнѣнію, говоритъ одинъ изъ этой *середки*, — идеалъ — есть цивилизація, во имя которой и производится *отрицаніе*; между тѣмъ какъ до сихъ поръ

(т. е., до его мнѣнія, до мнѣнія этого фельетониста) у насъ отрицали, пишетъ онъ, или во имя туфли Фурье, или во имя сапога Святополка Окаяннаго, или просто во имя мостовыхъ» (см. фельетонъ Незнакомца «С.-Петербургскія Вѣдомости» № 124, 1867 г.). Далѣе, разсматривая фельетонъ Незнакомца, вы видите цѣлый рядъ статей, гдѣ женская эмансипація обзывается развратомъ, доказывается этотъ фактъ даже исторически, по запискамъ Щербатова, а еще далѣе вы можете встрѣтить тенденціи и еще *особенное*. Мы не будетъ выписывать и сортировать всей массы этой хлестаковщины; она, конечно, всецѣло принадлежитъ Писемскому и Стебницкому. И опять таки кромѣ нападеній и обзыванія новыхъ теорій какимъ нибудь именемъ, въ этихъ тенденціяхъ, литераторъ особой породы, также какъ и Стебницкій, своей собственной идеи или теоріи никогда не выскажетъ, а если это и случается, то никакъ и никогда не зайдетъ далѣе того, что *идеалъ—есть цивилизація*. При затрогиваніи же новыхъ теорій и вопросовъ мнѣніе читателя будетъ преимущественно направляться противъ этихъ теорій и затѣмъ еще противъ извѣстныхъ лицъ. Объ извѣстномъ лицѣ упомянется вскользь, и не такъ ожесточенно, какъ дѣлаютъ это Стебницкіе; напротивъ, отрапортуется въ самомъ мягкомъ тонѣ,—т. е. что мы, дескать, съ такимъ-то лицомъ несогласны, или что онъ былъ молодой писатель, очень легкомысленный, или что нибудь въ этомъ родѣ, какъ и было сказано относительно Добролюбова (впрочемъ, не въ фельетонахъ Незнакомца). Но и при подобной легкости вы все-таки прямо, между строкъ, видите, что фельетонистъ просто боится открыто высказаться противъ извѣстнаго лица, пробирается, такъ сказать, ползкомъ, и только, между прочимъ, въ той — другой строкѣ, говоря о томъ и о другомъ, поселяетъ въ читателѣ извѣстное подозрѣніе и дѣлаетъ тайное указаніе. Открыто же и ожесточенно онъ нападаетъ на Стебницкаго, на Крестовскаго—на кого всѣ нападаютъ и на кого, замѣтимъ кстати, ему и нельзя не нападать. При такой шулерской изворотливости, какъ, говоря о новѣйшемъ отрицаніи во имя туфли Фурье и такихъ заявленіяхъ, что «я, подобно многимъ, нисколько не сочувствовалъ крайне одностороннимъ теоріямъ «Современника», въ лучшіе годы его дѣятельности» (см. фельетонъ Незнакомца Спб. Вѣд. № 152, 1867 г.), не бранить Стебницкаго и Крестовскаго—это значило стать въ глазахъ каждаго читателя прямо на одну доску съ Крестовскимъ и Стебницкимъ, заявлявшимъ также о своемъ несочувствіи къ крайне-односторонниимъ

теоріямъ, между тѣмъ, какъ браня ихъ и, только при этомъ, высказывая свое несочувствіе, получается предъ читателемъ какъ будто что-то стоящее внѣ ихъ и что-то особое. Открытое нападеніе совершается еще и вслѣдствіе личной мстительности. Пересматривая фельетоны Незнакомца, вы вдругъ встрѣчаете такого рода отзывы (какихъ прежде не встрѣчали). Незнакомецъ пишетъ ,напримѣръ: «такіе писатели, какъ Курочкинъ, Ханъ, Соловьевъ...» Что это, недоумѣваете вы, и за что, думаете, Курочкинъ попалъ на одну доску съ Ханомъ и Соловьевымъ? Дальше вы видите неблагопріятный отзывъ, и также ни съ того ни съ сего о «Невскомъ Сборникѣ», уничтоженіе «Искры», основанное на ходячихъ толкахъ, гдѣ упадокъ сатирическаго журнала, -какъ это было и у Загуляева во «Всемірномъ Трудѣ», основывается не на общемъ литературномъ, или общественномъ положеніи изданія, а на подсматриваніи домашнихъ обстоятельствъ издателя Что-жъ это такое? спрашиваете вы; но стоитъ вамъ заглянуть въ «Искру», въ номера предшествовавшіе этимъ отзывамъ, и дѣло объясняется очень просто: въ «Искрѣ», въ предшествовавшихъ номерахъ, былъ затронутъ фельетонистъ и указана особенность его породы. И«Искра», конечно, права,—особенность породы, и тщедушное самолюбіе фельетониста, какъ видите по приведенному факту, сейчасъ же и сказалось; а фельетонистъ, хватившій такимъ образомъ Курочкина рядомъ съ Ханомъ и Соловьевымъ, полагаетъ, что онъ уничтожилъ и убилъ Курочкина на повалъ.

Подобныхъ фактовъ, гдѣ писатель сопоставляетъ Курочкина съ Ханомъ и еще того хуже (см. «Всякіе» Суворина), гдѣ писатель бьетъ другого вслѣдствіе своихъ чисто-личныхъ побужденій, т. е. вслѣдствіе только того, что другой отозвался о немъ нехорошо или растолковалъ ему его глупость,—такихъ фактовъ въ теперешней литературѣ много, они сдѣлались обыкновенными явленіями, переставшими даже обращать вниманіе. Въ прежнее время подобные факты были бы встрѣчены общимъ презрѣніемъ, и краска стыда явилась бы у каждаго. Когда Камень-Виногоровъ проговорился насчетъ женской личности въ сдержанныхъ выраженіяхъ, на него поднялась вся журналистика отъ мала до велика, отъ него отступилась вся редакція «Вѣка», и онъ остался одинъ съ своимъ злосчастнымъ отзывомъ; а теперь Незнакомецъ съ развязностію рѣчистаго унтеръ-офицера можетъ клеветать на женщину, засыпая ее своими грязными намеками, какъ это онъ недавно сдѣлалъ съ артистской Лядовой, и никто не задумается на этомъ. Самая пошлая инсинуація,

самая омерзительная клевета, сознаваемая самимъ авторомъ, эта клевета — остается безнаказанной и можетъ найдти самый гостепріимный пріютъ у любого газетнаго откупщика, въ родѣ г. Корша. Но возвратимся къ характеристикѣ *тенденціозной середки*, олицетворенной Незнакомцемъ. Чѣмъ вы объясните отзывы фельетониста «Русскаго Инвалида» (чрезвычайно схожаго съ Незнакомцемъ) о программѣ «Современнаго Обозрѣнія» (изданіе Тиблена) и затѣмъ о сборникѣ «Новыхъ Писателей», изданіе того же Тиблена. На программу «Современнаго Обозрѣнія» фельетонистъ ожесточенно накинулся и разругалъ въ пухъ и прахъ, между тѣмъ какъ сборникъ, въ которомъ развивались тѣ же тенденціи, онъ превознесъ превыше облакъ. Сборникъ вышелъ спустя два мѣсяца послѣ программы и, конечно, не можетъ быть, чтобы фельетонистъ такъ скоро измѣнилъ свои убѣжденія, точно такъ, какъ не можетъ быть, чтобы онъ и руководствовался въ этомъ случаѣ чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ какихъ нибудь домашнихъ и закулисныхъ соображеній. Объяснить иначе довольно мудрено. Объяснить глупостью или несообразительностью фельетониста? Но нельзя же все сваливать на одну глупость и несообразительность! А объяснить такъ, какъ мы объясняемъ—это будетъ, намъ кажется, совершенно послѣдовательно и логично по отношенію къ тѣмъ фактамъ, которые вылѣзли наружу, какъ отзывъ о г. Курочкинѣ и къ фактамъ, которые сохраняютъ такого рода домашній характеръ въ послѣдней литературѣ повсюду.

Спрашивается, что же это такое за *особенность* положенія *тенденціозной середки*, съ одной стороны несочувствующей крайнимъ теоріямъ, а съ другой желающей поставить себя выше Стебницкаго и Крестовскаго? Сколько мы ни старались опредѣлить хотя по отрывочнымъ фразамъ эту особенную profession de foi, но никакого опредѣленія составить себѣ не могли; намъ не удалось уловить даже отдаленнаго намека на то, что мы привыкли называть убѣжденіемъ въ писателѣ. Все, что мы знаемъ изъ признаній Незнакомца о его идеалѣ это то, что *идеалъ есть цивилизація*. Но тутъ, очевидно, кромѣ пустой и вздутой фразы, ничего положительнаго нѣтъ. А это наводитъ насъ на другой, логически вытекающій вопросъ: да есть ли у этой *середки* вообще какія нибудь убѣжденія?

Смѣло можемъ сказать, что ты, особой породы литераторъ (мы обращаемся вообще къ *середкѣ*), не только не въ состояніи отвѣтить на это, но ты даже и не поймешь нашего вопроса. Міръ воззрѣній и понятій твоихъ недалекъ, и я тебѣ покажу его. Ты не то что сочувствуешь или не сочувствуешь кому нибудь и

чему нибудь, — сочувствовать или не сочувствовать могутъ люди, осмыслившіе окружающее и имѣющіе впереди какую нибудь опредѣленную цѣль,—такъ сочувствовалъ Добролюбовъ Бѣлинскому, стараясь продолжать и развивать благое дѣло предшественника, и несочувствовали Бѣлинскій—Булгарину, Добролюбовъ—Каткову;—ты же только думаешь о своей особѣ, тебѣ удалось занять на время публику, и ты полагаешь, что тебѣ нѣтъ равнаго, нѣтъ предшественниковъ и ты одинъ. Тебѣ также не нужны сочувствіе или несочувствіе кого нибудь изъ работающихъ въ томъ дѣлѣ, къ которому ты себя приплелъ; ты, подобно чиновнику Бѣлогубову (въ комедіи «Доходное Мѣсто» Островскаго) жаждешь, чтобы на тебя только обратили вниманіе: обратятъ вниманіе—ты и человѣкъ, а не обратятъ вниманія—ты и ничтожество, т. е. ты думаешь объ угожденіи публикѣ и о вниманіи ея, и вслѣдствіе этого о доходномъ мѣстѣ, которое предоставитъ тебѣ на счетъ подписчиковъ редакторъ. Ты, понятно, такимъ образомъ спустился, — впрочемъ, нѣтъ, — довелъ литературное дѣло до minimum'а ничтожества и тебѣ, разумѣется, не близки никакія убѣжденія и никакія теоріи,—ты только способенъ разглядѣть одну ихъ внѣшнюю сторону; поэтому хотя ты и кричишь противъ Стебницкаго и Крестовскаго, но ты и самъ не выросъ ещѣ изъ ихъ понятій и воззрѣній, оттого и сходишься въ своихъ умозаключеніяхъ только съ ними. Ты услышалъ, что теоріи Добролюбова — крайни и сейчасъ же сообразилъ: «а! а... а крайность не хороша» и, подобно Ильменеву, или какъ тамъ зовутъ героя изъ романа «Всякіе» Суворина, подобно ему, ты сейчасъ же умозаключилъ: «мы не дозрѣли до борьбы, такъ зачѣмъ же на стѣну лѣзть, зачѣмъ луну спасать», и пошелъ сплетничать и хлестать фразами, размѣнивая ихъ въ своей безопасной лавочкѣ на дешевую, но все же не бездоходную популярность. Затѣмъ ты слышалъ или разглядѣлъ, что крайнія теоріи бьютъ исключительно въ одну сторону и, заключая отсюда, что они стало быть односторонни и стало быть неполны, ты не захотѣлъ слѣдовать за ними и не старался дополнить ихъ, но сообразилъ сейчасъ же, что если они крайни и односторонни и если они славятъ новую жизнь и новыхъ людей, а другіе крайніе эту же жизнь и этихъ людей ругаютъ, то не нужно стало быть ни славить, ни ругать. Сообразивъ такимъ образомъ, ты даже не потрудился задать себѣ вопроса «но почему и отчего?», а прямо поспѣшилъ сдѣлать выводъ, что есть слѣдовательно *всякіе* и подъ вліяніемъ этого наптія сталъ писать и тенденціозные романы, подъ названіемъ «Всякіе». Въ этихъ «Вся-

кихъ», конечно, не осмысливши ничего, ты самымъ незамѣтнымъ для себя образомъ соединилъ только тѣ крайнія фельетонныя искательства, которыя мы разбирали въ нашей статьѣ, и вмѣсто того, чтобы не славить и не ругать, ты занялся исключительно и безцѣльно тѣмъ и другимъ, оставаясь, конечно, по натурѣ своей съ тѣми же мизерными понятіями и воззрѣніями, которыя совмѣщаютъ въ своемъ мірѣ и Стебницкіе.

Въ такихъ главныхъ чертахъ выражается твоя особая порода и такъ, скажемъ въ заключеніе, тенденція доводится до нуля; она стушовывается до обыденнаго умозаключенія, до расхожей фразы и, кромѣ политическихъ фельетонныхъ искательствъ—что идти намъ уже некуда,—явилась еще въ ней и такая житейская мудрость, что есть, молъ, на свѣтѣ люди и есть между ними всякіе. Изъ этого, видимо, кто и какіе люди выработываются преимущественно въ настоящей жизни; на что надо обратить вниманіе читателя или общества и чѣмъ руководствоваться, авторъ рѣшительно непонимаетъ и сказавъ, что, — «всякіе люди есть у насъ», на этомъ и успокоивается. Такимъ образомъ *тенденціозная середка* не имѣетъ за душею ни одного убѣжденія, ни одной ясно-сознаваемой цѣли и, прикрываясь пустыми фразами въ родѣ того, что *идеалъ есть — цивилизація*, хлопочетъ вовсе не о цивилизаціи, не объ идеалахъ, а о своей жалкой персонѣ, о своемъ личномъ конфортѣ, о доходной лавочкѣ и о лаврахъ, которые, къ сожалѣнію, какъ это недавно случилось въ Смоленскѣ съ г. Скарятинымъ, превращаются въ метлы и вѣники.

V.

Въ заключеніе этой статьи отвѣтимъ на вопросы—почему понадобилось этого сорта писателямъ только сплетничать, клеветать и ругаться, почему литература спустилась до однихъ мелочей, занялась одними ими и затѣмъ, наконецъ, отчего писатели, даже и талантливые, не могли или оказались не въ состояніи подмѣтить не только типа, но даже и какой нибудь типической черты изъ современной жизни. Вотъ главное, что мы намѣрены объяснить, и на что объясненій въ литературѣ до сихъ поръ не находимъ.

Относительно подвиговъ Стебницкаго и ему подобныхъ, замѣтимъ, между прочимъ, что за всѣхъ этого рода писателей искренній казакъ-баши Кельсіевъ отвѣчаетъ: «что не говорите, но есть своего рода удовольствіе обращать на себя вниманіе и служить предметомъ толковъ: это какъ-то щекочетъ самолюбіе».

Подобное тщеславіе и самолюбіе, всегда встрѣчаемое при однихъ мелочныхъ интересахъ—это и есть самая основная причина. Не пишн Стебницкіе тенденціозныхъ романовъ, ихъ бы и читать никто не сталъ. Не читаетъ, и вѣроятно даже не знаетъ никто о существованіи такихъ странныхъ по названію повѣстей и разсказовъ его, какъ «Овцебыкъ», «Котикъ-Донлецъ», Божедомы» и т. д.

Намъ кажется, напрасно нападаютъ на Стебницкихъ, какъ на людей очень злостныхъ,—это крайняя ошибка. Изъ приведенныхъ во 2-й главѣ фактовъ читатель ясно видитъ, что Стебницкіе прежде всего люди несостоятельнаго ума, и поэтому дальше своего носа ничего не видятъ. Отсюда главный предметъ ихъ занятій мелочи дня, отсюда они немогутъ идти дальше сплетенъ, ходячихъ толковъ, принимая ихъ за истину, и не пренебрегая въ тоже время никакими средствами для доказательствъ противъ того, что имъ кажется вреднымъ. Поэтому также ни сгруппировать явленій, ни осмыслить ихъ, спокойно, не сердясь отнестись къ тѣмъ теоріямъ и идеямъ, которыхъ не знаютъ и не понимаютъ, — они рѣшительно не въ состояніи. Стебницкіе совмѣстили въ себѣ всѣ качества безсодержательности, пустоты и мелочности послѣдней литературы, — на этомъ только основаніи мы и разсматривали ихъ. Стебницкіе же сами по себѣ, съ своими пламенными чувствами въ проповѣди о миролюбіи, цѣломудріи, по своей неумолкаемой болтовнѣ, сѣтованіямъ и сплетнямъ могутъ называться развѣ старыми дѣвами отъ литературы, но литераторами да еще съ претензіей на талантъ не считаетъ ихъ теперь даже и А. А. Краевскій.

Мы будемъ говорить о Писемскомъ и о Тургеневѣ. Здѣсь читатель совершенно основательно можетъ замѣтить, что причины, руководившія этими писателями, были совершенно другого рода. Эти писатели имѣли свой довольно большой кругъ поклонниковъ и обратили на себя вниманіе уже давно.

Главная причина, по которой они породили Стебницкихъ и сами стали чуть не на одну доску съ ними, заключается, прежде всего, какъ мы сказали вначалѣ статьи, въ общемъ положеніи литературы, въ ея рѣзкомъ поворотѣ съ прежней дороги. То есть, прежнее положеніе литературы, какъ

искуства, какъ невиннаго препровожденія времени, уже миновало; литература необходимо должна была войти въ періодъ сознательнаго участія и стать прямымъ дѣятелемъ политической и общественной жизни. Художнику неизбѣжна была эта же колея, а иначе авторитетное положеніе его становилось немыслимо. Вмѣсто безцѣльныхъ или исключительно съ одной нравственной цѣлью занятій портретомъ, сценой и картиной, онъ долженъ былъ отвѣтить на соціальныя цѣли, стремленія и, подмѣчая главныя нити этихъ стремленій, долженъ былъ анализировать ихъ и указать тотъ путь, по которому они направляются.

Тутъ уже недостаточно было одного психическаго анализа и невозможно было при объясненіи явленій ограничиваться одной эстетикой или лубочной моралью.

Какъ вы объясните, посредствомъ этой морали, кражу голоднаго человѣка, когда главнымъ образомъ эта кража зависитъ отъ того общественнаго положенія, въ которомъ онъ обреченъ на голодную смерть? Какъ вы также отвѣтите обществу на вопросъ его о нуждѣ или трудѣ, и какъ вы представите ему все положеніе нужды и труда, ограничиваясь психическимъ анализомъ нуждающагося и трудящагося?... Какъ вы, наконецъ, вполнѣ очертите безполезность классическаго и пользу реальнаго образованія, не сходя съ своей нравственной мѣрки?.... и т. д.

Общественныя и соціальныя условія должны были, такимъ образомъ, стать на первый планъ, и представить собой главный интересъ. Для осуществленія этихъ требованій было, разумѣется, необходимо знакомство съ теоріями и выводами позднѣйшихъ результатовъ науки, или же особая свѣжесть и чуткость, которою нѣсколько обладалъ изъ послѣднихъ романистовъ Помяловскій. Но старые писатели, воспитавшіеся и заматорѣвшіе въ эстетической нравственной школѣ, не имѣли ни того, ни другого, и имъ оставалось идти по указаніямъ другихъ, и затѣмъ фотографировать дѣйствительность, т. е. списывать все до малѣйшихъ подробностей и не вносить ни своихъ взглядовъ, ни своихъ выводовъ. Однако идти по указанію другихъ, и только фотографировать, — это значило занять второстепенное мѣсто; между тѣмъ какъ прежняя роль ихъ далеко была не та, и каждый изъ нихъ стремился быть для міра провозвѣстникомъ или быть тѣмъ, чѣмъ были во времена оно Вальтеръ-Скоттъ, Шекспиръ и другіе. Сперва они и принялись нѣкоторыми отдѣльными чертами намѣчать современный типъ, какъ Тургеневъ въ Инсаровѣ, Гончаровъ въ Штольцѣ; но на первыхъ же

порахъ ясно обнаружилась ихъ немощность, и стало замѣтно, что они не имѣютъ никакой опоры и не знаютъ чѣмъ руководиться. На это имъ и указали, т. е. указали на полное незнаніе требованій новой жизни, и на отсутствіе той чуткости, въ силу которыхъ, вмѣсто живыхъ лицъ, явились въ ихъ произведеніяхъ картонные герои. Дальше имъ замѣтили еще больше,—имъ указали отсталость ихъ идей и безполезность ихъ дальнѣйшей дѣятельности Все это было имъ не по сердцу и вооружило ихъ противъ указчиковъ. Но выходъ все-таки надо было найти; и вотъ, когда обидѣвшіе ихъ стали ободрять молодое поколѣніе и указывать въ немъ начало новой нѣсколько осмысленной жизни, они оглянулись на него и, остановившись, какъ на фактѣ предметномъ, сосредоточили тутъ всѣ свои помыслы. Здѣсь они стали искать выхода, отвѣта на новыя требованія, разъясненія непонятныхъ имъ новыхъ теорій и, съ одной стороны, вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, а съ другой, вслѣдствіе опять-таки своей эстетической близорукости, усмотрѣли на первыхъ порахъ въ молодомъ поколѣніи одни только нравственные недостатки. Они стали сейчасъ же, въ отмѣстку славившимъ, ругать и преслѣдовать, какъ только возможно, одни эти недостатки, одни эти частности, которыя даже и не походили на бывшія въ ихъ жизни, но объяснить которые, они не могли себѣ иначе, какъ по своему. Они, прежде всего, не поняли, что хвалили молодое поколѣніе не потому, что оно усвоило въ своей жизни нѣкоторые недостатки своихъ отцовъ, а потому, что, при недостаткахъ отцовъ, оно, вмѣсто прежняго ухорства, пьянства и вмѣсто безцѣльныхъ стремленій и однихъ животныхъ поползновеній, стало увлекаться наукою, трудомъ, стало задумываться надъ общественными вопросами и философскими теоріями, — что и было первымъ шагомъ того дѣла, которое иначе и не могло бы развиться, какъ только такимъ путемъ. Они также не поняли, что указывали въ молодомъ поколѣніи не типы Кельсіевыхъ, а типы, про которыхъ самъ Кельсіевъ теперь пишетъ: «Современный молодой человѣкъ прежде всего blasé, а душа у него проситъ выхода, ему нужна мысль, ему нужно дѣло, и вотъ онъ идетъ въ науку или въ практическую дѣятельность,—и это чрезвычайно замѣтно.»

Но всего этого они и понять не могли. Они прожили жизнь Рудиныхъ, Печориныхъ, жизнь безъ опредѣленныхъ знаній и цѣлей; ихъ жизнь воспитала въ нихъ одно чувство, и, посредствомъ этого чувства, каждый изъ нихъ описалъ хорошо то, что прочувство-

валъ, что прожилъ. Тургеневъ нарисовалъ свой портретъ въ Рудинѣ, Писемскій свою молодость въКалиновичѣ, Гончаровъ въ Обломовѣ. Поэтому и произведенія ихъ, если не обладали особенной мыслью, то были вѣрны дѣйствительности. Но вглядываясь пристальнѣй, вы можете видѣть, что, даже и въ частностяхъ, произведенія ихъ тамъ хороши, гдѣ не приходится разсуждать, и не приходится мыслить; гдѣ-же чуть дѣло коснется не одного чувства и прожитой жизни, у нихъ нѣтъ ни матеріала, ни силъ, ни идеи, и всѣ они являются философами, въ родѣ Митрофанушки, у котораго дверь прилагательное, потому что прилагается. Писемскій, Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, — все это люди отжившей литературной школы. Какъ только они уклоняются отъ описанія прочувствованной ими жизни, и какъ только имъ необходимо поставить и отвѣтить на вопросъ или рѣшить его, и даже не рѣшить, а провести анализъ и осмыслить явленіе въ общемъ строѣ жизни,—тутъ они сами извращаютъ свое чувство, и несутъ такую галиматью, до какой дописался графъ Л. Н. Толстой въ IV томѣ своего романа «Война и миръ». Онъ хотѣлъ, напримѣръ, передать ту мысль, что война и миръ зависятъ не отъ одной какой нибудь причины, и происходятъ не потому, что такъ хотѣлось Наполеону, но по многимъ причинамъ. Явилось же у него какое-то провидѣніе, воля на осуществленіе войны подневольнаго солдата и чуть ужь не такого рода истина, что не будь людей, не было и войны-бы.

При такомъ безсиліи мысли ни одинъ изъ старыхъ писателей не могъ, разумѣется, остановиться въ новой жизни ни на чемъ, какъ только на однихъ мелочахъ, не могъ также пройти мимо тѣхъ частностей, которыя одни доступны были его пониманію и, затѣмъ, не въ силахъ былъ сгруппировать всѣхъ явленій общественной жизни въ одно цѣлое, единично осмысленное. Онъ ударился въ противоположную крайность, онъ отдался поверхностнымъ общимъ наблюденіямъ и, подобно угасавшему въ искуствѣ Брюлову, который кричалъ, расписывая куполъ Исакія: «мнѣ мало купола, давайте, небо распишу», старый писатель, вмѣсто типа молодого поколѣнія и вмѣсто отвѣта на общественныя и соціальныя стремленія, задался разрисовкой дневныхъ событій, доступныхъ его чувству, однихъ внѣшнихъ проявленій и, по своей Печоринской разочарованности, ни во что не могъ вѣрить, ничему сочувствовать такъ, что вся современная жизнь ему только и представлялась или «Взбаломученнымъ моремъ» или «Дымомъ».

Въ послѣднее время авторовъ «Взбаломученнаго моря»» и «Дыма»

называютъ отрицателями, т. е. той же кличкой, которой эти авторы обозвали своихъ противниковъ. Подобный споръ: «вы отрицатели» — «нѣтъ, вы отрицатели» напоминаетъ намъ разговоръ Евпраксіи съ Баклановымъ (Взбалмошн. море).

Баклановъ говоритъ, указывая на Сабакѣева: «вотъ они такъ дѣйствительно матеріалисты, а мы вѣдь что?... поэтики, идеалисты, мечтатели». Евпраксія на это отвѣчаетъ — «Вотъ ужь нѣтъ, вотъ ужь неправда! — они, а не вы идеалисты и мечтатели: и называетъ она Бакланова матеріалистомъ, потому что онъ только и думаетъ, что о своемъ тѣлѣ, а брата (Сабакѣева) идеалистомъ потому, что онъ восхищается разными теоріями, какъ Баклановъ, въ свою очередь, восхищался стихами.

Поэтому названіе Писемскаго, Тургенева и особенно Стебницкаго отрицателями принадлежитъ по мысли Евпраксіи, и занесено въ литературу собственно ею. Смѣшно даже слышать, что гнилое, чахлое Печоринское разочарованіе называется отрицаніемъ. Отрицаютъ во имя чего нибудь, отрицаніе же ради отрицанія, т. е. отрицаніе чисто безцѣльное — это не отрицаніе, а разочарованіе. Въ силу же этого пустого разочарованія—старые писатели не нашли въ новой жизни дальше того, что мелькало передъ ихъ помутившимися глазами, и дальше тѣхъ смѣшныхъ умозаключеній, вслѣдствіе которыхъ имъ мерещились опасности отечества. Вслѣдствіе чего, говоря, что «любви у насъ и такъ нѣтъ, женщинъ мы всегда умѣли перемѣнять, трудиться серьезно никогда неумѣли» они приписали развратъ и бездѣлье новымъ людямъ не какъ развратъ и бездѣлье съ цѣлью одного разврата и бездѣлья,— что вовсе было бы не ново, а развратъ и бездѣлье, съ цѣлью какихъ-то политическихъ смутъ. И ничего другого умнѣе этого придумать не могли. Они разочаровались въ новыхъ явленіяхъ, а на новыя теоріи только и могли сказать устами своихъ героевъ: «одно понятно, что всѣ эти теоріи, или вытягиваютъ чувства, или обрубаютъ разумъ, а мы вѣримъ, что человѣчество не будетъ счастливо, пока не открыто будетъ средство жить по чистому разуму, не подавляя присущаго нашей натурѣ чувства».

Но что такое чистый разумъ и какой еще тамъ есть нечистый?—это ужь Богъ знаетъ. Далѣе, внѣ этого затхлаго, туманнаго представленія о жизни и понятія новыхъ теорій, разочарованные писатели стремятся подорвать новую жизнь посредствомъ взрыва собственныхъ пламенныхъ чувствъ, посредствомъ негодованія и презрительнымъ къ ней отношеніемъ. Поэтому и всѣ ихъ тенденціи, во

имя которыхъ поднимался ими шумъ, не шли дальше защиты отечественной невинности, чистыхъ чувствъ непорочности, любви, цѣломудрія, смиренія, и отсюда уже яростнаго озлобленія противъ семи смертныхъ грѣховъ, порождаемыхъ новыми теоріями.

Такимъ образомъ, закованные въ устарѣлыя формы своей школы, воспитанные на одномъ чувствѣ, они не могли спокойно и сознательно отнестись къ новымъ явленіямъ, не могли его анализировать въ общемъ строѣ жизни, правильно сообразить всѣ pro и contra и, не имѣя ничего опредѣленнаго, составить себѣ болѣе или менѣе ясное и вѣрное о немъ представленіе.

Этими же двумя послѣдними словами объясняются также причины пустоты и безсодержательности всей послѣдней литературы и такихъ жалкихъ, уродливыхъ явленій, какъ гг. Загуляевы, Стебницкіе, Кельсіевы и Незнакомцы, такой собачьей погони за скандалами, инсинуаціями всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, и въ то же время бѣдности мысли и отсутствія убѣжденія. Теперь, впрочемъ, говорятъ о богатствѣ этой литературы, стараясь доказать, что опасенія ея бѣдности совершенно напрасны. Мы замѣтимъ, что эта мысль впервые принадлежитъ «Отечественнымъ Запискамъ», изданія Краевскаго, и умозрѣніямъ г. Страхова. Мы же становимся за общесуществующее мнѣніе о послѣдней литературѣ, какъ о литературѣ пустой и безсодержательной; а представленные факты въ нашей замѣткѣ достаточно, кажется, могутъ подтвердить это мнѣніе.

Н. Александровъ.

РАЗБИТЫЯ ИЛЛЮЗІИ.

Горнорабочіе — Глумовы. — Гдѣ лучше. Романы Рѣшетникова.

(*Окончаніе.*)

V.

Мы намѣрены, на основаніи произведеній г. Рѣшетникова, указать и разобрать нѣкоторыя наиболѣе характеристическія черты нравственнаго и соціальнаго быта той невѣжественной толпы, которую толпа цивилизованная, ради успокоенія своей совѣсти и оправданія своей бездѣятельности, старается представлять себѣ въ искаженномъ *поддѣланномъ* видѣ. Анализъ этихъ чертъ покажетъ намъ, чего мы можемъ ждать отъ такъ называемой самодѣятельности народа и какъ мы должны относиться къ его грубости и дикости.

Однако, прежде чѣмъ мы приступимъ къ этому разбору, намъ предстоитъ рѣшить слѣдующій вопросъ: можетъ ли міръ, изображаемый въ произведеніяхъ Рѣшетникова, быть взятъ за типическій образецъ народнаго міра вообще? Въ романахъ Рѣшетникова— изображается, по преимуществу, бытъ однихъ только *горнорабочихъ*, бытъ заводскихъ работниковъ одного, маленькаго уголка Россіи. Кромѣ того въ первыхъ двухъ романахъ (Горнорабочіе и Глумовы) дѣйствіе относится къ періоду существованія крѣпостнаго права, отдававшаго рабочихъ въ полную и безусловную собственность хозяевъ заводовъ, своеобразныя условія заводской промышленности, крѣпостная зависимость, безправіе заводскихъ ремесленниковъ,— ставитъ ихъ, повидимому, въ совершенно особое, изолированное положеніе, по отношенію къ остальной массѣ народа, особенно на-

рода нашего времени, народа взятаго послѣ уничтоженія крѣпостнаго права.

Дѣйствительно, условія быта заводскихъ, фабричныхъ и вообще ремесленниковъ представляютъ много своеобразныхъ особенностей сравнительно съ условіями быта сельскаго, земледѣльческого населенія; дѣйствительно, *юридическое* положеніе народа, послѣ отмѣны крѣпостнаго права, значительно измѣнилось, но несмотря, однако, на все это, мы думаемъ, что характеры, выводимые въ романахъ г. Рѣшетникова, что семейныя и общественныя отношенія, изображаемыя ими, имѣютъ совсѣмъ не мѣстный, частный, а общенародный интересъ; они типичны не только для Осиновскихъ, Таракановскихъ и имъ подобныхъ заводовъ, они типичны для всего нашего края, для всей нашей обширной земли. Эти Токменцовы, эти Глумовы, Горюновы и т. п. встрѣчаются вездѣ, вездѣ, гдѣ бѣдность и нищета душитъ и уродуетъ человѣка, гдѣ его вѣчно и неотступно преслѣдуетъ мысль о насущномъ кускѣ хлѣба, забивая въ немъ всякія другія мысли и соображенія,—гдѣ чувство голода, чувство постоянной неудовлетворительности самыхъ первыхъ насущныхъ потребностей человѣческаго организма, заглушаетъ въ немъ всякія другія чувства, всякія другія привязанности.—Характеры героевъ въ романахъ г. Рѣшетникова, отношенія, въ которыхъ находятся между собою эти герои, — образовались не столько подъ вліяніемъ мѣстныхъ, типическихъ условій заводскаго, рабочаго быта, сколько подъ вліяніемъ общихъ условій, присущихъ положенію всего народа вообще. Конечно, и мѣстныя условія играли нѣкоторую роль и они положили нѣкоторый отпечатокъ на характеры рѣшетниковскихъ героевъ; но это роль второстепенная, — этотъ особый отпечатокъ, измѣняя нѣсколько тѣни картины, не касается ея общаго фона и основнаго сюжета.

Что же касается до предположенія, будто уничтоженіе крѣпостнаго права до такой степени видоизмѣнило положеніе невѣжественной толпы, что теперь по прошлому уже невозможно заключать о ея настоящемъ,—то мы считаемъ его невполнѣ справедливымъ. Реформа коснулась болѣе юридическихъ отношеній народа; но мало измѣнила хозяйственную, экономическую сторону его быта; юридическая зависимость исчезла, но матеріальная бѣдность и нищета остались... И вотъ мы хотимъ показать здѣсь, пользуясь произведеніями Рѣшетникова, какъ эта бѣдность и нищета отражаются на семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ невѣжественныхъ массъ, и на характерахъ ея отдѣльныхъ личностей.

Мы уже говорили выше, что произведенія г. Рѣшетникова имѣютъ характеръ болѣе этнографическаго матеріала, нежели характеръ романа, что характеры его героевъ очерчены весьма слабо, что всѣ они очень походятъ одинъ на другого, что разнаго рода «происшествія» и интриги романа имѣютъ у него лишь второстепенное значеніе, и, безъ всякаго ущерба для интересности самого разсказа, могли бы быть выброшены совсѣмъ вонъ. Потому и нашъ разборъ будетъ имѣть характеръ разбора собственно этнографическаго матеріала, а не тѣхъ романическихъ декорацій, которыми обставленъ этотъ матеріалъ. Мы не станемъ разбирать послѣдовательно всѣ три романа г. Рѣшетникова, мы будемъ поперемѣнно брать данныя то изъ перваго (некопченнаго), то изъ второго, то изъ третьяго романа, смотря потому, который изъ нихъ представляетъ болѣе годный матеріалъ для объясненія интересующихъ насъ отношеній. Мы не будемъ также слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ и жизнію того или другого дѣйствующаго лица, за образованіемъ его характера, за отношеніями его къ окружающимъ его лицамъ, за разными его любовными и нелюбовными похожденіями и т. п. Мы не будемъ этого дѣлать потому, что во-первыхъ, въ романѣ нѣтъ ни одной сколько нибудь выдающейся личности, во-вторыхъ, потому, что вообще—какъ мы уже сказали—обрисовка характеровъ и психологическій анализъ г. Рѣшетникова весьма посредственны. Но для того чтобы показать, какъ отражаются печальныя условія рабочей жизни на характеръ рабочаго вообще, мы будемъ обращаться за фактами ко всѣмъ этимъ произведеніямъ г. Рѣшетникова, смотря по надобности.

Еще одно замѣчаніе. Пусть читатель не винитъ насъ, если встрѣтитъ въ послѣдующихъ главахъ немножко длинныя выписки: часто мы считали лучшимъ, вмѣсто того, чтобы собственными словами передавать ту или другую сцену,—заставлять говорить самого автора. Намъ нужно было собрать передъ читателями какъ можно болѣе сырого матеріала для того, чтобы онъ могъ самъ дойти до правильныхъ взглядовъ на отношенія цивилизованной толпы къ толпѣ нецивилизованной.

VI.

Люди цивилизованной толпы создали для своего домашняго обихода безчисленное множество нравственныхъ правилъ и узаконеній,

которыя они и стараются соблюдать во всей ихъ строгости и чистотѣ. Правила эти имѣютъ главнымъ образомъ въ виду доставить людямъ возможно болѣе комфортабельное и безмятежное пользованіе благами сей жизни и устранить всякія непріятныя столкновенія, которыя могутъ возникнуть между ними, по поводу этихъ благъ. Выведены они изъ долгаго практическаго опыта, потому трудно оспаривать ихъ практическую полезность; кромѣ этого, они до того просты и сводятся къ двумъ—тремъ до того общеизвѣстнымъ и для всякаго ума памятнымъ истинамъ, что многіе глубокомысленые и проницательные мыслители предполагаютъ, будто эти правила сами собою влетѣли и засѣли въ нашей головѣ, когда мы только еще выходили изъ утробы матери нашей. Что можетъ быть проще, такого, напримѣръ, принципа: когда сосѣдъ твой кладетъ въ ротъ кусокъ хлѣба, не вырывай его у него изо рта, потому что когда ты самъ будешь ѣсть, онъ можетъ туже штуку сдѣлать и съ тобою. На скользкомъ мѣстѣ не подставляй ему ножки, потому что и тебѣ самому вѣдь можетъ случиться идти по льду. Однимъ словомъ, не пакости другому для того, чтобы онъ самъ при случаѣ тебѣ не напакостилъ; т. е. уважай права своего ближняго, если хочешь безмятежно пользоваться своими собственными. Къ этому общему положенію сводится весь нашъ нравственный кодексъ, точно также какъ весь нашъ гражданскій кодексъ сводится къ одному положенію: „собственность священна“. Въ этихъ двухъ положеніяхъ заключается вся наша житейская мудрость, вся наша мораль, всѣ наши законы. Теперь спрашиваемъ васъ, цивилизованные читатели, выведены ли эти правила путемъ долгаго, труднаго логическаго мышленія, или просто они выведены нами на основаніи самаго обыденнаго практическаго опыта? Нужно ли дѣлать какія нибудь особенныя умственныя усилія для того, чтобы уразумѣть заключающуюся въ нихъ мудрость? Требуются ли какія нибудь чрезвычайныя напряженія памяти для того, чтобы, разъ усвоивъ, никогда болѣе не забывать этой морали? Конечно нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Самый грубый, необразованный и безпамятный владѣлецъ какой нибудь собственности никогда не усумнится и не забудетъ, что собственность священна; самый грубый, необразованный и безпамятный человѣкъ, претендующій на пользованіе разными правами, никогда не усумнится и не забудетъ, что нужно уважать чужія права. И чѣмъ крупнѣе владѣнія собственника и чѣмъ шире права человѣка, тѣмъ сильнѣе убѣжденъ онъ

въ безусловной справедливости этихъ двухъ принциповъ, требующихъ уваженія къ «чужимъ правамъ» и къ «чужой собственности», тѣмъ упорнѣе и самостоятельнѣе будетъ онъ хлопотать о ихъ неукоснительномъ соблюденіи и охраненіи въ практической жизни. Но съ другой стороны, не замѣчаете ли вы, цивилизованные читатели, что по мѣрѣ того, какъ съуживаются владѣнія человѣка и ограничиваются его права, увѣренность его въ несомнѣнной истинности этихъ правилъ становится все слабѣе и слабѣе, и онъ все чаще и чаще позволяетъ себѣ уклоняться отъ ихъ строгихъ требованій? Посмотрите и вглядитесь хорошенько въ правила и принципы окружающихъ васъ, такихъ же, какъ вы, цивилизованныхъ людей; послушайте, съ какимъ апломбомъ разсуждаетъ вотъ этотъ сановитый господинъ, уже достигшій «степеней извѣстныхъ» и отростившій маленькое «брюшко», съ какимъ апломбомъ разсуждаетъ онъ о «святости и ненарушимости» установленныхъ правъ; какъ онъ абсолютенъ въ своей морали, какъ мало допускаетъ онъ исключеній изъ ея общихъ правилъ, какъ онъ убѣдительно доказываетъ ихъ теоретическую истинность и ихъ практическую полезность. Наслушавшись его до сыта, потолкуйте теперь о тѣхъ же самыхъ предметахъ, вотъ хоть съ этимъ бѣднымъ, заштатнымъ чиновникомъ, обремененнымъ «долгами и семьею» и уволеннымъ отъ службы, за неумѣренное пользованіе чужимъ добромъ. «Пожалуй,—скажетъ онъ вамъ, я согласенъ въ принципѣ со всѣмъ тѣмъ, что сановитая особа говоритъ изволила насчетъ святости и ненарушимости чужихъ правъ, но я полагаю, что на практикѣ»... и пойдетъ, и пойдетъ высчитывать свои исключенія и разныя «практическія» смягченія. Въ концѣ концевъ окажется, что число случаевъ, къ которымъ правило не можетъ быть примѣнено, несравненно больше, чѣмъ тѣхъ, къ которымъ оно можетъ быть примѣнено. А обратитесь вы къ болѣе молодому, но столь же обдѣленному судьбою—товарищу этого бѣднаго, заштатнаго чиновника, — такъ тотъ и въ принципѣ-то не согласится, и докажетъ вамъ неосновательность самыхъ теорій сановитой особы еще убѣдительнѣе, чѣмъ она доказала вамъ имъ основательность. Но оставимъ даже въ покоѣ сановитыхъ особъ и заштатныхъ чиновниковъ, не будемъ трогать ихъ морали, а обратимся лучше сами къ себѣ. Положимъ, что вы, мои цивилизованные читатели, какъ и я, не принадлежите къ классу заштатныхъ чиновниковъ, что вы, какъ и я, вполнѣ одобряете мораль сановитой особы и подобно ей, считаете неприкосновеннымъ и свя-

щеннымъ чужую собственность и чужія права. Но не смотря на эту твердую солидность вашихъ принциповъ, не случалось ли вамъ иногда а, можетъ быть, даже и очень часто, нарушать ихъ самымъ очевиднымъ и несомнѣннымъ образомъ? Вы, конечно, каетесь каждый разъ, когда случается съ вами такой грѣхъ, вы твердо рѣшаетесь не поступать такъ на будущее время, и не *преступать* болѣе принциповъ, но вы ихъ все-таки преступаете, и опять каетесь и опять преступаете. Вспомните, въ какія именно минуты своей жизни, вы всего охотнѣе готовы были не уважать чужія права и чужую собственность? Это было въ тѣ минуты, когда кто либо изъ вашихъ ближайшихъ покушался отнять у васъ частичку вашихъ правъ, частичку вашей собственности. Каждое посягательство на ваши права, каждое уменьшеніе ихъ, дѣлало васъ безцеремоннѣе къ правамъ вашихъ ближнихъ. Если это посягательство будетъ, такъ сказать, временное, мгновенное,—вызываемая имъ реакція будетъ также временная, мгновенная; когда вы успокоетесь и придете въ нормальное настроеніе духа, вы снова возвратитесь къ уваженію чужихъ правъ. Но чѣмъ чаще, чѣмъ серьезнѣе подобныя посягательства, тѣмъ чаще возбуждается въ васъ реакція, тѣмъ все болѣе и болѣе привыкаете вы дѣйствовать на перекоръ чужимъ правамъ, тѣмъ все съ меньшимъ и меньшимъ уваженіемъ начинаете вы относиться къ личности своихъ ближнихъ. Въ ту минуту, когда вы получили тяжелое оскорбленіе своего ближняго, вы готовы сейчасъ же нанести подобное оскорбленіе первому попавшемуся вамъ встрѣчному, хотя бы этотъ встрѣчный не имѣлъ ничего общаго съ вашимъ обидчикомъ; вы взволнованы, вы не въ состояніи спокойно разсуждать. Прошло нѣсколько времени и вы успокоитесь, и вы уже снова поступаете по принципамъ цивилизованныхъ людей. Но если вамъ наносятъ эти оскорбленія на каждомъ шагу, вы всегда будете дѣйствовать внѣ этихъ принциповъ; мало того, вы по слабости, свойственной всѣмъ людямъ, возведете свой образъ дѣйствія въ «*особую теорію*», краеугольнымъ камнемъ которой будетъ не уваженіе, а презрѣніе къ личности человѣка. И, конечно, среди васъ, мои цивилизованные читатели, или, по крайней мѣрѣ, среди вашихъ знакомыхъ, есть великое множество людей, которые изъ этой «особой теоріи» сдѣлали руководящій принципъ своихъ отношеній къ окружающимъ ихъ. «Позвольте, скажете вы, къ чему вы все это говорите, и что вамъ за дѣло до нашихъ нравственныхъ принциповъ и до нашихъ знакомыхъ? — Что вы хотите всѣмъ этимъ доказать?»...

На первый случай я хочу доказать, что тѣ нравственные принципы, которые создала цивилизованная толпа для собственнаго своего удобства и комфорта, что эти нравственные принципы засѣли въ наши головы совсѣмъ не въ тотъ моментъ, когда мы выходили изъ утробы матери, что мы начали уважать чужую собственность только тогда, когда сами сдѣлались собственниками, что мы начали уважать чужія права только тогда, когда сами сдѣлались объектами всевозможныхъ правъ. Помилуйте, да кто же этого не знаетъ! Стоитъ ли объ этомъ такъ разсуждать, возразятъ мнѣ нетерпѣливые читатели. О, мои нетерпѣливые читатели, я знаю, что все это вамъ давнымъ давно извѣстно, я знаю, что я повторяю вамъ азы; но я повторяю вамъ ихъ съ умысломъ. Вы должны теперь припомнить эти общеизвѣстныя вещи, потому что вы ихъ обыкновенно забываете, когда рѣчь заходитъ о нецивилизованной толпѣ, о ней-то именно мы и намѣрены толковать. При видѣ ея грубости и жестокости, вы спѣшите ее обвинять въ невѣжествѣ, и предлагаете ей обучаться грамотѣ, предлагаете ей свою изношенную мораль! Великіе просвѣтители и моралисты, вы забываете, что тутъ дѣло совсѣмъ не въ грамотѣ и не въ морали, что вы сами, не смотря на свою грамотность и моральность,—дѣйствуете точно также, какъ и любой неучъ этой невѣжественной толпы, каждый разъ, когда постороняя сила посягаетъ на ваши права, но вы называете это *увлеченіемъ*, *вспышкою*. И дѣйствительно, у васъ это только увлеченіе, вспышка, но представьте себѣ, что на ваши права дѣлается постоянное, непрерывное, такъ сказать, хроническое посягательство; увѣрены ли вы, что всѣ ваши *вспышки*, *увлеченія* не сдѣлаются нормальнымъ состояніемъ вашего духа, нормальнымъ правиломъ вашего поведенія. И къ чему тогда послужитъ вся ваша грамотность, вся ваша цивилизація? Развѣ къ тому только, что ваше неуваженіе къ правамъ чужой личности выразится въ менѣе грубыхъ формахъ, чѣмъ у нецивилизованнаго неуча. Но вѣдь сущность останется таже и результатъ будетъ тотъ же: фарисействующіе моралисты и просвѣтители народа хотятъ, во что бы то ни стало, объяснить нравственную неразвитость массъ — ихъ умственнымъ невѣжествомъ. Съ ихъ голоса и вы повторяете эту же пѣсню, мои цивилизованные читатели, не замѣчая, что они совершенно противорѣчатъ тѣмъ общеизвѣстнымъ истинамъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. И это повтореніе дѣлается совсѣмъ не спроста: нѣтъ, пѣсня повторяется потому, что она льститъ нашимъ слабостямъ, потому, что она

оправдываетъ нашу апатичную бездѣятельность. Разъ вы убѣдились, читатель, что причина зла, рѣжущаго ваши глаза—невѣжество вашихъ ближнихъ, ихъ умственная незрѣлость, вы сейчасъ чувствуете нѣкоторое успокоеніе, зло перестаетъ рѣзать глаза, вы съ нимъ начинаете примиряться, какъ съ неизбѣжною необходимостью. Что же, говорите вы,—лбомъ стѣны не прошибешь, дурака умнымъ вдругъ не сдѣлаешь, — значитъ, нужно подождать; глупо возмущаться тѣмъ, что такъ просто, такъ естественно и такъ законно; вѣдь не выходимъ же мы изъ себя, смотря на драки и потасовки нашихъ маленькихъ дѣтей. Развѣ маленькія дѣти, въ самомъ дѣлѣ, могутъ не драться и не давать другъ другу потасовокъ. Когда они выростутъ, когда они сдѣлаются такими же большими, какъ мы, тогда они перестанутъ драться и станутъ уважать другъ друга. Эти благоразумныя разсужденія успокоиваютъ васъ, мои цивилизованные читатели, и вы начинаете смотрѣть съ равнодушнымъ спокойствіемъ на всѣ тѣ ужасы, которые совершаются ежедневно и ежечасно въ «темномъ царствѣ» невѣжественной толпы. Но я убѣжденъ, что вы отнеслись бы къ нимъ совершенно иначе, если бы вы знали и понимали, что истинную причину всѣхъ этихъ ужасовъ слѣдуетъ искать совсѣмъ не въ недостаткѣ образованности, не въ умственной незрѣлости, а въ томъ ненормальномъ душевномъ настроеніи, въ которомъ естественно долженъ находиться человѣкъ, ежечасно и ежеминутно раздражаемый неудачами, ежечасно и ежеминутно получающій тяжелыя оплеухи отъ жизни. Вотъ для того-то, чтобы привести васъ къ этому нелицемѣрному взгляду, мы и займемся теперь анализомъ нѣкоторыхъ сценъ и происшествій изъ романовъ г. Рѣшетникова,—тѣхъ сценъ и происшествій, въ которыхъ съ особенною рельефностью рисуются «ужасы темнаго царства».

Начнемъ хоть съ Горнорабочихъ. Съ первыхъ же страницъ авторъ знакомитъ читателей съ героинею (если только, вообще говоря, дѣйствующія лица романовъ г. Рѣшетникова, могутъ быть названы героями или героинями) своего неоконченнаго разсказа, Еленою Гавриловною, «по заводски Оленкою» Токкменцовою. Елена Гавриловна росла и воспитывалась, какъ и всѣ вообще женщины въ этомъ быту. Съ самаго ранняго возраста, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ только она перестала сосать материнскую грудь, она была предоставлена на произволъ судьбы. Покормивши ее грудью годъ и чувствуя скорое рожденіе новаго ребенка, мать предоставила ее старухѣ—бабушкѣ, «которая,» говоритъ авторъ, «при всей своей нѣж-

ности къ ребенку,—ласкать его не умѣла и часто подчивала шлепками». Да, ей было и не до ребенка; у ней было свое дѣло,—такъ что ребенокъ часто оставался на заперти и ревѣлъ цѣлый день, а иногда и цѣлую ночь. На четвертомъ году дѣвочка бѣгала по улицѣ, возилась и играла съ мальчиками и усвоивала себѣ ихъ манеры и понятія. Съ девяти лѣтъ уже ее употребляли на всякую домашнюю работу, наконецъ, она совсѣмъ выросла и на нее стали смотрѣть, какъ на дѣвушку—невѣсту, которой нужно поскорѣе посватать жениха. Давно уже она и сама понимала, что все ее назначеніе—быть женою и потомъ матерью. Съ дѣтства ей твердили объ этомъ ея подруги и товарищи ея и проч.;—рано узнала она, что такое мужъ и жена, и такъ какъ замужество представлялось ей единственною пріятною перемѣною, которую она могла ожидать въ своей жизни—свѣтлымъ оазисомъ среди печальныхъ пустынь однообразнаго, тяжелаго труда, нищеты и лишеній,—то понятно, что около этого предмета вертѣлись всѣ ея мысли и соображенія,—что о немъ она думала и днемъ сидя за работою, и въ безсонныя ночи, лежа на палатяхъ. Эта постоянная и неотвязная мысль о замужествѣ, вмѣстѣ съ быстрымъ физическимъ развитіемъ, благодаря усиленному физическому труду, рано вызвали въ ней жгучую потребность любить и быть любимою. «Но она еще не понимала,—говоритъ г. Рѣшетниковъ,—что такое любовь, какъ можно сойтись такъ, чтобы выйдти замужъ. Но мысль объ этомъ не давала ей покоя, когда она оставалась одна: юная кровь ея волновалась, приливала къ головѣ, въ головѣ бродили какія-то несвязныя думы, сердце билось сильно. Она не понимала, что происходило въ ней при видѣ молодаго человѣка въ сюртукѣ, съ которымъ ей на старослободской сторонѣ встрѣчаться приходилось не рѣдко, она потупляла глаза, сердце билось еще сильнѣе, а если ее ущипнетъ старозаводскій парень, она хотя и отругивалась и отмахивалась, но ей дѣлалось какъ-то неловко, она скоро убѣгала, а во снѣ ей мерещились вечерки, свѣчи свадебныя, что она гдѣ-то въ большой церкви стоитъ, такая веселая, разодѣтая, народу много и слышитъ она говоръ: Оленку Токменцову-ту, вонъ энту, вѣнчаютъ сегодня...» (Соврем. 1866, № 1, стр. 87). Однимъ словомъ, она достигла той поры, когда женщина, у которой нѣтъ другихъ болѣе высокихъ цѣлей и побужденій, кромѣ цѣлей и побужденій самки, ищетъ любви, какъ своего единственнаго и—хотя она этого ѣще не знаетъ,—послѣдняго счастія. И Елена Гавриловна нашла это счастіе. Она полюбила и ее полюбили. Судьба была къ ней настолько милостива,

что ниспослала ей это первое и послѣднее утѣшеніе многострадальной и утомительно-однообразной жизни женщины-труженицы. Чего же лучше? Повидимому бѣдные люди должны обѣими руками ухватиться за эти недорогія удовольствія, благо за нихъ не нужно платить повинностей, благо ихъ можно купить, не уменьшая скудной порціи обѣда! Но, увы!—оказывается, что бѣдные люди не способны пользоваться даже тѣмъ, что природа даетъ имъ даромъ. Съ дѣтства запуганная, Елена долго не рѣшалась отдаться чувству любви; съ дѣтства привыкшая притворяться, она долго отгоняла отъ себя своего любовника, понапрасну муча и себя и его. Но наконецъ чувство взяло свое. Разъ, воспользовавшись отсутствіемъ отца, она рѣшается принять къ себѣ предметъ своей страсти, рѣшается даже поцѣловать его. Теперь, повидимому, настала минута осуществленія ея тайныхъ грезъ, теперь, повидимому, давно жданное и желанное счастіе освятитъ своимъ свѣтлымъ лучемъ темный мракъ ея жалкаго прозябанія, но въ это самое время къ воротамъ подъѣхалъ отецъ. Увидавъ съ улицы, что у дочери огонь, онъ заглянулъ въ окно. «Ужасъ его былъ неописанный, разсказываетъ г. Рѣшетниковъ,—«но онъ сдержался». «Часъ отъ часу не легче!» проговорилъ про себя разгнѣванный отецъ и отворивъ ворота, ждалъ съ полѣномъ въ рукахъ любовника своей дочери. Какъ только тотъ пробѣжалъ мимо, онъ бросилъ за нимъ полѣно, но полѣно не попало. Онъ вошелъ въ избу. Послушаемъ что тамъ произошло.

«Оленка! сказалъ онъ, вздувай огонь!—Вздула Елена огонь на лучину; оставшуюся свѣчку отъ Плотникова (предмета ея любви) она успѣла спрятать, а отецъ объ ней позабылъ,—„У, подлая!“ подошелъ къ ней отецъ и ударилъ ее крѣпко по спинѣ, такъ что она чуть не упала на полъ. Она заплакала.—«Пореви! У! будь ты проклята!.. Дѣлай завариху, гадина! Есть щи-то?»—«Не варили»...—А! все съ полюбовникомъ-то со своимъ стрескали!—«Тятенька!..—«Поговори еще! Осподи, что за напасти! Экой я грѣшникъ какой. Да будьте вы всѣ...»—и онъ, плюнувъ, вышелъ на дворъ распрягать лошадь.»—Поспѣла завариха; всѣ стали ѣсть; одна Елена не могла ѣсть; ее душили слезы; на лицѣ и въ глазахъ ея выражались страданія. «То ей казалось, что отецъ вмѣсто того, чтобы почерпнуть деревянною ложкою кашу, хочетъ ее ударить, и она вздрагивала; то ей убѣжать хотѣлось изъ дому куда нибудь далеко-далеко, или уйти въ сарай и тамъ выплакать свое горе».—«Оленка, ты чего не жрешь, съ участіемъ спросилъ ее братъ. Отецъ промолчалъ, Елена хлебнула ложку и опять перестала ѣсть.—Пошла

прочь!—заревѣлъ отецъ. Елена встала боязливо и потихоньку бо комъ пошла къ печкѣ и стала какъ статуя. Наружныя слезы не шли у ней по лицу».—«Услышь отецъ, что она плачетъ, быть бы ей битой, а пожалуй и калѣкой на всю жизнь». Но, какъ ни крѣпилась Елена, а ночью не могла удержать слезъ и заплакала. Отецъ разсвирѣпѣлъ и заставилъ ее замолчать. На другой день сцена произошла еще трагичнѣе.

— «Ишь, говорилъ отецъ, — выкормилъ, выпоилъ... и любовника нашла, какъ нѣтъ дома отца и матери и давай приглашать къ себѣ! Ну скажи, гожее ли это дѣло, образина ты эдакая?

Елена принялась плакать.

— «Што небось неправду я говорю? Тебѣ все ничего, а мнѣ-то каково! Кто про васъ пропитаніе достаетъ? Кто вспоилъ, вскормилъ тебя? А? Развѣ мнѣ не больно?.. Ну, для кого я и стараюсь какъ собака; ты бы это подумала! Ну, какими теперича глазами я на людей-то буду смотрѣть? Ты-то, ты-то какъ въ люди покажешься. У! и онъ выругалъ и плюнулъ.

— Ну что-ты ревешь-то, а? Оленка!

— Тятенька.

— Говори всю правду.

Елена стала на колѣни передъ отцемъ: — тятенька гулубчикъ... дѣлай што хошь со мною, сизой ты мой, хоть убей ты меня...

— Да ты что турусы-то на колесахъ разводишь! Правду говори!

— Ей Богу, я не виновата. Вотъ-те отсохни правая нога.

— Зачѣмъ ты цѣловалась съ нимъ?

— Онъ самъ цѣловалъ.

Отецъ ударилъ ее по щекѣ, щека покраснѣла.

— Тятенька, голубчикъ...—и она поклонилась ему въ ноги.

— Говори: зачѣмъ ты его пустила?

— Самъ... онъ самъ...

Отецъ толкнулъ ее ногой.

— Пошла, штобы духу твоего здѣсь не было.

Елена заревѣла, а Токменцовъ ушелъ злой со двора.» (стр. 117).

А, между тѣмъ, Елена говорила сущую правду, утверждая, что она ни въ чемъ не виновата; предметъ ея любви почти насильно вошелъ къ ней въ избу, почти насильно вырвалъ у ней поцѣлуй и дальше поцѣлуя дѣло не шло.—Какой извергъ отецъ! Не правда-ли! Въ немъ нѣтъ, повидимому, ни искры любви! Ошибаетесь. На другой день послѣ первой сцены онъ уже жалѣлъ свою дочь. —

«Оленки жалко, право жалко — говорилъ онъ самому себѣ,—одна она у меня дѣвка...» и пришелъ онъ наконецъ къ выводу, что дочь его нищенствуетъ, хвораетъ и въ этомъ виноватъ одинъ онъ, потому что бѣденъ (114); правда, эти сожалѣнія не помѣшали ему въ тотъ же день, какъ мы видѣли, поколотить ее, но поколотивъ, онъ опять сталъ жалѣть ее и «ему совѣстно становилось, говоритъ авторъ, что онъ побилъ ее.» Но если онъ любилъ ее, то отчего же онъ такъ на нее разсердился? Вѣдь онъ зналъ, что дочь его любитъ Плотникова и что Плотниковъ любитъ ее взаимно, — ничего дурного о самомъ Плотниковѣ также не зналъ. Онъ не любилъ только его отца. Но, какъ совершенно справедливо разсуждала Елена, какое ей до этого дѣло; вѣдь ей нравится не отецъ, а сынъ. Еслибы отецъ могъ спокойно разсуждать, конечно, и онъ бы съ этимъ согласился,—и во всякомъ случаѣ не отнесся бы такъ строго къ дочери. Но въ томъ-то и бѣда, что онъ не могъ разсуждать спокойно, что каждый разъ, когда онъ это пробовалъ, мысль его, помимо его воли, перескакивала къ тѣмъ постояннымъ непріятностямъ и притѣсненіямъ, которыя онъ терпѣлъ, къ той безъисходной нуждѣ, съ которою онъ долженъ былъ ежедневно бороться, и онъ снова раздражался, и ему снова хотѣлось на комъ нибудь сорвать свой гнѣвъ,—дочь была подъ рукою, чего же лучше? Дочь осмѣлилась полюбить сына приказнаго,—богача и грабителя, не любимаго рабочими! Развѣ это не достаточный поводъ для того, чтобы бить, уничтожать и оскорблять бѣдную женщину! Пусть каждый изъ васъ, цивилизованные читатели, поставитъ себя на мѣсто Токменцова, какъ бы вы поступили? Представьте, у васъ два сына, дочь и жена. Одного вашего сына засѣкли ваши враги до смерти, другаго—до полусмерти. Жена пошла жаловаться ее тоже отодрали и избили; все это сдѣлалось безъ васъ. Вы пріѣзжаете домой и застаете свою дочь съ глазу на глазъ съ человѣкомъ, отца котораго вы ненавидите. Неужели же вы, оскорбленные, униженные, разгнѣванные, стали бы съ ней особенно церемониться? Не поспѣшили ли бы скорѣе сорвать на ней весь свой гнѣвъ, вымѣстить всѣ свои незаслуженныя обиды?

Если вы искренны, если вы припомните, какъ часто вы выходили изъ себя, по поводу разнаго рода дрязгъ, несравненно меньшей важности,—вы должны будете дать на эти вопросы утвердительный отвѣтъ. Вы, скажете, можетъ быть, что г. Рѣшетниковъ беретъ исключительный случай, случай даже невозможный теперь, послѣ отмѣны крѣпостнаго права. Вы ошибаетесь, вы принимаете

форму за сущность явленія. Дѣло не въ томъ, что именно приводить Токменцова и массы подобныхъ ему бѣдняковъ въ состояніе вѣчнаго раздраженія, недовольства; дѣло въ томъ, что вообще они постоянно находятся въ этомъ положеніи, что это положеніе обусловливается всею ихъ жизнію, всею окружающею ихъ обстановкою. Прежде главною причиною этого непрерывнаго раздраженія было нахальное самоуправство управляющихъ и заводчиковъ, ихъ безконтрольный деспотизмъ; теперь—бѣдность, необезпеченость въ кускѣ насущнаго хлѣба, со всѣми ея печальными послѣдствіями. Дѣйствіе романа: «Гдѣ лучше» относится уже къ тому періоду, когда крѣпостное право было измѣнено, а между тѣмъ посмотрите, во многомъ ли измѣнилась будничная обстановка жизни этихъ тружениковъ? Взгляните, какъ живутъ Горюновы, Ульяновы... Все въ ссорѣ; все въ непріязни. А продумайте отношенія Лизы къ своей матери, отношенія Степаниды Власьевны къ своимъ сыновьямъ, отношенія братьевъ Пелагеи Прохоровны къ своей сестрѣ, взаимныя отношенія мужа и жены Ульяновыхъ и т. д. и т. д.,—всѣ эти люди связаны между собою кровнымъ родствомъ, а между тѣмъ они относятся другъ къ другу не только, въ большей части случаевъ, какъ чужіе, но иногда даже просто какъ враги; ласковаго слова отъ нихъ вы не услышите: все ругань, брань, да попреки. Эти странныя, ненормальныя отношенія, эта вѣчная брань и руготня должны, конечно, шокировать васъ, цивилизованные читатели; представьте себя на минуту въ ихъ положеніи. Кругомъ неудача, кругомъ нищета, нѣтъ работы, нѣтъ хлѣба, вчера голодалъ, сегодня голодаешь и знаешь, что такъ будешь голодать всю жизнь, то, скажите, какой чурбанъ въ состояніи все это спокойно переносить. Какія нужно имѣть проволочные нервы, чтобы не раздражаться, не волноваться, чтобы быть въ нормальномъ настроеніи духа? Наблюдайте за собою и вспомните, въ какомъ настроеніи духа вы находились въ тотъ день, когда вы разсчитывали получить работу и не получили ее, разсчитывали получить деньги и не получили ихъ, когда въ добавокъ кухарка подала вамъ къ обѣду вмѣсто свѣжаго мяса — тухлое, вмѣсто мягкаго хлѣба—черствый и т. п. Выйдя отъ обѣда, послѣ всѣхъ этихъ неудачъ, вы чувствовали себя до того озлобленными и раздраженными, что готовы были ругать весь свѣтъ. Крикни въ это время вашъ ребенокъ, попротиворѣчь вамъ ваша жена, вы готовы выйдти изъ себя и бѣсноваться. Вообразите себѣ, что вы такимъ образомъ проводите не день, не два, а цѣлые мѣсяцы, года. О, читатель, вы сдѣлаетесь такимъ злымъ, жестокимъ, такимъ

отчаяннымъ деспотомъ и самодуромъ, что ваши дѣти будутъ проклинать васъ, что жена ваша убѣжитъ изъ вашего дома. И такъ, спрашиваю я васъ, при чемъ же тутъ ваше образованіе, ваша грамотность? Какъ, скажетъ, пожалуй, догадливый читатель, вы возстаете противъ грамотности и образованія, вы говорите, что они безполезны для мужика, вы проповѣдуете тенденціи «Вѣсти»?—Сохрани Боже! Грамотность и образованіе вещь прекрасная, но она не внесетъ любви, мира и согласія въ семейный бытъ, въ семейныя и домашнія отношенія голоднаго работника. Какъ бы онъ ни былъ грамотенъ, а онъ все же будетъ давить и тѣснить всѣхъ, кого только можетъ, пока не устранится коренная причина его вѣчнаго раздраженія и недовольства, — его бѣдность и нищета. Онъ пойметъ и неукоснительно будетъ прилагать къ практикѣ великое правило морали цивилизованной толпы,—уважай чужія права,—когда его собственныя права будутъ уважаться, когда изъ фиктивныхъ они станутъ дѣйствительными, реальными.

VII.

Бѣдность и нищета, подобно ржавчинѣ, разъѣдаютъ самыя симпатическія чувства человѣка и отравляютъ самыя, повидимому, свѣтлыя минуты его существованія. Подъ ея губительнымъ вліяніемъ даже то единственное наслажденіе, которое доступно бѣдному человѣку,—наслажденіе любить и быть любимымъ,—превращается въ источникъ новыхъ для него горестей и страданій.

Прасковья Игнатьевна (въ ром. Глумовы) любитъ Петра Савича; Петръ Савичъ любитъ Прасковью Игнатьевну; оба другъ въ другѣ души не чувствуютъ. Прасковья Игнатьевна спитъ и видитъ Петра Савича; Петръ Савичъ спитъ и видитъ Прасковью Игнатьевну. Они женихъ и невѣста и оба съ нетерпѣніемъ ждутъ, когда обстоятельства ихъ (собственно жениха) немножко поправятся и можно будетъ сыграть свадьбу. И любовь эта была не какая нибудь временная, мимолетная вспышка, не какое нибудь скоро-преходящее раздраженіе чувствъ; нѣтъ, это была любовь солидная, основательная, продолжительная. «Сближеніе ихъ случилось,—повѣствуетъ г. Рѣшетниковъ, — не съ бухты-барахты, или такъ: подошелъ, наговорилъ любезностей, и въ первый же день приступилъ къ изъяс-

ненію своей любви;—нѣтъ, до однихъ только ласокъ дѣло тянулось съ годъ, да до поцѣлуевъ и то на вечеркахъ, на которые Петръ Савичъ былъ приглашаемъ, какъ музыкантъ на гитарѣ, тоже годъ. Все это объясняется тѣмъ, продолжаетъ авторъ, «что въ первое время, когда Петръ Савичъ ходилъ къ Глумовымъ, Прасковья Игнатьевна, по его же выраженію, была цвѣточекъ, до котораго и прикоснуться опасно. Сперва и Прасковья Игнатьевна не обращала на него вниманія, но потомъ мало-по-малу ихъ взаимная привязанность все росла и росла, а тутъ еще и родители Прасковьи Игнатьевны подзадоривали ихъ и въ шутку всегда называли женихомъ и невѣстою и разъ даже и поцѣловаться заставили. Оба они и женихъ, и невѣста были людьми, которые въ этомъ быту принадлежатъ къ разряду хорошихъ людей: оба честные, смирные, работящіе, а Петръ Савичъ — такъ тотъ даже и образованный. Петръ Савичъ былъ сыномъ казначея главной конторы Таракановскаго завода, получилъ нѣкоторое воспитаніе и на заводѣ занималъ мѣсто учителя. Онъ не былъ похожъ на прежнихъ заводскихъ учителей, которые,—разсказываетъ г. Рѣшетниковъ, „на дѣло свое смотрѣли, какъ на поживу и вмѣсто того, чтобы учить дѣтей, заставляли ихъ на себя работать, били ихъ нещадно и т. п.“ Петръ же Савичъ принялся за школу съ жаромъ и увлеченіемъ. «Онъ растолковалъ ребятамъ ласково, какъ онъ будетъ учить ихъ и началъ обученіе лаской, за что ребята полюбили его и охотно стали учиться. Къ ариѳметикѣ онъ добавилъ геометрію, исторію и географію и эти предметы не заставлялъ онъ учить силою, а кто желаетъ; однако пожелали всѣ, такъ что онъ затруднялся теперь только насчетъ книгъ, купить которые заводское начальство отказывалось». Вотъ по поводу этихъ-то несчастныхъ книгъ у него и произошло первое столкновеніе съ начальствомъ. Разъ заводскій прикащикъ приказалъ, чтобы родители учениковъ принесли по рублю серебромъ на книги. Зная очень хорошо, что книги обязана покупать контора, которой для этого и особыя суммы отпускаются, и что родители—люди бѣдные, и не только рубля, но и копѣйки не въ состояніи удѣлить на учебныя пособія своихъ безпутныхъ ребятъ,—онъ на отрѣзъ отказался исполнить приказаніе приказчика. Приказчикъ разсвирипѣлъ.—Какъ, вскричалъ онъ, развѣ мастера бѣднѣе меня? Развѣ я не вижу каждый день пьяныхъ? Молокососъ! — «Позвольте мнѣ исполнить свою обязанность, — отвѣчалъ учитель,—я здѣсь хозяинъ, а вы зритель».—«Что такое? Ты свинья, ты здакъ грубить?» и приказчикъ ударилъ по щекѣ Петра Савича.

Петръ Савичъ не выдержалъ и самъ ударилъ по щекѣ приказчика. Исторія эта кончилась тѣмъ, что учителя, по распоряженію конторы выстягали розгами въ присутствіи мальчиковъ. Въ другой разъ его заперли на недѣлю подъ арестъ за то, что онъ осмѣлился преподавать геометрію. Всѣ эти неудачи обезкуражили Петра Савича, онъ охладѣлъ къ школѣ, запилъ и скоро былъ отставленъ. Изъ этихъ подробностей вы видите, что за человѣкъ былъ этотъ учитель: вы видите, что онъ былъ, какъ говорится, человѣкомъ съ понятіями, честнымъ, но вмѣстѣ слабымъ и не энергичнымъ. Онъ покорился своей судьбѣ и весь его интересъ выразился только въ томъ, что онъ запилъ. Нрава онъ былъ тихаго и позволялъ заводскимъ мальчишкамъ (не говоря уже о взрослыхъ) выдѣлывать надъ нимъ всякія штуки и строить всякія насмѣшки. Представьте теперь себѣ, что этотъ человѣкъ страстно полюбилъ, привязался всѣмъ существомъ своимъ къ женщинѣ, которая его тоже любитъ и которая тоже, какъ и онъ, принадлежитъ, вообще говоря, «къ числу хорошихъ» слободскихъ людей. Повидимому, въ бракѣ они найдутъ полную чашу любви, счастія и наслажденія; повидимому, ихъ безотрадная, мрачная, тяжелая жизнь озарится свѣтлымъ чувствомъ, которое должно сдѣлать ее болѣе веселою и менѣе тяжкою. Такое, по крайней мѣрѣ, значеніе имѣетъ любовь въ вашей жизни, цивилизованные читатели. Неужели же, спускаясь въ темное царство бѣдности и нищеты, оно утрачиваетъ всѣ свои прекрасныя свойства и превращается въ источникъ новаго горя, новыхъ страданій?

Петръ Савичъ и Прасковья Игнатьевна поженились. Полюбуйтесь же теперь на нихъ *семейное счастіе*. Послушаемъ, какъ описываетъ его самъ авторъ.

«Черезъ недѣлю послѣ свадьбы привелось Прасковьѣ Игнатьевнѣ готовить кушанье, а запасу въ ея погребѣ и чуланчикѣ было очень немного: муки фунтовъ десять, отрубей фунтовъ пятнадцать и только. Мяса не было и Петръ Савичъ утѣшалъ жену, что онъ завтра непремѣнно купитъ говядины, такъ какъ надѣется получить съ одного пріятеля небольшой должокъ. Корова у нихъ была продана, а лошадь, какъ уже извѣстно, взялъ къ себѣ Тимофей Петровичъ. Выскребла Прасковья Игнатьевна остатокъ муки, заварила квашню, а ночью половина этой квашни сплыла и тѣсто разлилось по печи.— Но это пустяки. А вотъ когда ушелъ ея муженекъ на рынокъ, она постаралась поскорѣе закрыть трубу и втолкать въ печь четыре коровая тѣста, устоявшагося въ плетеныхъ чашкахъ, употребляе-

мыхъ единственно для устоя ржанаго тѣста. Повидимому, она совсѣмъ забыла, о томъ, что мужъ ушелъ за мясомъ, и стало быть она рано посадила хлѣбы, ибо, прибравъ все, усѣлась къ столу и стала чинить мужнинъ халатъ. Приходитъ мужъ, приноситъ два фунта говядины.

— А я ужь хлѣбы посадила... сказала хладнокровно Прасковья Игнатьевна.

— Молодецъ... Значитъ сегодня отложить попеченіе! проговорилъ мужъ полусердито, полунасмѣшливо.

— Видѣлъ поди, што я печь затопила! Ишь, чуть не цѣлый день шатался! Не бѣгать же мнѣ за тобою... проговорила недовольно Прасковья Игнатьевна.

— Изволь сварить гдѣ хочешь, крикнулъ мужъ.

— Вари самъ...

— Слушай!!

— Ты не кричи—сама кричать-то умѣю.

И эта сцена кончилась тѣмъ, что молодая хозяйка поставила горшокъ съ говядиною, водой, рѣпой, капустой и морковью въ печь. Она хотѣла досадить мужу за его грубость, зная по опыту, что щи не могутъ свариться въ вольномъ жару.

— Обѣдать, скомандовалъ мужъ такимъ тономъ, какъ будто бы обратился къ работницѣ.

— Подожди, маленько, Петя, говоритъ Прасковья Игнатьевна мужу.

— Ѣсть хочу... живо!

— Тебѣ говорятъ—не поспѣло. Ишь явился когда съ говядиной-то, когда печь застыла... По твоей милости у меня самой ни росинки во рту не было... и т. д. и т. д,

Жена хотѣла было приласкаться, но мужу было не до ласокъ, онъ вскочилъ, какъ дикій звѣрь и крикнулъ:

— Да дашь ли ты мнѣ обѣдать-то?

— Дамъ, дамъ, Петръ Савичъ... проговорила Прасковья Игнатьевна глухимъ голосомъ.

Дрожащими руками она накрыла столъ синей, изгребной скатертью, поставила и наложила всего, что требуется для ѣды на четверыхъ, помолились всѣ Богу и усѣлись.

— Это што? спросилъ ее мужъ, указывая на отрѣзанный ломоть. Щеки Прасковьи Игнатьевны покрылись румянцемъ, она ничего не могла сказать. Братья съ улыбкою смотрѣли то на жену, то на Курносова.

— Для этого я што ли на тебѣ женился?

— Прости, Петръ Савичъ... квашня убѣжала... оправдывалась Прасковья Игнатьевна, не смѣя почему-то упомянуть о щахъ. Щи не сварились. Такъ обѣдъ и кончился ссорою. Петръ Савичъ сердился на жену и за то, что она перепортила обѣдъ, и за то, что у нихъ муки ни крошки не осталось; Прасковья Игнатьевна плакала, досадуя на то, что она, злосчастная, не могла угодить Петру Савичу, хотя и всячески старалась, а онъ не хочетъ простить ей ея ошибку. — Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ кажется она виновата, что стряпать не умѣетъ, что квашня убѣжала, что хлѣбы не спеклись? Чѣмъ она виновата, что нѣтъ муки, что мужъ поздно принесъ говядину? Но, съ другой стороны, могъ ли и мужъ не злиться? Пришелъ голодный, а ѣсть нечего. На послѣднія полушки купилъ себѣ говядины, надѣялся хоть щей похлебать, послѣ, быть можетъ, недѣльной діэты,—а жена испортила щи; вдобавокъ и мука вся вышла. Нужно было обладать ангельскимъ терпѣніемъ, чтобы не выйдти изъ себя, и разсудивъ хладнокровно, что жена тутъ ни въ чемъ не виновата, начать съ нею нѣжничать на голодный желудокъ. Но предъидущая жизнь Петра Савича и всѣхъ подобныхъ ему бѣдняковъ не могла пріучить его къ ангельскому терпѣнію; потому онъ не могъ не разгнѣваться на свою невинную жену, и будь вы, цивилизованный читатель, на его мѣстѣ, вы разгнѣвались бы точно также. Жена, въ свою очередь, очень хорошо понимала, что ее ругаютъ ни за что, что мужъ несправедливъ къ ней и не хочетъ оцѣнить ея заботъ о немъ. И вотъ вамъ начало взаимнаго недовѣрія, начало антагонизма. А такъ какъ Петръ Савичъ и Прасковья Игнатьевна были бѣдны, то каждый день у нихъ въ хозяйствѣ чего нибудь недоставало, и каждый такой недостатокъ естественно долженъ былъ злить Петра Савича; а злость Петра Савича — оскорбляла и выводила изъ себя Прасковью Игнатьевну. Отъ крупныхъ разговоровъ и перебранокъ не далеко было до побоевъ. И дѣйствительно, мужъ скоро началъ бить жену, послѣ каждой подобной сцены, жена, естественно, все болѣе и болѣе озлоблялась и во всемъ старалась ему перечить. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ бѣдности и нищеты, семейная жизнь этихъ двухъ существъ, обѣщавшихъ, повидимому, столько радостей и счастія, превратилась въ сущій адъ. Петръ Савичъ сталъ бѣгать изъ дому, и запилъ горькую; Прасковья Игнатьевна мучилась и страдала. Вздумалось ей, напримѣръ, во что бы то ни стало купить корову. Стала мужа просить самоваръ продать и купить корову, которая

въ хозяйствѣ нужнѣе самовара. Мужъ и слышать не хочетъ, она въ слезы, онъ ее прибилъ, изъ дому прогналъ. Когда мужъ прогналъ ее изъ дому, она долго плакала, проклинала свое горькое житье, хотѣла совсѣмъ бѣжать изъ дому, но передумала, храбро вошла въ избу и въ отмщеніе взяла да и обрѣзала одинъ усъ спящему Петру Савичу. Месть была ужасная, потому что послѣ такого пассажа своей жены, Петръ Савичъ на улицу не могъ показаться, безъ того, чтобы не наслышаться всякихъ ругательствъ и насмѣшекъ. Мальчишки бѣгали за нимъ и дразнили «стриженымъ учителемъ»; друзья и товарищи корили «строптивою женою». Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Петръ Савичъ и Прасковья Игнатьевна изъ нѣжныхъ, воркующихъ голубковъ—превратились въ отъявленныхъ враговъ, и не стыдились всенародно позорить другъ друга. Однако, не думайте, что прежнее чувство любви прошло совсѣмъ и безвозвратно. Нѣтъ, старыя привязанности такъ скоро не уничтожаются; потому, послѣ каждаго пассажа, подобнаго обрѣзанію усовъ, виновникъ или виновница чувствовали нѣкоторое раскаяніе, нѣкоторое сожалѣніе, и это раскаяніе и это сожалѣніе еще болѣе отравляли ихъ и безъ того нерадостную жизнь. Обрѣзавъ усы мужу, Прасковья Игнатьевна не испытываетъ той радости и того наслажденія, которое обыкновенно испытываетъ человѣкъ, удачно отмстившій своему врагу. Она печальна, она недовольна собою. Ей жалко мужа, стыдно передъ людьми, которые станутъ теперь ее спрашивать: «не ты ли это Курносову (фамилія мужа) усы обрѣзала?» Ей хочется, чтобы онъ простилъ ее, ради того она выдумываетъ ему исторію, будто усы обрѣзалъ ему братъ ея, Илья, а совсѣмъ не она. Эта ложь помирила супруговъ, разумѣется, не на долго, потому что причины ихъ взаимнаго раздраженія и недовольства по прежнему продолжали существовать. А между тѣмъ какъ немного нужно было, чтобы устранить эти причины: сигъ фунта въ два, поросенокъ въ 20 к., да немножко масла и другихъ кое-какихъ приправъ къ столу, и миръ и согласіе снова водворились бы въ ихъ семьѣ, и ихъ старая любовь снова освѣтила бы ихъ жизненный путь своимъ радостнымъ лучомъ. Разъ какъ-то, на Успеньинъ день, Петру Савичу удалось раздобыться этими великими богатствами, и посмотрите, какъ вдругъ все измѣнилось въ домѣ, какъ быстро измѣнились его отношенія къ женѣ! Съ ранняго утра поднялась хозяйка и принялась за стряпню; не нарадуется она своей провизіи; уже успѣла похвастаться и сигомъ и поросенкомъ всѣмъ своимъ сосѣдкамъ, и всѣ они знаютъ, что она стряпаетъ въ этотъ

день рыбной пирогъ. На душѣ у ней легко, ея невинное тщеславіе вполнѣ удовлетворено, стряпаетъ она, а мужъ ей помогаетъ и поддразниваетъ.

«Неумѣешь! шутитъ онъ.—Да отвяжись ты, чуча, прости Господи, говоритъ жена, дѣлая видъ будто сердится. Курносовъ, въ знакъ особой нѣжности, щипнетъ ее. — «Петька, свинья! Оболью щами!» Но, разумѣется, это говорится такимъ тономъ, который не мѣетъ ничего общаго ни съ угрозою облить щами, ни со «свиньею». Дальше мы будемъ продолжать словами самого автора.

«Наконецъ печка у ней истоплена, въ печкѣ стоятъ горшокъ со щами, латка съ поросенкомъ и пекутся два пирога, одинъ съ рыбой, другой съ малиной. Теперь на душѣ ея легко и она вдругъ присѣла, потомъ вскочила и, подойдя къ мужу, чистившему свой сюртукъ, обняла и крѣпко поцѣловала его, такъ, что тотъ испугался.

— Эхъ тебя! сказалъ онъ.

— Какъ я, Петя, рада! О-охъ какъ рада!

— Чему?

— Всему.

— Да одѣвайся!

Надѣла она подвѣнечное платье, на голову шелковую косынку, вдѣла въ уши посеребреныя модныя сережки съ янтарными язычками, на шею платокъ—все это продолжалось около часу и впродолженіи этого времени она успѣла вынуть изъ печи пироги и положить ихъ на печь.

— Инъ ты краля какая, Параша! любуясь на жену говорилъ Петръ Савичъ, одѣтый тоже по праздничному.

— Што-ты!!—и Прасковья Игнатьевна кокетливо посмотрѣлась въ зеркало. Щеки ея покраснѣли.

— И ты, голубчикъ, тоже хорошъ. Голосъ ея дрожалъ. Она подошла къ мужу, обняла его и еще разъ поцѣловала.

— Славно Петя! Всегда бы такъ. А?

— Да! вздохнулъ Курносовъ» (Дѣло 1867 г. № 4, стр. 3).

Да, всегда бы такъ! какъ хорошо и весело жить человѣку, когда легко у него на душѣ! Но отчего же такъ не можетъ быть всегда? Оттого, что у этихъ бѣдныхъ людей не хватаетъ 30 коп. въ день чтобы купить себѣ «сига въ 2 фунта, по 5 коп. фунтъ, да поросенка въ 20 коп.» 30 копѣекъ—какъ немного нужно для ихъ счастія! Но именно этихъ-то 30 копѣекъ и нѣтъ! И потому, что нѣтъ ихъ, они мучаются и страдаютъ, истязуютъ другъ друга, превра-

щаютъ свой домъ въ адъ, уродуютъ своихъ дѣтей, тиранятъ своихъ женъ; вѣчно злятся, враждуютъ, негодуютъ! Понимаете ли теперь вы, цивилизованные читатели, въ чемъ кроется причина поражающей васъ дикости и грубости невѣжественной толпы, понимаете-ли вы, почему она такъ упорно отказывается усвоить себѣ ваши нравственные принципы, почему такъ благопріятствуетъ процвѣтанію всяческаго самодурства, произвола, всякаго зла и порока? Понимаете? Потому что у ней нѣтъ сига и поросенка. Въ этомъ сигѣ и поросенкѣ вся суть дѣла. Дайте ей этотъ желанный сигъ и поросенокъ—и вы не узнаете ее: ея грубость и дикость изчезнетъ скорѣе, чѣмъ весною изчезаетъ снѣгъ съ полей; она создастъ себѣ точно такіе же благоразумные принципы, какіе создали и вы; ненормальность ея общественныхъ и семейныхъ отношеній уничтожится, какъ только уничтожатся причины того вѣчнаго раздраженія и недовольства, которыя порождаютъ эту ненормальность.

Наши бѣдные герои лакомились сигомъ и поросенкомъ только въ Успеньинъ день, потому только въ Успеньинъ день они и были счастливы. Затѣмъ опять началось голоданье, опять ссоры, раздраженія, опять сцены, брань и побои. И кончилась вся эта исторія тѣмъ, что Петръ Савичъ совсѣмъ спился, отбился отъ дому,—попалъ какъ-то въ часть и умеръ въ арестантскомъ лазаретѣ. Прасковья Игнатьевна еще помаялась на божьемъ свѣтѣ, таскалась по мѣстамъ, вездѣ, разумѣется, терпѣла горе и наконецъ, «всѣми забытая и покинутая, умерла въ одной изъ общественныхъ больницъ». Вотъ вамъ одинъ изъ самыхъ обыденныхъ образчиковъ *семейнаго счастья*, единственно доступнаго невѣжественной толпѣ. Мечтать о другомъ счастьи значитъ мечтать о сигѣ и поросенкѣ, а мечтать ей о сигѣ и поросенкѣ—это тоже, что мечтать вамъ, цивилизованные читатели, о поѣздкѣ на луну.

Люди невѣжественной толпы знаютъ это очень хорошо и потому многіе изъ нихъ—самые разсудительные и основательные,—тщательно стараются избѣгать, до поры до времени, этого восхитительнаго семейнаго счастія. Припомните, читатель, исторію любви Пелагеи Прохоровны и Короваева, въ романѣ «Гдѣ лучше». Короваевъ очень любилъ Пелагею, она отвѣчала ему взаимностью; оба они находились въ совершенно одинаковомъ положеніи, т. е. ничего не имѣли, и шли искать себѣ по міру работы. Повидимому, соединившись и работая вмѣстѣ, они значительно облегчили бы свою тяжелую ношу и усладили бы свою печальную жизнь. Но Короваевъ понималъ, что значитъ это *облегченіе* и въ чемъ будетъ состоять это

услажденіе, и онъ заглушаетъ въ себѣ чувство любви, бросаетъ свой предметъ довольно въ критическую минуту и отдѣляется отъ него навсегда. Сцена разставанія не блистала особыми эфектами, которыми такъ любятъ щеголять сентиментальныя героини и пустозвонные герои барства, но въ ней было столько истиннаго, глубокаго неподдѣльнаго трагизма, что, читая ее, вы поймете, какія страшныя нравственныя страданія должны были испытывать эти люди, осмѣлившіеся полюбить другъ друга, *не смотря* на свою бѣдность и нищету. Но нищета сдѣлала свое дѣло и заставила таки ихъ проклинать свою любовь, заставила ихъ отказаться отъ нее. Но испытавъ разъ подобную неудачу, разъ вынужденные отказаться отъ своего счастія,—неужели, вы думаете, эти люди въ состояніи будутъ спокойно и добродушно относиться къ окружающей ихъ дѣйствительности, къ окружающимъ ихъ людямъ? Неужели въ этихъ отношеніяхъ не будетъ проглядывать раздраженіе и недовольство? Будетъ, конечно будетъ. А вспомните читатель, что исторія Короваева съ Пелагеей Прохоровной одна изъ самыхъ обыденныхъ исторій, и что такихъ разсудительныхъ мужчинъ, какъ Короваевъ, среди рабочихъ очень много.

VIII.

Какова обстановка—таковы и люди. На дубѣ не выростутъ апельсины; среди гнетущей атмосферы бѣдности и нужды не могутъ выработаться сильные и мужественные характеры. Мы уже видѣли, что та печальная обстановка, которая окружаетъ нашъ рабочій людъ, порождаетъ среди него постоянное раздраженіе и недовольство. Человѣкъ, находящійся въ состояніи постояннаго раздраженія и недовольства, не можетъ съ безпристрастіемъ юриста относиться къ правамъ окружающихъ личностей. Онъ постоянно стремится выйти изъ сферы своего права и вторгнуться въ сферу чужого. Вы можете, читатель, провѣрить справедливость этого факта сами надъ собою, когда находитесь въ раздраженномъ состояніи. Вслѣдствіе этого постояннаго и вполнѣ естественнаго вторженія въ сферу чужого права, является самодурство и произволъ съ одной стороны, рабство, лицемѣріе, нахальство и подлая трусость—съ другой. Всѣ эти свойства не составляютъ какой-то прирожденной осо-

бенности людей невѣжественной толпы; они обусловливаются тѣми ненормальными отношеніями, въ которыя они бываютъ поставлены въ большей части случаевъ. Но чуть только условія эти измѣняются, чуть только человѣкъ переносится въ обстановку болѣе нормальную, всѣ эти дурныя свойства его внезапно изчезаютъ, и его отношенія къ окружающимъ его людямъ становятся самыми миролюбивыми и добродушными. Это легко замѣтить, слѣдя со вниманіемъ за исторіею отношеній. Для примѣра, просимъ читателя вспомнить, ну хоть отношенія Панфила къ Пелагеѣ Прохоровнѣ въ романѣ «Гдѣ лучше». Въ прошлой статьѣ мы уже упоминали, какъ неблагодарно и жестоко поступилъ братъ съ любящей его сестрой, послѣ того, какъ онъ, по ея же, можетъ быть, милости, вышелъ изъ острога. Онъ обокралъ ее. Какая безнравственность, какая грубость! А между тѣмъ, если мы возьмемъ во вниманіе душевное состояніе Панфила, рѣшившагося на такую черную неблагодарность, то мы найдемъ его поступокъ весьма естественнымъ и простымъ. Можно ли было требовать отъ человѣка, находившагося въ его положеніи, холодной, спокойной разсудительности? Можно ли было ожидать, что онъ отнесется съ уваженіемъ къ чужимъ правамъ, послѣ того, какъ его собственныя права были такъ жестоко оскорблены?. Но посмотрите теперь на отношенія того же Панфила къ его сестрѣ и даже къ совершенно чужому ему семейству Ульяновыхъ, въ болѣе спокойныя минуты его жизни, когда у него есть кое-какая работишка, когда «*сегодня*» не приноситъ ему однихъ только безотрадныхъ неудачъ, когда «*завтра*» не грозитъ ему голодною смертью. Онъ помогаетъ своей сестрѣ въ самую критическую минуту, онъ, самъ почти нищій, даетъ ей у себя пріютъ и отыскиваетъ кое-какую работу. Онъ помогаетъ сколько можетъ семейству несчастнаго Ульянова, и когда, разсказываетъ авторъ, онъ приходилъ домой (къ Ульяновымъ), всѣ были ему рады, потому что онъ всегда что нибудь приносилъ. Онъ также умѣлъ чувствовать и любить, какъ и любой изъ васъ, цивилизованные читатели; Вспомните сцену его свиданія съ сестрою. Какъ просто и какъ трогательно! Такъ могутъ встрѣчаться только люди, чувствующіе другъ къ другу очень нѣжныя чувствованія. Но къ несчастію, эти нѣжныя чувствованія у рабочаго люда могутъ проявляться очень рѣдко въ большинствѣ случаевъ нищенствующему труженику совсѣмъ не до нихъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ является намъ жестокимъ, грубымъ, почти дикимъ; но не вините въ этомъ его грубую породу, не вините въ этомъ его невѣжество, не вините въ этомъ его

дурной характеръ; винитe въ этомъ одну только его бѣдность, одну только его нищету.

Но если, съ одной стороны, романы г. Рѣшетникова показываютъ намъ, что такъ называемая невѣжественная толпа въ нравственномъ отношеніи стоитъ нисколько не выше и не ниже толпы цивилизованной, и что хотя она въ своихъ дѣйствіяхъ выказываетъ часто, или даже почти всегда грубость и безнравственность, то причину этого слѣдуетъ искать въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ, которыя заставляютъ человѣка всегда быть, такъ сказать, «не въ своей тарелкѣ», заставляютъ его постоянно раздражаться и сердиться,—если, говоримъ мы, все это доказываютъ романы г. Рѣшетникова, то, съ другой стороны, они доказываютъ совершенную неспособность массы къ осмысленному протесту. Человѣкъ массы прежде всего самый узкій эгоистъ. Причину этого эгоизма слѣдуетъ искать опять-таки не въ его умственной тупости и ограниченности, а въ его матеріальной бѣдности. Онъ понимаетъ, что ежедневно, на практикѣ, онъ чувствуетъ солидарность своихъ интересовъ съ интересами своихъ собратій. Онъ очень хорошо знаетъ, что если сегодня хозяинъ сдѣлалъ какую нибудь пакость съ его товарищемъ, то завтра онъ можетъ сдѣлать ее и ему; онъ знаетъ, что если хозяинъ понизилъ заработную плату Петру, то онъ понизитъ ее и Ивану; онъ знаетъ все это, но все-таки онъ не рискнетъ заступиться за товарища, онъ не рискнетъ отказаться отъ работы изъ-за Петра. Какъ бы ни было твердо въ немъ сознаніе солидарности его интересовъ съ интересами Петровъ и Ивановъ, это сознаніе помрачается и упускается изъ виду передъ грозными требованіями желудка. И если ему приходится выбирать съ одной стороны между требованіями сознанія, съ другой—его желудка, то онъ, какъ и вы, мой цивилизованный читатель, всегда отдастъ предпочтеніе послѣднему. Между тѣмъ, именно эта-то альтернатива и представляется ему каждый разъ, когда является возможность и необходимость дѣйствовать въ смыслѣ общаго интереса. Вслѣдствіе этого общій интересъ всегда упускается изъ виду; каждый дѣйствуетъ врозь, каждый хлопочетъ только о себѣ и каждый проигрываетъ. Думаютъ помочь этому обстоятельству просвѣщеніемъ народа. Просвѣщеніе, какъ мы уже говорили, вещь очень хорошая, но, намъ кажется, что и въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ дѣлѣ исправленія народной грубости и безнравственности, — оно не принесетъ тѣхъ плодовъ, которыхъ ждутъ отъ него просвѣти-

тели-оптимисты. Требованія желудка всегда будутъ оказывать болѣе сильное вліяніе на дѣятельность человѣка, нежели требованія разума, какъ бы ни былъ онъ развитъ; и если, удовлетворяя послѣднимъ, всегда нужно будетъ приносить имъ въ жертву первыя, то объ общемъ, правильномъ солидарномъ протестѣ никогда и думать нельзя. Вы, читатель, можете провѣрить справедливость этихъ словъ сами на себѣ. Вы, вѣдь, конечно считаете себя за человѣка цивилизованнаго; и вы, конечно, въ качествѣ цивилизованнаго человѣка, очень хорошо понимаете, какая тѣсная солидарность связываетъ, съ одной стороны, интересы всѣхъ цивилизованныхъ людей вообще, съ другой, интересы людей цивилизованныхъ съ интересами людей нецивилизованныхъ, а между тѣмъ, во всей вашей практической дѣятельности развѣ проглядываетъ хотя тѣнь этого пониманія? Развѣ вы, цивилизованные люди, встрѣчаясь съ силами, враждебными вамъ, дѣйствуете сообща и солидарно? Развѣ вы, цивилизованные люди, при всякомъ частномъ столкновеніи въ практической жизни своихъ личныхъ интересовъ съ интересами того или другого лица изъ нецивилизованной толпы, не стараетесь рѣзрѣшить споръ исключительно въ свою пользу? Если же на ваши поступки, на вашу практическую дѣятельность оказываетъ такое ничтожное вліяніе ваше теоретическое образованіе, то зачѣмъ же вы ожидаете отъ него какихъ-то волшебныхъ чудесъ, когда оно спустится въ массы. Для того, чтобы человѣкъ дошелъ до такой степени интеллектуальнаго развитія, при которой требованія разума становятся единственно всемогущими требованіями его природы, для этого нужны особыя исключительныя условія, не имѣющія ничего общаго съ тѣми, въ которыхъ находится масса. Ни одинъ оптимистъ во снѣ даже, никогда, вѣроятно, не воображаетъ, будто массу, при теперешней ея обстановкѣ, можно довести до такой высокой точки развитія, до которой и изъ цивилизованныхъ-то людей достигли очень немногіе. Прекрасно, скажетъ недогадливый читатель, просвѣщенія, по вашему мнѣнію, недостаточно для того, чтобы заставить людей массы подчинить свои частные, эгоистическіе интересы интересу общаго блага,—стараясь о просвѣщеніи ихъ, цивилизованная толпа совершаетъ нѣчто, имѣющее большое сходство съ работою Данаидъ,—но въ такомъ случаѣ, мы, вѣдь, попали въ заколдованный кругъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ исхода. Дѣйствуя врозь, въ одиночку, они безсильны — истина эта такъ очевидна, что въ подтвержденіе ея нѣтъ надобности приводить примѣры изъ произведеній г. Рѣшетникова; будучи безсильными, они

не могутъ съ успѣхомъ бороться съ окружающею ихъ бѣдностью; не побѣдивъ окружающей ихъ бѣдности, они не въ состояніи подчинить свою дѣятельность требованію своего сознанія, т. е. не въ состояніи дѣйствовать сообща, солидарно, значитъ ихъ положеніе безвыходно, и цивилизованная толпа можетъ со спокойною совѣстью опустить свои руки и безмятежно предаться утѣхамъ и наслажденіямъ, въ обиліи представляемымъ ей цивилизованною жизнью. Нѣтъ, этотъ выводъ не вѣренъ, бѣдные и глупые люди могутъ дѣйствовать сообща и солидарно, несмотря на свою глупость и бѣдность, но для этого необходимо одно только условіе, для этого нужна твердая увѣренность въ успѣхѣ дѣла; тогда ихъ будетъ двигать не отвлеченная идея, а простой практическій разсчетъ. Недостаточно, чтобы они знали, что ихъ интересы солидарны, недостаточно, чтобы они знали, что дѣйствуя сообща они могутъ выиграть; необходимо, чтобы они были увѣрены, что за нихъ стоитъ сила, и что эта сила поддержитъ ихъ. Только эта увѣренность можетъ объединить ихъ; разъ же объединившись, они почувствуютъ силу и сами въ себѣ. Но до тѣхъ поръ сознаніе собственной силы никогда не можетъ быть вызвано никакими искуственными мѣрами, до тѣхъ поръ ждать отъ нихъ какой бы то ни было инициативы нелѣпо и утопично. Послушайте, какъ они сами объ этомъ разсуждаютъ; для примѣра позволимъ себѣ привести слѣдующій разговоръ промысловыхъ рабочихъ, въ романѣ „Гдѣ лучше.“ Поводомъ къ разговору послужило то обстоятельство, что заводскій приказчикъ Назарка надулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, Терентія Ивановича Горюнова, только-что принятаго на варницу уставщикомъ. Разговоръ происходитъ въ питейномъ заведеніи.

«Што, говорятъ Назарко тебя надулъ? спросилъ одинъ рабочій, обращаясь къ Горюнову, когда тотъ вошелъ.

— А ты почемъ знаешь?

— Это не секретъ. Тутъ, братецъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь. Што жь ты теперь думаешь дѣлать?

— Подожду еще недѣлю, тогда...

— Тогда онъ и скажетъ: покорно благодаримъ, за даромъ-де служили нашей милости.

— Хоть ты и заводскій человѣкъ, а практики у тебя ни на грошъ нѣтъ!

— Чево ты толкуешь? Какую такую механику выдумалъ? прокричалъ другой.

— Уговорить другихъ: не хотимъ-де за эту цѣну робить (работать).

— Дуракъ! Да онъ тебя прогонитъ. Развѣ мало нашего брата, што безъ работы шляются? Развѣ нынѣ мало развелось нищихъ?

— А отчего? Оттого что мы сами плохи.

— Какъ?

— А такъ. Нѣту у насъ согласья. Такъ-то мы по отдѣльности тараторимъ, а сбери насъ всѣхъ, и сало во рту застыло.

Народъ загалдилъ.

— Коснись дѣло до тебя, ты первый лыжи дашь!

— Что же мнѣ одному въ петлю лѣзть? Одинъ въ полѣ не воинъ. А вотъ мы даже на счетъ платы не можемъ сговориться! Што сказано въ положеніи: рабочіе должны выбирать старостъ, а гдѣ они старосты?

— Поди-ка сунься!

— Нѣтъ, можно бы собраться хоть сотнѣ—другой и выбрать приказнаго, смотрителя...

— Што ты толкуешь, братецъ, выбрать... Тебя еще вѣрно не дирали хорошенько-то. Помнишь ли ты прошлогоднее дѣло?» (Отеч Записк. 1868 г. № 6, стр. 522).

Терентій Ивановичъ Горюновъ является въ этомъ разговорѣ представителемъ принципа самопомощи; «оттого, говоритъ, у насъ все плохо, что сами мы плохи.» Онъ совѣтуетъ рабочимъ соединиться и дѣйствовать сообща. Но совѣтъ его встрѣчается всеобщимъ неодобреніемъ и совѣтнику сейчасъ же затыкаютъ ротъ «прошлогоднимъ дѣломъ». Такихъ «прошлогднихъ дѣлъ», въ памяти каждаго рабочаго сохраняется, вѣроятно, безчисленное множество; и воспоминаніе объ нихъ, въ большей части случаевъ, такъ сильно и такъ живо, что одного его достаточно уже для того, чтобы подорвать въ нихъ умахъ вѣру въ полезность, въ счастливый исходъ совокупной дѣятельности. Потому, что бы ни говорила и какъ бы объ этомъ предметѣ ни думала цивилизованная толпа,—толпа нецивилизованная всегда будетъ противницею идеи самопомощи. Для того, чтобы она могла усвоить себѣ эту идею, для этого нужно, чтобы она имѣла вѣру въ собственныя силы; такой вѣры она не можетъ имѣть, потому что ежедневныя, ежечасныя столкновенія ея съ окружающими ее общественными элементами, скорѣе способны возбудить въ ней совершенно противуположное убѣжденіе—убѣжденіе въ своемъ безсиліи.

И дѣйствительно, это убѣжденіе господствуетъ надъ умами мас-

сы,—никакія теоретическія разсужденія и доводы, (если бы даже они были возможны), не поколеблятъ его, потому что оно вытекаетъ изъ опыта, изъ опыта настолько всеобщаго и повседневнаго, что тутъ уже никто не можетъ отговариваться «незнаніемъ».—На всѣ искусные аргументы разныхъ цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ Терентьевъ Иваповичей, эта невѣжественная толпа всегда будетъ давать одинъ отвѣтъ: «а помнишь ли ты прошлогоднее дѣло». И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока она *практически* не убѣдится, пока она собственными глазами не увидитъ, что изчезла безвозвратно самая возможность повторенія «прошлогоднихъ дѣлъ». И вотъ въ эту-то сторону, къ уничтоженію этой-то возможности цивилизованная толпа и должна устремить всѣ свои усилія, если она дѣйствительно хочетъ что нибудь сдѣлать для толпы нецивилизованной. Но если она будетъ продолжать обманывать себя иллюзіями и протягивать руки за помощью туда, куда слѣдуетъ протянуть руку помощи, то пусть она не осмѣливается упрекать эту невѣжественную толпу за ея бездѣятельность и оппозицію, за ея равнодушныя отношенія къ собственнымъ интересамъ. Она, взятая во всей ея совокупности, не вѣритъ и не можетъ вѣрить въ свои силы,—потому она никогда по собственной иниціативѣ не начнетъ и не можетъ начать борьбы съ окружающею ее бѣдностью,—но въ своихъ отдѣльныхъ единицахъ она всегда вела и всегда будетъ вести эту борьбу. Борьба эта, вслѣдствіе своей единичности, носитъ чисто личный характеръ и ея исходъ имѣетъ значеніе только для отдѣльной, заинтересованной въ ней личности, а не для массы вообще. Потому, цивилизованные люди не должны возлагать на эти единичныя усилія, на эти личныя попытки никакихъ слишкомъ широкихъ надеждъ и упованій. Если одному человѣку удастся пробить себѣ дорогу и сколотить кое-какой капитальчикъ, онъ сейчасъ уже спѣшитъ отдѣлиться отъ невѣжественной толпы и становится ея заклятымъ врагомъ, потому что только такимъ способомъ онъ можетъ сохранить и пріумножить этотъ капитальчикъ и для него, бѣднаго, весь свой вѣкъ промыкавшаго въ горѣ и нуждѣ, забота о капиталѣ естественно должна стоять на первомъ планѣ, безусловно господствуя надъ всѣми прочими соображеніями и чувствованіями. Какъ на примѣръ такого вполнѣ естественнаго и необходимаго превращенія мы укажемъ на Корчагина въ романѣ „Глумовы.“—Въ романѣ „Гдѣ лучше“ авторъ изображаетъ намъ единичную борьбу съ противоположнымъ, т. е. несчастнымъ исходомъ. Горюновы, Мокронозова

и Короваевъ, подобно Корчагину, хотятъ пробить себѣ дорогу,—хотятъ найти себѣ такое мѣсто, достигнуть такого положенія, гдѣбы имъ было лучше жить, чѣмъ остальнымъ ихъ собратіямъ. Но Корчагины—рѣдки; въ большинствѣ случаевъ единичные поиски за «лучшимъ» не приводятъ ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Герои послѣдняго романа г. Рѣшетникова служатъ тому самымъ наглядньмъ и убѣдительнымъ доказательствомъ. Долго бродили они по разнымъ «промысламъ» и «заводамъ», по разнымъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, но нигдѣ не находили ничего для себя отраднаго. Бѣдность, нищета, разнаго рода прижимки и несправедливости, какъ неотступныя тѣни преслѣдовали ихъ. Собрались, наконецъ, всѣ они въ Петербургѣ, думая, что авось хоть здѣсь будетъ лучше. Но и эта надежда оказалась тщетною; и здѣсь таже бѣдность и нищета среди рабочаго люда. Послѣ долгихъ и безплодныхъ скитаній, они пришли наконецъ къ убѣжденію, что самое лучшее въ могилѣ. «Ну что, дядя Терентій, гдѣ лучше»? предложилъ Горюнову вопросъ одинъ питерскій работникъ Петровъ.—«Да што, братъ, отвѣтилъ ему на это Терентій Ивановичъ, — богатому человѣку вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ плохо. На томъ свѣтѣ должно быть лучше».—Въ томъ былъ вполнѣ согласенъ и Петровъ. «Это справедливо, говорилъ онъ, никому самъ не мѣшаешь, и тебѣ никто не мѣшаетъ. Вполнѣ спокоенъ. Въ церкви-то вонъ не напрасно поютъ: идежѣ нѣсть болѣзнь, ни печаль, но жизнь безконечная. Не даромъ же, братцы, мы терпимъ такую канитель. А што это справедливо, такъ видно и изъ того, что и по законамъ строго запрещено разрывать могилу покойника. Значитъ еще и уважаютъ. А въ жизни кто тебя уважаетъ»? (Отеч. Зап. №. 10, стр. 473).

Вотъ та грустная философія, къ которой естественно должны были привести эти единичныя попытки найти *лучшее*. Искатели съ отчаяніемъ опускаютъ руки, и говорятъ, что это лучшее въ одной только могилѣ. И вы,—какихъ бы мнѣній вы не держались,—вы должны, читатель, согласиться съ ними, вы должны сознаться, что вопросъ разрѣшенъ вполнѣ правильно, вполнѣ сообразно съ дѣйствительностью. Но не чувствуете ли вы, читатель, что это рѣшеніе,—рѣшеніе, съ которымъ вы не можете не согласиться,—что оно налагаетъ на васъ нѣкоторыя обязанности, и что вы не въ правѣ теперь слагать ихъ съ себя. Прежде вы еще могли обманывать себя успокоительною иллюзіею насчетъ всемогущества личной энергіи человѣка. Теперь вы видите, что есть такія положенія, изъ которыхъ одна

личная энергія, безъ посторонней помощи, вывести не можетъ; вы видите болѣе, что въ такомъ именно положеніи находятся всѣ эти Горюновы, Петровы, Глумовы, Токменцова и многое множество другихъ, на личную энергію которыхъ вы возлагаете такія большія надежды. Личной энергіи, настойчивости въ преслѣдованіи разъ задуманной цѣли, у нихъ дѣйствительно очень много; но это все-таки ни къ чему не приводитъ;—и эти энергическіе и настойчивые люди, послѣ энергической и упорной борьбы, безнадежно опускаютъ руки и съ отчаяніемъ восклицаютъ: «*лучшаго* нѣтъ нигдѣ, кромѣ какъ въ могилѣ»!—Если же они отказываются сами искать своего счастія, если они отказываются отъ своей иниціативы, то этимъ самымъ они предоставляютъ ее вамъ, требуютъ вашей помощи, вашихъ указаній. И вы обязаны, по нашему мнѣнію, вы обязаны, ради собственной пользы,—оказать эту помощь, дать эти указанія. Въ чемъ должны состоять помощь и каковы должны быть указанія,—мы уже говорили объ этомъ выше. Невѣжественная толпа груба, дика, жестока; она перестанетъ быть дикою, грубою и жестокою, когда она перестанетъ быть бѣдною; она перестанетъ быть бѣдною, когда частные, индивидуальные поиски за *лучшимъ*, она объединитъ въ своей общей, совокупной дѣятельности; она станетъ способною къ такой дѣятельности, когда она на практикѣ убѣдится, что за нею стоитъ сила, готовая помочь ей и поддержать ее. Къ созданію этой-то силы и должны быть направлены всѣ стремленія цивилизованной толпы. Но гдѣ она ее найдетъ? Она должна найти ее въ самой себѣ, въ своемъ знаніи, въ своемъ болѣе высокомъ умственномъ развитіи, въ своихъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ условіяхъ, среди которыхъ она живетъ и дѣйствуетъ.

П. Ткачевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обзоръ русской журналистики за текущій годъ. — Почему мы умалчивали до сихъ поръ о журналистикѣ. — Мѣрка для опредѣленія качества журналовъ. — Нравственная связь съ читателями, какъ единственная опора для русскаго журнала. — Взгляды на этотъ предметъ трехъ журналовъ. — «Письмо провинціала о задачахъ современной критики». — «Всемірный Трудъ» о направленіи. — Рядъ противорѣчій въ статьяхъ гг. Соловьева, Крестовскаго, Кельсіева, Мордовцева и Загуляева. — Клубничный элементъ во «Всемірномъ Трудѣ».—Г. Кельсіевъ въ качествѣ журнальнаго jeune premier.—«Вѣстникъ Европы» о направленіи.—Характеръ его хроникъ, ученыхъ и литературныхъ статей.—«Ночь въ лѣтнемъ саду» г Полонскаго и отзывъ объ этой поэмѣ «Всемірнаго Труда». — «Отечественныя Записки» о современныхъ отношеніяхъ публики къ литературѣ. — «Письма изъ провинціи».—Статьи о народности въ литературѣ.—Статьи случайныя.—«Недѣля» и «Искра».

Въ продолженіи всего истекающаго года мы почти ни слова не сказали о современной русской журналистикѣ. Казалось бы, то оживленіе въ нашей періодической печати, какимъ подарилъ насъ 1868 г. представляло множество матеріаловъ для интересныхъ журнальныхъ хроникъ: „Вѣстникъ Европы“ изъ историческаго сборника, выходившаго четыре раза въ годъ, сдѣлался ежемѣсячнымъ журналомъ, прибавивъ къ своей программѣ литературный отдѣлъ; „Отечественныя Записки“, повидимому, совершенно измѣнили свое прежнее направленіе. Еженедѣльный журналъ „Недѣля“ также явился въ совершенно обновленномъ видѣ и съ первыхъ же нумеровъ обнаружилъ явное намѣреніе не имѣть ничего общаго съ бывшей „Недѣлей“ г. Мунта; „Женскій Вѣстникъ“ объявилъ подписчикамъ, что дѣла его совершенно устроились и что онъ будетъ продолжать свое изданіе бе-

зостановочно; „Литературная Библіотека“ запаслась нѣсколькими пикантными по названію романами и обѣщала подарить насъ въ текущемъ году нѣсколькими обличительными статьями „изъ жизни нашихъ нигилистовъ и заговорщиковъ“; „Всемірный Трудъ“ обѣщалъ произвести въ своемъ составѣ какія-то значительныя улучшенія; наконецъ, явился и совершенно новый журналъ «Современное Обозрѣніе», въ которомъ должны были принимать участіе гг. Жуковскій и Пыпинъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими профессорами университета и медицинской академіи. Сколько новостей, сколько перемѣнъ, сколько надеждъ и упованій! Послѣ того глухого литературнаго періода, который предшествовалъ нынѣшнему году, такое богатство журналовъ самыхъ разнообразныхъ направленій должно было одушевить лучшими надеждами и публику и журналистовъ. Для публики открывалась возможность взять въ руки что нибудь получше «Русскаго Вѣстника», а для писателей, не равнодушныхъ къ своимъ убѣжденіямъ,—найдти себѣ пріютъ въ болѣе приличныхъ изданіяхъ, чѣмъ «Всемірный Трудъ». Нѣкоторые даже опасались за послѣдствія такого оживленія. «Что-то будетъ съ нами, что-то будетъ!» печально и въ смущеніи воскликнули гг. Ханы, Соловьевы, Загуляевы и имъ подобные публицисты. Будетъ борьба не на жизнь, а на смерть! храбро обѣщали они своимъ читателямъ.

Мы не боимся этой борьбы, возглашалъ «Всемірный Трудъ», мы ждемъ ее. Мы бросаемъ вызовъ нашимъ противникамъ не вслѣдствіе одной вражды къ ихъ убѣжденіямъ, а главнымъ образомъ потому, что считаемъ ихъ, хотя можетъ быть и безсознательнымъ, но очень вреднымъ *орудіемъ въ рукахъ реакціи*, которой ненавистно современное направленіе нашего общества.

Словомъ, все ждало борьбы—упорной, продолжительной, можетъ быть, даже ожесточенной.

Въ виду такого неожиданнаго оживленія въ періодической печати, наши читатели, повидимому, имѣли полное право ждать отъ насъ подробныхъ и обстоятельныхъ указаній, какіе интересы преслѣдуются новыми органами печати, насколько они обогатили русскую журналистику, насколько разсѣяли тотъ мракъ, который окружалъ въ послѣднее время русскую печать, вообще, насколько оправдали ожиданія своихъ читателей. А между тѣмъ именно это изобиліе новостей и заставило насъ сдерживаться и, до поры до времени, не высказывать нашихъ взглядовъ на дѣятельность новыхъ періодическихъ изданій.

Мы рѣшились молчать, пока новые журналы не выяснятъ окончательно своей физіономіи и не дадутъ намъ возможности, на основаніи цѣлаго ряда статей, судить объ общемъ характерѣ ихъ дѣятельности. Нынѣшній мѣсяцъ, какъ послѣдній мѣсяцъ года, мы считаемъ самымъ удобнымъ для этого временемъ. Слѣдя за дѣятельностью журналистики въ теченіи цѣлаго года, мы, во-первыхъ, имѣемъ возможность не говорить теперь ни слова о тѣхъ явленіяхъ въ нашей печати, которыя оказались мимолетными, какъ „Литературная Библіотека“ и „Женскій Вѣстникъ“, прекратившіеся на первыхъ же книжкахъ, или „Современное Обозрѣніе“, давшее своимъ читателямъ только пять книжекъ; во-вторыхъ, мы можемъ, не вдаваясь въ излишнія подробности и не рискуя ошибиться, представить довольно вѣрную характеристику главнѣйшихъ органовъ печати. Мы остановимся на „Всемірномъ Трудѣ“, „Вѣстникѣ Европы“ и „Отечественныхъ Запискахъ“, потому, что каждый изъ этихъ журналовъ разсчитывалъ занять самостоятельное мѣсто въ журналистикѣ.

Но спрашивается, какую мы возьмемъ общую мѣрку для оцѣнки вышеназванныхъ органовъ печати? Понятное дѣло, что мы не имѣемъ никакой возможности подробно перечислять всѣ статьи, печатавшіяся въ этихъ журналахъ и подробно ихъ анализировать; это прежде всего безполезно, да къ тому же и неудобоисполнимо. Намъ необходимо заручиться какимъ нибудь общимъ положеніемъ, подъ которое можно бы было подвести частные случаи изъ дѣятельности каждаго журнала, и за тѣмъ уже судить, насколько тотъ или другой органъ удовлетворилъ въ теченіи года этому положенію. Напримѣръ, если бы мы рѣшили, что главное качество хорошаго журнала заключается въ печатаніи гладкихъ стиховъ, то намъ было бы легко приложить эту общую мѣрку къ каждому изъ журналовъ въ отдѣльности: кто изъ нихъ напечаталъ въ теченіи года больше стихотвореній, отличающихся гладкимъ стихомъ, тотъ, значитъ, имѣетъ и больше правъ на уваженіе со стороны публики и печати. Или, напримѣръ, еслибъ мы убѣдились, что главнѣйшая задача для журнала заключается въ помѣщеніи у себя эротическихъ романовъ и повѣстей, возбудительно дѣйствующихъ на читателей, то этой мѣркой и пришлось бы руководствоваться при оцѣнкѣ каждаго журнала. Такимъ образомъ, намъ прежде всего необходимо опредѣлить ту общую точку зрѣнія, съ которой можно было бы отвѣчать на слѣдующіе вопросы: какимъ общественнымъ интересамъ удовлетворяетъ тотъ или другой журналъ и ка-

кими потребностями онъ вызванъ? И если онъ, дѣйствительно, служитъ этимъ интересамъ, то въ какой степени и съ какою цѣлью? Затѣмъ опредѣлится само собою и достоинство каждаго органа печати.

Журналистика имѣетъ въ русской публикѣ воспитательное значеніе, не больше, — съ этимъ давно всѣ согласны. Но не смотря на подобное согласіе, далеко не всѣ выяснили себѣ то, въ чемъ прежде всего нуждается журналистика для поддержанія такого значенія, хотя самое слово „воспитательное" прямо указываетъ на тѣ качества, которыя безусловно обязательны для каждаго журнала. Журналъ долженъ имѣть совершенно опредѣленные взгляды на общественные вопросы и выражать эти взгляды возможно честнѣе и проще передъ читателями; журналъ долженъ имѣть совершенно опредѣленную физіономію, то есть быть всегда послѣдовательнымъ и не противорѣчить себѣ не только разными статьями одной и той же книжки, но и въ цѣломъ ряду книжекъ, въ теченіи всей своей дѣятельности; наконецъ, журналъ не долженъ быть индиферентнымъ. Безъ этихъ условій онъ не можетъ установить прочной нравственной связи между собою и своими читателями, то есть не можетъ имѣть прочнаго, постояннаго успѣха. Сегодня, благодаря какимъ нибудь случайностямъ, ему повезетъ, а завтра ему предстоитъ опасность остаться безъ читателей.

Но вредя себѣ, онъ вредитъ и всей вообще журналистикѣ. Въ публикѣ существуетъ совершенно неправильное убѣжденіе, будто выгода каждаго журнала заключается въ томъ, чтобы имѣть какъ можно менѣе конкурентовъ, и что, слѣдовательно, если два органа печати полемизируютъ между собою, то въ основаніи ихъ полемики лежатъ исключительно комерческіе разсчеты. Это мнѣніе, какъ остатокъ прежней рутины, совершенно невѣрно. Конечно, журналъ, существующій собственными силами, то есть, неполучающій ни прямыхъ, ни косвенныхъ субсидій, въ видѣ опредѣленнаго количества чистыхъ денегъ или обязательныхъ подписчиковъ, непосредственно заинтересованъ въ увеличеніи числа постоянныхъ своихъ читателей, потому что самое существованіе его обусловлено извѣстной ихъ нормой. Но это число можетъ быть увеличиваемо вовсе не тѣмъ путемъ, какой предполагаютъ читатели и даже многіе изъ журналистовъ. Для журнала, каково бы ни было его направленіе, несравненно полезнѣе существовать среди другихъ журналовъ, чѣмъ быть монополистомъ общественной мысли. Чѣмъ больше журналовъ и газетъ и чѣмъ разнообразнѣе ихъ дѣя-

тельность, одушевленная лучшими стремленіями и цѣлями, тѣмъ быстрѣе развивается въ обществѣ потребность чтенія, тѣмъ больше увеличивается масса читателей. Точно такое же вліяніе оказываетъ на публику литература вообще. Чѣмъ выше ея уровень, чѣмъ разнообразнѣе и живѣе ея произведенія, тѣмъ кругъ читателей ея становится шире, и она, изъ узкихъ границъ своей національности, выходитъ и дѣлается достояніемъ всего образованнаго міра. Такъ, французская литература, благодаря энциклопедистамъ, возвысившимъ ее до общечеловѣческихъ интересовъ, сдѣлалась литературой не одной Франціи, а цѣлаго свѣта. Французскій журналъ читается какъ въ Россіи, такъ и въ Австраліи, какъ въ Турціи, такъ, въ Италіи. Тому же самому обстоятельству обязана своей громадной популярностью и англійская пресса, у которой можно считать, по крайней мѣрѣ, до двухъ сотъ милліоновъ читателей во всѣхъ частяхъ міра.

Такимъ образомъ, каждый органъ печати, вѣрно понимающій истинные свои интересы, никакъ не можетъ желать того, чтобы имѣть какъ можно меньше конкурентовъ, потому что съ этой стороны ему не предстоитъ ни малѣйшей опасности. Но это положеніе оказывается справедливымъ только въ томъ случаѣ, если вновь возникающіе журналы намѣрены имѣть совершенно опредѣленную физіономію и послѣдовательно излагать передъ читателями свои взгляды. При такомъ нормальномъ положеніи дѣла, каждый журналъ непремѣнно сгруппируетъ подлѣ себя извѣстный кругъ читателей, болѣе или менѣе солидарныхъ съ нимъ въ основныхъ взглядахъ на общественные вопросы; а вслѣдствіе солидарности взглядовъ, непремѣнно явится и та нравственная связь между журналомъ и читателями, которая является какъ результатъ жизненнаго направленія органа и его строго логической послѣдовательности въ своихъ идеяхъ.

Но представимъ себѣ такой случай. Предположимъ, что является какой нибудь журналъ или газета съ цѣлью исключительно спекулятивной. Этотъ журналъ, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ, намѣревается, въ видахъ чисто комерческихъ, держаться серединнаго направленія, или, лучше сказать, не держаться никакого, то есть отчасти придерживаться направленія «Вѣсти», отчасти другихъ органовъ. Какое можетъ онъ имѣть вліяніе и значеніе какъ вообще въ журналистикѣ, такъ и по отношенію къ каждому журналу порознь? Очевидно—самое невыгодное. Тѣмъ или другимъ путемъ, посредствомъ разныхъ заманчивыхъ обѣщаній и другихъ

комерческихъ пріемовъ, онъ можетъ пріобрѣсти себѣ извѣстный кругъ читателей; но не имѣя возможности установить между ними и собою нравственной связи, онъ долженъ будетъ прибѣгать къ разнымъ неблаговиднымъ способамъ, чтобы удержать за собою случайно набранныхъ читателей. Всѣ такіе читатели представляютъ чистый убытокъ въ дѣлѣ журналистики. Привыкая видѣть въ получаемомъ ими журналѣ нѣчто индиферентное, непослѣдовательное, они становятся къ журналистикѣ въ самое фальшивое и невыгодное положеніе. Во первыхъ, они лишаются возможности усвоить себѣ какой нибудь опредѣленный взглядъ на общественные вопросы и слѣдовательно остаются индиферентными, во вторыхъ, привыкаютъ смотрѣть на журналъ, какъ на нѣчто, доставляющее имъ только удовольствіе, въ родѣ карточной игры, рюмки водки и т. п.; наконецъ, привыкаютъ считать журналистику явленіемъ совершенно ненужнымъ и безполезнымъ, отсутствіе котораго никому не можетъ доставить ни особеннаго удовольствія, ни особенной непріятности. Потому-то къ подобному органу печати всякій сознающій себя журналъ долженъ относиться чрезвычайно строго, какъ къ явленію въ высшей степени вредному для всей журналистики.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что главнѣйшимъ качествомъ всякаго журнала, мы считаемъ ясность его направленія и полнѣйшую послѣдовательность. Эти качества мы признаемъ необходимыми въ интересахъ какъ журналистики вообще, такъ и каждаго органа печати въ отдѣльности. Отсутствіе этихъ качествъ дѣлаетъ существованіе журналистики непрочнымъ и не имѣющимъ никакого значенія въ обществѣ. Только при существованіи этихъ качествъ, возможна литературная полемика въ собственномъ смыслѣ, то есть борьба однихъ взглядовъ съ другими.

Повидимому, мы высказываемъ истины слишкомъ простыя для того, чтобы на нихъ стояло такъ долго останавливаться. А между тѣмъ читатели увидятъ, что и на эти простыя истины многіе нападаютъ не сразу, а многіе и совсѣмъ не нападаютъ.

Удовлетвореніе тѣхъ требованій, которыя мы предъявляемъ журналистикѣ, сдѣлалось возможнымъ и необходимымъ съ очень недавняго времени. Лѣтъ двадцать в даже пятнадцать назадъ, въ обществѣ, собственно говоря, не существовало никакихъ „вопросовъ“, вытекающихъ изъ развитія общественной дѣятельности. Поэтому журналистикѣ приходилось имѣть дѣло почти исключительно съ вопросами чисто-литературными, которымъ она и посвящала всѣ свои силы. Поэтому тогда ей не было почти никакой возможности

установить какія нибудь правильныя отношенія между собою и публикой. Придерживался ли журналъ направленія реальнаго, или идеалистическаго—это, по большей части, не имѣло никакого практическаго значенія для читателя. Занимая ту или другую роль въ обществѣ, онъ не могъ вносить въ нее свою личность и свои взгляды. Дѣятельность его была строго опредѣлена извѣстными казенными рамками, выйти изъ которыхъ не оказывалось никакой возможности. Какъ бы онъ ни думалъ, какихъ бы убѣжденій ни придерживался, но въ качествѣ „дѣятеля", каждый долженъ былъ безусловно походить на другого, „не смѣя имѣть своего сужденія".

Теперь передъ нашими глазами происходитъ нѣчто иное: теперь тѣ или другіе взгляды читателя могутъ имѣть очень важныя практическія послѣдствія. Современный читатель можетъ быть присяжнымъ засѣдателемъ, гласнымъ, адвокатомъ, мировымъ судьей и т. д., то есть исполнять такія общественныя обязанности, для которыхъ не существуетъ казенныхъ, разъ навсегда установленныхъ рамокъ, но гдѣ должна принимать участіе его *личность*, гдѣ человѣкъ, не выступая даже изъ предѣловъ закона, можетъ дѣйствовать такъ или иначе. И какъ ни незначительна еще сфера, гдѣ дѣятельность читателя можетъ совершаться по его собственному усмотрѣнію и подъ его личною отвѣтственностью, но во всякомъ случаѣ ей невозможно найти ничего подобнаго въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ.

Мы нарочно указали на эти два противоположныя положенія русской журналистики, съ цѣлью напомнить, что между ними было положеніе переходное, совпадавшее съ началомъ шестидесятыхъ годовъ, когда только подготовлялись тѣ перемѣны въ общественныхъ отношеніяхъ, которыя создали современный порядокъ вещей. Съ одной стороны, журналистикѣ уже невозможно было играть такую мизерную роль, какую играла она въ предшествующее время, съ другой—она не могла еще найти въ тогдашнемъ обществѣ элементовъ для установленія прочной нравственной связи съ читателями. Вотъ почему хотя такая связь отчасти и установилась, при посредствѣ теоретической разработки готовящихся перемѣнъ, но она не могла быть слишкомъ продолжительна. Общественное возбужденіе скоро утихло, и значительная часть читателей, не успѣвшихъ еще твердо установиться въ тѣхъ или другихъ убѣжденіяхъ, оказались разочарованными, а потомъ и совершенно равнодушными къ журналистикѣ.

Въ такомъ именно положеніи находилась часть русской публики

къ началу 1868 года. Дѣйствительно, ближайшіе предшествующіе ему два года были самымъ глухимъ временемъ въ исторіи новѣйшей русской журналистики, и равнодушіе публики къ литературѣ дошло въ это время до крайнихъ предѣловъ. Это было замѣчено почти всѣми журналами въ теченіи настоящаго года, а потому каждый изъ нихъ непосредственно былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы, уяснивши себѣ истинный характеръ подобнаго положенія дѣла, найти болѣе или менѣе вѣрныя средства измѣнить невыгодныя для обѣихъ сторонъ отношенія публики къ журналистикѣ. Мы приведемъ выписки изъ тѣхъ мѣстъ и статей трехъ разбираемыхъ нами журналовъ, гдѣ говорится именно объ этихъ отношеніяхъ и предлагаются средства измѣнить ихъ болѣе выгоднымъ для журналистики образомъ. Мы не будемъ скупиться на выписки, потому что вопросъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, едва ли не самый современный и интересный. Познакомивши нашихъ читателей съ тѣмъ, какъ рѣшается этотъ вопросъ каждымъ изъ трехъ вышеупомянутыхъ журналовъ, мы сдѣлаемъ большую половину дѣла, потому что тѣмъ самымъ познакомимъ ихъ и съ личностью этихъ журналовъ.

„Всемірный Трудъ“ помѣстилъ у себя длинную статью г. Крестовскаго, спеціально посвященную вопросу „какъ относится провинція къ литературѣ“. Г. Крестовскій, на основаніи собственныхъ своихъ наблюденій и соображеній, пришолъ къ тому выводу, что „въ значительной части нашей провинціальной массы проснулась охота читать“, но эту охоту читать г. Крестовскій называетъ „чѣмъ-то примитивнымъ, эмбріональнымъ»; что же касается собственно отношеній читающей публики къ литературѣ, то г. Крестовскій утверждаетъ, что наша литература „вконецъ разошлась съ требованіями жизни, съ нашей русской захолустной дѣйствительностью.“ Затѣмъ онъ приводитъ наиболѣе, по его мнѣнію, распространенный типъ провинціальнаго читателя, который, восхищаясь либеральной журналистикой, вдругъ начинаетъ восхвалять статьи г. Каткова, называя ихъ „восторгомъ и прелесть что такое!“ Онъ, по словамъ г. Крестовскаго,

разражается дождемъ похвалъ «Московскимъ вѣдомостямъ», говоритъ о честности и пользѣ ихъ направленія, о томъ, что онъ самъ русскій человѣкъ и чувствуетъ по русски; и противъ поляковъ гремитъ анафемой, и кандіотамъ сочувствуетъ, и славянскимъ братьямъ и за атлантическимъ друзьямъ, и повѣстями г. Слѣпцова и Холодова восхищается, и Зайцевъ-то свѣтлая головка, и Писаревъ отлично противъ классическаго образованія

написалъ... Вы слушаете, слушаете—что за сумбуръ! Вы сбиты наконецъ съ толку. Что же ты такое въ сущности, мой милый читатель? Подъ какую категорію сочувствователей прикажешь подвести тебя? Сперва я было думалъ, что натолкнулся на губернскаго остроумца, который, прикинувшись простачкомъ, энтузіастомъ, хочетъ немного помистифицировать меня; но нѣтъ, тотчасъ же пришлось убѣдиться въ противномъ и признать въ немъ добродушнѣйшаго смертнаго, который съ равною степенью умиленія и съ равнымъ обожаніемъ относится и къ Писареву съ Курочкинымъ, и къ Каткову съ Аксаковымъ, и къ Краевскому съ г-жею Мессаронш. Одинъ только Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій, благодаря «Искрамъ» et tutti, quanti, остается у него неизмѣнной фабулой, притчей во языцѣхъ... Это наиболѣе распространенный типъ усерднаго читателя, который относится къ литературѣ самымъ благодушнымъ образомъ, даже съ весьма большимъ уваженіемъ и очень любитъ читать.

Нарисовавъ такимъ образомъ картину современныхъ отношеній читателей къ журналистикѣ, и считая эту картину безусловно-вѣрной для большинства русской публики, г. Крестовскій переходитъ къ самому интересному вопросу, именно, къ изложенію причинъ подобныхъ отношеній. Сперва онъ говоритъ, что виновниками такого положенія дѣла слѣдуетъ признать самихъ литераторовъ, которые пишутъ у себя въ кабинетахъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о русской публикѣ, занимаются личной перебранкой другъ съ другомъ, нисколько не интересной для публики, и т. п.; но главная, по его мнѣнію, причина есть „тотъ сумбуръ, который царствуетъ въ самой литературѣ нашей *съ ея лагерями, категоріями, направленіями*“. Фактъ одновременнаго поклоненія двумъ противоположнымъ взглядамъ доказываетъ, по словамъ г. Крестовскаго, только то, что

многіе изъ нашихъ журнальныхъ направленій и теорій народилось у насъ совершенно случайно, самопроизвольно, безъ малѣйшихъ органическихъ требованій, которыя бы лежали въ самой жизни, что эти теоріи и направленія совершенно чужды нашей жизни и даже непонятны для нея во многомъ; что они суть дѣло кабинетовъ, или дѣло самолюбія, иногда свое корыстнаго разсчета—растеніе, неудачно перенесенное съ западной почвы на русскую, которое по этому никакъ не можетъ правильно привиться къ этой почвѣ и выростаетъ на ней какимъ-то страннымъ, безобразнымъ, уродливымъ грибомъ. Короче сказать, дѣло это—совсѣмъ мертворожденное... Про инціальная читающая масса въ этихъ «направленіяхъ» еще не понимаетъ вкусу, ибо покамѣсть чувствуетъ позывъ на умственную пищу вообще, то есть, ищетъ чтенія... Ни наша общественная, ни наша политическая жизнь пока еще не даетъ намъ разумной арены, на которой могла бы серьозно проявиться борьба партій и мнѣній, и которая въ сущности только одна и можетъ порождать ихъ органически.

И такъ, по мнѣнію г. Крестовскаго, то есть „Всемірнаго Труда“, причина нынѣшнихъ отношеній между литературой и публикой заключается главнымъ образомъ въ томъ, что существуютъ журналы, имѣющіе опредѣленную физіономію и старающіеся сообщить своимъ читателямъ извѣстные опредѣленные взгляды, тогда какъ большинство этихъ читателей «требуетъ сказки, интересной и занимательной фабулы“ и разнообразнаго содержанія.

„Вѣстникъ Европы“ замѣчательнымъ образомъ совпалъ со „Всемірнымъ Трудомъ“ во взглядахъ на тотъ же вопросъ. Признавая, что каждый читатель, подписываясь на журналъ, дѣйствуетъ почти также, какъ дѣйствуютъ при выборѣ повѣреннаго, то есть ожидаютъ, что журналъ явится толкователемъ нашихъ интеллектуальныхъ и общественныхъ нуждъ, посредникомъ между нами и остальнымъ міромъ, что нѣкоторая общность интересовъ должна предполагаться между читателями журнала и самимъ журналомъ, слѣдующимъ образомъ высказываетъ свои взгляды:

Наше общество прожило эпоху журнальныхъ направленій, когда всѣ, какъ верстовые столбы, занимались указываніемъ пути, и, какъ верстовые столбы, всѣ оставались на мѣстѣ, если только не двигались назадъ. Мы не существовали въ ту эпоху, и могли потому вмѣстѣ съ другими только читать различныя направленія, направо, налѣво, впередъ, назадъ. Наступила эпоха недовѣрія къ направленіямъ; читатели стали догадываться, что «направленіе» въ журналахъ есть только «фраза», такъ что, собственно говоря, при обращеніи другъ къ другу приходилось говорить не о томъ, что такой-то человѣкъ такого-то «направленія», а—это человѣкъ такой-то «фразы». И нельзя за это винить журналы: въ нихъ отразилось только то, что дѣлалось въ самой жизни. Въ жизни наплодили очень много словъ, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе, нежели идей и вещей; у насъ оказались только «имена и сражающіеся», *а потому мы очутились въ эпоху повальнаго недоразумѣнія.* Кончилось тѣмъ, что журналы потеряли свое значеніе, хотя и сохранили прежнія имена. Между тѣмъ жизнь нашла себѣ другой исходъ, другія школы, и въ числѣ такихъ школъ съ глубокимъ образовательнымъ значеніемъ явились публичные суды.... Надъ всѣмъ этимъ раздавался голосъ судьи, который всѣмъ указывалъ только *одно* направленіе и требовалъ: «правды, одной правды и ничего другаго, кромѣ правды». Возникла у насъ въ это послѣднее время и другая общественная школа, это—земскія учрежденія; они заставили насъ своими руками коснуться самыхъ вещей, принять на себя отвѣтственность за ихъ цѣлость и выслушать другое требованіе: «дѣла, одного дѣла и ничего другаго, кромѣ дѣла». Вотъ новыя направленія нашего времени, которыя, конечно, только еще начинаютъ себѣ прокладывать дорогу, но чувствуется, что она не выдумана, и это уже одно ручается за ихъ дальнѣйшій успѣхъ..... Итакъ, мы просимъ читателей избавить насъ отъ необходимости ставить какое-нибудь «прилагательное» къ нашему направленію. Прежде всего направленіе есть трудъ, дѣло, знаніе.

Такимъ признаніемъ редакція „Вѣстника Европы“ открывала новый годъ изданія своего журнала. Изъ этого признанія оказывается, что „Вѣстникъ Европы“, признавая существованіе недоразумѣній въ отношеніяхъ публики къ журналистикѣ, объясняетъ ихъ, подобно „Всемірному Труду“, существованіемъ различныхъ направленій въ журналистикѣ.

„Отечественныя Записки“ серьознѣе и внимательнѣе другихъ отнеслись къ вопросу о современныхъ отношеніяхъ литературы и публики. Въ мартовской своей книжкѣ онѣ помѣстили „Письмо провинціала о задачахъ современной критики“, принадлежащее очевидно человѣку опытному и слишкомъ горячо относящемуся къ интересамъ литературы. Привѣтствуя нѣкоторое оживленіе въ журналистикѣ, совпавшее съ началомъ 1868 года, авторъ письма высказываетъ свои желанія новымъ или преобразованнымъ органамъ печати. „Желаю, говоритъ онъ, чтобы эти изданія своимъ достоинствомъ возвратили слову *литераторъ* его честное значеніе, *потерянное въ глазахъ читателей*; желаю, чтобъ они возвратили публикѣ ту охоту къ чтенію, *которая значительно ослабѣла*“.

Разсматривая подробно причины, создавшія подобное невыгодное положеніе дѣла, авторъ „письма“, путемъ чисто-историческаго пріема, доказываетъ, что оно произведено вліяніемъ огромной массы индефереттистовъ, появившихся въ нашемъ обществѣ, которые совершенно безразлично относятся къ господствующимъ въ литературѣ партіямъ. „Спутанность понятій, нежеланіе понимать вещи, униженіе достоинства литературы, недовѣрчивость къ критикѣ и возрастаніе индиферентизма составляли характеристическія черты русской мысли въ 1867 году“. Но отчего зависитъ эта масса индеферентистовъ, оказавшая на литературу такое сильное вліяніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы приведемъ выписку изъ „письма“, составляющую главную его сущность и цѣль.

Тому два съ половиною года, пишетъ авторъ, одинъ литераторъ говорилъ другому въ общественномъ собраніи, что названіе литератора дѣлается болѣе и болѣе презрительнымъ въ глазахъ публики *вслѣдствіе непрочности убѣжденій многихъ литераторовъ, вслѣдствіе измѣны этимъ убѣжденіямъ, вслѣдствіе готовности подавать руку той и другой партіи.* Можно ли сказать, что съ тѣхъ поръ большинство литераторовъ стало болѣе уважать собственное достоинство въ этомъ отношеніи и внушило болѣе довѣрія публикѣ? Я не буду говорить о такихъ писателяхъ, какъ гг. Бобарыкинъ и Эдельсонъ. Лица, подавшія примѣръ литературнаго восхваленія «Взбалмошнаго моря», помѣстившія на страницахъ своего журнала первый романъ, прославившій нынѣ знаменитаго г. Стебницкаго, могли и могутъ писать

подъ какими угодно знаменами, въ чьемъ угодно сообществѣ. Но когда одинъ изъ редакторовъ «Эпохи» помѣщаетъ свой романъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»—это характеристично. Еще характеристичнѣе были статьи въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», подписанныя именемъ, которое литературная молва связала съ блаженной памяти Кузьмою Прутковымъ. Я пройду молчаніемъ *многое*. Я не могу упоминать о возмутительныхъ противорѣчіяхъ ученій и жизни. Я постараюсь остаться въ области литературы и ограничусь крупными фактами.—Я упомянулъ о первомъ романѣ г. Стебницкаго. Онъ доставилъ этому автору не весьма почетную, но довольно громкую извѣстность, и вмѣстѣ съ тѣмъ, погубилъ, какъ помнится, «Библіо, теку для чтенія». Многіе сотрудники ее оставили, многіе подписчики отшатнулись. Въ 1867 году еще болѣе громкую и еще менѣе почетную извѣстность получила повѣсть г. Авенаріуса, вкусная смѣсь Казаковы съ Видокомъ. Въ иностранныхъ литературахъ есть подобные образцы, напримѣръ, романы, писанные отставнымъ нѣмецкимъ шпіономъ подъ псевдонимомъ Ретклифа—гдѣ соблазнительныя сцены смѣняютъ другъ друга въ самой милой послѣдовательности... И такъ, г. Авенаріусъ имѣлъ предшественниковъ, но романы Ретклифа вышли отдѣльно; въ Европѣ *ни одинъ журналъ не рѣшился помѣстить ихъ на своихъ страницахъ*. Не потому, что не нашлось редакторовъ, согласныхъ на это, но прямой разсчетъ имъ говорилъ, что подобное помѣщеніе невыгодно, такъ какъ имъ пришлось бы помѣщать статьи только подъ стать Ретклифу, а подобные сотрудники уронили бы журналъ; *другіе же не стали бы въ немъ писать*. Я нисколько не обвиняю гг. Хановъ и др., что они печатаютъ статьи г. Авенаріуса: вѣрно есть читатели, не брезгающіе подобнымъ чтеніемъ, а для издателя, говорятъ, цифра подписчиковъ — все. Но вѣдь рядомъ съ ними у тѣхъ же гг. Хановъ печатаютъ свои статьи и другіе. *И между ними встрѣчаемъ имена, еще вчера уважаемыя.* Что же? Или сообщество г. Стебницкаго, погубившее во время оно «Библіотеку» и усиленное еще г. Авенаріусомъ, теперь стало почетнѣе? Или наши лирики и прозаики настолько не чутки къ достоинству своего имени, что перестали имъ дорожить? Неужели потребность въ насущномъ хлѣбѣ заставляетъ ихъ, трудясь въ подобномъ сообществѣ, *ронять ниже и ниже въ глазахъ публики званіе литератора и доказывать ей наглядно униженіе литературной нравственности?*

Высказавъ такимъ образомъ съ совершенною ясностью тѣ причины, которыя создали современное печальное состояніе литературы, авторъ «письма» обращается къ новымъ органамъ печати съ пожеланіемъ «разогнать ту тяжелую мглу, которая лежитъ на современной мысли, разъяснить требованія науки и жизни, особенно послѣднія, совершенно затемненныя и до крайности запутанныя.» Онъ совѣтуетъ вступить съ врагами мысли въ открытый бой, потому что такихъ враговъ развелось множество. Авторъ заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: «въ присутствіи общаго индиферентизма и повальной неохоты мыслить, надо себѣ опредѣлить *возможное* изъ требованій жизни, отказаться безъ дальней думы отъ *невозможнаго*,

отказаться отъ пріемовъ и вопросовъ *теперь* не достигающихъ цѣли, а затѣмъ смѣло и *неуклонно*, опираясь на законъ, на чувство человѣческаго достоинства и *на крѣпкое убѣжденіе, идти въ избранномъ направленіи*, осуществляя свою программу, борясь за прогрессъ, за истину, за жизнь.»

Эту превосходную характеристику мы могли бы считать выраженіемъ основныхъ взглядовъ «Отечественныхъ Записокъ», еслибъ только редакція напечатала письмо, о которомъ мы сейчасъ говорили, безъ всякихъ оговорокъ, или по крайней мѣрѣ, оговоривъ совершенно точно, въ чемъ именно она съ нимъ не согласна. Но она, «соглашаясь съ основными принципами» письма, тѣмъ не менѣе заявила, что смотритъ нѣсколько ипаче «на разныя частныя явленія нашей журналистики, разсматриваемыя почтеннымъ авторомъ.» И мы, конечно, были бы лишены всякой возможности знать, въ чемъ именно согласна и въ чемъ несогласна редакція съ авторомъ письма, еслибъ въ одной изъ послѣдующей книжекъ не нашли особой статьи, принадлежащей самой редакціи и спеціально посвященной тому же вопросу, который разбирался «письмомъ провинціала.»

Въ этой статьѣ, названной «Признаки времени» и трактующей объ отношеніи литературы къ обществу, мы находимъ сходныя черты съ «письмомъ провинціала» только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о современномъ незавидномъ состояніи журналистики. Здѣсь авторъ не только безусловно признаетъ существованіе весьма печальныхъ отношеній между журналистикой и читателями, но даже нѣсколько преувеличиваетъ дѣло. Полусерьознымъ, полуироническимъ тономъ онъ въ разныхъ мѣстахъ своей статьи высказываетъ слѣдующаго рода мысли:

Одинъ изъ самыхъ характеристическихъ признаковъ современности, говоритъ онъ, — это совершенно особенное положеніе литературы въ русскомъ обществѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ, наше общество до того развилось и умудрилось, что уже не оно руководится литературою, но наоборотъ, литература находится у него подъ надзоромъ. Завелись соглядатаи, наблюдатели, руководители и вдохновители, но болѣе всего развелось равнодушныхъ, которыхъ нельзя подкупить ни пріятнымъ словомъ, ни даже талантливостью, и въ глазахъ которыхъ литература есть одна изъ тѣхъ прискорбныхъ и жалкихъ потребностей, которыя, подобно домамъ терпимости, допускаются въ обществѣ какъ необходимое зло..... Современный литераторъ всего меньше «властитель думъ»; современный литераторъ — это парія, это почти прокаженный. Это существо забитое, вѣчно жмущееся къ сторонѣ, существо, коснѣющимъ языкомъ и съ безконечными оговорками сознающееся въ своемъ

ремеслѣ. Его терпятъ, на него смотрятъ съ снисходительнымъ состраданіемъ потому единственно, что литература вездѣ признается, какъ одна изъ функцій общественнаго бытія.. ... Никогда еще литература не была такъ принижена, такъ покинута, какъ въ настоящее безпутно-просвѣщенное время. Читающая публика изчезла безъ слѣда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и запросъ на литературное дѣло сократился до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ.

Но на этомъ и кончается сходство мыслей, выраженныхъ въ «Признакахъ времени» съ мыслями „Провинціала“. Переходя къ объясненію причинъ современной забитости литературы, авторъ „Признаковъ времени“ совершенно расходится съ авторомъ „Письма“. Этотъ послѣдній главнѣйшую вину современнаго затишья въ литературѣ приписываетъ самимъ литераторамъ, самой журналистикѣ, изъ чего и выводитъ извѣстныя необходимыя для нее обязанности, могущія поправить дѣло, тогда какъ авторъ „Признаковъ времени“ всю вину взваливаетъ исключительно на читающее общество и только уясняетъ фактъ, не дѣлая изъ него никакихъ практическихъ выводовъ. Свое положеніе—что въ современномъ состояніи литературы виновата публика—авторъ излагаетъ такимъ образомъ: наша литература самостоятельнаго значенія и силы не имѣетъ, завися исключительно отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; поэтому и общество не видитъ въ ней ничего для себя путнаго; какъ ни привлекателенъ на его взглядъ какой нибудь сонетъ или мадригалъ, „но въ сравненіи съ учрежденіемъ губернскихъ правленій, онъ далеко не выдерживаетъ даже снисходительной критики.“ Придя къ этому заключенію, даже цивилизованная часть нашей публики начинаетъ видѣть въ литераторѣ „нѣчто въ родѣ трактирной арфистки, вѣчно голодной, а потому вѣчно и умиленно кривляющейся.“ Затѣмъ, когда какія нибудь особаго рода обстоятельства даютъ литературѣ большую противъ обыкновеннаго силу, когда печать начинаетъ казаться необходимымъ, а не случайнымъ элементомъ въ общественномъ организмѣ, когда она становится карателемъ общественныхъ недостатковъ — публика нѣкоторое время смотритъ на нее какъ будто благосклонно; но тѣмъ сильнѣе становится прежняя ея ненависть, когда литература снова теряетъ случайно пріобрѣтенное ею значеніе.

Въ другихъ мѣстахъ своей статьи, авторъ еще болѣе обобщаетъ высказанные имъ взгляды на причины современнаго обезсиленія литературы и еще рѣзче, еще откровеннѣе ставитъ ее въ безусловную зависимость отъ общества. Находя, что толпа не только раболѣпна, но и труслива, онъ приходитъ къ тому выводу, что ни

сатель, который вліяетъ на нее только нравственно, больше чѣмъ кто нибудь другой, на самомъ себѣ убѣждается въ справедливости этой истины. «Еще вчера онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ баловня фортуны, еще вчера около него тѣснился кружокъ людей, громко заявлявшихъ о сочувствіи—и вотъ достаточно одной минуты, чтобы поставить его въ то нормальное одиночество, изъ котораго, при извѣстныхъ условіяхъ жизни, ему не слѣдовало и выходить.»

Толпа, продолжаетъ авторъ, вообще и вездѣ не отличается прозорливостью; она съ трудомъ отличаетъ друзей и недруговъ и въ большинствѣ случаевъ даже не понимаетъ, какимъ образомъ между ею и литературой могутъ образоваться отношенія доброжелательныя или злокозненныя.... Спрашивается, возможно ли, при такой туманности представленій, ожидать преданнаго отношенія къ мысли? возможно ли надѣяться, чтобъ общество когда нибудь заявило о своей устойчивости въ интересахъ мысли? Первое естественное слѣдствіе такой шаткости отношеній обнаруживается въ томъ, что писатель, не имѣя въ виду данныхъ для опредѣленія, къ кому именно обращается его слово, почти всегда дѣйствуетъ на удачу. Можетъ случиться, что слово это падетъ на почву добрую и возраститъ плодъ добрый, но можетъ также случиться, что слово падетъ на навозъ и возраститъ крапиву. Тутъ, стало быть, уже не до прозелитизма, когда дѣло идетъ объ отсутствіи даже той простой понимающей среды, безъ которой дѣятельность писателя есть дѣятельность, вращающаяся въ пустотѣ. А второе естественное послѣдствіе вотъ какое: когда писатель, случайно или не случайно, подпадаетъ опалѣ общества, когда его постигаетъ невзгода—то тутъ уже не только нѣтъ рѣчи о друзьяхъ или недругахъ, но просто на просто всѣ обыватели безразлично сливаются въ одинъ общій хоръ и всѣ едиными устами вопіютъ: ату его! крѣпче! крѣпче! вотъ такъ!..... И такъ, съ одной стороны неустойчивость, какъ слѣдствіе непониманія мысли и неумѣнія поводовъ привязаться къ ней; съ другой стороны, та же неустойчивость, какъ слѣдствіе природной податливости и рыхлости обывательскихъ нравовъ... невольно спрашиваешь себя: какую же цѣль имѣетъ существованіе литературы? кому она нужна? что она можетъ?

Но не смотря на нарисованную имъ печальную картину литературнаго запустѣнія, автору все-таки сдается, «что литература нѣчто еще можетъ». Самая живучесть ея, по его словамъ, «даетъ поводъ думать, что будущее принадлежитъ ей, а не брюхопоклонникамъ.» Такимъ образомъ, свои разсужденія авторъ, въ видѣ общаго вывода, заключаетъ слѣдующими словами:

Ежели мысль содрагается при видѣ ходячихъ крашеныхъ гробовъ, то та же самая мысль съумѣетъ, даже сквозь сплошную массу живыхъ могилъ, провидѣть иныя сферы, иные интересы и требованія, иную температуру, иную жизнь. Какъ ни обширно кладбище, но около него ютится жизнь. Исторія не останавливается оттого, что ничтожество, невѣжество и индиферен-

тизмъ дѣлаются на время какъ бы закономъ и обезпеченіемъ мирнаго человѣческаго существованія. Оно знаетъ, что это явленіе преходящее, что подъ нимъ и рядомъ съ нимъ не угасая теплится правда и жизнь.

Приведенныя нами выписки изъ трехъ различныхъ журналовъ совершенно сходны между собою въ томъ, что касается современныхъ отношеній между литературой и обществомъ; но за этимъ начинается ихъ разногласіе. Причины, создавшія такія отношенія, понимаются ими различно, а потому и средства, предлагаемыя для исправленія дѣла, оказываются также различными. «Всемірный Трудъ», устами г. Крестовскаго, утверждаетъ, что причиной всѣхъ бѣдъ слѣдуетъ считать моду на направленія, что общество едва только начинаетъ интересоваться чтеніемъ, и что поэтому теперь нужно заботиться только о томъ, чтобы давать ему интересный и разнообразный матеріалъ для чтенія, нисколько не заботясь о качествахъ этого матеріала. «Вѣстникъ Европы» точно также признаетъ, что причиною «повальнаго недоразумѣнія» въ отношеніяхъ между журналистикой и публикой слѣдуетъ считать «направленія». Такимъ образомъ, оба эти журнала всю вину современнаго литературнаго запустѣнія взваливаютъ на журналистику. «Отечественныя записки», также не только не отрицающія, но даже преувеличивающія современный разладъ между литературой и обществомъ, всю вину взваливаютъ, напротивъ, исключительно на общество, и прямо выражаютъ свое несогласіе съ мыслями, изложенными по этому поводу въ «Письмѣ провинціала». Первые два названные журнала убѣждены, что сама литература можетъ поправить ею же испорченное дѣло; «Отечественныя записки», напротивъ, думаютъ, что дѣло исправится само собою, по естественному ходу вещей. Такимъ образомъ, мнѣніе «Провинціала», всего ближе подходящее къ тѣмъ признакамъ, которые мы считаемъ необходимыми для *хорошаго* журнала, оказывается одинокимъ, и слѣдовательно, ни одинъ изъ названныхъ нами журналовъ, если судить по вышеприведеннымъ выпискамъ, не подходитъ подъ ту мѣрку, которую мы нашли для оцѣнки органовъ печати.

Разсмотримъ теперь подробнѣе тѣ основанія, на которыхъ построены вышеприведенныя мнѣнія, и то, какъ выразились эти мнѣнія въ дѣятельности каждаго журнала порознь.

«Всемірный Трудъ» утверждаетъ, что нашей читающей публикѣ рано еще знакомиться съ «направленіями», что ей нужно только разнообразное и интересное чтеніе. Легко замѣтить, что здѣсь слово «направленіе» употреблено въ слишкомъ узкомъ смыслѣ, — именно въ томъ смыслѣ, какой придавали этому слову лѣтъ восемь или десять назадъ. Въ то время если говорили, что такой-то журналъ «съ направленіемъ», то это значило, что рѣчь идетъ именно объ *извѣстномъ* направленіи, а не о томъ, что журналъ имѣетъ вообще какую бы то ни было опредѣленную физіономію. Такое неправильное употребленіе слова обусловливалось тѣмъ, что тогда журналы не имѣли еще никакого понятія о тѣхъ требованіяхъ, которымъ должна удовлетворять журналистика; поэтому первая попытка въ этомъ смыслѣ обратила на себя общее вниманіе и произвела то, что общему слову «направленіе» придали исключительный, спеціальный характеръ. Въ настоящее время это не имѣетъ никакого смысла; теперь можно указать много органовъ печати, которые болѣе или менѣе послѣдовательно проводятъ свое направленіе, хотя каждое изъ нихъ мало походитъ одно на другое. «Московскія Вѣдомости» придерживаются преимущественно одного направленія, «Вѣсть»—другого, «Москва»—третьяго и т. д., и каждое изъ этихъ направленій имѣетъ въ виду не однѣ «фразы», а напротивъ, чисто-практическіе интересы, только понимаемые различно. Собственно говоря, въ настоящее время, когда въ область литературы вошли именно практическіе интересы, журналъ или газета безъ *всякаго* направленія немыслимы, какъ не мыслимъ человѣкъ, какъ бы мало онъ ни былъ развитъ, безъ какого нибудь преобладающаго оттѣнка въ его воззрѣніяхъ. И если мы говорили выше, что хорошій журналъ долженъ имѣть вполнѣ опредѣленную физіономію, то именно въ томъ смыслѣ, что направленіе журнала должно проводиться совершенно послѣдовательно и вполнѣ сознательно. Какъ бы ни увѣрялъ насъ хоть тотъ же «Всемірный Трудъ», что онъ даетъ своимъ читателямъ только интересное и разнообразное чтеніе, ревниво оберегая отъ публики свои истинныя симпатіи, мы все-таки съ совершенною ясностью укажемъ ему цѣлымъ рядомъ примѣровъ, каковы именно его симпатіи, потому что онѣ все-таки видны чуть не изъ каждой статьи. Но мы говоримъ не о такого рода направленіи, проводимомъ журналомъ, такъ сказать, безсознательно и, можетъ быть, помимо воли редакціи; мы говоримъ о направленіи осмысленномъ, проводимомъ совершенно послѣдовательно и ненарушаемомъ даже случайными противорѣчія-

ми. Спрашивается, что же можетъ скорѣе сбить съ толку читателя: опредѣленное ли направленіе, являющееся передъ нимъ въ каждой статьѣ журнала, въ обсужденіи каждаго общественнаго и литературнаго факта и ненарушаемое ни однимъ фальшивымъ тономъ,—или же безалаберная смѣсь разныхъ мнѣній, противоположныхъ симпатій, уничтожающихъ одно другое положеній? Какъ, напримѣръ, должно подѣйствовать на читателя помѣщеніе въ одной и той же книжкѣ статьи какого нибудь г. Загуляева, отыскивающаго во всемъ современномъ молодомъ поколѣніи сходство съ студентомъ Даниловымъ, гимназистомъ Горскимъ и т. д. — и статьи хоть г. Мордовцева, который среди кучи собственнаго хлама, высказываетъ о молодомъ же поколѣніи такія мысли, отъ которыхъ не отказался бы самый умный, самый честный литераторъ. Конечно, для насъ, внимательно слѣдящихъ за литературой, совершенно понятно, какой изъ этихъ двухъ отзывовъ объ одномъ и томъ же предметѣ слѣдуетъ считать случайнымъ и какой согласнымъ съ убѣжденіями редакціи; но на читателя, живущаго въ провинціи и читающаго, можетъ быть, только одинъ журналъ, такіе противоположные отзывы должны производить очень невыгодное дѣйствіе; повторяясь постоянно, они, наконецъ, окончательно собьютъ его съ толку и произведутъ именно тѣ явленія, обличителемъ которыхъ является самъ же «Всемірный Трудъ».

Какъ мы увидимъ далѣе, «Всемірный Трудъ» въ разныхъ своихъ статьяхъ высказываетъ такого рода мысли, которыя въ глазахъ сколько нибудь опытнаго читателя, должны весьма ясно обозначить тотъ лагерь, къ которому принадлежитъ редакція этого журнала. Почему же бы ему прямо не сказать, что редакція будетъ исключительно держаться такого-то направленія? Это можно объяснить двумя причинами: во-первыхъ, обозначивши рѣзко свое направленіе, нужно уже держаться его постоянно — а это вещь довольно трудная для тѣхъ, у кого направленіе выработалось случайно и не имѣетъ твердыхъ основаній; а во-вторыхъ, если всему журналу проникнуться воззрѣніями, напримѣръ, г. Загуляева или г. Кельсіева, то многія статьи и мѣста въ нихъ пришлось бы вычеркнуть изъ журнала; но тогда что же останется печатать? Къ тому же, удочкой съ г. Загуляевымъ на концѣ можно бы поймать очень немного подписчиковъ; тогда какъ теперь, печатая рядомъ съ г. Загуляевымъ произведенія нѣсколько иного характера, можно разсчитывать на читателей съ разными взглядами. Что нужды до того, что дѣйствовать такъ—значитъ увеличивать тотъ «мракъ, который

лежитъ на русской мысли» и унижать въ публикѣ значеніе и авторитетъ литературы; до этого нѣтъ никакого дѣла такимъ издателямъ, какъ г. Ханъ и такимъ литераторамъ, какъ гг. Загуляевъ, Щегловъ, Кельсіевъ, Соловьевъ и имъ подобные. Лишь бы была подписка на слѣдующій годъ, а о дальнѣйшемъ можно будетъ позаботиться впослѣдствіи. Конечно, если бы «Всемірный Трудъ» строго слѣдовалъ направленію гг. Загуляева, Кельсіева и т. п., то онъ долго существовать не могъ бы; но, умирая, онъ все-таки оставилъ бы послѣ себя наслѣдство въ лицѣ нѣсколькихъ сотенъ читателей, сохранившихъ нѣкоторое уваженіе къ печатному слову. Въ настоящемъ своемъ видѣ онъ также не можетъ существовать продолжительное время, потому что такіе журналы не живучи, но теперь онъ оставитъ по себѣ очень нехорошую память.

Въ первой своей книжкѣ «Всемірный Трудъ» выразилъ устами г. Соловьева желаніе занять въ литературѣ мѣсто, оставшееся вакантнымъ послѣ того, какъ «Отечественныя Записки», по слухамъ, перешли подъ новую редакцію. «Мы не можемъ не заявить, замѣчаетъ г. Соловьевъ, что сохраненіе *въ извѣстной степени* (?) направленія «Отечественныхъ Записокъ» необходимо не только *ради приличія* (!), но и ради разнообразія журналовъ. *Не всѣмъ же настраиваться на одинъ ладъ!* долженъ же быть журналъ и съ положительнымъ направленіемъ. Ужели «Всемірный Трудъ одинъ въ цѣломъ Петербургѣ долженъ взять на себя эту *трудную роль* (?!)». Въ этихъ словахъ какъ будто высказывается желаніе и даже необходимость, въ противорѣчіе съ мнѣніемъ г. Крестовскаго, имѣть журналу какую нибудь опредѣленную физіономію.

Г. Загуляевъ въ той же самой книжкѣ также старался нѣсколько обрисовать физіономію «Всемірнаго Труда». Въ началѣ нашего «Обозрѣнія» мы уже замѣтили, что онъ обѣщалъ бороться не на жизнь, а на смерть съ своими противниками—но за что и во имя чего бороться?—*защищая новыя учрежденія*. Наивно до ребячества! Какъ будто новыя учрежденія нуждаются въ защитѣ со стороны журналистики, какъ будто тотъ или другой органъ печати можетъ спасти ихъ, если бы правительство нашло нужнымъ сдѣлать въ нихъ какія нибудь перемѣны и наконецъ какъ будто «защита защищеннаго и огражденіе огражденнаго» могутъ характеризовать направленіе органа печати!

Во всякомъ случаѣ ни желаніе занять въ литературѣ мѣсто «Отечественныхъ Записокъ», ни обѣщаніе защищать новые суды и земство, защищать какъ отъ «крайней правой», такъ и отъ

«крайней лѣвой фракціи» никакъ не могутъ установить нравственной связи между журналомъ и его читателями. Да этого, какъ мы видѣли изъ статьи г. Крестовскаго, «Всемірный Трудъ» и не считаетъ нужнымъ; такую связь онъ не только не признаетъ полезной, но считаетъ даже вредной. Послѣ этого можно себѣ вообразить, какую удивительную и разнообразную смѣсь должны представлять двѣнадцать книжекъ подобнаго журнала, и въ какомъ затрудненіи долженъ находиться обозрѣватель, желающій познакомить своихъ читателей съ главными чертами этого журнала. Вы убѣждаетесь только въ одномъ—что журналъ не имѣетъ ровно никакого направленія; но за тѣмъ передъ вашими глазами открывается безграничный океанъ фразъ, мнѣній, воззрѣній, въ которомъ вы совершенно теряетесь. Позвольте, думаете вы, а можетъ быть отсутствіе всякого направленія именно и есть-то направленіе журнала; такъ, покрайней мѣрѣ, слѣдовало бы заключить изъ статьи г. Крестовскаго. Но васъ сбиваетъ съ толку одна изъ статей г. Соловьева, который, разбирая журналы, упрекаетъ нѣкоторые изъ нихъ въ непослѣдовательности, изъ чего вы должны заключить, что послѣдовательность считается со стороны «Всемірнаго Труда» необходимымъ качествомъ для журнала. Далѣе, изъ статьи того же г. Крестовскаго слѣдуетъ, что журналъ долженъ спускаться до понятій читающей публики и давать только то, что можетъ ее интересовать, рискуя въ противномъ случаѣ остаться безъ читателей. Но вдругъ г. Кельсіевъ восклицаетъ, что «нѣтъ ничего противнѣе и возмутительнѣе, какъ рукоплесканія, слышимыя за то, что заслуживши ихъ *поддался вкусамъ и прихотямъ толпы*. «Масса, толпа, поясняетъ онъ далѣе, *ни въ чемъ не судья*. Повиноваться ей и признавать ея приговоръ за нѣчто абсолютное, значитъ продать себя, значитъ потерять вѣру во все святое и сдѣлаться ея лакеемъ[4]. И вотъ ваша прежняя точка зрѣнія оказывается негодною. Далѣе, читаете вы, напримѣръ, такія слова изъ статьи г. Мордовцева, произнесенныя героемъ, весьма сочувственнымъ автору:

Сколько въ Петербургѣ прекрасныхъ свѣтлыхъ личностей, какія богатыя головки вы найдете и подъ стриженными косами, какую жестокую и стойкую войну ведутъ эти хорошенькія головки противъ всего того, что наложило на женщину толстымъ слоемъ пыли и средневѣковое варварство, и современное невѣжество! Вы не смѣйтесь надъ женскими артелями: надо же бѣдной женщинѣ разбить вѣковыя цѣпи, которыя не только наложены на ихъ руки и ноги, но и на ихъ мозгъ, на ихъ сердце, впечатлительное, отзывчивое. Я знаю такихъ женщинъ—въ нихъ надежда нашего и будущаго вѣка. У насъ есть сотни Сусловыхъ, хотя о нихъ не печатаютъ ни

Сѣченовъ, ни Боковъ. Не смотрите на женщинъ, показанныхъ намъ Аве наріусомъ, какъ смотрятъ на нихъ его критики: хлыщи были и есть какъ между мужчинами, такъ и между женщинами.

И въ томъ же самомъ журналѣ печатаются слѣдующаго рода измышленія г. Кельсіева:

У насъ женщины и дѣвушки, чистыя, честныя и благородныя натуры, прослышавши громкое слово *эмансипація*, падали, и то, что случается какъ несчастіе, возвели чуть-чуть не въ догматъ. Кто не знаетъ этихъ исторій, что мужъ, любящій свою жену, нарочно подговаривалъ ее (?!) быть ему невѣрной «во имя права женщины», что жена, любящая своего мужа, во имя этого самаго несчастнаго права, съ его вѣдома ему измѣняла для того, чтобы хвалить свою самостоятельность, въ которой ей даже и нуждаться не приходилось.

Наконецъ, во «Всемірномъ Трудѣ» не мудрено встрѣтить самые противоположные взгляды въ одной и той же статьѣ, и даже по одному и тому же поводу. Возможно-ли, напримѣръ, вывести какое нибудь цѣльное заключеніе изъ слѣдующихъ словъ г. Загуляева, посвященныхъ покойному Писареву:

Писаревъ былъ человѣкъ *высокоталантливый* и *честно* убѣжденный въ томъ, что онъ проповѣдывалъ. Онъ былъ одаренъ громадными способностями и чисто Боклевскимъ даромъ ассимиляціи и дедукціи... Онъ принадлежалъ къ людямъ, которые умѣли пріохотить къ научнымъ занятіямъ *цѣлое поколѣніе нашей молодежи*... Писаревъ высказалъ много *свѣтлыхъ мыслей* и поднялъ въ нашей литературной критикѣ много *существенно важныхъ* вопросовъ».

Какъ соединить этотъ похвальный отзывъ о писателѣ съ тѣми словами, въ которыхъ говорится, что Писаревъ принадлежалъ къ направленію *вредному* для нашего общества, *вредному* для развитія русской жизни и русской науки» Какъ переварятъ все это бѣдные читатели «Всемірнаго Труда»?

Совершенно такое же противорѣчіе въ сужденіяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ мы встрѣчаемъ по поводу отзывовъ о г. Стебницкомъ. Въ одной книжкѣ «Всемірнаго Труда» этого писателя называютъ *тенденціознымъ*, а повѣсть его—смѣлою и написанною „съ большимъ тактомъ“; другая же книжка признаетъ въ немъ только «извѣстную даровитость и бойкость» и отрицаетъ существованіе „*всякихъ убѣжденій*“.

Словомъ, подобныя противорѣчія мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу, и исчислить ихъ здѣсь нѣтъ никакой возможности. Намъ скажутъ, можетъ быть, что это мелочи. Однакоже эти мелочи по-

казываютъ, что между людьми, сотрудничающими въ одномъ и томъ же журналѣ, все таки идетъ разноголосица, что каждый изъ нихъ пишетъ свое, и что если между ними есть что нибудь общаго—то это: одинаковая безталанность, одинаковая ограниченность и одинаковое непониманіе задачи журналиста.

Повидимому, «Всемірный Трудъ» самъ понимаетъ, что ему трудно разсчитывать на успѣхъ въ современной читающей публикѣ, и потому-то онъ особенно дорожитъ такими статьями, въ которыхъ наиболѣе развита клубничная сторона. Во «Всемірномъ Трудѣ», какъ извѣстно, было напечатано «Повѣтріе»; «Всемірный же Трудъ» пріютилъ у себя «Жертву Вечернюю» г. Бобарыкина и «Новые русскіе люди» г. Мордовцева. Обѣ эти повѣсти пропитаны клубничнымъ запахомъ; первая же изъ нихъ, кажется, спеціально и написана ради изображенія разныхъ клубнично-эротическихъ сценъ. Одинъ изъ критиковъ, разбиравшихъ романъ или повѣсть г. Бобарыкина, замѣтилъ, что при чтеніи ея, почти на каждой страницѣ чувствуешь «ощущеніе пола». Дѣйствительно, это совершенно справедливое замѣчаніе. Мы положительно утверждаемъ, что главная цѣль и г. Боборыкина и г. Хана заключалась единственно въ томъ, чтобы раздражить до невозможности спинные хребты читателей; остальныя же сцены, не дѣйствующія подобнымъ возбудительнымъ образомъ, написаны единственно для приличія.

Затѣмъ, исключая клубничности и постоянныхъ противорѣчій, на примѣры которыхъ мы указывали, во «Всемірномъ Трудѣ» за весь годъ рѣшительно не на чемъ остановится. Даже *задорная* его сторона отзывается крайнею безталанностью и безцвѣтностью, такъ что вмѣсто огорченія вызываетъ на лицѣ лѣнивую усмѣшку. Въ составъ этого журнала вошли статьи самаго разнообразнаго, хотя и очень неинтереснаго для русской публики свойства. Тутъ вы встрѣтите такія статьи, какъ «Очерки Тульчи», «Корреспонденція Наполеона 1-го», «Максимиліанъ, императоръ мексиканскій», «Изъ записокъ кавказскаго военнаго инженера», «Жизнь и дворъ персидскаго шаха»,—словомъ, статьи, которыя невольно переносятъ васъ во времена «Библіотеки для Чтенія» барона Брамбеуса. Уже по одному названію этихъ статей вамъ кажется, что вы ихъ гдѣ-то и когда-то читали, что это старые ваши знакомые. Тутъ же кстати попадаются вамъ и подходящія имена: старца Лажечникова, г.г. Ахшарумова, Щеглова и имъ подобныхъ заштатныхъ публицистовъ, романистовъ и критиковъ. Единственный *оригинальный* мотивъ, который рѣзко выдается изъ ряда статей за цѣлый годъ и подобнаго которому мы

не встрѣчали до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, это—жалобы на то, что русскіе литераторы не приняты въ высшемъ обществѣ. Этотъ мотивъ слышался въ нѣсколькихъ мѣстахъ романа г. Бобарыкина, а г. Кельсіевъ развилъ его весьма обстоятельно въ статьѣ «Обличитель прошлаго вѣка». Г. Кельсіевъ очень сокрушается о томъ, что наши аристократки «весьма охотно идутъ замужъ за такихъ дешевыхъ французскихъ литераторовъ, какихъ у насъ самихъ чрезвычайно много, тогда какъ за русскихъ замужъ не только нейдутъ, *но даже знакомствомъ ихъ своимъ не удостоиваютъ*». И г. Кельсіевъ прибавляетъ, что «винить въ этомъ нашихъ аристократокъ рѣшительно не за что», такъ какъ наша «неуклюжая косолапая интелигенція не только ни сѣсть, ни встать не умѣетъ, не только не умѣетъ говорить въ обществѣ или запять собой, но даже личностью своею привлечь никого не можетъ». Не сами ли послѣ этого виноваты русскіе писатели, прибавляетъ г. Кельсіевъ, въ томъ, что довели себя «до подобнаго *униженнаго* положенія?» Не менѣе курьозна по своей оригинальности статья того же г. Кельсіева о г. Полонскомъ, произведенномъ въ юмористы за два произведенія: «Кузнечикъ-музыкантъ» и «Ночь въ Лѣтнемъ саду», о послѣднемъ изъ которыхъ мы скажемъ ниже. Въ этой статьѣ г. Кельсіевъ взываетъ къ небесамъ о ниспосланіи грома на главы русскихъ реалистовъ, которые требуютъ отъ всякаго произведенія прежде всего мысли и потомъ уже изящной формы, а не наоборотъ, и которые сдѣлали то, что «талантливѣйшіе» изъ нашихъ писателей перестали писать, а сдѣлались сатириками на современное общественное настроеніе.

Н. Ѳ. Щербина пересталъ быть лирикомъ и ничего не производитъ, кромѣ талантливыхъ, злыхъ эпиграмъ, которыя *не печатаются*, но которыя каждый (?) знаетъ наизустъ. Кроткій и тихій Я. П. Полонскій изъ лирика сдѣлался юмористомъ. А. Н. Майковъ пересталъ писать вещи въ родѣ первой части «Трехъ Смертей» и отдался исключительно произведеніямъ, пишущимся по случаю.

Г. Кельсіевъ, какъ человѣкъ, желающій быть критикомъ, вмѣсто того, чтобы плакаться на судьбу по поводу подобныхъ явленій, сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибъ вдумался серьознѣе въ это явленіе и далъ себѣ ясный отчетъ, отъ чего же оно зависитъ? Почему люди старые, опытные, во всеоружіи своихъ чисто-художественныхъ доспѣховъ не выдерживаютъ борьбы съ юными епами реалистовъ и уступаютъ имъ мѣсто? Неужели только потому, что «художникъ народъ вообще робкій, то есть не способный къ полемикѣ и не-

умѣющій себя защитить»? Впрочемъ этотъ вопросъ всего лучше разрѣшается собственными же словами г. Кельсіева, сказанными имъ всего мѣсяцъ спустя послѣ статьи о г. Полонскомъ: «если меня не читаютъ, стало быть я плохо пишу; если меня не слушаютъ, стало быть я или вздоръ говорю, или говорю непонятно». Этими же словами всего приличнѣе закончить и нашъ отзывъ о „Всемірномъ Трудѣ".

Переходя къ разсмотрѣнію дѣятельности „Вѣстника Европы" въ 1868 году, мы должны напомнить, что этотъ журналъ совершенно согласно съ „Всемірнымъ Трудомъ" понимаетъ причины, создавшія недоразумѣнія въ отношеніяхъ публики къ журналистикѣ. Такими причинами онъ считаетъ, какъ мы сказали, журнальныя направленія, за которыми, по его мнѣнію, всегда скрывалась одна фраза. Что же намѣренъ былъ „Вѣстникъ Европы" противопоставить въ своей дѣятельности фразѣ, чтобы возстановить порванную связь между читателями и литературой? Правду и дѣло, отвѣчаетъ «Вѣстникъ» — ту правду, которая олицетворилась въ формѣ новаго гласнаго судопроизводства, и то дѣло, котораго требуютъ новыя земскія учрежденія. Въ поясненіе этой туманной мысли, „Вѣстникъ Европы" прибавляетъ: „новое требованіе отъ насъ правды можетъ быть удовлетворено развитіемъ общественной совѣсти, а для дѣла нужно обогащеніе ума и воспитаніе мысли".

Не трудно замѣтить, что все это не больше какъ фразы, изъ которыхъ ровно ничего нельзя извлечь, къ тому же фразы не продуманныя, не выясненныя даже для самой редакціи. Ей что нибудь нужно было сказать по случаю преобразованія «сборника» въ «журналъ», а такъ какъ это преобразованіе совершалось, очевидно, не вслѣдствіе сознанной редакціей потребности въ такомъ преобразованіи, то при этомъ и не могло быть сказано ничего продуманнаго, ничего, имѣющаго какой нибудь смыслъ. Редакція, очевидно, не имѣла ровно никакого понятія о томъ, чѣмъ долженъ отличаться сборникъ отъ журнала; ей казалось, что стоитъ только вмѣсто четырехъ книжекъ въ годъ давать двѣнадцать, да ввести въ программу литературный отдѣлъ — и сборникъ тотчасъ

же сдѣлается журналомъ. Но такое предположеніе очень ошибочно. Сборникъ, каково бы ни было его преобладающее содержаніе, никого не можетъ ввести въ заблужденіе своей программой. Сборникъ математическій выписываютъ люди, интересующіеся математикой, сборникъ историческій — люди, интересующіеся исторіей и т. д.; но журналъ выписываетъ *публика*, въ составъ которой входятъ настолько разнообразные элементы, что нѣтъ возможности подвести ихъ подъ какую нибудь опредѣленную спеціальность. Прекрасныя статьи, помѣщаемыя въ сборникахъ, то-есть, имѣющія извѣстное научное достоинство, могутъ быть рѣшительно негодными для помѣщенія въ журналѣ. Ученый сборникъ точно также относится къ журналу, какъ ученый спеціалистъ къ публицисту. Для публициста могутъ быть очень полезны многіе ученые труды, но *публикѣ* они въ такомъ только случаѣ принесутъ какую нибудь пользу, если ими воспользуется публицистъ, сопоставивъ ихъ извѣстнымъ образомъ съ практическими общественными вопросами. Выпустите въ публику цѣлую сотню самыхъ замѣчательныхъ трудовъ ученыхъ спеціалистовъ — они не принесутъ и тысячной доли той пользы, какую принесетъ одна умная публицистическая статья, основанная на тѣхъ данныхъ, которыя заключаются въ этой сотнѣ ученыхъ статей. Сборникъ даетъ читателю *сырые* матеріалы, обработанные научнымъ образомъ, тогда какъ журналъ долженъ *осмыслять* эти матеріалы и дѣлать ихъ доступными большинству читателей. Отсюда слѣдуетъ, что сборникъ можетъ не имѣть, или лучше сказать, не можетъ имѣть какого нибудь опредѣленнаго направленія, тогда какъ журналъ *долженъ* его имѣть. Это различіе въ требованіяхъ основывается на томъ фактѣ, что одинъ и тотъ же сырой научный матеріалъ очень часто служитъ основаніемъ для самыхъ противоположныхъ выводовъ. Осмысляя этотъ матеріалъ, человѣкъ невольно проявляетъ свою индивидуальность, то-есть осмысляетъ его въ томъ *направленіи*, которое обусловливается всею личностью человѣка. Въ журналахъ съ самымъ опредѣленнымъ направленіемъ помѣщались и помѣщаются статьи серьезнаго, почти научнаго содержанія, но это нисколько не исключаетъ для нихъ возможности имѣть извѣстную практическую цѣль, то-есть опредѣленное направленіе; но помѣщать въ журналѣ какую бы то ни было статью за то только, что она научна или серьезно написана—значитъ обращать журналъ въ простой сборникъ. Такимъ именно сборникомъ и остался «Вѣстникъ Европы», не смотря на

измѣненный срокъ въ выходѣ его книжекъ, — сборникомъ совершенно безличнымъ и сухимъ.

Мы едва ли ошибемся, если предположимъ, что «Вѣстникъ Европы», согласный съ «Всемірнымъ Трудомъ» во взглядахъ на журнальныя «направленія», точно также сходится съ нимъ и въ исключительномъ пониманіи этого слова. Ему, повидимому, кажется, что уже одно названіе журнала «съ направленіемъ» непремѣнно предполагаетъ какое нибудь *извѣстное* направленіе, которому «Вѣстникъ Европы» не сочувствуетъ. Поэтому, называя, собственно говоря, *только такое* направленіе «фразой», и вычеркивая его изъ своей программы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрекся и отъ *всякаго* направленія, назвавъ его не только излишнимъ, но и вреднымъ для журнала. Вмѣсто направленія, то-есть вмѣсто «фразы», у него явилось «дѣло», то-есть отсутствіе всякаго направленія. Для насъ совершенно ясно какимъ образомъ редакція «Вѣстника Европы» додумалась до такой мысли. Исходя изъ совершенно ложнаго положенія, что направленіе предполагаетъ въ журналѣ нѣсколько поверхностное отношеніе къ предметамъ и «легкомысленный» тонъ, какъ выражались лѣтъ пять назадъ, и считая подобный тонъ не согласнымъ съ современными требованіями, она отреклась отъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ отреклась и отъ направленія. Она хотѣла быть *солидной*, а потому сочла для себя неприличнымъ имѣть какое нибудь направленіе. Такое ошибочное пониманіе слова *солидность* сгубило уже одинъ журналъ, именно «Современное Обозрѣніе», которому показалось, что *перемѣна тона* условливаетъ собою и перемѣну направленія. Одно и тоже направленіе можетъ держаться самыхъ разнообразныхъ тоновъ, смотря по требованіямъ времени или обстоятельствъ; оно можетъ прибѣгать къ насмѣшкѣ или къ серьезной критикѣ и все-таки оставаться однимъ и тѣмъ же. Напримѣръ, въ настоящее время совершенно неумѣстенъ и неудобенъ тотъ *тонъ*, который былъ въ ходу въ русской журналистикѣ лѣтъ шесть-семь назадъ; люди, писавшіе тогда *такъ*, могутъ писать теперь *иначе*, но это нисколько не налагаетъ на нихъ обязанности измѣнять свой образъ мыслей. Точно также и «Вѣстникъ Европы», нисколько не усвоивая себѣ легкомысленнаго тона, и даже не разставаясь съ научными пріемами, очень удобно могъ бы имѣть какое нибудь опредѣленное направленіе, чтобы сдѣлаться дѣйствительно *журналомъ*, а не оставаться тѣмъ самымъ сборникомъ, какимъ онъ былъ и въ первые два года своего существованія.

Намъ могутъ сказать, что «Вѣстникъ Европы» потому уже нельзя называть сборникомъ, что въ составъ его входятъ всевозможныя хроники, какъ-то: судебная, земская, иностранная, библіографическая и т. д., наконецъ, что у него существуетъ литературный отдѣлъ. Но этотъ-то послѣдній отдѣлъ и заставляетъ насъ строго относиться къ «Вѣстнику Европы». Не будь въ немъ литературнаго отдѣла, публика не могла бы заблуждаться на его счетъ, считая его, какъ и прежде, просто историческимъ сборникомъ. Между тѣмъ редакція «Вѣстника Европы» именно этимъ-то отдѣломъ и желала замаскировать передъ читателями истинный свой характеръ. Мало того, она употребляла всѣ старанія, чтобы привлечь къ себѣ гг. Тургенева, Гончарова и т. п., на имена которыхъ публика до сихъ поръ еще накидывается жадно, не смотря на то, что, напримѣръ, «Бригадиръ», г. Тургенева, напечатанный въ первой книжкѣ „Вѣстника“, есть такой разсказъ, подобныхъ которому каждый гимназистъ напишетъ цѣлый десятокъ. Конечно, года черезъ два публика разочаруется окончательно въ своихъ бывшихъ любимцахъ, упавшихъ до возможности писать „Бригадировъ“, „Собакъ“, „Лейтенантовъ Ергуновыхъ“ и т. д., но теперь, повторяемъ, она ими еще увлекается, и редакція „Вѣстника Европы“ очень хорошо это понимаетъ. Но такъ какъ одно существованіе въ журналѣ литературнаго отдѣла не можетъ превратить сборника въ журналъ, а съ другой стороны, такъ какъ публика, благодаря этому отдѣлу, особенно съ участіемъ гг. Тургенева и Гончарова, расположена смотрѣть на „Вѣстникъ Европы“, пожалуй даже, какъ на *хорошій* журналъ, то естественно, что читатели вводятся въ сильнѣйшее заблужденіе и составляютъ себѣ совершенно ложное понятіе о журналѣ.

Что же касается до упомянутыхъ выше хроникъ, то составители ихъ ухитряются писать весьма оригинальнымъ образомъ. Ни въ одной изъ этихъ хроникъ вы не замѣтите личности автора, его симпатій и антипатій. Всѣ онѣ приведены къ общему знаменателю, какъ будто всѣ разомъ писаны съ одного почерка. Безличность ихъ, какъ и безличность всего журнала, не имѣетъ впрочемъ, ничего общаго съ безличностью «Всемірнаго Труда». Тамъ эта безличность является слѣдствіемъ постоянныхъ противорѣчій, хотя авторы не отказываются объяснять факты съ своей личной точки зрѣнія; здѣсь же—это безличность сознательная, намѣренная, принципная. Здѣсь вы не встрѣтите ни одного абсурда, въ родѣ того, что гласный судъ развращаетъ народъ, но и не встрѣтите ни одной умной

мысли, ни одного живого слова. Всѣ эти хроники составляются по казенной мѣркѣ, казеннымъ языкомъ и непремѣнно *на законномъ основаніи*. Можетъ случиться, что васъ вдругъ остановитъ на себѣ, повидимому, смѣлая и оригинальная мысль. Но всмотрѣвшись въ нее, вы тотчасъ же убѣждаетесь, что это не мысль, а нѣкоторая варіація какой нибудь статьи «учрежденія судебныхъ установленій» или «устава уголовнаго судопроизводства». Далѣе, самый выборъ предметовъ для хроникъ выказываетъ стремленіе редакціи говорить только о такихъ вопросахъ, насчетъ которыхъ составилось уже болѣе или менѣе опредѣленное общее мнѣніе. Народное образованіе полезно, и жаль, что у насъ мало народныхъ школъ; земство — вещь очень хорошая, но жаль, что часто собранія не составляются по недостатку гласныхъ; судъ не можетъ мѣшать администраціи; желательно, чтобъ желѣзно-дорожное дѣло развивалось въ Россіи, тарифъ либеральный лучше тарифа покровительственнаго и т. п. Словомъ, рѣчь идетъ постоянно о такихъ предметахъ, которые хотя не лишены общественнаго значенія, но не имѣютъ *непосредственно* общественнаго интереса. Притомъ же, толкованіе о пользѣ или вредѣ той или другой мѣры никогда не переходитъ за предѣлы самой этой мѣры; то есть, если «Вѣстникъ Европы» говоритъ, напримѣръ, о земствѣ, то онъ никогда не позволитъ себѣ коснуться этого предмета съ журнальной точки зрѣнія; нѣтъ, онъ будетъ говорить такъ, какъ говорилъ бы, сочувствующій земству, предводитель дворянства или предсѣдатель земской управы, офиціально бесѣдуя съ гласными; если дѣло коснется судебныхъ вопросовъ, то и о нихъ «Вѣстникъ Европы» начинаетъ говорить такъ, какъ говорилъ бы дѣльный и усердный предсѣдатель окружнаго суда или даже членъ судебной палаты и т. п. И предводитель дворянства, и предсѣдатель земской управы или окружнаго суда, и членъ судебной палаты будутъ говорить весьма дѣльно и толково, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но несомнѣнно и то, что для публики ихъ рѣчи не могутъ представлять интереса, да и польза ихъ въ высшей степени сомнительна. И какъ у всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ вы не встрѣтите *личнаго* взгляда на дѣло, такъ не найдете вы его и въ хроникахъ «Вѣстника Европы». Это въ буквальномъ смыслѣ слова *хроники*, то есть сводъ въ одно извѣстныхъ фактовъ, связанныхъ между собою казеннымъ способомъ. А такія хроники не въ состояніи придать сборнику журнальнаго характера.

Почти той же мѣрки придерживается редакція «Вѣстника Евро-

пы» при составленіи своего первого отдѣла, то есть литературнаго и ученаго. Можетъ быть изъ нѣкоторыхъ ея статей, осмысливъ и освѣтивъ ихъ надлежащимъ образомъ, и могло бы получиться нѣчто интересное для читающей массы, но такихъ освѣщеній «Вѣстникъ Европы» не допускаетъ, помѣщая статьи въ сыромъ видѣ, такъ, какъ они есть. И мы убѣждены, что большинство этого рода статей остаются не разрѣзанными. Такова, напримѣръ, статья Влад. Стасова «Происхожденіе русскихъ былинъ». Предметъ ея, пожалуй, могъ бы имѣть и общій интересъ, еслибъ самая статья была, написана для журнала, а не для сборника. Г. Стасовъ доказываетъ что русскія былины имѣютъ восточное происхожденіе, а вовсе не созданы народной русской фантазіей; что такимъ образомъ для насъ оказывается необходимымъ близко познакомиться съ созданіями монгольской, калмыцкой, киргизской, башкирской, армянской и грузинской поэзіи, а также съ пѣснями и поэмами разныхъ сибирскихъ и кавказскихъ племенъ и народовъ. Такое изученіе, по словамъ г. Стасова, можетъ сообщить намъ совершенно новыя данныя по русской исторіи, „и первыя страницы нашей лѣтописи, въ большинствѣ случаевъ, могутъ оказаться точно такимъ же повтореніемъ восточныхъ легендъ и разсказовъ, какъ и наши былины“. Отсюда, повторяемъ, видно, что г. Стасовъ затрогиваетъ вопросъ, повидимому, не лишенный общаго интереса. Но намъ интересно бы знать, сколько именно подписчиковъ «Вѣстника Европы» прочли эту статью, растянувшуюся на пространствѣ *шести* книжекъ, занявшую до двадцати пяти печатныхъ листовъ и написанную такимъ образомъ, какъ пишутъ, обыкновенно, для спеціалистовъ? Признаемся, у насъ, по крайней мѣрѣ, не хватило ни охоты, ни силъ прочитать эту статью страница за страницей, хотя она и намѣрена произвести переворотъ въ господствующихъ взглядахъ на народную поэзію.

Но статья г. Гильфердинга „Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ“ не имѣетъ даже и тѣхъ достоинствъ, которыя могла бы имѣть статья г. Стасова при другомъ изложеніи. Это уже вполнѣ безхитростное спеціально-историческое изслѣдованіе, помѣщенное, по словамъ редакціи „Вѣстника“, единственно въ виду „той легкости, съ какою рождаются самыя нелѣпыя теоріи по этому предмету въ западной литературѣ вообще и во французской въ особенности“. Опять-таки, для сборника эта статья, быть можетъ, и могла бы имѣть какое нибудь значеніе, но въ журналѣ ей вовсе не мѣсто.

Къ числу подобнаго же рода статей нужно отнести: „Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей“ г. Костомарова, „Сектаторы-колонисты въ Россіи“ г. Клауса, „Князь Волконскій и его донесенія изъ Польши“ г. Дубровина, „Древнѣйшая повѣсть въ мірѣ“ г. Стасова, „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“ г. Попова и другія, перечислять которыя слишкомъ утомительно.

При выборѣ статей чисто-литературныхъ, редакція «Вѣстника Европы» руководствуется, повидимому, тѣми же соображеніями, какими руководствовались прежде «Отечественныя записки». Ей не нужно мысли въ произведеніи, для нея неимѣетъ никакой цѣны то или другое его направленіе — ей нужны *только* имена. Что бы ни написали г.г. Тургеневъ или Гончаровъ — она все съ удовольствіемъ напечатаетъ и даже заплатитъ большія деньги. Помѣщеніе ученическаго разсказа «Бригадиръ» съ подписью г. Тургенева лучше всего это доказываетъ. «Письмо провинціала», о которомъ мы упомянали выше, высказывало, между прочимъ, ту мысль, что г. Стасюлевичъ, обѣщая не держаться никакого направленія, самъ клеветалъ на себя, что честный и добросовѣстный журналъ не имѣетъ возможности остаться безъ направленія и что, наконецъ, въ «Вѣстникѣ Европы», невозможны г.г. Стебницкіе, Авенаріусы, Клюшниковы, Писемскіе и имъ подобные журналисты. Но «Провинціалъ» долженъ окончательно разочароваться въ своихъ надеждахъ, прочитавъ поэму г. Полонскаго: Ночь въ лѣтнемъ саду», напечатанную въ шестой книжкѣ «Вѣстника Европы». Для редакціи, при помѣщеніи поэмы, достаточно было того, что подъ нею подписана фамилія г. Я. Полонскаго, давнишняго поэта, имѣющаго достаточную извѣстность въ литературѣ. Мы не предполагаемъ въ редакціи «Вѣстника Европы» никакихъ другихъ соображеній при напечатаніи этой поэмы, единственно потому, что не видимъ въ „Вѣстникѣ“ ровно никакого направленія; но поэма г. Полонскаго во всякомъ случаѣ такого свойства, что кладетъ крайне сомнительный колоритъ на журналъ, давшій ей у себя мѣсто.

Г. Полонскій принялся устами баснописца Крылова обличать современныя „язвы“. Пріемъ этой поэмы самъ по себѣ довольно удаченъ, и попадись онъ въ руки добросовѣстнаго, умнаго и не озлобленнаго поэта—изъ него могло бы выйти нѣчто весьма интересное. Дѣло въ томъ, что какой-то молодой человѣкъ, меланхолически-настроенный, зашелъ въ Лѣтній садъ и остался тамъ на всю ночь передъ памятникомъ Крылова. Скоро онъ впалъ въ дремоту, и ему почудилось, что статуя Крылова начала шевелиться и вдругъ

заговорила съ нимъ человѣческимъ языкомъ. Тутъ Крыловъ сталъ разсказывать, какъ однажды ночью онъ почувствовалъ въ себѣ способность видѣть и слышать все, что вокругъ него происходитъ, какъ онъ сталъ сравнивать настоящее съ прошедшимъ и какія замѣтилъ перемѣны; насколько измѣнились то зло и та неправда, которые онъ обличалъ въ своихъ басняхъ и насколько вообще измѣнились люди. Повторяемъ, что поэтъ добросовѣстный могъ бы очень удачно воспользоваться такимъ пріемомъ. Для этого онъ собралъ бы наиболѣе общіе, такъ сказать, типическіе недостатки нашего времени и сопоставивъ ихъ съ недостатками, порицавшимися Крыловымъ въ его басняхъ, имѣлъ бы прекрасный случай дать очную ставку двумъ эпохамъ послѣдняго столѣтія. Отсюда могло бы произойти нѣчто весьма поучительное.

Что же сдѣлалъ г. Полонскій? Онъ обратилъ всѣ свои громы на такіе вопросы, которые не только еще не разрѣшились въ жизни, но съ которыми чуть не вчера познакомилось наше общество; онъ старательно сталъ отыскивать недостатки въ той средѣ, которая уже столько разъ забрасывалась грязью со стороны разныхъ Стебницкихъ и Авепаріусовъ и сталъ третировать съ высока такіе предметы, которые заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія и въ которыхъ заключется, по словамъ даже г. Мордовцева, спасеніе нашего общества. Мы не отвергаемъ, что недостатки можно найти вездѣ, особенно въ людяхъ молодыхъ, которые съ честною горячностью бросаются на всякій живой вопросъ. Но нужно помнить, что уважающая себя сатира только тогда честно служитъ обществу, когда касается пороковъ общихъ, установившихся и имѣющихъ на своей сторонѣ матеріальную силу. Если же сатирикъ въ каждомъ новомъ движеніи склоненъ видѣть одни дурные элементы, и если онъ начнетъ бросать въ нихъ грязью, если къ тому же, онъ начнетъ клеветать и извращать факты, то это значитъ, что онъ въ глубинѣ души своей питаетъ корыстную ненависть ко всему движенію и готовъ задушить его собственными руками.

Мы заняли бы слишкомъ много мѣста, еслибъ захотѣли дѣлать выписки изъ длинной поэмы г. Я. Полонскаго для подтвержденія нашихъ словъ. Поэтому мы скажемъ только, о чемъ идетъ рѣчь въ этой поэмѣ и приведемъ, для большой выразительности, нѣкоторые отзывы о ней «Всемірнаго Труда», совершенно одобрившаго произведеніе г. Полонскаго и даже произведшаго его въ „Юмористы".

Крыловъ г. Полонскаго разсказываетъ, между прочимъ, что къ

нему на палецъ сѣла канарейка, которая, вѣроятно, не могла снести неволи и улетѣла изъ клѣтки. Тутъ какой-то задорный воробей, слѣдившій за канарейкой, сталъ упрекать ее за то, что она прибѣгла подъ покровительство. Какая ты послѣ этого дрянь! замѣчаетъ воробей. Вотъ мы не ищемъ покровительства у истукана, „мы хоть и боимся его, да мараемъ“. Ты на насъ сердишься за то, что мы тебя немного пощипали; вѣдь мы по любви загоняли тебя обратно въ клѣтку. Эй, галки! скомандовалъ воробей, подбейте ей крыло да выколите глазъ. "Всемірный Трудъ,, такъ поясняетъ это мѣсто:

Кто не знаетъ этой несчастной канарейки, которая должна была наконецъ прибѣгнуть подъ покровительство великаго сатирика, потому что ее преслѣдуютъ воробьи и галки, которые хоть этого сатирика и боятся,—*марают*' Кто не знаетъ этихъ воробьевъ и галокъ, которые щиплютъ канарейку[3] чтобы научить пѣть и любя ее загоняютъ обратно въ клѣтку, которые накликаютъ на нее галокъ подбить ей крыло и выколоть глазъ? *Всѣ разсказы статуи Крылова о его похожденіяхъ* сводятся на эту тему.

Не скажи „Всемірный Трудъ“ подчеркнутой нами фразы, мы не рѣшились бы придавать приведенной сценѣ, ради ея неясности, какой нибудь скверный смыслъ; но слова „Всемірнаго Труда“, какъ судьи болѣе насъ компетентнаго въ этомъ случаѣ, заставляютъ насъ смотрѣть иначе. Какая же это *тема*, о которой упоминаетъ „Всемірный Трудъ“?—Въ слѣдующей картинѣ тумба говоритъ статуѣ Юноны слѣдующія слова: „будь современнѣе, приноровись къ тому, чтобъ въ праздникъ на тебѣ горѣли съ саломъ плошки“. На что Юнона ничего не отвѣтила. Тогда тумба пригрозила ей тѣмъ, что найдетъ на Руси „не мало охотниковъ сколачивать у богинь носы.“

Эта тумба, поясняетъ «Всемірный Трудъ»,—наша короткая знакомая. Мы слышимъ этотъ хриплый голосъ и требованіе, чтобы каждый изъ любви къ человѣчеству вообще, а къ отечеству въ особенности, держалъ бы на себѣ, если не плошку съ саломъ, то какой нибудь вонючій фонарь.... Кто мѣшаетъ людямъ быть ремесленниками, писцами, даже рецензентами? но почему же всѣ эти господа не могутъ простить изящества, не могутъ простить таланта, не могутъ простить знанія.... Талантъ, сила, красота умѣютъ щадить, а тумбы только подымаютъ тупое рыло и хриплымъ голосомъ нападаютъ на все, что есть лучшаго въ мірѣ и ликуютъ, что въ наше время на Руси находится не мало охотниковъ сколачивать носы у богинь. Свою бездарность, свою тупость онѣ вымѣщаютъ на всемъ, что выше ихъ. Они не прощаютъ превосходства, и каждое превосходство, каждое совершенство — въ ихъ глазахъ лютая обида и преступленіе и т. д.

Далѣе Крыловъ увидѣлъ снигиря, который прилетѣлъ со своей ученицей—синицей, внучкой той синицы, которая грозилась сжечь море. Между этими двумя пернатыми начинается разговоръ, съ которымъ мы считаемъ удобнѣе познакомить нашихъ читателей также по „Всемірному Труду“, не отступающему, впрочемъ, ни на шагъ отъ подлинника:

Синица эта, поясняетъ «Всемірный Трудъ», опять-таки дама намъ весьма близко знакомая. Мы ее встрѣчаемъ на каждомъ шагу; она стопетъ о томъ, что «неужели никогда не будетъ горѣть море?» Неужели никогда на свѣтѣ не будетъ той идеальной ухи, которую безъ всякаго труда могли бы хлебать всякія птицы? Мы такъ и видимъ эту синицу съ бойкими развязными манерами, съ глубокой думой на челѣ о будущности рода человѣческаго и съ пискотней объ идеальной ухѣ. Ея учитель—снигирь не простой. Крыловъ чрезвычайно ловко называетъ его снигиремъ *насвистаннымъ*. Онъ поетъ не со своего голоса; снигирья пѣсня вообще никакими особенными зрелостями не отличается; онъ *насвистался* около разныхъ книжекъ, около разныхъ трактатовъ, онъ Конспдерана клюнулъ, онъ прочелъ внимательно Дарвина и кое-что понялъ изъ Бокля; насвистался, развилъ синицу и утѣшаетъ ее словами, въ которыхъ такъ и мечетъ глубокою ненавистью къ искуству. Онъ ненавидитъ искуство не за то, за что ненавидитъ его тумба, которая искуство считаетъ личнымъ оскорбленіемъ, благо сама неуклюжа и тупорыла. Насвистанному снигирю, поющему не съ своего голоса, искуство—помѣха. Еслибы не театръ, не музыка, не живопись, еслибы проклятый соловей не свисталъ, снигиря стали бы слушать, потому что надо же людямъ кого нибудь слушать; соловья нѣтъ—будутъ слушать снигиря, котораго насвисталъ честный сапожникъ-нѣмецъ; и т. п.

Затѣмъ у г. Полонскаго слѣдуетъ описаніе какой-то осы, которая, обращаясь къ дождевику, какъ къ «публицисту», говоритъ ему, что въ настоящее время развелось не мало осятъ, требующихъ знанія и труда. Она жалуется, что не можетъ удовлетворить любознательности осятъ, потому что сама невѣжда круглая, «а все оттого, что пчелы осамъ лекцій не читаютъ». Тутъ опять слѣдуетъ длинный разговоръ, по поводу котораго «Всемірный Трудъ» изъясняется такимъ образомъ:

Эта оса (мелкій литераторъ, изъ самыхъ дешевенькихъ, пола женскаго) одна изъ тѣхъ милѣйшихъ осъ, которыя, прослышавши кое-что о свободѣ женщины, объ обязанностяхъ матери, о вредѣ аристократическаго воспитанія, составили винигретъ изъ всѣхъ своихъ свѣденій, и въ этотъ винигретъ сильно накрошили и материнскую любовь, и изъ всего этого составили блюдо, которымъ потчуютъ всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, и котораго никакой здоровый желудокъ переварить не въ состояніи. Постоянно осаживаемыя назадъ, эти осы питаютъ ненависть ко всякому серьезному дѣлу и задаются *вопросами*. Задались онѣ себѣ естественными науками да изуче-

ніемъ эмбріологіи, даже въ акушерство забрались, даже Чорчиля читали, но ничего толкомъ не вычитали, сами съ толку сбились, мужей съ толку посбивали и постоянно занимаются сбиваніемъ съ толку своихъ собственныхъ осятъ, и т. д.

Въ дальнѣйшихъ сценахъ г. Полонскаго являются все подобнаго же рода личности: слѣпорожденный кротъ приноситъ на просмотръ къ червяку свои литературныя произведенія, въ которыхъ наглядно доказываетъ, «что вовсе не цвѣты прекрасны, а картофель, и что цвѣтовъ онъ даже не встрѣчалъ, когда подземнымъ онъ путемъ предпринималъ свою экскурсію». Кротъ возражалъ противъ этого; тогда крота обругали ретроградомъ. Далѣе шмель увѣряетъ всѣхъ, что онъ великій демагогъ, говоритъ «о загнанныхъ рабочихъ», негодуетъ на право кулака, и въ то же время не платитъ своего долга, въ полтину серебра, какимъ-то двумъ муравьямъ, которые боятся даже напомнить ему объ этомъ долгѣ, потому что демагогъ непремѣнно «огрѣетъ спину» за подобное напоминаніе.

Вотъ до какихъ пошлостей можетъ дойти журналъ, гоняющійся *только* за именами!

Нѣкоторые рецензенты, по кумовству-ли, или по собственной ограниченности, указывали постоянно въ теченіи настоящаго года на «Вѣстникъ Европы» какъ на самый солидный, а потому и самый интересный и самый полезный въ настоящее время журналъ. Эти господа не могутъ понять той простой мысли, что никогда ни одинъ журналъ въ мірѣ не могъ и не будетъ имѣть возможности сообщить своимъ читателямъ прочныхъ *знаній*. Подобная цѣль для журнала совершенно недостижима. Журналъ можетъ и долженъ давать своей публикѣ правильное, по его мнѣнію, міросозерцаніе, и направлять ея взглядъ въ ту или другую сторону. Сама редакція «Вѣстника Европы» заявляла, что она намѣрена «развивать общественную совѣсть», обогащать и воспитывать мысль — а не учить своихъ читателей русской исторіи. Но въ какой степени «Вѣстникъ Европы» способенъ развивать общественную совѣсть и воспитывать мысль — мы предоставляемъ, на основаніи всего вышесказаннаго, рѣшить самимъ читателямъ.

«Отечественныя Записки», какъ журналъ, должны быть поставлены во всякомъ случаѣ несравненно выше какъ «Всемірнаго Труда», такъ и «Вѣстника Европы», но все-таки онѣ далеко не удовлетворяютъ тѣмъ качествамъ, которыя мы считаемъ необходимыми для *хорошаго* и полезнаго журнала. Стать въ правильное отношеніе къ своимъ читателямъ имъ мѣшаютъ даже не случайныя внѣшнія обстоятельства, а самая точка зрѣнія, какую онѣ себѣ усвоили и о которой мы говорили выше. «Отечественныя Записки», какъ мы видѣли, нисколько не заблуждаются на счетъ той печальной роли, которую въ послѣднее время играла русская журналистика, но въ распоряженіи самой журналистики онѣ не видятъ никакихъ способовъ для поправленія дѣла. Всю вину фальшивыхъ отношеній между печатью и обществомъ онѣ взваливаютъ нераздѣльно на это общество и только *вѣруютъ*, что рано или поздно наступитъ время, когда общество образумится и снова почувствуетъ необходимость для себя журналистики. Можетъ быть такое время и наступило бы когда нибудь, даже безъ всякаго содѣйствія со стороны литературы; но все-таки мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что журналистика должна *выжидать* наступленія такого счастливаго времени и не стараться о томъ, чтобы достигнуть его какъ можно скорѣе. По мнѣнію «Отечественныхъ Записокъ», журналистика тутъ ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ теперь «не общество руководится литературой, но наоборотъ, литература находится у него подъ надзоромъ».

Разсуждая подобнымъ образомъ, «Отечественныя Записки» пожалуй и правы, если смотрѣть на дѣло исключительно со стороны *голаго факта*. Дѣйствительно, все что говорятъ онѣ по этому поводу, все это дѣйствительно *было*; но возводить этотъ фактъ въ общее и дѣлать изъ него такіе выводы, какіе сдѣлали «Отечественныя Записки» значитъ относиться къ дѣлу весьма поверхностно и обнаруживать усталость и разочарованіе, значитъ преклоняться передъ безсмысленнымъ фактомъ. Еслибъ «Отечественныя Записки» внимательнѣе обсудили этотъ фактъ, то они перестали бы считать его чѣмъ-то необычайнымъ и наводящимъ на безотрадныя мысли, а увидѣли бы въ немъ весьма естественный результатъ всего предшествующаго порядка вещей. Неужели русское общество могло твердо стать на ноги и окрѣпнуть въ тѣхъ и другихъ убѣжденіяхъ, когда оно существуетъ, собственно говоря, всего какіе нибудь десять лѣтъ, когда русская журналистика народилась чуть не со вчерашняго дня? Гдѣ имѣло оно случай и

возможность усвоить себѣ правильныя воззрѣнія на литературу, и естественно ли требовать, чтобы оно совершенно переродилось въ нѣсколько лѣтъ? А если это невозможно, то значитъ и нельзя сосредоточивать всего своего вниманія на этомъ фактѣ и придавать ему такое громадное общее значеніе. Поступать такъ, значитъ противорѣчить самому себѣ. Если вы считаете общество дикимъ, невѣжественнымъ и т. д., то какимъ же образомъ придаете вы ему такое громадное вліяніе на журналистику? И если оно въ самомъ дѣлѣ такъ невѣжественно и дико, то старайтесь сдѣлать его лучше а не складывайте руки въ ожиданіи того, когда оно само собою поумнѣетъ, разовьется и прійдетъ къ вамъ за совѣтомъ. Этого вы врядъ ли когда нибудь дождетесь, если сами не будете ничего дѣлать.

Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что мы считаемъ необходимымъ для того, чтобы журналъ могъ имѣть хорошее вліяніе на публику. У него должна быть какая нибудь опредѣленная физіономія, то есть извѣстное направленіе и полнѣйшая послѣдовательность. Эти качества дѣйствуютъ на читателей самымъ благотворнымъ образомъ и установляютъ *нравственную связь* между читателями и журналомъ, то есть, съ одной стороны, все-таки даютъ журналу нѣкоторую опору въ его дѣятельности, а съ другой — образуютъ классъ мыслящихъ и сознательныхъ читателей, то есть закладываютъ прочный фундаментъ въ обществѣ для литературы. Несомнѣнно также и то, что для успѣха журнала въ матеріальномъ отношеніи недостаточно имѣть *только* опредѣленную физіономію, а нужны нѣкоторыя другія условія; но пренебрегая этимъ качествомъ, журналы будутъ возникать и лопаться какъ пузыри на водѣ, не имѣя никакой возможности объяснить свои неудачи какими нибудь опредѣленными причинами, и постоянно будутъ «вращаться въ пустотѣ, сокрушаясь объ отсутствіи даже простой понимающей среды», на которую они могли бы опереться и забывая, что образованіе такой среды зависитъ прежде всего отъ нихъ же самихъ.

Но „Отечественныя Записки“, какъ видно, прочно установились на той мысли, что отнынѣ не литература стала руководить обществомъ, а наоборотъ. Выразивъ свое несогласіе съ мыслями, высказанными по этому поводу въ „Письмѣ провинціала“ и противопоставивъ этому письму особую статью, редакція стала проводить свою мысль и въ другихъ статьяхъ. Такъ напримѣръ, въ статьѣ „Нарасныя опасенія“ говорится совершенно ясно, что у насъ не «литературныя силы бѣднѣютъ» и поражаются безсиліемъ, а *чутье*

читающей публики дѣлается все менѣе и менѣе самостоятельнымъ. „Бѣдность дѣйствительно существуетъ, говорится въ другомъ мѣстѣ той же статьи, но не тамъ, гдѣ ее предполагаютъ. Она поразила не литературныя силы, а саму публику, которая не хочетъ или не можетъ измѣнить свои взгляды на жизнь даже тогда, когда сама эта жизнь измѣняетъ себя во всѣхъ своихъ подробностяхъ». Наконецъ, статья, о которой мы говоримъ, и заканчивается подобными же словами: ежели современная русская литература „не удовлетворяетъ вкусамъ и требованіямъ читающей публики, то причина такого явленія заключается едва-ли не въ недостаточной умственной подготовкѣ самой этой публики".

Заручившись подобнымъ ложнымъ взглядомъ, «Отечественнымъ Записками» не оставалось ничего болѣе, какъ сложивши руки ждать наступленія того времени, когда публика поумнѣетъ и разовьется до возможности понимать современную литературу. Остановившись на этомъ рѣшеніи, онѣ, впрочемъ, сочли нужнымъ чуть не въ каждой книжкѣ помѣщать статьи подъ рубрикой „Письма изъ провинціи", посвященныя анализу современнаго общества. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ довольно вѣрно изображаютъ тѣ оригинальныя особенности, которыя замѣчаются въ нашей провинціальной публикѣ, но врядъ ли онѣ могутъ имѣть серьезное практическое значеніе. Во первыхъ, въ нихъ идетъ рѣчь почти исключительно о нашемъ чиновномъ сословіи, во вторыхъ, онѣ написаны до такой степени тяжелымъ языкомъ, и въ такихъ отвлеченныхъ выраженіяхъ, что ихъ врядъ ли могутъ читать въ провинціи. Для ознакомленія читателей съ характеромъ этихъ писемъ, мы приведемъ на удачу образчикъ, взятый изъ самаго начала перваго же письма. Упомянувъ о томъ, что въ настоящее время провинція во многомъ измѣнилась, авторъ изображаетъ современное общество такими чертами:

На одной сторонѣ сцены стоятъ люди, которые издревле привыкли понимать себя прирожденными исторіографами Россіи и зиждителями ея судебъ, на другой сторонѣ — люди новые, которыхъ девизомъ еще такъ недавно была знаменитая поговорка: «изба моя съ краю, ничего не знаю». Середку (хоръ) занимаютъ такъ называемые фофаны, т. е. вымирающіе остатки эпохи богатырей. Понятно, съ какимъ чувствомъ смотрятъ исконные исторіографы на пришельцевъ, которые отнынѣ обязываются не только раздѣлять ихъ труды по части сочиненія русской исторіи, но даже редактировать нѣкоторыя ея главы вполнѣ самостоятельно. Съ призывомъ русскихъ сочинителей на поприще русской исторіи, старые исторіографы чувствуютъ себя неловко. Во первыхъ, имъ стыдно, что исторія, которую они до сихъ

поръ сочиняли, имѣетъ несомнѣнное сходство съ яичницей; во вторыхъ они боятся, что пришельцы пожалуй догадаются, что это не исторія, а яичница, и вслѣдствіе того не выдадутъ имъ квитанціи; втретьихъ, имъ сдается, что пришельцы наступаютъ имъ на ноги, и хотя говорятъ pardon, но съ замѣтною въ голосѣ пронеей; въ четвертыхъ, они чувствуютъ, что имъ нечего дѣлать, что праздняго времени остается пропасть, а дѣвать его рѣшительно некуда. Поэтому, истинный исторіографъ съ ранняго утра мучится подозрѣніями и безпокоится мыслью, какъ бы ему на кого нибудь такъ наѣхать, чтобы отъ наѣзда этого громъ прокатился отъ одного конца вселенной до другого, и чтобы разумѣли языцы, что зубосокрушающая сила исторіографовъ отнюдь еще не упразднилась.

Этотъ отрывокъ, взятый, повторяемъ, совершенно на удачу, можетъ дать самое ясное понятіе о всѣхъ письмахъ, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за текущій годъ. Можетъ быть, нашлись бы отрывки еще болѣе туманные. Слова: исторіографы, піонеры, соломенныя головы, складныя души, административные и судебные блины и тому подобныя попадаются въ нихъ на каждомъ шагу и, конечно, никакъ не могутъ содѣйствовать уясненію передъ читателями главной мысли автора. Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы приведенный нами отрывокъ можно было назвать безсмыслицей: онъ, какъ и всѣ письма, особенно въ общей ихъ связи, вполнѣ доступенъ пониманію наиболѣе изощрившихся читателей; но вѣдь журналъ издается не для избранныхъ, а для массы читателей; масса же врядъ-ли пойметъ хоть что нибудь изъ этихъ писемъ. Мы рѣшительно не понимаемъ, чему приписать такой убійственный способъ выраженія; если онъ составляетъ органическій недостатокъ самого автора, то разумѣется, тутъ ничего не подѣлаешь; но если онъ намѣренно избранъ для того, чтобы было удобнѣе говорить о предметахъ «неудобоговоримыхъ», то намъ кажется, что опасенія автора на этотъ счетъ совершенно неосновательны: сюжеты его писемъ по большей части настолько безопасны, что о нихъ можно говорить гораздо яснѣе, къ положительному выигрышу какъ читателей, такъ и самаго журнала.

Впрочемъ, мы должны замѣтить, что изъ ряда этихъ писемъ самымъ выгоднымъ образомъ выдается письмо третье, въ которомъ идетъ рѣчь о господахъ, подставляющихъ ногу послѣднимъ преобразованіямъ, то есть, гласному суду и земству. Авторъ совершенно вѣрно подмѣтилъ тотъ дѣйствительно странный фактъ, что эти «ненавистники» не только не преслѣдуются обществомъ за противодѣйствіе правительственнымъ распоряженіямъ, какъ этого слѣдовало бы ожидать по другимъ фактамъ, но напротивъ пользуются

въ извѣстномъ кругу даже уваженіемъ. Ненавистничество, говоритъ авторъ, до такой степени подняло голову, что самое слово ненавистникъ сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ рекомендательнаго письма.

Ненавистники не вздыхаютъ по угламъ, не скрежещутъ зубами втихомолку, но авторитетно, публично, при свѣтѣ дня и на всѣхъ діалектахъ изрыгаютъ хулу, и, не опасаясь ни отпора, ни возраженій, сулятъ покончить въ самомъ ближайшемъ времени съ тѣмъ, что они называютъ «гнусною закваскою нигилизма и демагогіи» и подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ, до которыхъ ненавистникамъ нѣтъ никакого дѣла, а преобразованія послѣдняго времени.

Этой темѣ посвящено все третье письмо и оно, повторяемъ, рѣзко выдѣляется изъ ряда другихъ писемъ какъ опредѣленностью своего содержанія, такъ и ясностью выраженій.

Какъ бы то ни было, но «Письма изъ провинціи» составляютъ, сколько намъ кажется, зерно «Отечественныхъ Записокъ», потому что только въ нихъ однихъ настойчиво и послѣдовательно проводится одна и та же мысль, совершенно согласная съ тѣмъ, что говорится въ «Признакахъ времени» объ отношеніяхъ литературы къ обществу; только одни они и связаны между собою логическою связью. Что же касается статей другого рода, то онѣ являются какъ будто случайно, хотя многія изъ нихъ и представляютъ значительный интересъ для читателей. Изъ ряда ихъ выдается лишь нѣсколько статей, наиболѣе связанныхъ между собою, но всего менѣе интересныхъ для современныхъ читателей; это именно статьи о «народности въ литературѣ», закончившіяся тѣмъ страннымъ, чуть не славянофильскимъ выводомъ, о которомъ мы слегка упомянули въ «Обозрѣніи» за прошлый мѣсяцъ. Статьи эти начались «Живой струей» г. Скабичевскаго и кончились «Напрасными опасеніями» неизвѣстнаго автора. Впрочемъ, ни въ «Живой струѣ» ни въ «Противоположной крайности» г. Скабичевскій не доходилъ въ своихъ сужденіяхъ о народности до такой крайности, до которой дошелъ авторъ «Напрасныхъ опасеній». Главная мысль его заключалась въ томъ, что Марко-Вовчекъ, какъ народная писательница съ одной стороны, и гг. Успенскій, Слѣпцовъ, Рѣшетниковъ, Левитовъ и т. д. съ другой, представляютъ двѣ противоположныя крайности, изъ которыхъ каждая страдаетъ значительными недостатками, и что до сихъ поръ «не явилось еще писателя, который перебросилъ бы мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую произведенія Марко-Вовчка отъ произведеній прочихъ нашихъ писателей народнаго быта». Хотя въ обѣихъ статьяхъ г. Скабичевскаго и попадаются

нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, имѣющія славянофильскій оттѣнокъ (въ особенности на стр. 149 въ статьѣ «Живая струя»), но все-таки они совершенно пропадаютъ въ общемъ характерѣ этихъ статей. Авторъ же «Напрасныхъ опасеній» нашелъ, что г. Рѣшетниковъ не только перебросилъ мостъ черезъ упомянутую г. Скабичевскимъ пропасть, но и далъ совершенно новый животворный толчекъ русской литературѣ. По словамъ автора «Напрасныхъ опасеній», «*никогда* еще дѣятельность русской литературы не была такъ благотворно и такъ правильно поставлена, какъ въ настоящее время». Эти слова давали бы намъ право предполагать, что «Отечественныя Записки» и въ самомъ дѣлѣ заразились славянофильскими тенденціями, еслибъ этому не противорѣчили другія соображенія. Именно, почти за весь годъ мы не находимъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» ни одной статьи легкаго или серьезнаго характера которая была бы направлена въ ту же сторону. Статья г. Елисеева «Крестьянскій вопросъ» хотя и разсуждаетъ о крестьянахъ, но нисколько не обнаруживаетъ тенденцій, имѣющихъ что нибудь общее съ тенденціей «Напрасныхъ опасеній». Другая статья «Положеніе крестьянскаго хозяйства» имѣетъ характеръ легкой замѣтки и трактуетъ о предметѣ съ обыкновенной точки зрѣнія; въ отдѣлѣ беллетристики мы находимъ только романъ г. Рѣшетникова, о которомъ собственно и говоритъ упомянутая статья,— и затѣмъ, больше ничего такого, что оправдывало бы помѣщеніе въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Напрасныхъ опасеній». Судя по общему характеру «Отечественныхъ Записокъ», ихъ скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что онѣ слишкомъ мало занимаются крестьянскимъ вопросомъ, чѣмъ въ томъ, что слишкомъ много. А между тѣмъ статья «Напрасныя опасенія» все-таки чуть-чуть не проповѣдуетъ славянофильства.

Относительно другихъ статей мы рѣшительно не имѣемъ возможности составить себѣ какое-нибудь ясное представленіе и рѣшить, какими мотивами обусловливается помѣщеніе ихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ каждомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ рядомъ и очень хорошія и очень плохія статьи, то есть плохія по самому ихъ характеру, по отсутствію въ нихъ какой нибудь мысли. И это повторяется рѣшительно во всѣхъ отдѣлахъ. Рядомъ, напримѣръ, съ очень хорошимъ иностраннымъ романомъ «Исторія маленькаго оборвыша» мы находимъ очень плохую повѣсть Дроза, въ которой всего рѣзче выступаютъ мѣста клубничнаго свойства. Рядомъ съ романомъ г. Гирса «Старая и юная Россія», хотя не оконченнымъ,

но все-таки заключающимъ въ себѣ превосходныя страницы, встрѣчаемъ разсказъ какого-то г. Ромера «Жизнь или сонъ», въ которомъ нельзя найти не только какой нибудь мысли, но даже простого человѣческаго смысла. Рядомъ со статьями г. Скабичевскаго, изъ которыхъ въ особенности одна, «Русское недомыслiе», заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, попадаются такія, какъ «Наши бабушки» (о романѣ «Война и Миръ») или «Новаторы особаго рода» (о романѣ «Жертва вечерняя»), написанныя, повидимому, для покойной «Библіотеки для чтенія» г. Писемскаго. Рядомъ со статьями г. Елисеева «Производительныя силы Россіи» или «Наказъ Императрицы Екатерины II» мы встрѣчаемъ статью г. Мордовцева «Русскіе государственные дѣятели», написанную очевидно спеціально для какого нибудь военнаго журнала, такъ какъ въ ней почти исключительно идетъ рѣчь о томъ, какъ бы слѣдовало дѣйствовать такому-то или такому генералу, чтобъ удобнѣе изловить Пугачева, почему въ такомъ-то городѣ не было достаточнаго количества пороху или пушекъ и т. д., при чемъ подробно описываются біографіи тѣхъ генераловъ, которые дѣйствовали удачно и «заслужили безсмертную славу своимъ умомъ и своей неутомимою дѣятельностью въ то время, когда все или обезумѣло отъ страха, или погружено было въ глубокій сонъ». На такихъ личностяхъ авторъ останавливается «съ особенною любовью» и пишетъ ихъ имена «самыми крупными буквами на видной страницѣ самаго тяжкаго для Россіи времени». Однимъ словомъ, и по пріемамъ, и по слогу, и по всему характеру статьи г. Мордовцева, ей приличнѣе бы появиться въ «Военномъ Сборникѣ», чѣмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Да и вообще, какъ объяснить появленіе въ этомъ журналѣ даже имени г. Мордовцева, который упрочилъ за собою репутацію сотрудника «Всемірнаго Труда», и одною рукою помѣщая въ одномъ журналѣ «Русскихъ государственныхъ дѣятелей», другою сочинялъ «Новыхъ русскихъ людей» для помѣщенія во «Всемірномъ трудѣ». Это можно объяснить только крайнимъ индиферентизмомъ со стороны «Отечественныхъ Записокъ», то есть тѣмъ качествомъ, противъ котораго такъ энергично возставалъ „Провинціалъ» въ своемъ письмѣ.

Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, сами „Отечественныя Записки“ смотрятъ на свою задачу такъ, что мы и не имѣемъ права требовать отъ нихъ строгой послѣдовательности и какого нибудь опредѣленнаго направленія. Не заяви онѣ такъ категорически своего несогласія съ мыслями „Провинціала“ и не выскажи совершенно

откровенно своего собственнаго взгляда на дѣло, мы могли бы предполагать, что указанные нами промахи—чистая случайность, происшедшая по недосмотру редакціи, или явившаяся вслѣдствіе какихъ нибудь постороннихъ соображеній, которыя иногда бываютъ извинительны для всякаго журнала. Но теперь намъ нѣтъ никакой надобности строить подобныхъ предположеній: дѣло и безъ того совершенно ясно.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ прибавить, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“ мы замѣчаемъ борьбу двухъ довольно несходныхъ между собою элементовъ. Такъ какъ этотъ журналъ долженъ быть во всякомъ случаѣ поставленъ несравненно выше „Вѣстника Европы“ даже и въ настоящее время, то будущность его угадать очень трудно: все будетъ зависѣть отъ того, какой элементъ пересилитъ, такъ какъ продолжать свое совмѣстное существованіе имъ врядъ ли удобно.

Если мы къ тремъ перечисленнымъ журналамъ прибавимъ еще одинъ ежемѣсячный «Русскій Вѣстникъ» и два еженедѣльныхъ «Недѣлю» и «Искру», то передъ нами окажутся всѣ наличныя силы русской журналистики. Впрочемъ, о «Русскомъ Вѣстникѣ» говорить не стоитъ, такъ какъ этотъ журналъ давно уже исключилъ себя изъ числа журналовъ, сохранивъ за собою только право выходить двѣнадцать разъ въ годъ. Что касается остальныхъ двухъ, еженедѣльныхъ, то о нихъ мы скажемъ лишь нѣсколько словъ.

«Недѣля», какъ мы упомянули въ началѣ нашего «Обозрѣнія», съ нынѣшняго года перешла подъ новую редакцію, не имѣющую ничего общаго съ редакціей прежней. Къ сожалѣнію, въ теченіи нынѣшняго года она еще не успѣла достаточно выяснить своей физіономіи и занять опредѣленное мѣсто въ журналистикѣ. Всѣ ея статьи отличаются стремленіемъ честно служить дѣлу общественной мысли; но всѣ онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то не связаны одна съ другой; въ нихъ не видно одной общей идеи, которая бы особенно настоятельно преслѣдовалась редакціей. Отъ этого журналъ разбрасывается въ разныя стороны и желая говорить о многомъ, не говоритъ опредѣленно ни о чемъ. Очень можетъ быть, что

этотъ недостатокъ устранится впослѣдствіи, когда редакція пріобрѣтетъ больше опытности, но въ настоящемъ году, повторяемъ еще разъ, журналу не удалось занять опредѣленнаго положенія въ литературѣ.

Объ «Искрѣ», мы упомянули собственно потому, что этотъ журналъ въ настоящемъ году кончаетъ десятилѣтній періодъ своего существованія. Основанный десять лѣтъ назадъ, при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, весьма мало похожихъ на нынѣшнія, онъ испыталъ въ своей дѣятельности много невыгодныхъ вліяній. Года два назадъ, ему сулили окончательную погибель, ссылаясь на то что въ настоящее время подобный журналъ не имѣетъ никакого смысла. Дѣйствительно, въ то время въ «Искрѣ» почти нечего было читать — до такой степени она была обезличена. И однакожъ, журналъ устоялъ. Чему приписать это явленіе? Не тому ли что среди всевозможныхъ обстоятельствъ, редакція «Искры» никогда не теряла того *такта*, которымъ отличалась она съ самаго начала своей дѣятельности, и что, вслѣдствіе этого, она образовала вокругъ своего изданія извѣстную массу читателей, между которыми и ею установилась, такимъ образомъ, *нравственная связь*. Эта-то связь и поддерживала редакцію въ то время, когда ей приходилось довольствоваться весьма скудными матеріалами для своего журнала. Теперь неблагопріятныя обстоятельства значительно ослабѣли и уже въ нынѣшнемъ году редакція нашла возможнымъ сдѣлать свой журналъ гораздо болѣе живымъ и интереснымъ. По всей вѣроятности, съ будущаго года положеніе его еще болѣе упрочится.

Мы желали бы, чтобъ примѣръ „Искры“ послужилъ въ пользу остальныхъ органовъ нашей печати, за которыми, къ сожалѣнію, нельзя признать и десятой доли тѣхъ литературныхъ достоинствъ, которыя мы съ удовольствіемъ признаемъ за „Искрой“.

Гдб.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

ИСПАНСКІЯ ПИСЬМА.

Три главныя испанскія партіи.—Отношеніе ихъ къ вопросу о всеобщей подачѣ голосовъ на выборахъ.—Разногласіе въ республиканской партіи по вопросу о союзѣ ея съ либералами. — Пропски протекціонистовъ въ Каталоніи. — Проэктъ соглашенія республиканцевъ съ прогрессистами.—Мнѣніе Тюто насчетъ положенія дѣлъ.—Учрежденіе гражданскаго брака въ Рейсѣ.—Неудачная экспедиція Маты. — Какими средствами строятъ цирки для боя быковъ въ католической Испаніи?—Нищенство въ Испаніи.—Одна изъ главныхъ причинъ бѣдности испанскаго народа.—Характеристика Орензе и Гарридо.—Вѣра Орензе въ побѣду своей партіи.—Изумительная дѣятельность Гарридо на различныхъ поприщахъ. — Трибуналъ водъ.—Замѣчательное плодородіе валенсійской почвы.—Больница, тюрьма, школы и табачная фабрика въ Валенсіи.—Громадная республиканская манифестація.—Сочувствіе народа къ Гарридо.—Родина донъ-Кихота. — Печальный видъ Санъ Хуана де-Альказара.—Недостатокъ воды.—Поразительная бѣдность народа и богатство церквей.—Сіерра-Морена.—Разбойникъ Хаимъ Барбю. — Встрѣча Кастеляра въ Кордовѣ.— Монахъ ѣстъ въ 28 разъ лучше мірянина.

БАРСЕЛОНА *12 ноября 1868 года.*

Въ Испаніи существуютъ три большія партіи. Къ первой, слывущей подъ именемъ *черной банды*, принадлежатъ клерикалы, умѣренные, консерваторы, реакціонеры, легитимисты, абсолютисты, карлисты, нео-католики и старые іезуиты. Ко второй — прогрессисты, доктринеры, христиносы, либералы, конституціонные монархисты. Наконецъ республиканская партія подраздѣляется на соціалистовъ и на несоціалистовъ.

Черная банда имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей въ приходскомъ духовенствѣ, между монахами, монахинями, въ средѣ ханжей обоего пола, фанатиковъ, суевѣровъ и дурачковъ; ея убѣжденія раздѣляютъ многіе испанскіе гранды, высшіе чиновники и богатые буржуа. Посредствомъ исповѣди она держитъ въ своихъ рукахъ женщинъ. Географически она распространена вездѣ; она строитъ ковы во всѣхъ провинціяхъ, она дѣлаетъ заговоры въ самыхъ либеральныхъ городахъ.

Прогрессистская и республиканская партія распространились въ Мадридѣ и въ приморскихъ провинціяхъ, по берегу какъ Средиземнаго моря, такъ и Атлантическаго океана, — въ провинціяхъ самыхъ населенныхъ, самыхъ богатыхъ, самыхъ промышленныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ.

Полагаютъ, что прогрессисты превышаютъ вдвое своею численностью республиканцевъ, а черная банда болѣе, чѣмъ вдвое прогрессистовъ и республиканцевъ вмѣстѣ взятыхъ.

Несмотря на свое численное неравенство, или лучше, именно по причинѣ этого неравенства, всѣ три партіи уравновѣшиваютъ одна другую. Такимъ образомъ либералы могутъ устоять противъ реакціонеровъ или противъ республиканцевъ, но ни въ какомъ случаѣ противъ обоихъ вмѣстѣ; никакая изъ этихъ партій не въ силахъ противустоять коалиціи двухъ другихъ.

Коалиція либераловъ и республиканцевъ разрушила замыслы донъ-Карлоса, свергла многихъ министровъ Изабеллы и, наконецъ, саму Изабеллу. Теперь либералы готовы, кажется, соединиться съ реакціонерами противъ республиканцевъ. И это очень естественно. Чувствуя себя старой партіей, въ сравненіи съ республиканцами, либералы могутъ соединиться съ самой старѣйшей изъ партій противъ своего наслѣдника—республиканизма.

Всѣ три партіи одинаково недовольны учрежденіемъ въ Испаніи всеобщей подачи голосовъ. И реакціонеры, и прогрессисты встревожены не на шутку, сами республиканцы недовѣрчиво смотрятъ на это нововведеніе. Нетрудно объяснить причины такой единодушной тревоги.

Реакціонеры, защитники феодальной и финансовой олигархіи

знаютъ очень хорошо, что если рѣшеніе политическихъ вопросовъ передается массѣ, то, рано или поздно, существующія учрежденія должны измѣнить свой видъ, сообразно вкусамъ этой массы. Но они знаютъ также, что масса въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ не самостоятельно, а руководится указаніями нѣсколькихъ эксплуататоровъ. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, изъ какой партіи будутъ эти эксплуататоры?

Республиканцы стоятъ нѣсколько въ иномъ положеніи. Ихъ отношеніе къ реформѣ болѣе деликатнаго свойства. Принципъ всеобщей подачи голосовъ—принципъ республиканскій. Въ республикѣ дѣла всегда рѣшаются по большинству голосовъ. Но испанскіе республиканцы составляютъ меньшинство націи; и хотя, по своему интеллектуальному развитію, они стоятъ гораздо выше другихъ партій, но это ихъ превосходство не можетъ оказать имъ большей помощи тамъ, гдѣ рѣшеніе будетъ зависѣть отъ одного численнаго большинства, представляемаго мало-развитой массой.

Что касается либераловъ, они опасаются результатовъ абсолютно-всеобщей подачи голосовъ по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ опасаются ихъ реакціонеры и республиканцы. Какъ и республиканцы, они боятся быть подавленными грубымъ превосходствомъ численности. Какъ и реакціонеры, они опасаются, что ихъ политическая власть и соціальное вліяніе перейдутъ въ руки массъ. И теперь самые просвѣщенные изъ нихъ требуютъ, чтобы всеобщая подача была ограничена, по крайней мѣрѣ, постановленіемъ, что право голоса дается только тѣмъ, кто умѣетъ читать и писать.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ день выборовъ всѣ три партіи захотятъ дать генеральное сраженіе; но какъ невозможно, чтобы три человѣка въ одно время дрались одинъ противъ другого,—всегда двое соединятся противъ одного,—то тоже самое должно случиться и съ тремя испанскими партіями: двѣ изъ нихъ должны соединиться противъ третьей, и незачѣмъ, разумѣется, доказывать, что побѣда останется за коалиціей.

Значитъ весь вопросъ въ комбинаціи партій во время выборовъ. На чью долю падетъ печальная участь остаться безъ союзника? Будутъ ли то клерикалы, прогрессисты или республиканцы?

Что касается послѣдней партіи, то ея члены, какъ въ Каталоніи, такъ и въ другихъ провинціяхъ, до сей поры еще не столковались и не пришли почти ни къ какому положительному рѣшенію.

Многіе изъ нихъ говорили и говорятъ еще теперь: „Отчего намъ не рѣшиться на битву, хотя бы мы и не были увѣрены въ побѣдѣ? Въ нашемъ чисто моральномъ предпріятіи геройское пораженіе несравненно выгоднѣе посредственной побѣды! Но какую же другую побѣду мы можемъ одержать, соединясь съ либералами? Если мы соединимся съ ними, не станемъ ли мы въ положеніе наивнаго субъекта, который своими руками загребаетъ жаръ для другого? Плоды побѣды достанутся, разумѣется, не намъ; ими воспользуются либералы, и мы будемъ надуты кругомъ. Соединяясь съ либералами, мы должны будемъ поступиться частью своихъ убѣжденій, что почти равносильно прямому переходу въ либеральный лагерь. Не лучше ли тогда совсѣмъ погибнуть, но погибнуть незапятнанными. Развѣ вы забыли, сколько разъ либеральная партія обманывала республиканцевъ. Ея теперешнія красивыя разглагольствованія и чувствительныя рѣчи о братствѣ и союзѣ — только наружная покрышка, за которой скрывается обманъ и лицемѣріе. По нашему мнѣнію, если предоставлено на выборъ: быть мученикомъ или игрушкой другихъ,—странно задумываться, что слѣдуетъ выбирать.“

Эта горячая рѣчь не остается безъ отвѣта: „Вовсе не такъ трудно надѣть на себя мученическій вѣнецъ, говорятъ возражающіе,—но окупится ли такое похвальное дѣйствіе пользою для дѣла, за которое страдаешь? Мученичество, также какъ и добродѣтель,—хорошо, но только въ мѣру. Излишество скорѣе вредитъ дѣлу, нежели приноситъ ему пользу. Искуство выигрываетъ жертвами, а политика—союзами. При столкновеніяхъ между запутанными интересами, выигрываетъ тотъ, кто съумѣетъ во время подыскать себѣ подходящихъ союзниковъ. Безъ нѣкоторыхъ уступокъ обойтись нельзя, и абсолютно-чистымъ останется развѣ только тотъ, кто совсѣмъ отстранится отъ дѣла. Можно и не отступая отъ идеала, найдти дѣло серьезнѣе, полезнѣе и даже труднѣе мученичества.“

Впрочемъ каталонскіе республиканцы начинаютъ приходить къ убѣжденію въ необходимости своего союза съ либералами, такъ какъ послѣдніе будутъ въ состояніи гарантировать имъ большинство честныхъ людей. Въ противномъ случаѣ, либералы по необходимости соединятся съ клерикалами, которые, разумѣется, воспользуются побѣдой на счетъ своихъ новыхъ союзниковъ и жестоко отомстятъ своимъ закоренѣлымъ врагамъ—республиканцамъ.

Но не такъ легко устроить союзъ либераловъ съ республиканцами; этому мѣшаетъ заявленная съ обѣихъ сторонъ зависть и недовѣріе. Чѣмъ болѣе общихъ точекъ соединенія между республиканцами и либералами, тѣмъ болѣе они боятся другъ друга, тѣмъ болѣе они недовѣряютъ одинъ другому. Это два враждующіе брата, которые взаимно уважаютъ и боятся одинъ другого, и, по причинѣ своего сходства, ненавидятъ другъ друга, можетъ быть, болѣе, чѣмъ своего общаго врага—черную банду.

Но въ Каталоніи кромѣ этихъ общихъ причинъ, затрудняющихъ союзъ, дѣйствуютъ еще мѣстныя, частныя. Здѣсь живетъ промышленное населеніе; соціальные вопросы заключаютъ въ себѣ для здѣшняго края гораздо большую важность, нежели политическіе. Протекціонисты работаютъ тутъ съ успѣхомъ. Они увѣряютъ рабочихъ, что республика и свободный обмѣнъ—синонимы, что непремѣннымъ послѣдствіемъ республики будетъ закрытіе фабрикъ, и они, рабочіе, останутся безъ работы, слѣдовательно, будутъ доведены до нищеты. Протекціонисты стараются дѣйствовать въ особенности на ремесленниковъ, которые, скопивъ крошечные капитальцы, вошли въ составъ мелкой буржуазіи. Такими маневрами либеральная партія много выиграла на счетъ республиканцевъ, оказавшихся вообще слабѣе либераловъ въ практическомъ отношеніи. Либералы хорошо понимаютъ, въ комъ надо искать, гдѣ можно дѣйствовать хитростью, а гдѣ прямодушіемъ; они знаютъ, гдѣ можно подставить ножку своимъ добрымъ союзникамъ, а гдѣ противникамъ.

Въ виду такого положенія каталонскіе республиканцы рѣшились сдѣлать еще шагъ къ соглашенію. Они взяли на себя инціативу простого и смѣлаго предложенія.

„Вы говорили, что республика во многихъ отношеніяхъ идеалъ

государственнаго устройства" — съ такими словами обратились они къ либераламъ; — "вы говорили, что она представляетъ собой самую удобную и самую простую форму административнаго и политическаго механизма; вы увѣряли, что вы предпочтете республику, если только республика возможна въ Испаніи. Но едва ли какая нибудь другая страна въ свѣтѣ считалась менѣе способной для республиканской формы правленія, какъ Испанія, а посмотрите, вотъ уже два мѣсяца, какъ у насъ существуетъ республика и никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ того для страны не было. Напротивъ. Въ нашей республикѣ народъ пользуется такой свободой, какой не пользуется онъ ни въ Соединенныхъ Штатахъ, ни въ Швейцаріи; и никогда наша страна не была такъ спокойна, такъ счастлива; никогда она такъ не процвѣтала, какъ теперь. Республика существуетъ у насъ, слѣдовательно она возможна. Вы говорите, что въ иныхъ случаяхъ необходимо предпочесть консервативныя убѣжденія; сохраните же намъ республику, вмѣсто того, чтобы призывать къ намъ въ короли иностраннаго принца, что необходимо вызоветъ гражданскую войну, первыми жертвами которой будете вы сами.

„Вы утверждали, что не отдаете предпочтенія никакой правительственной формѣ, почему же вы прямо возстаете противъ той формы, какая намъ кажется самой лучшей, самой удобной? Другой формы правленія, кромѣ республиканской, мы не признаемъ и не желаемъ для Испаніи.

„Съ другой стороны, мы знаемъ, что для васъ вопросъ: быть или не быть въ составѣ правительства, — представляетъ существенную важность. Очень хорошо! Мы вамъ предоставляемъ всѣ мѣста въ правительствѣ, мы употребимъ всѣ усилія въ вашу пользу. Мы будемъ васъ поддерживать, и станемъ брать мѣста для себя только съ вашего утвержденія. Располагайте высшими должностями, мы будемъ довольствоваться второстепенными. Мы не гонимся за блистательнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, мы только хотимъ одного, чтобы намъ была гарантирована побѣда республиканскихъ учрежденій.

„Вы мечтаете сдѣлать Эспартеро королемъ вашей монархіи, имѣющей республиканскія учрежденія. Прекрасно! Мы съ распростертыми

объятіями примемъ Эспартеро, какъ президента нашей республики.

„Вы утверждаете, что споръ о правительственной формѣ,—споръ чисто отвлеченный, ну, за эту форму мы даемъ вамъ реальный барышъ—власть. Возьмите наши учрежденія, и мы примемъ вашихъ людей. Перестаньте быть партіей и мы отдадимъ власть въ ваши руки. Тогда, съ нашей искренней поддержкой, подъ вашимъ руководствомъ, мы составимъ счастливую и могущественную націю, конфедерацію, которая откроетъ новую эру — Соединенныхъ штатовъ въ Европѣ. Рѣшительное и неотлагательное принятіе республики есть единственное условіе союза, который мы вамъ предлагаемъ, надѣясь тѣмъ предохранить Испанію отъ ужасныхъ іюньскихъ дней, за которыми послѣдуетъ плачевная декабрская ночь. Республика или клерикальная реакція—средины не можетъ быть. Если вы предпочтете реакцію, то вы возьмете на себя отвѣтственность за убійства, которыя должны ее сопровождать, за всю кровь и слезы, которыя прольются.

„Хотите вы мира или войны? Отвѣчайте!“

ТАРРАГОНА *16-го ноября.*

Приходится приститься съ Барселоной, къ которой я уже привыкъ. Первый мой визитъ въ Барселонѣ былъ сдѣланъ Тюто; пусть же и послѣдній будетъ ему.

Я засталъ Тюто въ мрачномъ расположеніи духа. Но онъ еще не отчаявается и рѣшился исполнить свой долгъ до послѣдней возможности. Онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать коалиціи клерикаловъ съ либералами противъ республиканцевъ; онъ одинъ изъ главныхъ творцовъ проэкта соглашенія республиканцевъ съ либералами, который мы привели выше. Онъ много выказалъ политическаго такта на другой день революціи, онъ съумѣлъ воспользоваться уроками, вынесенными изъ продолжительной борьбы, и на него, кажется, можно бы положиться, что онъ не потеряется въ день рѣшительный битвы. Но не всѣ

такъ думаютъ. Онъ, можетъ быть, недостаточно выяснилъ своимъ друзьямъ, что онъ вовсе не намѣренъ жертвовать принципами, что если онъ и предлагаетъ мировое соглашеніе съ прогрессистами, то предлагаетъ его съ единственной цѣлью воспрепятствовать коалиціи клерикаловъ съ либералами противъ республиканцевъ, что, разумѣется послужитъ въ пользу республиканской партіи. Въ этой недомолвкѣ и надо искать причину, почему многіе изъ людей его партіи какъ будто не вполнѣ довѣряютъ ему. Тюто слишкомъ тонкій политикъ для партіи, состоящей изъ горячихъ головъ и молодежи, людей чувства, людей, жаждущихъ только боя, людей, которые видятъ одно настоящее и ничего не умѣютъ предвидѣть въ будущемъ. Они не понимаютъ, что Тюто и его друзья, выставляя имя Эспартеро, этимъ самымъ помогаютъ честнымъ прогрессистамъ легчайшимъ способомъ сдѣлать шагъ, отдѣляющій ихъ отъ республиканцевъ. Недовѣрчивость—добродѣтель демократіи, но въ отношеніи Тюто она доведена слишкомъ далеко; его молодые друзья рѣшились провозгласить, что Тюто робокъ и не осмѣливается слѣдовать своимъ убѣжденіямъ до конца; нашлись даже и такіе молодцы, которые чрезъ пятнадцать дней послѣ революціи, обвинили Тюто въ тайномъ подкупѣ монархистами,—Тюто, въ теченіи пятнадцати лѣтъ работавшаго въ пользу республики. „Съ этой минуты, говорилъ мнѣ Тюто,—моя дѣятельность парализована. Принужденный защищаться противъ нелѣпыхъ обвиненій, я трачу даромъ и время; и силы, и у меня остается ихъ слишкомъ мало для настоящей работы. Измѣна Риверо, Мартоса и ихъ друзей пала всей своей тяжестью на насъ, старыхъ республиканцевъ; справедливый гнѣвъ, который возбудило ихъ непростительное поведеніе, — довелъ нашу партію до неосторожныхъ выходокъ именно въ то время, когда для насъ особенно необходимы осторожность и воздержность. Вмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ партію прогрессистовъ, наша партія сама раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, и если мы теперь не примемъ быстрыхъ мѣръ къ соглашенію, мы потеряемъ битву, и Барселона, отличающаяся своимъ республиканизмомъ, предстанетъ передъ Кортесами ретроградымъ городомъ. Если таково положеніе въ самой передовой испанской провинціи, что же должно проис-

ходить въ другихъ? Я предвижу кровавое пораженіе, я предвижу, что тѣ изъ насъ, которые переживутъ его, вынуждены будутъ отправиться въ изгнаніе. Можетъ быть, чрезъ два мѣсяца мы увидимся съ вами въ Парижѣ".

Наше прощаніе было довольно печальное. Крокъ-Нотъ отправился по дорогѣ въ Валенсію. Въ 9 часовъ онъ съ грустію размышлялъ о своемъ разговорѣ съ Тюто, какъ вдругъ былъ развлеченъ громомъ барабановъ и трубъ, и громкими восклицаніями многочисленной толпы. Онъ въѣзжалъ въ это время въ Таррагону. Высунувшись изъ окна экипажа, онъ увидѣлъ толпу, тысячи въ двѣ человѣкъ, съ факелами, освѣщающими гарибальдійскія рубахи, фригійскія шапки и красное знамя федеральной республики. Воздухъ оглашался звуками гимна Ріэго. Крокъ-Нотъ понялъ, что здѣсь долженъ быть Гарридо, и тотчасъ же вышелъ изъ экипажа. Но едва онъ поставилъ ногу на землю, какъ почувствовалъ, что его руку сжимаетъ чья-то сильная рука. „Ты должно быть Крокъ-Нотъ,—сказалъ онъ.— Я узнаю тебя по твоему коричневому капюшону. Тебя ожидаетъ Гарридо". Крокъ-Нотъ пошелъ за нимъ; толпа охотно давала намъ дорогу, потому что проводникъ безпрестанно повторялъ: „Разступитесь, это другъ Гарридо!"

Гарридо былъ окруженъ многочисленнымъ обществомъ. Крокъ-Нота приняли съ знаками полнѣйшаго сочувствія. Онъ узналъ, что Гарридо находится уже три дня въ этихъ мѣстахъ и говорилъ рѣчи въ трехъ городахъ: Иньяльдѣ, Рейсѣ и Таррагонѣ. Вездѣ онъ былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ и населеніе этихъ городовъ высказалось въ пользу федеральной республики. Въ Таррагонѣ собралось болѣе 2000, а въ Рейсѣ болѣе 6000 человѣкъ. Муниципалитетъ въ Рейсѣ ввелъ гражданскій бракъ и утвердилъ уже четыре первые контракта. Революціонная юнта постановила, что религіозныя церемоніи не должны совершаться внѣ церквей и, не смотря на то, что юнта перестала существовать, духовенство исполняетъ точно ея постановленіе. Народъ въ Рейсѣ вооружается и тамъ организуется партія сопротивленія.

О настроеніи населенія въ Рейсѣ можно судить по слѣдующему случаю. Докторъ Мата, медицинская знаменитость Мадрида, быв-

шій нѣкогда однимъ изъ предводителей республиканской партіи, а теперь перешедшій на сторону Риверо и Мартоса, — былъ посланъ въ Каталонію для пропаганды въ пользу своей новой партіи. Онъ уроженецъ Рейса, и этотъ городъ до сихъ поръ гордился, что далъ Испаніи ученую и республиканскую знаменитость. Мата и Гарридо въ одинъ и тотъ же день пріѣхали въ Рейсъ, и оба объявили, что намѣрены произнести рѣчи. Къ несчастію для Маты, слухъ о его новыхъ связяхъ успѣлъ уже распространиться въ его родномъ городѣ, и къ нему явилось всего на все счетомъ 50 человѣкъ. Его рѣчь отличалась искуствомъ, остроуміемъ, она блистала краснорѣчіемъ, но, не смотря на всѣ ея достоинства, была прослушана въ совершенномъ молчаніи. Мата очень убѣдительно доказывалъ, что Испаніи еще рано становиться республикой, и его слушатели, состоящіе изъ его родныхъ и друзей дѣтства, по окончаніи рѣчи, громко воскликнули: „да здравствуетъ республика"! Мата удалился съ поникшей головой. Передъ его уединеннымъ домомъ играла музыка,—его родные давали ему серенаду,—но она играла на пустой улицѣ: всѣ жители отправились въ циркъ, гдѣ говорилъ Гарридо; три тысячи человѣкъ помѣстились внутри цирка, другіе три тысячи стояли вокругъ него, внѣ.

А еще Примъ, въ своемъ манифестѣ, говоритъ, что въ Испаніи совсѣмъ нѣтъ республиканцевъ!

ВАЛЕНСІЯ *17 Ноября.*

Въ полночь мы остановились въ Тортозѣ, гдѣ, не смотря на поздній часъ, толпа, съ факелами и знаменами, ожидала Гарридо.

Тортоза имѣетъ очаровательное мѣстоположеніе, можно думать, что находишься на востокѣ. Здѣсь растутъ пальмы.

Путешественника при въѣздѣ въ Валенсію поразитъ громаднѣйшее зданіе, отличающееся удивительной пропорціональностію отдѣльныхъ частей. Это самый большой циркъ въ Испаніи; онъ постро-

енъ по образцу римскихъ амфитеатровъ. Его устроилъ на свой счетъ госпиталь, который, не зная какое лучшее употребленіе сдѣлать изъ своихъ громадныхъ доходовъ, по зрѣломъ размышленіи, додумался помѣстить ихъ на устройство храма жестокости и звѣрства. Удивительныя вещи творились въ клерикальной Испаніи. Я рѣшился высказать невыгодное мнѣніе на счетъ умственныхъ способностей распорядителей капиталомъ госпиталя; но мои сосѣди валансьенцы изумились моей наивности. И въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ несовмѣстнаго съ старыми понятіями о благотворительности, которая питается бѣдностью и горемъ. Если бы не было бѣдныхъ подлѣ богатыхъ, кому бы они стали подавать милостыню? Если бы не было англійской болѣзни, золотухи, ранъ, чтобы сталъ дѣлать съ своими деньгами госпиталь?

Нищенство есть язва всей Испаніи, но Валенсіи въ особенности. На улицахъ, подлѣ церквей, вездѣ васъ обступятъ толпы однорукихъ хромыхъ, разслабленныхъ, слѣпыхъ и калѣкъ всякаго рода. „Добрый господинъ, подайте милостыньку, ради пречистой Богородицы!“ твердятъ они жалобнымъ голосомъ. Желающимъ излечиться отъ сентиментальной благотворительности, можно предложить пройти пѣшкомъ половину Валенсіи и давать каждому встрѣчному нищему только по одной копѣйкѣ,—придется истратить не менѣе 5 рублей. Едва ли послѣ такого опыта онъ останется при прежнихъ понятіяхъ объ уличной благотворительности. Какъ правы тѣ мыслители, которые говорятъ, что мы должны употребить свои усилія не на то, чтобы кормить бѣдныхъ, а на уничтоженіе причинъ бѣдности, на реформированіе экономическихъ условій нашего быта!

— Каждую субботу, говорилъ мнѣ донъ Антоній Муницъ-и-Наваро, негоціантъ Валенсіи,—мой домъ осаждаютъ 7—800 бѣдныхъ, которые приходятъ за полученіемъ мелкой мѣдной монеты; я не могу имъ давать болѣе, и при этомъ условіи я трачу на нихъ въ годъ свыше тысячи франковъ.

— Значитъ въ теченіи 40 лѣтъ, отвѣчалъ ему Крокъ—Нотъ,—вы роздали такимъ путемъ 40,000 франковъ, но развѣ за это время уменьшилось число нищихъ въ Валенсіи?

— Безъ сомнѣнія нѣтъ, и когда я умру, въ Валенсіи останется такое же число нищихъ, какое было въ день моего рожденія.

— Но если бы вы издерживали эти 1000 франковъ въ годъ на воспитаніе въ школѣ двадцати дѣтей, въ день вашей смерти вы имѣли бы полное право съ гордостью сказать: „я вырвалъ 500 дѣтей изъ нищеты, давъ имъ воспитаніе“. Припомните вы того мужественнаго англичанина, который на смертномъ одрѣ, съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія, говорилъ: „Впродолженіи пятидесяти лѣтъ я удержался отъ слабости дать хотя одинъ грошъ на улицѣ“. По моему мнѣнію, онъ имѣлъ полное право гордиться, потому что поступалъ совершенно разумно.

Валенсія особенно гордится своей площадью Сида, гордится потому, что здѣсь родился великій истребитель мавровъ Сидъ Кампеадоръ.

Валенсійскій соборъ съ его громадной сен-мигуэльской башней стоялъ противъ нашихъ оконъ, и мы не упустили случая посѣтить его. Это громаднѣйшее зданіе соединено галереями съ одной стороны съ архіепископствомъ, съ другой съ сосѣдней церковью. Внутренность собора грандіозна, но снаружи безвкусная смѣсь различныхъ архитектуръ; соборъ строился долгое время и въ разное время къ нему дѣлались пристройки въ самыхъ разнообразныхъ стиляхъ. Внутри храма есть нѣсколько картинъ византійской живописи и извѣстнаго Хуана Хуареца—Рафаеля Валенсіи... Но сколько богатствъ заключено въ этомъ соборѣ—просто невѣроятно! Считаютъ сотнями колонны изъ оникса и агата; вездѣ кругомъ золото и серебро; ризы усыпаны драгоцѣнными камнями. Сколько поколѣній отдавало всѣ свои сбереженія на украшеніе этого храма! Удивляются вообще поразительной бѣдности испанскаго народа, но при видѣ всей этой массы непроизводительно-лежащихъ сокровищъ, невольно приходитъ сознаніе, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ народной бѣдности заключается въ этой излишней роскоши храмовъ. Здѣсь лежатъ сотни милліоновъ безъ всякаго движенія. А сочтите одни проценты за сотни лѣтъ—какая выйдетъ громадная сумма, совершенно потерянная для народнаго благосостоянія.

18 ноября.

Агитаторъ Фернандо Гарридо остановился въ отелѣ Сидъ, гдѣ жилъ уже нѣсколько дней патріархъ испанскій революціи—Орензе. Гарридо дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ на всемъ протяженіи отъ Оло до Валенсіи. Города Паламосъ, Палафуржель, Рейсъ, Таррагона, Марторель и Тортоза, какъ мы уже знаемъ, заявили ему горячее сочувствіе и свою преданность федеральной республикѣ. По словамъ Орензе, успѣхъ его пропаганды въ Мурсіѣ, Алькоѣ и Хативѣ превзошелъ всѣ его ожиданія. Въ Мурсіѣ энтузіазмъ народа, при его встрѣчѣ, дошелъ до своего апогея, и Орензе едва не задохся въ толпѣ, съ необычайной страстностью выражающей ему сочувствіе. Опасаясь повторенія подобныхъ манифестацій, Орензе старался въѣзжать въ города ночью, и не предупреждалъ никого о своемъ прибытіи.

Кастеляръ, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Испаніи, самый молодой и самый популярный изъ республиканскихъ вождей, намѣренъ тоже сдѣлать объѣздъ для пропаганды. Его ожидаютъ въ Валенсіи чрезъ пять или шесть дней.

Республиканцы послѣднимъ своимъ успѣхомъ обязаны отчасти отпаденію Риверо, который постоянно считался самымъ вліятельнымъ и самымъ уважаемымъ вождемъ республиканской партіи. Единственнымъ его соперникомъ могъ бы быть Орензе, но ему 70 лѣтъ отъ роду, и потому партія не рѣшалась отдать ему главенство, опасаясь, что его дѣйствія не будутъ отличаться необходимой энергіей и рѣшительностью. Если бы не эта популярность Риверо, временному правительству едва ли бы удалось распустить юнты; но Риверо подписалъ правительственное распоряженіе и юнты не колеблясь исполнили его. Но послѣ распущенія юнтъ, Риверо рѣшился окончательно разорвать съ своей партіей и объявилъ себя монархистомъ и приверженцемъ Олозаги. Эта измѣна озадачила республиканцевъ. Трудно было понять, какая побудительная причина руководила дѣйствіями Риверо; по правдѣ сказать и теперь еще никто ее не понялъ. И въ самомъ дѣлѣ, мудрено найти разумную причину, по которой человѣкъ переходитъ въ непріятельскій станъ въ то время, когда его партія не разстроена и, по всѣмъ соображеніямъ, можетъ

одержать побѣду. Понятны теперь негодованіе къ Риверо и полнѣйшее сочувствіе къ тѣмъ изъ дѣятелей республиканской партіи, которые выказали столько энергіи и самоотверженія. Путешествіе Гарридо и Орензе поэтому было торжественнымъ для нихъ тріумфомъ.

Орензе и Гарридо рѣшились предпринять прогулку въ каретѣ въ Грао, портъ Валенсіи, и были столько обязательны къ Крокъ-Ноту, что пригласили его съ собою. Во время этой пріятной поѣздки, Крокъ-Нотъ особенно коротко познакомился съ этими двумя замѣчательными патріотами, которые своими рѣшительными и разумными дѣйствіями, можетъ быть, избавятъ свою партію отъ сильнаго пораженія и приготовятъ ей возможность одержать блистательную побѣду.

Уже пятьдесятъ лѣтъ сряду Хозе-Марія Орензе, маркизъ д' Альбанда ратовалъ въ защиту своихъ принциповъ. Получивъ отъ отца республиканское воспитаніе, онъ уже 17-ти лѣтъ отъ роду съ оружіемъ въ рукахъ защищалъ то дѣло, которому остался вѣренъ впродолженіи всей своей жизни. Чтобы избѣжать непріятностей отъ торжествующей партіи, онъ, двадцатилѣтнимъ юношей, былъ вынужденъ бѣжать въ Англію, гдѣ запасся англійскими идеями, и могъ сравнить нравы и учрежденія Великобританіи съ бытомъ Испаніи, научился судить о людяхъ и обстоятельствахъ, вдохновился философіей Франклина и Ричарда Кобдена. Это—очень бодрый, развязный старикъ съ быстро-бѣгающими глазками, твердой поступью и необыкновенно простыми внѣшними пріемами; онъ всегда веселъ, пріятенъ въ разговорѣ, и память его можно назвать неистощимымъ запасомъ всякихъ анекдотцевъ, остротъ и веселыхъ разсказовъ. Его считаютъ опаснымъ заговорщикомъ, его представляли яростнымъ демагогомъ, необузданнымъ соціалистомъ; но всѣ эти мнимые портреты, будто бы срисованные съ него политическими противниками, кажутся намъ не больше, какъ фантастическими каррикатурами. Если его и приговорили было къ смертной казни, если онъ не разъ рисковалъ своею жизнію, хотя и обладалъ довольно почтеннымъ состояніемъ, наконецъ, если онъ всегда готовъ ни въ грошъ не ставить эшафотъ или пули реакціонеровъ

въ серьезной схваткѣ, то тѣмъ не менѣе этотъ человѣкъ все-таки прежде всего — честный буржуа, добрый отецъ семейства, строгій администраторъ своихъ обширныхъ имѣній. Въ немъ есть, пожалуй своя доля Донъ-Кихота, но этотъ Донъ-Кихотъ сильно приправленъ характеромъ Санхо-Панча. Онъ и энтузіастъ, и въ тоже время холодно-разсчетливъ, и при всѣхъ его геройскихъ качествахъ, въ немъ нельзя не видѣть честнаго, скромнаго добряка; это—революціонеръ съ душкомъ квакера. Честность и экономія характеризуютъ его съ головы до ногъ. Какъ человѣкъ честный и прямодушный, онъ твердо держится своихъ убѣжденій, онъ не понимаетъ, какъ можно нарушить свой долгъ, по этому онъ и обладаетъ счастливымъ, свѣтлымъ характеромъ, наконецъ, какъ бережливый хозяинъ, онъ именно потому ненавидитъ крупные бюджеты. Въ своемъ желаніи имѣть наиболѣе честное и въ тоже время наиболѣе бережливое правительство, онъ долженъ былъ видѣть свой идеалъ въ федеративной республикѣ, болѣе или менѣе сходной съ сѣверо-американскими соединенными штатами.

Долго онъ считалъ себя—и даже считаетъ еще до сихъ поръ—врагомъ соціализма, и даже довольно бойко полемизировалъ по этому поводу съ Гарридо. Конечно, семидесятилѣтній старецъ едва ли можетъ научиться многому въ новой для него наукѣ, однако этотъ добрякъ теперь совершенно доволенъ соціалистами, такъ какъ они согласились съ нимъ, что о рѣшеніи чисто соціальныхъ вопросовъ надобно подумать уже послѣ объявленія республики.

И такъ, ходъ событій какъ нельзя лучше пришелся по сердцу Орензе. Онъ провозглашаетъ несомнѣнность побѣды; онъ даже никакъ представить себѣ не можетъ, чтобы настоящая борьба могла привести къ пораженію его партіи.

Вотъ нѣкоторыя мысли Орензе, тщательно удержанныя нами въ памяти.

„Демократія возникла въ Испаніи послѣ 24-хъ лѣтнихъ настойчивыхъ усилій проложить себѣ дорогу; теперь она существуетъ фактически, и ей недостаетъ только имени. 30 ноября 1854 года мы, въ числѣ 19 депутатовъ, вотировали въ собраніи кортесовъ низверженіе Изабеллы; многіе другіе представители обѣщали

намъ свои голоса, но были обольщены партій О'Доннелля, и впослѣдствіи не одинъ изъ нихъ раскаявался въ своей слабости и низкой измѣнѣ. Въ Испаніи всѣ замѣчательные люди, любимые народомъ, были республиканцы, каковы Ріего, Палафохъ, Ромеро-Альпуэнте, Морено-Герра, Діасъ-Моралесъ, Кальво-де-Розасъ, графъ де-ласъ-Навасъ, Патрисіо, Олаваррія, Ордасъ, Сиксто Кámара, уже не говоря о живыхъ. Напротивъ, всѣхъ, изнѣнившихъ республиканскому знамени, народъ глубоко презиралъ и ненавидѣлъ.

„Постоянство—по преимуществу добродѣтель испанской націи. Ужъ если какая нибудь идея запала въ испанскую голову, то не скоро оттуда выйдетъ, и народъ этотъ не оставляетъ своего проэкта, пока не осуществитъ его на дѣлѣ. Если республика до сихъ поръ еще не провозглашена, то это потому, что все здѣсь дѣлается спокойно и исподоволь, что бы ни говорили на этотъ счетъ иностранцы. Семь вѣковъ мы отдѣлывались отъ исламизма, но безъ сомнѣнія ужъ не такъ долго будемъ отбояриваться отъ папизма, а что касается роялизма, то дѣло его представляется намъ теперь совершенно ясно. У насъ, въ Испаніи, богатый классъ — среднее сословіе—не встрѣтилъ республику враждебно; наша буржуазія не захотѣла подражать примѣру своей старшей сестры—французской буржуазіи 1848 года. И еслибъ рѣшеніе кортесовъ даже возстановило монархическій принципъ, то монархъ, воцарившійся въ силу этого рѣшенія, былъ бы въ высшей степени непопуляренъ; его встрѣтили бы такъ нерадушно, что ему нужно было бы защищаться самыми опасными мѣрами, чтобы удержаться на престолѣ; но и тутъ онъ все-таки будетъ безсиленъ передъ прозваніемъ *непрошеннаго гостя*, которое было дано нашими отцами Іосифу Наполеону. И сами роялисты приготовятъ наиболѣе хлопотъ всякому новому монарху, потому что наши роялисты раздѣлены на многія партіи—каждая съ своимъ особымъ кандидатомъ. Притомъ же софизмы людей не могутъ долго противиться силѣ фактовъ. А вѣдь Испанія предназначена образовать изъ себя федерацію республикъ, хотя бы въ силу географической необходимости; исторически же федерація эта основывается на неопобѣдимыхъ fueros, на тѣхъ древнихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ, которыхъ ни тираннія австрійской

династіи, ни всеподавляющій деспотизмъ бурбоновъ не могли отнять у провинцій, входящихъ въ составъ испанской національности. И возсоединеніе Португаліи съ Испаніей, котораго многіе чаятъ, какъ движенія воды, можетъ быть осуществлено никакъ не монархіей, а только республиканской федераціей. Съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ этотъ былъ поставленъ такъ рѣзко, республика дѣлается съ каждымъ днемъ болѣе популярною, монархія же замѣтно утрачиваетъ свою популярность. Результатъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: мы восторжествуемъ."

Фернандо Гарридо обладаетъ многими качествами Орензе; Гарридо менѣе интересенъ и оригиналенъ, чѣмъ его другъ, но болѣе его симпатиченъ. Этотъ человѣкъ отличается необыкновенной энергіей и изумительной дѣятельностью; его веселость рѣшительно неистощима. Хотя онъ уже и пріобрѣлъ почтенную тѣлесную дородность, хотя въ волосахъ его пробивается замѣтная просѣдь, однако сердце въ немъ постоянно юно и смѣхъ его по прежнему звученъ. Онъ слишкомъ полонъ здоровья и силы для того, чтобы могъ поддаться желчному раздраженію или унынію. Личныхъ враговъ онъ не знаетъ, а что до политическихъ противниковъ, то ему просто некогда ихъ ненавидѣть, хотя его и считаютъ яростнымъ революціонеромъ и чуть было не сняли съ него буйной головы на публичной площади.

Въ своей молодости онъ, какъ угорѣлый, метался во всѣ стороны—предпринималъ изумительные вояжи, былъ душою всѣхъ партій, всѣхъ увеселительныхъ собраній, участвовалъ во всѣхъ политическихъ обществахъ, строилъ заговоры, предавался удовольствіямъ, работалъ, потому что ему нужно было работать, чтобъ жить. Будучи живописцемъ—жанристомъ и пейзажистомъ, онъ особенно любилъ воспроизводить сцены изъ народнаго быта, усвоивалъ себѣ безъ малѣйшихъ усилій всевозможные стили, манеры, вводя въ заблужденіе наилучшихъ знатоковъ. Но въ тоже время это былъ беллетристъ, поэтъ, драматическій писатель, журналистъ, авторъ памфлетовъ. Разсказываютъ, будто онъ написалъ комедію, самъ игралъ въ ней роль, и нарисовалъ для нея декораціи. Вліяніе его возрастало съ каждымъ годомъ, и, наконецъ, онъ исключительно посвятилъ себя политикѣ и соціальнымъ наукамъ. Во время

своей поѣздки въ Рочдэль, предпринятой съ цѣлію изученія кооперативныхъ ассоціацій, онъ по неосторожности упалъ и сломилъ себѣ ногу; слѣдствіемъ этого явилась у него болѣзнь неподвижность сустава и съ тѣхъ поръ Гарридо обратилъ всю свою физическую энергію на умственную дѣятельность. Онъ выпускалъ изъ подъ своего пера томъ за томомъ, обогативъ своего издателя—и вотъ теперь онъ обратился въ народнаго оратора, въ ожиданіи того времени, когда займетъ мѣсто въ будущихъ кортесахъ.

Честность и прямодушіе, одинаково характеризующія Орензе и Гарридо, обусловили ихъ политическія убѣжденія. Таже простота у того и у другого, тотъ же здравый смыслъ, тоже практическое пониманіе. Гарридо — плотная, дюжая натура, тогда какъ Орензе обладаетъ только физическимъ и моральнымъ здоровьемъ— и однако Орензе, по сравненію съ Гарридо, личность, гораздо болѣе видная, несравненно рѣзче выдающійся типъ, потому что у Орензе болѣе воли и менѣе воображенія, потому что онъ давно уже привыкъ руководить партіей. Орензе обладаетъ только яснымъ умомъ; блестящій умъ Гарридо ярко озаряетъ всѣ предметы, которыхъ онъ коснется и согрѣваетъ ихъ живою теплотою сердца. Когда Гарридо говоритъ, трудно себѣ представить, чтобы кто нибудь могъ не раздѣлять его мнѣній. Гарридо, въ душѣ котораго много идеальнаго, любитъ пожить привольно и отличается щедростью, тогда какъ разсудительный Орензе придерживается благоразумной экономіи.

Вечеромъ Гарридо и Орензе говорили рѣчи въ циркѣ къ собранію, окружавшему ихъ въ числѣ 4000 человѣкъ, которые рѣшили, что нужно телеграфомъ заявить въ Мадридъ ихъ сочувствіе къ республикѣ. Когда при этомъ было сдѣлано замѣчаніе, что это импровизированное въ тѣсномъ мѣстѣ собраніе еще не могло свидѣтельствовать о преобладаніи республиканизма въ городѣ Валенсіи, — то было рѣшено, въ видѣ торжественной манифестаціи, созвать въ будущее воскресенье всѣхъ республиканцевъ этого города,—въ большомъ циркѣ или другомъ мѣстѣ.

19 Ноября.

Передъ однимъ изъ входовъ собора мы видѣли засѣданіе *Трибунала Водъ*, обсуждающаго всѣ споры, относящіеся къ орошенію и къ проведенію каналовъ. Вся мѣстность вокругъ Валенсіи воздѣлывается самымъ тщательнымъ образомъ по образцу огородовъ близъ Лондона и Парижа; благодаря значительному потребленію гуано, обилію воды, доставляемой притоками Турбіи, и великолѣпному солнцу, здѣшніе жители собираютъ жатву отъ шести до восьми разъ въ годъ. Вода служитъ источникомъ всего ихъ благосостоянія; безъ воды вся эта великолѣпная Huerta обратилось бы въ безплодную равнину. Первоначально этой благодѣтельной водой такъ умно воспользовались мавры, и несмотря на ихъ обращеніе въ христіанство и подпаденіе католическому владычеству, ихъ потомки, принадлежащіе болѣе или менѣе къ смѣшанной расѣ, умѣли сохранить неприкосновеннымъ прадѣдовское преданіе, и долгъ блюсти его во всей строгости лежитъ по преимуществу на членахъ—судьяхъ Трибунала водъ; эти судьи избираются всеобщей подачей голосовъ своими довѣрителями—поселянами такъ называемой Huerta; рѣшеніе ихъ не допускаетъ апелляціи, и если признанный виновнымъ позволяетъ себѣ протестовать, то платитъ штрафъ за каждое произнесенное имъ слово.

Сподобился и я увидѣть его эминенцію кардинала-архіепископа Валенціи, и это случилось въ то самое мгновеніе, когда онъ садился въ свой экипажъ, запряженный рѣзвыми мулами. Это очаровательный молодой человѣкъ, съ свѣжимъ, розовымъ цвѣтомъ лица, тонкими, нѣжно обозначенными чертами и съ самыми обворожительными манерами. Пять или шесть дамъ, почти въ колѣнопреклоненномъ положеніи, облобызали ему десницу, и онъ позволилъ имъ это съ самой изысканной любезностью. Его эминенція—либералъ, даже черезъ чуръ либералъ, и народъ толкуетъ потихоньку, будто, въ погребахъ своего дворца, архіепископъ устраиваетъ склады пороха и ружейныхъ патроновъ.

20 Ноября.

Посѣтилъ больницу, изъ доходовъ которой выстроенъ циркъ для боя быковъ. Больница эта помѣщается въ обширномъ зданіи, которое снаружи не обращаетъ на себя вниманія прохожаго, но внутри отдѣлано великолѣпно. Вокругъ высокаго свода или купола, въ нижнемъ этажѣ расположены четыре обширныя залы, тогда какъ четыре другія находятся въ слѣдующемъ этажѣ; онѣ поддерживаются великолѣпными арками изъ розоваго мрамора. Внизу помѣщаются мужчины, вверху—женщины. Съ архитектурной точки зрѣнія это до нельзя хорошо, съ гигіенической положительно нелѣпо. Управленіе во всемъ, что касается продовольственнаго снабженія, показалось намъ довольно удовлетворительнымъ. Больница заключаетъ въ себѣ пятьсотъ больныхъ, даетъ убѣжище тысячѣ дѣтей — найденышей, изъ которыхъ многія, очень многія умираютъ,—и кромѣ того здѣсь помѣщаются пятьсотъ умалишенныхъ обоихъ половъ. Это отдѣленіе для съумасшедшихъ представляетъ самый печальный видъ. Оно хвалится тѣмъ, что было первымъ заведеніемъ этого рода въ христіанскихъ странахъ, такъ какъ было основано вслѣдъ за константинопольскимъ и смирнскимъ домами для умалишенныхъ. Но со стороны хорошаго порядка это заведеніе ужь ничѣмъ не можетъ похвалиться.

Грустно было бы рисовать картину моральныхъ и физическихъ страданій, встрѣченныхъ здѣсь нами. Подобныя заведенія никогда не улучшаются, и ихъ всего лучше сломать до основанія, сравнять съ землею.

Тюрьма также находится въ довольно плачевномъ состояніи, но сравнительно съ больницею для умалешенныхъ, это сущій рай земной,—слѣдовательно всегда лучше быть преступнымъ, чѣмъ несчастнымъ, даже со стороны участія людей! Эти мрачные амбары тюремнаго зданія, эти мощеные дворы, эта толпа отъявленныхъ мошенниковъ, недорослковъ, закованныхъ въ цѣпи каторжниковъ,—загнанныхъ вмѣстѣ, давящихъ другъ друга, — все это напомнило намъ средніе вѣка. Нынѣшній директоръ, недавно попавшій на

это мѣсто благодаря революціи, имѣетъ репутацію крутого, но строго справедливаго человѣка. Много приходится ему хлопотать, чтобы очистить эти аугіевы конюшни; онъ открылъ чудовищную, жестокую эксплуатацію, самое отвратительное неряшество и инфекцію. Работы въ тюрьмѣ отдаются по подряду, и ткачи—арестанты, работая самымъ прилежнымъ образомъ, могутъ выручить шесть полушекъ въ день. Нечего сказать, это можетъ поощрить человѣка къ честности!...

21 Ноября.

Въ больницѣ Милосердія помѣщается до восьми сотъ трудныхъ и легкихъ больныхъ, и въ Валенсіи, кромѣ того, есть еще многія другія, менѣе значительныя заведенія этого рода. Столько нищихъ на улицахъ, столько бѣдняковъ за стѣнами домовъ,—семьдесятъ тысячъ чиновнаго люда, вымогающаго въ министерствахъ маленькое мѣстечко, мизерную подачку, убогую милостыньку! Принявъ въ соображеніе солдатъ, духовенство, монахинь, невольно задаешь себѣ вопросъ: кто же работаетъ въ Испаніи? Школы, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ содержатся довольно удовлетворительно; по крайней мѣрѣ, намъ такъ показалось. Въ эти школы для бѣдныхъ допускаются и нѣкоторыя приходящія дѣти; уходя домой, они цѣлуютъ руку своего начальника.

Впрочемъ намъ пришлось видѣть и въ Валенсіи тяжелую работу — на табачной фабрикѣ, гдѣ работаютъ до четырехъ тысячъ женщинъ. Рѣдко преставляется случай видѣть подобную многочисленную ватагу особъ прекраснаго пола. При такомъ огромномъ ихъ числѣ были между ними, конечно, и хорошенькія, даже очень хорошенькія, но весь ансамбль представлялъ мало отрадную картину бѣдности, унынія, неряшливости, чахотки, англійской болѣзни. Всѣ эти дамы были загнаны въ обширныя залы, тщательно запираемыя со всѣхъ сторонъ, словно правительство боялось выпустить наружу нѣсколько міазмовъ драгоцѣнной наркотической травы. Эти женщины работаютъ цѣлый день изъ за мизернаго жалованья, измѣняющагося отъ пятнадцати до тридцати копѣекъ. Что же ѣдятъ эти

бѣдняжки? Кусокъ хлѣба съ однимъ сырымъ помедоромъ — вотъ все ихъ суточное пропитаніе. На жалованьи этихъ несчастныхъ труженицъ правительство ухитряется выигрывать милліоны. Правда, что изъ этихъ милліоновъ нужно большую половину израсходовать на содержаніе массы чиновниковъ и жандармовъ, обязанность которыхъ состоитъ исключительно въ ловлѣ контрабандистовъ. А что стоитъ содержаніе тюремъ для нихъ?

22 ноября.

Я отправился осматривать музей, но не имѣлъ времени долго останавливаться надъ разными любопытными предметами, потому что спѣшилъ, боясь опоздать на республиканскую манифестацію въ большихъ размѣрахъ. Республиканцы собрались за городомъ въ зданіи бывшаго монастыря Санъ-Хуанъ-де-ла-Рибера, нынѣ превращеннаго въ зданіе для выставки. Собраніе, однакоже, было на чистомъ воздухѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ садъ, нынѣ превращенный въ хлѣбныя поля. Здѣсь соединились 20,000 человѣкъ; Орензе и Гарридо сказали рѣчи съ высокой террассы. Съ ихъ трибуны былъ очаровательный видъ на отдаленныя горы, на толпу, внимательно слушающую своихъ ораторовъ, какъ бы боясь проронить одно слово изъ ихъ рѣчи. Не только все пространство внутри стѣнъ было занято народомъ, но самыя стѣны послужили для любопытныхъ; на нихъ въ сплошную помѣстились тѣ, кто не могъ попасть внутрь зданія. Надъ толпой возвышались 12 фіолетовыхъ знаменъ, принадлежащихъ comuneros, противъ которыхъ съ такимъ рвеніемъ боролся Карлъ пятый и полагалъ, что совсѣмъ ихъ уничтожилъ.

Послѣ рѣчей, сопровождавшихся рукоплесканіями толпы и торжественнымъ заявленіемъ сочувствія федеральной республикѣ,—вся масса народа, въ строгомъ порядкѣ, двинулась процессіей къ Валенсію. Къ этимъ 20,000 присоединилось въ городѣ тоже не менѣе 20,000 человѣкъ, ожидавшихъ у городскихъ воротъ. Вся эта армія двинулась съ музыкой и барабанами по улицамъ города. Подойдя къ

дому префекта, толпа остановилась. Префектъ вышелъ на балконъ. "Напишите въ Мадридъ, сказали ему, что сорокъ тысячъ гражданъ Валенсіи высказались за республиканскій образъ правленія„.

23 Ноября.

Сегодня съ ранняго утра передъ нашей гостинницей играла музыка въ честь Орензе и Гарридо. Музыка сопровождала послѣдняго и на станцію желѣзной дороги, куда мы вмѣстѣ съ нимъ отправились. Здѣсь громадная толпа народа встрѣтила его сочувственными криками: "вивать Гарридо!„ которые не умолкали до самаго нашего отъѣзда.

САНЪ-ХУАНЪ ДЕ-АЛЬКАЗАРЪ, *24 ноября.*

Въ пунктѣ соединенія желѣзныхъ дорогъ, идущихъ одна на сѣверъ, къ Мадриду, другая на югъ, къ Малагѣ, мы узнали, что поѣздъ, отправлявшійся въ Андалузію, на который мы такъ расчитывали, уже ушелъ. Волей-неволей намъ приходилось ждать по крайней мѣрѣ часовъ 12 въ Альказарѣ. Былъ часъ пополудни. Какой-то мальчуганъ провелъ насъ къ гостинницѣ, гдѣ мы заняли маленькую комнату, снабженную однако четырьмя постелями; комната была изукрашена плохими размалеванными литографными эстампами, представлявшими эпизоды изъ жизни Христофора Колумба и похожденія Жиль-Блаза. Съ робкимъ уваженіемъ смотрѣли мы на двухъ нашихъ старухъ-хозяекъ, разглядывали ихъ одѣяніе, слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ, потому что вѣдь мы находились въ самомъ чистомъ безпримѣсномъ Ла-Манчѣ, предъ нами были соотечественницы славнаго рыцаря Дон-Кихота и его безсмертнаго оруженосца Санхо-Панчо.

Лишь только мы проснулись, какъ уже могли убѣдиться въ крайнемъ недостаткѣ воды на этомъ высокомъ пунктѣ Кастиль-

скаго плоскогорья; наши хозяйки были вполнѣ увѣрены, что для умыванія четырехъ путешественниковъ достаточно одного большаго стакана воды.

Мѣстечко, гдѣ мы теперь находились, состоитъ изъ низенькихъ, дурно-построенныхъ домиковъ, очень жалкихъ на видъ, не смотря на ослѣпительную бѣлизну ихъ стѣнъ. Тамъ и сямъ виднѣлись желтые частоколы, синія двери и окна; дома достаточныхъ буржуа, общественныя зданія, однимъ словомъ все, что можетъ имѣть нѣкоторую претензію на архитектурный стиль, выстроено изъ краснаго песчаника; вдоль и поперегъ извиваются улицы, то не въ мѣру широкія, то слишкомъ узкія; замѣчательно полнѣйшее отсутствіе садовъ и палисадниковъ. Вся жизнь мѣстечка обрѣтается на улицѣ; тамъ смотришь старики сидятъ на солнопекѣ, здѣсь женщины чешутъ свои волосы, а гдѣ нибудь подлѣ, въ уголку, дѣвочки ищутъ въ головѣ у своихъ маленькихъ братишекъ. Вся торговля сосредоточена на площади св. Квитеріи, гдѣ находится и ратуша, выстроенная на манеръ башни, и церковь, похожая на крѣпостцу.

Желая сдѣлать кое-какія наблюденія Крокъ-Нотъ отправился въ церковь, гдѣ въ то время шла обѣдня; онъ насчиталъ въ ней 27 человѣкъ; всѣ они были среднихъ лѣтъ: двое пола мужескаго, 23 женскаго, и два священника пола средняго. Главный алтарь изукрашенъ витыми колонками, виноградными лозами, епископами въ митрахъ, вензелями и гербами, вездѣ золото, позолота на позолотѣ, вѣрный признакъ бѣдственнаго положенія страны, потому что въ Испаніи если церковь роскошно изукрашена, а патеры богаты, нечего сомнѣваться, что карманы народа пусты. Картины не дурны. Патронеса мѣстечка, св. Квитерія, изображена стройной очень хорошенькой блондинкою, лѣтъ 18, одѣтой въ бѣлое съ розовымъ. Но надо прибавить, что въ тоже время она распята на крестѣ и гвозди пронзили ея прелестныя руки и ноги.

Гордость мѣстечка однакоже составляетъ не эта церковь, а капелла Св. Дѣвы съ четками. Алтарь ея изукрашенъ золотомъ сверху до низу, усыпанъ каменьями. Матерь Божья изображена въ естественную величину, на головѣ у ней усѣянная каменьями корона; платье украшено гирляндами розъ. Она подаетъ четки ка-

кому-то старику, вырѣзанному изъ картона, изображенному въ профиль. Совершенно внизу, во мракѣ, такъ что глазъ зрителей едва можетъ замѣтить, виднѣется образъ Ессе-Homo. Ликъ Христа вырѣзанъ изъ дерева крайне некрасиво. На него накинута красная бархатная мантія, подъ которой находятся красный хитонъ. Руки его связаны настоящею веревкою, голова прибита также настоящими желѣзными гвоздями. Это произведеніе до того мало вяжется съ общепринятымъ понятіемъ объ европейскомъ искуствѣ ваянія и живописи, что невольно приходитъ идея объ индѣйскихъ пагодахъ и о тамошнихъ образчикахъ искуства. Въ Испаніи, гдѣ еще можно встрѣтить понятія чистѣйшаго фетишизма, подобныя произведенія искуства встрѣчаются не рѣдко.

Вблизи этой часовни находятся развалины громаднаго аббатства. Зданіе великолѣпно, прочно, богато отдѣлано;—но монастырскія кельи совершенно разворены лѣтъ 20 тому назадъ, во время продажи всѣхъ земель, принадлежавшихъ духовенству. Остались отъ нихъ только четыре стѣны внутренняго двора, да развалины богатой галлереи. Монастырь былъ назначенъ въ продажу, но на него не нашлось покупателя; громадныя его земли до сихъ поръ лежатъ впустѣ, никѣмъ не занятыя. Разсказываютъ, что вблизи мѣстечка и другой древній, еще большій монастырь находится почти въ такомъ же состояніи. Его земли также лежатъ впустѣ, невоздѣланныя, а его жители, монахи, возвратились въ міръ, гдѣ каждый занялся подходящимъ дѣломъ.

Пойдемъ въ монастырь св. Клариссы. Это одинъ изъ трехъ женскихъ монастырей въ Санъ-Хуанѣ де-Альказарѣ. Торговецъ глиняной посуды только-что вошелъ туда, послѣдуемъ и мы за нимъ. Но, увы, Крокъ-Нотъ былъ жестоко наказанъ за свое любопытство, онъ вошелъ въ монастырскую гостиную, слышалъ оттуда сильный стукъ отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей; онъ слышалъ сладенькій голосъ торговца посуды, но никого не видѣлъ. Церковь была отперта,—она чистенькая и миленькая. Лучъ солнца, забредшій случайно въ эту отдѣленную отъ міра обитель освѣщалъ мрачный образъ св. Франциска д'Ассиза...

Вдоль церкви тянется маленькій бульваръ, обсаженый жидкими,

почти засохшими кустами акацій, которыя не въ состояніи были привиться въ этомъ безводномъ мѣстѣ, никогда непосѣщаемомъ даже птицами.

Вдали, какъ видитъ глазъ, тянутся поля красноватаго цвѣта, на которыхъ разбросано какое-то подобіе каменныхъ сооруженій похожихъ на межевые столбы; все это торчатъ избушки, лишенныя лучшаго своего украшенія — зелени. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ нѣтъ ни одного на столько плодороднаго мѣстечка, чтобы на немъ могла взойти капуста, или какой бы то ни было цвѣтокъ.

Поля не размѣжеваны, только нѣсколько разбросанныхъ камней отдѣляютъ одно владѣніе отъ другого. Впрочемъ Ла-Манчъ изобилуетъ хлѣбомъ, который произрастаетъ здѣсь въ громадномъ количествѣ, несмотря на то, что земля совсѣмъ не удобряется. Разсказываютъ, что въ маѣ, эти пространства зеленѣющаго хлѣба, колыхаемыя вѣтромъ,—прекрасны, какъ волнующееся море, но за то осенью они представляютъ грустную картину безплодія, болѣе печальную даже, чѣмъ видъ пустыни. Почва не совсѣмъ ровная, она немного бугриста, на холмахъ у горизонта возвышаются вѣтряныя мельницы, выстроенныя въ рядъ, какъ деревянные солдатики, съ ружьями на плечахъ. Куда ни кинешь взоръ, вездѣ видно отсутствіе зелени. Манчего какъ будто ненавидитъ ее, онъ не дозволяетъ ей являться у себя, даже въ видѣ кустарниковъ терна.

Вблизи станціи желѣзной дороги уединенно стояли нѣсколько полуразвалившихся домовъ фабричнаго стиля. Крокъ-Нотъ съ изумленіемъ узналъ, что это бывшій стеклянный заводъ, никогда впрочемъ не дѣйствовавшій; акціонеры сложили въ предпріятіе свои капиталы, построили дома, но не хватило средствъ начать работы, и предпріятіе лопнуло; акціонеры, разумѣется, раззорились. Вездѣ, куда ни посмотришь, въ Испаніи бѣдность, бѣдность и бѣдность, вездѣ грязь и невѣжество, вѣчные спутники фанатичнаго католицизма. Въ Каталоніи, Валенсіи, Андалузіи вы находились въ странахъ, хотя нѣсколько знакомыхъ съ новѣйшей цивилизаціей, но здѣсь, внутри страны, въ сердцѣ Испаніи,—всѣ признаки перво-

бытнаго состоянія народовъ; самый наружный видъ страны до того печаленъ, до того бѣденъ, до того грязенъ, что возбуждаетъ горесть и даже отвращеніе. Санъ-Хуанъ де-Альказаръ стоитъ на соединеніи трехъ желѣзныхъ дорогъ, чрезъ него проѣзжаютъ тысячи путешественниковъ, чрезъ него везутъ милліоны пудовъ разнаго товара, и, не смотря на всѣ эти благопріятныя условія, онъ и до сихъ поръ не болѣе, какъ дряннѣйшее мѣстечко, нисколько не измѣнившееся со времени покоренія мавровъ.

Наконецъ мы выѣхали изъ этого дрянного городка. Локомотивъ мчалъ насъ 10 часовъ почти все по такимъ же безотраднымъ мѣстамъ, какъ и оставленный нами Санъ-Хуанъ де-Альказаръ.

Въ полночь мы проѣзжали чрезъ Сіерра-Морена. Мѣстные жители разсказали намъ о трудностяхъ, встрѣчаемыхъ путешественниками въ этихъ мрачныхъ горахъ, которые мѣстами почти недоступны для человѣка. Здѣсь великолѣпнѣйшая охота: въ густыхъ, непроходимыхъ лѣсахъ живутъ волки, серны, лоси и кабаны. Здѣсь же скрываются личности, преслѣдуемые закономъ. Еще недавно тутъ имѣлъ свою главную квартиру извѣстный разбойникъ Хаимъ Барбю. Арена его дѣятельности была широкая, она захватывала всю Андалузію, Валенсію и Ла-Манчъ. Его любили крестьяне, и до сихъ поръ чтутъ его память. Хаимъ грабилъ только богатыхъ и, по возможности, всегда помогалъ бѣднякамъ. Онъ былъ взятъ и повѣшенъ.

Въ два часа ночи сильнѣйшій запахъ кожи возвѣстилъ намъ что мы въѣзжаемъ въ Кордову.

КОРДОВА *25 ноября.*

Такъ какъ поѣздъ уходилъ отсюда рано утромъ, то было безполезно ложиться спать. Мы отправились въ ближайшее кафе, чтобы перекусить тамъ малую толику. Хозяинъ его былъ настолько обязателенъ, что пожертвовалъ намъ своимъ отдыхомъ, и проболталъ съ

нами все время до отхода поѣзда. Онъ разсказалъ намъ, что кордуанскіе республиканцы произвели также торжественную манифестацію со знаменами и трубами; не взирая на угрозы и тайные происки либераловъ и умѣренныхъ, они вышли на встрѣчу Кастеляру, что при этомъ произошелъ одинъ несчастный случай: въ толпѣ находился путешественникъ итальянецъ, недавно прибывшій въ Кордову; какой-то негодяй, принявъ его за Кастеляра, выстрѣлилъ въ него изъ ружья, заряженнаго дробью и серьезно его ранилъ. Незамѣтно рѣчь перешла на клерикаловъ и религіозные вопросы, и мы узнали, что паденіе королевской фамиліи было предвозвѣщено огромной падающей звѣздой, совершившей свое паденіе съ страшнымъ громомъ и трескомъ. По преданіямъ, во времена мавровъ въ Кордовѣ жило до милліона населенія, подъ властію же ревностныхъ католиковъ, оно уменьшилось до 35 тысячъ въ 1797 г. По мѣрѣ увеличенія числа монастырей и монашествующихъ въ Испаніи, населеніе ея бѣднѣло и уменьшалось въ своемъ числѣ, но со времени французской революціи, началась реакція противъ духовенства и населеніе Испаніи стало опять увеличиваться. Въ 1797 году оно простиралось до 10,351,000, а въ 1860 году дошло до 15,421,495 человѣкъ; въ это же время монашеское населеніе, доходившее въ 1797 году до 188,000, въ 1860 опустилось до 83,000. Изъ этого можно сдѣлать прямой выводъ, что уменьшеніе монашества на 100,000 человѣкъ соотвѣтствовало увеличенію всего населенія на 5 милліоновъ, и на одного изчезнувшаго монаха прибыло 50 испанцевъ. Къ сожалѣнію относительно Кордовы нельзя было собрать такихъ же точныхъ данныхъ. Извѣстно только, что при возшествіи на престолъ Изабеллы II въ Кордовѣ было 26 монастырей; въ первую гражданскую войну ихъ закрылось 10; во время послѣдней революціи 4; осталось 12, на населеніе немногимъ болѣе 40,000 человѣкъ. Монахи и монахини, разумѣется, живутъ роскошно, въ то время, какъ большая часть городскаго населенія бѣдствуетъ. По этому поводу можно представить статистическія данныя, нелишенныя интереса. Въ Валенсіи на 90,000 человѣкъ городского населенія приходится 1000 монаховъ и монахинь. По городскимъ постановленіямъ, монашествующіе получали

говядину безпошлинно, что даетъ возможность высчитать вѣрно потребленіе монахами мяса. На все городское населеніе приходится въ годъ по $7\frac{1}{2}$ фунтовъ мяса на человѣка, а на монашествующихъ по 210 фунтовъ. Это совершенно точное вычисленіе показываетъ, что еще очень недавно монахи и монахини, увѣряющіе, что они предназначаютъ себя на подвижничество и постъ, такъ роскошно обставляли свою жизнь, что каждый изъ нихъ потреблялъ мяса почти въ 28 разъ болѣе, чѣмъ простой, скромный мірянинъ. Но будемъ справедливы, и заявимъ, что, разумѣется, не все мясо съѣдалось самими подвижниками, они торговали безпошлиннымъ мясомъ и къ одному грѣху — обжорству, прибавляли другой— обманъ.

За Кордовой мы поѣхали оливковыми разбросанными лѣсами по горамъ. Страна чрезвычайно живописна, и незамѣтно переходитъ въ другую, болѣе очаровательную мѣстность, характеризующуюся апельсинными и лимонными деревьями. За ними Гренада, а тамъ пальмы и гранатныя деревья; на насъ пахнулъ тропическій воздухъ и мы въѣхали въ Малагу.

Эли Реклю.

ЖЕНЩИНА ПЕРЕДЪ СУДОМЪ Г. КОРША И НЕЗНАКОМЦА.

(Посвящается сотрудникамъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей.»)

Только-что смоленское общество приподнесло г. Скарятину вмѣсто лавровъ нѣсколько дружныхъ свистковъ и попросило его убраться вонъ изъ залы, которую онъ намѣревался огласить своимъ краснорѣчіемъ; только-что г. Скарятинъ, мужъ твердый духомъ и въ особенности нервами, началъ поправляться отъ своего обѣденнаго крушенія, какъ другой редакторъ, г. Коршъ, открывшій въ академической газетѣ нѣчто въ родѣ воскреснаго увеселительнаго заведенія подъ фирмою „Недѣльные очерки и картинки“, гдѣ дебютируетъ Незнакомецъ,—понесъ не менѣе постыдное пораженіе со стороны лучшей части нашей журналистики и общества. Пасквильное письмо къ г-жѣ Лядовой *), напечатанное г. Коршемъ и написанное его alter ego, г. Незнакомцемъ, вызвало общее чувство презрѣнія. Не только такіе журналы, какъ „Искра“ и „Недѣля“, но даже и такіе органы, въ которыхъ трактуютъ о женской личности не многимъ лучше, чѣмъ трактовали о ней во времена египетскаго царя Псамметиха,—даже эти кровные близнецы „Петер-

*) Намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь этого письма, такъ какъ оно сдѣлалось слишкомъ извѣстнымъ между читателями русскихъ газетъ и журналовъ. Мы замѣтимъ только, что по тону своему оно занимаетъ mezzo termino между грязными разсказами Дроза и сатирической солью извѣстнаго Баркова.

бургскихъ вѣдомостей" сочли нужнымъ вразумить г. Корша и его фельетониста; имъ напомнили, что можно быть дуракомъ сколько кому угодно, но показываться съ своей глупостью публично, на двѣнадцати-вершковой печатной бумагѣ, не совсѣмъ удобно.... Такимъ образомъ, г. Коршъ допилъ ту горькую чашу, отъ которой вкусилъ г. Скарятинъ на смоленскомъ обѣдѣ. Но какое поразительное различіе между этими героями нашего дня! Г. Скарятинъ выдержалъ до конца свою печальную роль, онъ обозвалъ смоленскихъ гражданъ стракулистами, неимѣющими ничего общаго съ столбовымъ дворянствомъ, и на томъ пока успокоился. Онъ не сталъ извиняться въ своей опрометчивой смѣлости показываться передъ живымъ обществомъ съ тѣми убѣжденіями, которыя можетъ выносить только типографскій станокъ и бумага... И мы увѣрены, что г. Скарятинъ не возьметъ назадъ ни одного изъ своихъ словъ, пока найдетъ хоть пару досужихъ себѣ слушателей. Это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно. Но г. Коршъ, выставленный на общій позоръ своимъ провравшимся фельетонистомъ, совершенно растерялся и струсилъ за свою аренду. Онъ заставилъ своего праздничнаго шута принести публичное покаяніе въ томъ, что они, г. Коршъ и Незнакомецъ, *искренно* и *добровольно* извиняются въ тѣхъ глупостяхъ, на которыхъ другіе стали бы упорно настаивать (См. Петерб. Вѣдом. 1868 г. № 329). Чистосердечное покаяніе, конечно, отпущаетъ половину вины, но въ настоящемъ случаѣ оно обличаетъ другую сторону дѣла, а именно то, что г. Коршъ и Незнакомецъ сначала *пишутъ*, а потомъ *думаютъ*, что, какъ извѣстно, совершенно противорѣчитъ отправленіямъ всякой нормально-устроенной головы. Сначала думаютъ, а потомъ пишутъ, г. Незнакомецъ—спросите объ этомъ у любого канцеляриста полицейскаго участка; сначала разсуждаютъ, а потомъ печатаютъ, г. Коршъ—справьтесь объ этомъ у кого угодно изъ вашей домашней прислуги. Но все же покаяніе назидательно, особенно публичное, и мы жалѣемъ объ одномъ, что Незнакомецъ не дѣлалъ этого прежде. Ему слѣдовало бы послѣ каждаго фельетона, посыпавъ колпакъ пепломъ и облачившись въ смиренное рубище, выйдти на эстраду и раскаяться въ томъ, что онъ говорилъ за недѣлю раньше; такъ что читатели его имѣли бы еще

новое развлеченіе — въ одно воскресенье поучаться глупостямъ, а въ другое слушать признаніе въ нихъ. Это было бы очень остроумно, по крайней мѣрѣ, гораздо остроумнѣе письма къ г-жѣ Лядовой.

Но почему же только теперь киргизская выходка Незнакомца противъ женской личности возбуждаетъ негодованіе и протесты? Почему только теперь выступаетъ краска стыда на лбу самого редактора и его сотрудника? Неужели когда нибудь г. Коршъ и Незнакомецъ относились лучше къ общественному и нравственному достоинству женщины, чѣмъ они отнеслись теперь къ г-жѣ Лядовой? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мѣра нашего терпѣнія переполнилась, или наступаютъ другія времена, когда литературный пасквиль — этотъ спутникъ ночи и безмолвія — заставитъ за себя краснѣть и каяться г.г. Авенаріуса, Стебницкаго, Ключникова и имъ же нѣтъ числа? Прежде чѣмъ мы отвѣтимъ на эти вопросы, посмотримъ, какъ заигрывалъ прежде Незнакомецъ съ женскимъ вопросомъ, перемѣшивая его въ своихъ балаганныхъ картинкахъ съ полемикой противъ квартальныхъ, неучей-докторовъ, почтамтскихъ чиновниковъ и тому подобныхъ обиженыхъ природою или жизнію. У насъ нѣтъ ни малѣйшій охоты перечитывать вновь фельетоны Незнакомца, чтобы представить подробный перечень всѣхъ его словоизверженій по женскому вопросу, да намъ нѣтъ и надобности этого дѣлать, — вѣроятно, самъ Незнакомецъ скоро покается во всемъ, что онъ писалъ прежде, но мы возьмемъ нѣсколько фактовъ изъ этой развеселой праздничной болтовни, чтобы убѣдиться, что г-жа Лядова была только цвѣткомъ, а плоды этого цвѣтка существовали гораздо раньше.

Виляніе изъ стороны въ сторону составляетъ характеристическую черту „Петербургскихъ Вѣдомостей“, за все время арендованія ихъ г. Коршемъ, и въ этомъ одномъ они удивительно послѣдовательны себѣ. „И нашимъ, и вашимъ“ — вотъ девизъ этой газеты, въ которой прежде пишутъ, а потомъ думаютъ. Навѣрное можно сказать, что ни г. Коршъ, ни работающіе съ нимъ разные Z. и X. не знаютъ, о чемъ они будутъ говорить завтра или что они говорили вчера. Нѣтъ ни одного вопроса, на который бы эта газета посмотрѣла съ опредѣленной точки зрѣнія, или поддержала бы свое воз-

зрѣніе хоть отъ понедѣльника до пятницы. Нынче она обличаетъ тѣхъ шалопаевъ, которые подсматриваютъ въ щели купаленъ за женскими прелестями, а завтра будетъ защищать гораздо худшаго шалопая, издающаго циническіе разсказы „Дроза“. Защищая этого будуарнаго романиста, она упрекаетъ г. Ткачева въ наклонности его морализировать и черезъ нѣсколько дней, забывъ уже о томъ, что говорилось на прошлой недѣлѣ, принимается сама морализировать на счетъ г-жи Лядовой. Плодомъ этой морали было отвратительное письмо къ артисткѣ. Такимъ образомъ одна и таже газета, апеллируя къ общественной нравственности, оправдываетъ грязныя произведенія Дроза и обвиняетъ г-жу Лядову за фотографическую позу, неимѣющую ни одной капли сходства съ такой эротической картиной, какъ первая ночь французскаго писаки. Точно также, разбирая драму г. Стебницкаго „Расточитель“, „Петербургскія Вѣдомости“, во имя одной морали, упрекаютъ его въ томъ, что, онъ, подъ довольно прозрачными именами, выводитъ въ своихъ романахъ знакомыя ему лица и тѣмъ скандализируетъ ихъ; но, во имя другой морали, они же, „Петербургскія Вѣдомости“, открываютъ чужіе псевдонимы и находятъ эту профессію литературнаго сыщика позволительной. Но что же это такое за нравственность? — спрашиваете вы. На какой нравственный принципъ можетъ опираться органъ, у котораго нѣтъ за душой ни одного убѣжденія, и который не знаетъ, о чемъ онъ будетъ говорить завтра и что говорилъ вчера. Нѣкоторое объясненіе на это даетъ намъ самъ кающійся Незнакомецъ. “Что прилично, что неприлично? спрашиваетъ онъ;—это такъ условно, такъ зависитъ отъ случая, каприза, глупаго подражанія“... Что жъ мудренаго, продолжаетъ онъ, если среди такихъ, ничѣмъ необъяснимыхъ *капризовъ общественной нравственности*, журналистъ позволитъ себѣ подъ часъ черезъ чуръ рѣзкое слово“? (№ 329 Петербурскихъ Вѣдомостей). Что жъ мудренаго послѣ этого, думаетъ читатель, что г. Коршу въ понедѣльникъ кажется приличнымъ одно, а въ пятницу—другое; что жъ мудренаго, что „Картинки“ Незнакомца и Дроза оказываются нравственными, а фотографическая карточка г-жи Лядовой—безнравственной. И разъ заручившись этой лавочнической теоріей мо-

рали, на что писателю имѣть какія бы то ни было убѣжденія? Къ чему они, когда завтрашнее приличное и порядочное можетъ оказаться сегодня на журнальномъ рынкѣ неприличнымъ и непорядочнымъ. И отчего не позволить себѣ рѣзкаго слова, когда за него могутъ дать двѣ копѣйки лишнихъ? Впрочемъ эта теорія всѣхъ лавочниковъ нисколько не нова. Назадъ тому года три одинъ изъ публицистовъ „Голоса“ формулировалъ ее съ замѣчательною откровенностію: какія тамъ убѣжденія нужны журналисту; написалъ, получилъ деньги и съ колокольни долой! Такъ или почти такъ выражался почтенный сотрудникъ г. Краевскаго, и мы не можемъ не отдать справедливости этой искренности: по крайней мѣрѣ, сказано прямо и начисто и никто не ошибется, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Но quasi-либеральное виляніе г. Корша, въ сущности, ничѣмъ не лучше этого признанія, а между тѣмъ оно старается соблюсти декорумъ приличія и выдумываетъ какую-то теорію капризовъ общественной нравственности. Спрашивается, чего нельзя оправдать этими капризами? Все, рѣшительно все. Если публицистъ въ одной газетѣ будетъ хвалить то, что порицалось имъ въ другой, то онъ можетъ сказать, что этого требовали капризы общественной нравственности; если онъ въ одно время предложитъ свои услуги двумъ противоположнымъ органамъ, то опять можно свалить на капризы общественной нравственности; если онъ лжетъ, клевещетъ и оскорбляетъ изъ чисто-личныхъ и мелкихъ побужденій мстительной душонки, то почему же этого не дѣлать, когда все зависитъ отъ случая и каприза? Но эта литературная хлестаковщина ошибается въ одномъ — а именно въ пониманіи того психологическаго факта, что какъ бы низко ни стояла общественная нравственность, но у нея всегда найдется настолько инстинктивнаго уваженія къ правдѣ, что шута она не приметъ за пророка. Доказательство у насъ передъ глазами. Давно ли еще торжествовали гг. Стебницкіе и Писемскіе, считая себя чуть не спасителями отечества. А теперь они гдѣ? Отъ нихъ отстраняются редакціи, даже друзья ихъ, ихъ стала понимать и общественная нравственность, и ужь, конечно, никакіе капризы ея не спасутъ ихъ отъ великодушнаго забвенія. Поэтому

защищать себя фарисейской теоріей капризовъ можетъ только очень и очень недалекій журналистъ.

Эта оговорка была намъ необходима для того, чтобы не требовать отъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ чего нибудь послѣдовательнаго въ ихъ мнѣніяхъ по женскому вопросу. Повторяемъ, что они послѣдовательны только въ своей непослѣдовательности. Главнымъ ратоборцемъ женскаго вопроса въ этой газетѣ является Незнакомецъ; ему же принадлежитъ и пальма первенства въ числѣ виляющихъ г. Корша. Женскій вопросъ давно уже вышелъ изъ сферы теоріи на практическую почву, и потому ненужно особеннаго ума и добросовѣстности, чтобы считать его не утопіей, а жгучей потребностію нашего времени. Никто изъ сколько нибудь порядочныхъ людей не станетъ отдѣлываться балаганными шуточками и пошленькими инсинуаціями, когда онъ встрѣчается съ этимъ вопросомъ въ журналистикѣ. Но для Незнакомца, какъ видно, это новая вещь, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на одинаковой степени развитія съ бушменомъ. Говоря, напримѣръ, о г-жѣ Сусловой, получившей степень доктора медицины въ цюрихскомъ университетѣ, онъ обращается къ своимъ соотечественницамъ и совѣтуетъ имъ вмѣсто стремленія въ Цюрихъ, заняться лучше рожденіемъ дѣтей. Пожелавъ этого, „оказалось, пишетъ онъ, что соотечественницы обидѣлись и одна изъ нихъ, впрочемъ въ Цюрихъ нейдущая и считающая себя не столько призванною для рожденія дѣтей, сколько для рожденія публицистическихъ статей, рѣшилась принять обиженныхъ подъ свое покровительство и готовитъ статью: „Что лучше—имѣть дѣтей или учиться?“ — рѣшая, разумѣется, въ пользу того, что лучше учиться, чѣмъ имѣть дѣтей. По моему же крайнему разумѣнію, подобный вопросъ могъ зародиться только въ головѣ достаточно праздной и достаточно свихнувшейся.“ (Петерб. Вѣд. 1868 г. № 62). Это фельдфебельское остроуміе такъ понравилось Незнакомцу, что онъ еще разъ возвращается къ немусъ видимымъ самодовольствомъ: „многія изъ нашихъ соотечественницъ, пишетъ онъ, тоже направили свои стопы въ швейцарскій городъ (Цюрихъ); но если онѣ воображаютъ, что дѣло это также легко, какъ чтеніе популярныхъ физіологическихъ книжекъ, то было бы во сто кратъ лучше, еслибъ онѣ

остались дома и, заключивъ супружескія узы съ своими соотечественниками, подарили бы родинѣ, вмѣсто незрѣлыхъ плодовъ науки, здоровыхъ младенцевъ, изъ которыхъ могли бы выйдти преполезные граждане" (конечно въ родѣ г. Корша и Незнакомца— и кто же изъ милыхъ соотечественницъ не позавидуетъ такой чести—подарить отечество такими сокровищами (№ 98). (Такимъ образомъ для Незнакомца главное назначеніе женщины заключается въ томъ, чтобы родить дѣтей, о чемъ, впрочемъ, гораздо раньше его изрекли эту великую истину законы Брамы, говоря притомъ, что „всякій *соломенный* мужчина стоитъ всякой *золотой* женщины". Изъ этого ясно, что Незнакомецъ, по отношенію къ женскому вопросу, находится еще въ періодѣ древнѣйшей индѣйской культуры, и мы питаемъ полную увѣренность, что онъ никогда изъ этого періода не выйдетъ. Ему, очевидно, никто не говорилъ, что въ Америкѣ, у нашихъ заатлантическихъ друзей, есть три превосходныя медицинскія школы для женщинъ—въ Бостонѣ, Филадельфіи и Нью-Іоркѣ. Первая изъ нихъ существуетъ около двадцати лѣтъ, и образовала болѣе двухъ сотъ извѣстныхъ медиковъ; въ числѣ ихъ есть и наша соотечественница, Закревская, пользующаяся репутаціей хорошаго врача-практика и профессора; ему неизвѣстно, что въ Америкѣ этотъ вопросъ давно разрѣшенъ не только въ теоріи, но и въ самой жизни. (*) Разумѣется, незнакомцы вездѣ есть, и американская женщина встрѣтила на пути свого стремленія къ независимому общественному положенію множество препятствій; и тамъ были свои мастера пасквилей, которые старались осмѣять и уронить въ глазахъ массы это стремленіе, но, благодаря здравому смыслу американцевъ, такіе шуты, какъ вы, Незнакомецъ, тамъ не могли долго торжествовать. Миссъ Блэкуэль въ своихъ запискахъ, какъ будто писанныхъ нарочно для васъ съ г. Коршемъ, говоритъ слѣдующее: „изъ всѣхъ видовъ человѣческой эксплуатаціи самая гнусная—эксплуатація женщины мужчиной. Онъ оставилъ ей одно право быть своей наложницей и родить дѣтей и одну свободную профессію—наполнять собою дома проституціи, а между тѣмъ онъ

(*) См. Suppressed Sex Westminster Review. 1868 г. October.

боится оскорбить ее неловкимъ словомъ (ну, вы не изъ такихъ!), взглядомъ и неуваженіемъ къ внѣшнимъ приличіямъ свѣта. Когда же эта фарисейская мораль кончится? (Woman physician, by Blackwell). Воображаю, какъ вы были бы достойно награждены въ американскомъ обществѣ за ваше письмо къ г-жѣ Лядовой! Навѣрное, однимъ покаяніемъ не отдѣлались бы.

Послѣ того, какъ Незнакомецъ порѣшилъ, что у женщины нѣтъ другого призванія, какъ родить дѣтей, онъ въ такомъ же вкусѣ порѣшилъ и съ вопросомъ совмѣстнаго обученія женщинъ и мужчинъ. „Я говорю, пишетъ Незнакомецъ, о мужскомъ элементѣ единственно потому, что совмѣстное ученіе женщинъ и мужчинъ *признано* не совсѣмъ удобнымъ (кѣмъ это признано? Ужь не Чердынскимъ ли исправникомъ и вами?). По моему мнѣнію его и слѣдуетъ признать таковымъ, какъ *въ интересахъ успѣховъ обоихъ половъ*, такъ и въ интересахъ родителей, которые, конечно, съ большимъ спокойствіемъ станутъ отпускать своихъ дочерей въ аудиторіи исключительно женскія, чѣмъ въ аудиторіи смѣшанныя. Быть можетъ, это оскорбительно для юношей и дѣвицъ, какъ фактъ недовѣрія къ ихъ.... какъ бы выразиться? Ну, просто къ ихъ *нравственности;* но не должно забывать, что самая подкладка нашей жизни, наши преданія отнюдь не ручаются за то, что всякій молодой человѣкъ, сидя рядомъ съ молодой дѣвушкой, только о наукѣ и будетъ помышлять, не обращая ни малѣйшаго вниманія на хорошенькое личико, на красивыя руки, на свѣжій дѣвичій голосъ". (Петерб. Вѣд. 1868. № 169). Ну, а что должно воспослѣдовать съ нравственностію дѣвицъ и юношей, если они *совмѣстно* будутъ читать первую ночь Дроза, что́, какъ извѣстно, давно признано удобнымъ? Какъ вы думаете,—будетъ ли это совмѣстное чтеніе Дроза безопаснѣе для родителей, отпускающихъ своихъ дочерей въ смѣшанныя аудиторіи? Докажите намъ это, и мы повѣримъ вамъ, что вы не лжете отъ перваго до послѣдняго слова въ вашихъ пустозвонныхъ филиппикахъ противъ разныхъ безнравственностей. Еслибъ вы дѣйствительно хоть немного получше понимали нравственность, чѣмъ понимаетъ ее мудрецъ Потугинъ въ „Дымѣ" г. Тургенева, то вы, по

крайней мѣрѣ, согласились бы съ тѣмъ, что чѣмъ чаще видитъ юноша хорошенькое личико дѣвушки, тѣмъ онъ меньше обращаетъ вниманія на него. Вѣдь самые пошлые развратники, большею частію, выходятъ изъ келейнаго заключенія, изъ рукъ такихъ моралистовъ, какъ вы и вашъ товарищъ по скудоумію, какой-то Z. Загляните въ хроники католическихъ монастырей и подумайте, не та же ли нравственность, какую вы проповѣдуете, привела къ такимъ плачевнымъ результатамъ. Но есть факты другого рода, и вамъ не мѣшало бы съ ними познакомиться вмѣсто того, чтобы тратить время на пасквильныя письма и публичныя покаянія. Даже вы не станете утверждать, чтобы американцы были народъ безнравственный, а между тѣмъ у нихъ существуетъ уже 29 совмѣстныхъ школъ, отлично организованныхъ, гдѣ многія тысячи дѣвушекъ и юношей учатся вмѣстѣ, сидятъ рядомъ, слушаютъ однѣ и тѣ же науки и получаютъ одинаковые дипломы. Для васъ, конечно, и это новость; но вотъ послушайте, что говоритъ одинъ изъ мыслящихъ людей объ этомъ воспитаніи: „Въ Америкѣ думали, что когда молодые люди и женщины будутъ учиться вмѣстѣ въ школахъ, это сближеніе породитъ многія любовныя интриги; воспитанники и воспитанницы будутъ разнузданны и невнимательны къ наукамъ. Опытъ американскихъ совмѣстныхъ коллегій показалъ, что, хотя тамъ и были подобные случаи, но они скорѣе возбуждали молодыхъ людей къ хорошему поведенію и болѣе жаркой преданности наукѣ. И мужчина и женщина, если они любятъ другъ друга, стараются возвысить себя въ глазахъ одинъ другого и превзойти всѣхъ остальныхъ. И почему такія привязанности были бы нехороши? Какое же общество можетъ дать молодымъ людямъ болѣе удобныхъ случаевъ сблизиться другъ съ другомъ и узнать характеръ и образъ мыслей, какъ не школа, гдѣ они сидятъ рядомъ по нѣскольку лѣтъ? Главный источникъ семейныхъ несчастій заключается именно въ томъ, что юноша, вырвавшись изъ своего монастырскаго заточенія въ школѣ, очертя голову бросается въ любовныя связи или брачныя узы съ личностями, характеръ и умъ которыхъ ему вовсе неизвѣстенъ, или вступаетъ въ бракъ по разсчету и лицемѣрію... И для умнаго мужчины или

умной женщины не можетъ быть нималѣйшаго неудобства въ совмѣстномъ воспитаніи, которое можетъ возбудить привязанности, могущія продолжаться цѣлые годы ученія, и потомъ окончиться бракомъ. (Westminster Review. 1868 г. p. 447). Такъ поступаетъ дѣйствительно нравственный народъ, и женщины его даютъ много полезныхъ людей своему отечеству, не упражняясь, однакожъ, по вашему рецепту, въ однимъ рожденіи здоровыхъ ребятъ.

Дальше мы назидать васъ не станемъ, потому что васъ не убѣдишь съ г. Коршемъ, но и того, что сказано, достаточно, чтобы оцѣпить вашу способность разсуждать о дѣлѣ, которое вовсе не вашего ума. Вы такъ скудоумны, что рядомъ съ вышеприведенной вами цитатой вздумали совсѣмъ не кстати обличать какого-то пристава за то, что онъ позволилъ себѣ замѣтить молодой дѣвушкѣ съ короткими волосами о неприличіи ихъ носить. И ваше либеральное негодованіе обрушилось на этого пристава громомъ Юпитера. Но развѣ вы далеко ушли отъ этого пристава? Приставъ коснулся только внѣшней, туалетной стороны дѣвушки и притомъ на улицѣ, частнымъ образомъ; а вы, если не ошибаюсь, вотъ уже третій годъ нашептываете эту мораль въ газетѣ г. Корша и касаетесь не туалета, а нравственной стороны русской женщины. Обличенный вами приставъ — ангелъ сравнительно съ вами. Онъ навѣрное не станетъ утверждать, что женщина призвана только родить здоровыхъ ребятъ и не станетъ совѣтовать читать разсказы Дроза.

Теперь понятно, почему вы, и только вы могли съ такою наглостію отнестись къ г-жѣ Лядовой въ вашемъ злосчастномъ письмѣ. Оно вытекаетъ изъ всего того, что вы болтали прежде о женской личности; оно логически завершаетъ собою всѣ ваши фельетонные скандалы, которые, къ сожалѣнію, такъ долго спускала вамъ лучшая часть нашей журналистики. И напрасно вы хотите кого нибудь обмануть на вашъ счетъ, когда вы увѣряете, что поносители ваши возстали на васъ за то, что вы *замѣчали ихъ ослиныя уши*, что вы *называли дурака дуракомъ, прихвостня—прихвостнемъ*. Ну вамъ ли, кающемуся недоумку, замѣчать чужія уши? А если вы ихъ и замѣчали, то потому только, что своихъ не видѣли.

ВТОРОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

„ИСКРА“

ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРИКАТУРАМИ.

ПОДПИСКА НА 1869 ГОДЪ

принимается въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ, № 30; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Загряжскаго. Гг. иногородные благоволятъ надписывать свои требованія: «*Въ редакцію «Искры», въ С.-Петербургѣ*». Подписная цѣна со всѣми имѣющими выдти втеченіи года приложеніями— 6 руб., съ доставкою 7 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп.

Подписка на «Искру» 1868 года продолжается.

Подписная цѣна съ Календаремъ «Искры» на 1868 годъ 6 р.; съ доставкою 7 р.; съ пересылкою 7 р. 50 к. Для выписывающихъ «Искру» 1868 и 1869 года вмѣстѣ за оба года: *двѣнадцать рублей съ пересылкою.*

NB. Вышедшія №№ «Искры» и Календарь высылаются съ первою почтою.

Изъ редакціи можно также выписывать слѣдующія изданія: «*Петербургскія трущобы*»—50 к.; «*Комическій годъ*»—50 к.; «*Календарь «Искры»* на 1867 и 1868 года по 50 к. съ пересылкою. Недавно поступившій въ продажу: юмористическій «*Календарь «Искры» 1868 г.*»— 25 к., съ пересылкою 30 к.; «*Новѣйшій россійскій театръ*»—50 к. съ пересылкою.

«*Пѣсни Беранже*», пер. В. Курочкина, изд. 4-е, съ портретомъ Беранже—75 к, съ пересылкою 1 р. (продаются въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая).

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА:

АРХИВЪ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ

И

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГІЕНЫ

въ 1869 году.

Съ 1869-го года начнется 5-й годъ изданія журнала „Архивъ судебной медицины и общественной гигіены", который и въ этомъ году будетъ издаваться по той же программѣ и съ тѣмъ же направленіемъ, какъ и въ прежніе годы.

Разнообразіе предметовъ и вопросовъ, входящихъ въ составъ судебной медицины и общественной гигіены, а равно и имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ этимъ наукамъ, такъ велико, что въ „Архивѣ" еще до сихъ поръ остались незатронутыми многіе изъ такихъ предметовъ.

Такъ, однимъ изъ существенныхъ предметовъ, котораго мы почти еще не касались по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, представляется *половая жизнь человѣка въ судебно-медицинскомъ отношеніи*. Относящіяся къ ней судебныя дѣла, разбираемыя, по оскорбительности ихъ для нравственнаго чувства, въ судахъ при закрытыхъ дверяхъ, еще не обсуждались на страницахъ „Архива", но будутъ разсматриваться въ немъ въ 1869 г., съ умолчаніемъ о мѣстѣ преступленія и безъ означенія именъ и фамилій преступниковъ и жертвъ ихъ.

Изъ предметовъ общественной гигіены будутъ разсмотрѣны въ „Архивѣ" 1869 г., съ особеннымъ примѣненіемъ къ Россіи и въ частности къ Петербургу, вопросы: *объ устройствѣ кладбищъ; объ употребленіи въ пищу конины и торговлѣ ею; о жилищахъ въ подвальныхъ этажахъ; о вредномъ вліяніи свѣтильнаго газа* и проч.

При обиліи оригинальныхъ статей, поступающихъ въ редакцію «Архива» отъ русскихъ врачей, въ немъ остается мало мѣста для помѣщенія *переводныхъ* статей; но для ознакомленія читателей

„Архива“ съ успѣхами науки на западѣ, въ IV-мъ, V-мъ и другихъ отдѣлахъ „Архива“ будутъ все-таки помѣщаться по временамъ переводы наиболѣе замѣчательныхъ статей, чаще же—*извлеченія* изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій, *рефераты* объ нихъ (какъ оригинальные, такъ и переводные), *компиляціи* изъ многихъ вмѣстѣ взятыхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій.

Въ послѣднее время вырабатывается между учеными *новый* взглядъ на происхожденіе повальныхъ болѣзней: есть много данныхъ, заставляющихъ предполагать, что онѣ происходятъ отъ зараженія человѣческаго тѣла низшими растеніями и животными, произрождаются такъ сказать, *живою заразой*. На это новѣйшее ученіе — *паразитологію* будетъ обращено особенное вниманіе въ VI-мъ отдѣлѣ „Архива“ 1869 г. и будутъ сообщаемы всѣ дальнѣйшія открытія по этой части.

Исторія медицины въ Россіи до сихъ поръ составляетъ у насъ почти нетронутую почву, между тѣмъ разсмотрѣніе многихъ предметовъ, подходящихъ подъ программу „Архива“, не можетъ быть плодотворнымъ безъ показанія историческаго развитія разныхъ общественно-гигіеническихъ вопросовъ, врачебныхъ учрежденій и проч., и потому редакція „Архива“ обѣщаетъ обратить вниманіе и на исторію отечественной медицины, сколько позволятъ объемъ и средства журнала.

„Архивъ судебной медицины и общественной гигіены“ будетъ выходить 4 раза въ годъ: въ *мартѣ*, *іюнѣ*, *сентябрѣ* и *декабрѣ*, книжками отъ 15 до 20 листовъ.

Сверхъ 4-хъ книжекъ журнала, будетъ издано особое «*Приложеніе.*»

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи журнала: „Архивъ судебной медицины и общественной гигіены“, на углу Кабинетской и Ивановской улицъ (входъ съ Кабинетской), въ домѣ Аллера, № 9—4 кварт. № 3 и въ газетныхъ экспедиціяхъ с.-петербургскаго и московскаго почтамтовъ.

Подписная годовая цѣна „Архива судебной медицины и общественной гигіены“ 1869 г. съ «Приложеніемъ» и съ пересылкой во всѣ города, или доставкой на домъ, семь рублей.

Редакторъ **С. Ловцовъ.**